

*«Единственная цель моей жизни —
польза и успех науки и благо человечества».*

Н. Миклухо-Маклай

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД СОХРАНЕНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМ. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н. Н. Миклухо-Маклай

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

исправленное и дополненное

Ответственные редакторы:

Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-младший

Научный консультант И. В. Чининов

Рецензенты: А. В. Антошин, О. Ю. Артемова,

С. Е. Пале, Е. В. Рудникова

Редакционная коллегия 1-го издания:

*Д. Д. Тумаркин (председатель), академик В. П. Алексеев, А. Ф. Алимов,
академик Ю. В. Бромлей, Н. А. Бутинов, А. Г. Воронов, Р. Ф. Итс,*

Робертсон Маклай, Б. Н. Путилов (зам. председателя),

Я. И. Старобогатов, В. А. Тишков, академик А. Ф. Трешников

Санкт-Петербург
2020

Н. Н. Миклухо-Маклай

ПУТЕШЕСТВИЯ
1870—1874 гг.

Дневники, путевые заметки,
отчеты

ТОМ

I

УДК 391/395

ББК 63.5

М 59

Том 1 1-го издания подготовлен проблемной группой по изучению и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, созданной в Институте этнологии АН СССР (руководитель — Д. Д. Тумаркин). Текст тома и большинство комментариев подготовлены Б. Н. Путиловым. В составлении комментариев участвовали также А. Н. Анфертьев, Н. А. Бутинов, И. М. Золотарева, Б. Н. Комиссаров, М. Г. Котовская, Д. Д. Тумаркин, И. К. Федорова, М. А. Членов. Статья «Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и принципы его издания» написана Б. Н. Путиловым и Д. Д. Тумаркиным. Справочный материал «Основные даты жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая» подготовлен Е. В. Говор. Иллюстрации подобраны Т. К. Шафрановской.

Составитель *Б. Н. Путилов*

Ответственный редактор *Д. Д. Тумаркин*

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. — Том 1. — СПб., 2020. — XXXIV, 502 с.

ISBN 978-5-4211-0260-1 (т. 1)

В первом томе Собрания сочинений выдающегося русского путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая публикуются его дневники, путевые заметки и отчеты 1870—1874 гг. Особый интерес представляет дневник первого пребывания на Берегу Маклая в 1871—1872 гг. — одно из замечательнейших произведений этого жанра в истории человечества. Издание рассчитано как на специалистов по этнографии, антропологии, географии, зоологии и ботанике, так и на широкие круги читателей, интересующихся историей отечественной науки, яркой и самобытной культурой народов Океании.

© Составление, подготовка текста, вступ. статья, комм. Б. Н. Путилова, Е. В. Ревуненковой, М. В. Станюкович, Д. Д. Тумаркина и др., 1993

© Н. Н. Миклухо-Маклай, статья, 2020

© А. В. Турсорский, Е. В. Говор, К. Баллард, статья, 2020

© Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020

ISBN 978-5-4211-0260-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4211-0259-5

DOI 10.33876-978-5-4211-0260-1-1-536 (т. 1)

DOI 10.33876-978-5-4211-0259-1-6

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший

«ПО СЛЕДАМ МИКЛУХО-МАКЛАЯ»:
РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
НА БЕРЕГ МАКЛАЯ В ХХІ в.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) — выдающийся русский ученый, путешественник и общественный деятель — за свою непродолжительную жизнь внес заметный вклад в антропологию, этнографию, зоологию, географию, метеорологию, вулканологию и океанологию. Личность ученого вызывала живой интерес благодаря славе отважного исследователя, ставшего первопроходцем во многих научных дисциплинах. Особенно значительными были его заслуги в области этнографии и физической антропологии. Так, он опроверг расистские представления некоторых ученых того времени о принадлежности папуасов к промежуточному звену между человеком и животным, оставив после себя важнейшее для всего человечества идеологическое наследие о равенстве рас и народов, подчеркивающее недопустимость насильственного подавления культур, навязывания чужих стереотипов, осуществления принудительной культурной интеграции и колониальной политики. А. Н. Толстой в одном из писем к Н. Н. Миклухо-Маклаю призывает ученого: «Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству»¹. Деятельность путешественника произвела огромное впечатление на А. Н. Толстого, ибо в ней он увидел подтверждение своим мыслям о том, что подлинная цивилизация может быть принесена народам не насилием, а просвещением и заботой о них.

За время своих многочисленных путешествий по Океании, Австралии и Юго-Восточной Азии Н. Н. Миклухо-Маклай собрал уникальный фактический материал по изучаемым народам, представляющий огромную научную ценность и в настоящее время. Последние дни сво-

¹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Яснополянские записки, 29 августа 1906 г. // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 222. Впервые письмо Толстого опубликовано в газете «Неделя» (1888. № 15. 10 апреля) на 9-й день после смерти известного ученого-путешественника.

ей жизни ученый провел в Боткинской больнице Санкт-Петербурга, сокрушаясь, что не успел опубликовать большинство своих работ. Он предполагал, что все его труды пропадут.

Однако известность и значимость наследия ученого привлекла внимание выдающегося географа, этнографа и антрополога Дмитрия Николаевича Анучина (1843—1923), который и выпустил в свет первый и, к сожалению, единственный том работ Н. Н. Миклухо-Маклая². Ученый стоял у истоков отдельного направления в историографии отечественной этнологии — маклаеведения. Последующая работа по изданию трудов Миклухо-Маклая сосредоточилась в основном в Институте этнографии АН СССР, которому в 1947 г. присвоили имя русского ученого. В 1940—1941 гг. Институтом этнографии было выпущено двухтомное издание работ Н. Н. Миклухо-Маклая, первый том которого в основном повторял публикацию Д. Н. Анучина³. В 1950—1954 гг. после большой подготовительной работы Институт опубликовал первое Собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая в пяти томах, в котором впервые была собрана большая часть его научного наследия⁴. Готовившие это издание ученые (Н. А. Бутинов, Ю. М. Лихтенберг и др.) устранили ряд неточностей, допущенных в предшествующих публикациях, но в целом придерживались текстологических традиций, заложенных Д. Н. Анучиным.

Однако и это Собрание сочинений не было полным — в последующие годы советские ученые нашли множество неизданных статей, рисунков и рукописей Н. Н. Миклухо-Маклая в отечественных и зарубежных архивах. Было и еще одно очень важное обстоятельство. В 1971 и 1977 гг. советские этнографы стали участниками двух комплексных научно-исследовательских экспедиций в Океанию, где они проводили полевые этнографические исследования на Новой Гвинее и других островных группах. Собранный ими богатый фактический материал был очень полезен для комментирования работ Н. Н. Миклухо-Маклая. По этим причинам возникла необходимость подготовки более полного и расширенного издания трудов русского ученого, основанного к тому же на строгом соблюдении норм и принципов современной текстологии.

Дальнейшее развитие маклаеведения было связано с Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии

² Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1 / Вступ. статья Д. Н. Анучина. М., 1923.

³ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. В 2 т. / Подгот. к печати И. Н. Винников, А. Б. Пиотровский. М., 1940—1941.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. В 5 т. / Под ред. С. П. Толстова и др. М.; Л., 1950—1954.

наук СССР, в задачи которого входило изучение научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Наиболее полным и выверенным среди названных выше изданий стало Собрание сочинений в шести томах (1990—1999 гг.), над которым работали выдающиеся российские и зарубежные ученые. Ответственным редактором издания стал этнограф-океанист Д. Д. Тумаркин. Издание стало коллективным научным трудом невероятно большого масштаба и получило высокую оценку ведущих отечественных и зарубежных специалистов.

Издание не было лишено недостатков, о которых упоминал и сам Д. Д. Тумаркин. В тексте встречаются опечатки, неточности и погрешности. Качество переплета и бумаги 2—4-го томов, как следствие сложных экономических условий в России того времени, оставляет желать лучшего и не позволяет выдержать длительного хранения. Отсутствие оцифрованных версий усугубляло проблему и могло привести к потере уникальных документов.

Возрождение интереса к маклаеведению на современном этапе во многом произошло благодаря экспедициям по следам Миклухо-Маклая в ХХI в., успех которых не был бы столь значительным, если бы ученые не опирались на богатейший материал, подготовленный в шеститомном Собрании сочинений 1990-х гг. Тем важнее представляется сохранение того, что было сделано, для следующих поколений.

Окончательное решение о необходимости подготовки нового издания пришло к Н. Н. Миклухо-Маклаю-младшему — потомку по линии старшего брата и полному тезке выдающегося российского ученого — после этих экспедиций по следам его великого предка на о. Новая Гвинея и в Австралию. Работа началась совместно с Д. Д. Тумаркиным — председателем редколлегии и ответственным редактором Собрания сочинений в шести томах.

В наши дни, несмотря на современные технологии, Берег Маклая оставался все таким же труднодоступным для посещения российских и зарубежных исследователей. Ситуация изменилась только в 2017 г., когда Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, при участии ученых Российской академии наук из Москвы и Санкт-Петербурга, была организована экспедиция на Берег Маклая, что расположен на северо-востоке о. Новая Гвинея. Инициатором экспедиции стал Н. Н. Миклухо-Маклай-младший, который и основал Фонд. Одной из его задач было не только создание условий для возобновления исследований российских ученых Океании и Новой Гвинеи, но и всесторонняя их поддержка и сохранение преемственности в изучении этого региона российской наукой.

В первую очередь следует ответить на вопрос, зачем в ХХI в. организовывать научно-исследовательскую экспедицию в эти далекие от

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший рядом с портретом своего знаменитого предка кисти А. И. Корзухина, 1886 г. (портрет хранится в фондах Митчелловской библиотеки, г. Сидней, Австралия). Фотограф Д. Шаромов.

России края? Казалось бы, там уже давно все изучено и ничего нового ученые открыть не смогут. О значимости таких исследований хорошо сказал Д. Д. Тумаркин — руководитель этнографических экспедиционных отрядов в Папуа — Новую Гвинею, доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, проводивший в 1970-е гг. исследования на Берегу Маклая: «На примере папуасов Берега Маклая можно проследить развитие человеческой цивилизации в этом регионе от периода „каменного века“ вплоть до наших дней»⁵.

Напомним, что выдающийся исследователь Океании Н. Н. Миклухо-Маклай, прибывший на о. Новая Гвинея в 1871 г., встретил папуасов, которые даже не знали, что такое железо, и он первым познакомил их с изделиями из металла. Недаром, например, русское слово «топор» и еще десяток других до сих пор используются жителями Бе-

⁵ Русские названия возвращаются на карту Папуа — Новой Гвинеи // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/russkie-nazvaniya-vozvrashhayutsya-na-kartu-papua-novoj-gvinei/>

рега Маклая, где проводил свои исследования Н. Н. Миклухо-Маклай в XIX в.

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший поставил своей целью найти информацию, что изменилось на Берегу Маклая за прошедшие со времени последних экспедиций 40 лет и наладить дружественные всесторонние контакты с островным государством, которые, несмотря на дипломатические отношения между двумя странами, нельзя было назвать регулярными из-за отсутствия посольства Российской Федерации на территории Папуа — Новой Гвинеи. В состав первой в новейшей истории России экспедиции вошли: И. В. Чининов — научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований ИАЭ РАН; А. А. Лебедева — научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Д. И. Шаромов — фотограф экспедиции, С. В. Цергель — переводчик с местного языка ток-писин.

Путешествие на Берег Маклая

Экспедиция вылетела из Москвы в Сидней 11 сентября 2017 г. В городе Маданге, откуда было запланировано отправиться на лодке к Берегу Маклая, члены экспедиции оказались только 16 сентября в День независимости Папуа — Новой Гвинеи, потратив на путешествие на самолетах с учетом пересадок и остановок 6 дней. По прибытии исследователи направились к мысу Гарагасси, тому самому месту, где в 1871 г. высадился Н. Н. Миклухо-Маклай, назвав его мысом Уединения. Приезд гостей из далекой страны — родины Миклухо-Маклая, или «деревни Маклая», как называли Россию папуасы в XIX в. (у жителей этой части Новой Гвинеи нет в языке слова «страна», и они ограничиваются понятием «деревня») — стало невероятным событием для местных жителей, тем более что их предупредили, что главой экспедиции является потомок Маклая-«большого», до сих пор почитаемого ими «белого брата» *Тамо Боро*, что в переводе с местного, бонгуанского, языка означает «большой человек». Папуасы обожеествляли Миклухо-Маклая в то время, считая, что тот прибыл с Луны и поэтому имеет такой не виданный ими ранее белый цвет кожи. На берегу собралось более трех тысяч человек, прибывших со всех окрестных деревень и с нетерпением ожидавших появления людей из другого мира.

Первым к берегу отправился руководитель экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклай-младший, а за ним и все остальные. Местные жители, папуасы, в честь прибытия дорогих гостей устроили грандиозное представление с песнями, танцами и пантомимами.

Встреча потомков Н. Н. Миклухо-Маклая
и папуаса Туя. Папуа — Новая Гвинея.
Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

Местные жители в традиционных костюмах с участниками экспедиции.
Деревня Бонгу, Берег Маклая, Папуа — Новая Гвинея.
Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший возглавляет праздничную процессию, посвященную 146-й годовщине высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на северо-востоке о. Новая Гвинея.

Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

Житель Берега Маклая на фоне российского флага. Папуа — Новая Гвинея.
Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

Невероятно, но они водрузили российский флаг, который сами где-то нашли, на том самом месте, где стояла хижина выдающегося российского ученого, и где почти 150 лет назад также развевался флаг нашей страны. Там же, построившись в шеренгу, папуа-новогвинейцы спели свой государственный гимн. Эта трогательная встреча с миром, о котором мы так хорошо знали по дневникам Н. Н. Миклухо-Маклая, а также книгам и трудам советских ученых, оставила неизгладимое впечатление и осознание того, как хорошо здесь помнят Россию и «человека с Луны».

Местными жителями была подготовлена инсценировка первой встречи Н. Н. Миклухо-Маклая с папуасом Туем. Знаменательно, что в ролях русского ученого и Туя выступили их настоящие потомки. Подобные инсценировки бонгуанцы устраивали в честь советских экспедиций и в 1970-х гг. Во время праздничных мероприятий многие папуасы облачились в традиционные наряды, используемые до сих пор во время праздников, — они практически не изменились со времен Н. Н. Миклухо-Маклая-старшего.

Жизнь и быт папуасской деревни на Берегу Маклая

По окончании торжественной встречи, продлившейся несколько часов, члены экспедиции отправились в деревню Горенду и были размещены там в одной из семейных хижин, где им предстояло жить в течение десяти дней. Кроме Горенду исследователи также посетили и соседние деревни Бонгу и Гумбу, расположенные в нескольких километрах друг от друга.

При проведении полевых исследований выяснилось, что большая часть построек папуасов сохранила тот традиционный характер, что и во времена советских экспедиций конца XX в. Почти все они возводились на сваях — эта традиция возникла здесь в конце XIX столетия и зафиксирована уже после прихода колониальной Германской администрации. Однако другие конструктивные особенности, в том числе строительные материалы (кровлю непременно покрывают листьями саговой пальмы, стены изготавливают из расщепленного бамбука и т. д.) не изменились. Обратило на себя внимание и то обстоятельство, что в период советских экспедиций 1971—1977 гг. площадь одной из деревень Берега Маклая, Горенду, полностью использовалась для производства кокосового и пальмового масел. Данная плантация была организована еще в период правления австралийской администрации, доходы от которой получали австралийские компании, поставляя эти продукты в Австралию, Японию, Германию и Китай, вплоть до обре-

Традиционные свайные постройки в деревне на Берегу Маклая,
остров Новая Гвинея.
Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

тения страной независимости 16 сентября 1975 г. В 1980-х гг. деревня была восстановлена, включая строения, возобновился традиционный уклад жизни. Этот быт, во многом сохранивший традиции со времен Миклухо-Маклая, и увидели современные исследователи, проживая в одной из семейных хижин. Жители ведут спокойный, размеренный образ жизни, практически не делая никаких запасов, в основном питаясь один раз в день. Все, что нужно для жизни, у них всегда под рукой: океан, где они ловят рыбу, огороды, где выращивают ямс и батат. Периодически они отправляют в Маданг на лодке гонца, который продает улов, а на вырученные деньги покупает рис и необходимую в хозяйстве утварь. Лидером и старейшиной деревни является Асель Туй — потомок в пятом поколении того самого Туя, который первым встретил Миклухо-Маклая в далеком 1871 г., позже стал его другом и помог познакомиться с миром, в который ранее папуасы никого не пускали.

При более детальном изучении быта местных жителей, этнический состав которых не претерпел каких-либо существенных изменений за последние 150 лет, что свидетельствует о минимальной миграции между регионами острова, выявились и многие другие прочно устоявшиеся элементы их традиционной материальной культуры. Это

Способ приготовления пищи у папуасов многие века остается практически неизменным.

Экспедиция 2017 г. Фотограф Д. Шаромов.

подтверждает, что, несмотря на проникновение предметов современного западного мира, папуасы этих деревень бережно хранят многие из своих традиций. А их самобытная культура под давлением инноваций не растворилась полностью и гармонично уживается с новшествами, такими как радио, мобильные телефоны, солнечные батареи, современная посуда для приготовления пищи. Более того, многие местные жители очень трепетно относятся к своей этнокультурной идентичности и всеми силами прививают ее молодому поколению.

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший собрал предания жителей деревень Бонгу, Гумбу и Горенду о своем знаменитом предке, пообщавшись со старейшинами, которые начиная с XIX в. из поколения в поколение передают легенды о Маклае из уст в уста. Эти воспоминания о выдающемся исследователе и большом друге папуасов поразительно точно повторяют его дневниковые записи, а некоторые факты позволяют утверждать, что Миклухо-Маклай для местных жителей был практически божеством — *Тамо Боро Рус*, «большой русский человек», навсегда оставивший след в их истории, сердцах и преданиях. Интересно, что до сих пор на Берегу Маклая можно встретить темнокожих Маклаев — это имя родители дают своим детям в дань памяти великого русского ученого.

Результаты экспедиции 2017 г.

По результатам экспедиции 2017 г. были собраны обширные данные по материальной культуре современных бонгуанцев, а руководитель экспедиции составил уникальную коллекцию из 56 предметов жизни и быта папуасов, большинство из которых были идентичны предметам, собранным Миклухо-Маклаем в XIX в. По возвращении на родину коллекция была подробно описана при участии научных сотрудников Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук в Санкт-Петербурге, что подтвердило ее высокую историко-культурную и этнографическую ценность⁶. Этнолог И. В. Чининов подготовил научную статью «Материальная культура жителей деревень Горенду и Бонгу (Новая Гвинея) в начале XXI века: традиции и инновации»⁷.

Также по итогам научно-исследовательской экспедиции 2017 г. был выпущен документальный фильм «Человек с Луны»⁸, который с неизменным успехом демонстрируется на телеканалах России и Папуа — Новой Гвинеи. Высококачественные фотографии и портреты аборигенов были переданы в Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ. Были подготовлены иллюстрированные издания, а в 2018 г. в издательстве «Наука» вышла научно-популярная книга «Путешествие на Берег Маклая», автором которой стал руководитель экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. Ранее упомянутый полнометражный документальный фильм «Человек с Луны», над которым шла работа в ходе первой экспедиции, освещающий захватывающую работу исследователей, стал хорошим подспорьем для исследования этого уникального места нашей планеты, где российские ученые за почти 150-летнюю историю внесли значительный вклад в изучение и сохранение истории культуры, традиций, фольклора и языка островитян.

⁶ URL: <https://mikluho-maclay.ru/maclay-coast-collection/>

⁷ Чининов И. В. Материальная культура жителей деревень Горенду и Бонгу (Новая Гвинея) в начале XXI века: традиции и инновации. (По материалам полевых исследований) // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 243—255.

⁸ Документальный фильм «Человек с Луны», реж. Н. Н. Миклухо-Маклай, 2018 г., 90 мин. URL: <https://mikluho-maclay.ru/man-from-moon/>; версия 36 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UtpoSM1n430>

Продолжение традиции исследования Папуа — Новой Гвинеи

Успешные результаты первой экспедиции 2017 г. заложили основу для продолжения исследований данного региона российскими учеными и налаживания более тесных контактов между Российской Федерацией и Папуа — Новой Гвинеей.

В конце апреля—начале мая 2019 г. состоялась вторая экспедиция, также организованная и проведенная Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. Ее руководителем вновь стал Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. В состав экспедиции на этот раз вошли этнолог И. В. Чининов и лингвист из Университета Папуа — Новой Гвинеи в Порт-Морсби О. Темпл.

На Берегу Маклая (регион Маданг) гостей из далекой России уже встречали как старых друзей. Как говорили местные жители, Маклай-младший, так же как когда-то его великий предок, «обещал вернуться и вернулся»! На этот раз члены экспедиции разместились в деревне

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший со старейшиной деревни Гумбу,
Берег Маклая, Папуа — Новая Гвинея.
Экспедиция 2019 г.

Маклая — так эта деревня, состоящая из пяти семейных хижин, была названа Аселем Туем в честь Маклая-старшего и в память об экспедиции 2017 г. Она расположена напротив того самого мыса Уединения (мыса Гарагасси), где в XIX в. высадился русский ученый. Исследователи посетили деревни Горенду, Бонгу и Гумбу, где изучали местный фольклор, фотографировали и вели съемку документального фильма. Лингвист О. Темпл проводила свои исследования, основываясь на записях Миклухо-Маклая-старшего, составившего первый словарь из 350 слов неписьменного языка, и, конечно, было очень приятно убедиться, что язык, который русский ученый начал изучать первым, сохранился, а частью его стали некоторые русские слова.

Этнолог И. В. Чининов продолжал начатые в 2017 г. исследования современного хозяйственного уклада жителей Горенду и Бонгу. Миклухо-Маклай-младший помимо сбора очередной коллекции работал над фильмом о жизни и быте папуасов Берега Маклая и об Аселе Туе.

Итогами второй экспедиции стали обретение ценного материала о хозяйственном укладе папуасов (земледелии, рыболовстве и охоте), изучение современного состояния бонгуанского языка, записи ценных исторических преданий об Н. Н. Миклухо-Маклае. Был снят материал для документального фильма «Асель Туй, потомок Туя», который вышел в 2020 г.

Еще одним и далеко не маловажным итогом экспедиций 2017 и 2019 гг. стало то, что все участники воочию смогли убедиться, что Россию в этом регионе помнят. И помнят во многом благодаря именно Н. Н. Миклухо-Маклаю. Выдающийся отечественный ученый и гуманист, общественный деятель на примере папуасов Новой Гвинеи доказал всему миру, что никакой этнос нельзя считать неполноценным из-за каких-либо отличий от белого человека, который является лишь частью этого мира, но не эталоном. Н. Н. Миклухо-Маклай подчеркивал, что необходимо уважительно относиться к культуре всех народов, населяющих нашу планету, и предостерегал от попыток вмешиваться в их развитие, навязывая свои стандарты. Уважительное, дипломатичное отношение исследователя к коренным жителям Новой Гвинеи стало залогом того, что люди до сих пор помнят о нем, и истории о знаменитом путешественнике передаются на этом острове из уст в уста. В Папуа — Новой Гвинее великий русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай входит в пятерку самых значимых, признанных в этой стране выдающихся личностей.

При подготовке нового, второго, исправленного и дополненного издания, шеститомного Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая 2020 г., подготовленного на основе издания 1990—1999 г., была прове-

Н. Н. Миклухо-Маклай-младший с местными жителями деревни Бонгу,
Берег Маклая, Папуа — Новая Гвинея.
Экспедиция 2019 г.

дена тщательная редакторская и корректорская работа по устранению текстовых дефектов и опечаток предыдущей публикации. Благодаря современным технологиям, богатейший иллюстративный материал издания публикуется в более высоком качестве, что имеет немаловажное значение особенно в этнографии, где важно четкое изображение каждой детали. Электронная версия Собрания сочинений позволит сохранить уникальный материал для потомков и даст возможность свободного доступа к уникальной информации, которая будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

А. В. Титорский, Е. В. Говор, К. Баллард

ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ
В 1992—2017 гг.*

Введение

Н. Н. Миклухо-Маклай по праву может считаться трибуном папуасов, первым стационарным исследователем Новой Гвинеи, неординарным этнографом, антропологом и путешественником. В советской науке сложился своеобразный культ ученого. Последний представлялся как основоположник этнографической науки в мире, за 50 лет до Б. Малиновского осуществивший полевое исследование в Меланезии. Имя Н. Н. Миклухо-Маклая носит Институт этнологии и антропологии Российской академии наук и одна из наиболее почетных премий в области этнографии. Изучение наследия ученого оформилось в особое научное направление — маклаеведение. К нему принадлежат такие солидные исследователи, как Н. А. Бутинов, Б. А. Вальская, А. Я. Масов, Б. Н. Путилов, Е. В. Ревуненкова, Д. Д. Тумаркин.

Настоящая статья посвящена историографическому анализу публикаций по данной тематике, появившихся за 25-летний период с 1992 по 2017 г. Учеными проделана действительно титаническая исследовательская, архивно-эвристическая, текстологическая работа, в ходе которой в 1950—1954 гг. издано первое собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. Можно сказать, что это был золотой век маклаеведения. После распада СССР советская мифологизация темы стала ослабевать и было опубликовано большое количество разоблачительных статей. При этом начался процесс конструирования новых мифов, в частности, появились работы о сексуальных отношениях ученого с жителями южных стран. В настоящее время в русскоязычном научном сообще-

* Впервые опубликовано: Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 2. С. 112—121.

стве интерес к теме Маклая падает. Примечательно, что он возникает у австралийских исследователей.

Задача настоящего исследования — дать критическую оценку научным и околонаучным работам, написанным за рассматриваемый период на русском и английском языках. Особый интерес представляет сравнение подходов австралийских и российских ученых к данной теме. В рамках изучения наследия Н. Н. Миклухо-Маклая «русскоязычная» и «англоязычная» традиции находятся в примерно равных условиях по количеству источников (т. е. работ Н. Н. Миклухо-Маклая) и объему имеющейся литературы. Такая ситуация для других отраслей этнографического (антропологического) знания представляется необычной. Авторы работы — международная команда исследователей из Москвы и Канберры — предполагают выявить сильные стороны обоих подходов и предложить пути дальнейших исследований.

Традиционные подходы к наследию Н. Н. Миклухо-Маклая в России

Наиболее значимым событием в области изучения наследия ученого стала публикация с 1990 по 1999 г. второго собрания сочинений в шести томах. В его подготовке участвовали Д. Д. Тумаркин, возглавлявший группу, Б. Н. Путилов, Н. А. Бутинов, М. А. Членов, И. М. Золотарева, И. М. Меликсетова и В. И. Беликов из России, Х. Меркель из Германии, Р. Маклай, Л. Бушел и Т. Флэннери из Австралии. В шеститомник вошли не изданные ранее тексты, включавшие и полевые записи, более 200 новых рисунков. Был уточнен ряд дат, значимых для понимания жизненного пути ученого. Составителями проведена чрезвычайно важная текстологическая работа: ранее опубликованные тексты освобождены от позднейшей правки; при наличии разных редакций одних и тех же статей выявлен основной текст, а значимые разночтения даны в примечаниях. Все работы снабжены подробными комментариями. В первый и второй тома вошли материалы экспедиций, дневники и полевые записи, в третий и четвертый — научные статьи Н. Н. Миклухо-Маклая по широкому спектру вопросов «о человеке и природе»: по антропологии, этнографии, лингвистике, метеорологии, биологии и ботанике. В этих томах опубликованы и рисунки ученого.

Настоящим научным событием стал пятый том, посвященный эпистолярному наследию Н. Н. Миклухо-Маклая. Он включил 552 письма, из которых 239 были напечатаны впервые. Представлены как тексты

на русском языке, так и переводы с немецкого, голландского, французского и английского языков. Значительная работа по подготовке этого тома была проделана Б. Н. Путиловым. В шестом томе опубликованы фотографии предметов из этнографических коллекций, собранных Н. Н. Миклухо-Маклаем, а также рисунки, не вошедшие в предыдущие тома. По сравнению с публикацией 1950-х гг. количество фотографий увеличилось почти в 4 раза — с 260 до 818.

Вместе с тем, открывая новые области интересов, документы и подробности биографии ученого, составители второго собрания сочинений, так же как и предыдущие, были весьма осторожны в оценках Н. Н. Миклухо-Маклая как человека науки. Издание представляет собой прекрасную источниковедческую работу (за что ее и хвалили рецензенты [Комиссаров, 1998; Николаев, 2002]), но за документами трудно увидеть живого человека — самого Николая Николаевича. Такой подход, который мы назовем «классическим» в маклаеведении, сохраняется в серии статей.

В рамках данного направления написана работа петербургской исследовательницы культуры Индонезии и Малайского полуострова Е. В. Ревуненковой «Н. Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова» [1994]. Начиная с 1980-х гг. она участвовала в подготовке к изданию Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. Впервые специалист по Индонезии и Малаккскому полуострову принимал участие в составлении комментариев к его текстам. Работа Е. В. Ревуненковой, опубликованная в «Этнографическом обозрении», представляет собой научное осмысление вклада ученого в исследование этого региона. Ранее Н. Н. Миклухо-Маклай был известен как исследователь папуасов Новой Гвинеи и других островов Меланезии [Станюкович, 2010].

В 1997 г. в журнале «Этнографическое обозрение» появилась подборка статей, приуроченная к 150-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая. Наиболее примечательной среди них является публикация Д. Д. Тумаркина «„Вторая жизнь“ Н. Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа — Новой Гвинее». Интерес к преданиям об ученом — «второй жизни белого папуаса» — возник еще в начале XX в. В 1903 г. немецкий врач Б. Хаген опубликовал краткие воспоминания, как описывали ученого в устных преданиях и рассказах жители залива Астролябия [1903]. В середине XX в. Н. А. Бутинов обобщил значительную часть публикаций на английском и немецком языках в статье «Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников», вошедшей в первое собрание сочинений [1950]. Именно эту линию продолжает в своей ра-

боте Д. Д. Тумаркин. Он опирается на информацию австралийских и американских путешественников. В частности, в статье используются записи американского лютеранского миссионера Э. Ханнемана, работавшего в заливе Астролябия в 1940-х гг. В публикации Д. Д. Тумаркина дана ссылка на «недатированный машинописный текст, мимеографическая копия которого находится в библиотеке Университета ПНГ в г. Порт-Морсби» [1997, с. 167]. Можно примерно датировать сбор информации началом 1940-х гг., поскольку в «Информационном бюллетене Миклухо-Маклаевского общества в Австралии» содержится небольшое сообщение «Касательно Маклая» Э. Ханнемана [Hannemann, 1983], в примечании к которому, сделанном Р. Шериданом, написано: «Э. Ф. Ханнеман. Грагер-английский разговорник, Колумбия, Огайо, Совет иностранной миссии Американской лютеранской церкви, 1945, стр. 28. Рассказ местного жителя Борло записан Ханнеманом. Борло родился в деревне Баламби (язык сио). Ему было примерно 32 года в 1974 году» [Ibid., p. 8]. По всей вероятности, здесь допущена ошибка и последнюю дату следует читать как «1944». Другие записи преданий о Н. Н. Миклухо-Маклае принадлежат Р. Шеридану — председателю общества Миклухо-Маклая в Австралии, который побывал на о-ве Били-Били в 1959 г. и подробно описал свою поездку. Также используются опубликованные в издании «Устная история» устные предания, зафиксированные фольклористом М. Меннис. Кроме того, привлечены материалы, собранные на островах залива Астролябия некоторыми другими исследователями.

Д. Д. Тумаркин не только ввел в оборот на русском языке англоязычные источники, но и дал их подробный анализ. Вместе с тем следует критически относиться к методологическому посылу статьи, что данные рассказы являются историческими источниками информации о жизни Н. Н. Миклухо-Маклая и что «на бытовом уровне фольклорная традиция, касающаяся Маклая, постепенно начинает отступать и меняться под натиском реального исторического знания» [Тумаркин, 1997, с. 165]. Как мы покажем далее, гораздо более продуктивным будет рассмотрение этих историй с точки зрения диалога культур.

В 1998 и 2000 гг. вышли в свет статьи Л. А. Ивановой, в которых дается новая атрибуция отдельных вещей из коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая. Исследовательница определяет предмет, названный в музейном описании «бамбуковым футляром, содержащим два шипа ска-та», как «колчан для отравленных стрел» для орудия блахан — трубки для метания стрел, аналогичной сумпитану у даяков [Иванова, 1998]; а также устанавливает регион приобретения и дарителя барабана паху и подставки атаакакико [Иванова, 2000].

В 2011 г. вышла биографическая монография Д. Д. Тумаркина «Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи». Эта книга является своего рода жирной точкой в рамках данного направления. В ней чрезвычайно подробно описан жизненный путь ученого. Автор ведет нас вслед за Миклухо-Маклаем по узким улочкам немецких университетских городов, пустыням Марокко и Аравийского полуострова, дебрям тропического леса, по набережным и песчаным берегам Сиднея. Вместе с главным героем мы встречаемся со светилами немецкой и британской науки. Но до конца книги нас по-прежнему не перестает волновать вопрос: а кто тот человек, с которым мы путешествуем? О чем он размышляет?

Критические мысли о работе Д. Д. Тумаркина прекрасно изложены в рецензии Б. Н. Комиссарова. Во-первых, он удивляется отсутствию обобщений: почему «сведения, рассеянные по многим страницам монографии, не сконцентрированы им в две грозные и тягостные реальности — „ученый и боль” и „ученый и нужда”»? Во-вторых, рецензент с сожалением замечает неуклюжесть в развенчании культа ученого, которая граничит с созданием нового мифологизированного образа Н. Н. Миклухо-Маклая как Дон Жуана Южных морей, — это «излишнее стремление автора (Д. Д. Тумаркина. — А. Т., Е. Г., К. Б.) „физиологизировать” образ Миклухо-Маклая, то есть с методичностью, достойной лучшего применения, выявить и описать все случаи сексуальных контактов путешественника и, более того, зафиксировать даже вполне платонические эпизоды, когда тот, созерцая представительниц противоположного пола, возможно, испытывал при этом какие-то эротические чувства» [Комиссаров, 2013, с. 356]. Как ни парадоксально, заявленная предельная непредвзятость стала трансформироваться в новую форму мифа.

Попытки пересмотра традиционных взглядов на образ Н. Н. Миклухо-Маклая

Второй подход к изучению наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, появившийся в 1990-х гг., можно назвать «ревизионистским». Одной из первых работ, в которых исследователи стремились отойти от восприятия Маклая как своеобразного культурного героя эпохи сновидений этнографии, стал доклад В. И. Беликова «Баллал Маклай (‘Слово Маклая’)». Автор усомнился, что Н. Н. Миклухо-Маклай создал правильный словарь языка бонгу. Ученый знал «всего лишь около 350 слов» и, по его мнению, «в словаре языка бонгу их содержится никак не более

тысячи» [Беликов, 1997]. В. И. Беликов считает, что, скорее всего, путешественник использовал не сам язык бонгу, а его упрощенную форму, «своеобразный пиджин». Его лексика восходила к стандартному бонгу, но в ней присутствовали «естественные при такой осложненной коммуникации недоразумения, помноженные на престижность в глазах папуасов того, как говорит Маклай». Автор доклада проводит параллели с языком моту южного побережья Новой Гвинеи.

С одной стороны, не владевший навыками фиксации языков русский первопроходец оказался не в состоянии создать *ad hoc* такую методику в поле, и его лингвистические заслуги не стоит переоценивать. С другой стороны, дальнейшее развитие контактов европейцев и папуасов на Берегу Маклая и конкретно в Бонгу показывает, что именно русский исследователь XIX в. заложил ту основу, на которой базировались словари последующих лингвистов. Например, в отличие от А. Ханке, предполагавшего, что все языки Берега Маклая можно поделить на два крупных диалекта, подобных «швабскому и баварскому» [Hanke, 1905], русский ученый сразу исходил из идеи существования в каждой деревне своего собственного языка. Принимая выводы о неточности значений записанных Н. Н. Миклухо-Маклаем слов, а также о том, что некоторые из них относились не к собственно языку бонгу, а, скорее, к некому «идиолекту исследователя» [Станюкович, 2016], не стоит соглашаться с невысокой оценкой лингвистических аспектов полевой работы ученого в целом [Туторский, 2018].

Другая «ревизионистская» статья, написанная профессором кафедры этнологии МГУ Т. Д. Соловей, посвящена научной стратегии Н. Н. Миклухо-Маклая. Автор отталкивается от известного еще со времен Н. В. Каульбарса (который первым работал с архивом путешественника после его смерти) тезиса, что Николай Николаевич не является ученым в подлинном смысле этого слова и не способен обобщить и теоретически осмыслить собранный им в ходе экспедиций эмпирический материал. Основной аргумент Т. Д. Соловей — отсутствие какой-либо теории. По ее мнению, «путешествия в Океанию, которые и воздвигли Н. Н. Миклухо-Маклая на пьедестал героя, при всем желании невозможно назвать продуманной и последовательно исследовательской программой» [Соловей, 2011, с. 74]. Т. Д. Соловей высказывает идею (по всей видимости, ее собственное научное кредо), что «вопреки расхожему убеждению <...> факты вовсе не предшествуют теории, а ровно наоборот: ученый подходит к фактам, уже имея теорию или гипотезу, которая может быть выражена открыто и последовательно...» И далее: «Поскольку отказ от всякой теории вообще составлял последовательную позицию Маклая, то это во многом обесценило

его интересные и обширные наблюдения...» [Там же, с. 80]. Нежелание использовать теорию для обобщения фактов является, по мнению автора, главной причиной того, что Н. Н. Миклухо-Маклай так и не смог написать свой «opus magnum — обобщающую работу» [Там же, с. 82]. Данный вывод не может быть принят без сопоставления работ ученого с трудами его современников. В дальнейшем мы вернемся к вопросу о наличии теоретических идей в его работах.

Продуктивным в статье является желание деконструировать советский миф о Маклае как «культурном герое», своеобразном творце этнографии вообще. Например, автор подчеркивает, что «план поездки в Океанию Миклухо-Маклай разработал в 1869 году, то есть в возрасте 23 лет». Иными словами, тогда, когда он был не сложившимся ученым, а еще студентом, который недавно закончил обучение в европейских университетах. Т. Д. Соловей указывает на психологические особенности исследователя: «Доминантная психологическая черта — тяга к одиночеству — решительно повлияла на жизнь и исследовательскую деятельность Маклая». И далее: «...не случайно его любимым автором был мрачный Шопенгауэр» [Там же, с. 76]. Эти факты позволяют лучше понять личность ученого и его научные взгляды.

Вместе с тем Т. Д. Соловей допускает ряд неточностей. Например, она пишет, что «после высадки на берег Маклай на долгие месяцы оставался один на один с совершенно чужой ему средой» [Там же, с. 77]. Это не совсем так, поскольку вместе с ученым на мысе Гарагасси жили шведский моряк Ульсон и полинезиец Бой (впоследствии он умер). Кроме того, к дому ученого постоянно приходили местные жители, нередко и из весьма отдаленных деревень. Другое неправильное обобщение исходит из общей логики стереотипных представлений о процессах аккультурации. Т. Д. Соловей пишет: «По мере того, как папуасы лучше его узнавали, в их восприятии образа Маклая усиливались собственно человеческие черты» [Там же, с. 79]. В целом статья ставит важный вопрос о том, что современные работы о Н. Н. Миклухо-Маклае не дают четкого портрета ученого. Мы имеем дело с идеологизированными текстами и культурными мифами. Вместе с тем в работе Т. Д. Соловей при правильной постановке проблемы отсутствует надлежащая аргументация.

Чрезвычайно интересной и действительно новаторской является работа петербургского профессора А. Я. Массова. Она посвящена брошюре, преподнесенной Н. Н. Миклухо-Маклаем великому князю Константину Николаевичу в начале 1887 г. Это был дар высокому покровителю в виде научного труда, содержавшего «наиболее полное на тот момент описание его (Н. Н. Миклухо-Маклая) научных заслуг»

[Массов, 2013, с. 112]. Чрезвычайно важно для исследования творчества ученого то, что в брошюре имеются исправления, сделанные его собственной рукой, которые очень точно характеризуют общественные и научные взгляды Н. Н. Миклухо-Маклая.

Анализируя текст и внесенную автором правку, А. Я. Массов пришел к нескольким важным научным выводам. Во-первых, по всей видимости, в Собрании сочинений 1990-х гг. допущена ошибка: этот текст следовало воспроизводить по публикации не в газете «Голос», а в «Известиях Русского географического общества», откуда он и был перепечатан для издания изучаемой брошюры [Там же, с. 114]. Во-вторых, исправление ученым во фразе «между интересными и малоизвестными жителями Новой Гвинеи наиболее интересным представляется мне туземец Новой Гвинеи, homo рариа» слова «жителями» на «животными» отражает не расистские взгляды, а скорее распространенное в XIX в. «натуралистическое» видение человека [Там же]. И наконец, в-третьих, использование Н. Н. Миклухо-Маклаем термина «полинезийская раса», куда включались папуасы, было не ошибкой, а особенностью терминологии того времени [Там же, с. 115].

Важен для нас и общий вывод статьи: «К сожалению, в отечественной литературе до сих пор нет сколь-нибудь фундированных исследований о естественно-научных воззрениях и общественно-политических предпочтениях Н. Н. Миклухо-Маклая». И далее: «В 2011 году в монографии Д. Д. Тумаркина „Белый папуас“ впервые предпринята серьезная попытка проследить естественно-научные воззрения и эволюцию политических взглядов русского путешественника. Однако эта тематика не является главной в труде Д. Д. Тумаркина — его книга прежде всего научная биография Н. Н. Миклухо-Маклая» [Там же, с. 116].

Другой новаторской работой является коллективная монография сотрудников Кунсткамеры и МГУ «Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая». Для нас особенное значение имеют первая и третья главы этой книги, написанные российским австраловедом и исследователем Меланезии П. А. Белковым. В первой главе, которая посвящена становлению Н. Н. Миклухо-Маклая как человека науки, автор предлагает отказаться от характерного для традиционных работ совместного рассмотрения его научных и общественных взглядов. Подробное изложение последних заслоняет научное кредо ученого. П. А. Белков указывает, что миф о голом эмпиризме и атеоретичности русского путешественника восходит к высказываниям о нем немецкого орнитолога, служащего Новогвинейской компании О. Финша [Старое и новое..., 2014, с. 17]. Судя по записной книжке «Ethnologia», которую завел Н. Н. Миклухо-Маклай перед по-

ездкой на острова Тихого океана, он был знаком с идеями многих англоязычных (Дж. Роуфорда, Дж. Лоу, Дж. Причарда, А. Р. Уоллеса), франкоязычных (Э. Ренана) и немецкоязычных (Т. Вайца, Э. Герланда, К. Земпера, Ф. Мюллера) теоретиков науки о народах. П. А. Белков высказывает мысль, что нам необходимо принципиально иное изучение наследия ученого — «в инфракрасном свете» [Там же, с. 23] или, по выражению Т. Куна, основывающееся на поиске «непреодолимых элементов» в прежней науке [1977, с. 19], самой идеи научности в то время. Завершая главу, автор пишет: «Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок (...) стала в истории науки первым документом, закрепляющим самостоятельность предметов этих наук» [Старое и новое..., 2014, с. 50]. Таким образом, П. А. Белков подчеркнул, что теоретическое значение имеет научная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая сама по себе.

Третья глава работы представляет собой чрезвычайно интересный пример смены оптики, причем не этнографической, а оптики истории науки или философии науки. Автор исходит из уже высказанного им тезиса, что теоретические (а в этой главе и практические) идеи Н. Н. Миклухо-Маклая существуют, но исследователи не всегда могут их увидеть. Он не согласен с традиционными маклаеведами, по мнению которых научная работа ученого по этнологии меланезийцев никогда не была написана или утрачена. П. А. Белков высказывает смелую идею о том, что она нам хорошо известна: это «две („толстые“) записные книги (АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24; Д. 70)» [Там же, с. 99]. Свои рисунки и коллекции предметов сам Маклай характеризовал «как „программу“, или „оглавление“ планируемого им большого труда по этнологии меланезийцев» [Там же, с. 101]. Таким образом, труд Н. Н. Миклухо-Маклая существует, более того, он почти готов к изданию. Нужен лишь конгениальный «издатель», который сможет совместить записные книги с рисунками и коллекциями, а самое главное, понять всю информацию, содержащуюся в «полевых конспектах-рисунках». Эта мысль созвучна идее, высказанной К. Баллардом на примере возвращения рисунков Маклая на о-в Лелепа (Республика Вануату).

Заключив обзор «ревизионистских» работ о наследии Н. Н. Миклухо-Маклая, следует отметить, что многие идеи, высказанные как «новые» в русскоязычном пространстве, окажутся «исходными» и «традиционными» в англоязычном; а подлинно «новые» — А. Я. Массова о ревизии наших представлений о научности знаний в конце XIX в. и П. А. Белкова о рисунках, а не тексте как основной форме научной работы Маклая — найдут подтверждение в трудах австралийских исследователей.

Статьи о Н. Н. Миклухо-Маклае на английском языке

Следует отметить, что своеобразным «золотым десятилетием» маклаеведения в англоязычном пространстве стали 1980-е гг. В 1984 г. была издана наиболее полная биография ученого на английском языке «Человек с луны» Э. Вебстер [Webster, 1984], а на протяжении всего десятилетия в Сиднее четыре раза в год выходил «Информационный бюллетень общества Миклухо-Маклая в Австралии». В последующие годы количество публикаций невелико, однако в некоторых из них предлагаются концептуально новые подходы к изучению наследия ученого. Мы оставляем в стороне работы, где материалы Н. Н. Миклухо-Маклая служат своеобразным введением к теме, в частности статью Э. Стрит о больницах [Street, 2016] и публикацию Д. Гэфни о гончарах округа Маданг [Gaffney, 2018].

Со второй половины 1990-х гг. в англоязычном пространстве регулярно появляются статьи, вводящие материалы Н. Н. Миклухо-Маклая в научный оборот. Преимущественно это работы, привязанные к отдельным местностям (Торресов пролив, Палау, Лелепа) и содержащие перевод текстов ученого, которые до этого времени издавались исключительно на русском языке. Интересно, что, начавшись с простого перевода русскоязычных статей (публикация Р. Парментье и Е. Копниной-Гейер), затем публикации сопровождалась широкими историко-культурными комментариями (статья А. Шнукал), а позже материалы Н. Н. Миклухо-Маклая стали самостоятельным объектом исследования (статья К. Балларда). В качестве исключения мы остановимся на общей работе о Н. Н. Миклухо-Маклае, написанной Ш. Фитцпатрик, поскольку она по принципу подачи весьма схожа со статьей А. Шнукал.

В 1996 г. в издании «Исла: Журнал микронезийских исследований» вышел перевод русскоязычной статьи Н. Н. Миклухо-Маклая «Архипелаг Палау: заметки из поездки в Западную Микронезию и Северную Меланезию», сделанный аспиранткой университета Амстердама Е. Копниной-Гейер. Статья предваряется введением исследователя Микронезии Р. Парментье, в котором делаются чрезвычайно важные замечания о работе Н. Н. Миклухо-Маклая на о-ве Палау. Свою основную цель автор публикации видит в том, чтобы ввести материалы, изданные на русском языке, в научный оборот в англоязычной академической среде [Parmentier, Kornina-Geyer, 1996, p. 72].

Не давая прямой оценки работе Н. Н. Миклухо-Маклая в Микронезии, Р. Парментье тем не менее отмечает: «К сожалению, исследования Н. Н. Миклухо-Маклая пришлось на время между периодами работы там таких гигантов, как Я. С. Кубари и А. Кремер» [Ibid., p. 75]. Про-

тивопоставление рядового «исследования» и работы «гигантов» указывает на то, что автор не очень высоко оценивает вклад русского ученого в изучение этого региона. Впрочем, абзацем ниже Р. Парментье называет его одним из первых исследователей, старавшихся изучить «местный взгляд на обычаи» и применявших метод «рефлексивной антропологии». Голландский ученый пишет, что Н. Н. Миклухо-Маклай предвосхитил антропологическую революцию Б. Малиновского [Ibid., p. 76]. Очень высокая оценка теоретической и методологической части исследования и непризнание эмпирической противоречит «традиционному» описанию наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в отечественной этнографической/антропологической науке, где историографы превозносят эмпирическую часть и отказывают в значимости части теоретической.

В 1998 г. выходит работа австралийской исследовательницы А. Шнукал, в которой дается обзор направлений исследования Н. Н. Миклухо-Маклая на островах в Торресовом проливе. Напомним, что этот район является своеобразным местом «зарождения полевой этнографии»: кембриджская экспедиция в Торресов пролив считается точкой отсчета научных полевых этнографических исследований [Herle, 2012; Никишенков, 2006, с. 140—144]. Публикация разбита на несколько тематических разделов, в каждом из которых освещается один из аспектов деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая. В разделе «Эдвин Редлих и Джимми Каледония» приводятся сообщения русского ученого об обсуждении этими людьми возможностей коммерческой добычи жемчуга в проливе. Следующий посвящен подсчетам численности населения небольшого о-ва Эруба (современное название Дарни). В разделах «Краниальные деформации у островитян Торресова пролива» и «Биология мозга дюгоня» приводятся соответствующие материалы ученого. Следующий раздел почти полностью представлен переводом описания Н. Н. Миклухо-Маклаем добычи перламутра в Торресовом проливе.

Последний раздел заканчивается замечанием А. Шнукал: «Я была разочарована, найдя не новую информацию, на которую я надеялась, а выжимку из обстоятельного сообщения де Хогтона о рыболовстве» [Shnukal, 1998, p. 43]. Схожая мысль завершает и всю публикацию: «При том, что эта информация добавляет новые сведения и подтверждает существующий материал, в качестве источника для современного исследователя Торресова пролива записи Маклая не представляют особого интереса в плане новизны, качества и объема» [Ibid.]. Автор не характеризует методы работы ученого и не останавливается на его теоретических идеях, которые могут вытекать из локальных особен-

ностей материала. Однако эмпирическая составляющая исследования Н. Н. Миклухо-Маклая оценивается так же невысоко, как и в предыдущем случае.

С публикацией А. Шнукал созвучна работа известной австралийской исследовательницы советской истории Ш. Фитцпатрик, вышедшая в 2012 г. Последняя также предлагает своеобразный веер из разнообразных интересов Н. Н. Миклухо-Маклая. Автор статьи насчитывает семь «ролей» или «идентичностей» ученого: путешественник, гуманист, толстовец, социалист, империалист, ученый и «белый папуас». Характеризуя внутренние противоречия этих ипостасей, она упоминает такой факт: Миклухо-Маклай «советовал Фердинанду фон Мюллеру, уроженцу Германии, директору мельбурнского ботанического сада, чтобы тот на предстоящей выставке использовал несколько аборигенов — „всего лишь по одному представителю мужского и женского пола, а также двух детей”», но не для развлечения публики, а для «того, чтобы сделать детальные текстовые описания и фотографии» [Fitzpatrick, 2012, p. 175—176]. Следует уточнить цитату по собственному тексту Н. Н. Миклухо-Маклая: «Доставление туда по одному ♂, ♀ и по двое детей из северной, южной, восточной, западной и центральной Австралии в качестве образчиков австралийской разновидности рода Ното представит огромный интерес для антрополога, а их подробное научное описание, сопровождаемое рядом фотографий, наверняка заполнило бы пробел в антропологии» [1996, с. 241]. Использование живых людей в качестве экспонатов, безусловно, противоречит идее гуманизма, вместе с тем русский естествоиспытатель объясняет, что это делается ради науки. Вновь перед нами факт, подобный тому, что приводил А. Я. Массов. Разрешить оба эти противоречия совсем не просто.

Последней работой, вводящей русскоязычные материалы Н. Н. Миклухо-Маклая в научный оборот англоязычного сообщества, является недавно вышедшая статья Е. Говор и С. К. Маникам «Русский в Малакке: Экспедиция Н. Н. Миклухо-Маклая на Малайский полуостров и ранние антропологические исследования orang asli» [Govor, Manickam, 2014]. В ней дается обзор путешествий русского ученого по Меланезии и Малаккскому полуострову, а также его публикаций, преимущественно на немецком языке, о результатах работы. Авторы отмечают, что материалы Н. Н. Миклухо-Маклая трудно связать с какой-то определенной «антропологической традицией», вместе с тем его взгляд, нацеленный на поиск «меланезийского» в культуре и расовых особенностях жителей Малайского полуострова, представляет интересный ракурс, почти не встречавшийся в то время в антропологической и этнографи-

ческой литературе. В статье дается перевод с научными комментариями наиболее значимых отрывков из дневниковых записей Н. Н. Миклухо-Маклая, сделанных во время путешествия по полуострову. В заключение авторы указывают, что материалы ученого имеют значение не столько для современного изучения орангаси, сколько для истории взглядов на жителей Малайского полуострова. Кроме того, эти записи знакомят с их повседневной жизнью. Таким образом, Н. Н. Миклухо-Маклай оценивается не как теоретик или основатель нового направления в науке, а как один из путешественников, материалы которого также необходимо учитывать в добросовестных исследованиях.

Отдельно от других работ, основывающихся на материалах русского ученого, следует поставить статью К. Балларда «Возвращение истории: о рисовании и диалогической истории» [Ballard, 2013]. В ней развиваются идеи совместного с Е. Говор доклада, представленного на 18-й конференции по истории Тихоокеанского региона (Сува, Фиджи, 2008 г.). Основная идея состоит в том, что ключевым элементом в научном наследии Н. Н. Миклухо-Маклая являются его рисунки. Ученый работал в те годы, когда формировался сам канон этнографического или антропологического знания. Во многих культурах рисунки также являются знанием (англ. knowledge). Антропологическое сообщество долгое время недооценивало их значение как исследовательского метода. «Графический поворот» в антропологии, связанный с работами В. Ганн [Gunn, 2009], М. Кэнфилда [Field notes..., 2011], М. Тосига [Taussig, 2009] и других ученых, позволил иначе взглянуть на роль рисунков в полевых записях исследователей. Началась настоящая дискуссия о их важности и незаменимости. К. Баллард замечает: «Как бы уверенно чувствовал себя Миклухо-Маклай в этой дискуссии, полевой исследователь, рисунки которого стали не только основной стратегией его метода наблюдения, но и действенным способом вживания в сообщества, принимавшие его и исследуемые им» [Ballard, 2013, p. 140]. Переводя этот тезис в дискурс русскоязычной науки, можно сказать, что вопрос об отсутствии «орис тапнум» Н. Н. Миклухо-Маклая связан с неспособностью современных этнографов и антропологов «прочитать» все им созданное.

Пример того, как можно читать рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая, был предложен К. Баллардом на примере нескольких скетчей, сделанных на небольшом о-ве Лелепа, находящемся у побережья о-ва Эфате, на котором в настоящее время расположена столица Республики Вануату г. Порт-Вила. В конце XIX в. основным портом острова была гавань Хаванна, располагавшаяся как раз между островами Эфате, Мозо и Лелепа. Общины Лелепы и Мангалильо (часть той же общи-

ны, переселившаяся на о-в Эфате, напротив Лелепы, в XX в.) начиная с 2001 г. пытались включить в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО «владения вождя Роя Мата», куда входят кладбище на о-ве Мозо, наскальные изображения в пещере Феле на о-ве Лелепа и историческое место расположения деревни вождя Роя Мата. Для включения последнего объекта в список Всемирного наследия требовалось наличие «памятников». С этой целью К. Баллард привез в общину Лелепы «отпечатки фотографий со стеклянных негативов, расшифровки дневников миссионеров, переводы французских архивных материалов и фотографии начала XX века предметов материальной культуры» [Ibid.]. Наиболее «оцененными» и «обсуждаемыми» стали именно рисунки русского ученого, которые содержали не только изображения предметов, но и детальные прорисовки орнаментов, а также местные названия их элементов. По сути дела, рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая вернули общине Лелепы ее искусство резьбы по дереву, утраченное после уничтожения миссионерами щелевых барабанов, считавшихся ими идолами. В 2006 г. мастер резьбы по дереву Маньяру вырезал два щелевых барабана, которые были установлены во владениях Роя Мата. В 2008 г. эти владения были включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Следует также отметить, что для К. Балларда был важен аспект «диалогичности» рисунков. Дело в том, что записи исследователя в поле не могут быть прочитаны исследуемыми. Он увозит домой что-то непонятное для туземцев, а возможно, и неправильное с точки зрения научной объективности. В случае с рисунками возможен диалог: если исследователь рисует что-то неверно, то местные жители могут указать на это и поправить его. Именно поэтому рисование — более уважительный способ исследования, вовлекающий исследуемых в работу ученых.

Выводы

Анализ упомянутых статей приводит нас к следующим выводам. Н. Н. Миклухо-Маклай был слишком неординарной личностью для своего времени. История его поездок в Новую Гвинею стала основой для мифов не только у папуасов, но и в русском и европейском сообществах того времени, а также в кругах современных ученых. Вспомним, что рецензент англоязычной монографии о Н. Н. Миклухо-Маклае Э. Чоунинг писала: «Не удивительно, особенно учитывая степень того, в какой мере Маклай мифологизировался членами как его собственного общества, так и папуасами, что Вебстер, пожалуй, слишком преуве-

личивает его провалы. Читая ее книгу, трудно понять, почему так много людей восхищались им и равнялись на него, и, наконец, почему его жена была так предана ему» [Chowning, 1986, p. 149]. Иными словами, помимо преданий папуасов о Маклае и советского мифа об ученом-гуманисте есть еще миф о Маклае-неудачнике, характерный для англоязычной литературы. Во времена перестройки в СССР эта оценка некритично была привнесена в русскоязычное пространство. Иной подход заложил Дж. Стокинг, который назвал Н. Н. Миклухо-Маклая, Б. Малиновского и Я. Кубари «архетипами эпохи сновидений науки антропологии» [Stocking, 1992]. Таким образом, мифологизация связана не только с советской культурной пропагандой, но и с тем, что ученый действовал до сложения канонов антропологической науки и фактически сам творил их. Изучение мифологизации его фигуры в различных сообществах может стать самостоятельной целью исследования, а сравнение ее векторов, возможно, позволит понять суть этого явления.

Суждение об отсутствии теоретических основ в исследованиях и выводах Н. Н. Миклухо-Маклая является результатом процесса антимифологизации. Материалы ученого могут получить новое прочтение в рамках постмодернистских концепций. В первую очередь это касается рисунков как особого способа ведения диалога с жителями Океании, который, говоря языком современной социологии, гораздо более инклюзивен, чем интервьюирование и описание. В наше время, когда аудиовизуальная антропология, изучение саундскейпов и разного рода сензитивности становятся реальной альтернативой «текстовым переводам культуры», теоретическая значимость исследований Н. Н. Миклухо-Маклая может быть пересмотрена. Есть основания надеяться, что с опорой на современное знание визуальной антропологии наконец-то будет осуществлено издание иллюстрированного труда по этнологии меланезийцев, задуманного ученым.

Важно понять, кто должен писать тот самый, упоминаемый многими авторами портрет Н. Н. Миклухо-Маклая на фоне эпохи? А. Я. Масов считает, что это под силу только коллективу разнопрофильных специалистов. Его мнение представляется правильным с точки зрения эпистемологии, поскольку именно такая команда сможет разобраться в творчестве ученого и понять разные грани его интересов. Однако с позиции дидактики (в философском смысле) это не совсем верно. Н. Н. Миклухо-Маклай был цельной личностью. Понять, а главное, передать это представление читателям может только группа ученых, объединенная похожим образованием и общим взглядом на науку. По нашему мнению, одним из наиболее перспективных подходов к изучению наследия Н. Н. Миклухо-Маклая является антропологический в

рамках нескольких концепций. Культурная критика позволит сравнить публикации об ученом друг с другом, а также тексты о жителях Океании, написанные разными исследователями конца XIX в. Возвращение культурного достояния в общины, где проводились исследования, даст возможность вовлечь местных жителей в интерпретацию материалов ученого. Визуальная антропология позволит видеть в его наследии не только тексты, но и многочисленные рисунки. Историческая концепция даст возможность проследить эволюцию взглядов как самого ученого, так и антропологического сообщества в целом.

Список литературы

Беликов В. И. Балла-Маклай ('Слово Маклая') // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб.: МАЭ РАН, 1997. Т. 2. С. 27—31.

Бутинов Н. А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Наука, 1950. Т. II. С. 739—750.

Иванова Л. А. Об экспонатах с Малаккского п-ова из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая в МАЭ им. Петра Великого // Этногр. обозрение. 1998. № 4. С. 100—110.

Иванова Л. А. Проблемы источниковедения и атрибуции этнографической коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая из МАЭ (на примере «барабана» и «подставки» с о-ва Мангарева) // Этногр. обозрение. 2000. № 5. С. 88—105.

Комиссаров Б. Н. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 226—229. Рец. на кн.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: В 6 т. М.: Наука, 1996. Т. 5: Письма. Документы и материалы. 824 с.

Комиссаров Б. Н. [Рецензия] // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 344—366. Рец. на кн.: Тумаркин Д. Д. Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Вост. лит., 2011. 623 с.

Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налётова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Массов А. Я. Неизвестный автограф Н. Н. Миклухо-Маклая // Этногр. обозрение. 2013. № 4. С. 111—117.

Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: В 6 т. М.: Наука, 1996. Т. 5: Письма. Документы и материалы. 824 с.

Никишенков А. А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. 496 с.

Николаев В. П. [Рецензия] // Этногр. обозрение. 2002. № 1. С. 163—168. Рец. на кн.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: В 6 т. М.: Наука, 1990—1999.

Ревуенкова Е. В. Н. Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова // Этногр. обозрение. 1994. № 1. С. 134—148.

Соловей Т. Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай (история одной научной стратегии) // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сб. науч. статей, посвящ. 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / Отв. ред. А. А. Никишенков. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. С. 74—85.

Станюкович М. В. Предисловие: Теория и внимание к деталям // Ревуненкова Е. В. Индонезия и Малайзия — перекресток культур. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. XI.

Станюкович М. В. Полевые методы в экспедициях на Филиппины: общий язык и как с ним бороться // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX—начало XXI века). Мат-лы XVI Междунар. школы-конф. по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2016. С. 71—73.

Старое и новое в изучении этнографического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая: очерки по историографии и источниковедению / Отв. ред. и сост. П. А. Белков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 252 с.

Тумаркин Д. Д. «Вторая жизнь» Н. Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа — Новой Гвинее // Этногр. обозрение. 1997. № 1. С. 158—169.

Туторский А. В. Деятельность Рейнского миссионерского общества на Берегу Маклая в 1887—1914 гг. // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 193—208.

Хаген Б. Воспоминания о Н. Н. Миклухо-Маклае у жителей залива Астралабия на Новой Гвинее // Землеведение. 1903. Кн. 2/3. С. 245—252.

Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History // The Asia Pacific J. of Anthropology. 2013. Vol. 14. N 2. P. 136—148.

Chowning A. Review ed: Webster E. M., “The Moon Man: A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay”. Melbourne: Melb. Univ. Press, 1984. XXV. 421 p. // New Zealand Slavonic J. 1986. P. 145—149.

Field notes on science and nature / Ed. M. R. Canfield. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2011. 297 p.

Fitzpatrick S. On the Trail of Nikolai Miklouho-Maclay: A Russian encounter with the antipodes // The Atlantic World in the Antipodes: Effects and Transformations since the Eighteenth Century. Cambridge: Scholar Publishing, 2012. P. 166—184.

Gaffney D. Maintenance and Mutability amongst Specialist Potters on the Northeast Coast of New Guinea // Cambridge Archaeological J. 2018. Vol. 28, iss. 2. P. 181—204.

Govor E., Manickam S. K. A Russian in Malaya: Nikolai Miklouho-Maclay’s expedition to the Malay Peninsula and the early anthropology of Orang Asli // Indonesia and the Malay World. 2014. Vol. 42. N 123. P. 1—24.

Gunn W. Making Fieldnotes and Sketchbooks: An Introduction // Fieldnotes and Sketchbooks: Challenging the Boundaries Between Descriptions and Processes of Describing. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 1—35.

Hanke A. Die Sprachverhältnisse in der Astrolabe-Bai in Deutsch-Neuguinea // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. 1905. Jg. VIII, Abt. I. S. 255—262.

Hanneman E. F. Concerning Maclay // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. Ser. 14. 1983. Vol. 4. N 2. P. 7—10.

Herle A. Creating the anthropological field in the Pacific // The Atlantic World in the Antipodes: Effects and Transformations since the Eighteenth Century. Cambridge: Scholar Publishing, 2012. P. 184—218.

Parmentier R. J., Kopnina-Geyer H. Mikloucho-Maclay in Palau, 1876 // ISLA: A Journal of Micronesian Studies. 1996. Vol. 4. N 1. P. 71—108.

Sbnukal A. N. N. Miklouho-Maclay in Torres Strait // Australian Aboriginal Studies. 1998. N 2. P. 35—49.

Stocking G. Maclay, Kubary, Malinowski: archetypes from the dreamtime of anthropology // The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison: Univ. of Wisconsin Press. 1992. P. 212—275.

Street A. The Hospital and the Hospital: Infrastructure, human tissue, labour and the scientific production of relative value // Social Studies of Sciences. 2016. Vol. 46, iss. 6. P. 938—960.

Taussig M. What Do Drawings Want? // Culture, Theory and Critique. 2009. Vol. 50, iss. 2/3. P. 263—274.

Webster E. M. The Moon Man: A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984. 421 p.

Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и принципы его издания

Прошло более столетия со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая — классика русской науки, отважного путешественника, мыслителя-гуманиста, страстного борца за права угнетенных народов. Но его научный и общественный подвиг, его богатое наследие не утратили своего значения до наших дней.

При жизни Миклухо-Маклая было опубликовано более 100 его работ по различным вопросам антропологии и этнографии, а также зоологии, сравнительной анатомии, географии и некоторых других наук. Эти работы — как правило, небольшие статьи, сообщения и отчеты о путешествиях — выходили в свет в России, Германии, Англии, Франции, Австралии, Нидерландской Индии (ныне Республика Индонезия) и Сингапуре.

В начале 1880-х годов Миклухо-Маклай решил заняться подготовкой обобщающих трудов, но прежде всего обработать и опубликовать материалы своих экспедиций. Ученому казалось, что на это понадобится два года, но он не смог уложиться в намеченный срок. Ряд обстоятельств сдерживал подготовку к печати материалов его путешествий: упорная, отнимавшая много сил борьба ученого в защиту прав папуасов и других народов Океании, новое его увлечение анатомическими и зоологическими исследованиями, женитьба и хлопоты по устройству семейного очага, пошатнувшееся здоровье. Однако дело не только во внешних обстоятельствах, но и в причинах внутреннего, творческого порядка. Миклухо-Маклай с огромной ответственностью подошел к подготовке этих материалов. Он долго и мучительно размышлял, в каком объеме и в какой форме изложить итоги того, чему были отданы многие годы жизни¹. Ранняя, преждевременная смерть в апреле 1888 г. помешала исполнению его замыслов. Не все дневники были подготовлены к печати и ни один из них не вышел в свет при жизни автора, а задуманные обобщающие труды остались ненаписанными.

В последние годы жизни Миклухо-Маклай пользовался значительной известностью как в России, так и в Западной Европе и Авст-

¹ Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 154.

рации. Но вскоре после смерти он был почти полностью забыт. Родственники и друзья ученого тщетно добивались издания его рукописного наследия.

В 1895 г. по просьбе Совета Русского географического общества (РГО) подготовку к печати дневников и других материалов Миклухо-Маклая взял на себя выдающийся географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин. Работа обещала быть весьма сложной и трудоемкой. Сам Анучин впоследствии писал, что от публикатора требовалось «немало труда, терпения и известного запаса сведений, особенно по антропологии, этнографии, географии посещенных Миклухо-Маклаем стран»². Как показывает анализ архивных материалов, если бы Анучин сразу принялся за дело и, не отвлекаясь, довел его до конца, издание, вероятно, состоялось бы, во всяком случае, вышел бы в свет первый том. Однако Анучин и без того был перегружен огромной научной, преподавательской, организационной, издательской и журналистской работой. Поэтому он не мог сразу же взяться за подготовку к печати трудов Миклухо-Маклая и в дальнейшем занимался этим только урывками. В начале XX в. Анучин сделал несколько попыток довести до конца задуманное, но к этому времени большинство членов Совета РГО утратило интерес к публикации наследия выдающегося путешественника и исследователя. В 1913 г. в связи с 25-летием со дня смерти Миклухо-Маклая Анучин объявил в печати, что ввиду отсутствия у РГО заинтересованности в осуществлении такого издания он считает это дело «поконченным и подлежащим, за неимением в нем надобности, сдаче в архив»³.

Научный и общественный подвиг Миклухо-Маклая был по достоинству оценен лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1923 г. в столице молодого Советского государства был опубликован первый том трудов Миклухо-Маклая, заново подготовленный к печати 80-летним Анучиным и снабженный им большой вступительной статьей⁴.

Анучин вложил в эту публикацию много труда и творческих сил. Прделанная им работа была положена в основу последующих изданий материалов и исследований Миклухо-Маклая о Новой Гвинее. Но эта книга не была лишена и существенных недостатков, особен-

² *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов // *Землеведение*. 1922. Кн. 3—4. С. 5—6.

³ *Анучин Д.* Двадцатипятилетие со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая // *Землеведение*. 1913. Кн. 1—2. С. 271—272. Подробнее см.: *Тумаркин Д. Д.* Анучин и Миклухо-Маклай (из истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 10. М., 1988. С. 5—37.

⁴ *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. М., 1923.

но очевидных в свете принципов современной нам текстологии. Внося в дневник или статью то или иное дополнение, Анучин не только не указывал его точного происхождения, но в ряде случаев вообще не предупреждал, что это извлечение из другой работы. Не оговаривал он и произведенные в тексте перестановки. Кроме того, Анучин подверг рукописи ученого значительной стилистической правке. Такое отношение к рукописям Миклухо-Маклая было, по-видимому, связано с представлением о них как о чем-то незаконченном и требующем доработки и дополнений.

Новые публикации научного наследия выдающегося путешественника и исследователя появились в связи с широко отмечавшимся 50-летием со дня его смерти. Здесь в первую очередь следует отметить активную роль Географического общества СССР⁵.

Дальнейшая работа по изданию трудов Миклухо-Маклая сосредоточилась в основном в Институте этнографии АН СССР, которому в 1947 г. было присвоено имя ученого. В 1940—1941 гг. были подготовлены «Путешествия» в 2-х томах, причем первый том по структуре соответствовал публикации Анучина⁶. В 1950—1954 гг. Институт выпустил первое собрание сочинений, в котором в систематизированном виде был представлен почти весь известный к тому времени фонд научного наследия Миклухо-Маклая. Издание было снабжено научными комментариями и статьями, освещавшими биографию Миклухо-Маклая и его вклад в различные отрасли науки⁷. Публикации 1940—1941 и 1950—1954 гг. осуществлялись во многом на тех же текстологических принципах, что и книга, подготовленная Анучиным.

Первое собрание сочинений при всей его фундаментальности не исчерпало сохранившегося в отечественных и зарубежных изданиях и в архивах корпуса наследия ученого. В последующие годы, особенно в ходе работы над новым собранием сочинений, в СССР и за рубежом удалось выявить затерянные публикации статей Миклухо-Маклая, немало его рукописей, рисунков, а также неопубликованных материалов о его жизни и деятельности. Существенно возросли и текстологические требования к подобным публикациям. Все это определило необходимость подготовки нового, расширенного и дополненного собрания сочинений Миклухо-Маклая. Такое издание, основанное на строгом соблюдении принципов и норм современной текстологии, и предлагается вниманию читателей.

⁵ См. специальный выпуск «Известий» Общества (1939. Т. 71. Вып. 1—2).

⁶ *Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия* / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. Т. 1—2. М., 1940—1941.

⁷ *Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений* / Под ред. С. П. Толстова и др. Т. 1—5. М.; Л., 1950—1954.

* * *

Требование полноты, обусловленное тем очевидным обстоятельством, что *всё* в наследии Миклухо-Маклая представляет несомненную ценность и интерес — в плане научном, историко-общественном, биографическом, побудило специалистов, готовивших собрание сочинений, произвести заново сплошной просмотр печатного и рукописного наследия ученого, осуществить дополнительные поиски в отечественных и зарубежных архивах и в периодической печати 70—80-х годов прошлого века. Эта работа позволила не только выявить некоторое количество текстов (статей, писем и др.), остававшихся до сих пор неизвестными, и включить их в издание, но и заново прочитать множество различных заметок, отрывочных записей и т. д. в записных книжках, экспедиционных дневниках и других рукописях. Такие материалы включены нами в приложения либо использованы в примечаниях.

Следует все же признать, что работа по выявлению текстов Миклухо-Маклая не может считаться законченной: в архивах нашей страны и особенно за рубежом еще могут быть обнаружены различные рукописи ученого.

Трудности с разысканием текстов, принадлежащих Миклухо-Маклаю, объясняются в значительной степени судьбой его рукописного наследия. Многие рукописи, записные книжки, экспедиционные дневники, альбомы, о существовании которых мы имеем достаточно надежные свидетельства, пропали при жизни Миклухо-Маклая, во время его путешествий, при многочисленных переездах с места на место, из-за невнимательности тех, кому он отдавал свои материалы на хранение⁸. После смерти Миклухо-Маклая значительная, по-видимому, часть его петербургского архива была уничтожена вдовой, исполнявшей (или убежденной, что она исполняет) волю покойного. Из оставшегося большая часть, довольно солидная по объему и весьма ценная в научном отношении, была передана вдовой и братом ученого Русскому географическому обществу. Небольшое число материалов, принадлежавших Миклухо-Маклаю, вдова увезла в Сидней. Вместе с другими рукописями и документами, остававшимися в Австралии, они составили австралийский фонд архива Миклухо-Маклая, который ныне хранится в Митчелловской библиотеке в Сиднее.

К сожалению, фонд РГО был в свое время описан поверхностно, так что точных данных о его первоначальном составе и о всех поступивших в 1888 г. материалах мы не имеем⁹. К тому же материалы эти позднее были переданы (по-видимому, без охранный описи) Д. Н. Ану-

⁸ См., например, рассказ Миклухо-Маклая о потере ценнейших материалов экспедиции 1876—1877 гг. («Один день в пути». Т. 2 наст. изд.).

⁹ См.: Отчет действительного члена барона Николая Каульбарса о рукописях, рисунках, photographиях и картах Н. Н. Миклухо-Маклая // Изв. РГО. 1889. Т. 25. С. 70—

чину в Москву для подготовки к печати сочинений Миклухо-Маклая. Лишь в 1938 г. они были возвращены в Географическое общество, но не в полном составе: часть их (вероятно, небольшая) разошлась вместе с бумагами Д. Н. Анучина и осела в разных московских архивах (и ныне в основном выявлена), часть же пропала безвозвратно. В Географическом обществе к рукописному фонду рукописей и рисунков, полученных после смерти Миклухо-Маклая, добавились материалы, поступавшие от него в 70—80-е годы XIX в., а также приобретенные позднее (фонд 6)¹⁰. В целом именно Архив Географического общества (АГО) располагает наиболее значительной и важной частью сохранившегося рукописного наследия Миклухо-Маклая.

Другой значительный фонд был собран его младшим братом Михаилом Николаевичем Миклухо-Маклаем. В этот фонд вошли рукописи ученого, не сданные в свое время в РГО, а также материалы, хранившиеся у его матери и, возможно, у самого Михаила Николаевича. Кроме того, последний провел кропотливую работу по выявлению писем Миклухо-Маклая, сохранившихся у его русских корреспондентов, и снятию с них копий. Рукописная часть этого обширного и весьма ценного фонда в 1931 г. поступила в Ленинградское отделение Архива АН СССР (фонд 143). Входившие в фонд оттиски статей и картографический материал (нередко с пометами Миклухо-Маклая) хранятся в библиотеке Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).

Разрозненные рукописные материалы из наследия Миклухо-Маклая хранятся в соответствующих отделах ГБЛ (ныне РГБ), ГИМ, ГПБ (ныне РНБ), архиве Московской части Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), а также в ЦГАОР (ныне ГАРФ), ЦГАДА (ныне РГАДА), ЦГИАЛ (ныне ЦГИА СПб.), ЦГАВМФ (ныне РГАВМФ), ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), в отделе рукописей Британской библиотеки (Лондон), Архиве АН ГДР (Берлин), архиве Дома-музея Э. Геккеля (Йена), архиве народного картографического предприятия Херманн Хаак (Гота), архиве Зоологической станции (Неаполь) и в некоторых других советских и зарубежных архивохранилищах.

Изучение архивных фондов позволило представить в систематизированном виде сохранившийся рукописный материал, широко ис-

82; *Миклохо-Маклай М.* Записка по поводу бумаг и рукописей покойного Н. Н. Миклухо-Маклая, представленная в имп. Русское географическое общество его наследниками // Там же. С. 83—85.

¹⁰ См. кратко: *Матвеева Т. П., Черников А. М.* Рукописное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая // Советские архивы. 1971. № 6. С. 97—99. Некоторые материалы из АГО, переданные в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР во время работы над первым собранием сочинений, находятся ныне в архиве этого института (фонд К-V).

пользовать его при подготовке настоящего издания, а также учесть рукописи, имевшиеся некогда в наличии и в разное время утраченные, поиски которых есть основание продолжить.

Для определения состава настоящего издания, выбора основных текстов и характера редактирования их необходимо было, наряду с последовательным применением общих принципов и правил, учитывать особенности состояния рукописного наследия Миклухо-Маклая, во многом обусловленные спецификой его работы в экспедициях и за письменным столом (он часто диктовал свои статьи), его манерой полевых записей и обработки материалов к печати, а также судьбу его работ, отсылавшихся им в различные издания.

Следует прежде всего иметь в виду, что прижизненные публикации и оставшиеся в рукописях работы Миклухо-Маклая в ряде случаев представляют собой различные варианты и редакции одних и тех же статей или заметок. Вопрос о выборе основного текста в таких случаях всякий раз решался конкретно, на основе научной оценки имеющихся текстов, но не могло быть и речи о соединении разных редакций и создании сводных текстов. Вместе с тем, стремясь как можно полнее отразить содержание сохранившихся работ, мы включаем значимые разночтения из вариантов и редакций в примечания к соответствующим местам основного текста, как опубликованного в свое время, так и остававшегося в рукописи.

Во всех тех случаях, когда авторские оригиналы статей, публиковавшихся при жизни, сохранились, они брались в качестве основных для настоящего издания, при этом все поправки в первой печатной публикации изучались и в отдельных случаях учитывались, что всегда оговорено в примечаниях. Под оригиналами мы понимали не только автографы, но и такие, которые были записаны под диктовку автора: известно, что Миклухо-Маклай всюду, где это было возможно, диктовал свои тексты. Нередко его вынуждало к этому нездоровье; бывало, что он просто физически не мог писать сам.

Чаще всего ему не удавалось держать корректуры и он не имел возможности предупредить вмешательство редакторов в его тексты.

Значительное число работ Миклухо-Маклай опубликовал в зарубежных изданиях. Все эти работы, а также письма, написанные на иностранных языках, печатаются в настоящем издании в переводах. Прежние переводы заново проверены, исправлены и во многих случаях заменены новыми. Некоторые тексты переведены на русский язык впервые.

Среди подготовленных Миклухо-Маклаем, но оставшихся в его архиве работ особое место занимает рукопись, в составе которой находятся обработанные им для печати дневники шести путешествий на Новую Гвинею. Рукопись эта — конечный результат напряженной работы, которую автор вел в основном в 1886—1887 гг. с помощью не-

скольких переписчиков. Процесс этой работы, его промежуточные этапы не поддаются достаточно надежному освещению на основании упоминаний о ней в письмах автора, в воспоминаниях современников и архивных данных. Не вызывает во всяком случае сомнений, что это часть фундаментального труда, который должен был обобщить результаты путешествий и исследований Миклухо-Маклая, предпринятых в 70—80 годах. Рукопись поступила в РГО сразу после смерти ученого, отдельно от остального фонда, и уже 12 апреля 1888 г. (ст. ст.) вице-председатель Общества П. П. Семенов на заседании Совета Общества «представил приготовленный к печати покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том описания его путешествий, обнимающий описание пребывания его в Новой Гвинее»¹¹. Когда же несколькими месяцами позже в РГО поступил общий фонд рукописей Миклухо-Маклая, части первого тома влились в него и, по-видимому, рукопись рассыпалась на отдельные тетради, утратив свою первоначальную целостность. Ни в упомянутом отчете Н. Каульбарса, ни в позднейшем обзоре Д. Н. Анучина нет упоминаний о ней как самостоятельной единице, а в общее описание включены разрозненные ее части.

Проведенные в ходе подготовки нового собрания сочинений разыскания позволили частично восстановить состав рукописи, обозначив ее как рукопись первого тома (РПТ), а вместе с тем установить факт утраты существенных ее разделов. К настоящему времени от РПТ сохранились четыре тетрадки, сшитые нитками из больших сдвоенных или одинарных листов (кроме того, отдельные листы просто вложены в тетрадки). Они исписаны чаще с одной стороны, иногда — с обеих. На всех без исключения страницах заполнена сплошным текстом лишь левая половина, правая же, оставленная чистой, переписчиками использована затем для дополнений и поправок (эта особенность обычна для тех рукописей Миклухо-Маклая, которые готовились под диктовку и с которыми автор предполагал еще работать). Четыре тетради разного объема содержат тексты обработанных Миклухо-Маклаем дневников пяти путешествий на Новую Гвинею (1874, 1876—1877, 1880, 1881, 1883 гг.)¹². Тетради объединены сквозной пагинацией, произведенной при помощи механической печати; нумерация листов пятизначная, соответственно: 00232—00289, 00290—00350, 00351—00369, 00370—00385. Тетради с нумерацией от 00001 до 00231 отсутствуют: можно наверняка считать, что они содержали текст дневника 1871—1872 гг., а возможно, и другие тексты, относившиеся к первому пребыванию на Берегу Маклая.

¹¹ Изв. РГО. 1888. Т. 24. Вып. 6. С. 510.

¹² АИЭ (Л). Ф. К-V. Оп. 1. № 297, 294, 298, 300 (последний номер объединяет тетрадки дневников двух путешествий).

В тетрадках три почерка переписчиков: два основных, чередующихся, каллиграфически ровных, изящных, несомненно принадлежащих профессиональным переписчикам; третий — появляющийся лишь эпизодически и не отличающийся профессиональными признаками, возможно — кого-либо из близких автора.

Вопрос о квалификации описанных тетрадок как окончательно подготовленных к печати несколько осложняется сообщениями автора в письмах 1887 г. о ходе работы над трудом, согласно которым «первый том уже переписан» и ему «остается еще продиктовать, исправить и переписать 2-й том» (см. письмо неизвестному лицу, датируемое апрелем—маем 1887 г., в т. 5 наст. изд.). Последняя фраза раскрывает нам характер работы Миклухо-Маклая над рукописью: она должна была проходить три стадии: диктовку, исправления по продиктованному тексту и переписывание на белом. Слова «первый том уже переписан» как будто означают, что РПТ прошла последнюю стадию. Между тем тетрадки, которыми мы располагаем, скорее отражают второй этап работы. Об этом свидетельствует и отнюдь не беловой характер писарского текста, и довольно значительная авторская правка, и, наконец, правая половина листов, оставленная переписчиками чистой, что не характерно для беловой рукописи.

Итак, если верить процитированным словам письма, уже весной 1887 г. существовал беловой список РПТ. Можно, однако, утверждать, что в составе поступивших в РГО бумаг его не было: в описи Каульбарса нет ни малейших следов упоминаний о нем. Судя по имеющимся данным, не было его и в бумагах покойного, когда происходил их разбор.

Во всяком случае, если считать описанные выше тетрадки за РПТ на второй стадии ее подготовки, у нас нет серьезных оснований для того, чтобы предполагать наличие каких-либо разночтений с утраченным беловым списком. У тяжело больного Миклухо-Маклая не было ни времени, ни сил еще раз возвращаться к рукописи, основную работу над которой он уже провел.

Анализ тетрадок, сравнение их с источниками — соответствующими полевыми дневниками позволяют с достаточной определенностью представить, как шла работа над РПТ на первых двух стадиях. Очевидно, что переписчики писали под диктовку автора, а диктуемый текст не был заготовлен заранее и создавался на ходу: рукопись несет следы многочисленных поправок, замен, перестановок, которые делались тут же в процессе диктовки (примеры из тетрадки № 297 — дневника 1874 г.: «Мы условились к пяти часам осмотреть» исправлено на «Мы условились, что я к 5 часам съеду»; «на 5 месяцев» — на «на время путешествия»; «спустив курок» — на «когда выстрел раздался»; «одного жителя Айду» — на «одного человека острова Наматоте»). Отвергнутые или подвергшиеся исправлению части фраз, обороты, слова

чаще всего совпадают с соответствующими полевыми записями. Отсюда можно заключить, что Миклухо-Маклай диктовал, держа перед собою полевой дневник, и поправки тут же вносил в уже продиктованную часть текста. В рукописи есть следы ошибок переписчиков (как правило, тут же исправленных), вызванных чаще всего тем, что они не всегда верно слышали или понимали отдельные слова, особенно местные географические названия, имена, папуасские слова (например, в тетрадке № 297 ошибочные написания «в Атабело», «Горан», «подмазкою», «именно», «людей на Матоты», «островами Авары» затем исправлены тем же почерком соответственно на «Ватабелла», «Горам», «под маскою», «имена», «людей Наматоте», «островами Мавары»).

Таков характер первого слоя рукописи, сложившегося в ходе диктовки. Второй слой составляют поправки, внесенные позднее и, видимо, в несколько приемов, в основном на правую, чистую половину страниц, но также и в текст переписчиков: это разного рода фактические уточнения и дополнения, стилистические исправления. Часть поправок сделана рукой самого автора, другая часть — рукой третьего переписчика как под диктовку Миклухо-Маклая, так и самостоятельно (стилистическая правка). В отдельных местах РПТ оставлены пропуски: для названий видов животных и растений, имен, местных терминов и т. п., отсутствовавших в полевых дневниках; для заполнения их Миклухо-Маклаю требовалось обращение к другим источникам, но он не успел этого сделать. За вычетом указанных немногих пропусков текст РПТ можно считать завершенным и подготовленным автором к печати¹³.

Все сказанное, к сожалению, лишь предположительно может быть отнесено к той части РПТ, которая содержала дневник 1871—1872 гг. — наиболее важный и интересный во всем комплексе новогвинейских дневников Миклухо-Маклая. Несомненно, эта часть была в распоряжении Анучина, но затем затерялась, и поиски ее до сих пор не дали результатов. Мы располагаем лишь копией, снятой по поручению Анучина. Вопрос об истории утраченной части РПТ остается во многом открытым. Но можно со значительной долей уверенности считать, что вторичный текст ее (копия), дошедший до нас, восходит к РПТ, т. е. воспроизводит конечный результат работы Миклухо-Маклая над подготовкой рукописи (см. подробнее примечания к тексту «Первого пребывания на Берегу Маклая...» в настоящем томе).

¹³ Наши наблюдения над соотношением РПТ и полевых дневников документально могут быть подтверждены лишь частично (полностью сохранились только полевые дневники путешествия на Папуа-Ковиай). Но, учитывая, что все сохранившиеся тетрадки РПТ совершенно идентичны по особенностям работы переписчиков, по характеру ошибок и исправлений, можно с большой долей вероятности распространить эти наблюдения на весь корпус дошедших до нас частей РПТ.

Редакторы, готовившие в разное время текст новогвинейских дневников к печати, подвергли его значительной правке, тем самым фактически игнорировав последнюю авторскую волю. Начало этому положил Анучин. По его заказу были сняты копии с РПТ. Что это именно копии, доказывает тот факт, что все поправки, сделанные на полях сохранившихся частей РПТ, внесены здесь непосредственно в текст. Совпадение копии с РПТ полное — за вычетом некоторого числа мелких ошибок и пропусков, допущенных переписчиками. Копии также сохранились не в полном виде¹⁴. Искключительную ценность представляет копия дневника 1871—1872 гг., утраченного в составе РПТ. В тетрадках, содержащих тексты копий, можно насчитать не менее 11 разных почерков, причем некоторые из них встречаются в нескольких тетрадках. Переписка, скорее всего, шла непосредственно с РПТ, на что указывает характер отдельных ошибок переписчиков: они либо плохо прочитывали слова, либо допускали небрежность (вместо «Танок» — «Тонок», вместо «Гада-Гада» — «Года-Года», вместо «тихой обстановки деревни» — «тихой деревни», вместо «к носу» — «к ноге», вместо «улетел» — «учитель», вместо «мана» — «мама»). Некоторые из этих ошибок попали в издание 1923 г. и были повторены позднее. По-видимому, лишь небольшая часть скопированной рукописи вычитывалась другим лицом, и поправки, сделанные при вычитке, безусловно должны быть учтены при подготовке текста к печати.

Работа Анучина над копиями носила первоначально двоякий характер. С одной стороны, он постарался восполнить пропуски, опираясь частично на собственные знания, частично, видимо, используя записные книжки Миклухо-Маклая (латинские названия видов, географические имена и др.), исправлял ошибочные написания, раскрывал сокращения, переводил цифровые обозначения в словесные. Все эти случаи тщательно учитываются при подготовке настоящего издания, дополнения и исправления либо вносятся в текст, либо указываются в подстрочных примечаниях с обязательной ссылкой на Анучина. С другой стороны, уже на раннем этапе работы с текстами Миклухо-Маклая Анучин стал вносить мелкие стилистические поправки (типа: вместо «окаймляется» — «окаймлен», «втащить» — «втаскивать», «различным образом» — «тем или иным образом», «завивались также» — «также завивались»). Такого рода поправок, внешне безобидных, но произвольных и необязательных, было сделано, например, только в тетради № 293 (копия дневника 1871—1872 гг.) более ста.

Описанные случаи составили первый слой правки. Второй слой относится к началу 20-х годов и связан с подготовкой рукописи к набору. Значительная часть поправок была связана с необходимостью перево-

¹⁴ АИЭ (Л). Ф. К-V. Оп. 1. № 293 (1871—1872), № 195 (1876—1877), № 299 (1880); АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 82 (1874), № 73 (1881).

да текста на новую орфографию: вычеркивался *ѣ* в конце слов, *ѣ* и *і* заменялись на *е* и *и*, исправлялись некоторые грамматические формы. Но одновременно рукопись подверглась сплошной и значительной стилистической правке. Трудно сказать, принадлежала ли она самому Анучину или кто-то провел ее по его поручению. Правку можно классифицировать по типовым случаям:

1. Замена отдельных слов: вместо «противного» — «противоположного», «вкралось» — «появилось», «обширный» — «значительный», «был» — «оставался», «вокруг» — «около», «невозможно» — «нельзя».

2. Изменения порядка слов: вместо «ливень захватил меня» — «меня захватил ливень»; «они до сих пор» — «до сих пор они»; «капитально сделана» — «сделана капитально»; «процедуру, выше описанную» — «вышеописанную процедуру».

3. Замена местоимений соответствующими по смыслу существительными или именами собственными: вместо «они» — «пирог», «они» — «листья», «открыл его» — «открыл череп», «носят его» — «носят огонь», «он» — «Туй».

4. Переделка отдельных словосочетаний и частей фраз: вместо «кажется назойливым» — «надоедает», «пропустить ее» — «оставить ее без внимания»; «сегодня узнал наверное» — «мне удалось узнать»; «казался мне доказательством» — «показал мне»; «были довольно круглые» — «выказывали довольно круглые формы».

5. Сокращения и изъятия отдельных фраз и целых периодов: в дневнике 1871—1872 гг. под 16 декабря исключено «занимался уборкою ~ последние недели»; под 15 января — «Я описал ~ в Новой Гвинее»; под 18 февраля — «Не желая ~ образ жизни»; под 2 марта — «наблюдений и созерцаний ~ происходящего».

6. Добавление слов и частей фраз. В записи за 29 мая 1872 г. добавлено: «Подождав, пока мой ночной посетитель выскользнул из хижины».

Такого рода исправлений, добавлений, изъятий, переделок насчитывается несколько тысяч. В целом правка вела к нивелировке и обеднению стиля автора, в котором индивидуальные особенности (склонность к свободной разговорной манере изложения, избегание шаблонных книжных оборотов, некоторая тяжеловесность и «старомодность» выражений и «неправильности» речи) сочетались со следованием грамматическим и стилистическим нормам и традициям словоупотребления, характерным для русской литературной речи середины — второй половины XIX в. Известно, что Миклухо-Маклай обращался к редактором своих работ с просьбой править их «касательно слога»¹⁵, пользо-

¹⁵ См., например, его письма Ф. Р. Остен-Сакену от 26 марта 1871 г., секретарю РГО от апреля 1877 г.; в последнем, в частности, он жаловался, что «забывает немного русский язык» (см. в т. 5 наст. изд.).

вался, когда это было возможно, помощью близких в редактировании своих сочинений. Это обстоятельство, однако, не давало права позднейшим редакторам вмешиваться столь свободно в его текст.

Поправки неизбежно затрагивали в ряде случаев содержательную сторону текста, вызывали смещение оттенков значений и нарушение фактической точности авторских наблюдений (вместо «хижин, в которых живут отдельные личности» — «хижин, в которых живут отдельные семьи»; «ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть» — «ни у одного черепа не было нижней челюсти»; вместо «исследования» неоднократно — «наблюдения»).

Отмечены и случаи перестановок целых разделов текста, включения фрагментов из других источников (см. примечания к дневникам путешествий на Новую Гвинею, т. 1 и 2 наст. изд.).

При наборе издания 1923 г. вся правка первого и второго слоя была полностью учтена. По-видимому, дополнительная правка вносилась еще в корректуре. Издание 1940 г. и тома 1—2 в собрании сочинений 1950-х гг. в значительной степени сохранили правку издания 1923 г., а частично и дополнили ее.

При подготовке к печати новогвинейских дневников мы исходили из признания текста РПТ как основного, отражающего последнюю волю автора. Сохранившиеся части РПТ печатаются полностью в том виде, как они до нас дошли, редактирование допускается в рамках общих правил, принятых для настоящего издания. Текст дневника 1871—1872 гг. воспроизводится по копии РПТ, но с полным устранением правки второго слоя и с использованием частично ранней правки Д. Н. Анучина, что всякий раз оговаривается.

Помимо РПТ мы располагаем еще некоторым количеством рукописей (в виде автографов и написанных под диктовку автора), либо вполне подготовленных к печати, но не увидевших свет при жизни ученого, либо таких, которые были близки к завершению. Значительная их часть была опубликована в изданиях сочинений Миклухо-Маклая, при этом тексты подвергались редактированию уже описанного нами типа. Все они в настоящем издании воспроизводятся в полном соответствии с оригиналами, при минимальном редактировании согласно правилам издания.

Особое место в рукописном наследии Миклухо-Маклая занимают материалы, не предназначавшиеся им для публикации. Это относится к большей части писем (ряд писем Миклухо-Маклай предназначал для печати), различным документам, деловым бумагам и т. п. (см. т. 5 наст. изд.). Исключительную ценность представляют полевые материалы путешественника, экспедиционные дневники (ПД), записные книжки разного типа (ЗК и КЗК), разрозненные листки с заметками (РПЛ). Среди них первостепен-

ное значение имеют те ПД, которые Миклухо-Маклай не успел или не счит нужным обработать для печати. Поскольку у нас нет прямых свидетельств, которые указывали бы на нежелание автора видеть их опубликованными, и поскольку они столь же важны в научном и биографическом плане, как и подготовленные автором к публикации, есть все основания для их издания — с незначительными сокращениями, касающимися мест, где излагаются интимные подробности жизни Миклухо-Маклая.

Миклухо-Маклай в экспедиционной работе постоянно пользовался записными книжками нескольких типов. Одни — в плотных жестких переплетах, различного объема и формата — служили ему для записей итогов дневных наблюдений, первоначальной обработки полевых заметок, для набросков будущих статей и отчетов. Сохранилось несколько одинаковых по форме ЗК, в которых Миклухо-Маклай вел наблюдения за температурой и отмечал другие метеорологические и физические показатели. Сохранилось также несколько больших тетрадей, содержащих преимущественно черновые варианты или первые редакции ряда статей и отчетов, создававшиеся во время путешествий. К сожалению, ЗК дошли до нас далеко не полностью. Наряду со статьями, тексты которых даются нами либо в основном корпусе, либо в виде примечаний к основным текстам, отдельные фрагменты статей, описания виденного, заметки, отрывочные наблюдения, находящиеся в ЗК, помещаются нами в отделе приложений либо используются в примечаниях.

Далеко не полностью дошли до нас карманные записные книжки (КЗК): сшитые ниткой или просто сложенные из половинных (как правило) листов обычных тетрадей, они служили Миклухо-Маклаю для заметок во время полевой работы. Здесь разного рода беглые заметки, пометы на память, названия мест, отрывки бесед с информаторами, сведения делового порядка, имена и т. д. В КЗК довольно много карандашных рисунков и набросков, схем, планов. Как показывает анализ, записи из КЗК частично переносились в обработанном виде в ЗК и дневники, но многое осталось без обработки. Тексты КЗК прочитываются с большим трудом ввиду фрагментарности, обилия сокращений и из-за того, что карандашные записи стерлись от времени. Все же многое в КЗК удалось прочитать и извлечь из них отдельные фрагменты, заслуживающие публикации в приложениях или включения в примечания к основным текстам.

То же самое относится к РПА: в случайно сохранившихся листках, клочках бумаги, заполненных такими же фрагментарными и сокращенными записями, подчас обнаруживается ценная информация научного или биографического порядка.

При подготовке настоящего издания широко привлечены материалы газетных и журнальных отчетов о выступлениях Миклухо-Маклая,

изложения его статей и писем, интервью с ним, воспоминания современников, статьи о нем 70—80-х годов XIX в. Все наиболее значимое и ценное использовано в примечаниях к основным текстам.

Большое место в наследии Миклухо-Маклая занимают рисунки и фотографии, относящиеся к его путешествиям и исследованиям: портреты аборигенов, зарисовки жилищ, одежды, украшений, орудий, музыкальных инструментов и т. д., пейзажные наброски, изображения животных, птиц, рыб, анатомические и антропологические таблицы. Сам Миклухо-Маклай неоднократно подчеркивал, что весь этот изобразительный материал составляет неотъемлемую часть его трудов и должен быть непосредственно включен в соответствующие разделы готовившихся им книг и привязан к тексту. Отсылки к рисункам автор делает в ряде случаев в дневниках и статьях. Тем не менее соотнесение многих сохранившихся рисунков с текстами, их датировка, установление их сюжетов потребовали дополнительных разысканий. Незначительная часть иллюстративного материала остается не идентифицированной. К сожалению, полностью весь громадный материал рисунков и набросков, имеющийся в рукописях, опубликовать пока не представляется возможным. Многие не поддаются удовлетворительному воспроизведению. В ряде случаев приходится ограничиться указанием в примечаниях к соответствующим текстам на наличие рисунков. Многие просто безвозвратно утрачены. Все же основная масса иллюстраций, имеющих исключительную научную и историческую ценность, вошла в настоящее издание. В соответствии с волей автора большая часть рисунков помещается непосредственно в тексте (небольшое число — в т. 6). Здесь же предпринимается научная публикация этнографических коллекций Миклухо-Маклая, хранящихся в МАЭ и составляющих важный раздел научного наследия путешественника.

* * *

Особую проблему при издании сочинений Миклухо-Маклая составляет расположение его произведений по томам. В многотомных собраниях сочинений писателей и ученых часто применяется хронологический принцип расположения материалов. Однако он оказался для настоящего издания неподходящим. Не говоря уже о том, что датировать многие работы ученого затруднительно, главное — хронологический принцип лишает издание какой бы то ни было системы: при обилии научных интересов и занятий Миклухо-Маклая оно превратилось бы в бессистемный набор работ на темы, относящиеся к самым различным областям знаний.

Привлекательным и обоснованным по существу выглядит расположение материалов в последовательности путешествий и по регионам. Однако этому препятствует наличие ряда работ, которые в такую

последовательность не включаются и не замыкаются в границы определенных регионов.

В конце концов для настоящего издания был принят принцип жанрово-предметного расположения материалов по томам, со своей для каждого тома организацией внутри. Содержание первых двух томов составляют дневники путешествий, заметки, близкие к дневниковым, отчеты об отдельных путешествиях. Естественным внутри этих томов явилось расположение материала в порядке путешествий, высадок, посещений отдельных мест.

В следующих двух томах помещены собственно научные труды (т. 3 — по этнографии, антропологии и смежным научным дисциплинам; т. 4 — по естественным наукам). В т. 5 собраны письма, документы, автобиографические материалы. В т. 6 публикуются этнографические коллекции, привезенные ученым, его рисунки, не вошедшие в другие тома, указатели ко всему собранию сочинений. Кроме того, в т. 1 приводятся «Основные даты жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая», а в последующих томах публикуются статьи о научной и общественной деятельности, жизненном пути и наследии ученого-гуманиста.

Принятый принцип расположения материалов имеет свои сложности. Во-первых, в ряде случаев довольно затруднительно провести четкую грань между путевым дневником и научным сообщением. Формой дневника Миклухо-Маклай иногда пользовался для изложения важных научных наблюдений, включал в дневник научные описания. Его отчеты вообще органично соединяют рассказ о перипетиях путешествий с подведением научных итогов и обобщением важных теоретических проблем. Во-вторых, столь же трудно подчас разграничить письма в собственном смысле слова и научные сообщения в форме писем: именно этой формой Миклухо-Маклай любил пользоваться при общении с учеными, с редакторами научных журналов, с РГО.

Все же, несмотря на отмеченные трудности, обусловившие не бесспорность некоторых отнесений текстов к соответствующим томам, принятая структура издания позволяет сравнительно четко упорядочить сложный, пестрый по составу и тематике материал и представить научное наследие Миклухо-Маклая в систематизированном виде.

* * *

При подготовке настоящего издания коллектив, работавший над ним, руководствовался принятыми в науке текстологическими правилами и инструкциями о порядке публикации неофициальных исторических источников, не разрешающими подвергать тексты смысловой или стилистической правке, но обязывающими в необходимых случаях давать научную критику текстов, а также сведения об истории их создания и их судьбе.

Явные ошибки или описки переписчиков исправляются без оговорок (например, в рукописи вместо очевидного «улетел» было «учитель»). Это же относится к опискам автора и ошибочным флексиям, возникавшим, в частности, в процессе переработки чернового текста.

Конъектуры, принятые редакцией настоящего издания либо (частично) перенесенные из предыдущих изданий, даются в угловых скобках. Часть конъектур, предложенных в свое время Д. Н. Анучиным, но не принятых в настоящем издании, отмечается в постраничных примечаниях.

Пропуски в оригинале отмечаются отточиями в прямых скобках и в необходимых случаях оговариваются в постраничных примечаниях. Если такие пропуски удастся заполнить на основе данных записных книжек или иных авторских текстов, прямые скобки при этом сохраняются. Слова, случайно выпавшие в окончательном авторском тексте, но имевшиеся в одном из черновых вариантов, включаются в текст без оговорок. Сокращения в текстах источников, сделанные редакцией, обозначаются отточиями в угловых скобках. Авторские сокращения сохраняются, когда они не противоречат современным нормам, в остальных случаях они раскрываются. Сохраняется употребление автором условных обозначений: ♂ (мужчины, мужское) и ♀ (женщины, женское). В ПД, ЗК, КЗК, РПА встречается множество недописанных слов. Восстанавливаемые нами окончания даются в прямых скобках — если наличествует возможность вариантов прочтения, в остальных случаях — без оговорок, как и при раскрытии сокращений. Приближительность раскрытия недописанной части слова или неуверенность в прочтении слова в целом обозначаются вопросительным знаком в угловых скобках. Написание числительных, как количественных, так и порядковых, частично унифицировано, многие передаются словами.

Имена собственные, географические и этнические названия, местные понятия и термины, как правило, приводятся в авторском написании. Авторский разноречивый устраняется, когда можно предполагать очевидные описки. Унифицируются случаи неустойчивого употребления *э*—*е* (кэу—кеу).

В тех случаях, когда под влиянием западноевропейской графики автор необоснованно использовал в начале слова йотированное *е* вместо открытого *э* (Энглам-Мана, Еремпи, Епи, Ефате), дается более правильное написание (Энглам-Мана, Эремпи, Эпи, Эфате). Гиперкорректные удвоения исправляются (боллас — болас). Удвоенные буквы, написанные как одинарные, восстанавливаются без квадратных скобок, даже если знаки удвоения в рукописи отсутствуют. Правильные (или соответствующие современному употреблению) написания названий и терминов даются иногда в примечаниях и приводятся в именных и предметных указателях (например: Бюйтенцорг — Бейтензорг).

Переводы встречающихся в тексте иностранных слов, выражений, записей приводятся, как правило, в постраничных примечаниях. Иностранные названия видов растений, животных, болезней, лекарств и т. д., а также местные слова не переводятся (за исключением тех случаев, когда перевод предусмотрен автором или необходим для понимания смысла фразы), но выносятся в указатели, где получают объяснение (см. т. 6 наст. изд.).

При публикации рукописей, особенно автографов, фразы, отдельные слова, части фраз, зачеркнутые или замененные автором, частично приводятся в постраничных примечаниях с пометами от редакции: «было», «далее было», «вместо», «вписано» и др.

Фрагменты текста, вписанные автором на полях, включаются в текст, как правило, без оговорок.

Авторские примечания приводятся полностью постранично и обозначаются звездочками. Библиографические описания, принадлежащие автору, приводятся в соответствие с современными правилами (поправки и дополнения не оговариваются); отсутствующие у автора библиографические ссылки там, где они необходимы, даются в угловых скобках.

Текстологические примечания и пометы редакторов настоящего издания, так же как и указанные выше редакторские примечания и переводы слов и выражений, обозначаются постранично буквами русского алфавита и располагаются под авторскими примечаниями.

Примечания фактического характера, реалии (этнографические, биографические, пояснения к именам, географическим названиям и т. д.), а также дополнения к основному тексту из других источников помещаются в специальном разделе «Примечания» после описания источника текста, его характеристики и истории. Они обозначаются арабскими цифрами в сплошной нумерации для каждого текста.

Специальный комментарий к именам лиц, упоминаемых в текстах, дается лишь в тех случаях, когда Миклухо-Маклай был как-то связан с этими лицами или когда это необходимо по смыслу. Они даются, как правило, один раз. В остальных случаях мы ограничиваемся краткими сведениями об упоминаемых лицах в именном указателе (т. 6), где читатель найдет отсылку к тому и страницам, на которых они упомянуты.

В текстах Миклухо-Маклая часто упоминаются предметы, вещи, элементы жилища, одежды, музыкальные инструменты, растения и т. д., требующие пояснений. В таких случаях либо даются редакционные пояснения, либо отсылки к статьям автора, где имеются подробные объяснения. В необходимых случаях комментарии содержат поправки и уточнения, связанные с современными научными данными.

Тексты печатаются в основном по правилам современной орфографии и пунктуации. При этом в соответствии с установившейся в нашей стране практикой научного издания классиков русской литературы, общественной мысли и науки дореволюционного времени в текстах сохраняется ряд особенностей, отражающих как индивидуальную манеру Миклухо-Маклая (в том числе и свойственные ему отклонения от грамматических норм), так и характерные явления русского литературного языка середины и второй половины XIX в.

Таковы отдельные особенности и колебания в оформлении категорий числа, рода, падежных форм существительных и прилагательных (банан, орех, бисквит, москит, сажень — вместо: бананов, орехов, бисквитов, москитов, саженьей; болезнию, жизнью; мохом; волосы и волоса; полуострову в предл. пад.); в оформлении глаголов, причастий и деепричастий («отказал» вместо «отказался»; «не решая» вместо «не решаясь»; «вошел»; «шел, сопровождаемый своей дочерью»); в употреблении предлогов («замечал в Новой Гвинее»; «в плантации»; «об войне»; «об котором»; «любезен относительно меня»; «несмотря что тропинка была»; «судно, стреляющее на пироги...»; «полируется помощью» вместо «с помощью»; «во что бы ни стало»; «с опасностью жизни» вместо «для жизни»).

В области лексики: устаревшие и необычные словоупотребления («характеристичный», «энергетический»; «осчитывать» — «осчитывать деления анероида»;

«путеводитель» в значении «проводник»; «припомнил» в значении «напомнил»; «не выполнены» в значении «не заполнены чем-то»; «необходимо» в значении «обязательно», «непрерывно»; «предложения» в значении «предположения»; «начто» в значении «зачем»; «парализует» в значении «восполняет», «устраняет»: «вышина крыши парализует неудобство низких стен»); особенности в звуковом составе слов (снурок, шлюбка, шкуна).

В сфере синтаксиса сохраняются специфические построения фраз, тяжеловесные, трудночитаемые конструкции. В единичных случаях, когда встречается явно неоправданная ломка грамматической конструкции, в текст вносятся минимально необходимые поправки, оговариваемые в постраничных примечаниях.

Сохраняются случаи необычного употребления падежных и предложных конструкций в словосочетаниях и фразеологических оборотах («по случаю беспорядков между населения»; «рису (...) сваренного с немного солью»; «если кто не хотел слушаться его, были убиты»; «боясь отказать что-либо» вместо «в чем-либо»); несогласования рода и числа сказуемого с подлежащим («несколько человек сидело (...) около (...) хижины и в темноте перекидывались словами»; «стеклись много жителей»); плеонастические («в менее чем в полчаса») и эллиптические («дети, их визг разбудил меня»; «это обстоятельство причина, что...»; «перевязав их карболовым маслом») конструкции; придаточные предложения типа: «которых тело было бы покрыто», «которого имя было»; независимый деепричастный оборот («увидев меня, несколько копий были подняты»; «все четыре стены представляя отверстия, ветер свободно гуляет»).

При переводе текстов на современную пунктуацию учитываются индивидуальные особенности употребления знаков препинания, имеющие смысловой или стилистический оттенки. Использование кавычек и скобок упорядочено.

* * *

Редколлегия собрания сочинений надеется, что это издание станет определенной вехой в истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая.

Редколлегия выражает глубокую признательность всем лицам и учреждениям, способствовавшим подготовке издания, в первую очередь сотрудникам тех упомянутых в данной статье советских и зарубежных архивов, где хранятся материалы Миклухо-Маклая. Особо хотелось бы отметить неизменное внимание и помощь со стороны заведующей АГО Т. П. Матвеевой и сотрудницы этого архива М. Ф. Матвеевой, обеспечивших многолетнюю плодотворную работу нашего научного коллектива над наиболее значительным по объему фондом рукописного наследия Миклухо-Маклая. Ценную помощь в поиске и изучении материалов ученого в австралийских музеях, библиотеках и архивохранилищах оказали его внуки — Робертсон, Кеннет и Пол Маклай, Л. Бушелл, Ч. Сентинелла, П. Стэнбери, Р. Шеридан и другие активисты Общества Миклухо-Маклая в Австралии..

Основные даты жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая

- 1846 г., 5(17) июля — родился в им. Рождественском Боровичского уезда Новгородской губ. (ныне с. Языково Окуловского р-на Новгородской обл.). Отец — Николай Ильич Миклуха, капитан-инженер путей сообщения, участник строительства Петербургско-Московской железной дороги; мать — Екатерина Семеновна, урожденная Беккер.
- 1846 г., 28 июля — назначение отца помощником начальника пути от Санкт-Петербурга до Александровского механического завода, а затем (6 марта 1848 г.) начальником Санкт-Петербургской пассажирской станции. Переезд семьи в Петербург.
- 1849 г., 11 августа — перевод отца в южную дирекцию строительства Петербурско-Московской железной дороги. Переезд семьи в Тверь.
- 1856 г., — возвращение семьи в Петербург.
- 1857 г., 20 декабря — смерть отца.
- 1858 г., — поступление в 3-й класс школы св. Анны в Петербурге.
- 1859—1863 гг. — учеба в 4—6-м классах Второй Санкт-Петербургской гимназии.
- 1861 г., 2 октября — участие в студенческой сходке у Санкт-Петербургского университета. Арест и заключение в Петропавловской крепости (до 5 октября).
- 1863 г., сентябрь — поступление вольнослушателем (без окончания гимназии) на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Посещение лекций в Медико-хирургической академии.
- 1864 г., 15 февраля — изгнание из университета за участие в студенческих волнениях.
- 1864 г., март — выезд за границу.
- 1864—1865 гг. — учеба в Гейдельбергском университете на философском факультете, посещение лекций по химии, медицине и др. Участие в деятельности польского общества эмигрантов.
- 1864 г., сентябрь — путешествие по горам Шварцвальда и Швейцарии.
- 1865 г., — летний семестр на медицинском факультете Лейпцигского университета.
- 1865—1868 гг. — учеба на медицинском факультете Йенского университета, занятия сравнительной анатомией под руководством К. Гегенбаура и зоологией под руководством Э. Геккеля. Работа ассистентом при Гистологическом институте Геккеля.

- 1866 г., сентябрь—1867 г., февраль — поездка с Геккелем на Канарские о-ва через Швейцарию, Францию, Испанию, Португалию, о. Тенериф. Исследование губок и мозга хрящевых рыб на о. Лансароте.
- 1867 г., март—май — пешее путешествие по Марокко, возвращение в Йену через Испанию и Францию.
- 1867 г., осень — поездка в Данию, Норвегию, Швецию и Францию для работы с зоологическими коллекциями. Попытка принять участие в экспедиции А. Норденшельда.
- 1868 г., сентябрь—1869 г., февраль — сравнительно-анатомические работы с А. Дорном в Мессине.
- 1869 г., март—май — экспедиция для сбора зоологических материалов на Красное море, изучение условий жизни арабов. Посещение Александрии, Каира, Суэца, Ямбо [Янбу], Джебды [Джидды], Массауа, Суакина, Далакских о-вов [о-ва Дахлак]. Возвращение в Россию морем с заходом в Бейрут, Смирну [Измир], Константинополь [Стамбул], прибытие в Одессу.
- 1869 г., лето — путешествие по южному берегу Крыма, Дону и Волге (Саратов, Самара) для сбора материалов о мозге осетровых рыб.
- 1869 г., август — участие во Втором съезде естествоиспытателей в Москве, 23 августа — доклад о мозге химеры и сообщение о необходимости создания биологических станций.
- 1869 г., сентябрь — приезд в Петербург. Работа в Зоологическом музее Академии наук по определению и исследованию коллекции губок.
- 1869 г., 23 сентября — доклад в Русском географическом обществе о путешествии на Красное море.
- 1869 г., сентябрь—ноябрь — разработка плана экспедиции в Тихий океан для зоологических и антропологических исследований. Представление плана в РГО (27 сентября) и обсуждение его на заседаниях общества.
- 1869 г., ноябрь—1870 г., июнь — работа в Йене над завершением и изданием монографии «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных». Поездки в Лейпциг, Веймар; встречи с И. С. Тургеневым. Разработка программы исследований в Океании преимущественно антрополого-этнографического характера. Сообщение РГО о выборе Новой Гвинеи базой исследований. Получение денежной субсидии от РГО. Разрешение Александра II совершить переход на Новую Гвинею на корвете «Витязь».
- 1870 г., апрель—май — поездка в Лондон через Берлин, Лейден, Роттердам, Брюссель. Установление научных контактов.
- 1870 г., июль—октябрь — пребывание в Петербурге. Подготовка экспедиции. 7 октября — выступление с «Программой исследований» в РГО.
- 1870 г., 27 октября (7 ноября)—1871 г., 7(19) сентября — путешествие в Новую Гвинею на корвете «Витязь». Отъезд из Кронштадта, посещение по дороге Дании, Германии, Бельгии, Нидерландов, Англии. Далее следование по маршруту: о. Мадейра — о. Сан-Висенти (о-ва Зеленого Мыса) — Рио-де-Жанейро — Магелланов пролив — Пунта-Аренас — Талькауано — Вальпараисо (поездки в Сантьяго, горы Аконкагуа) — о. Пасхи — о. Питкэрн — о. Мангарева — Папэте (о. Таити) — Апия

- (о-ва Самоа) — о. Ротума — о. Новая Ирландия — зал. Астролябия (Новая Гвинея). Гидрографические и этнографические наблюдения во время перехода. 15(27) сентября 1871 г. — отход «Витязя».
- 1871 г., 8(20) сентября—1872 г., 12(24) декабря — пребывание на Новой Гвинее на побережье зал. Астролябия (мыс Гарагаси близ дер. Горенду и Гумбу), вскоре названном Берегом Маклая. Посещение соседних деревень и островов. Антропологические и этнографические исследования папуасов; естественнонаучные наблюдения.
- 1872 г., декабрь—1873 г., май — отъезд на клипере «Изумруд». Посещение о. Тернате, о. Тидоре, Минахасы (о. Сулавеси), Манилы (экскурсия в горы о. Лусон для изучения аэта), Гонконга, Кантона, Сингапура. Прибытие в Батавию [Джакарта] на о. Ява.
- 1873 г., май—декабрь — пребывание в Батавии и Бейтензorge [Богоре] в резиденции генерал-губернатора Нидерландской Индии. Обработка материалов, собранных на Новой Гвинее.
- 1873 г., декабрь—1874 г., июль — второе путешествие на Новую Гвинею через Макасар (о. Сулавеси), о. Банда, о. Амбоину [Амбон], о. Гесир [Гессер]. Поселение на Берегу Папуа-Ковий на мысе Айва. Экскурсия в глубь острова, открытие оз. Камака-Валлар и папуасов вуоусирау. 28 марта, во время отсутствия Миклухо-Маклая, — нападение на его хижину и разграбление имущества местными «капитанами», убийство ими мирных жителей. Переезд Миклухо-Маклая в Айдуму. 23 апреля — арест им главного виновника нападения «капитана» Мавары. 30 апреля — прибытие на о. Кильвару. Возвращение в Батавию через о. Банда, о. Амбоину, о. Буру, о. Тернате, Менадо (о. Сулавеси), Горонтало (о. Сулавеси), Макасар, Сурабаю.
- 1874 г., август—ноябрь — пребывание в Батавии, Бейтензorge, Ти-Панасе. Подготовка меморандума генерал-губернатору Нидерландской Индии о социально-политическом положении папуасов Берега Папуа-Ковий. Обработка материалов о первом и втором пребывании на Новой Гвинее.
- 1874 г., ноябрь—1875 г., январь — посещение Сингапура, Иохор-Бару [Джохор-Бару]. Первое путешествие по югу п-ова Малакка (от р. Муар до р. Индау [Эндау]). Изучение смешанных аборигенных племен оран-утан и оран-райет.
- 1875 г., февраль — возвращение в Иохор-Бару. Поездка в Бангкок (Сиам).
- 1875 г., март—май — пребывание в Сингапуре и Иохор-Бару. Продолжение обработки новогвинейских материалов. Разработка плана основания зоологической станции.
- 1875 г., июнь—октябрь — второе путешествие по Малакке с юга этого полуострова (княжество Джохор) на восточное и северо-восточное побережье (княжества Пахан [Паханг], Трингано [Теренггану], Калантан [Келантан]), затем в северную часть полуострова (княжество Кеда, районы, принадлежащие Сиаму), оттуда возвращение через г. Малакку на западном побережье в южную часть полуострова. Изучение малайцев и аборигенных групп оран-сакай и оран-семанг.
- 1875 октябрь — пребывание в Сингапуре. Начало борьбы против аннексии Новой Гвинеей Англией. Обращение в связи с этим в РГО. Решение от-

- казаться от публикации ряда сведений, собранных на п-ове Малакка, для предотвращения вторжения английских колонизаторов.
- 1875 г., ноябрь—1876 г., январь — пребывание в Бейтензорге. Подготовка к печати материалов, собранных на Новой Гвинее и на п-ове Малакка.
- 1876 г., февраль—июнь — путешествие по западной Микронезии и северной Меланезии на шхуне «Си бэрд» по маршруту: Черибон (о. Ява) — Бонтайн (о. Сулавеси) — о. Гебе — о-ва Пеган [Мапия] — ат. Аурупик [Эаурупик] — ат. Улити — о. Вуап [Яп] — арх. Палау — о. Вуан — о-ва Адмиралтейства — о-ва Агомес [Хермит] — о-ва Ниниго — Берег Маклая. Этнографические и антропологические исследования. Сбор сведений о деятельности тредоров и работоторговцев. Первое упоминание о намерении создать Папуасский Союз (26 марта 1876 г.).
- 1876 г., 27 июня—1877 г., 10 ноября — второе пребывание на Берегу Маклая на мысе Бугарлом (близ дер. Бонгу). Посещение деревень Берега Маклая и прилегающих островов (арх. Довольных людей, о. Били-Били), экскурсии в горные районы. Продолжение изучения папуасов. Благотворное влияние на их хозяйство и быт. Отношение папуасов к русскому ученому как к «очень большому человеку» («тамо-боро-боро»). Попытки приступить к созданию Папуасского Союза.
- 1877 г., ноябрь—1878 г., январь — переезд в Сингапур по маршруту: о-ва Вулкан и Лессон — Агомес — Анахоретов [Каниет] — о-ва Палау — Замбоанга (о. Минданао).
- 1878 г., январь—июнь — пребывание в Сингапуре и Иохор-Бару. Тяжелая болезнь и денежные затруднения. Получение денег из России от РГО и уплата части долгов. Отъезд в Сидней (Австралия) по рекомендации врачей.
- 1878 г., июль—1879 г., март — пребывание в Сиднее. Вступление в члены Линнеевского общества и участие в его работе. Проведение сравнительно-анатомических, антропологических и этнографических исследований. Публикация статей. Организационная деятельность по созданию морской биологической станции в Сиднее. Открытое письмо А. Гордону (британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана) о необходимости соблюдения прав папуасов Берега Маклая (23 января 1879 г.).
- 1879 г., март—1880 г., январь — путешествие по островам Меланезии на шхуне «Сэди Ф. Кэллер» по маршруту: Сидней — Нумеа (о. Новая Каледония) — о. Лифу — Новые Гебриды — риф Канделария [Ронкадор] — о. Андра (о-ва Адмиралтейства) — о-ва Ниниго — о-ва Луб [Хермит] — о. Сорри (о-ва Адмиралтейства) — о. Андра — о. Новая Ирландия — о-ва Тробриан — о. Симбо (Соломоновы о-ва) — о. Базилаки [Моресби] (арх. Луизиада). Этнографические и антропологические наблюдения. Сбор сведений о работоторговле в Меланезии.
- 1880 г., январь—апрель — путешествие на миссионерском пароходе «Элленгован» по маршруту: о. Варе [Тесте] — деревни южного побережья Новой Гвинеи (от Самараи до Сило) — о-ва Торрессова пролива (Меррей, Дарнлей, Сейбай, Мабиак, Вайбин [Терсди]).
- 1880 г., май—декабрь — пребывание в Квинсленде (Австралия). Посещение на почтовом пароходе портов Сомерсет, Куктаун, Таунсвилл. Жизнь

- в Брисбене. Поездки во внутренние районы: Гульнарбер (у Сент-Джорджа), Джимбур, Долби, Пайкдейл, Станторп. Этнографическое и антропологическое изучение австралийских аборигенов и сбор сведений о положении работающих на плантациях меланезийцев. Сравнительно-анатомические исследования мозга сумчатых. Палеонтологические раскопки в Клерво, близ Глен-Иннес (Новый Южный Уэльс).
- 1881 г., январь—1882 г., январь — жизнь в Сиднее. Поездка в Викторию для проведения геотермальных наблюдений (апрель 1881 г.). Подготовка «Записки о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана» и «Проекта развития Берега Маклая», письма коммодору Дж. Уилсону и А. Гордону в защиту коренного населения Океании. Работа на морской биологической станции в Уотсон-бей, продолжение сравнительно-анатомических работ, публикация научных статей.
- 1881 г., август—сентябрь — вторая поездка на южный берег Новой Гвинеи (для предотвращения жестокой расправы над папуасами). Посещение Порт-Морсби и дер. Кало.
- 1882 г., февраль—август — возвращение в Россию на русских военных судах «Вестник», «Азия», «Петр Великий» по маршруту: Сидней — Аделаида — Сингапур — Александрия (задержка из-за военных действий в Египте) — Генуя — Неаполь — Флоренция — Кадикс — Лиссабон — Шербур — Кронштадт.
- 1882 г., сентябрь—ноябрь — пребывание в России. Выставка и чтения в РГО (29 сентября, 4, 6, 8 октября). Выступление в Обществе любителей естествознания в Москве (15 октября). Многочисленные отклики русской печати. Аудиенции у Александра III. Получение денег на уплату долгов и подготовку трудов. 28 ноября — отъезд в Западную Европу.
- 1882 г., декабрь—1883 г., январь — пребывание в Западной Европе (Берлин, Антверпен, Лейден, Париж, Лондон, Гринук, Генуя, Неаполь). Научные и дружеские контакты. В Париже — встреча с И. С. Тургеневым.
- 1883 г., январь—июнь — возвращение в Австралию. Переход от Порт-Саида до Батавии на пароходе «Чибасса». Третья поездка на Берег Маклая на корвете «Скобелев» (12(24) февраля — 1 (13) марта) по маршруту: Батавия — Макасар — Амбоина — зал. Астролябия (дер. Бонгу — о. Били-Били — Порт Алексей) — о-ва Адмиралтейства — Хермит — Палау — Себу (Филиппины) — Манила. Возвращение в Сидней на пассажирском пароходе через Гонконг, Сингапур, Дарвин, о. Терсди, Куктаун.
- 1883 г., июнь—1886 г., февраль — жизнь в Сиднее. Борьба в защиту прав папуасов, против подготовки колониального раздела Новой Гвинеи, против аннексии Берега Маклая кайзеровской Германией. Обращения к английским министрам (лорду Дерби, У. Гладстону), германскому канцлеру Бисмарку, Александру III и др., в русскую и иностранную печать с заявлениями и телеграммами протеста. Обработка части дневников. Подготовка к печати материалов о путешествиях и научных исследованиях 1870—1881 гг. Продолжение сравнительно-анатомических, зоологических исследований на морской биологической станции. Публикация естественнонаучных и этнографических статей в австралийской

- и европейской печати. Поездки в Голубые горы, Мельбурн. Женитьба на Маргарет Робертсон (27 февраля 1884 г.), рождение сыновей Александра-Нильса (18 ноября 1884 г.) и Владимира-Аллана (29 декабря 1885 г.).
- 1886 г., февраль—апрель — возвращение в Россию через Батавию (где были взяты многочисленные хранившиеся там коллекции), Аден, Александрию.
- 1886 г., апрель—1887 г., март — пребывание в России. Прибытие в Одессу (12 апреля 1886 г.). Аудиенции у Александра III в Ливадии (20 и 23 апреля). Поездка в Николаев для отправки коллекций, затем к родным в Малин через Киев. Прибытие в Петербург (10 июня). Выдвижение проекта организации русской вольной колонии в Океании. Обсуждение проекта в прессе. Массовое движение желающих переселиться в Океанию. Получение письма от Л. Н. Толстого с высокой оценкой деятельности Миклухо-Маклая. Открытие выставки этнографических коллекций (8 октября), переданных затем в дар Академии наук. Чтение публичных лекций (17, 22, 24, 29 ноября, 1, 8, 11 декабря). Окончательный отказ царского правительства от организации русской вольной колонии в Океании (9 декабря). Работа над подготовкой к печати первого тома путешествий. Тяжелая болезнь.
- 1887 г., март—июль — поездка в Австралию через Одессу и Суэц за женой и детьми. Возвращение в Россию через Италию и Вену. Доставка зоологических и анатомических коллекций.
- 1887 июль—1888 г., апрель — пребывание в Петербурге. Поездка в Малин к матери (август 1887 г.). Усиление болезни. Попытки продолжить работу над первым и вторым томами путешествий. Подготовка последних статей «Островок Андра», «На несколько дней в Австралию», составление автобиографии. Обмен письмами с Л. Н. Толстым.
- 1888 г., 2(14) апреля — смерть в Петербурге. 5(17) апреля — похороны на Волковом кладбище.

ПЛАВАНИЕ НА КОРВЕТЕ «ВИТЯЗЬ» (ноябрь 1870 г.—сентябрь 1871 г.)

〈Южная Америка〉

Дарвин^а, исчисляя хорошие и теневые стороны кругосветного путешествия, указывает на один важный момент: именно, что большую и даже громадную часть времени путешественник проводит в море, сравнительно с днями прожитыми им на берегу¹. Это говорит Дарвин, путешествовавший на судне, специально назначенном для исследования берегов, и целые года странствовавший у 〈одних и〉 тех же берегов (Южной Америки). Тому же обстоятельству, но еще в гораздо больших размерах, подвергается моя участь на «Витязе», потому что каждый наш переход переносит нас в местности с совершенно различной природой: San Vincente — 〈один из〉 ост[ровов] Зеленого Мыса и Магелланов пролив, тропики Бразилии и юго-западные скаты Анд.

Во-первых, короткое пребывание в одной местности; во-вторых, трудность и неп[родолжительность] подготовки при недостатке литературной помощи наперерыв мешают. Даже простое уяснение себе этого statu quo² делается довольно нелегким делом, принимая в соображение недостаточное знание местных языков и трудность нахождения личностей, которых сообщениям можно было 〈бы〉 вполне довериться.

Все эти неблагоприятные моменты объясняют, почему мои сообщения пока что будут ничего более, как разрозненные и неполные заметки, собранные с разных местностей, где приходится побывать^б. Пред-

^а Было: Дарвин в конце книги о своем путешествии (далее близко к окончательному тексту).

^б Далее было: Мне кажется лишним связывать эти частички свежего матерьяла [далее затеркнуто: которые имеют некоторое значение 〈тем〉, что собраны по возможности

посылаю эти несколько слов раз навсегда как предисловие к настоящему и будущим моим сообщениям^а, которые будут не что иное, как выписки из моей записной книжки, которые почему-либо покажутся мне достойными некоторого внимания. Отлагаю до следующего сообщения мои физико-географические морские наблюдения^б и поговорю о моем пребывании в настоящем в некоторых местностях^в, которые пришлось посетить в последнее время^г.

Рио-де-Жанейро

[2] 6 февраля^д. Улицы и рынки в Рио представляют для путешественника, интересующегося антропологиею^е, обширное поле наблюдений. На каждом шагу встречаются представители разных рас или продукты их помеси.

В двух третях низшего сословия здесь течет чистая африканская кровь или преобладает в нем. Первобытного населения — индейцев — здесь почти не приметно; изредка только попадает метис, которого неопытный еще наблюдатель только с трудом отличит от родившегося здесь европейца. Чистых индейцев здесь уже давным-давно и не увидишь^ж.

Между европейцами различных национальностей преобладают португальцы; что же касается негритянского элемента, то в Рио можно встретить образчики всевозможных племен Африки, начиная с Марокко и Гвинеи до самого Мозамбика.

Хотя настоящие уроженцы Африки вряд ли составляли когда более одной десятой всего бразильского населения, но тем не менее их влияние очень отразилось на общем типе жителей.

Численность негров этих предполагается в настоящее время около миллиона, и цифра эта в последние года не увеличивается, потому что подвоза <нет> и открытый торг невольниками лет уже 10 как запрещен в Бразилии, самое же рабство далеко еще не выведено*.

объективно], чтобы не придать простому рассказу моих наблюдений и тени полноты сведений, которой они не могут иметь.

* Вот что я узнал о положении рабства в последних годах в Бразилии. Несмотря на желания теперешнего императора^б уничтожить рабство, оно все еще существует вследствие оппозиции очень многих влиятельных личностей^а, которые, имея большую поземельную собственность, заинтересованы в этом вопросе, обрабатывая свои плантации неграми, что для них очень выгодно (европейцы не способны при

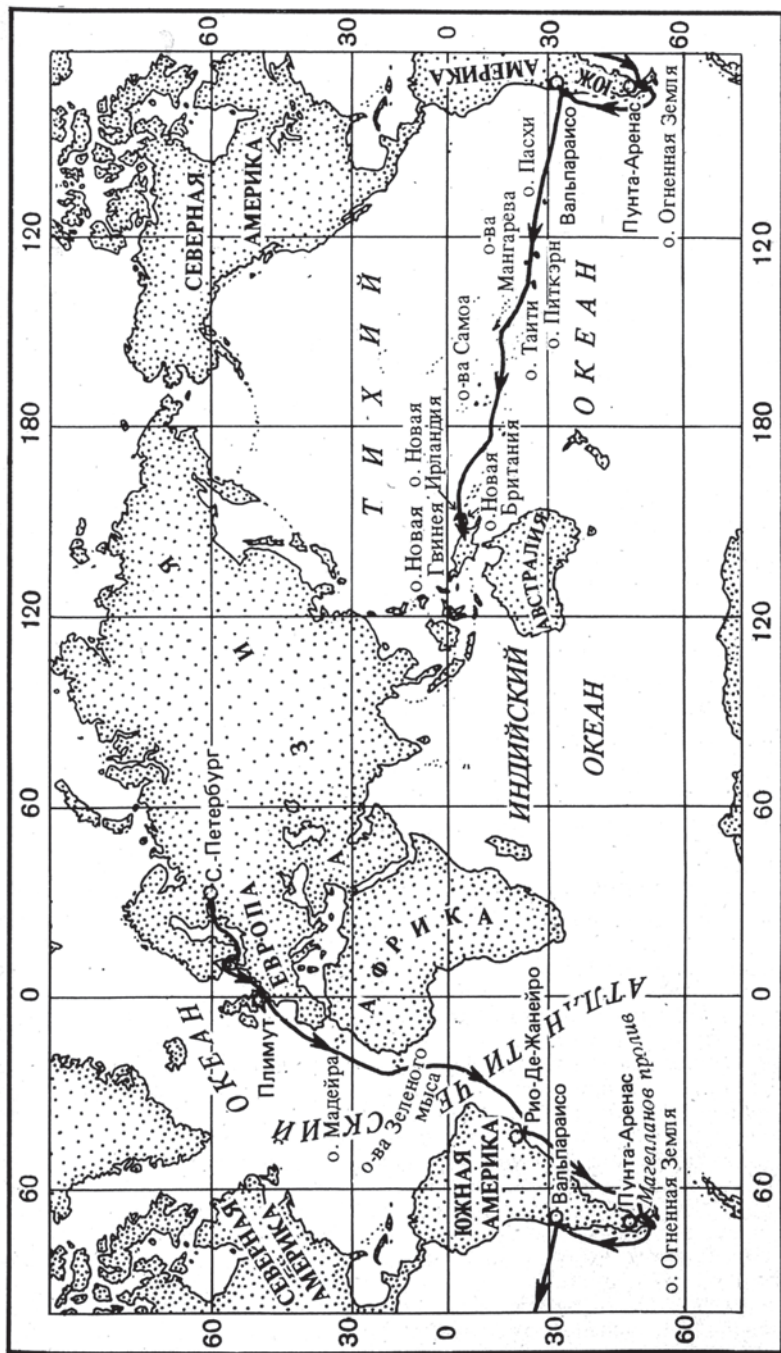
^а Далее было: пока не придется поселиться мне, наконец.

^б Далее было: которые я успел сделать во время плаванья.

^в Далее было: и их обитателях.

^г Далее было: и этнологиею.

^д Далее было: имеющих голос в п[равительстве].

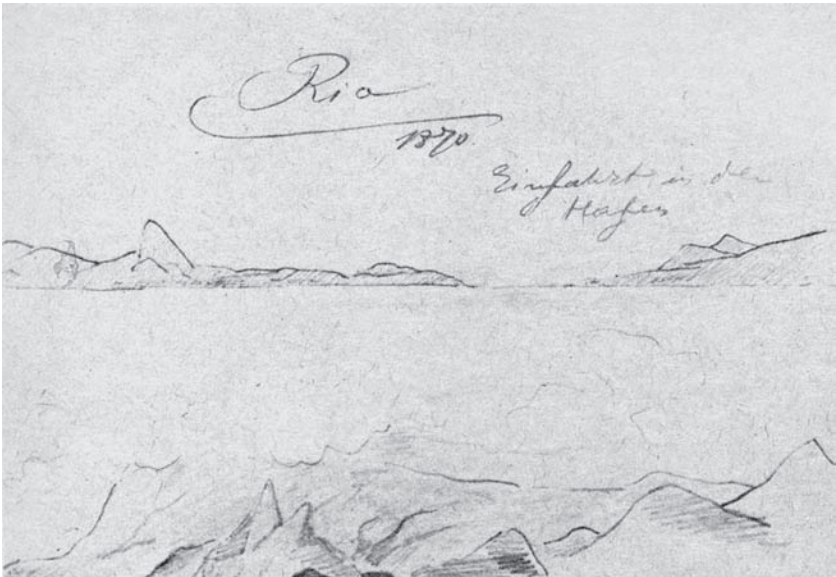
Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» в 1870—1871 гг.

Рабство негритянских племен в Америке представляет большой антропологический интерес, доставляя нам возможность проследить шаг за шагом изменение столь характеристичной расы, как негритянская, вследствие влияния новых внешних условий не только природы, но и социальной жизни. Что такое изменение существует, доказывает прямое наблюдение, и что оно не такое незначительное, докажет время, усиливая и утверждая (наследственность) это постепенное принаровение к новой среде; очень вероятно, что подобные наблюдения уже существуют в Северо-Американских Штатах, но они мне неизвестны; тем объективнее еще я могу сообщить то, что узнал и заметил. Негры, переноса вполне климат Бразилии, достигают значительной старости и даже очень размножаются между собою, причем, разумеется, большею частью муж и жена принадлежат различным африканским племенам. Таких рожденных в Бразилии негров очень значительное число.

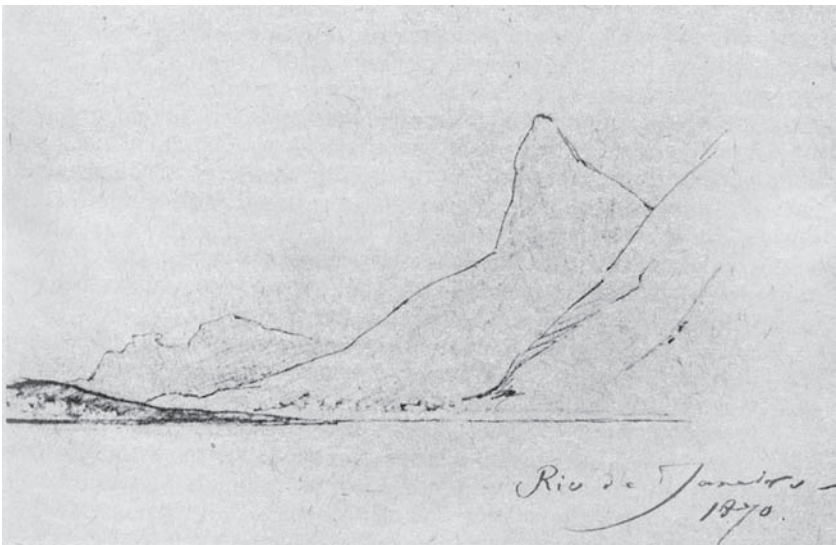
Интересуясь преимущественно этою частью цветного населения, я имел случай видеть многих из них, причем, если объекты наблюдения были молоды, то старался видеть их отца и мать. Оказалось, что все второе поколение, рожденное уже в Бразилии, гораздо светлее, чем первое, даже принимая в расчет, что и в Африке в раннем очень возрасте дети светлее родителей. Изменение цвета действительно очень заметно, бросается резко в глаза, особенно если положительно знаешь, что родители действительно негры. При огромном количестве всевозможных тонов окраски лица мулатов эти интересные объекты теряются в толпе; их

этом климате на такое количество работы, как негры). Так как открытый рынок невольников уничтожен, то их продают и покупают помощью^а объявлений. Цена этих людей, зная ценность рабов в Нубии и Абиссинии (см. «Известия (ИРГО)», (т. 5), № 6), стр. (286)⁷), показала мне громадную. Об ценах этих, само собою разумеется, можно говорить только приблизительно, хотя они даже довольно установлены. Всех дороже ценятся негры и мулаты, обученные какому-нибудь ремеслу, а также объекты женского пола, обладающие преимуществом красоты; цена первым приблизительно до 1800 рублей серебром на наши деньги; за молодых, красивых собою девушек, особенно за мулаток, платят еще дороже. Около 1400 и 1500 рублей серебром платят за негров и мулатов, назначаемых для прислуги, ухода за детьми и т. п. Красивые лица, хорошее сложение и ловкость обуславливают хорошую цену. Самые дешевые рабы, употребляемые для сельских работ, стоят от 1000 до 1200. Вообще мулаты ценятся более, чем негры; затем негры, рожденные в Бразилии, покупаются дороже, чем вывезенные негры из Африки. Причина тому — большая понятливость и лучшие способности мулатов и рожденных в Африке негров. При продаже запрещается теперь разрознивать семьи. Невольник в Бразилии может получить от хозяина только определенное число ударов, за получение свыше положенного количества имеет право жаловаться. Хотя рабство еще далеко не уничтожено, но все-таки оно с каждым годом уменьшается: подвозу нет, и детей мало покупают, боясь в случае освобождения (потерять) потраченные на покупку (?) их деньги⁸.

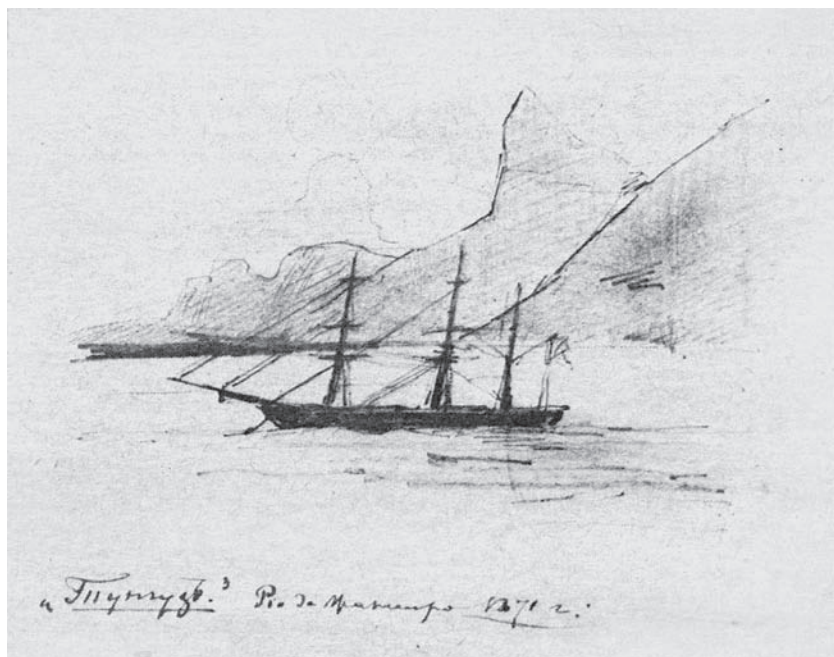
^а Далее было: газетных.

Вход в гавань Рио-де-Жанейро

Общий вид Рио-де-Жанейро

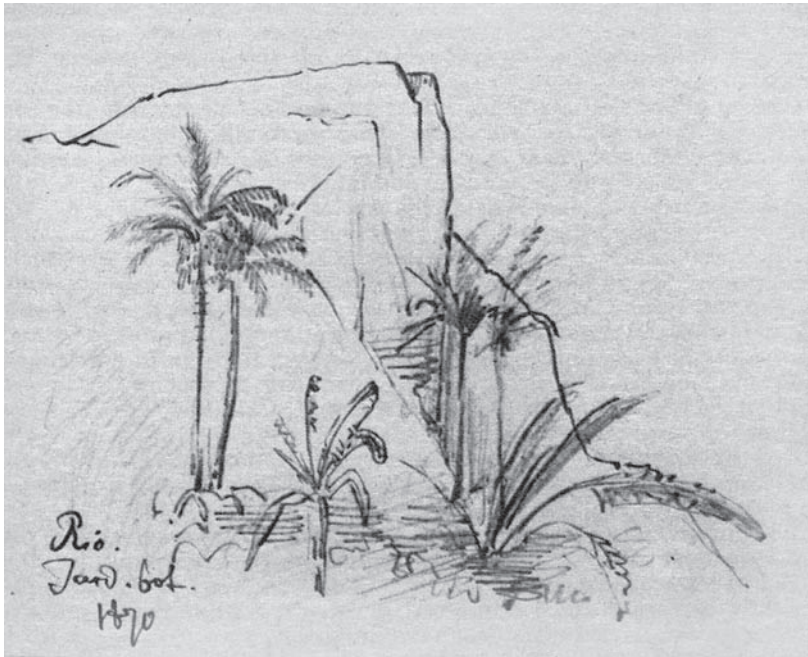
Русское судно «Тунгуз» в заливе Рио-де-Жанейро

можно уже легко принять за смесь, тогда как они не имеют ни капли белой крови, но этот факт давно замечен жителями Бразилии.

Но всматриваясь ближе на это новое африко-американское поколение и сравнивая его с настоящим африканским^а, замечаешь еще одно очень важное, но трудноуловимое изменение расы. Перед вами домашняя группа: отец, мать и дети уже на возрасте; черты лица последних представляют смесь физиономий отца и матери. Кажется, ни одна новая черта лица не изменила сходства, но, между тем, разница есть, очень большая, но в чем? Всматриваясь пристальнее, внимательно следя за игрой физиономии и движениями, вы угадаете, в чем заключается это таинственное несходство. Не черты, а выражение лица изменилось; в нем заключается эта разница между отцом и сыном, матерью и дочерью. Кроме выражения физиономии, вся манера держать себя, говорить заметно отличны одна от другой.

Наивно-глуповатая, часто при каждой безделице смеющаяся физиономия отца контрастирует с гораздо более неподвижным, скорее грустным лицом сына.

^а Далее было: даже просто детей с родителями.

Ботанический сад. Рио-де-Жанейро

И причин много такого изменения. Стоит только подумать, как различны были условия первых годов жизни отца, рожденного в Африке на свободе, и сына — уже в более холодной стране при далеко не благоприятной обстановке раба, где уже с ранних пор старались извлечь из ребенка большую пользу: заставляли сидеть и работать в душных комнатах или в подвале, или же употребляли на переноску вещей. Вместе с блестяще-черным цветом кожи потерялось его добродушно смеющееся выражение лица^а. Эта перемена жизни и обстановки не только подействовала на ребенка, но даже и на отца видны следы ее: цвет кожи негров, долго живущих в более умеренных странах, не остается таким черным и блестящим, как у их соплеменников, живущих в Африке. Он как бы тускнеет, даже бледнеет. Примеры такого изменения я часто видал, во-первых, и несколько подобных приведены Причардом, во-вторых⁹.

Оседлая жизнь, работа, отношение с соседями, отличными от старых своих соплеменников, влияя на характер, изменяя направление мыслей, изменяли также и обычное выражение лица. Все эти моменты

^а Далее было: какое-то пугливо.

производят еще большее влияние на ребенка. К тому же, теперь уже часто, школа, сближение с детьми другой расы еще более удаляют тип второго поколения от типа первого. Это влияние пока еще не столь сильно, чтобы изменить черты лица, но уже первый шаг сделан; другие мускулы напрягались чаще, выражение лица делается другим, и оно-то, мало-помалу устанавливаясь, производит перемену характера физиономии.

Среди европейского общества можно найти целый ряд параллелей, стоит обратить внимание на молодое поколение низших сословий, особенно сельского населения. Посмотрите на группу играющих на улице сельских ребятишек, обратите внимание на малую <1 нрзб.> ф[изиономий] и на <3 нрзб.>, войдите в детскую школу в самый малый класс, посмотрите на физиономии — <за> исключением индивидуальных особенностей, найдется мало различия в физионом[ии] и вообще в целой особе. Войдите <1 нрзб.> в какой-нибудь дом, в котором собралось все семейство уже взрослых членов, выросших при разнообразной обстановке, поглядите на сыновей, которые, положим, получили университетское образование, и на тех, которые выросли в деревне, заним[аясь] хозяйством. Грунт физиономий тот <же>, но лица получили уже различный отпечаток.

Другой пример — из прошлой русской жизни. Многим случалось обращать внимание на как будто различный тип дворовых и крестьян в русской помещичьей усадьбе. Мальчик, взятый лет шести-семи в барский двор, лет 10 спустя очень разнился от родного же брата, выросшего в поле у плуга; черты лица показывали сродство, но выражение оживляло их различно. Возьмите <?>, в каком сословии хотите, обратите внимание на второе поколение пошедших по разным дорогам или различным занятиям и вы увидите то же самое: и сложение, и размеры, и отношение членов одинаковое, но развитие их другое определяет уже различие, которое увеличивается...

Я привел эти примеры, чтобы приблизительно показать, какого рода изменениям подвергается второе поколение негров, рожденных уже в Америке, и что это изменение, столь натуральное и в начале незначительное, усиливается в след[ующем] пок[олении] и может иметь следствием совершенное перерождение расы¹⁰.

Но не только выражение лица, манера говорить, держать себя различает отцов от детей^а, но и даже умственные способности не остаются неизменны или, по крайней мере, принимают другое направление.

Многие заслуживающие доверия люди уверяли меня, что негры, рожденные в Америке, гораздо смысленнее своих отцов. Очень <?> может быть, что эта сметливость заключалась только в большом усвое-

^а Далее было: но и все телосложение, мускулатура и даже умственные способности.

нии европейских обычаев, к которым они пригляделись с детства. Что это обстоятельство замечено большинством населения, доказы[вают] цены, *«а именно,»* что негры, рожденные в Америке, цен[ятся] дороже, чем их отцы.

Чтобы иметь случай видеть вблизи большее количество цветного населения, я посетил больницу в Рио, где я имел полную возможность осмотреть несколько сотен объектов обоего пола. Также по утрам на рынке можно было видеть много представителей различных рас. А личностей, которые мне показались больше интересны, уводя с п[лощади] к фотографу, я их приказывал снимать, редко *«?»* без одежды с трех сторон и в пяти положениях¹¹.

¹¹Что мне кажется характеристичным при рассмотрении мулатов — это громадное разнообразие *«как»* цвета, так и черт лица*, и у большинства — неправильное, очень часто рахитичное телосложение, но, между тем, известно, что между мулатами обоих полов встречаются замечательно красивые люди.

Магелланов пролив¹²

1 апреля. После 23-дневного плавания вошли мы к вечеру в Магелланов пролив и дня через 2 стали на якорь в Punta Arenas — в небольшой чилийской колонии, единственной в Магеллановом проливе, вообще *«?»* самой южной колонии в Южном полушарии¹³. Вот несколько подробностей об ней, сообщенных мне теперешним губернатором колонии г-ном О. Виелем. Punta Arenas, названная вследствие песчаного мыса, выдающегося в море¹⁴ (53°10' ю. ш.; 0°13' в. д.¹⁵), перенесена из Port Famine в 1845 г. Древняя колония в Port Famine**, основанная еще при Филиппе II¹⁷ и совершенно оставленная теперь, покинута вследствие полного неимения пастбищ для скота (разведение которого очень важно для существования колонии, где хлебопашество очень незначительно)¹⁸.

* Причина того — наследственное сходство *«1 нрзб.»* На Cap Verde, где много мулатов, я был *«далее загеркнуто: удивлен»* *«1 нрзб.»* темнотой некоторых женщин или как в физиономиях их отражается даже национальность отца, тем более *«что»* теми[окожие] туземные женщины африканского происхождения очень похожи *«?»* между собой. *«Далее загеркнуто: Можно было узнать, кто был отец их детей.»* Между моими рисунками сохранились два портрета: оба различного цвета лица и тела *«см. Т. 6»*.

** Или San-Felipe de Magallanes (53°38' ю. ш. и 0°19' в. д.); был основан 25 апреля 1584 г. испанским мореплавателем Don Pedro Sarmiento de Gamboa; названа эта колония в честь Филиппа II¹⁶.

¹² *«Перед этой фразой было: Я уже говорил, что между неевропейским населением встречал в Рио много мулатов.»*

Магелланов пролив

Колония, несмотря на неудобный совершенно открытый порт, гораздо худший в сравнении с Port Famine, в последнее время довольно быстро увеличивается; в 1868 г. было всего 195 жителей, живших в 28 домах, между тем как в 1871 г. число жителей возросло до 850, помещающихся в 210 домах. Кроме домов, находятся и другие здания, к[ак-то]: церковь, казарма, школа, аптека и лесопильная мельница. Город развивается, прямые улицы. Эти жители^а — по большей части чилийцы, в том же числе — очень немного иностранцев^б. Можно предполагать, что эта колония еще увеличится, так как, кроме каменноугольных копей, открыли в недавнее время вблизи протекающей речке золото. Кроме того, года уже два, как Punta Arenas находится в прямом почтовом сообщении с Европою, так как сюда заходят каждые две недели английские почтовые пароходы, идущие из Рио в Вальпарайзо¹⁹.

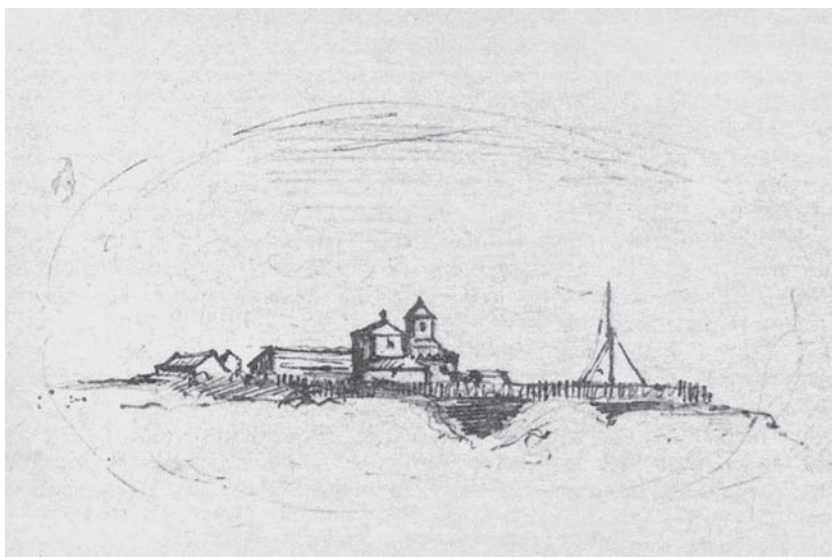
Мы остались в Punta Arenas целую неделю, и я мог сделать несколько интересных экскурсий²⁰.

4 апреля. Губернатор предложил капитану и офицерам корвета осмотреть каменноугольные копи и золотые прииски. Часа в 2 съехав на берег, мы нашли приготовленн[ыми] для нас две платформы, на которых мы должны были отправиться по железной дороге миль за 5, где находились копи. Несколько рабочих, обступив наши платформы, привели их в движение, и мы, проехав мимо города, въехали в лес <и> стали подниматься в гору. Все возвышенности около Punta Arenas покрыты лесом, который доходит до самого берега, только вблизи колонии лес вырублен^в. Эта небольшая порубка леса имела уже, по свидетельству жителей колонии, очень заметное влияние на климат колонии, увеличив намного количество ясных дней и уменьшив чис-

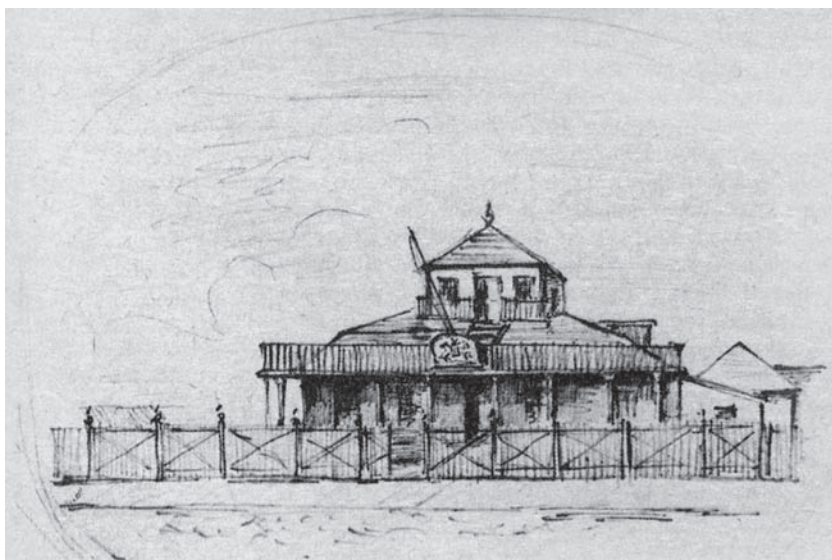
^а Некоторая непоследовательность изложения связана с тем, что текст: Кроме домов ~ улицы — представляет собой вставку.

^б Далее было: англичан.

^в Было: отчасти вырублен, отчасти выжжен.

Пунта-Аренас. Патагония

Дом губернатора, г. Виеля. Пунта-Аренас

ло дождевых дней. Также огородничество благодаря солнечным дням много выиграло. Это замечание, которое я слышал от многих, мне было интересно, потому что я никогда не думал, чтобы такая сравнительно очень незначительная порубка — не более как на каких-нибудь полторы или две^а квадратных мили — могла бы произвести такую ощутительную перемену.

Перебравшись в нашем экипаже через речку Las Minas, впадающую в море у самой колонии, мы продолжили путь по правому берегу ее. Весною эта речка, которая казалась в настоящую минуту незначительным ручьем, сильно разливается, несет с собою громадные глыбы камней и ломает на пути своем вековые деревья. Следы такого разрушения мы несколько раз видели в этой экскурсии. Лес, по которому мы ехали, состоял преимущественно из видов *Fagus*, которого стволы достигали почтенной толщины²¹; иногда попадался и лавр, которого свежая зелень резко выделялась от серых стволов преобладающего бука; еще реже встречались древовидные папоротники, но их тонкий ствол не возвышался более, как фута на 4 или 5. Попадались толстые стволы *Fagus*, в которых было вырублено пещерообразное отверстие в 1 фут вышины и полфута ширины; в этом отверстии тлели, иногда вспыхивали маленькие костры, которые мало-помалу выжигали весь ствол, который таким образом свали[ва]лся; <так упало>^б немало уже громадных деревьев.

Проехав около часа на нашей платформе, долина стала сужаться, так что с правой стороны нашей дороги подымался крутой обрыв, покрытый лесом, с левой же в нескольких саженях бежал ручей.

Проехав немного далее, встретили мы первых золотоискателей; одни выбрасывали из вырытых ям песок, другие наполняли этим песком деревянные желоба, по которым бежала вода; изменяя положение жёлоба, золотодобыватели могли по желанию изменять силу струи. Другие промывали золото в больших деревянных тарелках или плоских деревянных ковшах.

Несмотря на очень примитивный образ промывки, эти люди могут добывать в день до 10 граммов (1 gram равен приблизительно 76 коп.^в). В одном месте вид, открывшийся перед нашими глазами, был не только очень живописен, но его частности представили много интересного. В этом месте долина очень сузилась; по сторонам возвышались почти отвесные обрывы, внизу громадные глыбы камней стесняли ложе ручья, по течению которого работали золотопромышленники; в стороне лепились наскоро построенные хижины работающих.

^а Далее было: или три.

^б Фраза не доработана, дополняем по смыслу.

^в Было: 3 франка.

⟨Вся картина⟩ была освещена только с одной стороны яркими лучами солнца, которое по случаю узкости долины не могло ⟨осветить другую сторону⟩^а. Задний план заканчивался длинной перспективой гор.

Обратив внимание на глыбы, стоящие близь ручья, между которыми некоторые были выше роста человека, я увидел, что они состоят почти исключительно из раковин и, главное, раковин моллюсков, еще ныне живущих. Посмотрев на правый склон или обрыв долины, который представлял почти перпендикулярное сечение в более чем 100 футов вышины, оказалось, что весь холм состоял из раковин. Этот значительный слой был разделен на 3 этажа незначительными слоями песку и мелкого булыжника. Он доходил почти до самой поверхности, так что черной земли (гумуса) над слоем раковин не было более фута. Это интересное для геолога сечение было сделано искусственно при постройке дороги, причем необходимо надо было, чтобы не запрудить ручья или не строить моста, срезать часть склона холма. Большие глыбы внизу, состоящие из этих же окаменелостей, были отделены при постройке от того же склона. Слой состоял преимущественно из *Restrep*, но внизу мне удалось выгащить обломленный экземпляр большой ⟨раковины⟩ *Ostrea magellanica*.

По дороге далее я еще раз видел по обнаженным склонам пласты раковин, но недостаток времени и трудность взобраться на крутизну не позволили собрать экземпляры раковин. Пласты были далеко не такие громадные, как первые, но все-таки несколько фут толщины. Добравшись до каменноугольных копей, нам пришлось подняться еще по лестнице футов на 150 от уровня ручья на полвысоты холма, где находился вход в копи, которые мы осмотрели. Существование этой залежи каменного угля известно уже давно, но разработка угля началась только с прошлого года и разработано до сих пор не более как 3000 ⟨тонн⟩. Так как разработка и перевозка к пристани стоят, по словам г-на Виеля, около 4 долларов с тонны и за право разработки платится правительству по 1 доллару с того же количества, то цена угля очень высока, именно 10 долларов^б. Уголь совершенно подобен тому, который находят по западному берегу Южной Америки в *Coronel'e* и *Conception*, и по качествам горения далеко уступает хорошему английскому углю^в.

Осмотрев копи, мы опять сели на наши платформы. На этот раз не надо было живых локомотивов, толкавших наши колесницы в гору; как только положенные под колеса сучья были вынуты, мы покатались вниз все с увеличивающейся скоростью, только изредка приходилось

^а Фраза не доработана, дополняем по смыслу.

^б Далее было: которая должна понизиться.

^в Далее было: Лоте и.

бежавшему за нами рабочему помогать останавливавшейся платформе перебраться через неровности пути. Менее чем в 40 мин. мы добрались вниз в колонию, между тем как на тот же путь вверх потребовалось более двух часов²³.

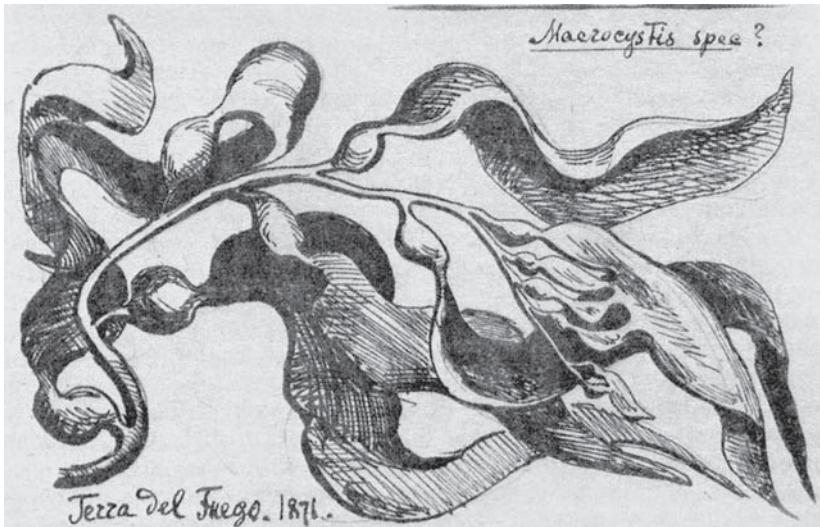
В колонии я узнал от губернатора еще следующее о золотых приисках колонии. Следы золота были открыты самим г-ном Виелем месяцев 17 тому назад, в продолжение которых найдено золота 4000 фунтов стерлингов. Золото может <быть> промываемо каждым, где и как хочет. Желаящий купить определенное место платит 6 долларов за кусок в 60 метров длиной и 200 — шириной. Эти деньги идут чиновнику, который отмеряет и выдает документ на владение. Приобретенная земля может быть продана владельцем за какую цену угодно; только в случае, если не промывается золота в продолжение 4 месяцев, владелец теряет право на свой участок. Число золотоискателей не превышало 30 человек. Губернатор и все должностные лица не имели право разрабатывать золотые прииски. Для поддержания приисков губернатор обменивает во всякое время обмытое золото на монету, так как еще в колонии не всегда находятся люди, имеющие свободные деньги; он покупает золото на казенные деньги и за меньшую цену, чем обыкновенно.

Узнав, что в колонии живут уже несколько лет двое патагонцев, я приказал отыскать их и сделал их портреты; плоскость и ширина лица у этих людей бросаются в глаза²⁴.

6 апреля. Заказав накануне лошадь и проводника, я предпринял поездку в Agua Fresca Bai, отстоявшую от Punta Arenas миль на 25. Я выехал в 7 часов при самой ясной погоде. Температура 7 °С была очень приятна для продолжительной поездки верхом. Дорога, которая вывела нас из города и показавшаяся мне чересчур хорошою для Патагонии, минут через 20 езды, спустясь к берегу моря, совершенно потерялась или, лучше сказать, преобразилась в узкую полосу, идущую у самой опушки леса. Был отлив и все пространство^а от узкой тропы до моря было покрыто кругляками различной величины. Направо как стена подымался густейший лес, толстые деревья росли у самой тропинки, и ветви их заставляли меня часто нагибаться над седлом; мой проводник-чилиец, которого я благодаря уцелевшим остаткам знания испанского языка (который я немного знал во время путешествия на Канарские острова и <в> Испанию в 1867 г.) отчасти понимал, объяснил мне, что по этой тропе можно ездить только во время отлива, что прибой во время прилива (вышина прилива здесь^б 7—8 футов) доходит до самых стволов, и действительно на листьях нижних ветвей я мог заме[чать] следы брызг морской воды.

^а Далее было: в несколько сажень.

^б Было: у Punta Arenas.

Водоросль. Огненная Земля

Таким образом дорога тянулась несколько часов, но ее однообразие вовсе не надоедало; блестящая поверхность пролива освещалась ясным^а солнцем, рисуящим вдали снеговые горы; зеленый густой лес справа, хорошая бойкая лошадь, приятная погода ⟨все вместе⟩ необходимо влияло на хорошее расположение духа. От времени до времени приходилось переправляться через речки, выходящие из леса и впадающие в море. Эти ручьи, кажущиеся летом такими невинными, неся в конце зимы массу воды от тающих снегов в горах, производят, разливаясь, большое опустошение в лесу, которого следы и теперь были заметны: по берегу, особенно близ устья этих горных ручьев и речек, были раскинута стволы громадных деревьев. Некоторые лежали уже далеко от ⟨берега и⟩ были покрыты водой, но сучья еще торчали над поверхностью; другие были отчасти уже зарыты в прибрежный песок и каждый прилив покрывались новым слоем песка и камней. Этот процесс идет здесь очень быстро; проехав далее, я наткнулся на остатки разбившегося судна; ряд шпангоутов высовывался из песка. Я сошел с лошади, я стал раскапывать песок; слой, покрыв[авший] обл[омки] кия, равнялся без малого двум футам; это судно, как я узнал впоследствии, разбилось у этого берега только ⟨четыре⟩ года назад. Причиной тому должны быть весьма значительные и сильные приливы, которые во всем Магеллановом ⟨проливе⟩ играют значительную роль.

^а Далее было: осенним.

Проехав с лишком 4 часа, причем дорога и пейзаж мало изменялись, на одном повороте открылась, наконец, ровная, довольно широкая поверхность спокойной воды, которую мне мой проводник назвал *Agua Fresca* и указал мне на две крыши вдали, на противоположном берегу, как на цель нашей поездки. Опустив совсем вольно повод, я во весь опор пустил мою лошадь, которая без понукания, почти не изменяя темпа, донесла меня в менее чем в полчаса до небольшой избы. Стая больших собак с лаем, несколько грязных детей различных возрастов и полов с удивленными лицами и несколько чилийцев в пончо, радушно кланяясь, встретили меня. Хижина, к которой я подъехал, была жилищем главного надсмотрщика за стадами, которые за недостатком пастбищ вблизи колонии содержались здесь, где им было вдоволь пищи.

После короткого перерыва, потому что уже был 12-й час, я приказал оседлать мне снова лошадь, которую хозяин, к которому у меня было письмо от губернатора, имел любезность переменить на свежую, и отправился с пастухами в горы в то место, где паслись стада, намереваясь забраться как можно далее. По очень неудобной дороге в лесу, где лошадям нашим приходилось то карабкаться по крутизнам, то скакать через высокие упавшие и загораживающие дорогу пни, забрались мы на высоты, где на небольших лесных лужайках пасся скот. Проехав далее и утомясь ездой, я был рад найти человека, пасшего овец, которому я мог передать мою лошадь, так как мои провожатые на более плохих лошадях один за другим отстали.

Дорога пешком, хотя также не была удобной, но зато представляла много интересного, нового для меня. Лес, по которому я шел наугад, имел особенную физиономию: он состоял почти исключительно из деревьев одной породы — из того же *Fagus*, который растет и по речке *Las Minas*. Верхняя треть ствола только снабжена ветвями, которые образуют верхушку; таким образом, деревья, не будучи покрыты зеленью, представляют в перспективе как бы целый ряд колонн, кот[орый] поддерживает верхний зеленый свод. Под деревьями также мало видно зелени; весь грунт покрыт толстым слоем отживших листьев, которые целые сотни лет гниют и погребают обрушившиеся от старости деревья, которые попадают на каждом шагу и очень затрудняют путь. Притом трудно вообразить себе ту сырость воздуха и влажность, которые как будто пропит[ывали] и стволы, и листья, и верхние слои земли. Солнце, которое ярко светило в этот день, с трудом проникало через верхний свод, как бы сознавая свою немощь в этом царстве влаги.

Эта громадная влажность очень способствует развитию значительной флоры грибов, мхов и папоротников, но вместе с тем она состав-

ляет, как кажется, главную причину большой бедности фауны*; это отсутствие животной жизни в патагонских лесах бросается в глаза и вместе с большою сыростью, мертвою тишиною составляют главные характеристичные черты этой местности. Между различными формами грибов^а я узнал, как мне кажется, описанную Дарвином *Suttagia darwini*²⁸. Тысячи этих грибов различной величины длинными рядами унизывали ветви и стволы деревьев. Их молочно-белый цвет резко выдавал их на темном фоне ствола; самые малые были в величину горошины, самые большие достигали размеров малого яблока. Они далеко еще не были спелы; капсулы со спорами, хотя были заметны на разрезе, но на поверхности не было и признака отверсти[й], через кот[орые] споры должны будут со временем выступить наружу. Я набрал также и других грибов, желтого цвета, ⟨в⟩ величи[ну] горошины, но более удлиненной формы, которые также рядами сидели на стволе и, кажется, принадлежат к тому же роду.

Хотя у берега ветер не был особенно слаб, но в лесу не заметно было ни малейшего дуновения; казалось, что и он не хотел нарушать этого глубокого спокойствия. Я подвигался ⟨по лесу⟩^б, не зная хорошо, куда и когда из него выберусь. Я заметил скоро между деревьями полосу просвета между верхушками деревьев — как бы опушки леса — и был очень заинтересован увидеть, куда выйду; оставив пастуху лошадь, я уже не поднимался в гору, а шел по плоской возвышенности, которая, как я предполагал, медленно опускается к берегу моря.

Я дошел, наконец, до полосы просвета, вышел из-за последних стволов, и перед мной открылась неожиданная картина. У ног моих почва опускалась довольно крутым скатом сажени на две вниз, так что, смотря прямо, я видел нижние части стволов и зеленые верхушки деревьев леса, который стоял ⟨на⟩ следующей, более низкой плоскости. Я не стоял достаточно высоко, чтобы иметь вид поверх леса, но можно ⟨было⟩ заметить, что этот уступ тянется в обе стороны. Я^в сошел с этой природной ступени, которая оказалась более крутою, чем ожидал, потому что кажущаяся отлогость состояла отчасти из груд гнивающих листьев, под которыми грунт оказался крупными булыжниками, открытие которого мне едва не стоило падения, потому что, ступая на твердое, это твердое вдруг покатилося из-под ноги в виде большого круглого камня и я ед-

* Из путешеств[ия] Дарвина и других путе[шествий] мы знаем, что юго-западный берег Чили: Tres Montes, Chiloe и др. — ⟨характеризуется влажным климатом и бедной фауной⟩²⁵.

^а *Далее было*: очень разнообразных своими окраскою и величиною.

^б *Было*: Я подвигался таким образом все далее и далее, обдумывая, что выражение «в этот дремучий лес» очень хорошо и верно подходит к.

^в *Далее было*: осторожно.

ва-едва удержался. Внизу я увидел несколько валунов разной величины, которые, должно быть, скатились с этого же обрыва.

Опять потянулся лес, совершенно такой, как и наверху; только между стволами деревьев лежали обросшие мохом огромные камни, которых я не заметил, по крайней мере в таком числе, на верхней террасе. Пройдя более получаса, я опять думал добраться до морского берега и опять ошибся. Я снова подошел к новой ступени, похожей, но несколько отличной от первой. Внизу лес казался менее высок, чем в первом случае, и склон не был так закрыт гумусом и сухими листьями. Нагнувшись, я увидел вдали между деревьями море, но между мною и берегом простиралась еще третья терраса, которую следовало еще пройти. Спустившись, я нашел, что лес совершенно изменил свой характер. Под более молодыми деревьями разросся очень густой кустарник, сучья деревьев, спускаясь низко, заграждали часто дорогу, пни и большое количество камней заставляли или перелезать через них, или обходить их. Немногие валуны только что начинали покрываться мохом.

Утомившись ходьбой, мне казалась эта часть пути самой трудной, и я был рад, раздвинув последние кусты, увидеть в нескольких шагах море и берег, усыпанный плоскими валунами, которые составили превосходное ложе после моей почти что шестичасовой прогулки.

Солнце было уже низко, и великолепный пейзаж заката вполне гармонировал с впечатлениями, которые я вынес из пройденного дремучего леса. На горизонте направо^а длинные белые cumulo-strati расположились над Tierra del Fuego^б. Слева выдвигалась из-за облаков совершенно покрытая снегом гора Sarmiento²⁷. Обдумывая виденное во время прогулки: лес, расположенный террасами, которые образовали большие уступы, крутые и внезапные склоны, тянущиеся параллельно друг другу и даже параллельно настоящему берегу; грунт под слоями гумуса; состоящий из булыжника, рассеянные валуны — все вместе подтверждало положение, что эти уступы образовал старый морской берег и что ряд постепенных поднятий превратил морское береговое (?) дно в лесную террасу. Виденные громадные пласты раковин у речки Las Minas позволят геологу, который в этих сторонах найдет множество дела, с точностью определить постепенность и время.

Раздум[ывая] о *⟨1 нрзб.⟩* пр[ежних] и будущих геологических пере[воротях], сожалея, что моих знаний не хватает в этом отношении²⁸, я совсем позабыл, что мне следует подумать о ночлеге, потому что солнце уже село, и мне, может быть, предстоял довольно далекий путь. Дорогу, разумеется, найти было нетрудно. Хижина надсмотрщика находилась у

^а Далее было: длинный белый с красным отливом закат.

^б Было: островом.

берега, и, следуя ему, я должен был ее найти^а. Восшедшая луна очень облегчила мое странствие, которое оказалось не совсем удобным, потому что наступающий прилив, заливая почти всю береговую полосу до самой опушки, заставил меня принять вовсе не желанную ножную ванну. Наконец, часу в 9-м я добрался, усталый и голодный, к избе дона <Мариано Гонсалеса> и, окруженный всей семьей хозяина и пастухами, которые уверяли, что долго искали меня в лесу, боясь, что я заблужусь, расположился обедать у костра, разложенного под навесом у хижины.

Вспомнив о найденных в лесу грибах и собираясь спросить, употребляются ли они в пищу, я сделал открытие, что поданное мне кушание были те же отваренные грибы. Оба гриба употребляют здесь в пищу: и белый, который назыв[ают] <Dinonia>, и желтый <Pinato> — в сыром виде и отваренном. Но кушание это мне очень не понравилось, хотя не имело никакого определенного вкуса. Сырые они не лучше; разжевав их, кажется, что имеешь во рту массу густосваренного крахмального клейстера. Дарвин говорит, что это растение — одна из главных составных частей пищи жителей Огненной Земли²⁹. Переселившись сюда, чилийцы скорее согласились употреблять этот невкусный гриб в пищу, чем заняться сажением овощей.

Так как хижина состояла из двух отделений и из навеса, то, не желая лишать семью, состоявшую из 6 особ женского пола — матери и 5 дочерей, их обычного ночлега, я решился ночевать у костра под навесом, так как другое отделение, где помещались пастухи, показалось мне чересчур грязным и душным.^б Ночь была отличная, и я проспал хорошо, несмотря на <то>, что мерз. Температура днем была <8.5 °C>³⁰.

7 апреля. Так как капитаном мне было сказано, что мы, может быть, снимемся в этот день утром, то время нельзя было терять, и я вернулся в Punta Arenas^в, <проехав> около 50 верст в менее чем в 2 с половиной часа.

Подъезжая к колонии, я увидел ехавших по той же дороге двух всадников, которых внешность издали показалась какою-то странною. Догнав их, оказалось, что это были патагонцы, которых целое племя, как я узнал через полчаса, приехало для обмена.

Поровнявшись с ними, я задержал лошадь и поехал с ними. Оба спутника были средних лет, кажется, выше среднего роста и очень массивного телосложения; были завернуты в гуанаковые шкуры мехом вовнутрь, которые держались поясом, стягивавшим талию; у одного мех оставлял открытыми руки и часть груди, охватывая туловище под

^а Далее было: Почти совсем стемнело.

^б Далее было: Отец семейства с женой и двумя взрослыми и тремя подрастающими дочерьми [далее зачеркнуто: поместились на трех двуспальных <постелях>] разместились в своей конуре.

^в Далее было: в 2 с половиной часа, то есть вдвое скорее, чем ехал туда.

Патагонка, 20—30 лет

Патаговец Педро Платер,
25—30 лет

мышками, у другого шкура доходила до самого горла, скрепленная какою-то медною застежкой. Так как рукавов не было, то руки были совсем спрятаны под мехом и повод лошади проходил в прореху между поясом и верхнею застежкой.

Голова была покрыта матово-черными гладкими волосами, которые прядями падали на плечи. Над лбом, у самых корней волос, шла цветная перевязь в палец шириной, завязанная на затылке; она мешала при скорой езде падать длинным волосам на лицо³¹. Черты лица, обрамленного черными волосами, были резки, даже грубы, но линии их далеко не некрасивы.

Из-под меха высывались голые ноги, продетые в очень примитивные стремяна, которые состояли из небольших палочек с двумя зарубками на концах; в этих местах был привязан разрезанный в длину конец ремня. Это трехстороннее пространство было такое небольшое вследствие короткости нижней палочки, что только три пальца ноги проходили в него. Голая нога была вооружена шпорами, которые, несмотря на свою простоту, совершенно исполняли свою цель; они состояли из двух палочек, один конец которых был вооружен железным острием. Эти палочки были ремнями так пришнурованы к ноге, что выглядывали вооруженным концом с обеих сторон пятки³².

Патагонец Хуан, 18—20 лет

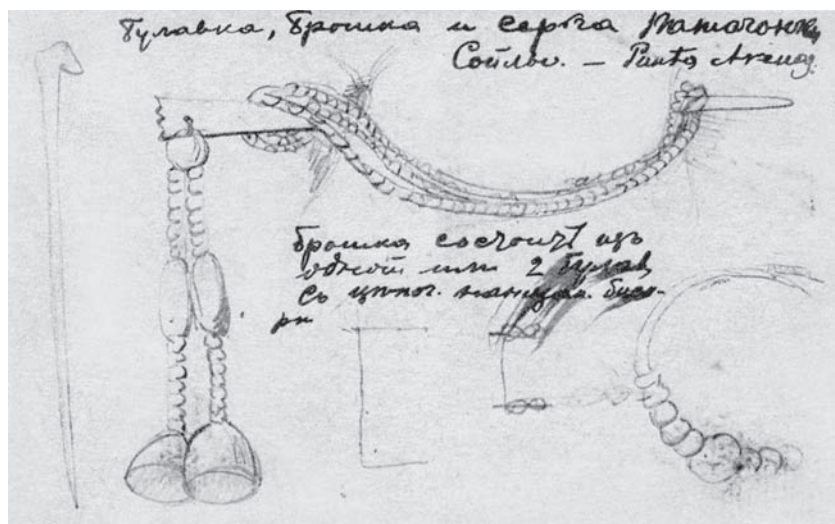

Патагонка 40—45 лет

Молча, иногда поглядывая друг на друга, въехали мы в колонию. По главной улице скитались группы патагонцев, некоторые верхом, большинство же стояли, сидели, лежали у дверей и окон лавок. Мой проводник, поехавший вперед, предупредил губернатора о моем приезде, который^а вышел ко мне навстречу и сказал, что в этот день утром приехало человек 40 патагонцев с женами и детьми, и предложил мне отправиться с ним. За нами последовал также переводчик-индеец, говоривший и понимавший немного по-испански. Губернатор послал за двумя или тремя патагонцами, которые были еще верхом; подъехали мои оба знакомства. Обещав рому, губернатор приказал показать мне, как кидают болас* ⟨и⟩ их езду верхом. Не теряя слов, они согласились, причем один стал поодаль в качестве зрителя, другой распустил не-

* Известное оружие или аппарат в Южной Америке, состоящий из трех скрученных ремней, связанных одним ⟨из⟩ концов вместе, фут до двух длиной. Три других ⟨конца⟩ оканчиваются тремя свинцовыми шарами различной тяжести — обыкновенно около 1 фунта весом каждый. Патагонцы употребляют боласы преимущественно для ловли гуанаков. Дарвин говорит, что ими же ловят дикий скот на Фалклендских островах. *Далее было:* Он же приводит рассказ, что болас, обмотав ноги

^а *Далее было:* был очень удивлен, увидя моих спутников, и спросил их, куда они ездил.

Булавка, брошка и серьга патягонки Сойлы. Пунта-Аренас

много пояс, причем гуанаковая шкура обнажила мощное туловище: грудная клетка была более чем почтенных размеров. При поверхностном взгляде на это массивное туловище легко можно было подумать, что жировой слой увеличивал обыкновенные размеры, но, присмотревшись, оказалось, что мускулатура была очень развита и сила их резко обрисовалась. Отцепив от седла свои болас и распустив ремни, он^а попросил назначить цель; отсчитав 45 шагов, я указал на ⟨на⟩ фут выдающийся шест забора.

Патагонец молча отъехал еще шагов 15 далее и, схватив болас за один из шаров, поднял его и, после двух или трех оборотов над головою, пустил свой аппарат по указанному направлению. Вертясь вокруг своего центра свинцовыми шарами, свистящие пущенные боласы имели вид вертящегося плоского колеса. Ремни мигом обмотали предложенную цель^б. Так как указанная цель на целую сажень отстояла от земли и желая увидеть действие болас^в на очень низкие предметы, я воткнул в том же расстоянии в землю короткую палку. Не успел я отойти, как боласы сделали два рикошета, как представил[ось] ⟨?⟩, сажень в пяти далее. Клубок, который распутали, заключал, кроме изломанной

бежавшего человека, такое произвели в нем беспамятство и ⟨?⟩ сильную ⟨не закончено⟩.³³ Место примечания в рукописи не отмечено и определено нами по общему смыслу.

^а Далее было: внимательно осмотрел все прикрепленные у шаров ⟨ремни⟩.

^б Далее было: которую даже не сломало.

^в Далее было: когда их сила уменьшается ударом ⟨о землю⟩.

палки, несколько камней и разный мусор, собранный дорогою.

Тем кончилось все представление, потому что другой, неподвижно сидящий на своем белом коне (патаговец) оказался почти до бесчувствия пьян, что не мешало ему сидеть на лошади и отъехать от нашей группы со своим товарищем, которому не терпелось прийти в состояние, подобное «состоянию» своего спутника.

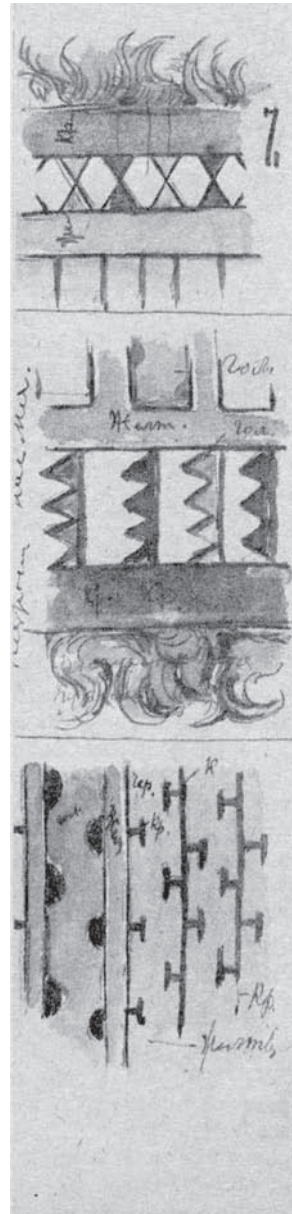
Оставив губернатора, который, несмотря на свое место главы колонии, вел меновой торг с патагонцами, в чем мой приезд как будто развлек его^а, «я» пошел по городку, где по улицам разъезжали, группами сидели и стояли около лавок патагонцы. Почти везде, у каждой двери производился торг; предметами мены со сто[роны] «?» индейцев были по преимуществу гуанаковые шкуры, страусовые³⁴ перья^б, лисьи шкуры. Все это выменивалось на ром, коньяк, а также на европейское оружие. Но главную роль играли спиртные напитки, привлекавшие патагонцев в колонию. Не прошло и трех часов по их прибытии в Punta Arenas, как почти все индейцы были уже так пьяны, что большинство не могло стоять на ногах^в. Костюмы были почти у всех одинаковые «и» состояли из четырехугольного мехового одеяла из кожи гуанако; оно покрывало плечи и падало ниже колен, держась на теле поясом; многие не имели даже и этого, а придерживали свою неудобную одежду руками у груди.

Мужчины, но далеко не все, носили род шаровар, которые не были сшиты, а состояли из длинного, не очень широкого куска

^а Слова Оставив ~ развлек его в рукописи вытеркнуты; связь с дальнейшей фразой неясна.

^б Далее было: и страусовые шкуры, сшитые вместе, также.

^в Далее было: несмотря на то, что они могут выдерживать большое количество (спиртного).

Орнаменты патагонцев

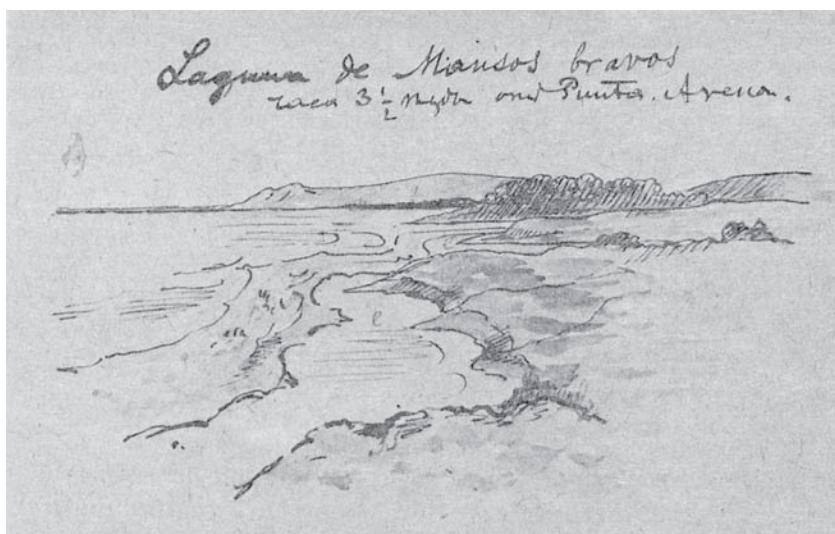
материи (сукна, холстины и т. п.), которым были окутаны очень искусно торс ниже пояса и ноги до колен. У некоторых на ногах были надеты род мягких сапог из кожи, но без подошвы; большинство ходили босыми. Длинные развевающиеся волосы, очень эффектно обрамлявшие лицо, были стянуты разноцветными узкими повязками. Некоторые заменили свою гуанаковую шкуру на вымененный у колонистов какой-нибудь испанский плащ или южноамериканское пончо.

Костюм женщин не отличался от мужского. То же гуанаковое одеяло ⟨?⟩, но только у горла плотно зашпиленное булавкой из дерева, меди или серебра^а. Некоторые булавки были простые, другие снабжены одним или несколькими сшитыми из волос шнурками, на которых был нанизан крупный бисер и бусы^б. Заколов мех булавкой, они обматывали этими шнурками крест-накрест концы булавки, которая, таким образом, не могла выскочить. У немногих женщин я видел пояса; большинство плотно запахивало свои одеяла спрятанными под ни[ми] руками. Кроме ⟨1 нрзб.⟩³⁶ или головной повязки, меховое одеяло было у женщин единственная одежда. Хотя и мягкий мех, обхватывающий туловище почти без складок, перевязанный поясом, был далеко не красив и у мужчин, которые все-таки позволяли себе больше вольности в одежде, то нося свой мех в виде плаща, то спустив его ниже пояса, ⟨но он⟩ был крайне безобразен и неудобен на женщинах, которые двигались как мумии, едва выставляя несколько пальцев наружу.

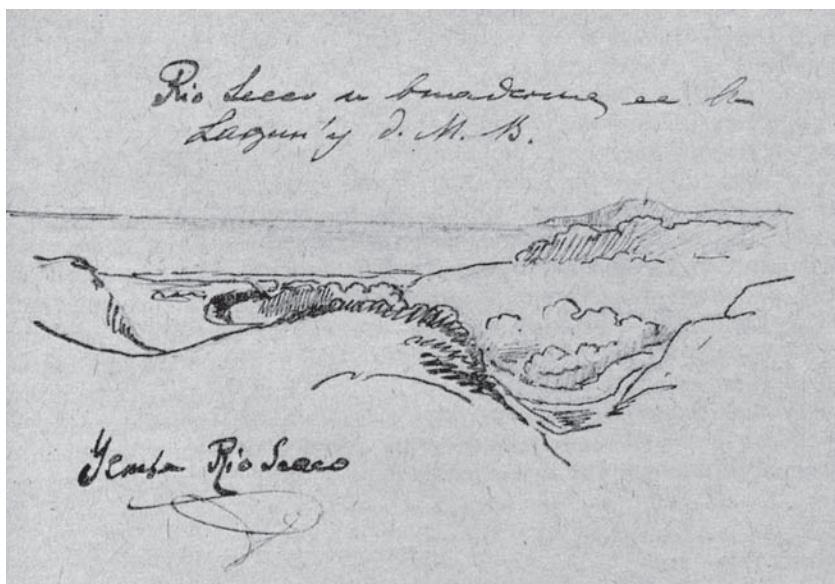
Разумеется, ром делал их движения свободнее, но и то ненадолго, потому что они, как и их мужья, напивались до беспамятства. Следя за неловкими движениями патагонцев и видя, что их неудобная одежда больше всего стесняет их, я удивлялся, почему эти далеко не глупые люди не придумают более подходящей, не мешающей их деятельной жизни ⟨одежды⟩; скоро я узнал разгадку этого обстоятельства, разговорив[шись] с^б человеком, который, совершенно походя костюмом и манерой езды на патагонца, отличался от них густою черною бородою, которую не имел ни один из его соплеменников. Оказалось, что этот полунагой, одетый в меховое одеяло наездник был не патагонец, даже не индеец, а аргентинец, бывший житель Буэнос-Айреса, который лет уже 8, по собственной воле пристав к патагонцам, ведет их образ жизни. Он говорил по-испански лучше, чем я, и на мой вопрос, одеваются ли патагонцы всегда так, сказал мне, что в своих пампасах они не носят никакой одежды, а свои одеяла употребляют только ночью, чтобы укрываться ими во время сна, и только во время визитов в колонию они одеваются таким образом, пока за водку не продадут с плеча свой последний мех.

^а Далее было: или брошкой.

^б Далее было: их пер[вым].

Лагуна де лос Гансос Бравос. Часа 3 $\frac{1}{2}$ пути от Пунта-Аренас

Устье Рио-Секко

8 апреля. Утром отправился верхом в экскурсию с г-ном П. Мне сказал губернатор, что находится часах в двух или трех езды маленькое озеро — Laguna de los Gansos Bravos (озеро диких уток)³⁷, в которое впадает речка. Он сам там не был, но, может быть, я найду там что интересное. Он дал нам проводника, бывшего на месте, и мы отправились.

Выехав на N от колонии, перебравшись через речку Las Minas у колонии, проехав через несколько полей, перебравшись снова через несколько ручьев, мы подъехали снова к морскому берегу, и потянулась снова та же тропа у самой опушки леса, которая доходила до самой береговой линии, так что во время прилива пришлось ехать в воде, что нам пришлось испытать на возвратном пути¹. Следуя всем извилинам берега, мы обогнули несколько мысов, объехав много незначительных бухт, перепр[авившись] через несколько горных ручьев. Лес на крутых холмах походил совершенно на виденный мною в экскурсии к Agua Fresca Bai, только холмы здесь были значительно ниже.

Проехав часа 2, характер холмов изменился. Густой лес заменился кустарником, но вершины, которые показались мне плоскостью, были покрыты высокой высохшей травой.

Наконец проводник указал на цель нашей экскурсии⁶, сказав, <что> у подножия того обрыва течет Rio Secco, которая впадает в озеро. Проскакав мимо нескольких почти высохших луж и через прекрасный луг, который в разлив находится под водой, мы подъехали к самой речке и немного выше в тени небольшой рощи принялись завтракать. После этой операции нам оставалось осмотреть Озеро диких уток. Следуя правому берегу Rio Secco, мы подъехали почти к морю, и я к удивлению увидал, что речка в этом месте не впадает в море, а изливается в узкое длинное озеро, лежащее на песчаном берегу влево; крутой левый берег речки загибал круто у впадения речки в озеро и образовывал берег последнего. Въехав на бар, отделявший речку от моря, можно было заметить, что иногда, должно быть весной, переполненная речка изливается прямо в море, разрушая напором воды верхние слои и заменяя их мелкими крутяками, которые составляют дно речки³⁸.

Продолжением узкого бара служил более широкий перешеек, тянувшийся между морем и узким озером; посредине перешейка тянулась довольно широкая полоса травы, которая была теперь совсем сухою, но ее присутствие указывало ясно границу прилива.

Рассмотрев положение этих пограничных линий с обеих сторон, можно было прийти к заключению, что в прил[ивах] и отл[ивах] и самое озеро принимает участие, хотя прилив не бывает в нем такой

^а Далее было нагато: День стоял превосходный и, если бы не.

^б Далее было: показав нам блестящую ленту воды.

значительный. Противоположный высокий берег озера состоял из аллювиальных слоев, довольно правильно расположенных. Длина озера равнялась 10 минутам средней ходьбы, ширина, которая мало изменялась, была от 8 ⟨до⟩ 10 сажень, а в глубину я не мерил, но можно было всюду рассмотреть камни на дне. Вкус воды был солоноватый^а. Проехав через довольно узкий канал, который соединял озеро с морем, и поднявшись на высокий берег, можно было оттуда ясно проследить историю образования узкого озера. Сверху были видны и речка, и бар, и перешеек, и озеро — точно на карте. Можно было ясно видеть, что и по ту сторону речки полувысохшие лужи, соединенные между (собою) составляли некогда продолжение озера.

Я объяснил себе происхождение озера следующим образом. Уже по дороге в Agua Fresca Bai, а также сюда я переправлялся через множество речек и ручьев и при этом заметил, что все они не прямо изливались в море, а всегда последние сажень десять, иногда и более, следуя параллельно берегу, были отделены от моря узкою песчаною косою; таким образом, прибой не мешал воде речек изливаться в море. Можно было заметить, что сообразно величины речки этот последний отдел был значительно или меньше. То же самое, мне казалось, послужило образованию узкого озера, которое, следовательно, было не что иное, как последний отдел Rio Secco, тянувшийся параллельно морского берега; бар и перешеек мало-помалу образовались взаимодействием двух течений, несущих каждое свой материал для постройки их^б, — морского прибоя, усиленного менее значительным приливом, и быстрого течения горной речки, с другой стороны. Этого было достаточно, может быть, для первого времени. Повышение берега, которое здесь, вероятно, имело место, окончило постройку перешейка и отодвинуло морской берег, который тянулся, вероятно, у подножия высокого берега озера на значительное расстояние.

Может быть, что образование озера было следствием внезапного поднятия берега^в и что вода была сначала там совсем соленая; во всяком случае, необходимо надо допустить совершенно новое образование перешейка между морем и озером и значительное поднятие его.

Каждая экскурсия приводила к тому же результату: по речке Las Minas — значительный пласт поднятых, ныне еще живущих в океане раковин; в лесу за Agua Fresca Bai — постепенные террасообразные уступы, бывшие некогда морским берегом; здесь — образование озера и поднятой косы, отделявшей его от моря, — все это доказывало

^а В рукописи: солодоватый.

^б В рукописи: его.

^в Далее было: и что уже после него речка наполнила озеро своею водою.

Патагонка Пане 40—50 лет

Энрике 38—40 лет,
с Огненной Земли

〈факт〉 значительных поднятий, воспоследовавших в сравнительно не слишком отдаленном времени*.

Высокий берег, на который мы поднялись, был краем возвышенной плоскости, которая, пересеченная оврагами и плоскими холмами, далеко простиралась на северо-восток. Эта плоскость была покрыта сухой травой, и только в оврагах и рытвинах замечен был кустарник. Очевидно, местность здесь начисто переменила характер. Около колонии на W и S от нее холмы всё более переходили в горы, так что уже у Port Famine они в это время года были покрыты снегом. От самого морского берега эти холмы и горы были покрыты густым лесом; здесь же все более и более понижающиеся холмы переходят в плоскую воз-

* Поднятие берегов Патагонии 〈не закончено〉.

Место этого примечания, нагамото уже на л. 25, в тексте не отмечено и определено нами по общему смыслу. Судя по тому, что для него оставлено более одной пятой листа, оно должно было заменить следующую фразу, зачеркнутую в основном тексте: Это поднятие — факт уже давно известный, на который указывает Дарвин в своем путешествии³⁹ и если я привел его здесь, рассмотревшись вдоволь на речку и озеро и оглянувшись 〈не закончено〉.

Марзо из Пунта-Аренас

Патагонка Антония,
30—35 лет

вышенность, которая, как будто понижаясь к N^a, представляет почти что голую степь; там — громадные деревья и богатая растительность, страшная влажность почвы и воздуха, здесь — несколько кустов и сухая трава и только в более глубоких оврагах вниз[у] ⟨?⟩ у речки — мелкий кустарник, попадаются деревья.

— Что там далее? — спросил я проводника^б.

— La ramra, — был короткий ответ.

— Как далеко? — продолжил я разговор в том же тоне.

— Часа полтора—два, если скоро ехать; оттуда сегодня патагонцы придут, — прибавил^в, наш арриеро⁴⁰.

— По какой дороге?

— Дорога одна, по которой сюда сами приехали.

— Другой нет?

— Там, — указывая па запад, — гор и лесу слишком много, не проедешь.

^а Было: к О и NO.

^а Далее было: предугадывая ответ.

^в Далее было: слово [охотливый].

Мы находились действительно недалеко от границы двух очень разнородных стран, различие характера которых очень верно очерчено у Дарвина⁴¹. С одной стороны — плоская возвышенность пампасов Восточной Патагонии, с другой — лесом покрытая горная страна западных берегов Магелланова пролива, кот[орой] горы составляли отроги Кордильеров^а. Эта естественная граница совпадала с границей распространения народов. Патагонцы, привыкши к своим пампасам, завися от них, как всякий народ наездников от пастбищ и мест привольной охоты, редко оставляют свои степи. Самый юго-западный пункт, куда они заходят, это Punta Arenas, да и то редко. Губернатор говорил мне, что последние года патагонцы заходили в колонию не чаще двух, а обыкновенно одного раза в год; в прежние времена они чаще посещали колонию. Гористую и лесистую часть Брюнцвикского полуострова, в которой им трудно было <бы> странствовать верхом и где для лошадей не хватало бы пастбищ, они оставляют в распоряж[ении] жителей Огненной Земли, которые иногда, перебравшись через пролив, заходят в разные бухты на запад от Port Famine⁴².

Возвращаясь в колонию, нас застал прилив; вода залила узкую тропу у опушки, и брызги смачивали густую стену зелени.

10 апреля. Последние дни нашего пребывания в колонии я посвятил исключительно патагонцам^б: рисовал их физиономии⁴³, рассматривал их вещи и хозяйственные принадлежности, которые имели они с собою, старался при помощи переводчика говорить с ними.

Я уже заметил, что патагонцы, сидя верхом, кажутся очень большого роста, сойдя же с лошади, производят иное впечатление: они, хотя все до единого были выше среднего роста, но не казались такими высокими⁴⁴. Я долго не угадывал <причины> различного впечатления, пока, наконец, не заметил, что виной тому была длина туловища и относительная короткость ног, которая у некоторых субъектов была особенно заметна⁴⁵.

^а *Далее было:* Мы были на узком перешейке, который соединяет Брюнцвикский полуостров с южноамериканским материком, и между Магеллановым проливом и Otway-Bai. Колония, которая лежит недалеко от границы этих разнородных местностей, есть в то ж[е] <время> <не закончено>

^б *Далее было (часть текста заключена в прямые скобки):* сделав несколько портретов [причем старался выбрать физиономии самые типичные, а также те, которые более других отклонялись от общего типа].

Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева¹

О. Рапа-Нуи. 121/24июня.*

Имея письма из Вальпарайзо к католическому миссионеру о. Рапа-Нуи, капитан «Витязя» решил зайти на этот остров⁴. Часам к 4 пополудни нам представились холмистые очертания Рапа-Нуи, свидетельствующие об вулканическом его происхождении; то же самое подтвердил и красновато-бурый цвет его поверхности, которая издали казалась почти совсем лишенной растительности. Мы легли в дрейф у западного берега, на рейде Ангарао. На берегу виднелась белая церковь и выбеленный дом миссионера. Хотя ветер был далеко не свеж, но на берегу заметен был сильный прибой. К нам выехала шлюпка, и приехавший на ней человек⁵ объявил нам, что миссионер г-н Руссель⁶, к которому имелись письма, уехал на о. Таити недели три тому назад и что за ним последовала часть населения острова, в числе около 250 человек, и что оставшиеся жители Рапа-Нуи ожидают также быть скоро перевезенными на Таити тем же судном, которое забрало⁷ первый транспорт их соплеменников^{**}.

* О. Рапа-Нуи, или о. Пасхи², как большинство островов Тихого океана, носит несколько имен. Древнее имя острова, сохранившееся еще между туземцами, есть Матакиранги, но оно вышло из употребления, потому что остров был известен между жителями других архипелагов только под именем Рапа-Нуи, которое заменило древнее имя. На многих картах, показывающих стремление заменять имена местностей, данные европейскими мореплавателями, туземными названиями, встречается имя Вайху для о. Рапа-Нуи, но это название неверно, потому что принадлежит только одной береговой местности, а не целому острову³.

** На вопрос приехавшему с острова человеку, кто он сам такой, он отвечал, что он родом француз по имени Дютру-Борнье, что он бывший капитан купеческого судна, а что в настоящее время ему поручено одним негоциантом на Таити, г-м Брандером⁸, заняться на Рапа-Нуи овцеводством и что в этом ему помогают двое белых, из которых один американец, а другой немец⁹. Он сообщил также, что купил у миссионеров их церкви¹⁰ и дома и что эти здания обращены в склады шерсти баранов, которых у него уже несколько сотен, и что, кроме того, он ожидает подвоза этих же животных из Австралии. Встретившись на о. Мангареве с г-ном Русселем, бывшим миссионером на Рапа-Нуи, который остался на этом острове с сотнею прежних жителей о. Пасхи, мы услышали дополнение и продолжение повести г-на Борнье об о. Рапа-Нуи, но этот второй рассказ во многом противоречил первому. Оказывалось, из слов г-на Русселя, что именно интриги г-на Борнье заставили миссионера оставить остров, тем более что г. Борнье поддерживал свои требования огнестрельным оружием: он успел привалять на свою сторону нескольких туземцев Рапа-Нуи и с их помощью стал распоряжаться очень своевольно на острове; при возникшем споре с туземцами по его приказанию было ранено несколько человек и один убит; кроме того, он сжег почти все хижины туземцев сперва в Ангарао, потом в Вайху; приказал выдернуть из земли молодые бататы, почти единственную пищу жителей. Что же касается до церквей и домов миссионеров, то эти здания были вовсе не куплены,

В это время года о. Рапа-Нуи, имеющий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки, почему наш капитан, несмотря на достопримечательности острова, решил идти далее. Часа через 2 мы снялись с дрейфа, видевши только очертания Рапа-Нуи, десяток туземцев и трех европейских разводителей овец¹².

Какие ни были бы причины выселения туземцев о. Рапа-Нуи, интриги ли европейцев или собственное желание оставить страну, представлявшую мало средств к существованию, но это обстоятельство очень уменьшило население острова; возможно даже, что к концу этого года вовсе не останется жителей на Рапа-Нуи, если судно с Таити вернется, чтобы перевезти остаток населения¹³. Помимо последнего выселения, доведшего число жителей при нашем посещении до цифры приблизительно 230 человек, в последних годах население Рапа-Нуи быстро уменьшалось, что видно из следующего сравнения. Кук предполагал число жителей на острове от 6000—7000 человек¹⁴, после него (хотя мы и имеем несколько приблизительных оценок*) более достоверная перепись^а сделана миссионером Е. Эйро^б в 1863 г.¹⁷; тогда оказалось жителей на о. Рапа-Нуи 1800 человек, но уже в 1868 г. эта цифра понизилась до 930 человек, в 1870 г. — до 600 человек, в начале 1871 г. население не превышало 500 человек,** теперь же их на самом острове, как уже сказано, около 230¹⁸.

Причину такого вымирания населения можно найти отчасти в скудости и перемене пищи. Главная пища островитян Рапа-Нуи в последнее время состояла из батат; мясную пищу доставляли им крысы, размножившиеся на острове и очень мешающие разводке овощей, кро-

а просто заняты г. Борнье, который, кроме того, забрал также принадлежащие миссии 300 овец. Цель г. Борнье, по словам миссионера, была каким бы ни было образом довести туземцев к выселению с Рапа-Нуи, чего он и достиг. Туземцы, видя, что их жилища сожжены, бататы разрушены, уstraшенные поступками г. Борнье, согласились выселиться на Таити и на условие проработать известное время на плантациях г. Брандера, который таким образом, благодаря ловкости своего агента, получил почти целый остров для разводки овец и, кроме того, сотни дешевых рабочих на свои плантации¹¹.

* Ла-Перуз в конце прошлого столетия говорит о приблизительно 2000 жителях на Рапа-Нуи¹⁵, Бичи (1826) — о 1260¹⁶. Эти цифры противоречат чилийским источникам (см. следующее примечание), которые сообщают, что до 1863 г. население Рапа-Нуи не было ниже численностью, как 4000 человек, что причиной уменьшения населения были перуанцы, которые, захватив силою значительное количество людей и уведши их, оставили на острове болезнь (оспу), которая наполовину уменьшила число жителей.

** См.: Memoria que el ministro de Estado en el Departamento de Marino presenta al Congreso Nacional de 1870. Santiago de Chile (стр. 83—110).

^а В рукописи: перечень.

^б В рукописи: Ейно.

лики и собаки¹⁹. Привезенные миссионерами овцы обещали доставить островитянам более существенную пищу и заменить отнятую ими у жителей Рапа-Нуи, которая была не что иное, как человеческое мясо, бывшее при частых войнах далеко не редким блюдом²⁰. Людоедство существовало на Рапа-Нуи очень недавно, т. е. лет 8 тому назад бывали еще случаи; миссионеры уверяют, что с христианством этот обычай прекратился²¹, однако же очень молодые (не более 11 или 12 лет) знают²², что при них ели человеческое мясо*.

Другая, может быть главная, причина заключается в огромной численной диспропорции полов; женщин замечательно мало в сравнении с мужчинами. В начале 1871 г. на 500 жителей приходилось менее чем 100 женщин. На оставшихся 200 мужчин на Рапа-Нуи приходится в настоящее время только 30 женщин. Об численной диспропорции полов на о. Рапа-Нуи говорят уже Кук и Форстер²³, но вряд ли она была в то время действительной**, потому что еще теперь более старые жители Рапа-Нуи положительно говорят, что даже при их отцах на острове было более женщин, чем мужчин, а стало мало женщин потому, что в последней эпидемии оспы умирало очень много женщин; они прибавляют, что их жены очень слабы, умирают рано и рожают мало детей. Что теперешние жены на о. Рапа-Нуи слабы и умирают рано, нет ничего удивительного: кандидатов на каждую подрастающую девочку много, а последних сравнительно очень мало, то ввелось в последнее время в обычай брать их в жены долго еще до наступления зрелости***, лет 11 и даже 10; неудивительно, что детей не рождается, а такие жены умирают по большей части в чахотке; к тому же обращение с женщинами на Рапа-Нуи очень скверное и даже жестокое.

На Рапа-Нуи самоубийство случается очень часто, и самая незначительная причина ведет к лишению себя жизни, в уверенности, что дух их попадает вследствие того в жилища, где он получит прекрасные украшения, хорошую еду и влюбленных женщин; для достижения всех этих благ они кидаются с отвесных берегов на острые скалы. Об внешности жителей Рапа-Нуи я поговорю, когда я буду говорить об

* На о. Мангареве я имел случай видеть десятки жителей Рапа-Нуи и при этом осмотр не мог не заметить, что мужчины старше 30 или 35 лет значительно отличаются от более молодых своим ростом и физической крепостью; я не думаю ошибиться, если причину этой разницы припишу большему количеству животной пищи (в этом случае человеческого мяса), которое они имели сравнительно с более молодым поколением, подросшим преимущественно на растительной пище.

** Эта ошибка, быть может, произошла оттого, что многих туземцы могли спрятать на время пребывания чужеземцев на острове, как это часто делалось и делается на островах Тихого океана.

*** Регулы появляются у девушек на о. Мангареве между 13 и 14 г., на Таити также около 14 лет.

типе жителей о. Мангаревы, пока я перейду к некоторым памятникам, оставляемым этим вымирающим народом.

Очень сожалел я, и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в этом роде изо всех островов Тихого океана. Мне было тем более досадно, что путешественники*, видевшие эти замечательные памятники, только смотрели на них глазами удивления или равнодушия, и ни один из них не постарался подробно и внимательно изучить эти достопримечательные образцы полинезийского искусства, которые до сих пор остаются почти столь же неизвестными, как и в 1721 г.^а, когда Роггевен первый описал их.

Последние более полные и интересные сведения были сообщены г-ном Пальмером, врачом на английском судне «Топаз», который был на Рапа-Нуи в пятидесятых годах³⁰, и г-ном Гана, командиром чилийского корвета «О'Тигинс», посетившим остров в прошлом году^{**}. Чилийская экспедиция подтвердила в главных чертах уже сообщенные г-ном Пальмером известия, что не все каменные идолы уничтожены^{***}, что еще многие стоят, другие опрокинуты, но еще целы, что главное место их выделки находится у края описанного г-ном Пальмером вулкана Утуити и что в некоторых местах можно было еще видеть, как они в прежнее время стояли, именно на высоких платформах или алтарях³². На корвете «О'Тигинс» были привезены разные предметы, которые были отданы в Этнологический музей в Сант-Яго, где я имел случай и удовольствие их видеть. Кроме большого идола^{****} из черной

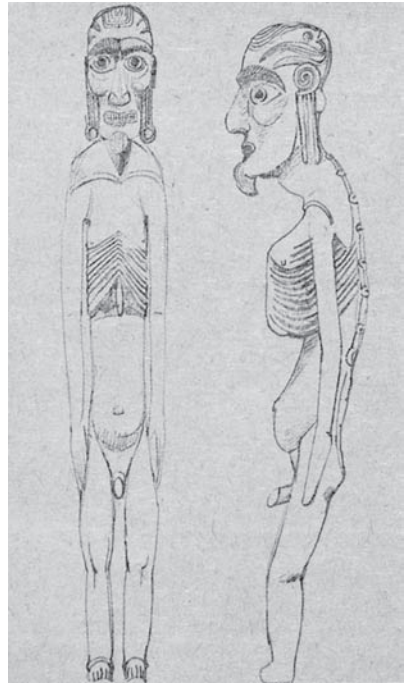
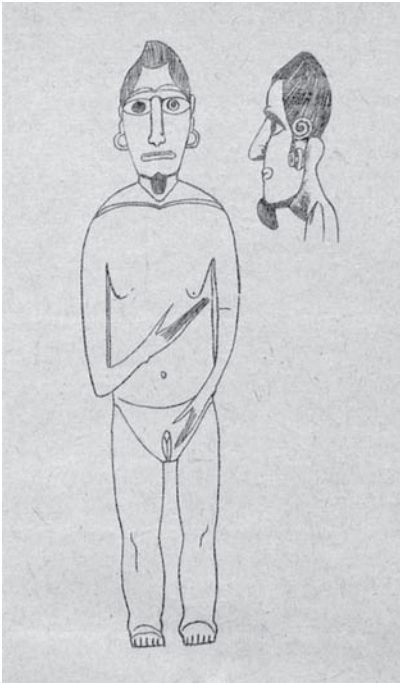
* Очень многие мореплаватели посетили о. Рапа-Нуи. Начиная с Роггевена, открывшего остров²⁴, Кук, Ла-Перуз, Коцебу²⁵, Крузенштерн²⁶, Бичи, Дю-Пти-Туар²⁷ и другие рассказывают о своем пребывании на этом острове, но все описания и изображения более чем недостаточны, если захочешь получить понятие об этих памятниках, а не удовольствоваться сообщением, что на о. Рапа-Нуи находятся большие каменные идолы²⁸. Очень вероятно даже, что, помимо колоссальных каменных фигур, на острове найдутся не такие громадные, но не менее интересные древности²⁹.

** Краткое сообщение об этой интересной экспедиции напечатано в годовом отчете Чилийского морского министерства народному конгрессу (см. прим. на с. 60)³¹.

*** Бичи привез известие, что все колоссальные статуи на Рапа-Нуи разрушены, но уже бывший после него Дю-Пти-Туар опроверг это сообщение. Подтверждение рассказа Пальмера г-ном Гана оттого имеет вес, потому что некоторые писатели, как, например Г. Герланд (см.: Waitz Theodor. Anthropologie der Naturvölker. T. V. 2 Abth., fortgesetzt von G. Gerland. Leipzig, 1870. S. 225), сомневались в верности подробностей, сообщенных г. Пальмером.

**** Этот идол, 1 1/2 м вышины, был нарочно выбран как самый малый между громадными, из которых некоторые достигали, по словам Роггевена, до 12 м вышины (см.: Gerland. S. 224). На «Топазе» был отвезен в Англию один из идолов Рапа-Нуи, другой на фрегате французском «La Flore» отправлен во Францию³³.

^а Ошибка в рукописи. Следует: в 1722 г.

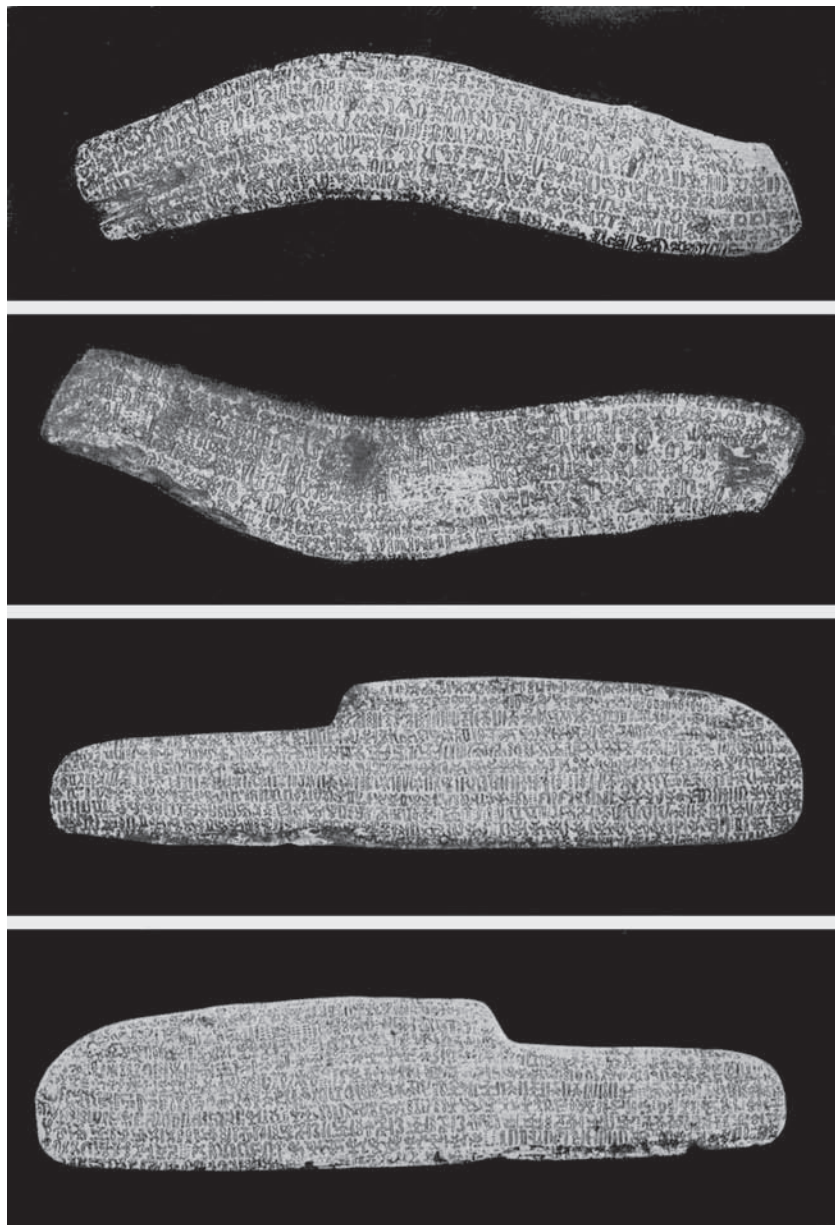
«Новейшие, сегодня встречающиеся идолы с о. Пасхи»

лавы³⁴, в упомянутом музее находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различных полов; одна сторона другого плоского камня изображает большую человеческую физиономию; на 4-м барельефе были представлены несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими 5 пальцев. Кроме того, там также находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях³⁵. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать.

Привезены были с Рапа-Нуи также небольшие деревянные идолы ($1\frac{1}{2}$ — $3\frac{3}{4}$ метра вышины), которые принадлежат^a более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны помощью железных инструментов³⁶. Рассматривая эти барельефы и копируя их*, я пришел к убеждению, что они состав-

* Насколько мне известно, ни на одном из архипелагов Полинезии не было найдено так много и так хорошо выполненных скульптурных произведений, поэтому я по-

^a В рукописи далее было (загертнуто карандашом): вероятно.

Кохау-ронго-ронго с о. Пасхи (Рапа-Нуи).
Две дощечки из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая

ляют как бы промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями из дерева; некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли. Так как привезенные «О'Тигинсом» древности составляют, по всей вероятности, частичку только того интересного материала, который хранится еще на острове*, то я уверен, что последующее изучение этих остатков полинезийского искусства подтвердит высказанную выше мысль³⁹.

Чилийская экспедиция привезла также с Рапа-Нуи две деревянные таблицы, покрытые строками гиероглиф, которые в прошлом году произвели большой эффект в ученом мире как первые письма, найденные у островитян Тихого океана. Копию с этих деревянных таблиц я видел у г-на Бастиана в Берлине в ноябре месяце прошлого года, присланную ему г-ном Филиппи из Сант-Яго в Чили. Г-н Бастиан не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки значков были действительно письма. Несколько недель спустя я увидал копии с тех же таблиц в Лондоне, в заседании Этнографического общества. Г-н Гексли, показывавший мне их, очень сомневался, чтобы на этих досках было бы изображено что-нибудь шрифтообразное, а предполагал, что эти доски могли служить как штемпеля при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями. По сделанным на пропускной бумаге копиям** я не решился тогда прийти к какому-нибудь положительному суждению об этих загадочных таблицах. В музее в Сант-Яго я, наконец, увидал оригиналы копий, виденных в Европе, и, рассмотрев их, согласился с мнением г-на Филиппи*** и Бастиана, что ряды значков действительно изображают письма и что доски эти не назначались для выделки тан. Сведения, которые я собрал впоследствии, подтвердили мое мнение.

старался сделать с них как можно более точные копии и, как только найду возможность, перешлю в Европу фотографические снимки с моих рисунков и описания этих барельефов, заслуживающие полный интерес³⁷.

* Ни один путешественник не оставался на о. Рапа-Нуи с целью изучить остров в этнологическом отношении; все, что привезено пока оттуда, было случайно приобретено от туземцев или миссионеров, людей, которые мало расположены к собиранию этих объектов, в которых они не видят никакой цены³⁸.

** Эти копии были изготовлены следующим образом. На деревянную доску был положен лист смоченной пропускной бумаги и потом легкими ударами мягкой платяной щетки были понемногу выдавлены вырезанные на дереве фигуры. Отпечатки эти очень недостаточны, хотя представляют верные контуры⁴⁰.

*** См.: Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Schreiben des Prof. Philippi an Herrn Dr. Bastian. Bd. V. H. 5. 1870. S. 469.

Ломпа, 15—16 лет, о. Рапа-Нуи

Эстеван, 19—20 лет, о. Рапа-Нуи

Вот что я знаю пока об деревянных таблицах Рапа-Нуи. Первый открывший их был католический миссионер Руссель, об котором я уже говорил; две из приобретенных им он дал на чилийский корвет «О'Тигинс», который отвез их в Вальпарайзо; это те же таблицы, которые находятся в настоящее время в Этнологическом музее в Сант-Яго и с которых копии были отосланы директором музея г-ном Филиппи в Берлин г-ну Бастиану.

От г-на Русселя⁴¹ узнал я следующее касательно таблиц. Туземцы называют их «Кохау ронго ронго», что в переводе означает приблизительно «говорящее» или «понятное дерево»*. Островитяне далее уверяют, что по этим таблицам можно было узнать об важных обстоятельствах, происшедших на их острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезывать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однако же, ни одного человека, который мог бы разбирать эти знаки⁴³. Этих таблиц видел г-н Руссель на Рапа-Нуи около 20⁴⁴, которых сберегали в разных семействах; он же сообщил мне, что на больших цилиндрических шапках

* Так перевел мне это название епископ Д'Аквиери на Таити, хороший знаток полинезийских языков⁴².

Оттоне, 55—60 лет, о. Рапа-Нуи

Бернардо Теоанти, 30 лет,
о. Рапа-Нуи

каменных идолов высечены *совершенно подобные* фигуры, как те, которые вырезаны на деревянных таблицах; это открытие, если оно только подтвердится, может иметь большую важность для этнологии острова. Сам я видел около 10 этих таблиц: в музее в Сант-Яго, у туземцев Рапа-Нуи и у таитского епископа Д'Акцииери, которому г-н Руссель прислал много экземпляров этих интересных объектов.

Виденные мною таблицы были различной величины и различного дерева*; это различие можно, как мне кажется, объяснить большим недостатком дерева**, который заставляет туземцев употреблять для многих целей дерево, прибитое к берегу. Некоторые из таблиц, о которых идет речь, носят на себе следы долгого пребывания в воде; одна из них была не что иное, как широкий конец европейского весла. Состояние дерева указывает, что эти таблицы — произведен[ия] сравнительно недавнего времени: дерево очень крепко, и фигуры очень отчет-

* Г-н Руссель уверял меня, что дерево всех досок одинаково⁴⁵.

** В настоящее время не находится на Рапа-Нуи ни одного дерева, потому что единственное растение, достигавшее размеров дерева, именно один вид *Edwardsia* (туземное название этого дерева «миро»), почти совсем уничтожено, остались одни только кусты этого дерева.

ливы. Как уже сказано, форма и величина таблиц не постоянны; самая большая, которую я видел, имела 90 см длины, 11 см ширины и 1.5 см толщины, была покрыта с каждой стороны 8 рядами фигур, которых в каждом ряде можно было насчитать около 105; всего было на всей доске около 1680 фигур; на различных таблицах высота фигур изменялась, но на той же доске была почти везде одинаковою⁴⁶.

Обе стороны досок покрыты этими знаками, которые расположены рядами в длину доски; между строками не находится промежутков. Характеристично также то, что положительно вся поверхность таблиц покрыта этим шрифтом: все выемки, неровности, края показывают вырезанные фигуры. Особенность в распределении строк состоит в том, что, если захочешь проследить строку, приходится обернуть целую таблицу, чтобы перейти к следующей (эту особенность легко найти, если обратить внимание на головы фигур). Знаки или фигуры на таблицах вырезаны или выдавлены острым инструментом⁴⁷. Очень многие из фигур представляют животных. Встречаются на таблицах многочисленные повторения той же фигуры, причем та же фигура остается неизменною или показывает изменение в положении частей фигуры (или голова повернута в другую сторону, или рука, или руки держат что-нибудь и т. д.). Некоторые фигуры соединены по две вместе, реже по три и более.

Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самою низкою ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом⁴⁸. Это обстоятельство делает понятным, что примеры такого письма могут являться совершенно спорадически, как это мы видим на островах Тихого океана⁴⁹.

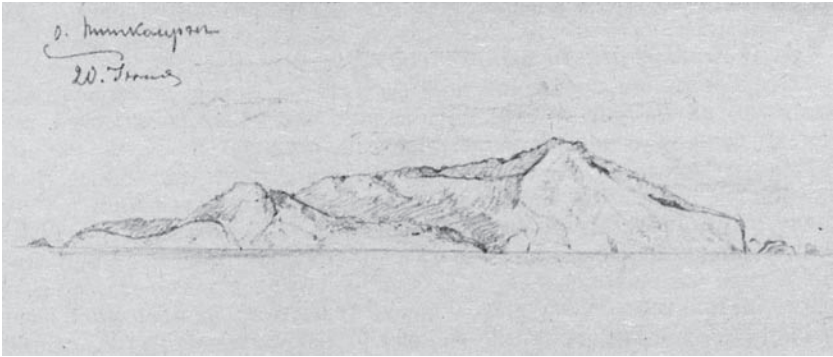
О. Питкаирн. 20 июня/2 июля⁴⁹.

Нездоровье не позволило мне съехать на берег; я вышел, однако же, на палубу и увидел довольно красивый, покрытый зеленью разных оттенков возвышенный островок⁵⁰. Хотя корвет держался довольно далеко от берега, к нам приехали туземцы на небольших узких пирогах без балансира, которыми они очень ловко управлялись. Приехавшие были одеты в рубашки и панталоны, говорили все по-английски⁵¹ и сказали нам, что, пробывши 3 года на о. Норфольк, в 1859 г. вернулись обратно на Питкаирн, оставив на Норфольке 9 семей⁵², что их на острове 60

* См.: *Steinthal Heymann. Entwicklung der Schrift. Berlin, 1852. S. 57 и сл.*

** Другой случай идейного письма на островах Тихого океана сообщает Фрейсине (*Freycinet L. C. D. Voyage autour du monde, 1817—1820. Paris, 1827. T. 2. P. 107*).

*** Не стану говорить здесь об истории населения этого острова⁵², которая перешла даже и в детскую литературу; даже сообщение, что жители Питкаирна снова вернулись с Норфолька, тоже не новость, потому что оно находится уже в описании плавания фрегата «Новары»⁵³.

Остров Питкаирн, 20 июня

Дом на о. Питкаирн

человек. Главу своей колонии они избирают каждый год и, кроме того, один из них заступает место пастора, и так как у них есть школа, то все жители грамотны. На вопрос, сколько детей рождается от одной матери, они отвечали, что средним числом 4 ребенка; между детьми преобладают девочки, что особенно заметно в некоторых семьях, где из 4 детей 3 девочки, так что уже теперь женское население острова превышает мужское.

Вернувшиеся с берега офицеры рассказали с воодушевлением о гостеприимстве и радушии жителей, а также о красоте острова⁵⁴. Они заходили во многие дома, которых было 9, по числу семей, и состояли из

сараяобразных зданий без потолка и перегородок⁵⁵. В них находились признаки европейской мебели; с одной стороны стояла двуспальная постель, с другой — были устроены нары, где спали дети и прочие члены семейства; у окна, против дверей, стоял стол. Кроме домов, жители Питкаирна построили себе также церковь. Мой вопрос, сохранился ли между жителями Питкаирна английский тип, был не вполне разрешен; некоторые офицеры сказали, что видели у многих жителей светлые и рыжеватые волосы⁵⁶, что попадались люди с английским типом, но что другие были смуглы и не подходили к первым; те полдюжины человек, которых я видел на корвете, сохранили мало североевропейский тип, и можно было заметить, судя по этому 3-му и 4-му поколению, что если не будет снова подмеси европейской крови, то полинезийский элемент в скором времени одолеет остатки германского⁵⁷.

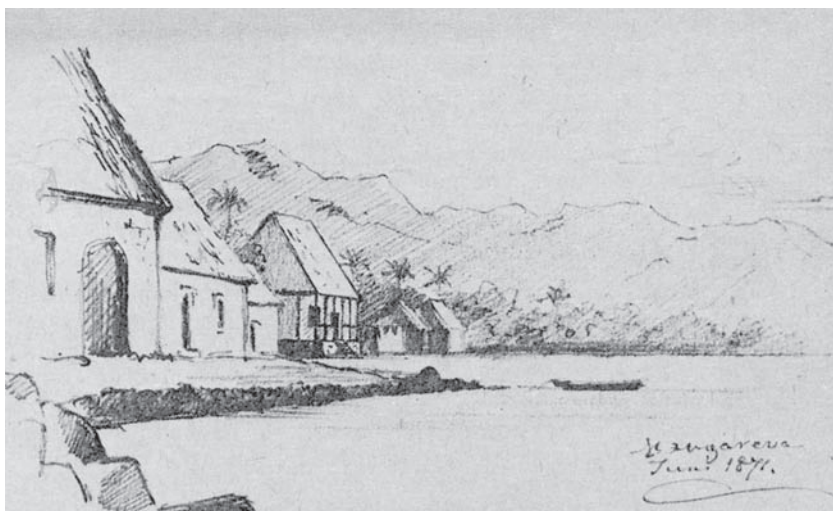
Вечером жители привезли разных фруктов — апельсинов, банан, ананасов, кукурузы, батат и т. п., а также свиней, кур и уток; крупный скот они весь уничтожили, потому что остров слишком мал, чтобы давать пищу для больших животных. Взамен они получили разные предметы, как старое белье и платье, трос, посуду, пороху, краски и т. п., так как не хотели брать денег, которые у них не в ходу.

В тот же вечер мы снялись с дрейфа и направились к Мангареве, так что я только на другой день рассмотрел губку, которую один из офицеров, г-н В., имел любезность поднять для меня на берегу и привезти на корвет. Она оказалась очень характеристичною формою, которая в большом количестве обитает северные части Тихого океана, на Курильской и Алеутской грядках. Название ее *Spuma borealis*⁵⁸.

*О. Мангарева. 26 июня/8 июля*⁵⁹.

Вместо диких, вооруженных копьями с тремя оконечностями из рыбьих костей, и особенно устроенных больших плотов, заменявших пироги, у рифа, окружавшего группу, к нам подошла шлюпка европейской постройки, и из нее вылез старый француз, назвавший себя лоцманом; за ним вскарабкались на палубу и гребцы — туземцы в лохмотьях европейского платья⁶⁰. Пройдя риф и несколько красивых, покрытых растительностью островов⁶¹, мы направились к главному острову группы, по которому называется вся группа, и, подойдя к живописной горе Дуф, бросили якорь недалеко от главного селения острова, где находятся церковь и дом миссионеров⁶².

После обеда приехали к нам миссионеры: г-н Руссель, об котором я уже говорил, и г-н Барнабе. Сопровождавшие их туземцы привезли с собою фрукты, жемчужные и другие раковины, жемчуг и т. п.; все это они старались выменять на старое белье и платье; особенно ценились ими рубашки; они брали серебряные доллары, причем отдавали

Остров Мангарева, июнь 1871 г.

Мой дом на о. Мангарева, 7—12 июля 1871 г.

преимущество перуанским, соль и иногда отказывались от чилийских долларов.

За все они требовали много, отдавая потом за часть сперва назначенной ими цены. Особенно имели они неясное представление о ценности денег, и многие не хотели брать золотых монет, а просили вместо того серебряных долларов.

Так как⁶³ мое нездоровье продолжалось, то я переселился на другой день на берег. Главный миссионер г-н Блан предложил мне прожить несколько дней нашей стоянки в маленьком, принадлежащем миссии домике, построенном у самого моря, так что с террасы, окружавшей дом, можно было по маленькому трапу сойти прямо к воде⁶⁴. «Так как» все время моего пребывания на Мангареве я почти не выходил из моей квартиры⁶⁵, то я не могу ничего сказать о местоположении острова, как только то, что растительность густа и довольно разнообразна по берегу, между тем как более крутые скаты гор покрыты низким кустарником⁶⁶.

Хотя я не покидал почти моей террасы, но предметов наблюдения во все время пребывания было для меня вполне довольно.

Июня 28 (июля 10). Почти постоянно моя терраса представляет целую галерею туземных физиономий. Я мог очень удобно предаваться физиономическим и антропологическим наблюдениям. Не зная ни одного из них, не в состоянии будучи говорить с ними, не привыкши еще к этим новым физиономиям, я мог рассматривать их лица совершенно объективно; всякое сближение с ними повлияло бы на верность суждения: явилась бы симпатия и антипатия.

Я сидел молча в удобном кресле и смотрел на эти физиономии и головы расположившихся в несколько рядов за перилами моей террасы. Объекты моих наблюдений также молчали; иногда только некоторые улыбались или перекидывались непонятными для меня словами. Все физиономии очень различного возраста были одного типа, но цвет лица и тела⁶⁷ представлял большее различие. Покатый, довольно узкий лоб мало выступал над переносицею. Немного выдающийся, небольшой, но внизу толстоватый нос, с широкими, мясистыми носовыми крыльями, плоская переносица и выступающие глаза делали физиономию плоскою; это впечатление плоскости лица еще усиливалось тем, что у большинства в спокойном состоянии толстая верхняя губа была приподнята и оттопырена кверху; полуоткрытый рот и круглый подбородок довершали этот далеко не красивый профиль. Овал лица был скорее кругловатый, чем удлинен; большинство имело мясистые щеки, и мало видел я очень худых людей и положительно ни одного, которого мог бы я назвать толстым. Разумеется, у многих, особенно у более старых, заметно было в лице более определенное выражение; у многих

«Королева» о. Мангарева,
20—25 лет (на последних месяцах
беременности)

Иоту, 8—10 лет, с о. Мангарева

лоб был нахмурен и глаза смотрели исподлобья, губы были сжаты и т. д., но таких физиономий было мало, они составляли исключение не по типу, а по выражению, которое у большинства как будто бы еще не установилось и которому я не могу подыскать подходящего названия.

Здесь я снова убедился в верности моего обыкновения изучать физиономии людей в их спокойном состоянии: чуть стоящая передо мною толпа начинала по какому-нибудь случаю говорить, кричать, смеяться, оказывалась полная невозможность схватить общий тип. Несмотря на то, что туземцы Мангаревы довольно часто смеются, причем показывают всю громадность своего рта, я не думаю, чтобы веселость составляла бы характеристическую черту их характера. В толпе, которая несколько раз в день посещала мою террасу, находились многие жители Рапа-Нуи, которые, как уже говорил, остались здесь с г-ном Русселлем; эти бедные люди, в количестве около 250 человек, взятые на маленькую шкуну, очень пострадали во время перехода, хотя не продолжавшегося более 10 дней. Недостаток свежего воздуха в трюме и недостаток поряточной пищи были причиною, что несколько человек умерли дорогоу, другие, совсем больные, приехали на Мангареву, и между последними двое уже успели умереть на острове. Причина, отчего они остались здесь, та, что, привезенные на Таити, жители Рапа-Нуи должны были

поступить рабочими (почти что рабами) на плантации г-на Брандера, владельца судна, которое их забрало; здесь же они оставались свободными.

Тип жителей Рапа-Нуи совершенно один с жителями Мангаревы: тот характеристичный приплюснутый нос, плоская переносица, большой рот и т. д. Вообще они были светлее жителей Мангаревы, но и между ними было заметно различие в окраске. От жителей Мангаревы я мог их отличать отчасти по цвету, отчасти по их нахмуренному, печальному выражению и худобе лица — вероятное следствие недавних передраг⁶⁸. Я выбрал из толпы нескольких индивидуумов и принялся рисовать портреты; пришедший навестить меня г-н Руссель явился очень кстати, послуживши мне переводчиком при разговоре с туземцами Рапа-Нуи. Я их расспрашивал об их идолах, таблицах, письменах и т. д. и узнал от них те подробности, которые сообщил на первых страницах.

Некоторые из более старых туземцев были татуированы; мне сказали, что это были воины прошедших времен Рапа-Нуи, начальники имели татуировку на лице и даже на губах.

Между прочим мне был рассказан г-ном Русселем интересный обычай выбора главных военных начальников на Рапа-Нуи. Помимо короля, который имел свою власть вследствие наследственности, избирался еще один главный военный начальник, имевший также большое значение. Такие начальники избирались ежегодно; для этого все мужское население собиралось в одном месте, и затем желающие конкурировать на власть военного начальника расходились в разные береговые местности. Задача состояла в том, чтобы отыскать и достать гнездо с яйцами одной морской птицы, которая гнездилась в очень неприступных, скалистых местах; доставание гнезда сопряжено было с опасностью жизни, и на это, кроме того, требовалась большая ловкость и сила. Кто первый приносил гнездо с яйцами, получал от собрания власть военного начальника, причем не смотрели ни на род, ни на возраст нашедшего.

При этих избирательствах происходили большие пиры, причем было съедено все, что имелось у жителей⁶⁹. Туземцы Рапа-Нуи имели обычай не резать животных, как, например, кур, а удушать их, закапывая их головою вниз в яму и засыпая их землей.

Я спросил, довольны ли они своим теперешним местопребыванием — Мангаревою, и получил ответ, что желали бы вернуться назад в Рапа-Нуи. Язык их схож с мангаревским, так что они могут понимать друг друга. Оставаясь здесь, они скоро сольются с туземцами Мангаревы⁷⁰.

Остается мне сказать несколько слов об сложении, волосах и цвете кожи жителей обоих островов. Рост жителей Мангаревы и Рапа-Нуи

средний⁷¹ (около 1 м и 60 см); сложение довольно пропорционально, но кисти рук и ступни велики и некрасивы. Волосы прямые, толстые, у немногих слегка вьющиеся; цвет волос у большинства черный, но я видел у многих детей волосы серо-рыжеватые. На вопрос мой, отчего у них светлые волосы, мне отвечали, что оттого, что шапок не носят; это было вероятно, потому что верхние волосы и концы волос были светлее, а у корня темны⁷².

У одной женщины с Рапа-Нуи, с которой я рисовал портрет, волосы были тоже серо-желтого цвета. Глаза представляли также оттенки от черного до желтоватого цвета. Наконец, кожа показывала большое различие в окраске, но все тоны были того же основного коричневого цвета, начиная с очень светлого оттенка, который немного был смуглее жителей Южной Европы, до темного, цвет которого подходил к цвету шелухи каштана. Этих последних было немного, и меня уверяли, что цвет кожи зависит в этом случае от занятия этих людей, что самые темные индивидуумы на всей группе были те, которые занимались рыбной ловлей, причем подвергались действию морской воды и солнца⁷³. Другая крайность⁷⁴ встречается у женщин и у людей, которые во время дня мало выходят на солнце, а остаются в своих хижинах или в тени густых деревьев, которыми окружены их жилища.

29 июня (11 июля)⁷⁵. Так как по случаю прихода корвета многие, особенно молодые женщины, были удалены на другую сторону острова, то мне пришлось обратиться к миссионеру, чтобы получить несколько объектов женского пола для портретов, что и было исполнено, и я мог сам убедиться в миниатюрности, худобе и бледности женщин с Рапа-Нуи сравнительно с мангаревскими.

В этот день я купил разные вещи, употреблявшиеся в былое время на островах; между прочим был и каменный топор, который мне был отдан, потому что хозяин его уже не умеет рубить им деревья, что умел еще делать его отец, как мне сам сказал принесший мне это примитивное орудие⁷⁶.

30 июня (12 июля). Сегодня по случаю ухода пришлось перебраться на корвет. Я отправился к г-ну Блан поблагодарить его за его любезность во время 4-х дней, прожитых на берегу, и узнал при этом свидании еще следующие статистические подробности об Мангареве.

Жителей на всей группе считается теперь 1290 человек, из этого числа около 700 мужчин и 500 женщин. Число женщин в последние года постоянно уменьшается, как это видно даже на следующем подрастающем поколении, которого численность положительно известна, так как все дети ходят в школу; по школьным спискам оказывается на 150 мальчиков только 73 девочки. По спискам о крещении численный перевес также на стороне мальчиков, но он далеко не такой заметный,

потому что смертность девочек в детском возрасте очень значительна сравнительно с мальчиками*.

Положение женщины на Мангареве гораздо лучше, чем на Рапа-Нуи, но здесь также ранние браки довольно часты и бывают почти всегда бесплодны; те же женщины, которым удается выходить замуж позже, имеют достаточно детей; круглым числом приходится на женщину по 4 ребенка; есть, однако же, случаи, что у одной женщины рождается до 11 детей⁷⁷.

* В Европе, наоборот, мальчиков умирает более в первых годах жизни (см.: *Uble P. und Wagner E. L. Handbuch der Allgemeinen Pathologie*. 4-te Auf. Leipzig, 1868. S. 75).

НОВАЯ ГВИНЕЯ

(сентябрь 1871 г.—декабрь 1872 г.)

Первое пребывание на Берегу Маклая¹ в Новой Гвинее (от сент. 1871 г. по дек. 1872 г.)

19 сентября² 1871 г. около 10 час. утра показался наконец покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвиней*.

Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из Port Praslin (Новой Ирландии), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс King William, находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвиней.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 фут.**).

* *⟨Место сноски в рукописи не указано; определено нами по смыслу⟩.* Вышел из Кронштадта 27 окт. (ст. ст.) 1870 г. и заходя в Копенгаген, Плимут, о. Мадеру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунто-Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахауано, Вальпарайзо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папенти (на о. Таити), Апию на о. Уполу, одном из о-вов Самоа, о. Ротуму и Port Praslin (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день³ увидели берег о. Новой Гвиней.

** *⟨Место сноски в рукописи не указано; определено нами по смыслу⟩.* Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 фут, тянутся параллельно берегу, т. е. в WNW направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту

В проходе между о. Рук и берегом виднелись несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета*.

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высоты приблизительно до 1000 фут) и представляла очень характеристичный вид. Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний^а с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью.

Около 6 часов вечера отделился от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, и по берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места, мы (90 сажень пронесло) прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября. За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на 20. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе

стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-по-малу закрывают часов в 10 или 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 фут вышины). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях⁴.

* Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на поляне по скатам гор.

^а *Анугиним вписано*: лес.

солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков, посреди-не их тянулись белые *strati*^a. Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10¹/₂ часов, подвигаясь к заливу Астроляб⁵, мы увидели перед собою два мыса: южный — мыс Риньи и северный — мыс Дюпере, оба невысокие, и второй далеко выдающийся в море*. Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31 °С. Часам к 12 мы были среди большого залива Астроляб.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга** Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым⁷. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах (ничего)⁶ не заметили; подойдя, однако ж, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженях в 70 от берега на 27 саженях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого*** скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительную занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом

* Мыс Дюпере, названный так Дюмон д'Юрвилем, оказался не мысом материка⁶ Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

** В 18(83 г.) П. Н. Назимов был произведен в контр-адмиралы.

*** У самого берега глубина была несколько саженей.

^a Анугиним вписано: (слоистые облака).

⁶ ничего вписано Анугиним.

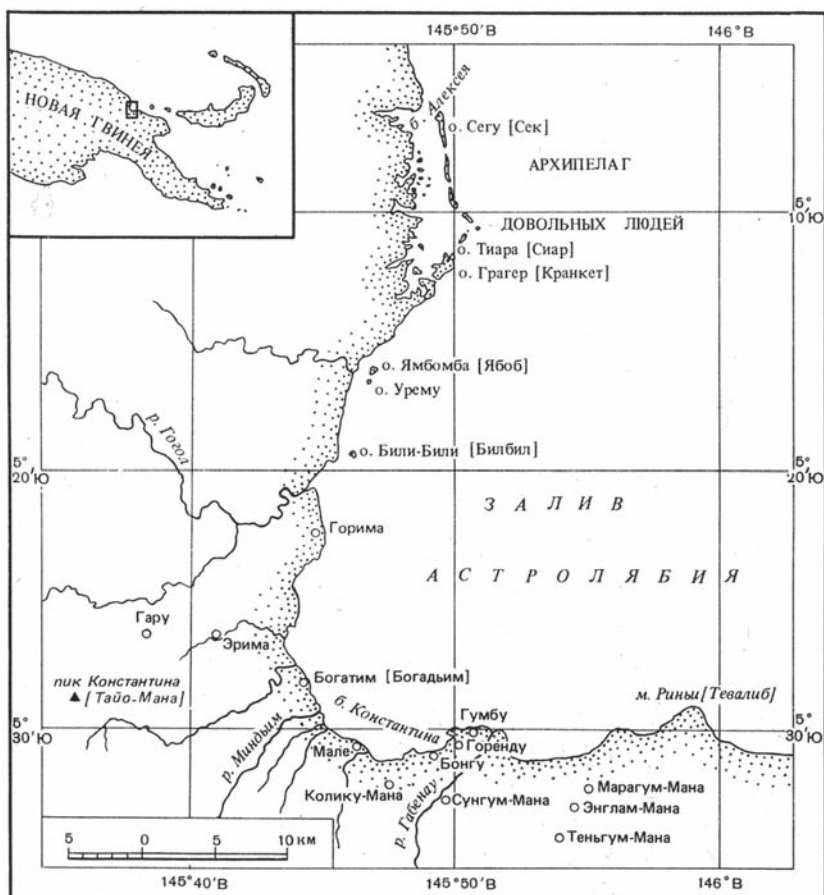
мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбою дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженною командою, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою⁸ спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кой-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через 20 приблизился к берегу, где и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимою хотел мне дать понять, чтоб я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочили около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтоб добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонку бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, никто из них не отваживался подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно *отправился*^a в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходящей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец в одном месте берега между деревьями я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса.

^a отправился *вписано* Анугиним.

Залив Астролябия и прилегающие местности в 1871—1872 гг.

Современные названия даны в прямых скобках

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов 30 по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана землею, а кругом росли пестролистственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие

от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы [...] ^a и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и *Coleus* оживляли общую картину леса, кругом состоящего из бананов, панданусов, хлебных деревьев [...] ^b и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корою и заколочены накрест [...] ^b. У двух хижин, однако, двери остались открытыми: видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте в двух футах, так что двери представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, чрез которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул в хижину. В хижине темно — с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нарты из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь, служили опорой стоявшего на них обломанного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда слышался шорох, увидел в недалеких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один без всякого оружия и знаками прошу подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову. Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти, однако же, скрытым торчащими усами и бородою. Весь костюм его состоял из тряпки шириною около 8 см, повязанной сначала в виде

^a *Анугиним вписано:* (*Hibiscus rosa sinensis*).

^b *Анугиним вписано:* арековых.

^b *Анугиним вписано:* пластинами расколотого бамбука.

пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betle*, за другую на левой руке — род ножа из гладко обточенного куска кости, как я убедился потом, кости казуара. Хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой.

Выражение лица первого моего знакомого показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и притащить в полном смысле слова к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, сел посреди их на камень и принялся наделять разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомого представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом, очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под которой сзади спускались на шею окрученные пряди волос, совершенно похожие на трубообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовались несколько черных и белых перьев казуара и какаду в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка толщиною в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были зат-

кнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров почти что в рост человека и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиною, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкою на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волоса на бороде завивались также в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых. Из этих впервые восьми встреченных мною папуасов четыре оказалось больных: у двоих элифантiazис изуродовал по ноге, третий представлял интересный случай psoriasis⁹, распространенный по всему телу, у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидящими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов, следы, вероятно, таких же давно [...]а.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет; вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку¹⁰. В надежде еще более укрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружающим меня папуасам сопровождать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирога я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу: Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи, угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

^а Анугиним исправлено и описано: давнишних чирьев.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы, принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили тела их в виде подарка на берегу.

21 сентября. Берег залива Астроляб в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной вышины тянутся вдоль берега и только на WNW берегу прерываются низменностью. NW берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно <от> пяти до шести тысяч футов) покрыты густою растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти до самого берега, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймляется коралловыми рифами и реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобною пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете на мостике корвета и остался вполне доволен общими видами страны, которую избрал для исследования <и>, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; я поэтому решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шум, боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропиночке и минут через 10 подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью^а, так и потому, что находилось поч-

^а Анугиним вписано: и уединенности.

ти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили их больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю и затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга.

Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор¹¹. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишнее. (Из) трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось: значительный ручей впадал здесь в открытое море¹²; но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к 3 высланы с корвета люди, занялись очисткою места от кустов и мелких деревьев¹³, плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных *Canarium commune*.

22, 23, 24, 25 сентября. Все эти дни я был занят постройкою хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеная парусина). Одну половину я назначил для себя, другую для моих слуг — Ульсона и Боя. Так как взятых из Таити досок не хватило¹⁴, то стены сделаны из дерева только наполовину, нижние; для верхних же, равно и двух дверей, опять служит брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного в Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и выгонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, постройка шла успешно¹⁵.

Туземцы, вероятно, напуганные пальбою 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2—3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкою бухты и при

этом посетили пять или шесть прибрежных деревень¹⁶, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли, между прочим, также более десятка черепов¹⁷.

Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь е. и. в. генерал-адмирала и президента имп. Русского Географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, называли островом «Витязя» (впоследствии я узнал, что [...]а его о. Били-Били).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал <называть>⁶ имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь¹⁸.

Возвратясь на корвет, я рассказал виденную мною пантомиму в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийскою частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты в случае крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, о которых старался объяснить мне Туй.

26 сентября. Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставалась в Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь в Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет житья, я уже

^а Анугиним вписано: туземное имя.

^б называть вписано Анугиним.

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагасси

давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от пищи европейской. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средство пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порте. Я взял кое-что, но так мало, что Павел Николаевич Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни¹⁹. Он оставил мне также самую малую из шляпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шляпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса²⁰, а человек тридцать матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса²¹ занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех — густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.* Место это нахо-

* Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта с. и. в. вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправляющиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), с. и. в. при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где, между прочим, великий князь милостиво спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевозит меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность с. и. в. за помощь моему предприятию. Когда же великий князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему и. в. известно, что так как цель моего путешествия в Новую Гвинею — научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований

дилось под большим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была, снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз²³.

Около 3 часов Порт Константин — имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, — представлял очень оживленный вид: перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делая более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья, и т. д.²⁴

К сожалению моему, я не мог присмотреть за всеми этими работами, пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены²⁵. Весь вечер провозился я с этими вещами, и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которых я очень благодарю за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер. Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 сентября. В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя.

и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить в Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нрава туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен с. и. в., если можно было бы устроить таким образом, чтобы судно русское военное зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были бы вырыты и пересланы имп. Русск. Географическому обществу». Выслушав меня внимательно, с. и. в., пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни мои рукописи в Новой Гвинее²².

Помня это обещание с. и. в. генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

Возможность, однако, хотя закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около четырех часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу²⁶.

Поблагодарив за все бескорыстные оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыска флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и к удивлению и негодованию увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбrivшегося на словах, руки дрожали, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадою из его дрожавших рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться, не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из Порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну²⁷.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов, они прыгали и бегали, описывая круги, их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский (национальный) флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Ту́й разведать, остался ли я или нет, не с прежним добродушием поглядывал на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место²⁸. Ту́й знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) при-

нести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки. Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часу, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостями, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался близко приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головою назад, проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился.

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы: одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в Порт Константин. Я им подарил разные безделки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября. Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на 3 вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от 9 до 12 часов).

Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинною.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышею. Одну сторону моей комнаты (7 фут длины и 7 фут ширины) занимает стол (около 2 фут ширины), другую — две корзины, образующие мою койку (не совсем 2 фута ширины). В проходе, шириною около 3 фут, помещается мое удобное, необходимое складное кресло.

Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которых ловят рыбу²⁹. Бой (повар) приготавливал нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису.

Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября. Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укушений комаров, муравьев и других бесстий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих по ночам им покоя насекомых.

30 сентября. Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Решил, однако же, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам любуюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царствует всегда мне приятная тишина: не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порою какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует — я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны, лес тропической растительности с другой, то и другое полно жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над которыми клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели или вернее до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...³⁰

Пришел Туй, у которого взял урок папуасского языка. Я прибавил несколько слов к моему лексикону, точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки своим соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, затем на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили из деликатности или просто боязни — не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонии, которая на островах Самоа в большом ходу и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, они ушли; при прощании протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элфантиазис.

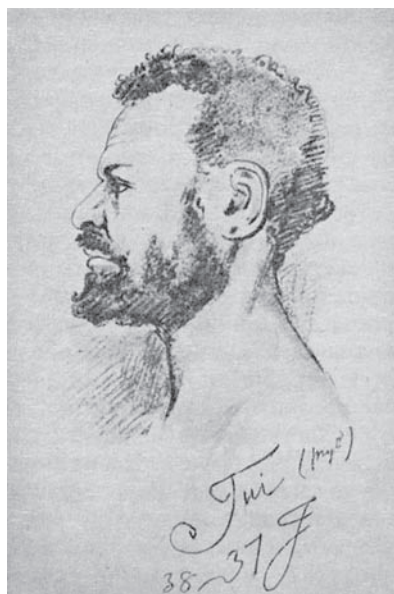
Часов в 10 вечера разразилась над нами сильная гроза, дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

⟨1⟩^a октября. Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммой: брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Употребя его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте 6 человек, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня; но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером. Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, отнесусь, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным на все лю-

^a В рукописи ошибочно 5.

Туй из дер. Горенду

безности папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушить все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду, но заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приве-

Олум, около 20 лет, из дер. Гумбу, ноябрь 1871 г.

дет меня в какое-нибудь селение. Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел и понятия.

Слышались несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет 14 или 15. Мы молча с секунду поглядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в де-

Ассел из дер. Горенду

Мужской дом и хижина на Берегу Маклая

ревню. Несколько громких возгласов, женский визг и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были подняты, и некоторые из туземцев приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копьё. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около барлы³¹, и ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла, одна за другой 2 стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу, вроде очень близко меня пролетавших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь. Мне самому как-то стало неловко: на что прихожу я стеснять этих людей. Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать, кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вследствие моего прихода, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиною того, что не был ранен, так как я не успел двинуться с места, где стоял, а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец копья своего в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрыть глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако же, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустил пояс и найти подложить что-нибудь под голову. Увидел, что туземцы стали полукругом в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предложения о том, что будет далее.

Одна из фигур, которую я видел пред тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, удобно лежа на циновке или же во сне. Далее подумал, что если пришлось бы умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвер.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки»³² [...]^a, напротив, наводила сон; треск цикад также несколько не мешал, а способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа 2 почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость и в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должно было быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель³³. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними, и решил идти домой, приведя мой костюм в порядок; эта операция

^a Анугиним написано: Chlamydodera.

очень заняла окружавших меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром³⁴.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер со шквалом и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается уже в 7 часов; безлунные ночи, темень страшная, шагах в четырех от дома трудно его отличить.

⟨2 октября⟩³⁵. Всю ночь лил дождь ливнем. Утро пасмурное и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрыта ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие раны карболовой кислотой. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвернуть; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, еще не зная языка, мы понимали друг друга.

⟨3 октября⟩. Утром бродил при отливе по колено в воде, но ничего интересного не попалось.

Папуасы притащили мне 4—5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и только когда я это сделал, успокоились.

⟨4 октября⟩. Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этою чертой характера моего приятеля, подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастаться подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя еще явилось несколько человек также с подарками; дал каждому по два гвоздя средней величины. Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарков: то, чего у кого много, то он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят на туземцев какое-то особенное чувство: им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления чего-то особенного, весьма немногие смотрят мне в глаза, а отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые из них смотрят на мою хижину, на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне положительно кажется, что в их лице, вероятно^а, выражается зависть). Раз два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

⟨5 октября⟩. Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины³⁶; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от $1/2$ до $3/4$ м ширины; имеет вид корыта, поддерживается двумя брусками; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль³⁷. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красною охрою, и имели на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, банан и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернуто в больших листах *Artocarpus incisa*.

6 октября. Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями — жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом «Витязь»). Больше число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размазанные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономий был не отличен, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

^а Вероятно затеркнуто, не ясно кем.

Мои соседи из Бонгу^а показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами*.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пенёк.

Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

7 октября. Отправился утром при отливе за добычей на риф, гуляя по колено в воде, и сверх ожидания набрел на несколько интересных *Calcispongia*^б. Чрез полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако же, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями — в деревню на восток от мыса Обсервации. Отправился туда, сам, разумеется, не зная дороги, а просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новостью всего окружающего...

Из леса вышел я к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогою, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега в хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми, несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; двое или трое женщин возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много и жар вовсе не чувствовался. Разговор был обильный и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела

* Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным и обильным выражением удивления между туземцами.

^а В рукописи, вероятно, ошибка. Следует: соседи из Горенду.

^б Анугиним добавлено: (известковых губок).

для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик — разговор оборвался и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собой, женщины, боясь оглянуться, кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбегались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и лишь приходилось довольствоваться жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня нахмурившись и перекидывались словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ³⁸, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний самих туземцев^а, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Кругом меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела — знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

^а Следует, очевидно, гитать: замечаний о самих туземцах.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуются очень немало терпения и такта^a в обращении с ними с моей стороны³⁹.

Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжительного отсутствия; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли три свертка: для меня, для Ульсона и Боя. Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина, однако я остался в сомнении.

8 октября. Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкою своего гнезда. Помещение мое всего в одну квадратную сажень, а вещей тьма.

9 октября. Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

Вечером слышу: кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно возвышенная температура.

10 октября. Часу в четвертом из мыска вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышею от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят

^a Вероятно, в рукописи ошибка: также. Исправлено Анугиним.

показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече.

Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались прибывшие туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с острова Били-Били, пришло несколько моих соседей-туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же; мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а...», «е-е-е...», чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков.

У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое опускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи (*Sus papuensis*), связанных таким образом, что, висая на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однако же, удивлен, увидев^а снова чрез полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки.

Церемония делания подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок от других отдельно и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня: каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону — значительно менее, а затем Бою — еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и шляпку мою, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и банан. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделок, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!». Когда они отошли на несколько шагов, то,

^а Анугиним вписано: их.

полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

11 октября. Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки; как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября. Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что он нездоров. Моя хижина — настоящий теперь лазарет!... Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеют специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси⁴⁰; мыс Обсервации напротив — Габина и т. п. Деревня, которая была посещена мною вечером в день прихода «Витязя» в Порт Константин, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светло-желтоватыми кустами *Soleus* и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, деревня Горима; на восток от Гарагасси деревня, в которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Маратум, еще далее деревня Рай. При расспросах Туя я не мог не подивиться его смывленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления, с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся. Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября. У меня пароксизм повторился; все больны... скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября. Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом, чтобы отделиться от стонув и оханий. Птиц много. Как только туземцы по привычке ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны.

Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке. Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в таблич-

ках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые свертывают в виде сигары в также высушенный над огнем специальный* лист, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглотит его медленно и передает сигару соседу. Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготовлял тонкие узкие полоски из ствола какого-то гибкого вьющегося растения. Он сперва выскабливал одну сторону его, отдирав от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколком раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслет «саю», носимых туземцами на руках выше *biceps*'а и на ногах (у) колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может послужить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода⁴¹. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября. Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астроляб весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лечения цвет лица Боя заметно посветлел — побледнел.

16 октября. Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости. Сегодня в продолжении дня перебивало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить — дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября. У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь — сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же при заходе солнца выползает и прохлаждается с непо-

* Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

крытою головой, разумеется, украдкою от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дома на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально, — бегут.

18 октября. Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутаны, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы из Таити и кукурузу; не знаю, что взойдет еще, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго).

Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм, сожалея на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября. Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспреданно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября. Сегодня визит 13 человек из Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от последних^а. Из моих подарков они оценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень unsuccessfully, не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько: четыре, пять, иногда и более; острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандою, т. е. переставить трап и закрыть полустеною из кокосовых листьев переднюю часть веранды.

Вздумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного матерьяла для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

^а *Анугиним исправлено:* от обитателей последнего.

22 октября. Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песка, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песка остается в бороде. Возвращаясь к дому около трех четвертей шестого; уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чай, который мне подадут с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в вапориметре⁴², вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание⁴³.

Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на Коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычею сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кёри⁴⁴. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 9 часов^a. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, например, приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке⁴⁵, реже за чтение. Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая опустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю.

После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»* и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен. Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый,

* «Чарки» — чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайзо.

^a Имеется в виду 9 час. вечера: ср. ниже запись о вечерних наблюдениях.

когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествя дня в дневник. В 8—9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности для меня очень интересной жизни.

23 октября. Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, по при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30 — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь.

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копьё в правой (руке)^а, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал и копьём как будто старался ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемую стрелу. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характеристичен.

24 октября. Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах дерев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление — не знаю. Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибов и т. п. организмов. Один из более курьезных грибов, выросший в продолже-

^а руке вписано *Анугиним*.

ние нескольких часов и удививший меня своею величиною и формою, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужною вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежало почти без употребления только два платка. Причина тому — отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом... *verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimnissvoll fantastischen Umgebung...*^a Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября. Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело, не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер: живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, например, в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября. Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дома. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимою прелестью природы.

27 октября. Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и действительно увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда

^a ...я целиком погрузился в созерцание роскошных таинственно-фантастических окрестностей (нем.).

я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя.

Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу. Тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины. Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла.

Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин — инструменты в употреблении у папуасов для резания — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами. Взойдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виною тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом, объясняется высота крыши хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в $\frac{1}{2}$ грамма) и хорошо сделал, потому что к часу я чувствовал лихорадку во всех членах и благодаря приему хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох; ходит и говорит, как больной. Бой не встает; опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро.

28 октября. Приходил опять Туй, опять я его вначале не узнал, так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью; теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому — выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода действительно хорошая маска.

Опять часу во втором вдали показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, кончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышей с другими, это будет в последний раз.

29 октября. Несмотря на стоны Ульсона, я заснул, но не успел проспать и полчаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть не чем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу; ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двуствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагасси. Дождь хотя и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками, луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пенёк и стал вслушиваться. Пение, или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще подымался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал⁴⁶.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того чтобы идти вперед, я пошел назад и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще в просонках слышал урывки папуасского концерта.

30 октября. Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дожливое время года? Когда дождь перестал, сидя на пне у моего флагштока, я был свидетелем оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь не мало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда

из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал энергический прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногою. Он сперва придавил ее ступнею, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду со значительною силою; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другою убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более. Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагасси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиною в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух — лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну. Не могу сказать, что совершенно здоров; голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу опять стоны; у Ульсона — пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, по-видимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который, по его словам, беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели вследствие опухоли, которая кончилась нарывом. Вот уже недели две, как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября. Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями из ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежною прическою и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября. Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы.

Вдали показались две парусные пироги, идущие от деревни Богати, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагасси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста.

Я не ошибся: две партии туземцев, человек около 20, приводили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы, они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приводятся по обеим сторонам ягодиц; иногда они ложатся, подпирая подбородок рукою, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть⁴⁷. Ульсон принес свою гармошку и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону. Чтобы отделаться от гостей, я роздал каждому по полоске красной материи, которою они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского денди требуется, вероятно, немало времени.

2 ноября. Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мысу Габина (мыс Обсервации), а затем вдоль берега по направлению к деревне Мале. За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокою травой. В нескольких местах в горах, подымавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлею морских животных на поверхности, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагасси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно мою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень

темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через 2 я сидел в хижине и только что принялся осчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал⁴⁸, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г.⁴⁹, когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз во всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Сбиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась, к утру и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября. Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?» — спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки. «Это колебание не земли, а ваших колен, — сказал я Ульсону, — так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал два или три незначительных, хотя и явственных колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки, так как при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон действительно принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не подымался выше 410 д(елений), оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464. После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго и внимательно рассматривал его волосную систему. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе не заметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками^a.

^a В рукописи знак сноски к этому месту и внизу страницы оставлена густая строка.

4 ноября. Вот скоро 6 недель, как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта обезоруженность кажется туземцам весьма странною. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копыя, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и с очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20, и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября. Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался.

Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?». Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше. Ночью во время землетрясения поднялся до 515 — не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября. Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти непрерывную молнию, которые в продолжении трех или четырех часов оглушали и ослепляли нас. Дождь падал^a не каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя выползли просохнуть. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с предлиннейшими задними ногами.

7 ноября. Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотою и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны: приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкою, принимать непрошенных любопытных, подчас назойливых гостей, а главное — сознавать, что связан и должен сидеть дома...

В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне плохо, я принужден оставаться на ногах.

8 ноября. Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стонали и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под влиянием могучей силы. Все

^a падал переделано из капал другим поггерком и другими гернилами.

еще сильная гроза с непрерывною молниею и сильными раскатами грома, потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября. Утро было сырое и свежее (всего 22° Ц). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидал перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносимую печь — именно толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшею. Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте. Очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели на себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полен был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность во время перехода из одного места в другое зажигать свои сигары. Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана^a, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их положительно был одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи был гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены: ноги крепкие, с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли, весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться. Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней, и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые

^a В рукописи знак сноски и внизу страницы оставлено место для примечания.

дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом: здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться мои гости; там в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября. Нахожу, что туземцы здесь народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают их, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в полтора длиною, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня в Гарагасси маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз 20 или более посещали меня в Гарагасси.

Другой пример: приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко в кустах они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких рас, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых.

Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября. Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться. Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чая.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить! Без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя⁵⁰.

12 ноября. По ночам гораздо шумнее, чем днем. С полудня до трех или четырех часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября. У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили: «Негрэнгва». Показываю им печатную бумагу — снова «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями из гор (горцами). Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился, вспомнив, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеною известью, которой я примешал слишком много.

15 ноября. Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу: втащить на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и система блоков, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы наконец втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит даже при самом^a приливе. Устали порядком.

^a Анугиним добавлено: высокою.

16 ноября. После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития, но вместе с тем я убедился опытом, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно было бы идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября. Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка, etc., etc., etc. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верною: не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своею добычей.

Однако досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для удаления этого недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы при моих посещениях бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагасси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, дозволяють рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагасси у меня все под рукою: и инструменты для антропологических измерений, и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду подмышкою в особых мешках. Я не упускаю случая при посещении горных жителей измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение качества волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, почему я никогда не пренебрегаю случаями пополнять мою коллекцию новыми образчиками.

Здесь это соби́рание представляло сперва некоторую трудность. Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Ту́й при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от соби́рания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Ту́я, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, на обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои.

Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительно лета и место головы, откуда были срезаны, Ту́й также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась⁵¹. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около деревни Мале, куда я, однако ж, не пошел^а, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось; было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую буамрамру* Ту́я, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей.

* Буамрамрами называются большие хижины, особенным образом построенные и исключительно назначенные для мужчин⁵².

^а Листы 78—79 в рукописи отсутствуют. Текст воспроизводится по изданию 1923 г. (с. 142—143).

Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то отвечал мне много, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагасси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу — род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек — и, закрыв глаза, повторил: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро⁵³ и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным полчасовою дремотою и затем подкрепленным пищею, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагасси.

В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом, взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями; они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие^a ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьем. Я был невооружен, по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однако ж, цел и невредим до Гарагасси, где и был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

22⁶ ноября. На днях я убил голубя [...] у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то и отпрепарировал

^a Отсюда текст снова печатается по рукописи.

^b В рукописи было ошибочно 20.

^v Анугиним вписано: (Garpofaga).

аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как мой скелет среди белого дня пропал с дерева в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывающуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел — действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характеристичен и даже эффектен: темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одною рукою опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка его из грубой тапы⁴⁴ опускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я ему указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине 12-го я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила. Я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкою и одеялом.

23 ноября. Пристрелил одну из птичек [...]а которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику: «коко-ниу-кай»; при этом, когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона лихорадка снова, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над при-

⁴⁴ *Анугиним вписано: (Ghlamydodera sp.).*

готовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящиков из-под консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября. Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому я тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже сажень в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября. Несмотря на значительный прием хины (1—5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильной опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как папуасски такие слова: да, нет, дурно, хочу, холодно, отец, мать...⁵⁵ Просто смешно, а что я не могу добиться и узнать их — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не случайно узнаешь то или другое слово. Между другими словами, узнанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагасси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды — «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири», луну — «каарам-пири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября. Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрывать глаза (веки так опухли) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины <в>^a подкисленной жидкости, которую он

^a в написано Анугиним.

запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой; хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти не осталось. Когда я пробирался чрез чащу, в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставивши дрова и даже топор. Боль от укушения была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, отчего боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол⁵⁶ и Вуанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красною и белою краскою, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием сопряжены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагасси.

Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивающим, слышал ли я крики и заряжены ли все у меня ружья? Я не успел ответить, как из леса по направлению к Горенду послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние пять минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это может быть сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку; из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя восход ее. Это объяснение мне показалось совсем удовлетворительным, и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября. Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал, главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон по слабости после лихорадки мало мог делать.

30 ноября. Солнце становится у нас редкостью, проглядывая ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничего не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немислимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря. Ходил в деревню Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о моем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление, так как в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде, только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель)⁵⁷; иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы⁵⁸.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеспеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому — кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча; когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль-Маклай», или дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все чрез полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажечь постоянно потухающую от ветра лампу. Сквжиин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. Теперь с 8 или 9 часов вечера дождь, который начался при заходе солнца, будет идти, вероятно, часов до 3 или 4 утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше, протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым, то по ночам мне до дождя нет

дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего; он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет вдвое чаще меня; правда, что последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовить чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагасси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнию, при помощи которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать фонарь с собою было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным.

Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель пять, как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить их сперва на солнце, а потом на огне, они все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я действительно нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с кёри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразность даже нравится мне; кроме того, все неудобства и мелочи эти вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природою, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться.

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный десятиминутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься: дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок и даже шип, который сейчас уколол руку, — только одна секунда, и опять все

черно и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратить мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

5 декабря. После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб. Бой^а так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головою одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытии и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря. Бой очень страдает, я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеса нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим с очень серьезным видом сообщил, что Бой умрет скоро, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу, — при этом он указывал на все пальцы рук и ног, т. е. много людей, — придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проходят копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!».

Я сделал вид, что отношусь к этим словам как шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут, на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!».

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убийении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не мешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда корвет?». Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю», — я не сумел. Не умею также выразить большое чис-

^а В рукописи далее: у которого вследствие застарелого и — оставлена гистая строка.

ло по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает два дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но, должно быть, неладно, по крайней мере другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до 10 и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: [...] ^a — «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными, три раза повторяя [...] ^b. Мне снова пришлось смутить их; взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум-бум» — день, день. Опять пошли толки, но порешили тем, что завернули обрезки в лист хлебного дерева, тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне ⁵⁹.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь.

Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю, находя, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраною одного Ульсона.

8 декабря. Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер ⁶⁰. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и когда после полуминутного горения фальшфейер потух, пирог и след простыл. Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характеристичной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако ж, неверно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что

^a В рукописи пропуск, оставленный для слов на языке бонгу.

^b В рукописи пропуск, оставленный для слов на языке бонгу.

ноги его представляются такими худощавыми, это также не удивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как это я заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною в Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут». Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями, беспрестанно зовущими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их идти далее». Я знал, что выстрел одного дула, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия*, и поэтому ждал спокойно, тем более что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, ники!», протягивал мне правую с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставляла меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Эме-ме, эме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

* Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звук выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

13 декабря. Несмотря на большое утомление, хочу записать происшествия дня, так как нахожу, что рассказ выйдет более реален, пока ощущения еще не ступшеваны несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете очень неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю при первой необходимости мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневник, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу На случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, примем несколько раз повторял: «О Бой, о Бой»; затем, подойдя ко мне, пристал отпустить Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти (и его)^а. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях лечь только в самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им? Не понимаю. Бояться его как противника они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника? Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой; но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю, — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго останется ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось peritonitis^б.

Я вернулся к своим занятиям.

^а Анугиним добавлено: и его.

^б Анугиним добавлено: (воспаление брюшины).

Во второй раз что-то рухнуло на пол и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шляпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа чрез полтора или два. Это очень действовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату; Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через 5 он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату.

Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шляпку, и чем больше, тем лучше, для того чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком тяжело, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддерживали немного его падающий дух.

Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное — чтобы камней было бы достаточно, чтобы не допустить тело всплыть, я отправился сам к шляпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою посмотреть, в каком он положении. В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до его руки. Пульса более не было. Нагнувшись к нему и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мной, несмотря на то что при жизни Боя он постоянно бранил его и скверно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Заметив это обстоятельство, я вспомнил невольно слова Шопенгауэра⁶¹ [...] и вполне согласился с его объяснением. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение — именно распилить

^a В рукописи оставлено несколько густых строк.

череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем освоел и умильно упрасивал меня этого не делать.

Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я, к досаде моей, открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался не без сожаления от намерения сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю проф. Г.⁶², живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всею мускулатурой ее. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурою. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании *plexus brachialis* рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец, все было кончено, и надо было отправлять труп Боя в сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка, как зашнуровали их, оставив отверстие для камней, как в темноте несли его вниз к шлюпке, как при спуске к морю благодаря той же темноте Ульсон остуился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не смогли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, однако же, его, мы опустили его, наконец, в шлюпку и вложили пуда 2 камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив, как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду.

Не успели мы взяться за весла, как перед нами в одной четверти мили из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий... десятый огонек. То были одиннадцать пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство.

Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?», — предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее, — сказал я, — может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? — шлюпка не подвигается, мы на рифе или на мели.

Папуасы все ближе, мы из всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно.

Наше глупое положение было для меня очень досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели; я хотел сделать это, даже несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку.

Мы снова взялись за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев. «Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас», — заметил Ульсон. Я в половину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33 — по три человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая свое превосходство сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: два револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было вероятно причиною, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Нас действительно, кажется, не замечали.

Туземцы были усердно заняты рыбной ловлею. Ночь была тихая и очень темная; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каждый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны очень богатою и разнообразною жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости хоронить его.

Любуясь картиною, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги отдаляются значительно от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыса Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь.

Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять, благодаря темноте и отливу, долго возиться со шляпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря. Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке. Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, то человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью.

Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть на лестнице и на земле. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь видеть что-нибудь еще страшнее. Но минут через 10 они показались снова и на этот раз уже целую толпою. То были жители Бонгу, Били-Били и острова Кар-Кар (Кар-Кар — туземное название о. Дампира). Толпа была очень интересна, представляя людей всех возрастов; на всех было их праздничное убранство, но особенно гости мои отличались украшениями, материал которых совершенно определялся местом их жительства. Так, например, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян, между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлею морских животных, были навешаны разного рода убранства из раковин, костей рыб, скорлупы черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело, преимущественно голова, было вымазано черною землею и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно такой черный, но при виде некоторых из них, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убе-

диться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей Кар-Кара в действительности только немногим темнее жителей этого берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красною охрою; и в волосах, и за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы *Hibiscus*. Всех пришедших было не менее 40 человек, и 3—4 между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от всех остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым разнообразным образом, частью черной, частью красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные разными цветными перьями (какаду, разных «других» попугаев, казуара, голубей и белых петухов). У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на всех островах Новых Гебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горячей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописанный: большинство бросилось бежать, прося меня, убегая, «не зажечь моря».

Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили им, если бы они двинулись. Они стояли, как вкопанные, озираясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушли только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить о «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал отгонять их. Я не мог помочь им серьезно, но облегчил их значительно, обмыв раны карболовой водой, а затем перевязав их карболовым маслом и освободив их, таким образом, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел причину быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и захотел непременно надеть его на меня.

15 декабря. Снова больные из Били-Били; один страдает сильною лихорадкою; я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство)⁶³; но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень

ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль спины и плеч (вероятно, ревматизм); я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные его поведением, не знали, как отнестись к этому, не знали, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего (диалекта Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, несколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые мне показались не темнее жителей Самоа.

16 декабря. Занимался уборкою в моем палатке, что всегда отнимает много времени, и вполне согласился с верностью индусского афоризма^а. Если это случается даже с высокомудрыми людьми, то подавно может случиться со мной, вовсе не претендующим на такую мудрость. Я положительно не имел времени на научные исследования последние недели.

18 декабря. Туземцев не видать, и очень часто думаю, как я хорошо сделал, устроившись так, чтоб не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащей мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение 3 месяцев не подумал проверить белье. Я поручил Ульсону вывесить все па солнце; многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

^а В рукописи оставлены гистыми 3 строки.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько косяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож называется туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» — из костей кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок. Приложенный рисунок даст лучшее понятие, чем длинное объяснение⁶⁴.

20 декабря. Наша хижина приняла очень жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря. Три дня лихорадки. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно, потому что он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя — за исключением тех дней, когда у меня бывает лихорадка, — вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натываюсь на вопросы, которые вследствие недостаточности моих знаний не могу объяснить. Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно, ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе; спит он около 11 часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит здесь все-таки «das Leben sehr miserabel»^a.

В чем я начинаю чувствовать, однако же, положительный недостаток — это в животной пище. Вот уж три месяца, как мы питаемся исключительно растительною пищею, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтоб немного разнообразить стол. Свинину, которую я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной

^a Эту жизнь очень жалкой» (нем.).

порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинина^а была старая). Смотри на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек животное *плотоядное*.

Со шлюпкою много дела, так как настоящее якорное место очень плохо.

При рисовании мелких объектов руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности когда требуется от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкою, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире.

Руки мои и прежде не отличались особенною нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, обрезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые являются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательнейшие, по крайней мере в три раза толще моих (я срезал их и мой ноготь для сравнения). Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря. Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержание одной из сумок (так наз. «гуп»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших «донганов» тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг, кол или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно инструменты, могущие заменить ланцет, иглу или шило; затем «ярур», раковину (Cardium), имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскре-

^а Исправлено на свинья другим погерком.

бывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корою (разбитою подобно тапе полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы очень хорошо плетут разные украшения, как браслеты (сагю), повязки для придерживания волос (дю) из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в циновках или недостатку терпения⁶⁵.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Они их очень берегут; правда, при их примитивных инструментах из камней и костей, каждая работа не очень легка; так, например, над деревцом сантиметров 14 диаметром двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения и обтеску им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными, осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивых орнаментов. Заметив оригинальность и разнообразие последних, я решил скопировать все орнаменты, которые встречаю на туземных вещах⁶⁶.

28 декабря. Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоящего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов *Hibiscus*. Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно глядя по сторонам, следя за рыбою, грациозно балансируя при движениях очень маленькой пироги, каждую минуту готовый натянуть тетиву лука и спустить стрелу, фигура его действительно была очень красива. Длинные зеленые и красные листья *Colodracon*^a, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охраю и поэтому ярко-красный, немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида.

Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры^b молодого папуаса. Она состояла, как видно на приложенном

^a *Colodracon* вписано другим погертком.

^b *прическа* (от фр. *coiffure*).

рисунке⁶⁷, из гирлянды или полувенка пунцовых цветов *Hibiscus*; спереди — три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянду и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами *Hibiscus*, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табак и отослал курить на кухню, в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически.

Бонем выгащил все гребни и цветы из волос и принялся большим из гребней взбивать слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы, после чего волосая шапка увеличилась раза в 3 против первоначального; он подергал локоны на затылке, или «гатесси», которые тоже удлинились. После этого он снова воткнул цветы и гребни в свой черный парик, посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру. (Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов представляют иногда различный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разногласии, встречающейся в разных учебниках по антропологии). Из плотно прилегающей к голове мелко-курчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через 5 раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описанную путешественниками, которые видели в ней что-то характеристичное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу; прокричав мне: «Эме-ме» (не знаю все еще, что это значит)⁶⁸.

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успел я немного оправиться, как он заболевает.

29 декабря. Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что «тамо-русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось кокосовых орехов».

Зная очень хорошо, что это было большое преувеличение и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземною — небольшими табирами вместо блюдов и раковинами скорлупы кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «таваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях.

1872 год

1 января. Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длины и 3—4 см толщины, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я обыкновенно мерил температуру воды.

2 января. Ночью свалилось с шумом большое надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья. Было много работы очистить последний от сучьев и листьев.

3 января. Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиною, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, очень худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую полосатую разновидность. Темно-бурые полосы сменялись светло-рыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся чистить, скоблить и варить его. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едою его, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные; да, кусок говядины — важная вещь. Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов, например: распределение волос на голове туземцев считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось неверным положение, что волосы папуасов растут пучками или группами на теле. Но громадный парик моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно они распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует,

но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть. После завтрака, лежа в моем гамаке, я скоро заснул, так как свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и увидев зовущих, я тотчас вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет 9, очень коротко обстриженным.

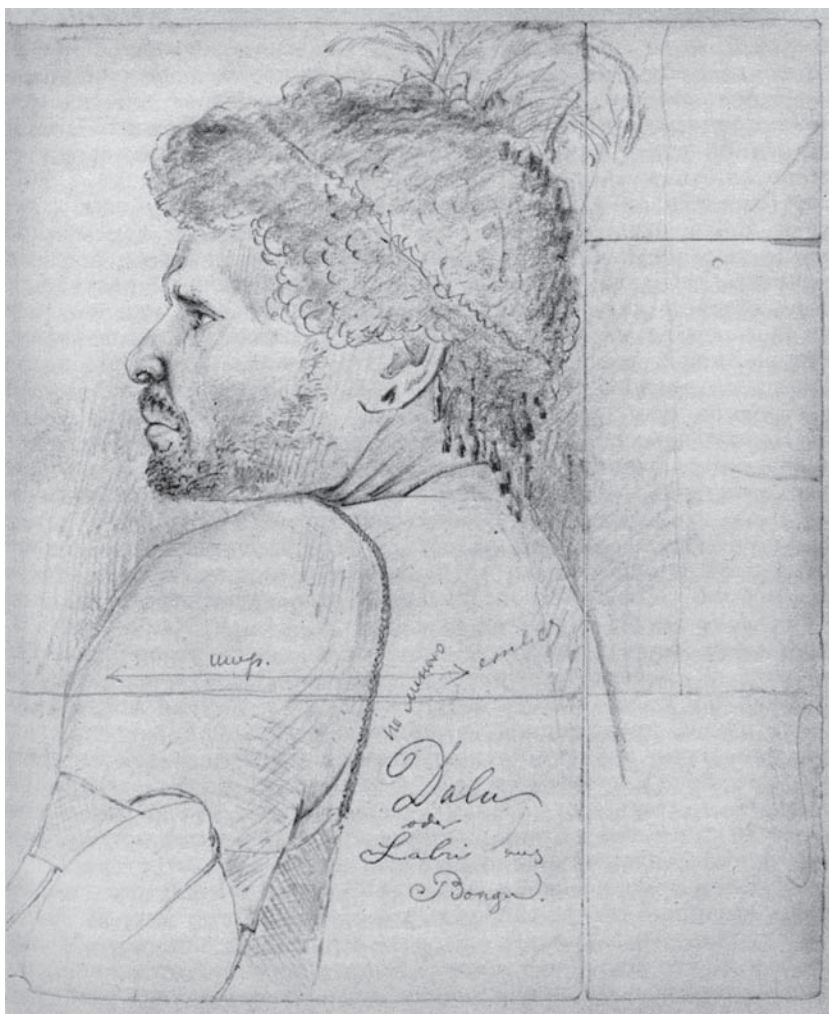
С большим интересом и вниманием я осмотрел его голову и даже срисовал то, что показалось мне особенно важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти. Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы он позволил вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. Это для многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа⁶⁹.

Несколько человек, пришедших из Горенду, снова подали мне повод к наблюдениям. Лалу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить мою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что он, разумеется, сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни.

Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие поверхностные ранки оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки, около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит значительно от второго.

У Дигу лицо носит следы оспы⁷⁰; он объяснил мне, что болезнь пришла с северо-запада и что от нее многие умерли. Когда это случилось и случилось ли раз — я не сумел спросить. Между прочим я убедился, что язык Бонгу, деревни, отстоявшей от Горенду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов, как, например: камень называется в Горенду «убу», в Бонгу — «гитан», в Били-Били — «пат»⁷¹. У Лалу очень типический *enfase* по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм)⁷².

⁶⁹ Было: сильные; свежие вписано другим пером и другими чернилами.

Далу (Лалу) из дер. Бонгу

4 января. Последние две недели дули довольно свежие^а ветра, преимущественно от 10 час. утра до 5 час. пополудни; здесь они являются редкостью в октябре и ноябре месяце, почему днем теперь гораздо свежее. Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбной ловлей; я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пи-

рогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Они, однако ж, вернулись, и минуты через две шлюпка была окружена десятком пирога, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы (*Imperata*). Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с юром (острогой) футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти что каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать последние из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, почти что перпендикулярно стоя в воде⁷³. Наконец, третий папуас управлял шлюпкой, сидя^a на корме.

11 января. Целые пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать мое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытье и принимал хину, вероятно, не вовремя; это и было главною причиною того, что лихорадка так затянулась.

Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот же самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня табир (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посредине; придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти что равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ, и оба, достав из своих мешков по яруру (*Cardium*), стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся та-

^a Было: стоя; сидя вписано другим потерком и другими гернилами.

релка наполнилась белой кашею; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха предо всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «монки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснения многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шляпке. Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шляпку не вытасценную на берег, так как был прилив и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое свесившееся над водою дерево, называемое туземцами «субари» (*Callophyllum inorphyllum*), к которому мы прикрепили шляпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шляпку к дереву с носа и таким образом оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню.

Несколько туземцев, стоящих по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег. Когда я собрался идти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за 5 до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел первую крышу, которая стояла у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные личности, в деревнях встречаются еще и другие постройки для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, стоящей на столбах и доходящей почти что до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же помещенная разным образом посуда хранится под крышею для общественных праздников.

Таких общественных сборных домов, род клубов*, было в Бонгу 5 или 6, по одному на каждой площадке. Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставляла по несколько кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали; по крайней мере я не видал ни одной⁷⁴. Деревня Бонгу была значительнонее Горенду, раза в три по крайней мере больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных друг с другом короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы⁷⁵; около меня собралось около 40 человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на один фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя здоровыми столбами. По сторонам, по три с каждой, были вкопаны также столбы в 1 м вышины, к которым была привязана или прикреплена различным образом [...]а и на которые опирались главным образом стропила. Крыша была немного выгнута наружу и капитально сделана, представляя изнутри чистую, тщательно связанную решетку. Можно было положительно надеяться, что она может устоять против любого ливня и продержится около десятка лет. Над нарами, как я уже сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи сучены под нарами. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за себя обратные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были: сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры**, была разрисована белою, черною и красною краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется, и людей и т. п.⁷⁶

В одной барле я нашел, наконец, то, чего уже искал давно, а именно несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более

* Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.

** Которая оказалась так называемой *folium vagina* (влагилицем листа)⁶ арековой и других пальм.

^a В рукописи здесь оставлено место для нескольких слов.

⁶ влагилицем листа *вписано* Анугиним.

2 м) стояла среди барлы около нар, другая (метра в полтора) около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снять копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые расспрашивали, есть ли такие телумы в России и как они там называются⁷⁷. В одной барле укрепленное довольно высоко, так что я не мог удобно рассмотреть его, висело бревно, состоящее из целого ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Доре и в бухте Гумбольдта в Новой Гвинее разными путешественниками⁷⁸.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов; я вынул нож и показал, что дам 2 или 3 за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «эме-ме». Добравшись домой и выбрав все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкою. «Мало дают, кокосы старые, рыба так жестка, как дерево, бананы зеленые, да и ни одной еще женщины не видали», — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января. Ночью была гроза и ветер SW порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти что нет комаров и чувствуется очень прохладно. Около часа утра я был разбужен страшным^a треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что положительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако ж, очень рано шумом сильного прибоя.

Было 5 часов; начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед моим крыльцом была покрыта черною массою выше роста человеческого; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самою хижиною. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а волочит за собой массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой,

^a Было: странным; затем первое и переправлено на ш.

разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить вокруг дома.

Сделав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который я сварил, испекши в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилежал отдохнуть; моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов. Один из них указал мне на глубоко сидящую шляпку; она была полна воды вследствие дождя, и невозможно было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь и мог совершенно заполнить ее. Нехотя полуразделся, добрался до шляпки и вычерпал не менее 23 1/2 ведер воды; занятие это с непривычки очень утомительно.

Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было около 5 часов. Пришлось идти снова в кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около 4 часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кёри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то беспокойно: пришлось идти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы: не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал его пить с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник; в 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуры воды ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну.

Я описал сегодняшний день как пример многих других на тот случай, когда, забыв подробности моей жизни здесь, я буду, к досаде моей, находить, что мало сделал в научном отношении в Новой Гвинее.

17 января. Вздумал отправиться в Бонгу, закончить рисунки телу-мов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мной. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Нонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, мне приходилось выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Бонем и Корой из дер. Горенду

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, <и> пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех; их было человек 5, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамаши. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины; лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от последних, так как вместо пояса спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько банан и два куска мяса, вероятно, испеченного на углях и аккуратно защемленного между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачье мясо, которое просили передать Ульсону. Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо,

оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачье-го мяса, но кончил тем, что съел его.

Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свинины.

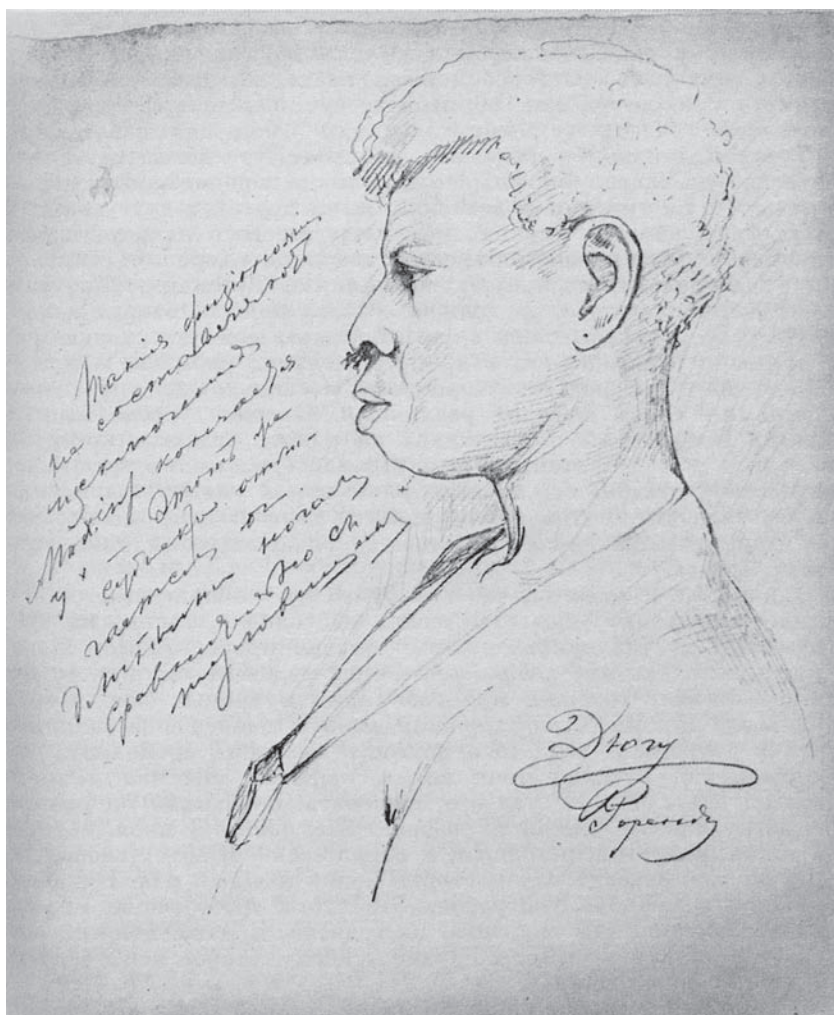
25 января. Дней шесть страдал от лихорадки, один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Был в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц пребывания, название слов «утро», «вечер», названия ночи еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня узнал наверное, как сказать по-папуасски слово «хорошо» или «хороший». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял их. Очевидно, папуасы не понимали при этом, что я этими словами хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»^а?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-нибудь слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь: «Хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь; потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением; на слово «дурно» туземец тоже говорит свое; пробуешь несколько раз с разными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял; оказалось, слово «хорошо» по-папуасски «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли «казь», «казь».

Однако же я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на третий месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я наткнулся, как мне казалось, в Бонгу на очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами возле хижины стоял хороший

^а Переделано из хороший.

Дюгу из дер. Горенду

горшок и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил процедуру, вышеописанную. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал его проверять, показывая на разные предметы, как то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой, негодный, и спрашиваю: «Ваб»? (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял это слово «ваб» около месяца и опять заметил, что

это слово не годится, и даже открыл, что «казь» — туземное название, значит «табак», второе же — «ваб» — означает большой горшок.

К тому же у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет: «Казь»; туземец вторит вам: «Казь», и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно настоящее значение слова «хорошо» — «ауе» — я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собою и, чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо» называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противного, которое есть «ауе»⁷⁹.

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляют очень часто в разговоре со мной и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по прошествии 4 месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно вкралось и каким образом произошло это недоразумение — я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго подвигается и вряд ли когда будет обширный.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля. По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе идти в Бонгу. Туй решил сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится идти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдаст ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который я не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за три куса табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто из

туземцев не хотели доставить его. Тогда я сам направился к кусту и открыл его лежащим на земле и окруженным костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки расставались с черепами своих земляков, казался мне доказательством, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь неприятелю и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал я много, потом выменял ветку созревающих банан, которую свалил на плечи. Наконец с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов. Наконец я добрался домой. Едва успел сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти что 6 часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением: при переходе из периода озноба к периоду жара я почувствовал вдруг очень странный обман чувства осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, хватает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и так далее. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду его.

Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля. Я принял 0,8 г. хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и, хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29 °C), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и постоянной почти песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Осве-

женная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла зеленые стены моего палатки; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-помалу все тускло и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

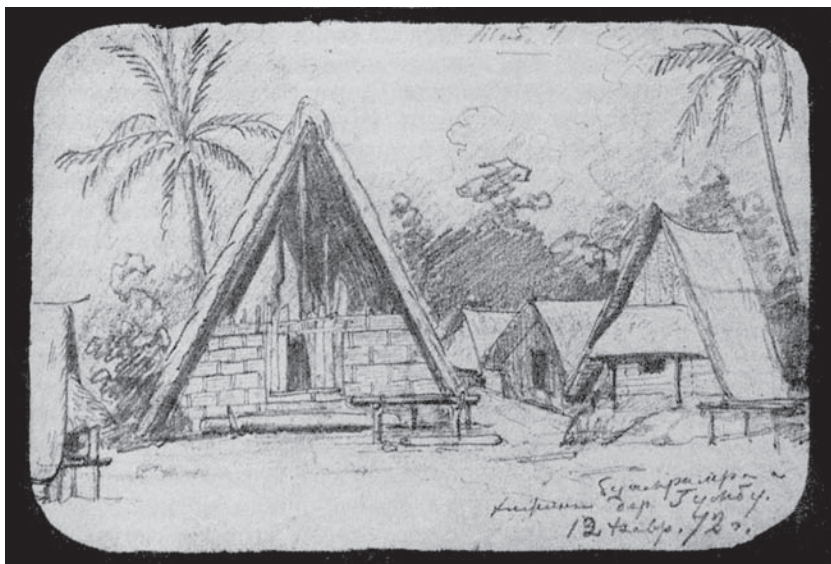
Криклявые люди также не мешали сегодня; никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве, встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все росли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности в умеренных полосах громадным разнообразием разноформенных паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветки деревьев, теряющих по удалению всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, например, у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий они гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

9 февраля. Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке, она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду, которая вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади состояла, как и у мужчин, из пояса, гораздо более узкого, чем у первых; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группую сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Деревня Гумбу

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко друг к другу воткнутых в землю палок, собственно стволов *Sachatum konigii*; они были насажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, расколотого дерева; а затем очень часто тростники, которые могли бы забраться на плантацию, приходящиеся друг против друга, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезкою в заборе так, что приходилось переступать порог фута в 2 вышины. Это мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию.

Несколько перекрещивающихся дорог разделяли большое огороженное пространство на участки, на этих участках возвышались очень аккуратно расположенные довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 см в диаметре, а земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая

обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток я ничего не мог найти.

У забора дымился небольшой костер, который главным образом служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собою и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить», никак не мог объяснить. Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией и повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте; но очень вероятно, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля. Сегодня был счастливый день для меня. Добыл 6 хорошо сохранившихся цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако ж, оказалось неудобным по случаю темноты хижины. В других, однако ж, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками — гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате»⁸⁰.

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, что есть, и показал еще раз на кусок табаку, 3 больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал я туземцам обещанное, да еще дал каждому вместо двух три полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на сотни муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть, которую туземцы здесь хранят у себя и нелегко с нею расстаются. Она служит им памятью по умершем⁸¹.

14 февраля. Сегодня в первый раз Туй принес мне испеченного таро [...]а. Только что я расположился рисовать пятый череп, явились гости из дальней горной деревни; ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономию в зеркале, то надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались и потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести с весьма оригинальным орнамен-

⁸⁰ В рукописи оставлено место для названия.

том на несколько железных безделушек. По их уходе Ульсон заметил, что из нашей кухни пропал нож и что он подозревает одного из пришедших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу пропустить ее и должен принять меры против повторения подобных оказий. Сегодня, однако ж, я не мог идти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шляпкой, которая стала сильно течь; во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистив низ шляпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шляпку опрокинуть или поставить на бок, что для двоих было тяжелой работой. Мы, однако же, одолели ее.

16 февраля. Я был занят около шляпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Он рубил его, и при па-

дении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом, и видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мной, я только раздражал рану. Мелко-курчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору. Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сообщил подозрение на одного из жителей Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Вернувшись позавтракать в Гарагасси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. п., я возвратился в Горенду. Около меня

Туя, лет 20, из дер. Гумбу

и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочими находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мне мой нож». Он очень покойно, как ни в чем не бывало, вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду. Тую я объяснил, чтобы он лежал, не ходил бы по солнцу и не снимал перевязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи.

Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток ауся⁸² и сахарного тростника, приготовленного для меня; это должен был, кажется, быть гонорар за лечение. Он не хотел взять за это табак, который я, однако же, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожавшие мне падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

17 февраля. Кончил рисование черепов; они все оказались *hursi-stenoccephali* (по Велькеру)⁸³, т. е. длинно-высокоголовые. Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак; все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

18 февраля. Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась и над глазом и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова там рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако же, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в деревню. Пройдя ручей, я услышал вдруг восклицание Лялу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лялу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лялу указал мне на змею, спокойно лежащую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака Маклай мое» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост,

я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню.

По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении. Я это делал, как уже заметил прежде, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не желают показывать их мне. Не желая стеснять их, я предупреждал свистком о моем присутствии, чтобы показать, что я не подкрадываюсь и не стараюсь подсмотреть их образ жизни. Я много раз замечал, что туземцам очень нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины от мала до велика прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое; пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу.

Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай — «тамо-билен» (человек хороший). При этом я услышал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась; это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина с отвислыми, плоскими длинными грудями, морщинистым телом, одетая в род юбки из каких-то грязных желто-серых волов, закрывающей ее от пояса до колен. Волосы ее висели намавленными пучками вокруг головы и опускались также и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал руку, что ей и окружающим туземцам очень понравилось. При этом из-за хижин и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки в очень коротких костюмах хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другой.

Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от стеснения прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежащего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшей чистую таро. Многие из молодых женщин, как, например, жена старшего сына Туя — Бонема, были недурны собою. Лицо и тело были довольно круглы, и небольшие стоячие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа. Здесь, как и там, девочки рано развиваются; почти что дети, они уже

начинали иметь вид маленьких женщин. У девушек длинные юбки из бахромы были заменены другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, один из них закрывает заднюю, а другой — переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются совершенно непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе 12 лет фартуки эти принимают вид кисточек, из которых задняя гораздо длиннее передней и похожа на хвостик.

Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагасси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как ливень захватил меня.

19 февраля. Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через 10, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туи приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли в них где огня. Прибежали несколько девочек и вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туи очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешал себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился, таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь⁸⁴. Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как они до сих пор никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золою или известью; первое — для уничтожения насекомых, второе — чтобы сделать волосы светлыми. Старухи носят их длинными, и «гате-си» (локоны на затылке), густо смазанные черною землею, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, то они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин пробуравлена. В ушах, кроме обыкновенной дырочки для больших серег, есть еще отверстие в верхней части ушей. Через них проходит снурок, которого средняя часть перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его.

Деревня Горенду. Февраль 1872 г.

- «1. Общественный сарай. 2. Обыкновенная хижина в 2 этажа.
3. Барла. Стол и скамья для [...]. 4. Хижина в один этаж. 5. Место костра.
6 и 7. Хижины с овальным фундаментом. 8. Бамбук с водою»

Жук этот был новый вид [...] ^a и совершенно цел, почему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй показал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

20 февраля. Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Последнее обстоятельство — присутствие женщин особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открывать глаза. Он едва говорил; туземцы сутились около него, думая, что Туй, пожалуй, умрет. Осмотрев больного и найдя, что вся масса флукуировала, я решил отправиться в Гарагасси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радо-

^a Рукописи оставлено место для названия.

сти. Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро без надреза значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменял их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии; все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень нелегко и все-таки не дало бы ясного представления. Главное занятие женщин и девочек было искать в куафюрах мужчин вшей, которых они раскусывали зубами и, вероятно, глотали. Я роздал сегодня женщинам по несколько полосок красной материи и по некоторому количеству бисера, который я отмеривал чайной ложкой, давая каждой по 2 ложки. Раздача женщинам шла гораздо покойнее, чем раздача чего-нибудь подобного мужчинам. Каждая получала свое и уходила, не прося прибавки, и только улыбкой и хихиканьем выражала удовольствие. Табак, кажется, понравился женщинам больше, чем остальное. За болезнью Туя жена его с женою сына приготавливали ужин для семьи и меня. Следя внимательно за приготовлением пищи, распределением и уничтожением ее туземцами, я удивлялся массе, которую папуасам приходится пожирать для существования. Не жадность, а положительная необходимость заставляет их есть так много в странах с недостаточною животною пищею. Они наедаются до того, особенно дети, что им положительно трудно двигаться.

21 февраля. Чувствовал себя очень скверно, но опасение ухудшения состояния Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше и еще уменьшилась, когда я придавил ее пальцем, причем большое количество материи вылилось из раны. Вернувшись домой, мне пришлось пролежать весь день. Сегодня⁸⁵, когда я был в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Тую лучше, они отправились работать на плантации, куда они уходят обыкновенно на весь день. В диком состоянии для мужчины женщины более необходимы, мне кажется, чем в нашем цивилизованном мире.

У диких женщины более работают для мужчин; у нас наоборот; с этим обстоятельством связано отсутствие незамужних женщин между дикими и значительное число старых дев у нас. Здесь каждая девушка знает, что будет иметь мужа; они сравнительно мало заботятся о своей внешности.

22 февраля. Сегодня сделал интересное открытие: проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятия. Перед ним стояла чаша, сделанная из большого кокосового ореха; другая с отверстием посредине — тоже скорлупа ореха — имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровыва-

лась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня: «Кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как *Piper methysticum*, или полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно⁸⁶.

24 февраля. Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил выше, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола более 2 м длины, называемого туземцами «удя» и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки: двое, трое или более людей становятся в ряд и вместе разом вонзают свои колья по возможности глубже в землю, потом тоже разом поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, которые, вооруженные «удя-сабами» — узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля. Достал из Гумбу еще череп и на этот раз с нижней челюстью. Видел нескольких жителей Колику-Мана, которые приглашали прийти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

27 февраля. Встал до света. Запасся провизией, вареными бобами и таро на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня.

Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ: ушли в Теньгум-Мана. Где Дигу? Ушел с Бонемом. «Тамо борле», — сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на S, идешь часто на N, затем, идя большими извилинами то на W, то на O, добираешься, наконец, до настоящего направления. Бывают также такие случаи: тропинка, по которой шел, вдруг кончается, перед тобою узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда идти, чтобы попасть далее? Тропинка хорошо протоптана, много людей прошло здесь, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти

другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый зеленью, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пенёк уже по другой стороне оврага растущего дерева; перейдя, наконец, через этот секретный и сложный мост, тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде шагов на 100 или 200, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня ещё более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу. Вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли видеть движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) и очень самоуверенно выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил идти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали 2 человек. Но эти люди пришли более для того, чтобы уговорить меня не идти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне просто, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы наконец к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачею, подобно вышеупомянутой. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было идти на SW. Лако подошел к дереву и махнул рукою, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне на путь и сам быстро, но осторожно стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломною, но в действительности была не особенно трудною. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору; в случае, если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут 5 по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Бонгу^a. Мы подождали немного, пока они

^a Возможно, в рукописи неточность. Скорее Горенду. Хотя можно допустить, что жители Горенду прислали находившихся у них бонгуанцев. Лако — житель Бонгу (см. запись от 7 апреля 1872 г.).

присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мной в Колику-Мана. Сначала лесом, затем в брод через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум. Мы спустились по ней к морскому берегу; перешли затем еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодна (25,5° Ц) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего песка морского берега, уже накаленного солнцем до 39° Ц, хотя было всего 8 1/2 часов утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников в Колику-Мана, которое, однако ж, скоро заменилось поляною, покрытою высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки почти невозможно пробраться даже на короткое расстояние.

Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно действовали своею прохладою. Мы незаметно поднимались в гору, но опять пришлось спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали свод над нею; она напомнила мне сицилианские фьюмары^а. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более 1 фута глубины, со своеобразным ропотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, очень крутые склоны, что объясняет их стремительность; и при дожде в несколько часов они делаются совершенно непроходимыми, с шумом и пеною катя вниз большие камни, роя берега и неся оборвавшиеся или поломанные деревья.

Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к равному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутою, скользкою от бывших недавно дождей. Солнце пекло сильно, но виды по обе стороны были очень хороши.

Мы прошли вдоль забора очень обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, взглянув на величину ее и тщательную обработку земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились; сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мной на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Между тростником я увидел скоро

^а Бурные потоки, полноводные реки (от ит. *fiumara*, *fiumana*).

Деревни Колику (26. II 1872) и Теньгум-Мана,
подарки других деревень

приближавшуюся молодую женщину; когда она подошла к забору, говорившие с нею туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого; полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить ей. Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я; бросив ей кусок красной материи, я пошел далее.

Тропинка становилась все круче. Наконец показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной 6 или 7 хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление обо мне. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: исцеление раны Туя, говорили о разных диковинных вещах в моем «таль» и т. п.

Отдохнув и rozdав табак мужчинам, а тряпки женщинам, я принялся рассматривать местность кругом и хижины. Площадка, на которой мы расположились, была вершиной одной из возвышенностей хребта и окружена густою растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на N был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На S и на SO был целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те из них, которые были покрыты не лесами, а уаном (Imperata).

Хижины не особенно отличались от характера хижин береговых деревень; они были, однако же, меньше, вероятно, вследствие небольшого пространства на вершине и трудности переноски строительного материала.

Молодой папуас, лет 16—17,
из дер. Колику

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различия от берегового населения, по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамрамре я нашел телум, которого нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных и куда пришлось лезть по крутой тропинке.

Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о маб (вид *Cuscus*'а), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти двух других маб.

Нам подали наконец 2 табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением кеу. Поданное мне блюдо было огромно, и я, разумеется, не съел и одной четверти содержимого; несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто в банановые листья, чтобы кушать это «мондон» (потом), а пока повешено в буамрамре.

В одном месте, где деревья расступались, можно было видеть окрестности на SO, где мне, между прочим, указали положение деревень Энглам- и Теньгум-Мана, куда я собираюсь отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и когда я собрался идти, из каждой хижины хозяйкою ее было вынесено по несколько аян (*Dioscorea*)⁸⁷, которые были положены мне к ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагасси.

Был час четвертый, и солнце все еще сильно пекло; особенно утомительна была дорога вниз по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Выйдя к морю и охваченный ветром, мне показалось очень холодно^а, почему я, несмотря на усталость, прибавил шагу, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся. Пришед в Бонгу, не говоря ни слова, я отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил идти домой, что было возможно по случаю прекрасной лунной ночи.

28 февраля. Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направляющейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головою лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он

^а Было: сыро.

бежал весьма быстро и по временам правой рукою делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй, третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались вперед. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себе в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное); он крикнул: «Марагум — Горенду!». Второй последовал за ним; окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же.

Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барабана; эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силою остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «тал Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготавливали оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей покойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шляпку на случай, если «Марагум-Мана-тамо» оказались <бы> слишком многочисленными, и <сказал>^а, что, если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шляпку еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие на них дробы, которая почти наверно разгонит их. Я, однако ж, зарядил мои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке.

^а сказал *вписано* Анугиним.

Я весьма скоро заснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей.

Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужен криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать», — говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками его дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности; при том постараться, чтобы руки его не так тряслись. Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двустольное ружье, заряженное мелкою дробью, я держал в руках. Между деревьями за ручьем показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Марагум-тамо, и рассказали мне причину тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону и приближаются. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собою, убедились, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работали несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, достигли, однако же, противного. Жены и дочери их подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду, потому кинулись бежать к Гумбу, где уже рассказали слышанную мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. д. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии действительно защитить себя и тех, кого возьму под свое покровительство. Я приказал Ульсону

принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум-тамо. Ружье туземцы называли сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались или брали в руки, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление здесь⁸⁸.

1 марта. Приходили люди Гумбу просить меня идти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услышав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут дальше в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туи и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум-тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогою.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауса и банан себе на ужин и наслаждался тишиною ночи, когда мой слух внезапно был поражен сильными, затем учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду, откуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это обстоятельство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта. Ночью сквозь сон несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания самих туземцев. Около половины пятого утра послышалось сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума^а из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, вследствие темноты часто спотыкаясь о корни и лианы.

На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая

^а Правильнее: Вангума.

все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: выпей «кеу» и покушай «аяна» и «буам». По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположились человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характеристична для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около 5 часов утра. Начинало светать, но еще лес покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона не была совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на циновках и голой земле вокруг нескольких больших табиров толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, стоя, закинув голову назад, допивали из небольших чаш последние капли кеу; другие, уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали в разнообразнейших позах (лежа на животе, другие на спине с раскинутыми руками и ногами, третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Между тем как некоторых одолела бессонная ночь и кеу, другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, весело болтали. Были еще и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем. Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головою или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в 2 м длины, издавали протяжные завывающие громкие звуки; другие, дуя в продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех, производили очень резкие свисткообразные звуки⁸⁹. Крутом к стволам деревьев были прислонены копыя; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразна, представляя сцену из жизни диких во всей ее первобытности, — одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представлять значительный интерес своим разнообразием поз и выражений толпы здоровых, разного возраста туземцев, странностью освещения первых лучей утра, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, и красного отблеска костров.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному, серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розовый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько зна-

комых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений и созерцания. (Я часто в моих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего).

Завтрак должен был быть сейчас готов, что было возведено усиленным завыванием бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздирающих ухо звуков.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежееотколотую половину кокосовой скорлупы немного желтоватобелой массы, предложенной мне с уверениями, что это очень вкусно. То был буам (саго, приготовленный из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело действительно приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом⁹⁰ [...] ^a, но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили нам банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами, — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные бамбуковые палочки, заостренные кости, а многие пускали в ход свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень — синонимы), ложками — туземные яруры. Было оригинально видеть это разнообразие орудий, которые употребляются здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна и послышались приглашения прийти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие пронесли также повешенную на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за нею другую и третью. Дальше 6 туземцев⁶ несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторою торжественностью; припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания: все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечером.

Не зная наверное, приду ли я к обеду, за мною пришли несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуть-

^a В рукописи оставлено место для названия.

⁶ 6 туземцев в рукописи вынесено в скобку.

ся в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком; по дороге я был остановлен женщинами трех деревень: дай им табаку! Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и служат только при чистке съестных припасов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживлена и имела иной характер, чем утром. На одной стороне на циновках лежали куски распластанных свиней; кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуковыми ножами и, кроме того, своими костяными донганами, отделяя мясо по мускулам, а затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1 $\frac{1}{2}$ в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков еще большего размера, в которых варился буам. В середине площадки очищали буам от листьев и других нечистот и скребли кокосы. Жители Горенду как хозяева разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо-русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса⁹¹.

Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, как это делали все гости, то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева 2 больших листа и положил их крест-накрест на дне горшка; затем вынул из стоящей большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном: один, стоя с полною корзиною по одну сторону ряда горшков, другой же — по другую, наполняя их как можно плотнее аяном.

Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, которые, будучи хозяевами, приняли на себя роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водою, и стали разливать воду в каждый горшок, причем мор-

ской воды они лили приблизительно $\frac{1}{3}$, доливая $\frac{2}{3}$ пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбою»⁹²; это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось одно за другим, в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое случилось и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Этот костер был не менее 18 м длины и 1 м ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами, сохраняя начисто выскобленные половинки скорлупы. Наскобленный кокосовый орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главнейший состоит из бамбука, метра в 2 и более длины; он хорошо очищен и перегородки внутри уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя или, вернее, крича в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили.

Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков с нанизанными на них скорлупами орлана. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто трясет большими деревянными четками. Затем — «монки-ай», пустая скорлупа кокосового ореха с отверстием наверху и с другим сбоку, которые попеременно закрываются пальцем. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие (отверстие не вкладывается в рот, а в него дуют сверху), производят резкий звук, который варьируется вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также и величины кокосового ореха. Было еще несколько других инструментов, но три описанных были главные. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь на минуту от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство на одном из них по возможности более оглушительным образом, превзойти, если можно, все предшествовавшие ушараздирующие звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщепливая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, накануне вырезав себе, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне

за табаком. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев. Доступ женщинам на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум», после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен⁹³.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько туземцев из стариков принялись за приготовление кеу. Процедуру эту я опишу здесь подробнее⁹⁴.

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня Туй, а Туя — Маклаем. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заболел о Туе во время болезни, что исцелил его, — Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай — Туем.

Значит, и здесь, в Новой Гвинее, существует обычай передачи имен, подобно как и в Полинезии⁹⁵.

Жара, а особенно оглушительная музыка имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Туя, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести рука человека. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиною того, что я отнес домой в руках⁹⁶.

3 марта. Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой я вчера принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, что если кто спросит, откуда это, я бы отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом я узнал значение корзин разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, на что мне отвечали имя какой-нибудь деревни.

4 марта. Заперев палками, гвоздями и веревками обе двери моей хижины и укрепив перед каждою пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно à la raroa, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился в Били-Били, островок, отстоящий отсюда миль на 15.

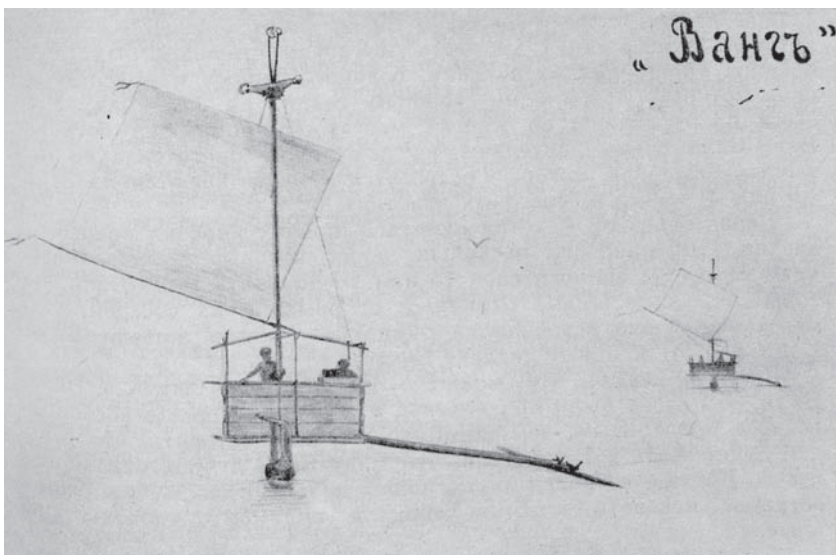
Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем NW, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ветерок действительно потащил нас вперед, хоть и медленно; к тому же спешить было некуда, перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, ко-

Хижина на сваях, о. Били-Били.
Март 1872 г.

«Лелия» — телум
с о. Били-Били

Парусная лодка, о. Били-Били

торые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию гор и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед NW, который начинает задуть около 8—9, а иногда только 10 часов утра. Пришлось гресть, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна. Мы наконец приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа и о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены большие пироги, и так высоко, что казалось — они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми в свою очередь высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых выдавалась на темно-зеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шляпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шляпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти что всем мужским населением. Не видя женщин, желая также познакомиться с ними, а главное — желая избавить их от затруднения прятаться при моем приближении, что было бы стеснением для нас всех, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагасси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое желание. Тогда на зов мужчин из хижин вылезли несколько старух, почти совсем голых некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся.

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру⁹⁷. Нарисовав его, мы направились в довольно обширную буамрамру, стоящую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Нарисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, к сожалению, однако ж, все вершины гор были покрыты клубами облаков.

Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня

утром. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе 13 лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди (закрывающей *mons Veneris*) и более длинной сзади. К поясу, который придерживал кисточки, по обоим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам сзади, на ягодицах. Уши были пробуравлены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны: на них лежит приготовление или выделка горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться, почему спросил кокосовых орехов. Мне принесли несколько таких, которые туземцы называют «пиу». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя некоторые слова встречаются одинакие. Многие жители Били-Били, однако ж, знают диалект Бонгу.

Шутя я сказал, что, может быть, я перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители острова с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что Били-Били лучше, чем Бонгу, и т. д. Когда я собрался ехать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, к видимому удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке нельзя было по случаю дождя, почему я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытасненных на берег больших пирог. Эти пироги заслуживают внимания своею постройкою, почему я их здесь опишу. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 м, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришиты» по длинной планке или две, одна на другой. Я сказал, что на каждой доске пришиты, потому что (через каждые) $\frac{1}{2}$ м расстояния в крае пироги (в стволе), а также в планке сделано по соответственному отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежутки, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитою и вымоченною в воде древесиною какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокою, иногда выгнутою доскою с различною резьбою. На одной стороне находится вынос, прикрепленный к пироге двумя поперечными перекладинами⁹⁸. Размеры выноса относительно длины пироги можно видеть на приложенном рисунке.

На перекаладинах выноса находится платформа, на которой в больших пирогах Били-Били выстроена целая хижина длиною метра в 2,

шириною метра в 4 или 5. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша — из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта как раз разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая двух других, могущих спать на полу, в хижине находилось на ночь или в случае непогоды помещение не менее как для 8 человек. Верхняя половина хижины имела разборные стены, даже крыша могла быть разобрана в очень непродолжительное время⁹⁹. Вообще можно было заметить, что все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось даром место. У самой мачты на высоте сиденья был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором в случае надобности мог быть разложен огонь совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем в хижине, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Переставший перед заходом солнца дождь позволил мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп крокодила [...]а, которых, как меня уверяли, очень много в море¹⁰⁰.

Я затем имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится на берегу материка Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Не удивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкою их занимается почти каждая семья, и у каждой хижины под крышей стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков выпадает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудие, употребляемое при выделке их, ограничивается двумя или тремя дощечками и парюю круглых немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва с помощью плоской палочки делается из глины верхнее отверстие горшка^б, которое оставляется сушиться на солнце. Когда оно немного отвердеет, к нему мало-помалу прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку дается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответствующему месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда

^а В рукописи оставлено место для названия.

^б Анугиним исправлено по смыслу: верхний ободок горшка.

горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста, обкладывая листьями, тонкими прутьями и т. д. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер. Все они приблизительно одной формы, хотя разной величины, от [...] до [...]. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды вместо круга; иногда те же украшения выдавлены ногтем¹⁰¹.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг острова. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как у себя дома, и познакомился уже со многими главными тропинками и закоулками острова. Как я уже заметил выше, весь остров, за исключением деревни, покрыт лесом, в котором находится несколько экземпляров красивых старых деревьев и живописных групп пальм. Самый край берега, который у деревни отлог и песчан, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом льет вода. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно хорошей. Я даже нашел 2 уголка, куда я мог бы поставить свою хижину и не знал, которому отдать преимущество. Одно обстоятельство, однако ж, мешает: островок мал, а людей много; пожалуй, будет тесно.

Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду, никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь, однако ж, люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Место жительства туземцев на небольшом островке повлияло значительно на характер их занятий и на их собственный. Не имея места на острове заниматься земледелием, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются разными ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирога и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку (которая, вероятно, не ожидала такого конца) за задние лапы, ударил ее с размаха головой о соседнее дерево и, размозжив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел остановить его. Поняв, что это был подарок и не желая обидеть даящего, я принял его, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил бы собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по

кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе.

Перед тем, как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Также очень много детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклая, на что, однако ж, я не согласился. Форма головы (чрезмерно пирамидальная с покатым лбом) одного из грудных детей обратила на себя мое внимание. Можно было подумать, что форма была дана голове искусственно, но я положительно не нашел никаких доказательств искусственной деформации черепа. Впрочем, такие конические головы я уже не раз встречал в Полинезии.

5 марта. Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7—8 часам утра облака собираются и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два прохода (в) береговой цепи, около дер. Мале и около дер. Богати, так и манили возможностью пробраться вовнутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за моими взорами. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет по сильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били, который значительно отличается от языка моих соседей. В физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы убрался поскорее. Это желание они довольно хорошо скрывали под личиною большой любезности. Чувство это я нашел таким естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его подчас. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, для них сперва хотя и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть очень натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шляпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они выразили громким «ай!», и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей Били-Били и обещаниями скоро навестить меня. Главною причиною этого желания было, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных Били-Били пристали помочь и им, но, не взяв никаких лекарств с собою, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К 2 часам пополудни, по случаю слабого NW, мы были уже в виду мыса Гарагасси, и не без чувства ожидания и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так долго без присмотра

и не был совершенно уверен, что мои веревки и пальмовые листья окажутся достаточно надежной преградой любопытству папуасов. Все, однако же, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «В Били-Били» сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили подарки из Били-Били; оказалось около 50 кокосов, 4 ветви хороших банан и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупилась.

6 марта. Выйдя утром на веранду, я увидел на моем столе медленно и красиво извивающуюся змею. Уловив момент, я живо схватил ее за шею у самой головы и, опустив ее в банку со спиртом, держал в ней, пока она, наглотавшись спирту, выпущенная мною, бессильно опустилась на дно банки¹⁰².

Явился Туй, и я имел с ним долгий разговор о Били-Били, Кар-Каре, Марагум-Мана и т. д. Между прочим, он сообщил мне несколько названий предметов на диалектах 9 ближайших деревень (см. мой словарь)¹⁰³. Между кокосами Били-Били было много таких, которые уже пустили ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом.

По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду: все ли принадлежат деревне или же отдельным личностям. Туй сообщил мне, что в Горенду есть кокосовые пальмы, принадлежащие отдельным личностям, а другие — всей деревне. То же самое как и большие хижины: есть буамрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне¹⁰⁴.

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого [...]а, свесившегося над водой. Поверхность моря была очень покойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, можно было видеть, что они движутся самостоятельно и с различной скоростью. Это зрелище было совершенно иное, чем смотря на море ночью с судна, которого движение вперед может быть причиною раздражения и испускания света разных морских животных.

7 марта. Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст. Ульсону пришлось отбирать испорченные бобы, что продолжалось до 2 часов. Вечером я отправился в Горенду за аянами и застал Туя опять в лежачем положении: он ходил много по солнцу, вопреки моему запрету, вследствие чего у него появился за ухом нарыв, который причинял сильную боль. Мне пришлось вернуться за ланцетом, открыв нарыв, откуда вытекло много материи, и Туй изъяснил очень скоро, что чувствует большое облегчение.

^a В рукописи оставлено место для названия.

Возвращаться пришлось в темноте, но я довольно хорошо пробрался по тропинке, где и днем приходится часто спотыкаться о лианы и корни. Становлюсь немного папуасом: сегодня утром, например, почувствовав голод, во время прогулки и увидев большого краба, я поймал его и сырого, т. е. живого, съел, что можно было съесть в нем.

8 марта. Шлюпка опять сильно течет; в день набирается около 23 ведер воды, почти по ведру в час.

9 марта. Ходил в Горенду, где хорошо позавтракал аянами и саго.

В середине февраля прекратился дегарголь [...]а. В начале марта сахарный тростник почти что исчез; скоро, говорят, не будет и аяна, а вместо него на смену явится бау [...]б, а потом еще род бобов, который папуасы называют [...]в; аусь [...]г тоже с каждым днем становится хуже, так как часть его оказывается черною и изъеденною отчасти червями.

14 марта. Встал с сильнейшею головою болью; малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве ([...]а), к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду ([...]б), этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти совершенно над головой, футов на 100, по крайней мере, от земли. Ружье было заряжено очень мелкою дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался, что выстрел будет иметь эффект, но выстрелил, главным образом чтобы спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Хотя я выстрелил почти что не целясь, птица с пронзительным криком, кружась, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более 1 м.

К 12 часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал почти не двигаясь, разумеется, без еды, до следующего утра.

15 марта. Отпрепарировал мозг [...]е и оставил мой первый экземпляр черного какаду для миологических исследований¹⁰⁵.

Вечером зашел в Горенду и видел на туземцах результаты большого угощения Бонгу. Туземцы так наелись, что их животы, сильно

^а В рукописи оставлено место для названия.

^б В рукописи оставлено место для названия.

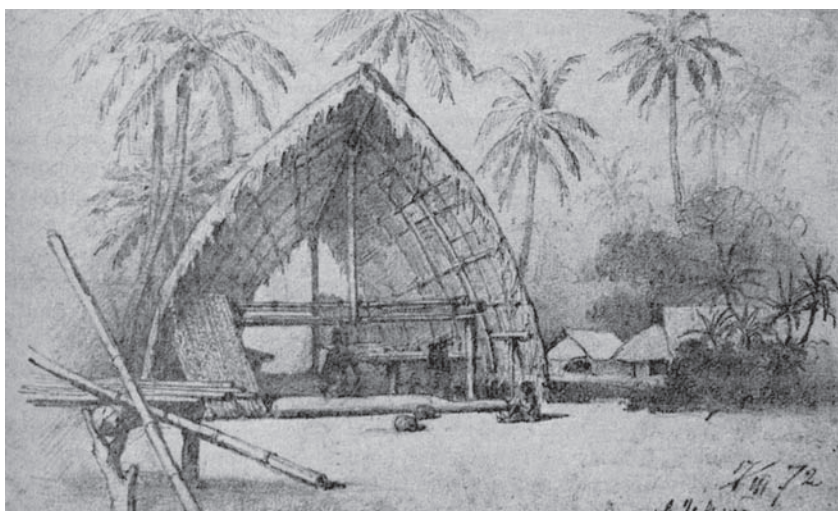
^в В рукописи оставлено место для названия.

^г В рукописи оставлено место для названия.

^д В рукописи оставлено место для названия.

^е В рукописи оставлено место для названия. Анугиним вписано: (*Microglossus aterrimus* Gm).

¹⁰⁵ В рукописи оставлено место для названия.

Буамбрамра и хижины. Бонгу. 17 марта 1872 г.

выдававшиеся и натянутые, были так нагружены, что им было трудно ходить. Несмотря на то, каждый нес на спине или в руках порядочную порцию еды, с которой они намерены покончить сегодня же. Полный желудок мешал им даже говорить, и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство из мужчин лежало, растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища.

16 марта. Несколько пришедших из Колику-Мана людей принесли мне в подарок поросенка, за что получили установившуюся уже цену — небольшое зеркало в деревянной рамке. Так как их пришло человек около десяти, то пришлось каждому дать что-нибудь; дал по небольшому куску табаку, который здесь начал очень расходиться, так как при каждой встрече — приходят ли туземцы ко мне, иду ли я в деревню — все пристают: «Табак, табак».

Разговоры о нападении со стороны Марагум-Мана-тамо продолжают. Они так мне надоели, что положительно желаю, чтобы они, наконец, действительно пришли.

29 марта. Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню никакого вреда, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Разные виды [...] ^a предпочитают, разумеется, мною, но я не пренебрегаю мясом попугаев, какаду и

^a В рукописи оставлено место для названия.

других. Попробовал на днях мясо *Corvus senex*, которого скелет я, разумеется, отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов из ружья; несколько раз уже просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гробни.

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора идти. Часы стоят. Я оделся и пошел сам развести огонь. Заварил чай и спек в золе аусь и бананы. Позавтракал, стал потом дожидаться первых лучей. Сидел, сидел — все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Я заснул, несколько раз просыпался — все еще было темно. Наконец, проснувшись, я вскочил, так как было уже совсем светло. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов.

В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на SO. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, идти было удобно. Птиц, однако же, почти что не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном (*Imperata spec.?*), и отсюда открылась очень красивая обширная панорама холмов, кряжей и гор, покрытых темным лесом, между которым в немногих местах проглядывали светло-зеленые лужайки и склоны, покрытые унаном. На дальних высоких вершинах гор клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро опускаться по крутому скату кряжа, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава была заменена тростником (*Vidum Sacharum*) и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля показывала частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько фигур. Они меня очень заинтересовали. Я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил мне, что кто-нибудь из людей Теньгум- или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телум, на что получил отрицательный ответ. Хотя я уже здесь с лишком полгода, но все-таки знание языка оказалось недостаточным, я не мог спросить обстоятельно, зачем, почему сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к самой реке, которая оказалась видною далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет

от более высокого, течет с S на N и на значительном расстоянии впадает около Гумбу в море¹⁰⁶. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим, и несколько отдельных рукавов различной ширины образовали множество островков, покрытых преимущественно крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петропавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних вода бежит очень стремительно.

Не желая смочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкою, так как, не привыкши ходить босиком, мне было трудно идти по мелко-му булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копыту Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через 4 остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал идти далее, потому что при глубине воды и силе течения я, не умея плавать, не мог бы без чужой помощи добраться до противуположного берега. На силы Туя, не совсем еще поправившегося от раны, я не мог положиться. Переходя вброд через правый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными булыжниками (больше куриного яйца), которые неслись по течению. В средних, более широких и глубоких рукавах булыжники эти, разумеется, больше и могут, я полагаю, сшибить человека с ног.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не нашел возможным сделать полный рисунок, а удовольствовался поверхностным наброском, который прилагаю¹⁰⁷. Булыжники островка, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые из них величиною с детскую голову) и свидетельствовали о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежащие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях масса воды должна быть очень значительна. Туй сказал мне, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ловить ее.

Я не захотел возвращаться старою дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался упан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет богатая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взявши ничего с собою, я почувствовал, что желудок очень пуст. Не находя добычи решительно никакой, направился домой. Туй попросил подождать его, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал звать его — ответа нет. Употребил свисток в дело — молчание.

Продав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий дуг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был положить себе сам путь, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую подчас руками или ногами мне оказывалось не под силу. Чтобы двигаться далее в таких критических местах, придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом: я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог идти далее или снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи компаса, который я, к счастью, захватил с собою, я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам.

Раз пять я отдыхал — так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя заставили меня даже бояться солнечного удара, так как я несколько раз почувствовал головокружение. Я, наконец, добрался до леса, и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагасси. Вернувшись домой, две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького и без сахара, значительно освежили меня.

30 марта. Приготовил скелет серого ворона ([...]^a) и красного пугая ([...]^b)¹⁰⁸. Из обрезанных мускулов, окончив работы сам срубил себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусная.

Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед самой моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь ловить рыбу. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценою ловли. Все конечности ловящего заняты при этом; в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только последний начинает гаснуть; правую туземец держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, так как левою по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне преподнесли несколько рыбок, которые оказались [...]^b.

31 марта. Я размерил рис и бобы на следующие 5 месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно

^a В рукописи оставлено место для названия.

^b В рукописи оставлено место для названия.

^b В рукописи оставлено место для названия.

чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: NW, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, заменился тихим ветерком и часто даже днем случаются штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются кругом черные тучи.

По деревням я замечаю также недостаток провизии.

2 апреля. Около 3 часов почувствовал себя скверно — пароксизм — и должен был пролежать весь вечер, не двигаясь, по случаю сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти постоянная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство: почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, в то же время самый дальний горизонт был так же ясен, как днем; я вспомнил Шопенгауэра [...] ^{a 109}.

В то же время меня трясла сильная лихорадка. Я чувствовал холод во всем теле. Кроме того, холод и сырость, врывающиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня. Как раз над головой на крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висящие над крышею, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежащих на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял незначительную дозу морфия и скоро уснул.

3 апреля. После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы засухой дойти туда. По обыкновению по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня выпало не особенно удачным: вместо аяпа сварили бау, и саго имело сильный запах плесени. Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломком раковины [...] ^b и бамбуковым ножом. Одна из женщин пробовала чистить бау ножом, данным мною ее мужу, но легко было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно резала слишком глубоко, вероятно потому, что работая своими инструментами, они привыкли употреблять гораздо более силы, чем при усовершенствованных европейских.

^a В рукописи оставлены густыми три строки.

^b В рукописи оставлено место для названия.

Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), который туземцы поджаривают здесь, как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, что испугало женщину, которая поднялась моментально и удалилась в хижину; ребенок не переставал кричать, однако ж, почему женщина вышла снова из хижины, положила его в большой мешок, который повесила себе на спину таким образом, что снурок охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед по площадке между хижинами, причем ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк.

Мой ужин был готов, и меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, после чего передо мной поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов здесь обычай оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий по собственному желанию присоединяется к нам^a.

Когда я собрался идти, уже почти что совсем стемнело и только на берегу моря можно было различать предметы, в лесу царствовала полная темнота, и ощупью только я мог пробраться по узкой тропинке и не без труда дошел до Горенду, где жители были крайне удивлены моему позднему приходу. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались иногда словами; только в буамрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дому. Мне хотели дать проводника, я отказался, находя, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Глеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил его на подороже. Несколько раз сбивался с тропинки, по которой днем я проходил уже много сотен раз; я натыкался на пни и ветви и раза два усумнился, что дойду в этой темноте до дому. Я уже мирился с мыслью переночевать в лесу, но все же двигался вперед и все-таки добрался до дому, где удивился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

6 апреля. Приготовился совсем идти в Теньгум-Мана. Думал в шляпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, идти в Теньгум-Мана, но сильная гроза с проливным дождем заставили меня остаться дома.

^a У папуасов ~ к нам *приписано в конце листа другим потерком и другими гернилами.*

7 апреля. Теньгум-Мана — горная деревня, лежащая за рекою Габенеу, и особенно интересует меня как одна из самых высоких деревень этого горного хребта, носящего общее имя Мана-Боро-Боро. Хотя я многих жителей горных деревень не раз уже видел в Гарагасси, мне хотелось посмотреть, как они живут. Оставив Ульсона в Гарагасси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, будучи студентом в Гейдельберге и в Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии¹¹⁰. Захватив с собою самое легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако ж, ноша моя оказалась слишком тяжелой, почему в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал его Дигу, который охотно взялся нести мои вещи.

Прилив был еще высок; пришлось разуть ноги и часто по колена в воде идти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажечь других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и значительной трудности рубить свежий каменными топорами. Когда надо было немного более света, туземцы зажигали пук сухих кокосовых листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две.

Папуасы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде, процесс которой совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах и отражения их, двигаясь по воде, местами освещали пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой скоро стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет 8 или 10 стояли у платформы пирога, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словенных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, у которых усы, бороды и громадная шевелюра, у каждого различная, представляли индивидуальный отпечаток. У мальчиков же безволосая нижняя часть лица и почти у всех выбритая голова представляли очень типические силуэты.

Три особенности кинулись мне в глаза: высокий, бегущий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, так что верхняя губа выдавалась далее вперед, чем оконечность носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней полости, под подбородком. Каждый из рыбаков принес мне по несколько рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек 5 туземцев, которым было любопытно знать, как я лягу спать.

Лако, хозяин хижины, сидел у светло горящего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины была довольно обширна и производила при ярком освещении, позволявшем рассмотреть все до малейшей подробности, странное впечатление своею пустотою. Посередине помещался костер, у правой стены — голые длинные нары; разновидность^а широкой полки была прикреплена вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2—3 копыя, лук и стрелы. От конька крыши опускалась веревка, имевшая 4 конца, которые прикреплялись к 4 углам небольшой висячей низкой бамбуковой корзины, в которой, завернутые в зеленые листья, лежали варенные съестные припасы. Вот все, что было в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2—3 копыя, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 маль¹¹¹ были единственною движимою собственностью Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но была уже хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не имеется.

Я приготовил себе постель, разостлав одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец, надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению диких, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиною одеяла, между тем как другая половина находилась подо мною. Человек 6 туземцев следили молча, но с большим интересом за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля. Я проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся чрез многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер, и, подложив дров, он разложил еще другой, под нарами, под самым тем местом, где лежал, так что теплый дым проходил между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, и согревал одну сторону его непокрыто-

^а В рукописи род.

го тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством; ночь была действительно прохладная.

Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь; также по временам будил меня крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горящей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть. Умывшись у ручья и захватив принесенный бамбук с водою, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще господствует темнота, несмотря на то что я уже около часа был на ногах. Не имея часов с собою, я решил снова лечь и дожидаться дня. Я проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил так, что отпущу людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернусь завтра с людьми Теньгум-Мана домой. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправилось семь человек.

Перейдя чрез береговой хребет (около 400 фут.), мы спустились к реке Габенеу. Спуск был очень крут, так как тропинка шла без всяких зигзагов прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копыю, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись мимо, стуча камнями, катившимися вдоль дна. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе, распределив снятые вещи между спутниками. Дал один конец принесенного линя, который захватил с этою целью, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил чрез реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный линь оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревкахватила бы до другого берега. Таким образом линь был растянут поперек самого стремительного места рукава. Я сошел в реку, держась одною рукою за линь. Вода показалась мне очень холодною (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни действительно бомбардировали ноги, но течение могло нести только неболь-

шие, который не в состоянии были сбить человека с ног. Я нашел, что и без линия я мог бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие 3 рукава. Главное неудобство состояло в неровном кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть характер дна.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, но не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги; вместо того чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли таким образом около 2 часов под палящим солнцем, и чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана 3 хины. Оба берега реки были высоки и покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенной сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более в воде не придется идти. Пока я следовал его совету, туземцы курили, жевали бетель, разглядывая мои башмаки, носки, шляпу, и, рассуждая о них, делали очень смешные замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором, похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Подойдя к правому берегу, в месте, где я менее всего ожидал тропинки, мне указали узкую тропу вверх, и только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх, скажу только, что дорога была очень дурна, крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии идти постоянно в гору. Обстоятельство это ухудшалось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел идти передо мной.

Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и банан, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, пришлось идти далее. В ответ на крик моих спутников слышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, завидя меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их; боязливо приблизились они снова, но, когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону.

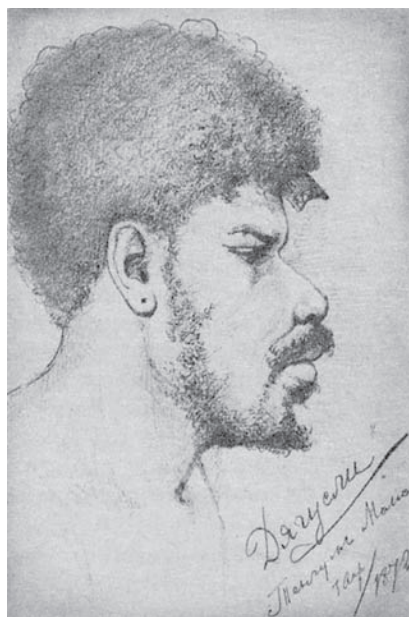

Теньгум-Мана. 7 апреля 1872 г.

После этой церемонии мы отправились в деревню: я вперед, а за мною гуськом человек 25. Мое появление там произвело тоже действие панического страха: мужчины убегали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, принялись выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и в очень короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знание диалекта Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ночевать в деревне, чтобы мне указали хижину, где я могу провести ночь, и прибавил, что желал бы достать в обмен за ножи один экземпляр маба ([...] ^a) и дюга ([...] ^b)¹¹². После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпою туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посредине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густою зеленью. Между хижинами и за ними подымались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

^a В рукописи оставлено место для названия.

^b В рукописи оставлено место для названия.

Дягусли из дер. Теньгум-Мана.
8 апреля 1872 г.

Большинство хижин было значительно меньше, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стен по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью была полукруглая площадка под такую же крышею, которая опиралась на две стойки¹¹³. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей, готовились «инги». Прибежали 2 мальчика с известием, что инги готово, за ними следовала процессия: 4 туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре были по-

ставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции монки-ла и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали понятию о дикаре. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящую.

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но между ними не оказалось ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники, между тем, наговорили так много страшного обо мне, т. е. что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда т. д., и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застрашивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тог-

да, что это было сделано с целью установить между жителями горных деревень мою репутацию как очень опасного или очень могучего человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставя меня как их друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил мое решение остаться и лег нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжилась более часа. Сквозь сон я слышал прощанья туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка; выше ее была еще третья — самая высокая точка в Теньгум-Мана; вид отсюда должен был быть очень обширный, но его значительно скрывала растительность. На NO вдали простиралось море, на O, отделенная глубокою долиной, возвышалась Энглам-Мана, на W за рядом холмов виднелось каменистое ложе реки Коли, на SW тянулся целый лабиринт гор. Расспросы о них привели к результату, что только Энглам-Мана заселена, что все другие, видневшиеся с этой точки, совершенно необитаемы и что туда никто не ходит и нет нигде в тех местах тропинок. Возвращаясь, я обратил особенное внимание на хижины. Перед входом многих из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых — даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте поперек площадки на растянутой между двумя деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень. Энглам-Мана изобилует арековой пальмой и кеу.

Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул портфель с бумагой и камеру-луциду¹¹⁴, туземцы, окружавшие меня, сперва попятились, а затем совсем убежали. Не зная диалекта их, я не пытался говорить с ними и молча принялся рисовать одну из хижин¹¹⁵. Не видя и не слыша ничего страшного, туземцы вновь приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать 2 портрета; как раз один из них был именно тот, о котором я сказал, что он внешнею особенно подходит под наше представление о дикаре. Но так как эта «дикость» не заключается в чертах лица, а в выражении, в быстрой перемене одного выражения на другое и в подвижности мускулов лица, то, перенеся на бумагу одни линии его профиля, я получил очень недостаточную копию с оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей¹¹⁶.

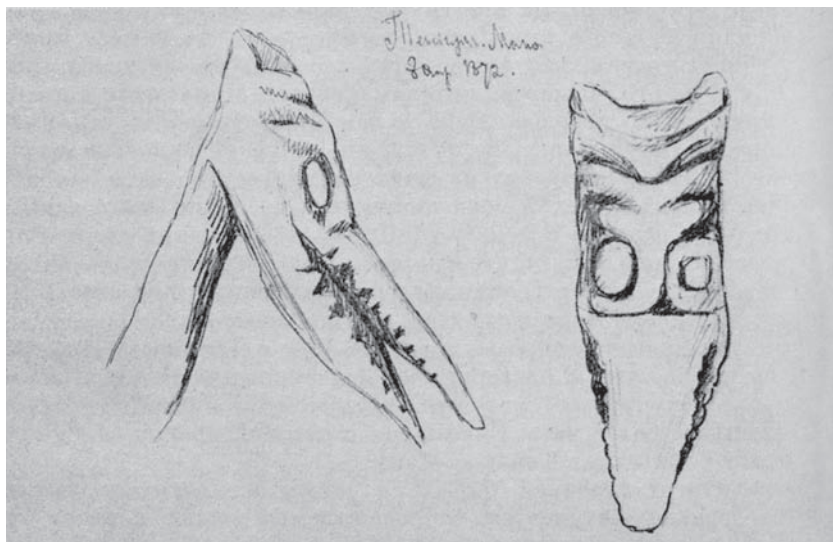
Обед и ужин, который мне подали, состояли снова из вареного бау, банан и наскобленного кокосового ореха. Один из туземцев, который

Телум Кария, дер. Теньгум-Мана.
8 апреля 1872 г.

Ален из дер. Теньгум-Мана.
8 апреля 1872 г.

Резное изображение, дер. Теньгум-Мана. 8 апреля 1872 г.

знал немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне, не отходил все время от меня; заметив, что принесенное бау так горячо, что я не могу есть его, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок таро и дуть на него. Поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он приготавливал для меня. Это, однако ж, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только что подносил ко рту, мой туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав его мне, бросил.

Чистотою здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти обуславливается недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной дороге.

Когда я спросил воды, мне вылили из бамбука после долгого совещания, откуда налить, такую грязную бурду, что я отказался даже попробовать ее.

Около 6 часов облака спустились и закрыли заходящее солнце; стало сыро и холодно, скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих угольях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидящие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и принес целый ворох сухих пальмовых листьев и зажег их. Яркое пламя осве-

Мужской дом в дер. Теньгум-Мана

тило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них около огня сидел туземец, которого я уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, насколько мне известно, не имеют особенного названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания¹¹⁷.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть мун Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным спать.

9 апреля. Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась, туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника. Только что я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещали группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. Потом ночью сильный кашель в ближайшей хижине часто будил меня; также спавшие на других нарах двое туземцев часто поправляли костер, разложенный посреди хижины, и подкладывали уголья под свои нары. С первыми лучами солнца я встал, обошел снова всю деревню, собирая черепа, кускус и что найдется интересного; приобрел, однако ж, только 2 человеческих черепа без нижних челюстей и телум, которого туземцы называли «Калиа». Этот последний телум я получил после долгих толков, крика Минема и обещания с моей стороны, кроме гвоздей, прислать несколько бутылок¹¹⁸.

После завтрака, состоявшего также из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи 3 туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг; посредине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньею. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и проговорил, при общем молчании, речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что ее люди этой деревни снесут в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за ланы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа.

Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил Минему, причем имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижины и гору Теньгум-Мана, что хочу достать по экземпляру маба и дюга, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»), что за свинью я также дам в Гарагасси то, что и другим давал, т. е. «ганун» — зеркало (общее одобрение), что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана — хорошие люди, что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай (дом Маклая), то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши»). После рукопожатий и криков «эме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольною улыбкою повторила свои фокусы со шнурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда дети в Европе.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьем, луком и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся обугленное полено, не открыв до сих пор способа добывания огня. Они повели меня другою дорогою, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера.

В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в метр в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, были вырублены несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они не что иное, как первый фазис развития письменности, первые шаги изобретения так называемого идейного шрифта¹¹⁹. Человек, рисовавший углем или краскою или рубивший топором свои фигуры, хотел выразить какую-нибудь мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, например, в Били-Били изображения процессии для приготовления к празднеству были сделаны в воспоминание окончания постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их

значение, вероятно, остается понятным только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил значение своих иероглифов.

Я с удовольствием услышал шум реки, потому что тропинка была утомительна и необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногу за какую-нибудь поперек лежащую лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый травой, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков футов вышиною была прогалина и вид на реку очень живописен.

Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местоположения в альбом, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там бы ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали, вытянувшись на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я потом узнал, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаб-Мана; поэтому они все были вооружены и несколько человек стояли часовыми во время отдыха товарищей.

Я так загляделся на окружающую меня картину, что позабыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера, разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось идти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек 10 пустились преследовать ее, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительною ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под группой камыша, но и здесь дикие отыскали ее. В один момент камыш был выдернут, камни разбросаны и земля быстро раскопана руками. Один из туземцев схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что кровь сейчас же показалась, но улизнуть она не могла.

При переходе чрез один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни и в один миг десятки их полетели в воду, часто

попадая в цель. Убитые и пораненные рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин. Сегодня пришлось идти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя наконец домой часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не вовремя принял хину. Я узнал, что в мое отсутствие Туи ночевал в Гарагасси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табак и по куску красной материи моим проводникам, я дал, согласно обещанию, зеркало одному из них за свинью, 2 бутылки и несколько больших гвоздей за телума и отпустил их, очень довольных мною, обратно в Теньгум. Сам же, не евши в течение 10 часов, с удовольствием выпил чай без сахара с вареным аяном.

10 апреля. Ночью я почувствовал боль в ноге и когда встал утром, она оказалась сильно опухшею, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаков и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как я не хотел приказывать резать ее немедленно.

12 апреля. Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги, так что я был в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Теньгум-Мана была зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил дать половину знакомым в Горенду и Бонгу¹²⁰. Принесенные куски мяса произвели большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созданы женщины с трех площадок, чтобы чистить и готовить аян и бау. В угощении приняли участие и жители [...] ^a.

Отдыхая, лежа в прохладной буамрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного, слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок года в полтора или два тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кеу. Видел также, что и женщины пьют иногда этот напиток.

^a В рукописи оставлено место для названия.

14 апреля. Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами; другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук [...] ^a, туземец сказал мне, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются своим «ай» (т. е. музыкой) всегда вне деревень. Причина этого устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной ¹²¹.

15 апреля. Погода меняется, частые штили, слабый ветер иногда от SO, пасмурность. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самый строгий порядок и неаккуратно каждый день ставить и класть все на место, положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены со значительною скукою и потерей времени.

16 апреля. Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аяна) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков обвивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли идти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины при здоровании между собою подают друг другу руки или 2 или 3 пальца. У этих женщин от плеч над грудями, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Этот род татуировки встречается далеко не у всех.

17 апреля. Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделяются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается бордюром орнаментов, выпарапанных очень искусно осколками кремня. Бордюры эти очень разнообразны, и я нарисовал несколько из них (сделал факсимиле) ¹²². Чтобы сделать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти что полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотою, так как наша дневная пища (стакан кофе утром с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточною. Охота здесь не оказалась трудною, так как птицы, еще не знакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают меня очень близко. Главная добыча моя со-

^a В рукописи оставлено место для названия.

стоит [...] ^а. Мне вздумалось испытать на себе действие кеу. Наскреб ножом корень и стебель *Piper methysticum*, нарезал листьев и на полученную массу, составляющую около 2 полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу (корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее тою же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета ^б и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характеристичный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виною этого была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кеу одуряющим.

19 апреля. Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля. Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как туземцам эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба ([...]) ^в. Когда я спросил, убит ли маб, он отвечал, что нет, что он находится в соседней хижине. Я отправился или, вернее, влез в нее (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело, крепко привязанным за хвост головою вниз. Желая рассмотреть его ближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиною перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами за [...] ^г и с такою силою, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить с места, так как животное вонзило свои крепкие, острые когти в дерево. Прежде чем я мог остановить его, Вангум с силою ударил толстою палкою по передним ногам маба, так что от боли животное должно было уступить и было, наконец, стащено вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним.

Бедное раненое животное сердито разевало рот при каждом моем движении, показывая свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовало убежать. Оно было около 50 см длины, серо-

^а В рукописи оставлены тистыми две строки.

^б цвета надписано другим поггерком и другими гернилами.

^в В рукописи пропуск.

^г В рукописи пропуск.

вато-белого цвета. Мех был мягок и густ, волоса, однако же, не длинны. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег на сторону; может быть, это случилось потому, что животное не оправилось еще от сильного удара палкою по передним ногам или от раны стрелою.

Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож, который для туземцев был бы хорошею ценою за животное, и спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца его не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили животное, которое спускалось с дерева почти что у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранил животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща, и уже приготовляли костер, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: «Животное мое». Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба.

Я знал очень хорошо, что, если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому; но мне противно было совершить такую несправедливость и силою завладеть чужою собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросилось помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ногу, но маб был уже на костре, и я должен был довольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

21 апреля. Срисовал морду, ноги и хвост маба, отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана; мех у той разновидности был также черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его, сделал несколько разрезов и т. д.¹²³ Когда я занимался этим, я услышал легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длины, собирала под верандою обрез-

ки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро пробежав по площадке перед домом, скрылась в лесу¹²⁴. Я сделал несколько шагов и был остановлен странным звуком над головою. Высоко между зеленью я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время услышал падение ореха кенгара (*Canarium commune*). Обойдя дерево, я увидел другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха *Canarium*. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробили череп, глаз был залит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 см в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Он упал, наконец, на спину, открыл широко клюв и усиленно дышал. После продолжительного дыхания он совершенно мог закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц) несомненно имеет значение, например, при полете птиц. Какаду недолго заставил ждать меня, я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол, выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они действительно красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес отрезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около 4 1/2 фунтов. Срубленные отрезки мускулов какаду дали нам по чаше (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что посуда мало-помалу заменилась более примитивною, которая не так бьется как фарфор или фаянс. Я наделал около 10 чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступили постепенно место разбитых тарелок и блюд.

23 апреля. В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина почти вся состоит из бамбука и довольно замысловатой формы. Несколько девочек и женщин продельвали разные фокусы длинным, со связанными концами шнурком. При этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить вернуться домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался домой и лег сейчас же, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако ж, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля. Вчера был опять пароксизм. Днем погода стояла очень хорошая по обыкновению, ночью же шел сильный дождь. СО все еще нет.

26 апреля. Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били; сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной. Между пришедшими были также 4 человека из деревни Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой [...] ^а, и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа, прикрепив его к ручке, совершенно как туземцы прикрепляют камни. Он пробовал отточить железо на камне, что ему, однако же, не совсем удалось, почему он привез свой новый топор в Гарагасси. Из этого, как из многих подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представившемся случае. Мои гости сидели долго и, наконец, перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить раз, вероятно, чтобы разнести об этом описания и рассказы далее по деревням. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т. е. не стрелять. Другие, однако ж, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытству, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались очень близко один к одному. Многие обхватили соседей рукою в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на сторону; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах: рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно произноситься слова, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясушей рукою многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали друг другу свои впечатления и были очень распо-

^а В рукописи оставлено место для названия.

ложены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому аффекту их нервной системы. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 мм в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и сверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол.

Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Поев достаточное количество, одни снова принимались за флейту, другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разное периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи; так, например, тюмбин они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них в стороне. Когда они едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля. Подходя к Бонгу, увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражения лица некоторых молодых папуасов было так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами. Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень. Украшений больше и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени. Пока в деревне для меня приготавливали ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина; нельзя было не подивиться терпению и искусству рабочего. Несколько мальчиков и девочек, лет 8 или 9, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно, для кровли. Они воз-

вращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; длинные туловища и короткие ноги девочек невольно обращали внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчишек.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками деревни Бонгу, состоявшими из большого количества таро в корзинах, находилась также одна пустая бутылка и 3 гвоздя, как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и подать, может быть, повод к неверным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля. После весьма счастливой охоты (мне удалось убить шесть больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно, очень давнего происхождения.

Придя в Гумбу, не нашел положительно ни одной души в целой деревне, не заметил даже ни одной собаки.

Ульсон очень обрадовался моей добычей, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как частенько сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая. Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца 2 или 3 тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лалу пришли утром пригласить меня прийти вечером «поесть тыкву»; я был удивлен, что они запомнили это имя, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем, делающим парус пироги. Работа была нехитрая: между 2 шестами были протянуты довольно часто тонкие шнуры из [...]а, один из туземцев обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались 2 длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурами. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из лесу с длинными шестами. Эти шесты были прямые, и все ветки и веточки тщательно устранены, вероятно, помощью раковины [...]б. Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена тщательно от верхней кожицы и постепенно разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое водошевливали работающих заунывными звуками тюмбина.

Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее, положил в горшок с водой, где она скоро сварил-

^a В рукописи оставлено место для названия.

^b В рукописи оставлено место для названия.

лась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыкву, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом, и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая. Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались от времени до времени всю ночь. Около полудня пришли несколько туземцев с приглашением идти с ними поесть свинью и послушать их арии. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке в лесу я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек 10 было занято приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кеу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо-Анут»*.

Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных «маль», а что нас всего двое — я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма не прочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратить все это в шутку и прибавить, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагасси, а затем переменял разговор, спросив, не пойдет ли кто со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда идти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума. При этом все присутствующие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кеу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer^a. По случаю пира у туземцев головы и лица были недавно раскрашены: у одних вся голова

* В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекою, около Марагум-Мана, и составляют не одну, а много деревень¹²⁵.

^a Пахмелье (нем.).

была намазана черною, у других — красною краскою; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще эти последние употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шею.

6 мая. Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивлялся твердости руки при употреблении нового для него совершенно инструмента, как карандаш, и прямоте линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев пробуравливаются или заостренной бамбуковой палочкой, или «дигланом» аяна (шипом *Dioscorea*). Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин производятся не только небольшими кусочками горящей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце восьмого месяца, смог я добиться папуасских слов (диалект Бонгу), как: отец, мать, сын.

Я воспользовался приходом 4 туземцев, чтобы поднять шлюпку еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить вперед по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, поднимали с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, постоянно воодушевляя друг друга восклицаниями, и, действительно, успевают сделать то, что навряд бы могли сделать, действуя медленно.

14 мая. Много посетителей: из Энглам-Мана человек 15 и 20 из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, сделанные при экскурсии в Энглам-Мана^а, слились вследствие небрежного за ними ухода в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: несколько вареных [...] с вареным таро, печеный хлебный плод, затем саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая. Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

^а В рукописи ошибка. Следует: Теньгум-Мана.

^б В рукописи оставлено место для названия.

Деревня Бонгу, 14 мая 1872 г.

23 мая. Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богати, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщин этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал обрезки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо вследствие ароматичности и пригорности мне не нравится.

25 мая. При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил напиться кофе, чтобы идти туда же. Дорогою встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там.

Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими друг пред другом стоящими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. От времени до времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьем. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого; крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник; смотря на эту воинскую игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непростенного гостя.

Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением «папуасского гроба»¹²⁵: были принесены отрезки (*folium vaginae*) разных пальм и спиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посредине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 см квадрата. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 м вышины. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса; вой в хижине покойника то усиливался, то стихал. Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствовавшие при погребении.

Несколько человек вошло в хижину умершего и скоро показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз, рук не было видно; они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении; трое туземцев несли мертвого; двое придерживали его по сторонам, третий, обхватив туловище и ноги руками, собственнo нес его.

Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черною краскою, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений, и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине их юбка была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы — также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивым голосом тянули печальную песню.

Когда покойник появился у дверей, все присутствующие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в вышеописанную коробку, стоявшую посредине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головою так, что коробка приняла форму трехсторонней пирамиды; затем обвязали очень тщательно лианами и привязали верхний конец к довольно толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело, зароят ли или оставят его просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладины под крышею, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины. Вдова, уже старая женщина, принялась раскладывать огонь немного в стороне.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагасси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и разбитого стекла для бритвы.

28 мая. Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих идти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласись. У од-

ной хижины заметил несколько туземцев, делавших якоря для своих сетей¹²⁷. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью ветвями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти ветки, обрубленные, а потом заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплывания.

Недалеко от нас сидела [...]а, дочь Бугая, девочка лет 10, держа большой плоский камень почти что между ног, и занималась стачиванием раковины из рода *Conus* в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водою, и работа быстро подвигалась вперед.

29 мая. Несмотря на головную боль и головокружение, я решил не откладывать моей экскурсии в Энглам-Мана и идти вечером в Гумбу, а оттуда на следующее утро направиться в Энглам-Мана. На всякий случай приняв 0.3 grm. хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый 3 мальчиками из этой деревни, которым дал нести нужные для экскурсии вещи.

Так как уже темнело, я отправился вдоль морского берега и таким образом добрался до деревни, при входе в которую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками «Маклай гена» (Маклай идет), «Эмэ-ме» [...]б выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. Тамо сидели на барле, маласси — на земле около хижин¹²⁸. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; маласси же довольствовались одним бау. Как тамо-боро (большому человеку) и как гостю передо мною поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне на циновке около костра лежал Кум и просил меня помочь ему, жалуясь на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель *Tincturae opii*, и на другой день Кум прославлял мою воду, т. е. лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна восходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и очень хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был, и т. д.

Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал идти спать. Несколько человек проводили

^а В рукописи оставлено место для имени.

^б В рукописи пропуск.

меня в обширную буамрамру, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был идти со мною. Более половины буамрамры в длину было занято широкими нарами, другая — двумя большими барумами, так что для прохода оставалось немного места: Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу напиться чаю, так как с собою взял все необходимое для этого. На пылающем посреди хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамрамре было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку, Отыскал чистую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую — с бисквитами, стакан и ложку. Все эти аксессуары приготовления моего ужина до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием следили за каждым моим движением. Я уже так привык не стесняться десятками глаз, устремленными на меня в упор и следящими за каждым моим движением, что нисколько не стеснялся, а поспешил выпить чай, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбудили взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 оставались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако ж, так темно, что нельзя было разобрать ничего. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумеая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто лег рядом со мной. Я не ошибся; но, как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мной лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих и что тут замешаны папаши и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошенной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я поднялся с барлы и заявил, что я спать хочу, и, не зная все еще достаточно хорошо туземный язык, заметил: «Маклай нангали авар арен»^а (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно) и улегся снова на другом конце барлы. Впросонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовали не одна эта незнакомка, а ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица ее не было видно. На следующее утро я, разумеется, не счел подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде: такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог однако ж,

^а Анугиним исправлено в изд. 1923: «Ни гле, Маклай нангели авар арен».

заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали, что и думать.

Хотя я поднялся часов в 5, мы собрались в путь не ранее 7, когда солнце уже значительно поднялось. Мой багаж я разделил между двумя туземцами, и несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкою и очень быстрою. Вода точно кипела; я сошел в нее, и единственно с помощью туземцев, которые окружали меня, я мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах не было возможности. Пройдя чрез песчаную отмель, нам снова пришлось идти в воде, переправляясь чрез другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, прохлада которого была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможность с успехом парализовать, натирая себе зад шеи, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира эффект солнечного жара в этих странах на кожу мог бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через 2 ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свои ноши и один за другим пустили стрелы, натянув, сколько было силы, тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов (т. е. от 46—50 м), но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Метрах в 20—25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу при этом, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а молодые люди и мальчишки от 14—25 лет.

Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вчерашнего ужина, чтобы было что закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласси не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано очень серьезно, с полною верою в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большею частью вдоль открытых склонов гор, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мне лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не находя препятствия двигаться вперед. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копыями. Солнце давало себя мучительно чувствовать.

На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась далекая панорама: были видны несколько островков у мыса Дюпере; берег от Гумбу далеко простирался на NO и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две: одна небольшая [...] ^a, а другая не меньше реки Габенеу [...] ^b. Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь из плантаций. Наконец в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собиравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не выдававшие белого, остановились передо мною как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать, наконец, опомнившись немного, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унane. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску; здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над нею и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал на него и ударил раза 2 веткою по спине, затем, изломав ветку на маленькие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями ¹²⁹.

Не умея добывать огонь ¹³⁰, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня: двое из сопровождавших меня запаслись огнем, но узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию спутников моих, уже случалось зажигать спички и давать им, таким образом, возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак, а затем зеленый лист, в который они его за-

^a В рукописи оставлено место для названия.

^b В рукописи оставлено место для названия.

вертывают. Здесь я доставил им в 3-й раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить.

Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-Мана, которые, завидя меня, тотчас же умерили скорость шагов не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состоящую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другою, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны малодоступною.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали десятичасовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому моему неудовольствию были только старые, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кеу и т. п. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целою процессиею, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось 3. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум- и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум- и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давным-давно забыл и припоминал теперь, при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень изменено, преувеличено, пройдя через целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставить гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д., и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Пожинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала большая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросились с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояли двое

нар, одни небольшие, другие побольше. Пока я развешивал одеяло и устраивался на ночь, в хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеюсь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, все диковинные вещи, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана-тамо уши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шепотом, а затем так же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана-тамо уши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная; большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали, в чем дело, несколько голосов поднялось, вероятно, с выговором мешавшим мне туземцам. По крайней мере последние один за другим выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая. Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана с помощью аппарата Реньо¹³¹ и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Было уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было целое собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мной, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «Самба-борле» (нога болит). Я посидел, как бы что обдумывая, затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода: потереть ногу — все пройдет».

Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсометр^a, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру в книжке, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок.

^a Анугиним исправлено на более точное: гипсотермометр.

Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал вытирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль ноги пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления и вполголоса стали говорить о нем. Минут через 10 я начал шевелить ногу, попробовал ступить на нее и, сперва хромая, уложил все вещи, а затем вышел из хижины, уже совсем здоровым, к великому удивлению туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды более нет, что в Гарагасси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекли внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других, на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и постройкою не отличалась от прочих. Фасад ее был метра $3\frac{1}{2}$ в ширину, и средняя часть его не превышала 3 или $3\frac{1}{2}$ м. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека, а над дверью висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы *Buceros*, зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами и обросшее травой серою старою крышею имело свой особенный характер. Между 4 телумами один обратил на себя мое особенное внимание: он был самый большой, физиономией он не отличался многим от остальных, но держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую очень неправильными вырезками, похожими на какие-то иероглифы, которые вследствие ветхости почти теряли свои контуры.

Внутренность хижины тоже отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шепотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть¹³². Наконец, задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные почерневшие от дыма кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса и свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Не успел я кончить эскиз хижины и напиться чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказалось

неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, с помощью камеры-люциды я сделал портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией¹³³. Жители здесь оказались очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем внизу. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они везде здесь делаются одинаково некрасивы; их толстые животы и груди, имеющие вид длинного полупустого мешка, почти что в фут длиною, и неуклюжие ноги делают положительно невозможною всякую претензию на красоту. Между девочками 14—15 лет встречаются некоторые — но и то редко — с приятными лицами.

Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на NO от Энглам-Мана, называющейся Самбуль-Мана, узнав о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал руку и указал каждому место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не отводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он в свою очередь начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его, главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам- и Теньгум-Мана. У них также элифантиазис и другие кожные болезни встречаются часто; оспа также оставила на многих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия как Самбуль-, так и Теньгум-Мана. Я собрал слова всех трех диалектов¹³⁴.

После непродолжительной сесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу радовалось не мало пти-

Боге из дер. Энглам-Мана.
31 мая 1872 г.

чьих голосов; почти все мне были не знакомы; я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой.

Голод вернул меня в деревню. Один из первых попавшихся мне на встречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух и при мне разложили им головы о дерево; затем вместо ощипывания опалили или сожгли перья; принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он не только действовал им хуже и медленнее, беспрестанно зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за приготовление бамбуковых ножей.

Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие, длинные пластинки, которые, будучи согреты на угольном огне, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс, но мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногою в лужу, обрызгал грязью волоса другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочки такую же деревянною бритвою. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целою толпой сопровождали они меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них, или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно когда не можешь говорить с ними и сказать им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

1 июня. Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и в окрестностях ее, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я, во всяком случае, скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Однако ж высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах выше Энглам-Мана нет и признаков жилья¹³⁵.

Позавтракав, я стал торопить туземцев к уходу. Человек 12 захотели идти со мною: одни, чтоб нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из намеревавшихся идти

со мною туземцев, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленою веткою, постоянно что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего это он делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги, и чтобы иметь их, он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда содержимое в нем было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-Мана, один из последних взял тлеющую головню и, поддерживая ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, желая, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья¹³⁶.

Вследствие дождя дорога была очень неудобна, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти что у каждой лежал на спине громадный мешок с провизиею, подарок жителей Энглам-Мана; мужья же их несли одно только оружие.

Я вернулся в Гарагасси не ранее 5 часов после с лишком восьмичасовой ходьбы.

2 июня. Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня. Убил в продолжение двух часов 7 различных птиц. Между ними находился молодой самец райской птицы (*Paradisea apoda*), а также в первый раз убитый мною *Centropus* [...] ^a; последняя редко летает, а обыкновенно бежит между кустарником. Туземцы называют ее дум, подражая ее заунывному крику «дум» ^b. Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья черно-зеленого цвета, хвост очень длинен сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако ж, чтобы это был новый вид, а уже описанный *Centropus*¹³⁷.

6 июня. Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагасси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили тихо, прилетел ^b большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моею хижиною. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам немало струхнувший, вернул их, однако ж, уверяя, что Маклай —

^a В рукописи оставлено место для названия.

^b дум вписано другим почерком и другими гернилами.

^b Возможно, следует: Пока мы говорили, тихо прилетел.

человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду оказался мне очень большим; смерив его между концами крыльев, оказалось 1027 мм. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заахали и стали очень смешно прищелкивать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей; с последними они не знали, что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой, и прислушивались к звуку, пока Бугай не рассказал им об их значении и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана-тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль- и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал готовить суп и, отправившись за водою, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кеу, одним словом, распоряжались у меня в Гарагасси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня. Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу; она осторожно прокрадась между хворостом; не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища равнялась 1 м и [...] ^a см. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои окамы (небольшой барабан). Мясо ее также очень ценится¹³⁸.

13 июня. Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно, свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня. Приходили ко мне туземцы с просьбою указать им место, где находятся их три больших ненира (корзины для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря; они были крайне разочарованы, услышав, что я не знаю, где они находятся. Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просящими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских

^a В рукописи пропуск.

имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне даже была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы были также интересны, но будучи еще курчавые.

17 июня. Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как восемь больших связок таро, из которых каждую несли по 2 человека, очень большая свинья, несколько собак и один кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в 40 или более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских «ай» и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины, хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыка же не переступала порогов буамрампы.

18 июня. Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, например: «Куда идешь?», «Что сегодня убил?» и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы: «Где был?», «Что ел?», «У кого?», «Что несешь?» и т. д. Это любопытство нельзя, однако ж, считать характеристичным для черного племени: оно не меньше развито и среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкою бобов, бау и едою. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня. Туземцы начинают собирать орехи кенгара (*Canarium complanatum*). Несколько человек влезает на дерево и сбрасывают ветки со множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные кенгары. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4, как мне приходится слушать частенько крики папуасов, которые несколько раз ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человеческие крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головною болью, но, несмотря на то, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь, и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

26 июня. Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Раствующие у самого дома большие *Canarium* покрыты спелыми орехами.

Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или для обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на черта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богати, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину, прибавляя, что люди Богати дадут мне двух или трех жен, что женщин там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

30 июня. Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и 8-летняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е. если кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действия. Это даже заметно и в детях: много раз маленькие дети, лет 6 или 7, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые во все не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они ранее вступают в хозяйство и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная, купаюсь в море несколько раз в день, по вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако ж, не превышает 31°.

1 июля. Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является наренг (Buceros) не только по своей величине, большому, немногом загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Он летает очень высоко, обыкновенно попарно, садится на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетает. Несмотря на все старание, мне не удалось застрелить ни одного¹³⁹.

Сегодня в продолжение 3 часов по крайней мере я провозился с одним из них. Ранив его, но очень мелкою дробью, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятно, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив себе это место, я вернулся позавтракать, и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую трущобу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты *Colatus*, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около 10. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве.

Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако ж, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высоко, и для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Чрез полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, не откликался на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля. Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос папуасов. Нашел громадное разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза между волосами, срезанными с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих на разных частях тела, различен. Вообразив себе людей всех рас, обросших длинными волосами, очутишься в очень разношерстном обществе.

Проходя недалеко от дерева, где 2 дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля. В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

11 июля. Около 4 часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснело, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось; следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне; не успел я подумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и казалось совершенно здоровым, только метра два от земли (место перелома) почти что проедено личинками разных жуков. Вышина дерева оказалась около 100 фут (именно 96), и если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, переломало много вещей и, пожалуй, ранило одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагаси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти что было.

12 июля. В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных, Маклай пойдет со своим „табу“ бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня уверили снова, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

13 июля. Не было еще 11 часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явились несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по 2 копья, концы которых были натерты красной землей, как бы покрытые кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах красовались алые цветы китайской розы; за саго были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями видов *Coleus* или длинные темно-красные листья *Colodracon*. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий, своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует идти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрою свитою.

Пройдя ближайшею тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивалась, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов у самой земли полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя по себе черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края, около Бонгу и с другой стороны, на восток за Гумбу, около берега реки Габенеу. Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени у опушки леса. Я

принялся завтракать, туземцы — курить и жевать бетель. Через $\frac{3}{4}$ часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на $\frac{1}{2}$ мили и благодаря NW гнал дым в противоположную от нас сторону.

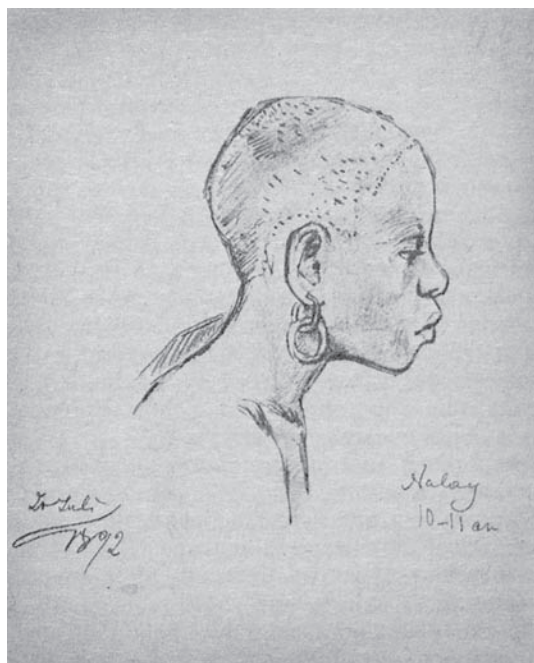
Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такой ровной, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками фут около 5 вышиною и приблизительно фут 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам Maleus¹⁴⁰. В лесу находятся подобные же tumuli^a, но реже.

Мы подошли шагов на 10 к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу и пламя большими языками несло по ветру; порою же пламя почти что потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид далеких гор и ближайшего леса. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшею землей.

Туземцы, стоя в воинственных позах, луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копьё над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков лет 10—11, с миниатюрными луками и копьём, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером тому, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение.

Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв SO гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жару уже и без того палящего солнца. Очень утомившись я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напомнил мне, что надо идти вперед. После томительных 2 часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией; взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неуверительное «буль-арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек; несколько жителей Гумбу, образовавших противную линию, тоже заявили, что ничего не видали.

^a Халмы, куги, груды (лат.).

Налай, 10—11 лет,
из Бонгу.
20 июля 1872 г.

Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассматриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохлось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «Буль, буль!» заставил меня оглянуться.

В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двустольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычанье. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в 6 от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще

приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьём пробил ей бок; другое копьё пролетело мимо, а из трех стрел одна («палом» — с широким плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней оконечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось¹⁴¹. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого.

Далекie крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники один за другим удалились, раздраженные первою неудачею. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ожидать. Вдали слышались крики: «Буль, буль, буль!». Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там было еще 2 свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моих «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом буль Маклая. Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу^а, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длиною процессиею.

Их было человек 40. Когда они расположились, куря, на площадке в Гарагасси, я увидел, кроме животного, о котором уже говорил выше, называемого туземцами «табенеу», еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также и несколько экземпляров других животных для коллекций, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровою рукою, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копьё в смертельно раненую свинью, как та внезапным движением переломила копьё и сшибла его самого с

^а Вероятно, ошибка. Следует: Горенду.

ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элфантиазиса), как, поранив его, она попробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая уже была сильно поранена, занялись другою и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл ею раны, затем перевязал их карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где между тем борову спалили волосы и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать — или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, — взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако ж, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В 8-м часу я сел покойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как целый день почти был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили начало «ай» в соседних деревнях, который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день.

Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув часа 2 и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они там делают по ночам во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ая» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться (ее часто закрывали черные тучи), мы отправились. Пришлось идти очень медленно, потому что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Подходя к площадке «ая», я закрыл свет фонаря и тихо приблизился. На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м вышины, метра 2 длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины; кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своею музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали; жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько секунд смолкнуть нестройную музыку, потом послышались возгласы: «О Маклай, гена! Анди-гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на диновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новою силою.

14 июля. Был утром в Бонгу перевязывать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми 3 деревень были убиты, кроме множества

мелких животных, как [...] ^a, пять больших свиней, не считая той, которую убил я. Я поспешил вернуться в Гарагасси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных (*Brachymeles Garagassi* McL.)¹⁴².

16 июля. Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался. Хотел сделать портрет Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я сниму с него портрет, он скоро умрет¹⁴³. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверие.

17 июля. Прибирал и чистил вещи в хижине; если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую уды-саб и скреб ее раковиною, другой такую же раковиною заострял концы своего юра, третий, уже ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался идти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы идти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный разными морскими животными, набрался таким количеством соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную <соль>⁶. Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие; моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, исключая мяса. Я обратил внимание на донгая, который, заткнутый за браслет Бугая, был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Он называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев, тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает¹⁴⁴.

30 июля. Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду на пригорке сидела девочка лет 10 и бросала вниз кокосовые орехи; несколько мальчиков от 5 до 10 лет с заострен-

^a В рукописи оставлено место для названий.

⁶ соль вписано Анугиним.

ными палками стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

31 июля. Несколько туземцев приехали в Гарагасси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в 2 прыжка соскочил с лестницы с криками: «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головою на крыше услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты для того, чтобы, упав с высоты 70—80 фут, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услышал над головою легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагасси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину на другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь.

В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать раны Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название^а; такового, однако ж, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на NO, которых называли «тамо-дева», пробуравливают себе ноздри и вставляют в них перья.

Затем разговор перешел на рассказы о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обыкновенным порядком: сначала выпили кеу, потом, отплеываясь и делая разные гримасы, возбужденные горечью напитка, приняли за высокобленный кокос, затем за груды вареного бау, аяна и кайнды¹⁴⁵, как десерт следовало жевание бетеля,

^а В рукописи: общие названия.

Дигу из Горенду. 31 июля 1872 г.

а затем курение; это обыкновенный порядок туземных угощений. Так как я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, то я отправился ранее других в обратный путь. У одной из хижин я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин; женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поравнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертявою, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону¹⁴⁶.

Я так запоздал и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми циновками, я проспал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, он представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобною, как только ляжешь на бок; надо ухитриться спать на спине и не ворочаться.

1 августа. Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32°, большею частью 29 или 30°; ночью семью-восемью, очень редко десятью °C холоднее дневного максимума. Притом здесь нет собственно дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно — лихорадка.

4 августа. Четыре или пять пирога пристали к берегу около Гарагаси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колоть в щепки ствол почти что в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около 5 месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получают пепел, употребляемый ими как соль. В прибрежных деревнях прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, они отправились к себе, обещая вернуться.

7 августа. Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что они делали. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалены — и все это в 2 дня. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор¹⁴⁷. Муравьи желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые, потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа. Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били; один из прибывших просил очень послушать гармонику Ульсона; когда последний ушел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними пятилетнего мальчика своими пальцами, чтобы он не видел ай. Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили¹⁴⁸.

13 августа. Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах этого берега, которые намерен послать академику Бэру¹⁴⁹. Пришло очень большое число жителей окрестных деревень, одни только тамо-боро, с весьма странною просьбою: они хотели, чтобы я навсегда

остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал бы уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я нисколько не был, однако же, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, а что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались, во всяком случае, довольны табаком, который я роздал членам депутации.

Вот уже месяцев 6, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде и совершенно *à la ranoa* собираем белый пепел, который употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Однако ж я весьма легко и скоро отвыкнул от соли и не замечаю никакого вредного действия для здоровья от ее недостатка.

15 августа. Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в 20 между деревьями около сухого пня небольшое животное. Это был небольшой кенгуру, рыжеватого-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его легко было словить. Очень обрадованный своей добычей, я вернулся немедленно домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я пробыл здесь, и это был первый экземпляр тиболя, которого мне удалось добыть. До этого времени я ни разу не видел подобного.

16 августа. Пригласили меня в Бонгу, специально чтобы попробовать еще не виданное мною кушанье «тауна», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха, они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем они растираются и смешиваются с наскобленным кокосовым орехом, после чего полученное тесто, разделенное на порции, заворачивается аккуратно в банановые листья и варится около 3 часов, и наконец таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые циновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили: орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде. Соображая сложность приготовления, трудно догадаться, каким

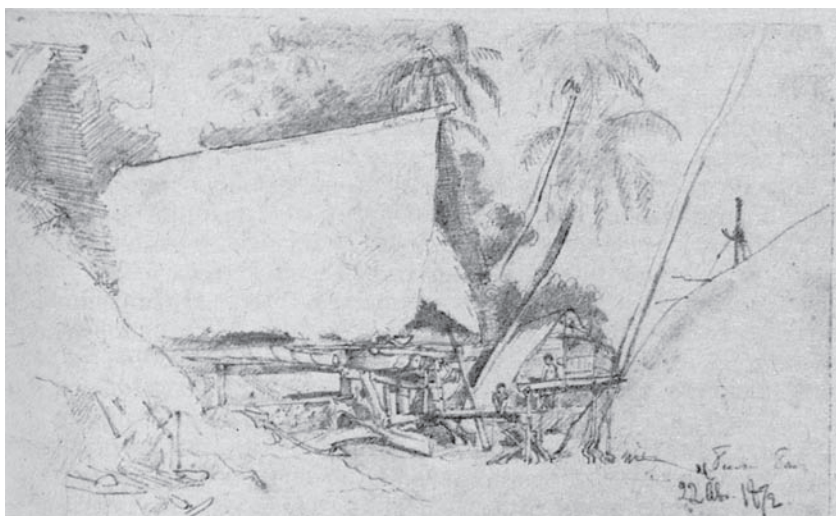
образом туземцы дошли до открытия подобных кушаньев. Вся деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, который мне случилось встретить; шириною он был около 12 см и замечательно хорошо вышлифован.

20 августа. Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слышал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась и сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза или отирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за нею следовали несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Кололь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как о покойнике. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как было уже сообщено выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту¹⁵⁰.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко; при каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин — кричать, выть, плакать; мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому и принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки одной деревни другой — здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, означающий получение свиньи и начало «ая».

22 августа. Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкою, а белой ниткою, которою я опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб; зыбь, однако ж, значительная; к рассвету после небольшого шквала с дождем от NNW совсем заштило. Через час гребли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпою шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирога выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, как они рады моему приезду. Красивый островок с густою растительностью, толпа туземцев у берега, разукрашенных цветами, листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики диких — все

Остров Били-Били. 22 августа 1872 г.

Остров Били-Били. 23 августа 1872 г.

это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега, я направил туда мою шляпку. Когда она врезалась в берег, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание было нетрудно исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирог.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выцарапанных на бамбуке¹⁵¹. Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной из них несколько туземцев работали над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет употребление раковин и камня как орудий. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно плоско обточенный на камне в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для резьбы прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, все же гораздо легче и проще резьбы камнем или раковиной.

У многих хижин висели вновь выкрашенные белой и красной красками щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островов, как Тиара¹⁵² и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, от 70 см до 1 м в диаметре и в 2 см толщины. На передней стороне около края вырезано 2 концентрических круга; фигура в середине представляет значительные разности. Щиты эти раскрашиваются только в особенных случаях.

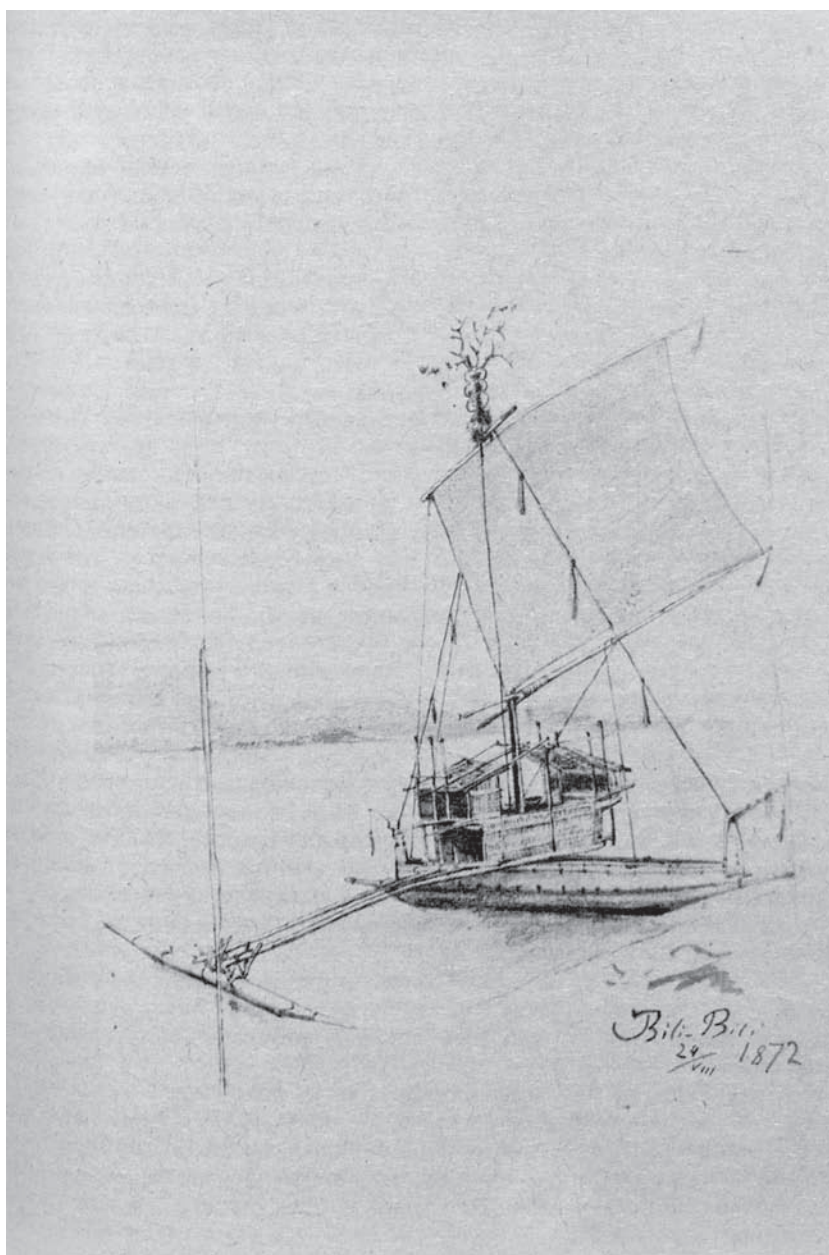
Несколько туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, одели щит на левую руку, так что середина его приходилась почти что у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем щит закрывал голову и грудь и мог очень порядочно защищать их от стрел и копий.

23 августа. Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), которая лежит, сам не знаю где; но так как дует свежий NNW и на море сильная зыбь, туземцы просят подождать хорошей погоды. NNW, обыкновенно дует с открытого моря, сопровождается значительною зыбью и называется туземцами «карог». WNW, также очень обыкновенный здесь ветер, не сопровождается сильным волнением, так как дует с берега; он называется «явар».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину [...]^a.

24 августа. Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукою, только

^a В рукописи оставлено место для названия.

Ванг, о. Били-Били. 24 августа 1872 г.

Марамай, о. Били-Били.
24 августа 1872 г.

гляди, узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим¹⁵³.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее бал, в Богати (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица были изменены несколькими цветными фигурами. Сари различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом сыром (был отлив) песчаном берегу род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богати. При этом они держали в зубах

свои сари, представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правою. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели (причем вследствие держания сари в зубах пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головою. Пляска была в высшей степени оригинальна.

25 августа. Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми я должен был отправляться в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада; они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега моих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу

работавших у пироги. Я поместился на платформе, или на «кобум-бар-ле», по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копыя, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой в корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около 3 часов утра все было готово, и пирога, или на диалекте Били-Били «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб; несмотря на это, пирога без шума стала двигаться вперед.

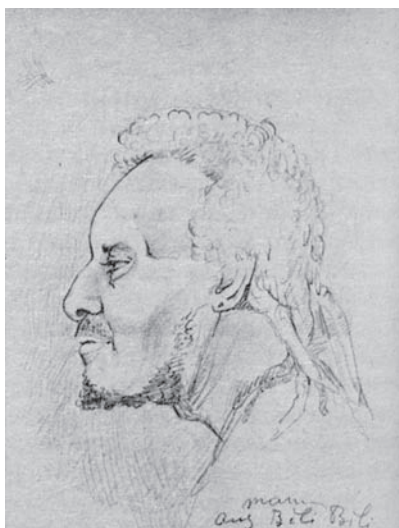
Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как я увижу этот берег днем, а ночь была слишком темна, и я не мог разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, поднимавшихся над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах. Между прочим я узнал, что планету Venus они называют «Бой», созвездие пояса Ориона — «Даманг», Плеяды — «Барасси».

Когда мы прошли островок Ямбомбу, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако ж, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густою растительностью. На юге находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют Бейле, на N — о. Григер¹⁵⁴ с деревьями Гада-Гада и Митебог; за ними далее на NW — два островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную бухту, представлявшую целый архипелаг островков разной величины, все одинаково образованные поднятым коралловым рифом и покрытые лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Григером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островами, огражденная от моря рифом, представляющим, однако ж, несколько проходов, может образовать хорошие гавани. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули 3 небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; 5 или 6 других — необитаемы. В глубине на юг находится устье значительной речки. Продолжая

Каин, о. Били-Били. Август 1872 г.

Мужчина с о. Били-Били

плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии — о. Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно гресть. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Подойдя к песчаному берегу, пирога была разом вытащена высоко на песок целою толпою туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружившим нас жителям Тиары мои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой был поставлен мой столик и складная скамейка, которые я привез с собою.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагасси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел их имена громко. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они один за другим, по мере того как я произносил их имена, подошли ко мне и по моему знаку уселись у моих ног, потом целый день почти не отходили от меня, стараясь услужить мне чем и как могли. Каин и Гад также почти что не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезенные вещи. При этом я мог удобно разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах,

между совсем плоским и выдающимся немного носом представлялись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить две физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев физиономии остальных, составляющих всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка.

Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; это хватило только пожилым, из молодых его получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м вышины, но, как вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню, она была не мала, но не представляла той чистоты и уютности, как деревни моих соседей.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев, готовящих нам обед. За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил внимание здесь на особенную породу собак из Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинее. Собаки из Кар-Кара имеют толстое удлиненное тело, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага на W и SW, записав при этом более 30 имен островов.

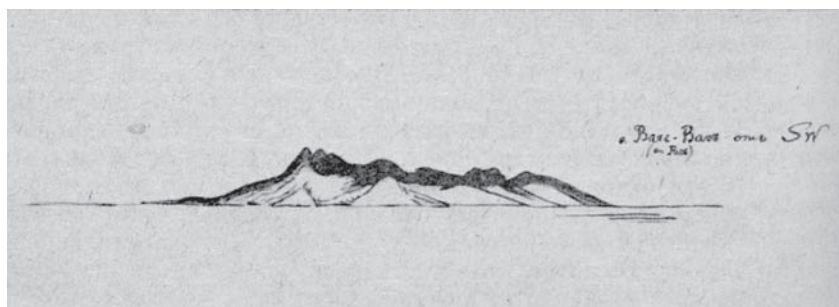
Наш кобум был уже нагружен и готов к обратному пути. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Григера навстречу к нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я желал вернуться в Гарагасси. Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу очень неприятно толкало на волнении, которое было значительно. Это происходило оттого, что толчки волн о вынос передавались пироге, которая сама непосредственно получала толчки от другой волны.

Остров Кар-Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на о. Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пирог, ввиду своей изолированности.

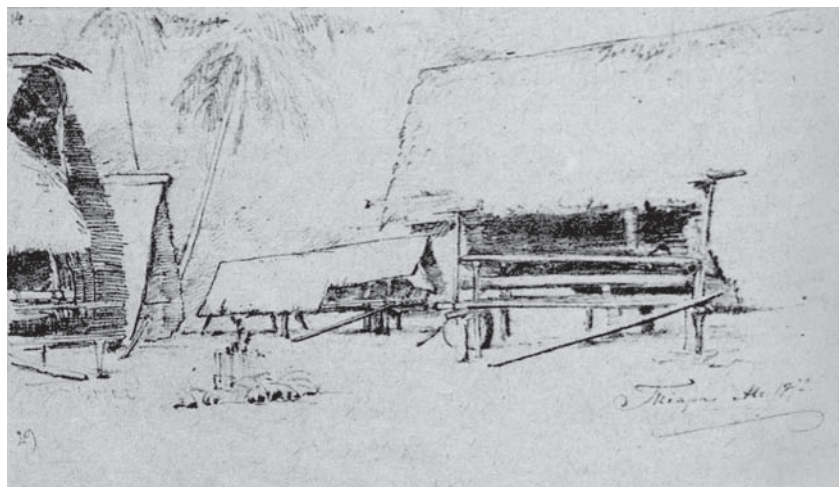
26 августа. Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богати. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него

Остров Кар-Кар в хорошую погоду

Остров Ваг-Ваг от юго-запада

Тиара, август 1872 г.

Хижина в Богати. 31 августа 1872 г.

Вид из Богати. 1872 г.

Телум из дер. Богати

полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки величиною в серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным орудием (для бритья, полирования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети, собрались около шлюпки, протягивая руки. Хотя не было свежего ветра, но он был попутный, и я вернулся в Гарагасси около 4 часов, т. е. употребил почти что 6 часов для перехода; на путь из Гарагасси в Били-Били потребовалось часов 12.

Дома нашел все в порядке, хотя по разным обстоятельствам я уверен, что немало туземцев по-

бывало в Гарагасси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своему любопытству, найдя двери опутанными веревкою и ниткою. Вероятно, они думают, что если дотронутся до веревки у дверей, на них посыпятся со всех сторон выстрелы, или, если прикоснутся к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

30 августа. Отправился в Богати и добрался туда через 6 часов, так как сначала дул ровный ветер, а потом только порывами.

Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которая присела, когда шлюпка приставала, и оставалась в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самою большою между всеми расположенными вокруг бухты Астроляб. На большой площадке виднелись еще следы танцев, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленою разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами, подогретые, еще и сегодня, т. е. на третий день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай-буль» (свины, убитой по случаю «ая»). Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижней челюстью. Были принесены два, но без нее.

Хижина в два этажа, дер. Богати. 1871 г.
(возможно, рисунок был сделан при посещении деревни в сентябре 1871 г.
вместе с офицерами «Витязя»)

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богати и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую, крепкую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал — я не понял. Она же поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богати, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через 5 ходьбы мы подошли к высокой изгороди плантации, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну; то была недуренькая девочка лет 14—15. Этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головою. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую, кивнул головою, указывая языком* по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая более Коды. За недостатком ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагасси. Я остался ночевать.

31 августа. Провел ночь порядочно, закрывшись флагом¹⁵⁵. Не обошлось, однако ж, без попытки со стороны Коды привести в исполне-

* Кроме указывания рукою или кивком головы по какому-нибудь определенному направлению, туземцы иногда заменяют эти жесты высовыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по местонахождению указываемого предмета.

ние, пользуясь темнотою ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож орлан-ай. Таинственно обходя задами хижин, Коды привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне орлан-ай. Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в циновку и с тою же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый орлан-ай, и положил его сам под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали¹⁵⁶. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус и я, сидя у руля, не прокричал им прощального «Э-аба» и «Э-ме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября. Сильная лихорадка.

2 сентября. Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября. Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег, так как она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября. По случаю больного колена не могу ходить на охоту. Провизия наша почти что на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно; свежий WNW и не более как 26° Ц.

9 сентября. К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3 или 4 дня очень неприятным образом, так как пароксизмы сопровождались сильнейшею головною болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и причитания его, что мы оба умрем от лихорадки или от голода и т. п.

Погода в эти дни стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября. Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября. Решил сохранить остатки провизии, бобы и рис исключительно на те дни, когда буду не в состоянии отправляться на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет идти за провизиею в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел по сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября. Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября. Несколько дней, как птиц совсем нет. Черный какаду, которого во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не виден. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин скудости их в настоящее время. Другая причина, вероятно, — рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем забор из воткнувших в землю обрезков тростника (*Saccharum Königii*) и расщепленного дерева поваленных стволов.

20 сентября. Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником разного рода. В этой труднопроходимой чаще леса я был неожиданно и к немалому удивлению моему остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих и труднонаходимых закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая зайти в деревню, расположился отдохнуть на стволе повалившегося дерева недалеко от морского берега. Мимо меня прошли несколько женщин, идущих, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богати в полном вооружении прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнего из них, чтобы узнать, каким образом они пришли сюда, и узнал, что пришли пешком, следуя по морскому берегу, выйдя еще до рассвета из Богати.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев и на случай нужды — уверенность в их помощи. Я готов и буду рад остаться несколько лет на этом берегу.

Но 3 пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины; во-вторых, я ношу последнюю пару [...]а башмаков и [...]б; в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября. Коды-Боро, сопровождаемый толпою людей Богати, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату — не-

^а В рукописи пропуск.

^б В рукописи пропуск.

большое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед собою, делая всевозможные гримасы: высовывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, и при каждом новом образе, появляющемся в зеркале, произносили: «а! э! о!».

Другие, подержав недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

27 сентября. Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня, не медля, принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное для меня положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне пришлось отправиться вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В 2 часа пошел дождь со шквалами. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что хижина может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. «*Quid dort dîne*»^a — говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли удастся заснуть, так как при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться, чтобы не допустить мою постель быть совершенно залитою. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гутаперчевую простыню как раз над головою, так что вода будет стекать теперь по ней, а не попадать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях как специальное *NB* людям, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, мокрота кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Иногда, однако же, бывают положения хуже.

10 октября. Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже весьма незначительное, для меня очень трудно, и часто, даже идя по гладкой дороге, я еле-еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я устаю, как никогда не уставал. Не могу сказать, что при этом я скверно себя чувствую; изредка только посеща-

^a Кто спит, тот обедает; спящий хлеба не просит (франц.).

ют меня головные боли, но они главным образом находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, как в Горенду или в Бонгу за провизией, а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагасси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, прерывая мои занятия, что раз я объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такую ужасною, то пусть повесится или бросится в море и, что зная причину, почему он это сделает, я и не подумаю ему помешать.

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей¹⁵⁷. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступающие в этом отношении ни одному из красивейших виденных мною полинезийцев. Сыновья Каина, например, хотя и не особенно красивые, очень напоминают мальчиков островов Мангаревы и архипелага Помоту^a.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за баб.

Расспрашивая Каина о знакомых моих в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил мне, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец захотел воспротивиться. Коре схватил лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела в свою очередь пробуравила ногу Коре, пронзив ляжку. Другой случай ревности из-за жены произошел месяца 2 тому назад в Богати. Оба противника оказались ранеными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось в плечо и переломило ключицу.

Онять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября. Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо более, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо вредных причин, иногда в тот же самый день. Например, если утром ходил в воде по колено и оставался затем долго в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, в час или в 2 часа пополудни наступает пароксизм.

^a В рукописи Помуту. Помоту — одно из устаревших названий полинезийского архипелага Туамоту.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение 3 часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или $1\frac{1}{2}^{\circ}$ была ниже температуры воздуха; в 3 часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

20 октября. Возвращаясь утром с охоты, почти у дома я услышал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять: жаль было пистона, их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал потревожить маленькую птичку и опустил ружье; мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правую рукою держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась чрез край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед, поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительна, хотя крови из небольших ранок было немало. Несколько дробинок пробили кожу. Очень сожалею, что правая рука пострадала, так как вследствие ее большего употребления эти незначительные ранки долго не пройдут.

21 октября. Вечером вчера и всю ночь слышен был барум в Богати. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что действительно в Богати был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто из Богати и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слышал барум и знает, следовательно, что умер человек, но кто — ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября. Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не восходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у огня. Один из них нашел, что и ему нужно идти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и просили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо-русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснял, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо-русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его окам и что теперь у него окама нет, так как их делают только тамо-Рай-Мана. Он просил меня о возвращении окама или по крайней мере об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что «тамо-русс» подняли его ненир (корзина для ловли рыб), вынули рыбу, а может быть, взяли и ненир или опустили его в нехорошем месте, так что после этого он не мог найти его. Третий заявил, что из его хижины «тамо-русс» взяли очень хорошее копье.

Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их жалобам и обещал вознаградить за вещи, взятые

Таль Дялум. Деревня Мале. 25 октября 1872 г.

«тамо-русс»; зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за ненир я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать 3 больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гарагасси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, произвело громадный восторг, и возгласы: «Маклай — хороший, хороший человек!» — послышались со всех сторон. Меня, однако ж, немало удивило, что после 14 месяцев туземцы еще не забыли все происшедшее во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном для меня и Калеу были принесены и поставлены против нас, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы поели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кеу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав, что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Ту-

земцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шепотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу около Гарагасси многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных и глиняных^а фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне 2 человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «Марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «Борле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы здесь черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного, крепкого тонкого шнура. Они держали шнуры очень близко к коже, причем попадающиеся волосы выкручивались между обоими шнурами и малым движением одной руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение 2 или 3 часов. Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел глевшего большого ствола.

Очень смешно было видеть, как довольный большой мальчик, лет более 3, съев несколько кусков ямса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменив положение, положив голову на колени матери, схватил толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого) и стал сосать ее. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, напившись молока, снова принялся за ямс¹⁵⁸. Вечером, кроме вареного аяна и банан, мне сварили зрелый плод пандануса; последнее кушанье не имеет особенного вкуса и съедомая часть незначительна, но оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличается от языка Бонгу¹⁵⁹. Приобрел здесь 2 черепа тибоя [...]⁶, но без нижней челюсти, а также один небольшого крокодила [...]^в, которого туземцы недавно съели за один присест.

28 октября. Одиночество производит на Ульсона очень странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне терять времени давать

^а В рукописи, очевидно, ошибка: длинных.

⁶ В рукописи оставлено место для названия.

^в В рукописи оставлено место для названия.

ему совет чем-нибудь заняться, так как он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал, было приготовление пищи; иногда же валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти что не говорил с ним и не удостоивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда вследствие лени или болезни он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось прислушиваться очень долго: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь — звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказывается, муха жужжит (может быть, и не муха, потому что я ее не видал, но жужжит, производя звуки, очень человекоподобные). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и туземцы сами бывают введены в заблуждение.

30 октября. Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсуль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день нерационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь 2 птицы. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как спирту нет; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает; хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября. Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду я и не подумал. Птиц не было слышно.

3 ноября. Утром приходил Туй, и так как был проливной дождь, то я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде, у самой двери моей комнаты, около которой я сидел; он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все сделали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просидел долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются года, чтобы действительно познакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение 15 месяцев я ни разу не присутствовал при церемонии их бракосочетания; ни разу — при операции «мулум» (обрезание)¹⁶⁰ и не видел много, много другого.

4 ноября. Отправился за ямсом рано поутру, ничего не евши по той простой причине, что в Гарагасси не было ничего съедобного. Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Каждый принес мне по несколько провизии и не хотели ничего брать

за нее, прося дать им лекарство от дождя. Желая выведать у них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их оним не помогает¹⁶¹. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря. Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кеу, уши раздирающая музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамрамре Саула.

19 декабря. Хотя уже свет утренней зари проник в буамрамру, я еще не подымался, так как ночью меня много раз будили музыка и крики, которые всегда сопровождают здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!) — послышалось в некотором расстоянии от буамрамры. Несколько туземцев вошли, очень встревоженные, и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан», — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?» — «Я посмотрю, а потом скажу», — отвечал я. Несколько человек прибежали, крича: «Маклай, о Маклай, корвета русс гена; биарам боро» (Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом взгляде сомнение было невозможно: дым принадлежал большому пароходу, вероятно, военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае, мне надо было отправиться сейчас же в Гарагасси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судна. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне несколько провизии и перевезти больного Ульсона до ближайшего порта, посещаемого европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагасси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне надо флаг, что военное судно приближается, я подумал, что человек этот положительно с ума сошел. Он так болтал несвязно и не то плакал, не то смеялся, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, которое было около островов^а Ямбомба, переменило курс и направилось прямо в Гарагасси. Я вернулся в мою комнату, хотел переодеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы

^а Ошибка. Следует: острова.

надеть, было во всех отношениях одинаковое с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз к песчаному берегу, и немало труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрепятственно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников, Сага-ла^а и Дигу. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение; когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали трехкратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно действовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан его высочеством генерал-адмиралом¹⁶² и что, между прочим, господин Р. был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги¹⁶³, так как в Европе распространился слух, что я был убит или умер¹⁶⁴, и даже многие из офицеров признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены не застать меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана о том, что предприму. Самым подходящим мне казалось с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать исследования, отослав до следующего порта никуда не годного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику К. Э. фон Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне, между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере,

^а Ошибка. Следует: Сагама.

а перевоз моих вещей из Гарагасси на клипер предоставил бы одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным. «А кто Вам, Михаил Николаевич, сказал, что я пойду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как я полагаю, Вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу Вас позволить ответить Вам завтра, отправлюсь ли я на „Изумруде“ или останусь еще здесь».

Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал, между прочим, от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученою целью вокруг о. Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив мое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на Берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагасси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?¹⁶⁵

20 декабря. Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте после непродолжительной стоянки на корвете «Витязь» заболело [...]а человек¹⁶⁶. Это было одно; но в 2 или в 3 дня я не в состоянии буду написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось положительным — это то, что мне необходимо будет вернуться сюда снова, где вследствие знакомства с туземным языком и заслужив полное доверие туземцев, дальнейшие исследования по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены. Это были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время Берег Маклая, с тем чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани мое решение, он спросил меня, как долго мне необходимо будет, чтобы собраться. Я ответил, что через 3 дня после того, как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и идти куда пожелает. Остающиеся 2 дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил

^а В рукописи пропуск.

Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагасси. Вечером пришли ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители из Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, главным образом те, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагасси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне на берегу и в горах мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать в деревне из девушек по жене или даже по две, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне идти в Гумбу, где, кроме всех местных жителей, собрались люди Теньгум-, Энглам- и Самбуль-Мана и что все желают меня видеть. Не желая отказать, может быть, в последний раз, я пошел, окруженный большою толпою туземцев с факелами в руках¹⁶⁷.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагасси. Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние два дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и мешали очень при ходьбе. Я пошел, однако ж, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагасси. Боль была так сильна, что, устроив из нескольких перекладин род носилок, я был перенесен туземцами на них до мыска Габина, а оттуда перевезен на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны¹⁶⁸.

По приказанию командира толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанною надписью:

VITIAZ. Sept. 1871.
MIKLOUHO-MACLAY
IZOUMROUD. Dec. 1872

должна была быть прибита к одному из деревьев около моей хижины в Гарагасси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет самым подходящим. Я выбрал большой *Capagium commune*, самое высокое и представительное дерево в Гарагасси¹⁶⁹. Я провел остаток дня дома, доканчивая упаковку вещей, потому что завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

21 декабря. Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени устроить мою койку более удобным образом и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой, где лежали мои ноги, мог бы быть сделан для меня менее чувствительным

Дерево у ручья Бела с прибитой
к нему мемориальной доской
в память пребывания
Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагасси
в 1871—1872 гг.

Рисунок сделан в 1876 г.
во время второго пребывания
на Берегу Маклая

весьма простым образом: стоило только подложить два бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки.

Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и действительно, довольно многие явились в Гарагасси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньшее отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в моих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки предоставил моим папуасам. Таким образом, я мог идти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня.

С таким хвостом, беспрепятственно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам разные предметы, обошли мы всю палубу. Пушки пугали их: они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало, были 2 небольших бычка, взятых как живая провизия для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спро-

сив название, они старались не забыть его, повторяя: «бик, бик, бик». Спустились вниз, в кают-компанию; дорогой туда машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть нескольких человек сразу, очень понравились им. Фортепиано, которое я назвал «ай боро русс» не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх.

На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но, забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтоб более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей его подсказал ему «бик», и они все хором затаили: «бик», «бик». Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли предоставил им свободно ходить по ней.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагасси, и Ульсон также перевезен на корвет и, как больной, помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагасси. Даже и теперь, уезжая, после пятнадцатимесячного пребывания, (я не мог) сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно «со временем».

22 декабря. С самого утра несколько пирог окружали клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы кричали [...] ^a, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «Эме-ме» и «Э-аба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирог. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок Габина, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум; проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт Великий князь Алексей, мы обогнули Cap Croissilles и вошли в пролив между материком Новой Гвинее и о. Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом «Изумруд».

^a В рукописи пропуск.

Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах

19 сентября 1871 г. около 10 часов утра¹ открылся высокий берег Новой Гвинеи близ мыса King William, и на другой день, в 4-м часу пополудни², корвет «Витязь» бросил якорь недалеко от берега в заливе Астролаб. С двумя слугами отправился я на берег и в одной из близ берега лежащих деревень, из которой большинство жителей при нашем приходе разбежались, встретил первых папуасов. Они с большою боязнью предложили мне разные подарки: кокосовых орех, банан и свиней.

Так как корвет спешил в Японию и посетить для выбора несколько местностей восточного берега Новой Гвинеи нельзя было, то я решил остаться здесь. На другой же день я выбрал место хижины, и плотники корвета начали ее строить. Следующие 4 дня были употреблены на постройку хижины, очистку кругом ее леса и перевозку вещей. Командир и офицеры корвета с большою любезностью помогали мне и даже снабдили меня разными вещами и припасами, которые мне доставали, за что я всем им приношу здесь мою искреннюю благодарность. 27 сентября утром³ корвет ушел.

Туземцы, которые во все время пребывания корвета показывались трусливо и в небольшом числе, по уходе его в тот же день нахлынули толпами ко мне из ближайших деревень, с расспросами⁴, вернется ли корвет, долго ли останусь и т. д. Они казались очень недовольными, что я поселился в их соседстве, и хотя принесли мне несколько подарков, не расставались со своим оружием, посматривали на меня очень недружелюбно, а когда я не пустил толпу в мою хижину, некоторые стали грозить мне своими копьями⁵.

Установив вещи и устроившись в моем помещении (хижина имела 1 саж. ширины и 2 саж. длины, была разделена парусинною перегородкою на две половины, так что я помещался в комнате в одну квадратную сажень, другую половину занимали мои слуги), я начал знакомиться с местностью. Несколько лесных тропи(нок вели) из одной деревни в другую, далее идти было неудобно (без)^а проводников, которых нельзя было достать: никто не хотел идти, мне пришлось поэтому ограничиться тремя соседними деревнями. Жители оказались очень подозрительными, и им очень не нравились мои визиты⁶, хотя сами приходили ко мне за табаком или за разными безделками, кото-

^а Правый верхний угол листа рукописи оборван. Слова в скобках восстанавливаются по публикации 1939 г.

рые я им дарил или выменивал на плоды и овощи. Они очень следили за каждым моим шагом и в особенности, когда я подходил к их деревням. Я стал понемногу изучать их язык, но изучение шло медленно, папуасы неохотно и лениво отвечали на мои вопросы.

Один из моих слуг, полинезиец с о. Ниуе⁷, слег, к хронической серьезной болезни присоединилась сильная местная лихорадка. Его примеру последовал и другой слуга, европеец, швед по происхождению, бывший матросом на китобойном судне. Мне пришлось готовить пищу для троих, лечить больных и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасов, делать метеорологические и другие наблюдения. Однако же Ульсона (шведа) я поставил вскоре на ноги, и он мог помогать мне. В начале ноября, полтора месяца по приходе, и я почувствовал первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали меня во все время пребывания в Новой Гвинее, возвращаясь каждые две недели один, иногда и два раза, очень ослабляя организм и мешая многим предприятиям. Пароксизмы сопровождались бредом и сильною опухолью лица, шеи и рук, которая опадала в апирекциях⁸.

Папуасы разных береговых и горных деревень почти ежедневно толпами посещали мою хижину, так как молва о моем пребывании распространялась все далее и далее. Это было разнообразием моей монотонной жизни с двумя больными, но подчас, чувствуя и себя крайне нездоровым, посещения папуасов, с их подозрительностью и любопытным нахальством, были мне даже неприятны. Риф, который окружал мысок, где стояла моя хижина, мог бы быть источником интересных зоологических наблюдений и исследований, но для этого я должен был бродить по поясу или по колену в воде, следствием чего было возобновление пароксизмов, почему я должен был отказаться и от этого. Наконец, полинезиец, который не хотел принимать никаких лекарств, хотя страдал сильно хроническою⁹ болезнью, очень изнуренный лихорадкою, умер 14 декабря⁹, прослужив мне как повар только полторы недели.

Между тем папуасы, видя, что нас только двое, что, кроме того, Ульсон часто болеет (сам же я, когда болел, тщательно скрывал то от туземцев)¹⁰, незнакомые с огнестрельным оружием, которое я им до того времени не показывал, не желая увеличить их подозрительность и боясь еще более отстранить их от себя, предполагая большие сокровища в моей хижине, делались все нахальнее, требовательнее и стали угрожать меня и Ульсона убить.

Я принимал их угрозы шутками или не обращал на них внимания, по-прежнему ходил по лесу, посещал их деревни. При моем появлении подымалась в деревнях страшная суматоха: женщины и дети с визгом

⁹ Далее зачеркнуто: свою.

бросались в хижину и в лес, собаки выли, мужчины с оружием, с криком и особенным воинственным рычанием сбегались и окружали меня; не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляя свои тяжелые копья вокруг головы и шеи и даже подчас без церемоний совали острые копей мне в рот или разжимали зубы¹¹. Я отправлялся всюду вооруженный, и индифферентное молчание и полное равнодушие к окружающему были ответом на все эти любезности папуасов.

Исключая двух или трех царяпин, никто не решался нанести мне серьезную рану: диких ставил в тупик мой неизменный индифферентизм; я же, поняв, в чем заключается моя сила, не изменял своего обращения с ними, решил, что когда-нибудь папуасы привыкнут к моим посещениям и к моей личности, и спал спокойно в папуасских деревнях, несмотря на копья и стрелы туземцев, которые не расходились, даже когда я засыпал¹².

Однако же время шло; я во что бы ни стало хотел добраться до горных деревень, а для этого проводники были необходимы. Несмотря на наши натянутые отношения, я отправился в Бонгу (2-я ближайшая береговая деревня от моей хижины) и объяснил, что я хочу идти в горную деревню Колику-Мана, что для этого мне нужны люди, чтобы нести вещи. Начались переговоры между папуасами, потом они стали советовать мне не ходить: дорога дурная, камни, глубокие ручьи, горные люди убьют меня и т. п. Увидев, что уговариванием и обещанием ничего не поделаешь, я встал и объявил им, что иду один в Колику-Мана; вынув небольшой компас, прибавил, что эта движущаяся стрелка покажет мне дорогу, а если что со мною случится, всем им будет плохо¹³. Приняв очень серьезный вид, я вышел из умолкнувшей толпы, которая казалась озадаченной и боязливо расступилась¹⁴. Таинственная коробка с живою движущеюся иглою, слова и моя решимость подействовали: через ¼ часа меня нагнали несколько человек¹⁵ с изъявлением готовности идти со мною и защищать от горных жителей. Так совершил я первую более отдаленную экскурсию, за которой последовали другие¹⁶.

Заметив, что наша провизия сильно убывает, и не надеясь постоянно получать свежие припасы от соседей, я разделил ее на порции, приблизительно до следующего августа месяца. Эти порции риса и бобов были очень невелики; к тому же почти полное отсутствие^a животной пищи было очень чувствительно, так что я стал чувствовать, что силы мои значительно уходят при частых приступах лихорадки. Недоверие папуасов было так велико, что в продолжение целых пяти первых ме-

^a *Задержку*: недостаток.

саяцев нашего обоюдного знакомства они не решались даже показать своих жен и детей, которые убегали и прятались при моем приближении. Это недоверие, явно недружелюбная замкнутость и трудность проникнуть в горы подали мне даже мысль отобрать часть вещей, нагрузить ими оставленную мне «Витязем» шлюбку и отправиться далее по берегу, искать более благоприятного пристанища и более гостеприимных жителей. Это было в конце января 1872 г.¹⁷

Два обстоятельства помешали, однако же, исполнению этого плана. Первое было то, что шлюбка, стоящая долгое время на якоре около кораллового рифа, оказалась проеденною червями, сильно текла и была неспособна для дальнего, может быть, плавания; второе обстоятельство было изменение отношений папуасов ко мне, которые стали искать сближения со мною и даже моего расположения. Причины тому были многие, между прочим та, что я помог выздоровлению одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило^a голову. Каждый день перевязывая рану и видясь с жителями деревни, где лежал раненый, я приучил их настолько к себе, что они¹⁸ стали позволять женщинам оставаться в моем присутствии и гораздо охотнее стали приносить мне съестные припасы в обмен за табак. Более важная причина желанного сближения со мною лежала, как я узнал потом, в событиях, происшедших в папуасском политическом мире. Между моими соседями и жителями нескольких береговых деревень была объявлена война; мои соседи ожидали нападения со стороны неприятелей. Как более слабые и предполагая, что я обладаю какою-то таинственной силою, которая мне позволяет не бояться и относиться равнодушно к их копьям и стрелам, они сочли удобным приобрести во мне союзника и просили позволения, в случае нападения, прислать ко мне под мое покровительство своих жен и детей. Хотя мне не хотелось вмешиваться в их распри, но я на многое согласился, видя случай сблизиться, наконец, с этим недоверчивым племенем. Нападения на деревню не случилось, война ограничилась стычками в лесах; неприятель, услышав, что я стану на сторону моих соседей, и напуганный преувеличенной молвою о моей таинственной силе и моем могуществе, заключил с моими соседями продолжительное перемирие.

Все эти обстоятельства позволили мне, наконец, свободно заглянуть в семейную и общественную жизнь папуасов, видеть многие обычаи и при частых сношениях изучить их язык, так что я свободно мог объясняться с ними об ежедневных делах¹⁹. Под разными предлогами я посетил многие горные деревни, причем мои соседи оказались хорошими проводниками и переводчиками, так как почти в каждой де-

^a Было: прошибло.

ревне туземцы говорят на другом диалекте, непонятном для папуасов ближайших деревень. При этих экскурсиях я узнал, что выше 1200—1500 футов в горах около Астролаб-Бай (доходящих приблизительно до 7000 и 8000 ф.) жителей нет, тропинки также находятся только около деревень, выше горы покрыты труднопроходимым тропическим лесом²⁰. Это отсутствие жителей, а в особенности тропинок были для меня непреодолимым препятствием подняться выше в горы; никто не соглашался идти со мною, несмотря на щедрые обещания, уверяя, что тропинок нет и что в горах нечего есть.

Идти одному без провизии или с небольшим запасом ее, неся на себе^а принадлежности для ночлегов, перемену платья, оружие для охоты и кое-какие аппараты для рисования и наблюдений²¹, показалось мне нерациональным; в такой сбруе я с трудом выдерживал трех- и четырехдневные экскурсии по проложенным тропинкам; чтобы добраться до вершины гор, потребовались бы недели. Взять Ульсона было тоже невозможно, он болел, был слаб и почти весь день лежал. Эти обстоятельства, к которым присоединилась мысль, что еще и у моих соседей многое остается для меня, об чем следует разузнать, и нередкое истощение сил вследствие лихорадки и недостаточной пищи убедили меня подчиниться обстоятельствам и ожидать в окрестностях моей хижины прихода русского судна, которое, может быть, могло бы прийти²².

Моя провизия давно бы уже истощилась, если бы я не пользовался свежими овощами^б папуасов и если бы охота благодаря отличному ружью не была бы так удачна²³. Туземцы приносили мне иногда интересных животных (кускусов, кенгуру, ящериц, змей и т. п.), но, к сожалению, редко; некоторых же животных, несмотря на обещания подарков, мне не удалось получить, как, например, казуара, которого мне также не пришлось ни разу встретить на охоте.

При одной экскурсии в горы я с высоты увидел, что у мыса Дюпере находятся несколько островов. В августе 1872 г. я собрался посетить ту часть берега. Починив не без труда шлюбку, я отправился за мыс Дюпере^в²⁴ и нашел там архипелаг, состоящий не менее как из с лишком 30 островков, все кораллового происхождения, расположенные отчасти в небольшой бухточке, отчасти тянувшиеся вдоль берега. Жители этих островов, уже давно слышавшие о моем пребывании на берегу Гвинеи, знавшие твердо мое имя, приняли меня очень дружелюбно. Нашлись между ними такие, которые уже были в моей хижине посмотреть на белого человека и которые упрашивали пересечь к ним²⁵.

^а Было: с собою.

^б Было: припасами.

^в Было: на эти острова.

Жизнь этих людей, их отношение между собою, обращение их с женами, детьми, животными произвели на меня впечатление, что эти люди довольны вполне своей судьбою, самими собою и всем окружающим. Я назвал поэтому эту группу островов, на которой еще не был, кроме меня, ни один европеец и которая не нанесена еще на картах²⁶, архипелагом Довольных людей — название, которое жители пока заслуживают. Этот архипелаг, обитаемый мирным населением, которое возделывает многие корнеплодные растения, разводит свиней и кур, может представить удобную якорную стоянку, представляет то громадное преимущество, что климат относительно здоров, лихорадки (как мне сообщали жители) очень редки, что очень вероятно, потому что небольшие островки эти обладают более морским, чем береговым климатом. К тому же в бухту впадает значительная река с хорошою водою. Этот архипелаг, если со временем будет сделан промер, может оказаться гораздо более удобным якорным местом, чем глубь залива Астролаб²⁷.

Вернувшись с архипелага Довольных людей, я застал Ульсона в худшем положении, чем прежде: к лихорадке присоединился хронический ревматизм²⁸; он не вставал с постели и целый день стонал. Я терял поэтому много время на хозяйственные заботы, носку воды и дров, приготовление пищи; особенно утомительно была поддержка постоянного огня. От сырости мои запасы спичек (несмотря на залуженные жестянки) почти все оказались негодными, пришлось около семи месяцев рубить большие деревья и, переноса толстые пни в шалаш, который служил мне кухнею, поддерживать ими постоянный костер²⁹.

В августе³⁰, не увидав ни одного судна, которого постоянно надеялся открыть на горизонте, Ульсон потерял последние остатки энергии, даже стал заговариваться, так что я серьезно боялся за его рассудок. С этих пор он не только ничего не помогал мне, но стал для меня обузою и много мешал, так как мне приходилось кормить и лечить его.

Как неутешительна была моя жизнь с этой стороны, так успех с другой ободрял и даже увлекал меня³¹. Я близко сошелся с моими соседями и успел познакомиться со многими их обычаями, которые они до того времени тщательно от меня скрывали. Отношение диких ко мне совершенно стало другое, чем первые 5 или 6 месяцев³². Мое равнодушие к их стрелам и копьям^а, мое неизменное слово при обещаниях, мои далекие экскурсии в труднопроходимом лесу, в горах, несмотря на время, — днем в жару, ночью часто при сильных тропических грозах, при нередких землетрясениях, — мое внезапное появление при таких условиях без провожатых в деревнях, где обо мне знали только пона-

^а Было: касательно их стрел и копий.

слышке, вселило у папуасов не одно удивление, но и род суеверного почтения или страха ко мне, которые преодолели, наконец, их подозрительность и недружелюбие. К тому <же> помощь больным и подарки сделали мне несомненных друзей³³.

Не видав до прихода «Витязя» ни одного судна, папуасы были твердо убеждены, что они единственные жители земного шара. Видя, что я физически отличен от них³⁴, и предполагая во мне особенные, непонятные для них качества, они не хотели верить, что я такой же человек, как они, и, раз придумав, что я явился к ним с луны, эта мысль так засела в их головах и так распространилась, что никто не верил, когда я отрицал это происхождение. Кроме моего имени «Маклай», которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня «каарам-тамо» (человек луны)³⁵ или «тамо-боро-боро» (человек большой-большой), ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств³⁶, которых они называют просто «тамо» и редко «тамо-боро» (человек, человек большой). Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому, думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, могу зажечь^а море.

Несмотря на предполагаемое всемогущество, мое положение становилось довольно затруднительным³⁷: крыша текла, столбы, на которых стояла хижина, проточенные муравьями³⁸, стали обваливаться; приходилось ставить подпорки из боязни, что пол или даже вся хижина в один прекрасный день обрушится³⁹; запасы хины⁴⁰ почти истощились (так как меньшая доза, которую я принимал для купирования лихорадки и которую давал также Ульсону, была два грамма). Что касается до пищи, то уже давно я употреблял только то, чем питались туземцы. Охотой тоже приходилось пользоваться очень умеренно, так как из взятых 1500 капсуль оставалось у меня не более как 300. От 12 пар обуви разного рода не оставалось ни одной цельной; мне пришлось, срезав голенища охотничьих сапог, ходить в этих тяжелых и неудобных башмаках. Явились раны на ногах, которые не заживали⁴¹. Здоровье Ульсона становилось с каждым днем плоше, и я решил по смерти его, которую ожидал^б, переселиться в горы, отчасти чтобы поправить свое здоровье, предполагая, что лихорадка в горах не так злокачественна, отчасти чтобы изучить очень разнообразные диалекты горных жителей. Жители разных деревень предлагали мне построить новую хижину, я хотел воспользоваться предложением, чтобы оставить в одной из береговых деревень мои вещи, а самому перебраться в горы⁴².

^а Было: сжечь.

^б Далее зачеркнуто: вскоре.

Для переговоров о постройке новой хижины находился я утром 19 декабря прошлого года в Бонгу⁴³ (в одной береговой деревне), когда несколько встревоженных папуасов прибежали ко мне⁴⁴, уверяя, что в одном месте между островами Кар-Кар и Били-Били (о. Дампира и о. Витязя) из моря выходит дым, прося меня сказать, что это такое значит. Небольшое темное облачко действительно виднелось на горизонте в указываемом месте; я не мог иначе объяснить его, как дымом приближающегося или проходящего парового судна. Это предположение оправдалось, минут через 10 можно было различить топы мачт. Папуасы были в большом смятении, хотели сейчас же угнать своих жен и детей в горы; я с трудом уговорил их оставить всех в деревнях. Вернувшись в пироге домой, я поднял русский флаг у хижины и стал ожидать приближение судна, которое признал сперва за русское по флагу, а потом за клипер «Изумруд»⁴⁵.

Немало уговаривания и приказаний потребовалось, чтобы заставить папуасов войти в пирогу и выехать со мною навстречу клиперу. Мне понадобился весь мой авторитет «человека луны», чтобы папуасы не вернулись бы к берегу, когда от клипера отвалил катер, чтобы сделать промер для якорного места. На нем я узнал офицера, г-на Рончевского, служившего прежде на «Витязе» и бывшего при моей высадке на этом берегу⁴⁶. Мои папуасы страшно боялись^a и чуть было все не бросились в воду, когда с вант клипера раздалось трехкратное «ура», которым я был встречен, приблизясь к «Изумруду». Пена и шум винта, гул отданного якоря, опущенный трап одно за другим пугали моих гребцов, которые дрожали, просили вернуться на берег и еле-еле управлялись с пирогами.

Наконец, я подъехал и вошел на клипер, где был радушно встречен М. Н. Кумани и офицерами, с которыми я еще прежде познакомился во время стоянок «Витязя» на о-вах Зеленого Мыса и (в) Рио-де-Жанейро. От них я узнал, что клипер прислан в Астролаб-Бай по особенному приказу его императорского высочества генерал-адмирала⁴⁷, что они удивляются, застав меня в живых, и что английские газеты меня уже похоронили. Так как мой завтрак в Бонгу был прерван новостью, что из моря подымается дым, а с того времени прошло около полтора часа, то я не отказался продолжать завтрак на клипере⁴⁸. После папуасской кухни европейские кушанья показались мне очень странными на вкус⁴⁹, особенно сладкие, так как сахару я не пробовал уже более года. Соль была также приятною новинкою; последние семь месяцев я все варил и ел с морскою водою, так как соль у меня вся вышла. Меня офицеры любезно снабдили обувью, в которой я очень нуждался, и бельем — мое вследствие сырости было очень гнило и отчасти про-

^a Было: очень боялись клипера.

едено насекомыми⁵⁰. После завтрака несколько офицеров и я отправились на берег. Я показал им мое помещение в одну квадратную сажень, заставленное вещами, с текущею крышею, с дырявыми стенами и еле держащимся полом⁵¹. Ульсон был вне себя от радости выбраться с этого ненавистного для него берега; он как будто бы ожил⁵², даже перестал постоянно стонать.

Папуасы в ту же ночь пришли уговаривать меня не оставлять их, обещая построить большую хижину, дать мне запасы кокосовых орех и разных корней. Я действительно колебался оставить Астролаб-Бай, приход «Изумруда» был так неожидан, я уже привык к мысли остаться всю жизнь на этом берегу, что просил командира дать мне время до следующего утра⁵³ обдумать, иду ли я на «Изумруде» или остаюсь. Трудность попасть на этот берег, знакомство с местностью, с жителями, с языком, отношение туземцев ко мне, новые запасы провизии и некоторых необходимых вещей, которые я мог бы получить теперь с клипера, сильно поддерживали желание остаться, но состояние здоровья, невозможность привести в порядок в несколько дней мои дневники для отсылки в Европу, а главное, возможность в следующем году возвратиться в Новую Гвинею на голландском военном судне, которое должно будет отправиться, как мне сообщил г-н Кумани, вокруг острова⁵⁴, говорили за уход на время из Новой Гвинеи. Плавание на «Изумруде», который отправлялся в голландские колонии, могло к тому же значительно поправить мое здоровье, необходимое для второй экспедиции.

На другое утро я решил оставить Берег Маклая в Новой Гвинее* и стал укладывать вещи. Днем я был занят сборами, причем некоторые офицеры клипера были так любезны помогать мне, по ночам беседовал с папуасами, которые днем мало показывались, боясь клипера, ночью приходили, зная, что я один в хижине. Они усердно просили остаться, обещая все сделать, что я ни потребую, уверяли, что на них по моему уходу нападут старые неприятели. Я две ночи ходил в деревни, сопровождаемый целою толпою туземцев с факелами, чтобы освещать путь. Соседние деревни устроили прощальные пиры, на которые стеклись много жителей других деревень с подарками. При этом они с разными обрядами и церемониями прощались со мною, и каждый давал мне в подарок кокосов и разных корней⁵⁵. На последнем ночном собрании старики предложили мне в каждой деревне построить по хижине, дать в каждую много съестных припасов и по жене^a для хозяйства, просили это принять и поочередно жить по несколько времени в каждой дерев-

* Я таким образом называю берег Новой Гвинеи вокруг Астролаб-Бай и бухты с архипелагом Довольных людей по праву первого европейца, поселившегося там, исследовавшего этот берег и добившегося научных результатов.

^a *Далее затерянуто*: в каждую.

не. Я отказался от подарков, раздавал вместо того свои⁵⁶ и обещался при прощанье, может быть, к ним вернуться.

Наконец, все было у меня готово, вещи уложены, перевезены на клипер, подарки туземцам розданы, и 24 декабря с рассветом «Изумруд» стал поднимать якорь.

Папуасы, стоя около моей полуразрушенной хижины, не смея из боязни «тамо-русс» (людей русских) близко подъехать к клиперу, издали кричали мне свои последние «Эме-ме!» и «Э-аба-э!»⁵⁷; когда же клипер снялся и стал удаляться, раздались далекие удары «барума» (большой барабан), возвещавшие соседним деревням, что «человек луны» покинул берег Габинау (туземное название порта вел. кн. Константины)⁵⁸, прожив там с лишним 15 месяцев хотя не легкою и не покойною, но интересною и уединенною жизнью.

Тарнате, 3 февраля 1873 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАПУА-КОВИЙ

(декабрь 1873 г.—июль 1874 г.)

〈Бейтензорг—Амбоина〉

1873 год

Декабрь, 15. Бюйтензорг. Около 12 часов ночи выехал я из Бюйтензорга. Я предпочел 5-часовую езду в карете 2-часовой езде 〈по〉 железной дороге, потому что мог провести таким образом несколько часов более в семействе Л*** и потому что предпочитаю отправляться в путь вечером или ночью. Сон благотворно

действует, и разлука с близкими людьми переносится как будто в мир грез. Мне жаль было расстаться с Бюйтензоргом, где провел так беззаботно с лишком 6 месяцев между хорошими^а людьми; выезжая из парка, мне хотелось вернуться...¹ Я старался заснуть, что удалось, будучи очень усталым укладкою вещей, притом карета^б была покойна и наполнена подушками и одеялами.

К рассвету, около 4 ¹/₂ утра въехали мы в Батавию. На дворе дома резидента² я был встречен слугами его, которые уже ожидали меня. Вещи были перенесены в телегу, и тощая, крысообразная кляча повезла их 〈к〉 пристани. Написав несколько строк г-ну Л*** и Фольцу³ и позавтракав с резидентом и его женою, отправился с ним к пристани. Проезжая вдоль канала, который соединя[ет] старый и новый город и в котором мылись, купались, испражнялись туземцы и китайцы, речь зашла об холере, которая уже более 6 недель господствовала в Батавии и от которой умерло в это время около 2000 человек. Резидент заметил, что китайский квартал, очень тесный, населенный и грязный, доставил самый малый контингент умерших, и думает объяснить это обстоя-

^а Было: симпатичными.

^б Далее загеркнуто: ген.-губернатора.

тельство тем, что китайцы не употребляют сырую воду, а вареную в виде чая, малайцы же много пьют и несколько раз в продолжение дня купаются в инфицированной ими же воде каналов. Европейцев умерло в эту эпидемию не менее 200.

Около гавани пестрая толпа теснилась около нагруженных и нагружавшихся^а барок, шлюбок. Два небольших парходика ожидали: один — отвезти, другой — привезти пассажиров с рейса, так как один пароход, «Король Вильгельм III»^б, отправлялся в Самаранг, Сурабайю и Молуккский архипелаг, другой, «Нева» (уже виднелась), должен был привезти европейскую почту из Сингапура.

Публика, которая отправлялась с нами, была разнообразная, между проч[ими] — семья богатого китайца отправлялась с ним до Самаранга. Две больш[ие] девочки, лет 8 и 11, были одеты в очень пестрый костюм; желтый, лиловый, красный шелк опутывал их худенький стан; лица были набелены рисовой мукой, на руках и пальцах блестело множество золотых браслетов и колец со многими драгоценными камнями. Рядом с ними дети лип-лап^в представляли антропологический вопрос: отчего эти обе группы детей, родившиеся от матерей одной (малайской) (расы), но от разных (китайцев и европейцев) отцов, одни представляют^г почти китайский тип, в других же (лип-лап) малайский значительно преобладает. Но не только китайцы налагают свой тип на детей от туземных ♀♀, но и негры; дети этих последних сохраняют почти все особенности негритянской расы: курчавые волосы, строй лица, но немного более светлый цвет лица^д.

Отлагаю до другого раза интересный вопрос о лип-лап, который очень важен для голландской колонизации архипелага, так как европейцы без примеси могут существовать и плодиться здесь только до 3-й генерации^е. Я предложил Dr. X. в Батавии следующие вопросы^б:

1) Можно ли статистически доказать бесплодность 3-го и 4-го поколения европейцев в колонии?

2) Как велика численность детей в смешанных семействах (лип-лап)?

3) Как рано является менструация у девочек и когда прекращается?

4) Степень плодородности женщин лип-лап.

5) Действуют ли различно на лип-лап болезни (сифилис, лихорадка, холера и т. д.) и в какой степени?

6) То же у китайцев.

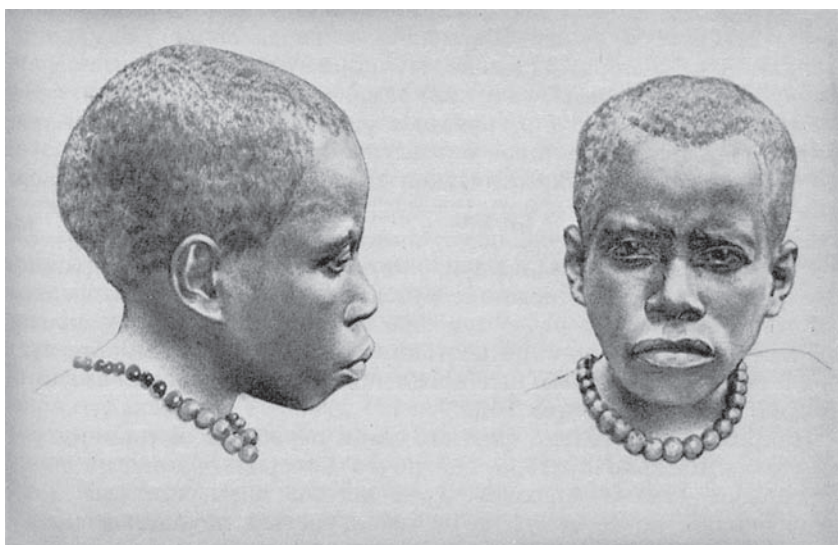
^а Нрзб, гитается предположительно.

^б Далее зачеркнуто: с которым я.

^в Было: сох[раняют].

^г Было: преобла[дающий].

^д Было: волосы.

Ахмат. Папуасский мальчик лет 12

7) Заметно ли влияние примеси малайской крови на умственные и моральные способности?

8) Характеристичные черты лип-лапизма проявляются ли более в ♂ или ♀ поле?

9) Как долго и обильно проявляется менструация у малайских женщин и женщин лип-лап?

Перебравшись на пароход «Король Вильгельм III», я простился с любезным г. Йелингауз, резидентом Батавии, поручив ему телеграмму в Бюйтенцорг.

Я остался с моими двумя спутниками, Ахматом и небольшой обезьянкой. Несколько слов об них. Я получил Ахмата, 11- или 12-летнего папуаса, от султана Тидорского в январе этого^а года⁷. Пробыв около 4 месяцев на клипере «Изумруде», он выучился говорить по-русски, и на этом языке мы объясняемся. Ахмат — сметливый, непослушный, но добрый мальчик, который делает усердно и старательно все, что ему нравится делать, но убегает и скрывается, как только работа ему не по вкусу.

Другой спутник — небольшая южноамериканская обезьяна, принадлежавшая одному из офицеров «Изумруда», пробывшая на клипере 2 года и потом перешедшая в мое владение. Она была любимицей детей генерал-губернатора и часто потешала меня.

^а Было: прош[лого].

В 9-м часу мы снялись с якоря, и я отправился спать, так как устал от многодневной укладки вещей и так как часто возвращающаяся мысль о Бюйтендорге мешала мне думать или заниматься чем-нибудь.

Декабрь 16. Ночью заходили в Шерибон, где пробыли до рассвета. Местность около Шерибона и далее около Самаранга красива даже с моря: отдельно стоящие вулканы^а возвышаются громадными массами и^б, так <как> они очень высоки (до 1000 <ф>) относительно кражей гор, придают местности своеобразный характер. Один из пассажиров оказался инженер-топографом, который отправляется в окрестности и на гору Слатат, один из самых высоких кратеров, мимо которых мы плыли. Он мне сообщил все имена и высоты каждой горы, но я почти сейчас же забыл те и другие. Некоторые обычаи, которые он также мне сообщил, довольно интересны. Много лет путешествуя по Яве и поднимаясь для топографических работ на вершину гор и проводя у кратеров часто многие недели, он постоянно^в наталкивался на многие суеверия яванцев (которые как носильщики сопровождали его) относительно огнедышащих гор.

Например, как только он и его люди переступали границу растительности около кратера, где почва покрыта обломками лавы или пемзою, также проходя через потоки лавы, которые хотя давно остыли, но не покрыты растительностью, ни один из яванцев не оставляет свои жидкие и твердые экскременты на земле, все это тщательно собирается в бамбук и на листья и сносится потом ниже границы растительности. То же самое с кровью: если случается колоть кур или друг[ую] жив[ность], ни одна капля ее не должна упасть на землю. Поднявшись до кратера, яванцы бросают отсюда в кратер рис и что подобное как дар^г, чтобы расположить в свою пользу злых духов, жителей вулкана. Европейцев они просят бросить несколько монет с тою же целью^д. Это напомнило мне усердную просьбу взятых мною людей, когда всходил на Тернатский пик^е. Они жалобно просили не бросать ни под каким видом в кратер камней или что подобное, чтобы не рассердить злых духов, жителей вулкана. Там же существует поверие, что после каждого посещения кратера европейцами следует извержение, вероятно, вследствие того, что европейцы не исполняют обычаев.

Зашла речь о других обычаях малайцев, между проч[ими] — и об обрезании. Я хотел знать, какую именно часть срезают у девочек. Вышла разногласица. Один уверял: верхняя складка кожи над клитором; другой: конец самого клитора. Эту операцию совершают над детьми

^а *Далее затеркнуто*: с красивыми контурами.

^б *Далее затеркнуто*: их контуры.

^в *Было*: много раз.

^г *Далее затеркнуто*: или приношения для ужо.

11—12 лет, иногда моложе. У мальчиков это делают так, что кожу напьяливают и сжимают ее между двумя палочками. Через 1 1/2—2 дня кожу, выступающую из палочки, срезают. Это делается бамбуковым ножом и прищемлива[я] кожу между палочками, чтобы во время операции пациент не кричал (что запрещено религией и обычаем). «Как же с мочой в продолжение двух дней?» — спросил я. Мне ответили^a: ребенку не дают в продолжение этого времени ни пить, ни есть¹⁰.

Еще один оригинальный обычай, встречающийся между даяками на Борнео. После обрезания делают в коже вокруг *glans penis* отверстие, в которое вставляют несколько пучков щетины; когда ранка закрывается, эти щетинки совершенно вращены в кожу. Это делается, чтобы доставить большее удовольствие женщинам во время коитуса. Другой пассажир, офицер, быв[авший]^b на Борнео, подтвердил существование этого обычая у многих даяков, прибавив, что он называется там «дьюмбут» и что волосы, или щетина, выступают на 2 или 3 мм. Он сказал, что сам видел подобный *penis*¹¹. Зашла также речь об отраве, которая, как европейцы в колониях предполагают, нередко употребляется малайцами относительно их самих. Между ними есть много очень медлительных, от которых отравленные умирают много месяцев спустя. Такой яд представляют, например, тонкие и жесткие волосики, которые покрывают бамбуковые стволы у корня. Каждый день в продолжение нескольких недель прибавляют к кушанью того, кого желают отравить, по щепотке этих волосиков. Они так мелки, что незаметно съедаются, и только через много^b недель производят, и то^г мало-помалу, боль^а в желудке и кишках. Здесь все убеждены, что эта отравка ведет, наконец, к смерти, которая кончает сильные страдания. Хотя несомненно, что яванцы и знали много таинственных ядов, но теперь они нередко прибегают и к более известным, как, например, к мышьяку, который продается на каждом рынке. Мне было рассказано еще одно средство, к которому прибегают малайцы, желая отомстить какой-нибудь женщине. Перед коитусом они покрывают голову члена плевою яйца, которая во время совокупления остается во влагалище, гниет и производит злокачественные язвы, от которых женщина умирает¹².

17 <декабря>, среда. Самаранг. Вчера вечером пришли в Самаранг. Но ни один пассажир не решился съехать на берег. Прибой при этом муссоне очень силен, и нередко случаются несчастные случаи со шлюбками и шаландами около берега. Сегодня, хотя волнение было силь-

^a Было: меня уверяют.

^b Нрзб, гитается предположительно.

^b Много было исправлено на несколько, затем восстановлено.

^г Далее зачеркнуто: сперва.

^а Было: расстройство.

но, палуба освободилась от многих неудобных спутников: нескольких дам, страд[ающих] морской болезнью, и нескольких крикливых детей. Я весь день, чувствуя себя, как и предыдущий, нехорошо, провел в покойном своем кресле, которое еще в Бюйтендорге снабдил особенной подушкой для головы и столиком. Так как льда не было, то просил одного из пассажиров привезти с собой, но он вернулся только вечером.

18 ⟨декабря⟩, *четверг*. Холера была также довольно сильна в Самаранге, довольно много европейцев умерло, и все в очень короткое время; после 3, 4 часов наступа[ла] смерть. Один из пассажиров, которые присоединились к нам из Самаранга, потерял в продолжение немногих дней жену и 2 детей.

19 ⟨декабря⟩, *пятница*. Пришли в Сурабаю. С г-ном К. отправился на берег. Вдоль реки Кали Мас (Золотой реки) тянется длинная дорога, обстроенная с одной стороны домами, другая образует набережную. Проехав ряд построек, принадлежащих Адмиралтейству и порту, мы проехали мимо цитадели, потом через арабский и китайский квартал добрались до площади с ратушею. В одной из ближайших улиц я оставил г-на К., который, как большинство пассажиров, остановился в Hôtel de la Marine в нижнем городе; сам же, не желая оставаться в нездоровом квартале города, предпочел другую гостиницу, которая находится выше в городе, там, где европейцы построили дома для своих семейств и где обыкновенно живут, отправляясь^а на несколько часов дня в свои бюро в город. Эта часть Сурабаи называется Симпань¹³. Кроме маленькой комнаты, все было занято. Не желая возвращаться в нижний город, я занял ее, но вечером г-н Матцен предложил переехать к нему, что я принял.

20 ⟨декабря⟩. Целый день оставался в комнате, сидел или лежал на диване. Узнал несколько обычаев, которые между проч[ими] исчезают понемногу.

⟨1⟩) Есть вероятие, что и на Яве существовал обычай, подобный «табу» полинезийцев; например, если начальник^б деревни или какое-нибудь важное лицо входит в хижину человека низкого происхождения совершить coitus с женою последнего, то туфля начальника, оставленная у порога, запрещает мужу вход в хижину.

Есть также знаки, которые выставляются, когда обитатели оставляют свое жилище незапертым.

2) Во время первой беременности, для того чтобы роды обошлись бы благополучно и чтобы ребенок оказался бы здоровым и красивым, муж укутывается в мешок, спускается в колодезь и, окунувшись в воду, разрезает в длину и разом ножом мешок и выходит из колодца¹⁴.

^а отправляясь *гитается предположительно*.

^б Далее *заггеркнуто*: или глава.

3) Во время родов муж не колет ни одной птицы и не режет ни одного животного.

4) Во время регул женщина не должна прикасаться к мясу, которое от того портится (?), и не входит в кухню^{а 15}.

Вечером видел Дг. Джемса, который нашел состояние печени неудовлетворительным и настоятельно советовал вернуться в Европу или отправиться в Австралию. Уверял, что не выдержу путешествия в Новую Гвинею. Я решил, однако ж, иначе. Увидим! Написал вечером г-ну Л.

21 <декабря>. Отправляясь утром на пароход, я взял ночью пришедший из Бюйтендорга пакет, который, к моему удивлению, заключал дождевое пальто и, к моей радости, портрет Л.! Спасибо ей! Послал телеграмму в Бюйтендорг.

Хорошая погода. Устроился удобно в 2 каютах.

22, 23 <декабря>. Макассар. Послал рекомендательное письмо губернатору Баккерсу и получил приглашение провести у него в доме 2 дня стоянки.

Отправился в гостиницу к г. Беккари¹⁶ и, не застав его дома, остался ждать его. Послышались скорые шаги, и человек лет 30, невысокого роста, с оживленным приятным лицом, вошел в комнату. Мне было интересно расспросить его о многом. Мы вернулись на пароход, где позавтракали¹⁷. Главная задача его путешествий — собирание ботанических и зоологических коллекций. Позднее время муссона¹⁸ (апрель) помешало ему в 1872 г. спуститься к Утанате. Потом болезнь Альберт[иса]¹⁹ еще более расстроила его планы. Но он, кажется, доволен путешествием. Он отправляется теперь в залив Канари и, может, в следующем году, в октябре или ноябре, к реке Амбер, южнее Гельвинка-залива.

Вечер провел у губернатора, жена и дочь которого, кажется, кроме малайского и немного голландского, никакого другого языка не понимают.

24 <декабря>. Утром отправился к королю Гоа, который прежде, в прошлом столетии, был очень могуществен, теперь он живет в небольшой бамбуковой пристройке небольшого некрасивого каменного дома. Он был очень любезен, приглашал вернуться в месяце июне и июле, чтобы поохотиться на оленей²⁰. Насмотревшись в продолжение часа на него, его свиту и его помещение, я с радостью вернулся. Секретарь губернатора, однако же, при возвращении успел надоесть своей болтовней.

Баккерс, проведши безвыездно 37 лет в Макассаре, хорошо знает эту часть Целебеса. Не входя в рассуждения, «амок» — болезнь или нет, уверял меня, что встречается только, когда замешаны женщины или петушии бои и игра²¹.

^а Далее было нагато и загеркнуто: Встал в 6 часов, уложив вещи наши.

25 ⟨декабря⟩. В 6 часов оставили Макаassar. Беккари пришел на пароход проститься, оставил мне несколько брошюр. Г. Н.^а перевела глупые невер[оятно] письма Назимова. Жаль, что пустяки эти удостоились быть переведенными на прекрасный итальянский язык, и перевела такая хорошая женщина²².

Вечером несколько пассажиров просили меня посмотреть заболевшую женщину. Оказалась холера. Принял меры.

26 ⟨декабря⟩. Хорошая погода и красивая местность. Вечером сильный пароксизм. У женщины была холерина²³, поправляется.

27 ⟨декабря⟩. Пришли в Купанг²⁴. По болезни не мог съехать. Довольно печальный городишко, однако же, не бедный — много китайцев.

28 ⟨декабря⟩. Сильный прибой помешал съехать. Пароход вошел в проход между Тимором и о. Семоу, чтобы укрыться от сильного NW. Много дождя, несколько раз в продолжение дня. Жаль, что не видал папуасов.

30 ⟨декабря⟩. Ночью пароксизм. Женщина, больная холериною, умерла в 4 часа ночи. Бросили за борт. Голова болит, лень, хандра. Душаю часто о Буйтендорге. Целый день качка порядочная.

Делли довольно красивое местечко, много зелени, горы, порядочная гавань, отделенная от пролива рифом²⁵. Пароксизм ночью помешал мне съехать, но между людьми, которые в пирогах окружали пароход, нашелся один с характеристичною папуасскою физиономиею и волосами, которые в виде шиньона возвышались над головою. Капитан и несколько пассажиров заставили его взойти на палубу, где я его срисовал. Форма черепа оказалась долихоцефальная, цвет кожи коричневый, волоса курчавые, представляя немного большие завитки⁶ (Ringelung), чем у папуасов Берега Маклая. Толщина волос была различна, и также толщина отдельного волоса при сгибах волос была тоньше.

Интересно было бы познакомиться с обычаями этих людей.

31 ⟨декабря⟩. Завтра придем в Банду. Между солдатами еще один заболел холерою. Бывшие вчера в Делли пассажиры рассказали мне, что на днях там случилась курьезная история. Доктор, молодой человек, почему-то недовольный новым губернатором, вздумал отделаться от него, для чего подкупил солдат, чтобы они убили^в губернатора. Заговор был открыт, кажется, самими подкупленными. Доктора заковали в цепи, и он должен будет отправиться для процесса в Португалию.

В Делли хороший кофе и, говорят, отличные мандарины, которых, однако же, нельзя было достать.

^а Г. Н. — монограмма.

^б На полях карандашный набросок завитка.

^в Было: заре[зали].

Вечером пароксизм. Пассажиры забавлялись игрою в карты, шампанским и фейерверком. Я встретил Новый год в каюте при сильной лихорадке^а.

⟨1874 год⟩

Январь, 1. Банда. Утром бросили^б якорь в красивом бассейне, окруженном живописными островами Архипелага. По случаю большого холерою солдата пришлось выдержать глупый, не имеющий никакого значения, 24-часовой карантин.

2 *⟨января⟩*. Виделся с г. де-Бордес и г. Лапцем. Встретил неожиданно г-на фон Бугтенхагена из Менадо. Провел полдня у ассистента резидента. Хорошенькая Корнелия.

3 *⟨января⟩*. Утром Амбоина²⁶. На пароходе познакомился с резидентом г. ван-Бус-Лётхес, который, прочтя письмо г.-губернатора, пригласил меня жить^в у него в т. н. Бату-Гадья²⁷.

Переслав вещи на берег, перебрался вечером сам к резиденту.

4 *⟨января⟩*. Писал письма г.-губернатору, Дитриху, Фольцу и Rosenwald'у и статью об обычаях папуасов и письмо (о присылке в мае месяце) денег. Вечером познакомился с M-me Kraal.

5 *⟨января⟩*. Разбирал вещи. Вечером сделал визит. Mr. и m-me Kraal²⁸ оказались очень любезны и милы.

6 *⟨января⟩*. Отправился вечером с резидентом к г. Хуту (Hoet), который запросил за свою шкуну (12 человек) «Амбоину» 750 fl. и, кроме того, по крайней мере считая три месяца^г.

7 *⟨января⟩*. Здоровье плохо, лихорадка и боль правой стороны. Вечером зашел к Dr. Kusemann'у, порядочному человеку.

8 *⟨января⟩*. Г. Крааль прислал людей, которые были с Беккари²⁹. Давиду придется платить 25, Иосифу — 15. Вечером зашел с резидентом к другому брату Хуту — коллектору.

9 *⟨января⟩*. Здоровье плохо.

10 *⟨января⟩*. Отправился в больницу, где участвовал при осмотре публичных женщин. Оказались 3 папуаски, которых следующую субботу буду мерить и рисовать.

Вечером, возвращаясь из клуба, заблудился и промок.

11 *⟨января⟩*. Утром с г-ном и г-жой Крааль отправил[ись] в шлюбке на коралловый риф. Добыча губок изрядная. День провел над губками и перепискою словарей, вечер у г-на Кг.

^а Было: сильным пароксизме.

^б Было: пришли.

^в Было: к себе.

^г Фраза в дневнике не закончена.

Мария, 39 лет, Амбон, о. Амбоина.
29 января 1874 г.

Яннина, дер. Пассо, о. Амбоина.
29 января 1874 г.

Альбертина, 12 лет, дер. Пассо,
о. Амбоина. 29 января 1874 г.

Бангса Рохо Охорелла, 59 лет,
правитель дер. Толехо

Танцор, исполнитель «чикалеле»,
дер. Толехо

Боюсь, чтобы нога не разболелась снова, как в Бюйтенцорге.

12 <января>. Здоровье плохо.

15 <января>. Приост костей, которые подчас сильно болят, так что чувствуешь боль во всем теле, сильно вспух. Колотье и боль печени более чем чувствительны.

Днем нет положительно никакой охоты что-нибудь делать, ночью не знаешь, как лечь и повернуться без боли, не могу притом спать!

Думаю сделать завещание, г. и г-жа Кр. очень любезны и добры.

21 <января>. Вот уже более недели, как почти все время провожу, лежа или в постели, или в длинном кресле. Лихорадка, печень, кнокель курс³⁰ и раны на ногах поочередно или иногда вместе надоедают положительно.

Лень за что приняться³¹.

Второе путешествие в Новую Гвинею (1874 <год>)

Из Амбоины на Берег Ковиай в Новой Гвинее

Благодаря письму генерал-губернатора и любезности г. резидента Амбоины мне был предоставлен большой казенный кутер, так называемый крүйзбот¹, для переезда из Амбоины на острова Серам-Лаут, откуда я надеялся найти возможность отправиться в Новую Гвинею. В Амбоине я нанял для предстоящего путешествия двух слуг, амбоинских христиан: Давида Хукома², человека лет 35, как охотника и главного доверенного человека, и Иосифа Лописа, лет 28, как повара и также умеющего порядочно стрелять. Первый сопровождал уже

прежде несколько естествоиспытателей, как д-ра Бернштейна³, д-ра Розенберга⁴, и умел порядочно готовить кожи^а птиц. Вторым был в этом отношении еще homo novus^б, но открытая физиономия его мне понравилась, и я взял его, в чем потом не имел причины раскаяться. Кроме того, меня сопровождал папуасский мальчик Ахмат⁵.

14 февраля. Занятый весь день укладкой вещей, отправкою их на кутер и несколькими прощальными визитами, в 11 часов вечера я выехал из Бату-Гадья* (дома резидента). Заехал в клуб проститься с г-м Д. и был на кутере в 11 3/4 часа, так что ровно в 12 часов был поднят якорь и мы поплыли. Я сейчас же спустился в каюту и лег.

15 февраля. Отлично проспав всю ночь, проснулся очень поздно от такого толчка, что еле удержался на койке. Качка была очень сильная для небольшого судна, сидеть на палубе было невозможно, так как волны поминутно хлестали через борт. К вечеру немного стихло, и я вышел на палубу; мы проходили о. Сапаруа.

16 февраля. Вечером, около залива Хая.

Так как я уже отдохнул от последних дней в Амбоине и сплю менее крепко, чем в первую ночь, то чувствую укушения муравьев, и меня будят большие черные тараканы, пробегая по рукам и лицу.

17 февраля. Ветер совсем стих, но качка продолжается. Мы все еще у залива Хая. Живописный берег.

18 февраля. Сильная качка. Толчемся и плохо продвигаемся вперед.

19 февраля. К 8 часам утра открылся о. Гесир^б, но по случаю маловетрия и сильной качки бросили якорь около деревни не ранее 11 часов. Как только это было сделано, несколько малайских шлюпок, из которых две или три были под голландским флагом, приблизились к кутеру, и главнейшие начальники окружающих деревень, как радья** муда Кильвару, радья Амар, оран-кая Кваус, майор Гесир, приехали узнать о причине прихода правительственного судна⁸. Показав письмо от резидента, я объяснил дело, которое привело меня сюда. Сказал, что мне необходимо сегодня же малайское прау⁹ для того, чтобы отправиться в Новую Гвинею, и человек 15 или 20 людей. Я прибавил, зная характер малайцев¹⁰, податливый только в случае полнейшей необходимости, что мне нужно это сегодня же, и, не отпуская начальников на берег, стал расспрашивать и записывать, сколько каждый из них мо-

* Камень-слон — резиденция бывших губернаторов Молуккских о-вов и теперешних резидентов Амбоины, названная Бату-Гадья, потому что вода великолепного источника в парке резиденции вытекает из камня, высеченного в форме головы слона.

** Я пишу, следуя малайскому произношению, «радья», а не «раджа», которое некоторые русские авторы пишут, следуя английскому произношению слова⁷.

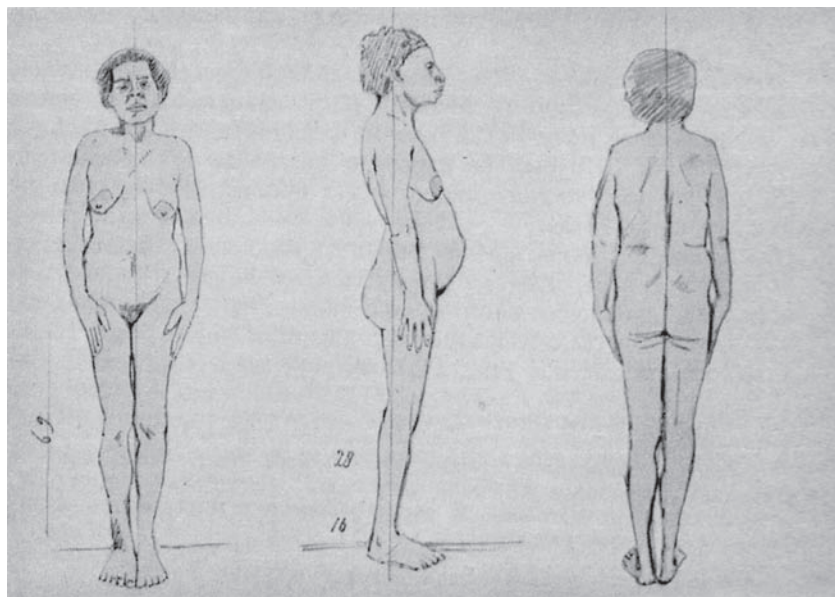
^а Кожу легко затеркнуто карандашом, вписано: шкурки.

^б Здесь — «новизна» (лат.).

Клара с о. Тернате. О. Амбоина.
8 февраля 1874 г.
Рост 146 см, высота головы 19 см,
ширина 14 см

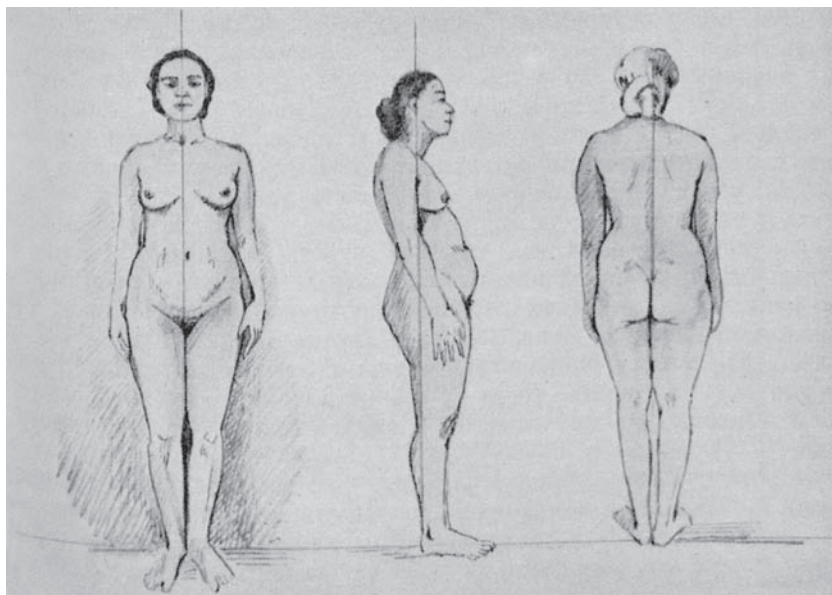
жет доставить мне людей. Я приказывал всем от имени резидента Амбоины и генерал-губернатора Нидерландских Индий. Анакода (малайский шкипер кутера), имея в виду то обстоятельство, что если я скоро найду себе подходящее судно, он будет в состоянии вернуться в Амбоину, поддакивал каждому моему слову, и мы вместе привели начальников в такое лихорадочное состояние, что они, чтобы отделаться от такого кошмара, согласились сегодня же показать мне несколько подходящих для путешествия прау и сегодня же доставить мне, если захочу, всю команду. Мне надо было выбрать «капала-оран» (главного человека над людьми, которых я хотел взять), и, оглядев внимательно физиономии начальников,

из которых один, по письменному приказанию из Амбоины, должен был сопровождать меня в Новую Гвинею, я выбрал того, чья физиономия показалась мне самую красивою и интеллигентною, несмотря на то, что к ней примешивалась значительная доля плутовства. Радья Амар, которого я хотел взять с собой, однако ж, отговорился тем, что никогда не бывал в Новой Гвинее, мало знает о ней, а главное потому, что только несколько месяцев тому назад лишился отца и только что вступил в управление своим островом. Он предлагал, поддерживаемый остальными начальниками, другого, бывшего не раз в Новой Гвинее, именно Сангила, брата майора Гёсира. Мы условились, что я к 5 часам съеду на бе-

Яванка Мавар, около 25 лет,
о. Амбоина. 7 февраля 1874 г.

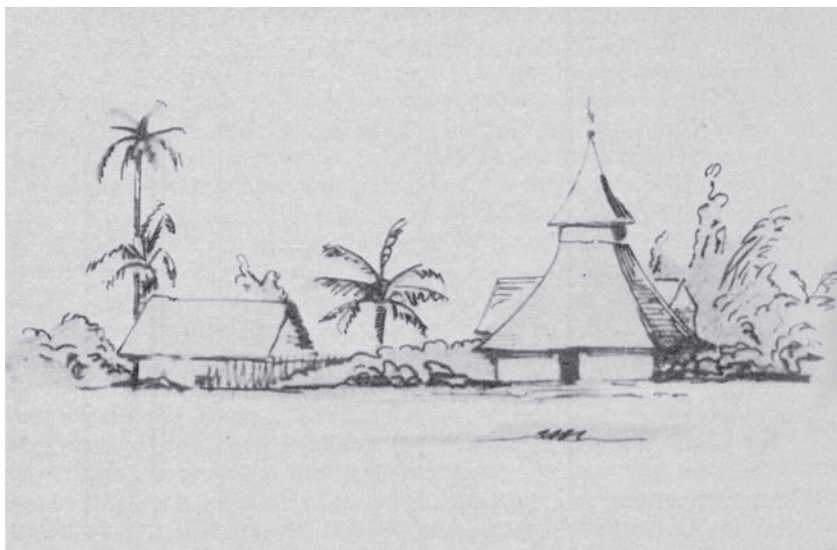

рег для дальнейших переговоров и для осмотра прау; затем я отпустил их со словами, что мне все надо сегодня же!

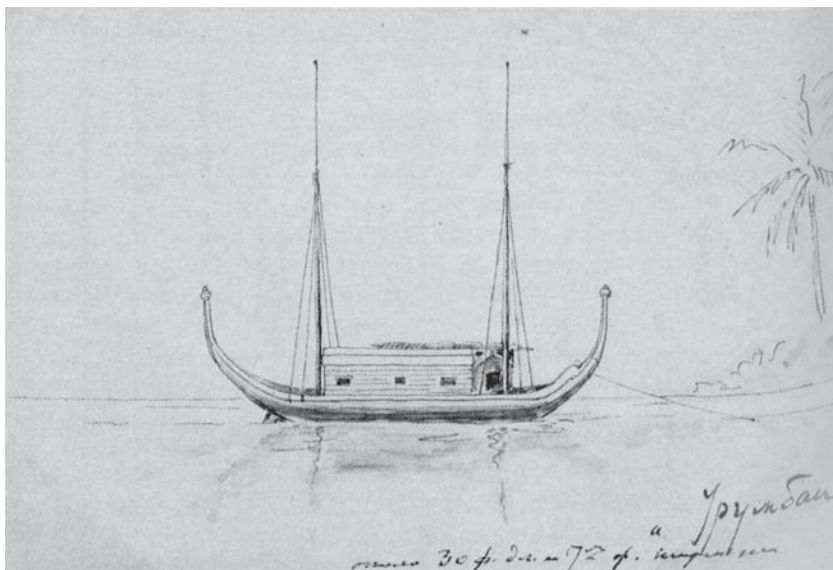
После сиесты к 5 часам съехал на берег в сопровождении анакоды и Давида и Ахмата; меня встретили майор Гесир, его брат, которого он мне представил, радья Амар и толпа малайцев. Мы осмотрели 3 прау: одна была слишком велика, другая ветха, третья, хотя очень невелика, более подходила к моим требованиям. Это был т. н. урумбай¹¹, принадлежащий дер. Гесир, которого за вознаграждение майор Гесир согласился предоставить в мое распоряжение, но в том только случае, если я возьму брата его с собою. Я поглядел на Сангиля — рожа была некрасивая, с хитрым, но не глупым выражением лица. Предпочитая иметь дело с плутуватыми, но не глупыми людьми, я почти решил сейчас же, что дело с урумбаем может быть улажено, но не сказал этого и отправился к дому майора Гесира. Здесь я собрал всех начальников, объявил им, что мне нужны 15 или 16 человек, и предложил, чтобы за известную плату за каждого они выбрали бы между людьми своих деревень по несколько волонтеров, готовых сопровождать меня на Берег Папуа-Ковиай. Майор Гесир сказал, что я могу располагать пятью из его людей; радья Килу предложил мне взять троих, радья Кильвару — двух, оран-кая Кваус — двоих, майор Кильтай — двух, майор Кефинг — троих, итого 17 человек.

Я поручил радье муда Кильвару, молодому человеку, физиономия которого мне понравилась, сообщить мне, какое количество саго, сушеной рыбы и говядины мне следует взять для прокормления людей, которых будет (считая также моих трех слуг Давида Иосифа и Ахмата) 19 или 20, в продолжение 5 месяцев. Он обещал сообщить мне смету всего нужного к следующему дню. Я объявил майору Гесиру, что осмотрю его урумбай на другой день, и простившись с начальниками, вернулся на кутер.

20 февраля. Писал письма в Европу, в Батавию и на Амбоину¹² и вел длинные переговоры об урумбае — людях и провизии для них. Съехал на берег, чтобы осмотреть снова урумбай. Величина каюты мне понравилась; люди мои нашли, что для них всех помещения было также достаточно, и единогласное мнение было, что судно подходящее и надежное для перехода. Одна из выгод было то обстоятельство, что на случай штиля человек 10 могли бы грести. Урумбай имел две мачты с обыкновенным шлюпочным вооружением¹³. Так как урумбай, будучи вытаснен на берег уже довольно давно, мог показать течь, то было положено спустить его немедленно в воду. Отправился в дер. Кильвару на острове того же имени. Был встречен моим новым другом Мохамедом, или радья муда Кильвару. Деревня была довольно интересная, но описание ее я отлагаю до другого раза. Я узнал, что мне необходимо будет

Мечеть в Гесире. 19 февраля 1874 г.

Урумбай. 20 февраля 1874 г.

Урумбай у берегов Папуа-Ковийай. 20 февраля 1874 г.

взять около 15 000 кусков саго¹⁴, затем достаточное количество рыбы и сушеной говядины, называемой здесь «турумонги». Я поручил Сангилю, майор-муда Гесир Мохамеду и моим двум амбоинцам купить, принять, сосчитать провизию, уложить ее в подходящее место в урумбае, и все это сделать без проволочек. Положено было принять провизию на другой день.

22 февраля. Урумбай подошел к кутеру¹⁵, и мои люди занялись переноскою вещей в мое новое помещение. Я продолжал писать мои письма, а после сиесты записал имена людей, которых я беру отсюда. Имена эти следующие [...]а. Таким образом, экипаж урумбая был довольно смешанный, так как между моими слугами были люди из Амбоины, бугисы¹⁷, но родившиеся на островах Серам-Лаут, полукровные малайопалуасы и двое чистокровных папуасов. Прибыв с урумбая, который утром, отойдя от кутера, бросил якорь на некотором расстоянии, Давид сообщил мне, что было принято 16 250 кусков саго, достаточно сушеной рыбы и говядины, всего на сумму 150 голландских флоринов. Я дал 20 флоринов задатку за урумбай, наем которого на время путешествия на берег Ковийай стоил 50 флоринов, и по 2 флорина каждому человеку, нанятому на 5 месяцев за 10 флоринов.

^а В РПТ здесь оставлено место для имен¹⁶.

Деревня Мар на о. Ло(а)до. 23 февраля 1874 г.

23 февраля. Кончил письма к Географическому обществу¹⁸ и частные в Европу и Батавию и, вложив их вместе с оставшимися деньгами в пакет на имя резидента Амбоины, передал его анакоде кутера, прибавив, что мне более его не нужно и что он может вернуться в Амбоину. Сам же, удостоверившись переключкою, что все люди налицо, также поднял якорь.

К 9 часам прошли мимо Мар, красивой деревушки на островке, местожительства рабы Лодо. К ночи бросили якорь около о. Горам.

24 февраля. Посетив несколько деревушек на о. Горам¹⁹, я снова отправился в путь к 12 час. пополудни и после довольно удачного плаванья пришел вечером в Ватабелла.

25 февраля. Остров Ватабелла. Даже тот, кто имеет только рудименты чувства прекрасного, должен отдать справедливость, что некоторые местности этого островка представляют очень удачные группы скал и тропической растительности. Кокосовые пальмы, бананы, панданусы, разные ароидные растения, лианы своими разнообразными формами покрывают почти что отвесные скалы и растут в ущельях, спускаясь до моря.

Когда мы подходили к острову, совсем заштилело. Из моря была вынута почти без сопротивления большая черепаха, ее потревожили в самом акте [...] ^a, самец, находившийся внизу, ушел.

Жителей в деревне немного. Между женщинами с малайским типом есть очень высокие, с прекрасными, немного выющимися волосами, но, к сожалению, с совершенно черными зубами и ртами вследствие жевания бетеля. Есть также много папуасских женщин. Между мужчинами я заметил нескольких с длинными выющимися в кольца волосами, похожих очень на таитян и вообще на полинезийцев.

^a В РПТ далее пропуск. В ПД в этом месте: в акте совокупления.

У многих были браслеты из золота и серебра. Груды у папуасских женщин такие же конические, как и у папуасок Берега Маклая. На лбу у некоторых я заметил ряд надрезов. Мне объяснили, что их делают при головной боли. Многие были заражены кожной болезнью, которую здесь называют каскадо [...] ^а.

Язык здесь отличен от диалекта Горам и даже от языка островитян Теор, Кей и Ару ²⁰. Я заметил несколько очень толстых бамбуков, 17 см в диаметре и 15 мм толщиной. Когда жара начала спадать к 4 часам, я отправился в горную деревню. Тропинка была живописна, но труднопроходима. Пришлось лазить по отвесной стене с выступами; наконец, у самой деревушки надо было подняться, взбираясь по дряхлой, изломанной лестнице ²¹. С верхней площадки вид на море великолепен; отсюда я уже мог видеть высокие горы Берега Папуа-Ковиай. Вокруг площадки стояла подюжина хижин. Несколько гробниц находилось на самом краю отвесной стены, которая опускалась высоким обрывом прямо в море. Вернулся вниз по другой тропинке.

26 февраля. При попутном западном ветре направились мы часов в 7 утра к берегам Новой Гвинеи. Крутом горизонт был обложен серыми тучами, дождь шел часто. Ветер стал крепнуть к полудню, потом, после проливного дождя, заштилело. Сильная качка была крайне неприятна. Течением нас несло на N. К заходу солнца о. Ватабелла виднелся очень ясно. К 8 часам ветер от WSW стал очень силен; пришлось взять по рифу у парусов. Ветер и волнение усиливались. Вода вливалась в мою каюту даже в окна. Ветер стал попутный. Налетел шквал, разорвал в клочки кливер; волною залило маленькую шлюпку, купленную мною в Гесире, она оторвалась и была унесена или затонула. Каждую минуту можно было ожидать, что вал вкатится с кормы и затопит урумбай. Ветер все крепчал, приходилось зажигать фонарь каждую минуту, чтобы смотреть на компас.

Ангела, Берег Папуа-Оним

^а В РИТ оставлено место для названия.

Хижина на сваях, о. Ватабелла. 25 февраля 1874 г.

В это критическое время я заметил, что рулевые совсем обезумели от страха, и при отблеске фонаря, который сейчас же потух, я увидел, что один из них лежит на коленях и, упрятав лицо в руки, молится, вместо того чтобы делать свое дело. Схватив револьвер, я пробрался к нему, поднял его голову и, приложив револьвер к его уху, сказал: «Завтра можешь молиться, теперь, если не будешь править, как следует, я тебе всажу пулю прямо в лоб». Когда выстрел раздался у самого уха, рулевой понял, что, пожалуй, мой револьвер может оказаться для него более опасным, чем ветер и волны, и стал просить, чтобы я не сердился²².

К 12 часам снова сильный шквал с дождем привел урумбай в очень серьезное положение. Кроме дождя, который лил ливнем, волны часто

заливали урумбай. Приходилось иметь постоянно несколько человек для отливки. Я не был уверен, что какая-нибудь волна не заyleт нас окончательно. Я, разумеется, не спал всю ночь. Я не мог доверять рулевым; так как все небо было покрыто темными облаками, то для соблюдения курса единственным средством был компас. К рассвету новый шквал, но не такой сильный. К восходу солнца я имел удовольствие убедиться, что, несмотря на плохую ночь, мы все-таки оказались очень недалеко, но немного на N, от мыса Van den Bosch. Затем о. Ади показался к 9 часам.

К 10 небо прояснилось и свежий W стал быстро подвигать нас вперед. Около 3 часов при сильном попутном ветре и сильном волнении мы прошли чрез пролив Nautilus, и здесь нас чуть не залило попутной волною. Зайдя за о. Ади, мы очутились как бы в большом озере. Бросили якорь. Жителей на берегу не было видно. Вечером слышно было несколько как бы человеческих криков, но я не уверен, что это были люди, а не голоса птиц. Ночью пошел снова дождь.

Калома, около 28 лет, о. Ватабелла.
26 февраля 1874 г.

Берег Папуа-Ковиай в Новой Гвинее²³ (февраль, март, апрель 1874 г.)

28 февраля. Направился к о. Наматоте. Было жарко, и ветер был сперва очень слабый от N. Отойдя от о. Ади, W и WSW стал свежеть. Горы около Triton Bay были покрыты облаками, и кругом висело много дождевых туч. К вечеру мы подошли к Наматоте. На берегу вдали показался огонек, который сейчас же скрылся; вероятно, жители испугались звука барабана и песен на урумбае, которыми мои люди воодушевляют друг друга, когда гребут. При лунном свете можно было видеть, что скалы покрыты наверху растительностью. В некоторых местах они представляли отвесные стены²⁴. По временам замечательно громкое эхо вторило звукам гонга и

голосам людей. Группы скал, покрытые богатой растительностью, были соединены песчаными перешейками, и небольшие бухточки вдавались между скалами, представляя удобные убежища для небольших судов, и действительно, серамские прау часто бросают здесь якорь.

Нас окликнула небольшая пирога. Сангиль отозвался, в свою очередь крикнув свое имя, но люди долго не признавали его голоса; однако ж, слыша понятный язык, пирога приблизилась немного, затем другая, большая, с просторною платформою, на которой сидели несколько вооруженных людей, вышла из-за другой скалы. Завязались переговоры, и, наконец, убежденные словами Сангиля и других матросов-папуасов, они подошли к урумбаю, и несколько черных фигур с громким говором влезли к нам, оставив оружие в пироге. Пока здесь шел оживленный, громкий разговор, на пироге послышалось несколько выстрелов: папуасы разряжали свои кремневые ружья, которые они зарядили на всякий случай. Два выстрелили, а третье ружье, несмотря на приложенное старание, не послушалось.

1 марта. Прекрасное утро придавало много красоты скалам и зелени островка Наматоте и красивым горам с величавыми контурами залива Triton²⁵. После завтрака, вооруженный записною книгою, зонтиком и револьвером²⁶, я отправился в туземной пироге на берег. Сангиль, вооруженный старым тесаком, и Давид с охотничьим ружьем и небольшим каучуковым ковром сопровождали меня. Папуасские пироги следовали за нами. Высадившись у кораллового рифа, я направился к нескольким хижинам, почти скрытым зеленью. При моем приближении две-три женщины с детьми бросились в кусты. Несколько человек вышли ко мне навстречу и привели к месту, покрытому циновками, где я поместился. Мне сказали, что радья муда Наматоте скоро придет.

Деревушка, в которую я пришел, почти не заслуживает этого имени. Всего там было 2 или 3 шалаша и две прау с крышею, вытащенные на берег. Шалашы были очень примитивной постройки и похожи на те, которые я видал в горах Маривелес, у так называемых негритосов о. Люсона. Несколько женщин сидели около них и приготавливали пищу. Между последними находилась одна, очень разговорчивая, из Серама, с длинными прямыми малайскими волосами, следовавшая за своим мужем-папуасом, который вернулся из Серама. Туземцы были не особенно крепки и красивы; у многих заметны были кожная болезнь и раны. Двое-трое папуасских юношей представляли, однако ж, очень порядочные экземпляры папуасской красоты. Курчавые волосы, вившиеся крупными кольцами, указывали на помесь папуасов с жителями Серама и с другими малайцами²⁷.

Показалась из-за скалы пирога с большой платформой и высокою мачтою с развевающимся голландским флагом. Несколько человек из

нее, завидя меня, поспешили вернуться к пироге, и только громкие крики окружавших меня снова вернули их. Двое шли впереди, один, одетый в красные штаны и куртку, был молодой радья Наматоте, другой, в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, рослый, с большим носом и неприятною физиономиею, — майор Мавары. Радья муда был довольно большого роста, с вдавленным носом и неприятным голосом в нос. Нос майора отличался также своею формою: внизу он был очень широк, ноздри почти одинаково высокие, как и кончик носа. Оба они были одеты в малайский костюм. Я им указал на место около меня и объяснил им, что намереваюсь поселиться здесь между ними, месяца на три, и что хочу видеть здесь горы, деревья, животных, людей и хижины их, что хочу также знать обо всем, что здесь делается.

Начались сейчас же жалобы на опустошения папуасами Онин^а и на войны между деревнями. Мне рассказали, что в январе жители о. Ади, чтобы отомстить за нападение людей Лакахиа, наняли людей залива Камрау, которые уничтожили, вырезали людей островов Каю-Мера и разогнали людей о. Айдума. Радья муда Наматоте предложил мне осмотреть его дом, где я могу, если захочу, поселиться на время пребывания на этом берегу. Я согласился, и мы пошли сперва по лесу, по очень мокрой и неудобной тропинке, потом берегом. Обогнули мысок и оказались между двумя скалистыми стенами. Здесь между кокосовыми пальмами стояли несколько хижин, из которых большая принадлежала радье Наматоте. Недалеко от этой хижины стояли две полусожженные и одна полуразвалившаяся. Две другие, с резными досками, стояли по сторонам высокой платформы из сложенных кораллов. Эти последние оказались гробницами родственников радья Наматоте. Кубическая куча кораллов была также старая гробница. В одной из хижин (гробнице) находились между травой разные вещи умершего.

Дом радья муда был построен из досок и не отличался оригинальностью постройки. Все место с сожженными и развалившимися хижинами и могилами имело запущенный и непривлекательный вид. Затем отсутствие воды (есть один источник очень плохой, полусоленой воды), малость островка как местности для охоты заставили меня совершенно отказаться от мысли поселиться здесь. Я сказал, что намерен отправиться в Айдуму. Видя, что нет возможности уговорить меня остаться жить в Наматоте, радья муда перешел к вопросу, есть ли у меня ром или gin, которые, по его словам, папуасы здесь очень любят. Я ответил на это, что пить ром нехорошо, для его людей будет лучше, если они никогда не будут пробовать этих напитков.

^а В РПТ было сначала Оним, м исправлено на н, на полях против этого слова знак вопроса. В ПД: Оним.

Отправились на о. Айдumu и бросили якорь к 4 часам около большой старой хижины. Около нее стояла другая, поменьше, как оказалось, также гробница²⁸. Ни души кругом не было видно и не слышно. Большая хижина была слишком ветха, чтобы жить в ней; поправить же ее было труднее, чем выстроить новую.

Отправился далее. Прошли мимо двух шалашей, тоже покинутых. Солнце уже заходило, когда я снова отправился на другую сторону бухты Тритон, к о. Мавара. Эти острова очень скалисты. Скалы эти возвышаются стенами и башнями и покрыты местами роскошной растительностью²⁹.

Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности о. Мавары. Маленькая хижина, окруженная зеленью, стояла между отвесными скалами. Виднелся огонек на берегу, который сейчас же потух, как только заслышались голоса на урумбае. Было довольно очевидно, что нас не сочли за прошенных гостей. Я не захотел тревожить их и приказал не съезжать.

2 марта. Утром рано отправился к хижине; при моем приближении несколько женщин выбежали оттуда и бросились в лес.

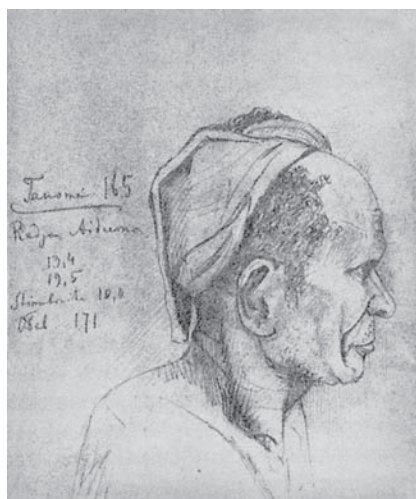
Кучи раковин лежали в разных местах около хижины, как бы показывая, что богатство экваториальной растительности не дает человеку достаточно пищи. Ему приходится голодать или собирать по рифам мизерно маленьких безвкусных моллюсков. После завтрака отправился в Лобо посмотреть на местность, где голландцы 46 лет тому назад думали основать колонию, так называемую форт Du Bus, которая просуществовала очень недолго и превратилась в кладбище со многими сотнями могил³⁰. Подъехала пирога, и вышедший из нее на урумбай худощавый длинноволосый старик оказался радья Айдума³¹, который должен был покинуть вследствие нападения людей Телок-Камрау свой остров. Он плаксивым тоном рассказал мне свое несчастье. Чтобы иметь более определенное понятие о войнах между туземцами, я стал допытываться (к сожалению, при помощи переводчика Сангиля, так как радья Айдума почти что не понимал малайского языка) о числе напавших. Оказалось, что людей Камрау было около 100 (даже и эта цифра, вероятно, преувеличена); убитых людей в Каю-Мера было 10, раненых 10 или 12. Из этого видно, что войны эти не что иное, как совсем ничтожные стычки, но несмотря на то, они — главная причина кочевнического образа жизни туземцев и малочисленности их селений, которые, как я уже сказал, очень мизерны³². Поселись они большим селением, оно скоро было бы разграблено и разорено соседями, главным образом ради добычи. Постоянные опасения быть убитым и ограбленным принуждают туземцев жить преимущественно в своих пирогах, перекочевывая с места на место. Радья Айдума захотел сопровождать меня, и его

Архипелаг Мавара. 1 марта 1874 г.

Пролив между островами Семеув и Мавара. 1 марта 1874 г.

Таномы, радья Айдумы.
2 марта 1874 г.

пирога, в которой находилась его семья, состоящая из двух женщин и двоих детей, последовала за урумбаем. Я приказал дать им рису и саго, чем радья и его жены остались очень довольны.

Почти совершенный шторм прерывался иногда довольно сильными порывами ветра; при одном из таких порывов, когда урумбай сильно и неожиданно накренило, Ахмат, сидя на невысоком борту, занятый едой, не успел удержаться, кверху ногами полетел в воду. Разумеется, он без труда был вытащен, весь мокрый, при общем хохоте. Около часа пополудни подъехали к берегу, у самого того места, где расположен был форт Du Bus, осно-

ванный в 1828 г. Местоположение очень красивое: большой, глубокий бассейн, замкнутый со всех сторон горами, расстилается у подножия живописной, очень крутой горы Ламансиери. Горы здесь так круты, и при сильных дождях в море стекает так много воды, что можно черпать пресную воду на его поверхности. Это мне сказал радья Айдума и подтвердили несколько туземцев.

Берег был покрыт высоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь 45 лет тому назад. Между туземцами сохранилось, однако ж, воспоминание о ней. Несмотря на жару полдня, я высадился около группы кокосовых пальм, и старик радья Айдума взялся показать мне остатки «фума бату оран Голланда» (каменных домов людей Голланда, или голландцев). Пройдя несколько шагов, мы наткнулись на 4 могилы туземцев, состоящих из небольших построек из кольев и «атапа» наподобие маленьких хижин (около 2 м длины, 1 м ширины и 1 м вышины). В одной из них находился еще «татумбу» (умерший). Тропинки никакой не было. Позвал Иосифа и Ахмата, которые, по указаниям радьи Айдумы, стали прорубать парангами (большие малайские ножи) путь. Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб; подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. Мои люди расчистили хворост и сухие листья,

и под этим слоем оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой, когда ее повернули на другую сторону, показалось изображение нидерландского герба³³. Сгнившее дерево столба не могло выдержать тяжести гербовой доски, которая, вероятно, уже много лет как упала и покоилась на земле. Я приказал отчистить ее и приставить в полулежащем положении к остатку столба.

Между тем Ахмат, следуя за радьей Айдумы, проложил дорогу к так называемым «рума-бату». Это были 2 четырехугольных фундамента, построенных из кораллового известняка. Большие деревья росли посреди их, и фундаменты были почти что скрыты растительностью. Несколько толстых пней когда-то срубленных деревьев пустили новые ростки и в свою очередь превратились в деревья;

они также являлись остатками бывшей здесь колонии. Было сыро и очень жарко в лесу, и так как осматривать ничего более не было, я решил идти в туземное селение, которое, по словам радьи, было недалеко; я был, однако ж, неприятно изумлен тем, что нам пришлось пройти 3/4 часа, чтобы добраться до него. Сперва надо было пройти через болото, перебираясь по корням мангров, потом через ручей, затем вверх на крутой холм, на котором была разведена небольшая плантация бананов и сладкого картофеля. Солнце так пекло и не было ни малейшей тени, так что, измученный, я спустился к двум хижинам, очень убогим, но расположенным в тени и у самого моря. Эти хижины были убежищем радьи Айдумы после нашествия людей Телок-Камрау.

Расположившись на циновке и отдохнув немного, я стал рассматривать хижину, хотя и это имя для нее слишком претенциозно. Она стояла на колях, имела очень дырявый пол, еще более дырявые стены из атапа, коры, была менее чем 1 м вышины, так что стоять в ней могли одни только дети; внутри, однако ж, были сделаны несколько отделений при помощи отгородок; небольшой навес перед хижинкой служил

Женщина с о. Айдума.
Нос пробуравлен.
2 марта 1874 г.

спальнею свиты радьи Айдума. Старик снова затянул свои lamentации³⁴ и объявил мне, что желает поселиться со своими подданными там, где я останусь. На это я не сказал «нет», потому что я не прочь иметь постоянно объекты для моих антропологических наблюдений и, разумеется, люди Айдумы, если поселятся около моей хижины, будут скоро моими слугами и могут служить мне проводниками по окрестным горам и лесам. Я увидел здесь двух так называемых вуоусирау, жителей гор Камака. Они были совсем схожи с прибрежными жителями, и один из них был светлее всех остальных окружавших его папуасов.

К 6 часам я вернулся на урумбай, и мы снялись. Заштило, так что пришлось грести всю ночь, что, однако ж, мои люди делали только от времени до времени, прерывая это занятие сном. Три пироги с женщинами и детьми следовали за урумбаем...

Местность очень живописная, жалко, что здесь легче умирать, чем жить. Между туземцами я видел устрашающие формы болезней, вероятно, занесенные сюда малайцами при их ежегодных посещениях этого берега.

3 марта. Из залива Уру-Ленгуру мы вошли в большой спокойный бассейн, затем через узкость в другой, затем в третий. Направо лежал материк Новой Гвинеи, налево — архипелаг красивых, но необитаемых скалистых островков.

Это одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага. Известковые скалы представляют большое разнообразие форм и, будучи размывы прибоем, образуют длинные пещеры до 2 м глубины. Во многих местах подмытые скалы обваливаются и, представляя среди зеленого покрова леса белые и желтые пятна, разнообразят физиономию пейзажа. Встречаются также обвалы на самых вершинах гор, и следы их заметны в виде длинных полос поломанных и вырванных обвалом деревьев. Такие полосы можно проследить в некоторых местах до самого моря. Курьезную форму представляют небольшие островки, которые от действия прибоя и размыва скал у поверхностей воды принимают вид пирамидальных грибов³⁵.

Так как этот проход между архипелагом Мавара и материком Новой Гвинеи не был еще обозначен на картах, то я назвал его на моей проливом вел. кн. Елены, в воспоминание любезного гостеприимства и нескольких приятных недель, проведенных мною во дворце ее и. в. вел. кн. Елены Павловны в Ориенбауме осенью 1870 г.³⁶

К 10 часам мы подошли к селению Мавара, состоящему из двух хижин. Мне и этот островок не понравился как местожительство. Вечером переправились на противоположный берег, в местность, называемую туземцами Айва. Я здесь, может быть, останусь, так как Айва на-

Айва, март 1874 г.

ходитя на материке³⁷, что в отношении фауны для меня важно. Место красивое, и я не нахожусь вблизи уже занятого другими участка. Меня не будут стеснять, и я не буду мешать другим.

У Давида сильно вспухла рука при значительной лихорадке. Сам я часто чувствую боль в ногах и неприятно-болезненное ощущение во всем теле.

4 марта. Не желая далее терять время, я выбрал место для хижины на уступе скалы с красивым видом на море. Так как место, выбранное мною, было покрыто лесом, то я без отлагательств приказал расчистить площадку, на которой обозначил место для будущей хижины. Сегодня ограничились площадкою и прокладкою тропинки к ней.

5 марта. Постройка идет хорошо вперед. Папуасы, даже женщины, помогают моим людям.

6 марта. Кончили к вечеру крышу и стены, остаются полы обеих комнат. Вид из моей двери и окна на острова Мавара, Айдума и др. и на море великолепен.

7 марта. На 4-й день мои люди кончили хижину. Она разделена на две половины или комнаты; состоит из передней, моей комнаты с двумя окнами и с дверью и другой, почти что вдвое большей, для моих людей. Окна в последней они нашли для себя лишними, так что свет в нее проникает только через дверь.

Моя комната имеет 4 $\frac{1}{2}$ м длины и 3 $\frac{1}{2}$ в ширину. Ставни и даже дверь опускаются сверху. Сегодня же перенесли все вещи из урумбая. Мои люди выгружали, а туземцы носили, выговорив себе в подарок две больших бутылки джину, которые я принужден был им дать, так как они отказывались от всего остального. Они так усердно помогали моим людям при постройке хижины, что мне необходимо было дать им что-нибудь, хотя я жалел, что пришлось дать джин, который я собственно привез для консервирования зоологических объектов, а не для потворства дурным привычкам туземцев. Они распили одну бутылку перед моею хижиною, сперва морщась, затем с видимым удовольствием, и стали так веселы, так кричали, пели, плясали до того, что мне пришлось предложить им отправиться к своим баракам, которые они расположили на песчаном берегу у самого моря. Но и оттуда голоса их долетали до меня, и к этому гаму они присоединили еще выстрелы из своих кремневых ружей, так что я послал спросить, что случилось, вовсе не думая, что эти выстрелы служили выражением приятного расположения духа туземцев.

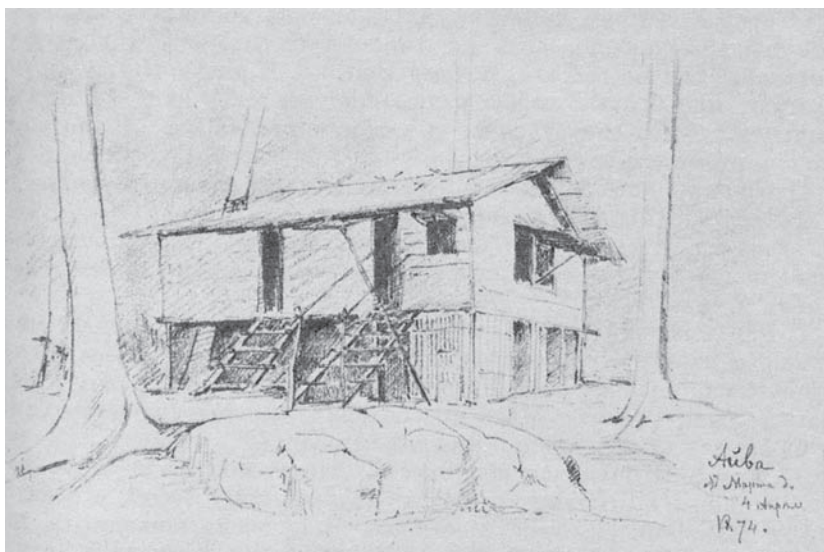
У многих туземцев здесь волосы не курчавые, а просто вьющиеся кольцами; у некоторых почти что плоские. Бывает так, что у одного отца, настоящего папуаса, дети — одни с мелкокурчавыми волосами, другие — с крупными кудрями, и всех их добродушный папаша считает своими.

8 марта. Наконец, могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день устраивался в хижине и нахожу, что помещение довольно комфортабельно. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней 5 тому назад, именно в день, когда я выбрал эту местность для постройки моей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека о. Наматоте с женою и детьми. Это случилось очень недалеко отсюда, в Телок-Бичару. Необходимо здесь быть настороже.

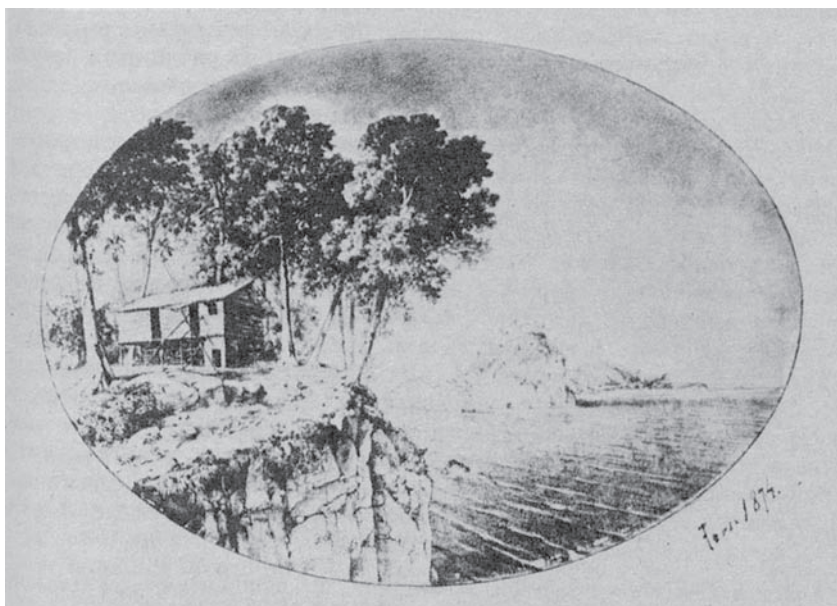
9 марта. Ночью я был разбужен криками, похожими на завывание собаки. Мне, однако ж, объяснили, что это были голоса туземцев, поселившихся на песчаном берегу в Айве, которые, боясь нападения алифуру*, перекликаются или показывают, что находятся настороже. Лил сильный дождь. Наконец, крики усилились, послышалось много голосов. Немного погодя раздался выстрел. Я встал и вынул из ящика ружье. В эту ночь, однако ж, ничего более не случилось.

Утром мне сказали, что оран-алифуру бродили всю ночь в окрестностях и один из моих серамских папуасов выстрелил из ружья, чтобы

* Оран-алифуру — название, распространенное у малайцев, жителей Сарамы, и перенятое также и здешними жителями вообще для обозначения туземцев гор или материка, в отличие от жителей прибрежных³⁸.

Домик Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Айва

Пейзаж с домиком Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Айва

немного успокоить очень уstraшенных жителей Айдума, которые к пущему страху видели чужую собаку — верный признак, по их мнению, что алифуру находятся где-нибудь вблизи и высматривают случай и время для нападения. Пришли радья Наматоте и другие начальники, просясь в отпуск на несколько дней; я согласился. Пять пирог ушли по разным направлениям.

Чувствую большую слабость в ногах, левая рука сильно болит. Она совершенно бессильна.

10 марта. Записывал слова диалектов Сёрама и Айдумы. Много слов общих. Положительно большинство папуасских слов я не мог верно произнести. Я слышал разницу, но не мог привести лагупх^a и язык в надлежащее положение, чтобы выговорить правильно папуасские слова.

Капитан Ройер, командир парохода «Этны»³⁹, говорит, что жители Наматоте и Лакахиа ненадежны (вероятно, по словам спутников своих, тидорского принца Амира и др.) и, напротив того, хвалил людей Камрау и Каймана. Теперь же наоборот, все папуасы, а за ними серамцы называют людей Камрау и Каймана разбойниками.

Я же уверен, что все они ненадежны. Туземцы здесь сами говорят, что оран-папуа убивают людей, чтобы завладеть их вещами, и тот же радья Айдума, который жалуется на нападения людей Карас и Камрау, сопровождал тидорские хонги*, чтобы убивать людей Лакахиа, жечь их хижины и разорять плантации. Этого еще там не забыли, почему Сангиль и радья Наматоте не советуют мне брать с собою радью Айдума в Лакахию, а то туземцы там будут опасаться меня или нападут на нас, желая собственно отомстить старому радье.

Последние дни дождь шел несколько раз каждый день.

11 марта. Нездоров, лихорадка.

13 марта. Ахмат болен сильною лихорадкой, жар почти не уменьшался всю ночь и в течение дня, несмотря на приемы каломеля и хины.

Охота довольно удачна: кроме трех птиц, Давид принес мне большого кенгуру, старого самца. Эти животные не влезают на деревья, как говорит S. Müller⁴¹. Я отпрепарировал скелет и сохранил сердце и мозг. Мясо превосходно. Папуасские начальники из подражания серамцам не едят кенгуру.

14 марта. Отправился посмотреть, откуда мои люди берут воду. Я пришел к небольшому озеру, окруженному лесом, а с двух сторон высокими скалами. Местность была очень живописна, но не особенно

* Хонгами называются морские экспедиции, предпринимаемые султанами Тидора и Тернате для собирания по берегам Новой Гвинеи дани, которую выше названные султаны считали себе вправе взимать⁴⁰.

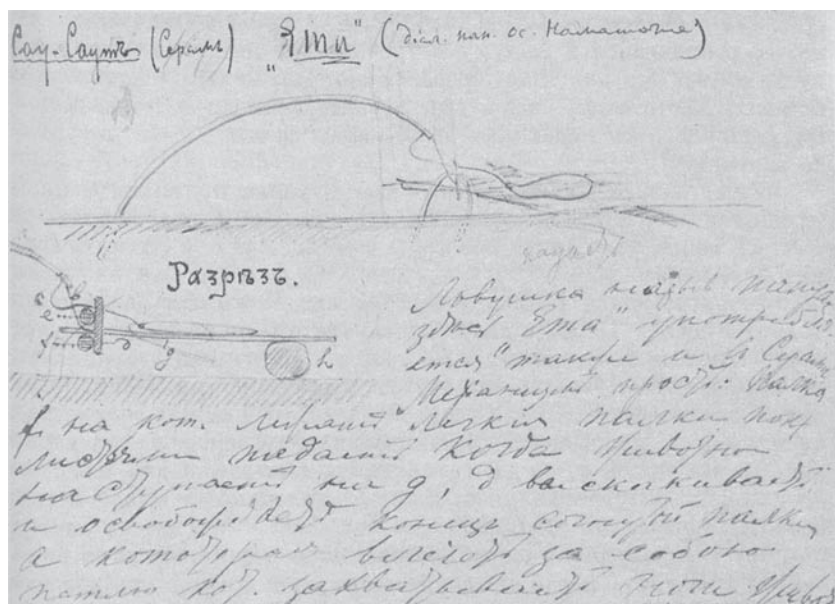
^a *Гортань* (лат.).

безопасна. Сопровождавшие меня матрос и Давид сообщили мне, что в озере много крокодилов, и не успели они сказать это, как у противоположного берега мы услышали плеск воды и увидели голову большого крокодила, который только что с берега спустился в воду. Я был совершенно без оружия, но мои люди имели в руках по большому малайскому парангу. Подвигаясь, мы стали внимательнее оглядывать края тропинки. Небольшой ручей впадал в озеро, и в этом месте мои люди брали воду, которая, хотя и была пресная, но не могла быть здоровою, протекая в болотистой местности. Воду же озера нельзя пить, так как в высокую воду оно соединяется с одним из многочисленных заливчиков.

Чтобы иметь лучший вид на красивое озеро, я приказал вырубить кусты, прилегающие к скалистому берегу, и при этом мы открыли большую пещеру, очень узкую, но высокую, с большим отверстием наверху, через которое свет падал, проникая зеленую занавесь разнообразной растительности. Во многих местах громадные куски скал, громоздясь один на другой, грозили падением. На стенах были заметны сталактиты, на других — много окаменелостей, которые я не замедлил собрать. Мои спутники наткнулись на кости, и один из них спросил меня, не кости ли это свиньи; но они были человеческие. Многие торчали между камнями, другие едва-едва были прикрыты землею. Судя по величине, это были кости женщины. Я разгреб камни и землю, ища череп, но без результата. В подобных пещерах, как мне объяснили серамды, туземцы зарывают свои более ценные вещи, боясь нападения хонги, и странствуют в своих пирогах только с самым необходимым из залива в залив; сами же они находятся в значительном количестве, готовы убивать и грабить более слабых. Так, например, в Айве брат Радья Айдума убил торговавшего здесь жителя Галела⁴², урумбай этого последнего находится на берегу. По смерти брата своего радья Айдума думает починить урумбай и употребить его при своих странствованиях. Здесь говорят, что этот старик — большой мошенник, что он не раз забирал у макассарских и серамских торговцев значительное количество товаров, а затем скрывался в далеких заливах, не думая уплатить, по обещанию, за взятые вещи. Теперь, при мне, он щеголяет под маскою большой честности.

Многие серамские матросы трусят отправиться со мною в Лакахиа — боятся папуасов, говоря что, в Гёсире я нанимал их с целью отправиться в Айдуму и требовал от них только постройку хижины. Это для меня безразлично, так как мне необходимо оставить часть моих людей для охраны хижины и моих вещей. Оставлю здесь не желающих отправиться со мною и возьму только охотников.

15 марта. Оказывается, что белые муравьи проникли в нашу хижину и забрались в несколько ящиков. Пришлось выбрать из них все вещи, разрушить все ходы муравьев и т. д. Ахмату лучше, но он очень слаб.

Эта (ловушка для птиц)

16 марта. Радья Наматоте принес мне экземпляры [...] ^a и молодого *Buceros*. Первых зовут здесь «титер» и ловят их ловушками, которые расставляют в местах, куда эти птицы обыкновенно прилетают. Ловушка эта носит у туземцев название «эта». Механизм ее весьма прост: палка *f*, на которой лежат легкие палки и хворост, покрывается листьями, падает, когда птица наступает на настилки *g*, тогда *d* выскакивает и осторожно освобождает конец согнутой палки *a*, который увлекает за собою петлю, обхватывающую ноги птицы ⁴³.

Этот род ловушек употребляется также и в Сераме, где называется «сау-саут» и где ею ловят даже оленей. [...] ^b не встречается в Сераме, но ежегодно вывозят отсюда и с других берегов Новой Гвинеи значительное число их на острова Серам-Лаут, Серам и даже Макаassar. Как туземцы меня уверяют, между полами этих голубей нет никакого внешнего отличия.

17 марта. Вчера заболевший Иосиф помешал мне отправиться в горы Камака. Сегодня ему не лучше. Радья Айдума рассказывал между прочим, что в глубь страны по реке Утанате живут люди очень неболь-

^a В РПТ оставлено место для названия. В ПД здесь: Goura Papuana.

^b В РПТ оставлено место для названия разновидности голубя.

шого роста, но большие людоеды: они даже вырывают мертвых и едят их, мозг человека им особенно кажется вкусным. Особенного названия этого племени радья не знал⁴⁴. Вечером имел визит подюжины дам с о. Наматоте; по случаю визита этого они, кажется, навязали на себя все тряпки, добытые ими от макасарских и серамских торговцев; болтливая женщина из Серама, о которой я упоминал, говорящая по-малайски, служила им переводчицей; они пришли покурить и попросить иголок.

Ахмату положительно хуже: хотя пароксизмы реже и не так сильны, но он крайне слаб, не только ходить и стоять, но и сидеть без помощи не может. Кашляет и жалуется на грудь. Не могу решиться оставить его в таком положении. Отложил поэтому отъезд до послезавтра. Досадно, время идет. Живописный вид из моего окна заставляет меня часто забывать все неприятности ежедневной жизни.

19 марта. Утром во время отлива собрал целую коллекцию губок. Одна особенно заинтересовала меня, так как она составляет положительный pendant^a моей [...] ⁶.

Ахмату не лучше. Навряд ли поправится.

20 марта. На горизонте едва заметно показался и вскоре скрылся парус. Сангиль полагает, что это урумбай из Гесира, что капитан Кильтай направляется торговать на берегу Новой Гвинеи, в Лакахию и Утанате. Приказал спустить урумбай: решил отправиться завтра. Ахмату очень плохо, он с трудом и редко говорит, не может без помощи приподнять голову. Мне его очень жаль, но взять его я не могу⁴⁵, а терять долгое время не следует. Был последние дни очень не в духе. Камака и Лакахия развлекают меня новыми впечатлениями.

21 марта. Назначив Иосифа быть главным, так называемым «капала-оран», над людьми, которых оставляю сторожить хижину, я прика-

Мальчик-папуас лет 8.
Берег Папуа-Ковиай

^a Пара (фр.).

⁶ В РПТ оставлено место для названия. В ПД здесь: Veluspa Polymopula.

зал радье Наматоте и радье Айдума также оставаться в Айве. Иосифу я оставил значительное количество хины (малайцы и даже серамцы знают действие этого лекарства и очень ценят его) и попросил его специально, чтобы Ахмат получал исправно лекарство, и позволил ему брать для больного все, что он захочет из моей провизии. Оставив моих 6 людей в Айве, я поднял якорь и отправился.

Мы опять прошли узкости и спокойные бассейны пролива вел. кн. Елены, и опять я любовался красотами пейзажа. Скалы, растительности моря представляли самые разнообразные эффектные комбинации, и опять безлюдность кругом поразила меня: единственная пирога, которую мы встретили, принадлежала одному туземцу из Лобо и его семейству, состоящему из 3 жен, на которых приходился только один ребенок; они скитались от одного пасира* к другому и на мой вопрос: «Откуда и куда?» — отвечали: «Чари маканан» (ищу что поесть). Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями маирасис, вуоусирау, не думаю, что наберется много более 100 человек. Кругом горы почти не населены; там и сям встречается песчаный берег (пасир) с кокосовыми пальмами, несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещается их семья. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из кадьян⁴⁶ (прочные циновки из листьев пандануса). Подойдя к песчаному берегу, пирога вытаскивается на берег и преобразуется в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь чари маканан — ловят рыбу, собирают хлебный плод в лесу, ставят ловушки для птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию таро и сладкого картофеля, куда они изредка заглядывают, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго.

Вечером мы подошли к островам Койра в глубине бухты Тритон. На берегу встретили несколько жителей Айдумы, которые были посланы радьей Айдума ожидать нашего прибытия. Один из них, по имени Ямба, отличался своим высоким ростом и значительной силой. Надо было здесь достать проводников, знающих дорогу к озеру в горах, так как радья Айдума и другие береговые папуасы знали озеро только понаслышке. В пироге в сопровождении радьи Айдума, его двоих людей — Ямба и Турона я отправился в Ломиру, где мы надеялись встретить несколько вуоусирау и уговорить их отправиться с нами.

[22 марта.]⁴⁷ Было великолепное утро, и при полном штиле маленькая пирога наша скользила очень быстро под самым берегом; при каждом повороте картина менялась; на отвесных бело-желтых скалах, в которых прибой вырыл себе длинную пещеру, растительность теснилась

* Песчаный берег по-малайски.

до самой линии прилива. Старый радья, сидя важно в своем желтом халате, бил в тифу⁴⁸, и ее звуки отдавались сильным эхом из глубины пещеры. В одном месте старик указал мне на небольшое углубление в скале; это была маленькая бухточка, в десятке метров ширины, наполненная подводными камнями и спереди совсем закрытая свесившейся зеленой; вода в этом тенистом, прохладном уголке была почему-то (у меня не было времени остановиться и найти причину) в постоянном движении, и плеск ее при полной тишине утра, повторяемый эхом пещеры, был слышен издали.

Старый радья сказал мне, что это место «помали» и что пирогам не следует приближаться к нему⁴⁹. Он много говорил о нем, но было трудно понять его. Я понял только то, что оно называется Намбитека и почему-то особенно опасно замужним женщинам. Мы проехали между многими небольшими островками, направляясь к юго-восточному углу бухты. Эта местность приблизительно обозначена на карте Дюмон-Дюрвиля. На голландской карте ее нет. Несколько пирог виднелись вдали, занятые рыбной ловлей. Звуки нашей тифы привлекли их внимание, и они направились к нам. За несколькими скалистыми островами виднелась бухточка у подошвы высокой, очень крутой горы Ароры. Кроме трех пирог, вытасненных на берег, мы увидели недавно построенный шалаш. Зеленые листья крыши еще не успели пожелтеть. Около костра сидели женщины. Из-под шалаша вышло несколько мужчин к нам навстречу, между ними я увидел Хукома Драмая⁵⁰, начальника вуоусирау, который был раза два у меня. Он очень почтительно подошел ко мне, изгибаясь, прикладывая руки к голове, и представил мне несколько горных жителей, вуоусирау, между которыми одного он даже называл «капитан», прибавив, что все они находятся здесь и ищут для меня животных, которых привезут мне по возвращении из Лакахиа. Я ответил, сообщив ему мое намерение отправиться сегодня же к озеру Камака-Валлар и что мне нужны люди. После нескольких возражений все устроилось, по крайней мере на словах, и я роздал табак, который привез с собою.

Название «вуоусирау» происходит от названия «Вуор», что значит «гора». Туземцы эти не отличаются от других. Разнокалиберность цвета кожи и роста встречаются у них так же, как и у береговых жителей. Между женщинами я заметил одну девочку лет около 13, большие темно-карие глаза которой с длинными ресницами могли бы удовлетворить самых взыскательных ценителей женской красоты. У вуоусирау я также увидел собак, совершенно похожих на собак Берега Маклая. Побережные папуасы собак не держат.

Я вернулся на урумбай, чтобы собрать необходимые вещи для экспедиции к Камака-Валлар. Урумбай, войдя в пролив между островами

Койра и материком, посадил меня и моих спутников: Давида, Сангиля, радью Айдума и человек 5 или 6 туземцев. Место, где мы сошли на берег, называлось Варика.

Не стану описывать подробно дорогу, узкую папуасскую тропинку, то взбирающуюся на холм, то спускающуюся круто в лодину, чтобы потом опять подняться. Корни, лианы, толстые стволы повалившихся от старости или от ветра деревьев, болотистый грунт — здесь всего этого было довольно. Через полчаса я почувствовал себя очень усталым, в ногах ощутил сильную слабость, и при каждом шаге боль в опухшем левом боку усиливалась.

Возвращение из Ломиры в открытой пироге под солнцем не прошло мне даром. Я чувствовал приближение пароксизма, но принятая незначительная доза хины (0,2 г) парализовала его силу. Ограничилось головною болью и головокружением.

В двух или трех местах мы встречали развалившиеся шалаши, временные жилища вуоусирау.

Я был рад, когда часа через два ходьбы мне сказали, что мы на вершине хребта холмов и что теперь будем спускаться. В этом месте находились два повалившиеся на сторону шалаша⁵¹. Пока мы отдыхали, а спутники мои курили, я собрал при помощи двух переводчиков, радью Айдума и Сангиля, следующие сведения: в горах далее Камака-Валлар жителей нет, что люди вуоусирау в своих дальних экскурсиях в горы следов людей никогда не видели, что по всему этому берегу единственно на горе Ламансьери и в горах Камака живут люди, что первых называют «майрасис», а вторых — «вуоусирау».

На другой вопрос: знают ли они, откуда они пришли, из какой береговой местности переселились, — было отвечено, что вуоусирау всегда жили в горах, что диалект их отличен от диалекта майрасис, но что береговые папуасы думают, что они и майрасис одни и те же люди, но живут в разных местах.

Во всяком случае, если они физически и не отличны от майрасис, то живут отдельно весьма долго, так как у них выработался особый диалект.

Мы спустились в болото; здесь все эти ночи шел дождь, почему тропинки были скользкие и мокры. Затем поднялись к покинутой плантации, где солнце меня крайне утомило⁵². Плантация была значительная; на ней стояло несколько толстых пней, срубленных метра 3—4 от земли, для чего дерево, которое желают срубить таким образом, окружается подмостками. Такой способ рубки деревьев, цель которой главным образом уничтожение тени, совершенно рационален, так как построить подмостки — труд очень небольшой сравнительно с трудом рубки дерева у корня, где работы оказалось бы втрое больше, чем на несколько метров выше.

Направление, которому мы следовали, было О и NO. За плантациями находились еще два длинных шалаша^а, напомнившие мне шалаша негритосов на о. Люсоне. Простые подставки были заменены подпорами из трех связанных тонких подставок — опять стремление к более легкой работе и сметливость.

Пошел дождь. Тропинка стала круче и хуже. Пришлось пройти, однако ж, целых 3 часа под сильным дождем, часто скользя и спотыкаясь.

К заходу солнца пришел очень усталый к 2 хижинам, с натертыми пузырями на ногах от новых смоченных сапог и очень голодный.

Меня ожидал сюрприз. Давид забыл захватить кофе и сахар, на которые в продолжение последних 3 часов я очень рассчитывал. Пришлось довольствоваться вареным рисом и сушеною говядиною.

23 марта. Проспав сносно ночь в хижине, которую опишу ниже, и за неимением кофе выпив немного безвкусной рисовой воды (отвару), я собрал принадлежности для рисования и отправился к озеру, которое находится в 5 минутах ходьбы от хижины.

Мы пришли к песчаному берегу, покрытому стволами сухих деревьев, из которых многие еще стояли на берегу, другие же стояли или лежали в воде. Далее от берега из воды виднелись одни верхушки деревьев.

Озеро было не широко, но очень длинно.

Близ берега находились два островка. Противолежащие горы, на О и NO, тянулись длинными однообразными хребтами. Вокруг островков виднелась полоса сухих деревьев, отчасти на берегу, отчасти же в воде. Обоих концов озера на S и на N, несмотря на то, что вид был обширный, нельзя было видеть. Они были закрыты выдающимися мысами. Сделав эскиз озера с берега, сопровождаемый радшей Айдумы и двумя папуасами, я выехал в пироге на середину озера. Здесь вид был иной, то есть гораздо более живописный. Высокие горы с красивыми контурами замыкали озеро, которое имело неправильную форму, много мысков и островков разнообразили его. Длина его была раза в 3 более ширины. Я полагаю, что в быстрой, легкой пироге можно бы переплыть его в длину от N на S часа в 2; обойти кругом (предполагая существование хорошей дороги вокруг) — часов в 8—10. При настоящем положении тропинок туземцы сомневались, что возможно бы это сделать даже и в 3 дня. Кроме гор на W, которые мы вчера перешли, нашлось одно более низкое место на SO между высокою горою Аророю и горою [...] ^б.

Сделав еще два рисунка, я был обрадован приобщением трех экземпляров рыбки [...] ^в, которая водится в озере. Есть еще и другая, но

^а В РПТ при правке ошибочно было добавлено: на сваях.

^б В РПТ оставлено место для названия. То же в ПД.

^в В РПТ оставлено место для названия.

ее можно словить только с помощью крючка, так как она живет в глубине.

На возвратном пути я осмотрел отвесные белые скалы, на которых виднелись две параллельные линии одна над другой; нижняя отстояла приблизительно на 150 см, другая на 3 м от настоящего уровня озера. На камнях, стволах и ветвях стоящих в воде деревьев я собрал несколько экземпляров губки. Эта находка меня навела на мысль, что Камака-Валлар было некогда заливом или же находилось каким-нибудь образом в связи с морем. Собранные раковины, отчасти живущие еще теперь в озере, делают это предположение довольно вероятным. На мои вопросы о сухих деревьях в воде и по берегу туземцы сказали, что вода озера была некогда высока и все эти деревья погибли, будучи совсем или отчасти покрыты водою, и что теперь вода в озере понизилась. Но когда вода была высока и когда понизилась, я не мог добиться.

Определив с помощью аппарата Реньо высоту уровня озера (вода кипела при 211.4° F, и температура ее на поверхности равнялась 32.5 °C), я вернулся к хижине и занялся рисованием ее и людей. Хижины, хотя построенные на сваях, были низки и имели очень плоскую крышу. Стены состояли из деревянных планок, связанных ротангом, они были не выше 1 м, так что только те туземцы, которые были малого роста, могли стоять, и то только посередине, под коньком. Мне же и это оказалось невозможным. Оба фронтона были открыты; пол сделан из планок так называемого pinang-utang^a (дикой арековой пальмы).

Хижина, в которой я провел ночь, имела посредине проход, так что под крышей были, собственно, два отделения хижины, из которых одно разделялось в свою очередь на две каморки^b. С обеих боковых сторон под продолжением крыши находились платформы для сиденья или спанья. Двери были очень малые, так что в них можно было пролезть только с большими затруднениями и совсем съезжившись. Не только стоять, но и сидеть с поднятою головою нельзя было в каморках. Так как перегородки между ними были низкие, то можно было, стоя на коленях, видеть все, что происходит в других отделениях хижины. Двери открывались в разные стороны. Было также заметно стремление к украшению: концы выдающихся брусьев были вырезаны наподобие головы крокодила, который, по словам туземцев, водился в большом количестве в озере. Несколько прямолинейных орнаментов, вырезанных и разрисованных углем, красовались на некоторых стенах.

^a Правильно: pinang-utan.

^b Фраза «Хижина ~ каморки» восстановлена нами по первой редакции РПТ. Вторичная правка текста ошибочна⁵³.

Я нарисовал портрет начальника вуоусирау, так называемого «капитана»⁵⁴, и одного из его людей (самого красивого и высокого), также портрет двух женщин: жену и дочь капитана; первая была очень мала ростом и брахиоцефальна [...] ^a, вторая — лет 14—15, но почти что развитая женщина, имела очень недурненькую для папуаски рожицу.

Смерив рост и обхват многих вуоусирау, верхние конечности которых оказались весьма длинными, я захотел убедиться, насколько диалект вуоусирау отличается от остальных диалектов этого берега. Я стал записывать слова. Чтобы сделать это вернее, перед записыванием я несколько раз произносил узнанное слово громко. Мое произношение много раз возбуждало общий смех туземцев, и я сам чувствовал, что не могу никаким образом выговорить некоторые слова. По собранным сведениям оказалось, что число всех вуоусирау не превышает 35—40 человек, включая мужчин, женщин, детей.

Мне хотелось добиться того, чего я не мог узнать утром, именно: сколько лет тому назад вода озера была высока и когда она понизилась. Я придумал для этого следующее средство. Указывая на нескольких детей, я спросил, видели ли эти дети высокую воду. Оказалось, что нет, что они родились гораздо позже. Я перешел к другим, к подросткам — также нет. Я указал на дочь капитана, которую звали Саси; на этот раз вопрос удался, отец ответил, что именно немного времени перед тем, как Саси родилась, вода озера вдруг понизилась. Смотря на эту девочку, у которой маленькие конические груди очень недавно стали расти, худощавый зад которой и ноги свидетельствовали о ее еще неполном развитии, ей нельзя было дать более 14 лет. Итак, оказывается, что приблизительно лет около 14 тому назад вода Камака-Валлар понизилась, с тех пор, по единодушному отзыву всех туземцев, вода держалась на том же уровне.

Оставались, однако ж, еще и другие вопросы. Я снова стал допрашивать людей, помнят ли они, когда вода повысилась до того уровня, на котором находилась 14 лет тому назад. Переспросил всех, никто не видал и никто не помнит рассказов старых людей о повышении воды. Самому старшему из окружавших меня вуоусирау было лет 45. Итак, снова выходит, что вода повысилась до 1825 г. Однако ж есть полнейшее доказательство тому, что вода озера находилась когда-то на гораздо более низком уровне, чем в настоящее время, метров, может быть, на 40 или еще ниже, так как одни верхушки больших деревьев виднеются на многих местах вдоль берега. И чтобы вырасти до того объема, до которого достигли ныне в воде стоящие деревья, требуется не один десяток лет⁵⁵.

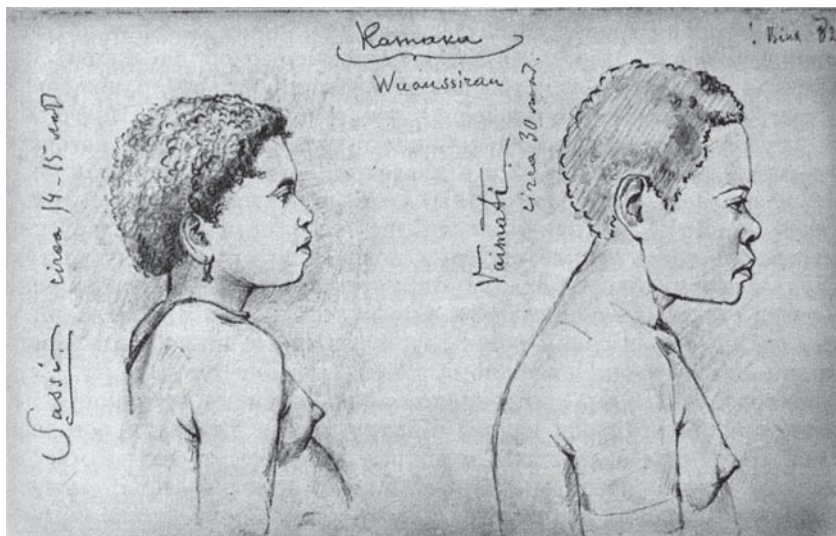
^a В РИТ далее пропуск, оставлена густой одна строка.

Хижина вуусирау у озера Камака-Валлар. 22 марта 1874 г.

Ивара и Вахенги (Ватенги?), папуасы племени вуоусирау.
22 марта 1874 г.

Сасси, около 14—15 лет, и Ваймати, около 30 лет.
Камака-Валлар. 22 марта 1874 г.

Итак, в середине прошлого столетия вода озера Камака-Валлар была на гораздо более низком уровне, озеро — гораздо меньше настоящего и берега его, находящиеся теперь под водою, покрыты растительностью.

Часа в 3 пополудни я был принужден отправиться назад к урумбай, так как ни у меня, ни у спутников моих, ни даже у вуоусирау не было что есть. Мои люди, полагаясь на гостеприимство последних, захватили с собою очень мало провизии, а у них почти что ничего не оказалось. Проплыв в пироге вдоль берега озера $\frac{3}{4}$ часа, мы очутились около плантации, где проходили вчера. Это обстоятельство значительно сократило путь; к тому же сходить с горы бывает обыкновенно легче, чем взбираться на нее. На хребте я определил при помощи гипсометра Реньо высоту его, которая равнялась [...] ^а. Вуоусирау затянули песню, воткнули себе в волосы, за пояс, за браслеты на руках и ногах разноцветные листья, и таким образом мы спустились в Варику, где нас ожидали урумбай и пироги. Я в тот же вечер отправился на старую стоянку к острову ^б Койра в сопровождении 9 пирог. Вид этой процессии был характеристичный; все наперерыв хотели обогнать друг друга, оставляя, однако ж, урумбай всегда впереди. На каждой пироге народу было много: женщины, дети, все пели и кричали, стараясь перекричать друг друга. На 3 пирогах, не закрытых крышею и где были только мужчины, одним из них был исполнен воинственный танец; стоя на платформе, он то прыгал, размахивая руками, то пел, причем крик его переходил в визг; иногда он сильно рубил воздух своим парангом или, схватив лук, пускал в воздух стрелы; иногда, набрав горсть песка из ящика с очагом, искусно бросал песок вверх.

На окружающих горах собирались черные тучи и грозил дождь, почему многие туземцы занялись «заговариванием» грозы, причем они обращались лицом к туче, постоянно грозя ей пальцем или тем, что находилось у них в руке, и что-то усердно бормотали (это очень напомнило мне подобный же обычай у жителей Берега Маклая). Даже и мои матросы-серамцы делали что-то подобное.

Вечером, отдохнув немного от прогулки, я был на берегу и видел их танцы, при которых мужчинам приходится играть главную роль; женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги, выдвигая зад, которым вертят из стороны в сторону; так как туловище наклонено вперед, то груди при этом болтаются. Последнее обстоятельство, вероятно, утомительно, почему от времени до времени женщины подпирают свои груди ладонями, но все же продолжают вертеться. При

^а В РПТ здесь пропуск.

^б Правильно: к островам.

пляске мужчин также главным образом движется средняя часть туловища; колени согнуты, руки заняты, держа тифу, ударами в которую они аккомпанируют танец; движения постоянно усиливаются, и под конец темп делается совсем неистовым и вдруг прерывается. Женщины плясали в центре, мужчины, окружая их, двигались вокруг один за другим все быстрее и быстрее.

Эта пляска мне напомнила танцы алифуру, минагаси⁵⁶ и негритосов Лимай (на о. Люсоне)⁵⁷.

Дождь заставил меня вернуться на урумбай довольно рано, но он не помешал туземцам плясать⁵⁸. Гам продолжался далеко за полночь.

24 марта⁵⁹. Ветер был неблагоприятный весь день, так что к вечеру мы добрались только до Вайкалы на северном берегу о. Айдумы. У самого берега стояла хижина или, вернее, развалины ее. По здешнему обычаю после смерти хозяина хижина его покидается; жить в ней считается небезопасным. Хижина Вайкалы оставалась уже много лет необитаемой; крыша была как решето, столбы едва держались, а пол провалился бы при первом шаге.

Мои матросы, несмотря на папуасские «помали», воспользовались старым канатом, который нашли в хижине, и несколькими досками.

25 марта. За группой островов Каю-Мера находится большой залив, который тянется сперва от N на S, затем от W на O. Острова Айдума, Драмай, Каю-Мера и окружающие их горы — пустыня. На NW довольно узкая долина, которая ведет, вероятно, к озеру Камака-Валлар. До озера недалеко, почему, как мне сказали, многие из жителей Каю-Мера находятся в родстве с вуоусирау. Мы искали жителей, стреляли холостыми зарядами (условный зов серамских гостей), стараясь открыть дымок или пирог, — напрасно, везде безлюдье. Бывшая деревня Каю-Мера была совершенно сожжена.

26 марта. Около 2 часов пополудни мы подошли к восточному песчаному берегу маленького острова Лакахиа, который бывает заселен только временно, когда, например, торговое прау бросает якорь вблизи⁶⁰. Мои люди отправились за водой на южный берег, где находится, как говорят, небольшой резервуар дождевой воды, вкус которой оказался весьма солоноватым. На песчаном берегу разбросаны кусочки каменного угля, нахождение которого здесь известно уже давно и в последний раз было констатировано комиссией парохода «Этны». Обогнув мыс Тандион-Бай⁶¹ (Cap Baudin), можно было сейчас же заметить, что характер местности здесь меняется: горы поворачивают круто на восток, следуя левому берегу залива Кируру; правый берег совершенно низмен, за исключением двух высоких островов: Бавия и Мой. Вдали тянется высокий кряж гор; из южного низменного берега поднимается только довольно высокий Тандион-Буру.

Набрав воды, мы направились вдоль низменного южного берега, пройдя ко входу залива Кируру, залив Терера и островок Ния. Берег был болотистый и покрыт мангровыми, людей мы заметили только около мыска Ваймета. В ответ на наш выстрел показался высокий столб дыма. Когда мы подошли ближе, туземцы бегали по берегу, махали снятою одеждою и бросали песок вверх, что издали казалось маленькими облаками дыма. Часа 2 люди мои перекрикивались с папуасами; несмотря на наш зов, туземцы не решались приблизиться, хотя у них были пироги; они обращались в бегство, как только урумбай двигался в их сторону. Имена «оран Серам», «Гесир» не помогали. Я вздумал испытать, не сможет ли вид белого человека привлечь их; я вышел из каюты, приказал людям замолчать и сказал по-малайски, что если они подойдут, я им дам табаку. К моему удивлению, это удалось. Сперва они приблизились незначительно, потом, собравшись с духом, подошли ближе, а затем к самому борту, но решились взойти на палубу только после того, как я поднял занавес моей каюты и они убедились, что там нет спрятанных вооруженных людей, которые могли бы убить их или увести в неволю. Удостоверившись в своей безопасности, они с криком влезли на урумбай, стали обнимать всех, громко говорить, смеяться и все-таки по временам боязливо озирались кругом. Я мог, однако ж, заметить, что эта веселость была одною маскою.

Такое недоверие неудивительно. Сколько раз этих людей грабили, избивали, увозили в рабство. Один тидорский принц Амир несколько лет тому назад увез, как говорят, много сотен людей отсюда; в январе этого года люди Камрау убили и ранили людей Каю-Мера, а женщин и детей увели с собою. Не удивительно, что каждый кажется им неприятелем. Они также в свою очередь старались отплатить без разбора всем, кто легкомысленно попадался им в руки.

Именно эта местность, берег около Лакахиа, имеет дурную репутацию. Здесь были убиты матросы капитана Кольфа⁶², много людей Серам и др.

Туземцы здесь темнее людей Наматоте и Айдума и почти что не носят малайского платья; вообще они кажутся более сильными и рослыми. Они привезли с собою сагуер; жидкость, добываемую посредством надрезов ростков гомутовой пальмы. Он был совершенно свеж и показался мне очень вкусным⁶³. Кроме гомутовой, здесь много саговых пальм. Вероятно, вследствие обильной пищи страна более заселена.

Ночь провели на якоре около о. Бавия.

27 марта. Направился к водопаду Гуру-Гуру, описанному в отчете экспедиции парохода «Этна», но здесь случилось то же, что в 1871 г. в заливе Praslin Новой Ирландии. Надо было долго искать то, что по описанию должно броситься сейчас же в глаза. Как водопад Бугенвил-

Вид гор в глубине бухты Этны. 27 марта 1874 г.

ля, так и Гуру-Гуру мне пришлось увидеть не в дождливое время, что, разумеется, оказывает большое влияние на значительность и красоту водопадов⁶⁴.

Вода Гуру-Гуру оказалась хорошею, особенно для купания — место превосходное, хотя не особенно похожее на рисунок, приложенный к описанию экспедиции «Этны»⁶⁵. Водопад находится у подножья высокой горы Бамана.

Пришли три пироги с лакахийцами⁶⁶. Они произвели на меня то же впечатление, как и вчера: именно, что они темнее жителей Айдумы и Наматоте и, вероятно, вследствие обилия пищи крепче сложены и выше ростом. Я мог заметить, что форма их носа значительно изменена обычаем пробуравливания носовой перегородки. Сравнивая носы большинства с носами нескольких других папуасов тех же или соседних местностей, у которых носовая перегородка не пробуравлена, оказывается, что конец носа у первых свислый, ноздри очень подняты и открыты и нос получил крючковатую форму, которая делает физиономии похожими на евреев⁶⁷. Может быть, вследствие законов наследственности, после нескольких поколений постоянно повторяется операция^a, при которой нос сильно опухает, носы этих папуасов сделались больше⁶⁸. К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смирно, убегая, как только замечали, что я обращаю на них внимание. Туземцы Лакахиа оказались очень недоверчивыми, и ни один не согласился следовать за мною в глубь бухты Кируру, и при первом движении урумбая вперед быстро отплыли в сторону, как бы боясь, что я силою не захватил бы кого из них.

^a По смыслу правильнее: повторяемой операции.

Пройдя узкость, мы вошли в бассейн со многими выходами. Один из них, направо, был проливом между о. Бавией и другим островом, другой пролив на О между низкими островами, третий, налево, — продолжение так называемого залива «Этны» или Телок-Кируру, как его называют туземцы. Мы подвигались на веслах до вечера по рекообразному заливу; справа берег был низкий, представляя болотистые острова, на которых росли мангровы; слева поднимались высокие горы, покрытые лесом.

28 марта. Утром после часовой гребли узкий залив немного расширился, пройдя холм на правом берегу; несколько каналов между островами, а может быть и рек, впадали в этом месте. Часам к 11 мы вошли в большой бассейн, окруженный горами. Мне показалось, что на голландской карте он представлен не таким большим, как он оказался в действительности⁶⁹. Мы направились к одному местечку, где стояли две кокосовые пальмы и виднелась полуразрушенная хижина⁷⁰.

В описании экспедиции парохода «Этны» говорится о деревне, находившейся в этом месте⁷¹. Я пошел в лес с Давидом и тремя серамцами, поднимаясь вдоль левого ската кряжа. Мы достигли хребта часа через два ходьбы. Он шел от WSW на NNO⁷². Перед заходом солнца мои люди привязали койку между двумя деревьями; над нею в виде крыши было растянато каучуковое одеяло. Не более 10 минут потребовалось на устройство бивуака. Я считаю его самым удобопереносимым, простым и здоровым при путешествиях в тропических странах. Он практичен еще и в том отношении, что подвешенная койка может годиться не только в лесу, но и в хижинах туземцев.

29 марта. К утру было ощутительно свежо, хотя термометр не спустился ниже 25 °С; перед рассветом мы слышали несколько раз шаги казуара, но ни одного не пришлось убить: птица слишком осторожна. Я отправился выше и старался заглянуть на ту сторону хребта. Кроме леса и гор, ничего не видал, притом деревья очень мешают. Надо было бы влезть на самую верхушку их, чтобы иметь возможность рассмотреть всю панораму холмов и гор этой части перешейка, который именно здесь не особенно широк.

Эта экскурсия показала мне, что лес здесь далеко не такой непроходимый и что экспедиция внутрь страны здесь не встретит затруднений относительно населения, которое в этом месте несомненно существует, о чем свидетельствуют свежесрезанные ветки кустов, которые я заметил несколько раз вчера и сегодня, а также и многочисленные тропинки. Кроме того, я был удивлен тем обстоятельством, что в этом первобытном лесу большинство деревьев были молоды, старые встречались редко. Грунт был везде — толстый слой уступчивого и мягкого гумуса.

Птиц было очень мало, за исключением одного вида *Buceros*, который встречается здесь в большом количестве.

Я вернулся к месту ночлега, где оставил вещи и людей, исключая одного, который, сопровождая меня, прорубал тропинку в неудобно-проходимых местах. В ожидании завтрака я определил с помощью аппарата Ренью точку кипения на этом месте, которое оказалось 209.5 °F. Но это место было, однако, ниже того хребта, где я был утром. Около полдня я направился к урумбаю, зная, что мои люди внизу очень боятся нападения папуасов, и полагая, что жители окрестных гор, численность которых я не знаю, каждую минуту могут собраться и, пожалуй, с недобрыми намерениями. Я спустился вниз гораздо более короткою дорогою, чем поднялся, но тропинка была по временам очень крута.

Недалеко от берега, узнав, что никаких папуасов не приходило, я позволил двум серамцам разгрести кучу *maleo* или гнездо *maleo*, имевшее почти что 2 м в диаметре и более 1 м вышины⁷³. Странное дело! Лень срубить ветвь дерева и сделать род лопаты принудила их более часа разгребать землю руками. Куча состояла из довольно рыхлой земли, температура которой была 32.1 °C, вероятно, вследствие гниения листьев, а не солнечной теплоты, так как солнце не проникает чрез зелень до земли.

Из Тимбоны я направился вдоль берега тем же путем, каким пришел вчера, желая захватить 3 черепа, которые мои люди заметили в трещине скалы⁷⁴. Мы действительно нашли место с черепами⁷⁵, но не успел один из матросов достать их и передать мне, как мы все были немало удивлены неожиданным появлением пяти больших пирога с очень значительным числом туземцев.

Была минута обоюдного недоразумения: мои серамцы, вообразив, что через несколько минут туземцы нападут на нас, очень переполошились и стали готовить ружья; с другой стороны, папуасы на своих пирогах, видя, что мы остановились, в свою очередь взяли за то же, прекратив моментально громкое пение. Между туземцами на пирогах было несколько, которых мои люди признали за жителей деревень Ваймата, Терера и Баик. Внезапность появления пирога, многочисленность папуасов, их громкое пение, а главное известная неблагонадежность жителей именно этих берегов были причиною того, что мои серамцы предположили, что пироги явились сюда с намерением напасть на урумбай. Сообразив возможность нападения, я на всякий случай приказал 6 человекам гресть, направляясь прямо к пирогам, а остальным готовиться к защите, вооружиться своими ружьями старого образца и парангами. Дав Давиду, очень меткому стрелку, мои два двустольных ружья, одно нарезное, заряженное пулями, другое — крупною дробью, я расположился сам на крыше каюты с ружьем-револьвером и скоро-

стрельным ружьем системы *Baumond*. Я предупредил Давида и людей, чтобы никто не стрелял ранее, чем выстрелю я сам, а затем стреляли бы, хорошо целясь, а не просто без толку жгли бы порох.

Мы все приближались. Из пирога папуасы могли хорошо видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики, на минуту возобновившиеся, снова смолкли, и пироги остановились. Было ясно, что папуасы совещаются. Я приказал изо всех сил гресть на группу пирог. Это обстоятельство прервало совещание папуасов; 4 пироги быстро отгребли в сторону, и только одна старалась держаться в почтительном расстоянии, но не слишком далеко от урумбая. Казалось, она имела намерение начать переговоры. Когда я окликнул ее, один из находящихся в ней людей на ломаном малайском языке стал объяснять, что он начальник дер. Ваймата и, узнав, что урумбай отправился в залив Тимбону, захотел видеть «гуан-пути» (белого господина). Я тогда пригласил его подойти к урумбаю, на что он не решался, извиняясь тем, что на других пирогах находятся начальники других деревень. Я сказал ему тогда, чтобы и другие пироги приблизились и все начальники собрались бы на урумбай. Услышав это, люди пироги стали гресть по направлению к остальным, и в непродолжительном времени все пять приблизились к урумбаю. В них мы увидели очень большое количество оружия, стрел и копий, что отчасти подтверждало предположение серамцев или же доказывало недоверие папуасов относительно урумбая.

Папуасы только тогда решились взойти на урумбай, когда я открыл по их просьбе занавес моей каюты и они удостоверились, что у меня нет людей в засаде.

Только начальникам было дозволено мною войти на палубу. От них я поспешил узнать имена окружающих местностей⁷⁶, кое-что о населении, а также удалось мне записать несколько слов их диалекта; но несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя в безопасности на урумбае, и, пока я занялся записыванием слов, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы один за другим тихонько спустились в свои пироги, и велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он заметил, что остался один. Забывая даже данный ему табак, он соскочил в свою пирогу, после чего папуасы, не произнося ни слова, усиленно стали гресть от урумбая⁷⁷.

Налетевший легкий шквал с дождем позволил нам поставить паруса и скоро отдалиться от пирог. Серамцы несколько не были успокоены визитом папуасов. Последний только увеличил подозрения моих людей; между ними находилось несколько человек бывалых, которые уже десятки раз посещали разные берега Новой Гвинеи. Они говорили, что папуасы единственно потому мирно приблизились к урумбаю, что за-

метили наши приготовленные ружья, и сделали это для того, чтобы удостовериться в числе людей на урумбае и рассчитать относительные силы. Они были убеждены в том, что папуасы ожидают теперь ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь до утра, а выбраться скорее в море. Мой же план был исследовать другие проливы, которых я насчитал несколько на левом берегу Телок-Кируру, и одним из этих каналов я желал вернуться к морю. Доводы моих людей одержали верх, и я нехотя согласился исполнить их убедительные просьбы, соображая, что папуасов 50 человек, а нас всего 13, и ночью шансы были не на нашей стороне, так как схватка была бы рукопашная, причем ружья мало бы помогли. Они одолели бы нас своею сравнительною численностью.

Серамцы были так убеждены в опасности, что замечательно усердно, без понуканий, гребли всю ночь, и, пользуясь отливом, к рассвету урумбай бросил якорь у выхода из залива Кируру.

30 марта. Проспав порядочно всю ночь, я был немало удивлен, когда увидел, что мы качаемся на якоре в виде дер. Ваймата, о. Лаахиа и других знакомых мест⁷⁸. Весь день старался я войти в сношения с туземцами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню.

Мелководье не позволило урумбаю подойти к берегу; нежелание или боязнь папуасов подъехать к нам не дали возможности съехать на берег. Здесь мне пришлось пожалеть о потере шляпки, купленной в Гесире и затонувшей во время перехода с Ватабелло в Новую Гвинею.

Далее на юго-восток от залива Лаахиа берег Новой Гвинеи не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок⁷⁹. Большое волнение при свежем ветре и сильный прибой у берега представили серьезные неудобства продолжать путь на юг, главным образом при малости урумбая и ненадежности вооружения его. Я поэтому решил вернуться в Айву⁸⁰ и заняться исследованием Телок-Камрау и Телок-Бичару.

31 марта. Обогнув Тандионг-Бай (Cap Baudin), при значительном волнении мы вошли в Телок-Каю-Мера, где мои люди обратились ко мне с просьбою позволить им отдохнуть после двух утомительных дней.

1 апреля. Мои люди были заняты ловлею рыбы и собиранием ракушек, так что только к 3 часам пополудни мы подняли якорь и вышли из Телок-Каю-Мера в открытое море. Все люди, за исключением Сангиля и Давида, должны были грести изо всех сил, чтобы обогнуть высокий и живописный мыс, который на своей карте я назвал Мыс Лаудон в честь генерал-губернатора Нидерландских Индий. Прибоем нас несколько раз едва-едва не выкинуло на скалы, и часу в 11-м ночи мы бросили якорь у о. Драмай.

2 апреля. Ветер был противный, почему пришлось гресть весь день вдоль берега о. Айдумы; я решил переночевать около Вайкалы⁸¹.

Вот что я узнал от туземца в пирог. Папуасы малой колонии в Айве, полагая, что благодаря моему соседству они будут в полной безопасности, перестали быть постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении. В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальники и большинство мужчин не находились в селении, а другие по случаю дождя спокойно спали, одни в своих пирогах, другие в бараках, внезапно, без всякого лишнего шума, появилось множество папуасов-врагов (жителей из бухты Бичару). Они все были хорошо вооружены, и, чтоб придать себе более страшный вид, их лица были окрашены черною краскою. Застав маленькое поселение врасплох, они бросились на спящих мужчин, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье Айдумы, который был в отсутствии. Дома спали его жена и дочь (хорошенький ребенок лет 5 или 6). Хотя и раненная двумя ударами копья, бедная мать нашла, однако ж, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Другие туземцы колонии последовали ее примеру, по крайней мере те, которые не были слишком тяжело ранены, чтобы добраться туда; таким образом, моя хижина стала центром свалки. Число нападавших было около сотни, между тем как в Айве не находилось более дюжины мужчин, но много женщин и детей.

Разумеется, люди Айдумы были совершенно разбиты. Мои семь слуг не помогли им, боясь быть убитыми вследствие такого заступничества. Победители не удовольствовались тем, что ранили и убили около десятка людей Айдумы (мужчин и женщин), но, убедившись, что раны жены радьи Айдумы были смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукою была нанизана на копье и с торжеством унесена в горы. Впоследствии я узнал, что причина этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийств начался грабеж моих вещей, который продолжался до трех часов пополудни; тогда горные туземцы отправились в обратный путь, неся как трофей голову ребенка, уводя с собой в плен двух молодых девушек и мальчика и унося, сколько могли, вещей, награбленных в моей хижине⁸².

Между тем один из моих людей, Иосиф из Амбоины, не совсем потерял голову. С помощью двух других он отправился в маленькой пироге к большому падуакану (большой торговый прау из Макассара), пришедшему недавно для меновой торговли с туземцами этого берега. Он убедил анакodu туземной прау послать шлюпку с вооруженными людьми для того, чтобы спасти по крайней мере часть моих вещей. Они прибыли в Айву к вечеру и застали людей Наматоте и Мавары

занятыми разборкою и дележом добычи, т. е. моих вещей. Утомленные дневными приключениями, туземцы при виде вооруженных людей не стали сопротивляться, когда мои слуги и люди из Макассара собрали несколько остатков из моих вещей, отнесли в шлюпку, которая вернулась к падуакану⁸³.

Несмотря на всю неожиданность и неприятность известия, оно меня скорей заинтересовало и рассердило, чем сколько-нибудь смутило или напугало. Мое решение вернуться в Айву уже принято, почему, несмотря на усталость людей и их возражения, я заставил их грести всю ночь в канале между островами Мавара и Симеу.

3 апреля. К рассвету мы были в Маваре; я отправился на берег, в этот раз вооруженный, так как опасался, что люди Мавары, также грабившие мои вещи, могут отнестись не особенно дружелюбно к моему визиту. Я хотел видеть капитана Мавары, физиономия которого мне никогда не нравилась и которого я считал вместе с радьей Наматоте главным виновником убийств и грабежей. Я отправился к его хижине, но там никого не нашел, кроме двух баб, сильно испуганных, забившихся в хижины, и нескольких плачущих детей. Я был почти что убежден, что капитан и другие туземцы-мужчины, не ожидавшие моего появления, попрятались где-нибудь поблизости, может быть, опасаясь, что я сейчас же примусь за расправу, и, увидя меня вооруженного, убежали в лес, как только я соскочил с урумбая на берег.

Расправляться с ними пока я не хотел, тем менее с женщинами и детьми, почему, не добиваясь от них ничего, вернулся к урумбаю и направился далее к о. Наматоте, где, по словам встреченного нами туземца, находился падуакан и мои слуги. Скоро можно было различить падуакан, стоящий под берегом о. Наматоте, в проливе, отделяющем последний от материка. Нетерпение моих людей по мере приближения к нашей цели возрастало, и последние полчаса гребцы исполняли хорошо свое дело. Когда мы были уже недалеко, от падуакана отделилась шлюпка, где сидели Иосиф Лопец, Ахмат и один из моих людей из Серама. Я был рад, что Лопец догадался приехать, так как единственно от него я мог узнать приблизительную истину из всего происшедшего; как только шлюпка приблизилась, я позвал его в мою каюту; он схватил мою руку и казался очень растроган; когда же вошел Давид, его земляк, он бросился обнимать его и чуть не плакал. Когда он более или менее успокоился, я приказал ему рассказать все, что он знает, прибавив, что я уже слышал многое, но желаю узнать от него подробности.

Его рассказ оказался во многом отличным от уже слышанного мною, что было совершенно естественно, потому что туземца вчера я не мог расспрашивать иначе, как через переводчика, человека из Серама, а последний имел причины, как оказывалось, не переводить всего,

что было ему передаваемо. Лопец начал свой рассказ с жаром, уверяя, что вся афера была сделана сообща людьми Бичару, Наматоте, Мавары и оставленными мною людьми Серама. Частная месть была причиною убийств жены и дочери старика радьи Айдумы. Зная это и прельщенные добычею моих вещей, которых хватило всем, люди Наматоте, Мавары вместе с моими слугами из Серама решили пожертвовать семьею и друзьями старика Таноме, радьи Айдумы, ограбить меня и свалить всю вину на людей из бухты Бичары. Иосиф был в этом вполне убежден, уверяя меня, что когда он услышал крики и гвалт схватки на берегу, он роздал амуницию, порох и пули всем нашим людям, чтобы встретить нападающих; люди мои действительно принялись стрелять, но, как уверял Иосиф, стреляли одними холостыми зарядами, и не потому, что боялись быть убитыми жителями Бичару, а просто потому, что были в стачке с ними. Это мне показалось совершенно правдоподобным, так как я не сомневался, что восемь человек, вооруженных ружьями, без особого труда могли обратить в бегство сотню туземцев, вооруженных копьями, если бы они действительно стреляли пулями и дробью.

〈6 апреля〉⁸⁴. Радьи Айдумы и Наматоте старались всеми силами нравиться мне: пожимали беспрестанно мне руки, изъявляли желание всюду следовать за мной, предлагали собрать всех папуасов в Вайкалу или куда только я пожелаю.

Серамцы просят в свою очередь не верить ни одному их слову и видят новые сети.

Восемь человек моих людей — серамцев больны лихорадкою. Вечером Иосиф пришел сказать мне, что оба радьи говорят моим матросам, чтобы они за себя не боялись, что им никто ничего не сделает. Серамцы этому верят, но сильно трусят за меня или, вернее, за самих себя, полагая, что в случае, если меня здесь убьют, им достанется от голландского правительства, когда они вернутся домой.

7 апреля. Измерил череп, который взял с гробницы на о. Наматоте и который оказался очень интересным, имея индекс ширины, равный 62; я смерил его 2 раза, думая, что в первый раз ошибся.

8 апреля⁸⁵. Анакода приехал сказать мне, что вследствие последних событий он боится остаться здесь, что торговля в этом году плоха и что он предпочитает поэтому отправиться на острова Кей или Ару. Я приготовил 2 ящика с препаратами в спирту и черепами, которые хочу отправить с ним, и дам ему несколько писем для передачи первым голландским властям, которые встретятся. Одно будет адресовано генерал-губернатору⁸⁶ в Батавию с кратким изложением случившегося и сообщением моего решения остаться здесь.

Между похищенными или разбитыми вещами находились, между прочим, две банки с хиною. У меня остается одна неполная, почему

приходится весьма экономно обходиться с приемами. Между моими людьми очень много больных: из 16 матросов только 4 здоровы.

11 апреля. Отправился, наконец, на о. Айдуму⁸⁷. Выбрал будущим местом жительства Умбурмету, положение которой мне кажется более здоровым в сравнении с Вайкала⁸⁸. Когда выбирал вечером место для моей хижины, серамбы стали снова ворчать; я сейчас же прекратил это ворчание, заявив опять, что в хижине жить я буду один, а они все могут оставаться ночью и даже днем на урумбае, а что, если им и этого мало, то пусть отправляются домой, а я один останусь здесь. После этого недлинного объяснения, которое я постарался сказать, не повышая голоса, снова слышались уверения в преданности и полной готовности слушаться. Пользуясь моментом, я заставил обещать мне начать постройку хижины завтра с рассветом и построить ее как можно скорее, так как жить на урумбае в маленькой каюте мне очень надоело⁸⁹.

12 апреля. Я еще не встал, т. е. не было и 5 1/2 <часов>, как партия серамбев съехала на берег, чтобы до завтрака вырубить нужный материал для будущей хижины. Позавтракав, я съехал на берег и назначил на месте, которое Иосиф с одним из серамбев уже расчистили, и размеры хижины. Так как эта хижина будет служить мне только для ночлега, а днем — для письменных занятий, все же мои вещи останутся на урумбае, то размеры ее могли быть очень небольшие. Я назначил всего 3 м в ширину на 4 <м> длины, как раз достаточно помещения для койки, в которой буду спать, для стола и для стула⁹⁰. Люди работали очень хорошо, так что завтра кончат хижину.

13 апреля. Хижину действительно кончили. Я провел целый день на берегу, следя за работой, и к вечеру так устал, что отложил переселение до завтра.

*15 апреля*⁹¹. Переселился вчера и провел ночь уже в хижине⁹²; она такая дырявая (со всех сторон и снизу; сверху, однако ж, не протекает), что вечером нельзя зажечь свечки или приходится зажигать десяток раз в минуту, но это ничего; скверно то, что спать холодно. Умбурмета⁹³ благодаря моему поселению, как и Айва, становится оживленной, но в Айве от песчаного берега, где вытянуты были на песке папуасские прау и где туземцы строили себе временные шалаши, до^а моей хижины было далеко; здесь же с моей веранды я могу видеть весь берег и все, что на нем происходит. Сегодня пришли 6 папуасских пирог с кучею народа. Вечером, просидев целый день над кое-какими анатомическими работами, я вышел на веранду и любовался игрою мальчиков и юношей на песчаном берегу. Был отлив, почему они имели большое пространство для своих игр. Они играли в войну: бросали друг в друга песчаные

^а В РИТ: ддя.

Умбурмета

пули и легкие палки вместо копий. Главное искусство состояло в том, чтобы бросить ком песку или копье и потом быстро увернуться, броситься в сторону или на землю или прыгнуть высоко и избежать тем копия, направленного в ноги. Трех- и четырехлетние мальчики участвовали в игре, которая очень интересовала 14- и 15-летних юношей. Здесь, как и в других местах Новой Гвинеи, дети замечательно рано начинают упражняться в попадании в цель: они бросают чем попало и во что случится и достигают в этом большой ловкости.

Имел с Давидом и Иосифом серьезный разговор. Я начал с того, что спросил их: побоятся ли они остаться здесь со мною, если я позволю урумбай вернуться в Серам? На что они оба ответили очень положительно, что боятся, потому что папуасы готовы здесь убить человека из-за пустой бутылки или старой тарелки. Они прибавили, что это общее мнение, что на них невозможно положиться и что серамцы, несмотря на общую выгоду сохранить мирные отношения, трусят каждую ночь, боясь неожиданного нападения. Если мы останемся здесь вчетвером, то есть я, Давид, Иосиф и Ахмат, то нам не сдобровать. Затем оба прибавили, что у каждого жена и дети.

Вследствие этого разговора я принужден был задержать урумбай⁹⁴.

Часов в 10 вечера пришла пирога⁹⁵ с людьми Айдумы с очень интересным известием, оправдавшим предположения моих людей и подтверждающим выраженное ими мнение, что здесь невозможно полагаться на туземцев. Известие состояло в следующем: на днях (кажется, вчера) около 300 человек из горных деревень около Телок-Камрау, преимущественно из деревень Мамай, Рина и др., приходили действительно в Айву с намерением убить меня и разграбить окончательно вещи. Эта экспедиция очень разочаровалась, найдя в Айве одни обгорелые столбы вместо хижины и людей.

Темная ночь; серамцы, как говорит Давид, очень встревожились известием и очень трусят. Давид просил меня не спать здесь, а вместе с моими людьми в урумбае. Я не согласился.

17 апреля. Опять тревога. Новое известие, пришедшее к вечеру. Говорят, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на меня ночью или на рассвете и, если придут, то, вероятно, в значительном числе. Мои люди так встревожены, что ожидают нападения непременно в эту ночь — ведь у страха глаза и уши велики, а главное, страх заразителен. Мне кажется по временам, что все происходящее вокруг меня я вижу во сне, а не наяву.

Я, разумеется, постарался ободрить моих людей и даже успел расшутить их всех, спросив, каким образом они думают, что горные жители попадут сюда, не имея пирога: или же станут гоняться за урумбаем по морю? Я наотрез отказался перебраться из хижины на урумбай. Приходится, однако ж, при общей тревоге и возможности нападения лечь спать одетым.

*18 апреля*⁹⁶. Рисовал портреты туземцев, выбрав не особенно красивые или безобразные физиономии, а именно те, которые подходят всех более к общему типу. Надо сказать, что вообще разнообразие физиономий вследствие разнородной примеси здесь гораздо значительнее, чем, например, на Берегу Маклая, даже у здешних горных жителей, как, например, вуоусирау. Во всяком случае, форма носа не может считаться характеристичною чертою, как того хотят антропологи, не выезжавшие из Европы и делящие род человеческий на расы, сидя в удобных креслах в своих кабинетах. Между папуасами здесь (я разумею собственно тех, которые не представляют заметного характера смешанной расы) можно встретить носы плоские, приплюснутые, прямые, крючковатые и, наконец, такие, у которых кончик носа свешивается низко над верхней губою.

*<19 апреля>*⁹⁷ Видел сегодня и осмотрел внимательно на днях родившегося папуасского ребенка. Передняя часть тела, руки и лицо были значительно светлее сравнительно со спиною и лбом. Тело было желто-розоватое, с примесью сероватого тона. Волоса — выющиеся

большими кольцами. Меня уверяла мать ребенка, что отец его — ее муж, но при отношениях здешних женщин к серамцам, макассарцам и другим посетителям антропологу, если он не желает ошибиться, не следует верить их рассказам. Сомнение это сильно уменьшает значение и вес наблюдений.

Мои слуги Давид и Иосиф сделали сегодня очень серьезное и далеко не приятное открытие. Оказывается, действительно, что мои же люди воспользовались грабежом моих вещей в Айве и вместе с людьми Наматоте и Мавары расхитили их, а также вещи моих слуг (Давида и Иосифа), после того как люди из Телок-Бичару ушли к себе. Некоторые из этих вещей были замечены сегодня в татумбу (род корзины) одного из серамцев, именно Стенберга, много других (моих же вещей) были променены им на масой⁹⁸. Это наглядно доказало, что мне нельзя доверяться не только папуасам, но даже и своим людям. Последние дни дул свежий W и WNW и волнение было значительное.

21 апреля. Под утро был разбужен криками, которые произвели общую тревогу. Оказалось, однако же, что причиною тому была небольшая прау, пришедшая из Горам. Матален Сенгрия с о. Горам, анакода пришедшей прау, и несколько человек горамцев пришли ко мне с визитом и сказали, что прибыли сюда, надеясь встретить на этом берегу анакоду Чечонэ, чтобы торговать его товаром и, узнав, что падуакан Чечонэ уже покинул этот берег, они думают вернуться назад в Горам.

Мои люди снова сильно перепугались. Множество пирог показались у мыска. Сейчас же было предположено, что люди Наматоте собираются напасть на нас, и когда все пироги снова, вместо того чтобы идти вперед, вернулись и скрылись за мысом, в этом обстоятельстве было найдено подтверждение, что это случилось вследствие неожиданного прихода прау из Горам. Все это может быть и правда, а может быть — и даже вероятнее — чистая выдумка. Серамцы так возбуждены, что во всем готовы видеть неминуемую опасность.

Смерил очень аккуратно головы нескольких мальчиков.

22 апреля. Охота бедна, беднее, чем на материке, в Айве. Присутствовал при бракосочетании Тагара с дочерью старого радьи Айдума. Это был совершенно простой торг. Тагар купил ее за ружье, ценность которого на о-вах Серам считается десять флоринов; в придачу был дан кусок белой бумажной материи в 2 1/2 флорина, итого 12 1/2 флорина, что составит [...]а Тагар должен, однако же, ждать до следующего муссона, чтобы взять жену в Серам⁹⁹. Она, впрочем, девица не слишком юная, на вид ей за 20, что здесь далеко не первая молодость. До Тагара она, разумеется, имела уже не одну связь, и сегодня утром я был

⁹⁸ В РИТ далее пропуск.

немало удивлен, получив приглашение на их свадьбу, так как я считал их уже давно мужем и женою, что и было *de facto*, а сегодня сделалось *de jure*.

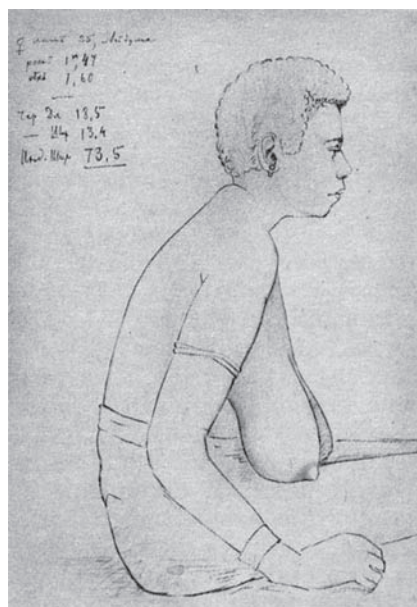
23 апреля. Встал рано, думая отправиться на охоту с Давидом. Пока я пил кофе, любуясь видом гор при утреннем освещении, Иосиф рассказал мне, что ночью была снова большая тревога. Пришла какая-то пирога из Мавара; когда ее окликнули, она хотела удалиться; он, Иосиф, звал меня с урумбая, но я, видно, спал, так как ничего не ответил. Я действительно спал очень крепко прошлую ночь, и все, что Иосиф рассказывал, было для меня новостью. Иосиф прибавил, что капитан Мавара — одна из главных лич-

ностей, которая грабила мои вещи в Айве, и вообще причина происшедшего там находится именно в той пироге, которая прибыла ночью. «А рады Наматоте там нет?» — спросил я. «Не видал», — отвечал Иосиф. — «Очень жаль, хорошо было бы захватить их обоих». Иосиф посмотрел на меня очень вопросительно. Я сам не знал, что предприму, однако ж, решил не выпустить живым этого человека. Не следовало терять времени: я послал Иосифа за Давидом, а сам допивал кофе, обдумывая, как удобнее все устроить.

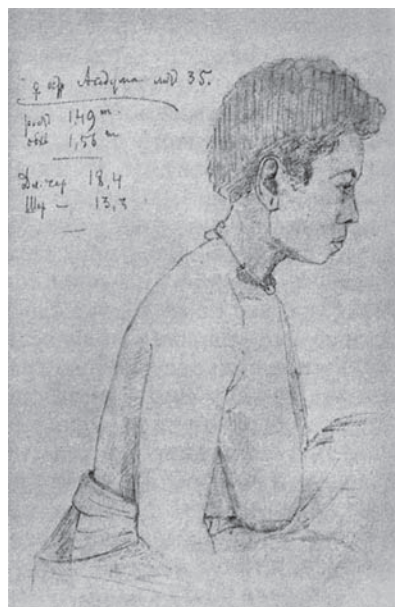
Давид явился, и я объяснил ему в двух словах, что решил взять капитана Мавара живым или мертвым, что нам не придется после этого долго оставаться здесь и чтобы он зарядил все ружья, пока я соберу мои бумаги и книги. Наша работа шла быстро; и когда двое из серамцев пришли с Иосифом, мои бумаги, книги и белье были уже уложены мною. Иосиф объявил, что не ошибся и что капитан Мавара находится в пироге. Я приказал Давиду оставаться при ружьях, Иосифу идти со мною и, обращаясь к Мойбириту — чистокровному папуасу, который почему-то всегда весело и беспрекословно исполнял мои приказания, спросил: «А, ты боишься идти со мной или нет?» — «Нет, — отвечал он, — если ты пойдешь первый». Я указал ему на крепкую веревку, надеясь, что не револьвера, а веревки будет достаточно для капитана Мавары.

Ивотей с о. Айдума

Женщина лет 25 с о. Айдума

Женщина лет 35 с о. Айдума

С веранды я мог видеть положение всех и каждого и невольно заметил весьма значительное число папуасов сравнительно с моими людьми; хотя я их не считал, но полагаю, что их было раза в три больше нас. Промелькнула мысль: «А ну если все они кинутся защищать капитана Мавары?» Хотя я не сомневался в исходе дела даже и в таком случае, но мне жаль было допустить возможность резни, в которой все-таки я буду виновен. Но это была только минута; я припомнил вид моей разграбленной хижины в Айве, лужи крови, несчастного ребенка на моем столе и кровавые следы ее матери, убитой также в моей комнате. Жаль, что другого нет, подумал я, и вернулся в комнату. «Так пойдем, — сказал я ожидавшему, — никому ничего не говорить, не кричать, а слушать и делать, что прикажу». Вышли как ни в чем не бывало.

Разумеется, ни у кого на песчаном берегу, кроме меня и моих людей, не было даже ни малейшего понятия о том, что произойдет; только Давид и Иосиф знали, что я возьму или убью капитана Мавары, но как — этого даже и я не знал и считал — безразлично, так как взятие его было решено. Большинство людей занимались приготовлением завтрака; мои серамцы завтракали в урумбае, только немногие были на берегу, любезничая с молодыми папуасками и выбирая себе невест.

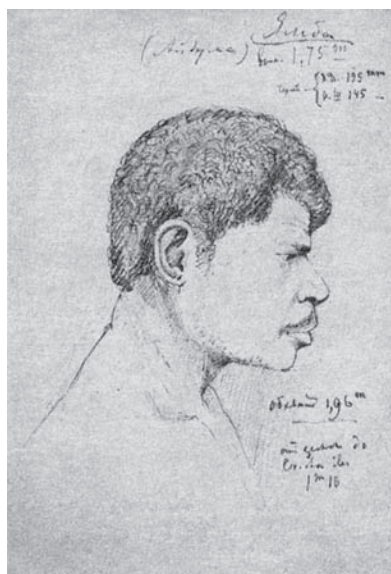
Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге, где притаился капитан Мавара и боялся показаться. «Где здесь капитан Мавара?» — спросил я не особенно громким голосом. Ответа не было, но все голоса затихли и много физиономий обернулись, как бы ожидая чего-то. «Капитан Мавара, выходи», — повторил я громче. Общее молчание. Я совсем подошел к пирогу. «Выходи же», — были мои последние слова. Тут я сорвал циновку, служившую крышей пирогу. В ней действительно сидел капитан. «Слават, туан», — произнес он дрожащим голосом. «Так это ты, который грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау! Где теперь радья Наматоте?» — «Не знаю», — еще более слабым голосом произнес этот человек, который был

Маус, 17 лет, с о. Айдума

вдвое или втрое сильнее меня и дрожал всем телом. Все папуасы и мои люди окружили нас. «Смотри за людьми», — шепнул я Иосифу, а сам схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбириту связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал: «Я беру этого человека, который грабил мои вещи в Айве, помогал людям Камрау, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину, а который расхитил, что было в ней, допустил, чтобы в моих комнатах убили женщин и детей. Возьмите его сейчас же на урумбай. Мойбирит и ты, Сангиль, как начальник моих людей из Серама, будешь отвечать за него»¹⁰⁰.

Мне казалось, что следует покончить дело как можно скорее, а главное, не позволить, не дать времени людям опомниться и не допустить какого-нибудь совещания. Видя, что мои серамцы убедились в необходимости живо слушаться и уже потащили моего пленника в урумбай, я, спокойно кладя револьвер обратно в футляр у пояса, обратился к туземцам и сказал: «Я не сержусь на вас, а только на начальников, капитана Мавары и радью Наматоте, которые были заодно и делали то же, что люди Телок-Камрау». Заметив, что некоторые были вооружены, я предложил им оставить оружие в стороне, так как никто их не тронет, и помочь моим людям перенести вещи мои из хижины на урумбай.

Ямба с о. Айдума

Грай с пробуравленной носовой перегородкой. Папуа-Нотан

Мои слова произвели хорошее впечатление на туземцев; серьезные лица приняли веселое выражение. Все снова заговорили и принялись перетаскивать мои вещи из хижины в урумбай. Давид и Иосиф распоряжались очень расторопно. Мои люди, не полагаясь на мирный исход, оставались вооруженными, и все ружья на урумбае были заряжены. Я принял предосторожность положительно запретить, чтобы какая-либо пирога покинула Умбурмету, и приставил Иосифа, Ахмата и радью Айдуму исключительно следить за исполнением этого приказа.

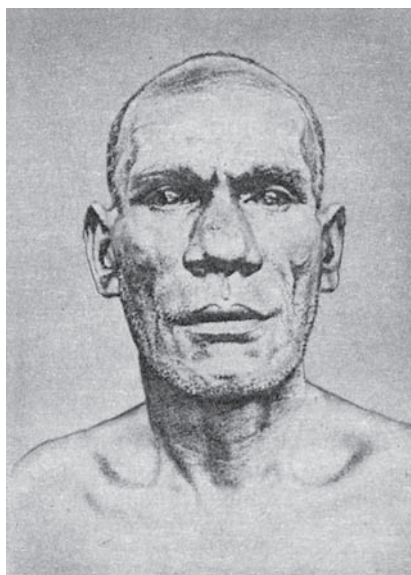
В один час все было перенесено на урумбай, и мы могли бы отправиться в путь каждую минуту. Я не забыл, однако, об интересном черепе, который находился на могиле недалеко от дома старого радью и который я до сих пор не хотел трогать из нежелания показать туземцам, что я не уважаю гробницы их родственников. Теперь же, уходя, я не хотел оставить интересный антропологический препарат в лесу в добычу сырости и времени. Надо было ухитриться удалить всех с того места на несколько минут, так как даже и теперь я не желал сделать похищение этого черепа открыто. Я послал серамцев поэтому на урумбай готовиться к уходу, других за водою, шепнув несколько слов Давиду, сказал туземцам, что иду успокоить женщин и проститься с ними. Я рассчитывал, что все мужчины пойдут со мною, в чем не ошибся.

Женщины, как только произошел арест капитана Мавары, вероятно, боясь насилия, сочли более благоразумным немедленно убраться со сцены и спрятались в старом доме радьи Айдумы. Может быть, они сделали это по приказанию мужчин.

Я отправился к дому и вызвал женщин, которым сказал с помощью переводчика, чтобы они ничего не боялись, что я им ничего не сделаю, не убью и не увезу никого насильно с собою и чтобы они передали бы мои слова другим. Я велел им также передать жене капитана Мавары, что я его взял потому, что он вместе с другими грабил мои вещи, вместо того чтобы защищать их, но что я, однако ж, ничего с ее мужем не сделаю, а

только отвезу его в Амбоину на суд резидента. Увидя жену Тагара, я позвал ее и подарил ей кусок красной бумажной материи и много табаку. Я думал, что застану ее в большом горе по случаю отъезда ее молодого мужа, но замечательно, как мало грусти или даже неудовольствия выражала довольно миловидная физиономия ее при расставании со своим супругом, с которым она жила только один месяц и который вряд ли в такое короткое время мог уже надоесть ей. Я подумал: или европейские женщины притворяются в таких случаях, или папуасские дамы очень отличны от первых. Мне сказали, что одна из жен капитана Мавары находится между женщинами. Я сейчас предложил ей сопровождать мужа, думая, что ее обязанность сделать это. Она не захотела и вовсе не казалась опечаленною участью мужа.

Мне пришлось сказать, что вода была забрана. Простившись окончательно с туземцами, которым предоставил значительное количество табаку, я переехал на урумбай¹⁰¹ в одной из туземных пироги и, убедившись, что все в исправности, приказал поднять паруса и при легком S ветре направился к о. Ади¹⁰². Отошедши несколько миль от берега, я приказал развязать руки моему пленнику и дал ему есть. Он сделался очень послушным и стал стараться подружиться с моими людьми. Он предлагал им, как я это узнал от моих амбоинских слуг, значительное

Капитан Мавара (фотография)

количество продуктов Новой Гвинеи, если они помогут ему бежать при первой возможности.

Чтобы помешать исполнению этого плана, я в продолжение восьми дней пути до о. Кильвару нигде не останавливался, несмотря на просьбы людей зайти куда-нибудь за свежою провизиею и на то, что вода, взятая в Умбурмете, начала портиться. Раз мне даже пришлось пригрозить огнестрельным оружием, чтобы сохранить дисциплину. Придя в Кильвару 29 апреля, я передал моего пленника радье Кильвару, сказав последнему, что он будет отвечать перед резидентом Амбоины в случае побега капитана Мавары, и предупредил его, что он должен остерегаться, что люди Гэсира ради выгоды (обещанных капитаном Мавары произведений Новой Гвинеи), пожалуй, будут склонны помочь ему. Я послал Иосифа на небольшой прау с 5 человеками экипажа на о. Банду с письмом к резиденту Амбоины, который, однако ж, прибыл в Кильвару не ранее 21 мая; это время я прожил на островке Кильвару и сделал несколько интересных наблюдений над малайю-папуасской помесью и вообще немало интересных наблюдений по этнологии¹⁰³. Капитан Мавара был взят на пароходе «Бали» резидентом в Амбоину, а затем переслан, кажется, в Тидор. Наказание его было поселение или, вернее, переселение из Новой Гвинеи, а не собственно тюремное заключение¹⁰⁴.

Возвращение из Папуа-Ковиай (24 апреля—30 мая <1874 г.>)

26 апреля. Открывшиеся на S острова все серамцы и я считали за группу Матабелло¹, но к 4 часам оказалось, что это о-ва Горам и Мановолка. Прошлою ночью был свежий ветер, говорят (я спал), и притом течение на NW, вероятно, подвинуло нас сильно к N.

27 <апреля>. Очень неприятный сюрприз: острова, которые считали вчера, оказались утром о-вами Каймер и Кур. Ошибка очень неприятная. Опять доказательство: не верь другим^a.

Зыбь большая. Ветер SO.

Воды было немного, но я не зашел на о. Теур, как просили матросы, а прошел прямо до о. Матабелло. Бросили якорь около двух горамских прау. От этих людей я узнал, что пароход с контролером² заходил в Гессир, но вернулся дней 20 тому назад в Амбон.

28 апреля. Попутным SO направился к Гораму³. Погода стоит очень хорошая.

^a Далее зачеркнуто: Пришлось зайти еще на о. Теур за водою.

Вечером зашел в Амар — деревня на берегу Горамат⁴, резиденция радья Амара — узнать об нем и об радье Лоодс, а также чтобы купить курицу, так как денденг⁵ и рис очень надоели. Жена радья Амар, который, к сожалению моему, находился теперь на о. Кей, узнав^а о моем приходе, снабдила меня курами, кокосами в таком количестве, что я не хотел даже принять такое множество, за которое не хотела принять платы. Я узнал, что пароход приходил в Гессир дней 20 тому назад с резидентом Амбона. Я приказал сняться, как только люди мои вернулись с берега, и объявил моим людям, что во всяком случае хочу быть завтра утром в Гессире. Мои серамцы привыкли немного слушаться, хотя для этого необходима была угроза тюрьмой в Амбоне или подчас револьвер и выстрел в крайнем случае, принялись за весла и прогребли от захода солнца до полночи. Пройдя о. Пулу-Паньянг, легкий SO позволил оставить весла. Отсюда до Серам-Лаут большая мель, коралловые банки и несколько небольших островов. Если бы не луна и не знакомство фарватера этой местности, пришлось бы отложить надежду быть завтра в Гессире, но ветер был почти попутный, и боязнь гресть утром при безветрии воодушевила или поддержала дух людей, и я утром благополучно увидел Марлаут и горы Серама.

<29 апреля.>^б Утро было ясное, как все эти дни, и урумбай, украшенный 4 флагами, под всеми парусами, которым помогали еще 12 весел, при звуках 2 тиф, гонга и частых ружейных выстрелов торжественно подвигался к острову^в. Мои люди были немало удивлены, когда вместо Гессира я приказал направиться к о. Кильвару, где меня радушно встретили старый и молодой радья Кильвару. Узнав главные новости, что пароход был здесь, но ушел дней 20 тому назад, что радья Лоодс должен ждать на о. Банда парохода, чтобы отправиться за мною, я передал моих пленников радье и сказал ему, что намерен жить у него.

Перебравшись в его дом, «рума битчара»⁶, я отпустил урумбай в Гессир. Решил вечером отправить Иосифа с письмами резиденту и ассистенту резидента в Банду и Амбон, рассчитывая, что почтовый пароход придет в Банду 1 мая и захватит письма. Писал до 12 час.

30 апреля. Иосиф отправился в 8 часов в небольшой йонке⁷ на о. Банду с 5 человеками экипажа.

Вечером отправился в Кильфура. Радья Кильвару <сказал>, что люди Серама были в заговоре с папуасами в моей истории.

1 мая. Рисовал два интересных типа женщин, а также смесь серамцев с папуасами. Отправился в 4 часа в Серам-Лаут. Достал череп серамца.

^а Далее зачеркнуто: от моего человека.

^б Дата восстанавливается нами по содержанию текста.

^в Далее зачеркнуто: Не дозволив.

1) Волоса смеси ♂ серамцев <и> ♀ папуасок курчавы; некоторые — более папуасский тип, другие — более малайский. Между ними головы встре[чаются] очень брахиоцефальные.

2) Нос очень изменяет форму вследствие пробуравливания носовой перегородки (костью рыбы или иглоу), представ[ляется] очень плоским, с висячим куском мяса.

2 мая. Ночью я был 2 раза разбужен, сперва звуками тифы около мечети и около хижины радья; было лунное затмение.

Около 2 часов — много громких и оживленно говорящих голосов, из которых я мог слышать слово «убежал», заставили меня встать поспешно с постели и выйти.

От женщины, которая живет в доме, где нах[одились] мои пленники, я узнал, что капитан Мавара убежал, но что немедленно много людей побегало за ним ловить его. Я оделся и, схватив первое ружье, попавшееся под руку, также поспешил на поиски. На другом берегу острова я встретил людей, ведущих сильно сопротивлявшегося папуаса. При виде меня с ружьем и при моих словах: «Этот человек убежал, теперь я его убью, как предупредил!» — он так сильно отскочил, что вырвался на минуту из рук ведущих его. Так как я его передал радье, то я оставил его на произвол последнего. Несмотря на сопротивление, крики, обе его ноги замкнули в блок. Как я узнал потом, его догнали у самого берега. Он уже был в воде и хотел защищаться от погони камнями, но когда ему сказали, что если он не вернется, в него будут стрелять, он сдался.

Валас ошибочно говорит, что вода в Кильвару хорошая и что деревьев нет^а. Несколько громадных *Ficus indica* стоят у мечетей, и зелени довольно. Остров понижается: многие гробницы в воде, а также корни больших старых деревьев обнажены приливом.

Остров был, как мне сообщил радья, соединен с Серам-Лаут, но вследствие войн жители Кильвару вздумали прорыть очень небольшой канал через перешеек. Вода докончила работу. Теперь канал широкий, но при отливе можно удобно пройти в Серам-Лаут, вода доходит до колена. Но он помнит, что <были> видны корни деревьев, росших прежде на перешейке. <...>

3 мая. Traubenförmige Brüste der Papua-Mädchen. — Kleiner Wuchs und Neigung zum fett werden. — Kinder von ♂ und ♀ Papua haben lockiges Haar und einen bald mehr Papua-andere *Malayen-typus*. Ein Exemplar v. Ceram-Laut besonders bemerkenswert dadurch dass der Papua-typus fast nicht bemerklich ist, die Mutter aber von sehr pregnanten Papua-typus^а.

^а Гроздевидные груди папуасских девушек. — Малый рост и склонность к ожирению. — Папуасские дети ♂ и ♀ имеют курчавые волосы и скорее более папуасский — другие же более

4 мая. <...> Иосиф вернулся с хорошими известиями из Банды. Пароход находится в Амбоине. Он употребил 24 часа до Банды и 3 дня назад.

5 мая. Лихорадка.

Вечером разговаривал с радья муда об жителях Серама. Он говорит, что алифуру (жители гор) совершенно подобны жителям берегов^а, что в Сераме нет курчавоволосых людей. Он уверял, что между алифуру есть жители с хвостами (оран апа паке акур)^б, состоящими из волос. Он сравни[ал] этот хвост с косою китайцев. Их называют здесь «орансуанги», и они находятся на многих горах около Амахай, около Квасус ets.^в Радья муда был убежден, что «суанги» могут быть невидимы. Так, например, здесь говорят, что между обоими муссонами в мес[яце] апреле-мае суанги сходят с гор и крадут детей. Радья муда видел такой пример и отыскал ребенка со многими людьми, ударяя в тифу и с песней, обещая подарки, если оставят ребенка, которого нашли с заткнутыми ртом, ушами, носом листьями у берега моря!

Он убежден, что ночью невидимые суанги могут причинить зло людям, которых замечают. Несколько дней спустя лихорадка, которая кончается смертью.

6 <мая>. Отправил Давида в Серам-Лаут за оленем. Вечером <1 нрзб> без женщин.

7 <мая>. Давид вернулся, видел вчера, но не застрелил оленя. Вечером опять пляска. Люди Серам-Лаут (прента Кильвару)¹⁰ приехали приготовить «рума битчара» к приезду резидента. Их пляска была тем отлична от обычных чикалеле¹¹, что пляшущие представляли какое-нибудь действие, например ловлю рыбы. Люди гребли, потом явился один, который представлял рыбу. Один из гребущих несколько раз неудачно бросал копьё и при каждой неудаче бил рулевого; наконец, поймал, но рыба оборвалась, другой заступил его место. Начали тащить, потом несколько раз представили, что рыба так сильно ударила хвостом рыбака, что его должны были на руках нести^в. Наконец, кончилось представление — рыбу словили. <...>

8 мая. Ждал парохода! Рисовал Бунгараю. В 4 часа отправился в Айялену. Красивый вид: гробницы семейства^г радья Кильвару¹². Промок. Один из людей Макассара пришел с подарками (райск[ие] птиц[ы]), которому я отказал. <...>

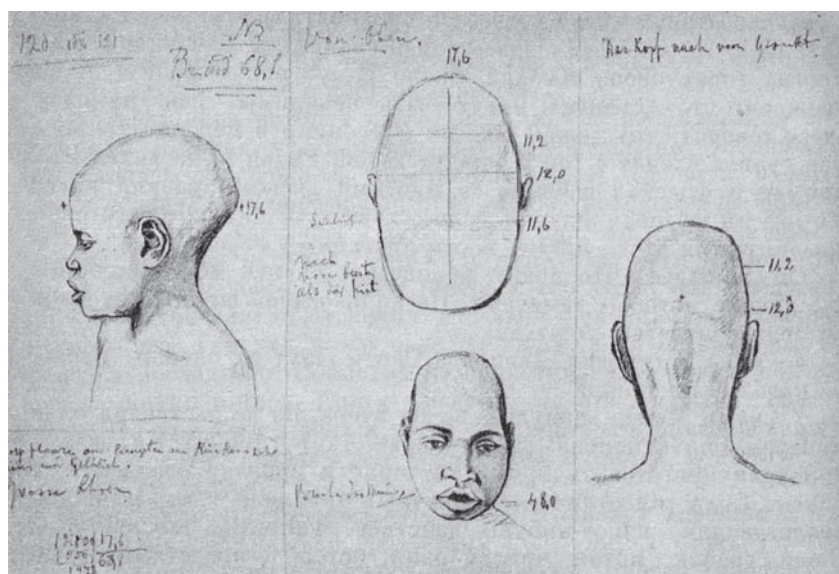
малайский тип. Один экземпляр с Серам-Лаута особенно примечателен благодаря тому, что папуасский тип почти не заметен, но у матери — очень ярко выраженный папуасский тип (пер. А. Н. Анфертьева).

^а Было: остр.

^б Правильнее: Оранг апа пакай экор (мал.) — какие-то люди с хвостами.

^в нести затеркнуто.

^г Было: поколения.

Лабар, около 11 лет, из Папуа-Нотан. О. Кильвару. 12 мая 1874 г.

9 мая. Выкупался утром при рассвете — последствием была лихорадка. Вечером, незванная, пришла Бунгарая — я не мог воздержаться и отослать ее! Хотя было не более 7 часов. Я предполагаю, что папуасские ласки мужчин иного рода, чем европейские, по крайней мере Бунгарая с удивлением следила за каждым моим движением и хотя часто улыбалась, но я не думаю, что это было только следствием удовольствия. <...>

10 мая. Ждал парохода. Вечером отправился в Кильфуру.

Вечером опять пришла Бунгарая. Утром при уходе я подарил ей кусок катуна, которым она, кажется, не осталась довольна; так как у меня остается всего-навсего $\frac{1}{2}$ gulden'a, то денег не пришлось дать. Она говорила что-то, но я не мог понять, кажется, просила денег, желала серег, браслет^a. Слыша, что я хохочу (было темно), она что-то стала сердито бормотать, я еще более хохотал, она несколько раз толкала меня в бок не слишком нежно, потом даже намеревалась с досады укусить (!) меня раза два. Я ее успокоил. <...>

11 мая. Парохода нет. Папуасов ♂ и ♀ обрезают, когда они остаются здесь жить, больших и малых¹³. Браки между серамцами и папуасами относительно редки, папуасы женятся между собою. Браки серамцев

^a Далее зачеркнуто: Мне стало смешно.

благослов[лены] <1 нрзб> десятком детей.

<12 мая> <...> Написал письмо Русскому географическому обществу об 2-й моей экспедиции в Новую Гвинею¹⁴.

Каждый день приходят ко мне разные начальники окрестных местностей с сообщени[ями] об убийствах, кражах, насилии, большинство с Тана-Бесар (Серам). Я их утешаю, что Туан-Бесар¹⁵ <1 нрзб> и разберет их дела.

Узнал следующее о хонги Тидоре. 2 февраля. Начальник: Себиар¹⁶, радья Румасол; в коракор[а] 40^а оран¹⁷. Хати-Хати, Румбати, Патипи¹⁸. <1 нрзб, затерки.>.

Требовавшие^б 15 человек от Румбати на основании письма султана Тидорского. Приходят каждый год, спрашив[ают] даже дань с купеческ[их] прау.

Залив MacCluer серамцы называют Телок-Берау.

13 мая. Между людьми, прибывшими с оран-Лагуа-Денама, встретился молодой серамец, лет 19, с 4 Маммае^в. Два верхних были нормальной величины, Два нижних — <в> 1/2 меньше. Совершенно симметричны. Ни у отца, ни у матери нет подобной аномалии, ни у сестры¹⁹.

Люди уверяют, что <у> некоторых людей (в одном семействе) между горными жителями встречаются люди с хвостами, уверяют, что и теперь есть один с небольшим. Но все слышали и говорят, но ни один не видал.

Было 7 часов вечера, я сидел за моим скудным ужином, когда на минуту люди мои вышли оба на заднюю веранду. Бунгарая осторожно пробралась мимо меня в спальню. Пришлось ее спрятать, хорошо, что у кровати есть занавески. Принесла тарелку яиц. Странно, что пришла, и еще незванная, да с подарком, когда я ей 3-го дня ничего не дал.

14 мая. Родословная радьи Кильвару.

Тутуктолу: Гесир. Кильтай. Кильвару.

Бунгарая, о. Кильвару.
Май 1874 г.

^а Было: 30.

^б Было: спрашивавшие.

^в Соскй (лат.).

Серам-Лаут. Кампонг: Намаломи. Каранг.
 Енамлас (пасир). Мар. Ваваса. Вачика (Бутон). Ена.
 Ревап. Вайнсола (Сунги). Киликвай. Беба. Ватуо.
 Араулу. Моса. Арабуа. Ватига. Обас. Аркел.

Кильбия. Кильфура²⁰. 750^a человек (рабочих голов) <было> в прежнее время до оспы²¹.

С о. Серам-Лаут вышли 4 человека: *Уан, Соса, Маники, Тофи*. <Из них Соси и Тофи переселились на о.> Гесир, <Маники — на о.> Банда, <Уан — на о.> Кефинг²².

Там говор[ит]: режь наверху²³. ♂ спросила, откуда <он>. <Ответил:> Серам-Лаут. Он спр[осил], откуда женщина? — С неба. Женился. 3 мальчика: Боки, Тингалаин, Маслаин. 1) Сакасифа, 2) Сатерия, 3) Катибеси — Рату⁶ — Лулунбеси (Амбон, Кильвару)²⁴.

Женился в Кильвару. Сын Омин отпр[авился] в Кефинг и Туйнау. Там во время вечерней пляски он увидел крас[ивую] женщину и сказал <что>, если поп[адет] ей в грудь, то женщина <будет ему принадлежать>, если нет, он <2 нрзб>. Попал и женился. Сын Сумат <1 нрзб> хотел <1 нрзб> в Кильвару. Амир сделал прау. Сын Налан. Сын этого — Кабреси — отпр[авил] в Яву и Батавию отр[яд] к генерал-губернатору за письмами, кот[орый] дал палку и камзол с галунами. 1. Бакор; 2. Канакан — Бойфалит; 3. Тоу; 4. Татабаут; 5. Талиса; 6. Лебефалит; 7. Динлат; 8. Гасан; <9>. Анчама; <10.> Хорит.

Бунгарая опять приходила.

15 мая. Думаю около 20-го отправиться в Амбон, но сперва в Банду. Сегодня такой отлив, что отмель соединила Кильвару с Серам-Лаут.

Здесь жители обходятся нехорошо с папуасскими детьми, которых покупали и выменивают в Папуа. Положение их не лучше рабства.

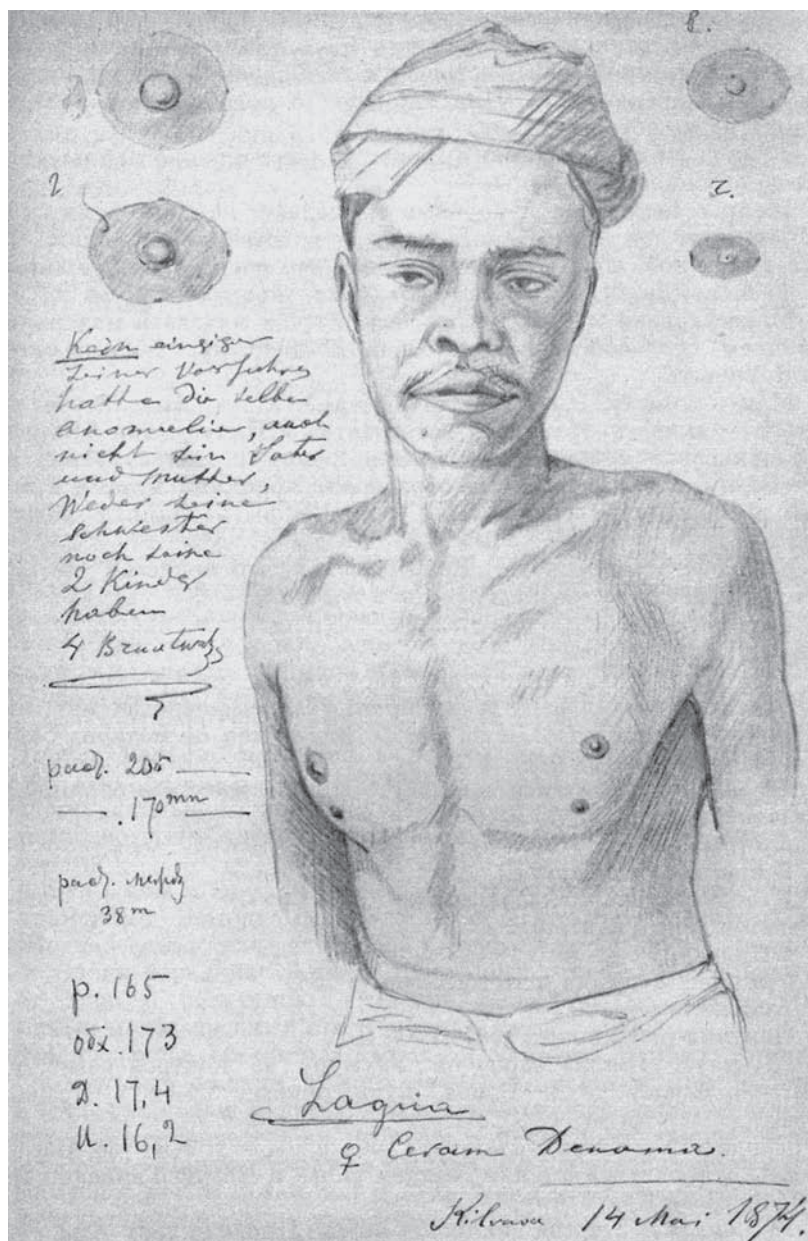
16 мая. Отправился в хижину, где мои люди видели маленького папуасенка под хижиную вместе с козами. Я вошел в хижину и увидел несчастное создание лет 2 или 3 с ужасными худыми ногами и руками, который при виде меня закричал и пополз. Ноги были с ранами. Я приказал позвать хозяина и от гнева весь дрожал, трудно было стоять на ногах. Я сделал очень строгий выговор капитану Кильтай и намер[ен] довести до сведения ген.-губернатору и просить защиты этих несчастных противу серамцев²⁵.

Не следует позволить вывозить маленьких детей без матерей из Гвинии.

Вода поднялась сегодня так высоко, что залила часть острова между хижинами. Прибывшие люди Кефинг привезли известие, что пароход находится уже несколько дней в Банде.

^a Было: 950.

⁶ Было: Руту.

Лагуа с двумя парами сосков из дер. Денама (Серам).
Кильвару. 14 мая 1874 г.

17 мая. Мерил и вычислял отношение между ростом, обхватом, длиной и шириной черепа папуасов Онин и Нотан²⁶. Между ♀♀ встречаются чаще брахицефальные головы, чем между ♂♂. Рост очень различ[ен], между ♂♂ от 1750—1480 mm, между ♀♀ 1510—1310 mm. Но между ♂♂ встре[чаются] еще меньш[ие] ростом.

Также волоса папуасов различно завиты. Например, капитан Мава-ра, Ивотей. Очень многое зависит от ухода за ними.

Несомненно, что и у них встречается индивидуальное различие в степени завитости, длине и цвете. Не надо забывать, что у новорожденных папуасов волоса не совсем черны[е] и не курчавы[е], а только слегка завит[ые] и даже прямые. Итак, вероятно, что папуасы, как и негры, очень измененное племя, происшедшее от индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами.

Также неверно, что человек — животное с гладким лбом.

18 мая. Неполный альбинизм.

Падуакан из Банды привез известие, что пароход, вероятно, придет завтра. Я решил утром отправиться в Амбон *via* Банда, 21-го.

Интересная акула.

При последнем сильном землетрясении (лет 10 или бол[ее] тому назад) о. Кильвару понизился.

Каждый день приходит Бунгарая.

Во время отлива можно видеть на отлогом песчаном берегу источники пресной воды, которые в обыкновенное время покрыты слоем морской воды. Они совершенно подобны тем, которые находятся на острове.

19 мая. Приобрел сегодня голову и два эмбриона акулы. Эмбрионы особенно интересны.

Люди с жалобами и больные надоедают каждый день.

Женщины здесь, особенно жены и родственницы радий, мажут лицо (лоб, щеки) рисовой водою, что очень обезображивает их физиономии. Малайцам это, напротив, нравится.

Макассарские купцы ввели здесь обычай надевать маленьким девочкам сердцеобразную серебряную дощечку, закрывающую *mons Veneris*.

Манук тируту (Серам, Папуа-Онин), ланда (малайское название) — животное, которое встречается в Папуа-Онин (Корас). Его привозили в Манаволку (радя Амар), в Кильвару etc. По описаниям, это животное ежеобразное, с крепкими иглами и острым рылом, может скатываться в шар и рыть длинные ходы в земле^a.

^a Сбоку красным карандашом притисано: *Echidna*.

Скука ждать парохода!! Если бы знал, что придется так долго ждать, давно бы отправился бы в Амбон!

Вино, сахар, кофе на исходе. Денег, рису, бисквитов более нет!...

Мая 21. В 4 часа пополудни пароход «Бали» бросил якорь в проливе между Кильвару и Гессиром. Резидент передал мне много писем, но между ними не нашлось ни одно от матери, Ольги или А. Мещерского!

22 *мая*. Рассчитался в присутствии резидента с серамцами, заплатив за урумбай 50 fl.

рго^а человека — 10.

Я простил Стенбергу²⁷.

Итак, экскурсия обошлась мне:

до и в Нов. Гвин. — 192,

в Кильвару — 212.

Урумбай 2 месяца и 16 матросов — 404.

Амбоинцам — 160.

Получил от Dummler et Co 1500 fl²⁸.

23 *мая*. «Бали» зашел в Утумуру за контролером²⁹, потом направился к о. Банда, куда прибыл 24-го в 7 часов утра.

Банда. Поселился вследствие нездоровья у г-на de Bordes. Думаю отправиться с г-ном Ланцем снова в Новую Гвинею, оттуда на острова Кей и Ару.

28 *мая*. В 5 часов снялись с якоря. Проходя гору Апи, кратер был ясно виден в виде отверстия на западном склоне³⁰. Он был окружен темноватым краем. Подойти к нему, кажется, невозможно и с вершины вряд ли можно смотреть в кратер.

29 *мая*. Заходили в залив Хая за арестантами.

30 *мая*. Заходили в Сапаруу утром, а в 4 часа пополудни пришли на Амбонский рейд, где увидели пароход «Ангер», присланный из Сурабаи для отправления в Новую Гвинею за мною.

31 *мая*. Амбон.

^а За (лат.).

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (февраль—май 1874 г.)

(Письмо г-ну секретарю
Русского имп. географического общества)

Милостивый государь!

Как вы из предыдущих писем знаете¹, целью моего второго путешествия в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, а именно берег, идущий на восток от высокого полуострова Кумавы (полуострова принца Оранье-Нассауского)².

Этот берег от большой реки Каруфы (на п-ове Кумаве) до мыса Буру^а носит туземное название Папуа-Ковиай. На север от п-ова Кумавы берег до залива Мак-Клюр (включая и его) называется Папуа-Оним; севернее залива Мак-Клюр часть берега Новой Гвинеи, против о. Салавати, имеет название Папуа-Нотан. Это деление западного берега Новой Гвинеи я нашел распространенным между папуасами, а также в ходу между серамцами, которые издавна находятся в торговых сношениях с папуасами³.

Папуа-Оним и Папуа-Нотан посещаются чаще макаassarскими и серамскими торговцами, представляя более безопасности. Папуа-Ковиай вследствие частых войн между папуасскими народцами, а также нередких убийств и грабежей торговых экспедиций имеет дурную репутацию и теперь весьма редко посещается большими макаassarскими прау (падуаканами).

Это последнее обстоятельство, т. е. меньший наплыв торговцев и меньшее влияние чужого элемента, решили мой выбор, хотя я по рассказам макаassarцев и серамцев мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь в Папуа-Ковиай, я ожидал что-нибудь подобное случившемуся и нашел потом ряд приключений моих совершенно соответствующим характеру населения этой страны.

23 февраля 1874 г. отправился я из Гесира (островок между восточною оконечностью о. Серама и небольшим о. Серам-Лаут) в туземном урумбае* на юго-западный берег Новой Гвинеи via острова: Горам, Матабелло и Ади.

* Урумбай — большая непалубная лодка, с каютой в виде хижины посредине. Борт урумбая не выше 1 1/2 фута от ватерлинии, нос и корма заострены и высоки. Урумбай, общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге, бывает очень различной величины; мой урумбай мог поднять не более 2 тонн груза.

^а *Загсеркнуто*: и далее южнее.

Меня сопровождали двое слуг, жители о. Амбоины, и мой папуасский мальчик Ахмат*; экипаж урумбай состоял из 16 человек, из которых 10 были папуасы.

27 февраля бросил якорь около о. Наматоте (остров между заливом Битчару и заливом Тритон в Новой Гвинее).

Для выбора местности, удобной для постройки хижины, я посетил о. Айдуму, берег Лобо, архипелаг Мавару и, наконец, решил остаться жить на берегу Новой Гвинеи, называемом Айва, находящемся против архипелага Мавара.

Папуасы были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились относительно меня дружелюбно и даже очень почтительно. Так как береговые папуасы-ковийай ведут жизнь совершенно кочевую, кочуя в своих пирогах из одного залива в другой, переезжая от одного берега к другому, то скоро моя хижина стала центром сбора, около которого почти постоянно теснились пироги жителей Наматоте, Айдумы, Мавары; начальники их — радья Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары — ежедневно посещали меня, уверяя в преданности и дружбе.

Познакомившись с окрестною местностью, я решил предпринять более далекую экскурсию. Я воспользовался обстоятельством, что вследствие W-ого муссона урумбай не мог вернуться в Гесир. Оставив для охранения хижины амбоинца Иосифа и 5 серамцев, я отправился с остальными людьми сперва на восточный берег залива Тритон, в местность, называемую Варика. Следуя моему обыкновению, оставив моих людей в урумбае, я один, невооруженный, предпринял экскурсию в горы; меня сопровождали жители гор Камака, которые называются ваойсирау⁴. Перешед береговой хребет (около 1300 фут.), я посетил большое и очень интересное озеро Камака-Валлар, до сих пор не известное даже серамцам, которые почти ежегодно посещают эти берега. Озеро, об котором я вскоре надеюсь сообщить подробнее⁵, находится на высоте около 500 фут. над уровнем моря (высота определена <с> помощью гипсометра Реньо), окружено горами, которые понижаются немного на юго-восток. Около озера находятся несколько хижин ваойсирау. Горы на восток, т. е. в глубь страны, необитаемы.

Из Варики я продолжал путь в урумбае, останавливаясь у островов Айдумы, Каю-Меры, Лакаия; я пробрался в узкий залив Кируру (Этна-Бай голландских карт). Я нашел, что этот залив ошибочно назы-

* Ахмат, папуасский мальчик лет 12-ти, был подарен мне в январе 1873 г. султаном Тидорским. Пробыв около 5 месяцев на клипере «Изумруд», он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на этом языке. Хотя он имеет очень незначительную склонность к послушанию, он бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен.

вается заливом, представляя род длинного пролива между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровыми. В последний, более обширный бассейн этого мнимого залива можно попасть другими путями, проезжая более узкими проливами между островами.

По берегам пролива Кируру не оказалось селений, и только в последнем бассейне, в местности, называемой Тимбона, я нашел два полуразрушенных шалаша; также в горах несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствуют, что эти горы посещаются папуасами. Я узнал потом, что сюда приходят от время до время туземцы за масом^{*6}.

Возвратившись с экскурсии в горы на урумбай, я отправился искать вдоль берега удобного якорного места для ночлега, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проливом. Мой план был изменен неожиданным появлением 5 больших пирог, на которых находилось значительное число папуасов⁷. Многие обстоятельства при этой встрече заставляли думать, что папуасы последовали за нами в бассейн Кируру не с дружескими намерениями, и хотя после долгих колебаний некоторые из них и взошли на урумбай, но это только увеличило подозрение моих людей, между которыми было несколько людей бывалых, которые уже много раз посещали берега Новой Гвинеи и имели случай хорошо познакомиться с характером папуасов. Они говорили, что папуасы единственно для того приблизились мирно к нам, чтобы знать число людей и вооружение на урумбае и рассчитать относительные силы; они были убеждены, что туземцы ожидают ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь ночь, а выбраться скорее в море. Несмотря на мои согласия я на их убедительные просьбы, соображая, что папуасов более 50 человек, нас всего 13 и что ночью шансы очень неровные.

Мои люди были так убеждены в близкой опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и при помощи отлива к рассвету мы бросили якорь у выхода из пролива Кируру против водопада Гуру-Гуру. Весь следующий день я старался снова войти к сношения с папуасами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню. Мелководие не позволяло урумбаю подойти близко к берегу, и нежелание или опасение папуасов^{**} подъехать к нам заставили меня остаться весь день на урумбае.

Далее на ЮВ от залива Лакаия берег не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных

* Масой — кора дерева из семейства лавровых — употребляется на востоке как лекарство.

** Папуасы Лакаия часто испытывали нападение хонгий султана Тидорского и папуасов Оним, что сделало их очень подозрительными и злобными⁸.

стоянок; поэтому свежий ветер, большое волнение, сильный прибой представили серьезные неудобства продолжить путь на юг при малости урумбая и неблагонадежности вооружения его. Я решил вернуться в Айву.

Несколько слов о посещенной стране и ее жителях. Я имел случай видеть при этой экскурсии одну из самых живописных местностей Ост-Индского архипелага. Море с многочисленными заливами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с разнообразными контурами, богатая растительность представляют в Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж не довольно назвать «красивым», но надо назвать «величественным».

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдие этой по виду роскошной страны. На всем протяжении Берега Ковиай, который я посетил (от залива Битчару до залива Лакаия), встречаются не более 3 или 4 построек, которые можно назвать хижинами; все остальные, и эти очень малочисленные, едва заслуживают название шалашей; между ними встречаются часто такие, в которых может поместиться *один* человек, и то единственно в лежащем положении. Все эти жилища только временно обитаемы, и даже редко можно застать в них жителей. Все население скитается по заливам и бухтам в своих пирогах, оставаясь только несколько часов или дней в одной местности. Причина тому — главным образом постоянные войны между населением, нападение хонгий*, папуасов Оним, которые часто направляют-ся к Берегу Ковиай. Постоянная опасность не позволила жителям изменить кочевнический образ жизни или, может быть, сделала их кочевниками⁹. Население гор еще малочисленнее берегового, и только узкий береговой пояс кое-где населен. Замечателен тот факт, показывающий большую изолированность групп населения Новой Гвинеи, что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковиай положительно ничего не знают о Гельвинк-Бай, несмотря на узкость перешейка (особенно около залива Кируру). Горы вовнутрь не населены, и никогда жители Папуа-Ковиай не переходили и не переходят эти горы. Этот факт достоверен, потому что я часто обстоятельно расспрашивал в этом отношении жителей различных местностей и всегда получал самые отрицательные ответы.

Сравнивая образ жизни папуасов Ковиай с образом жизни папуасов Берега Маклая**, встречаешь большое различие между обоими населением. Несмотря на то что папуасы Ковиай уже давно знакомы с

* Морские экспедиции многочисленных пирог с целью убийств, грабежа и добытия рабов.

** Очерк образа жизни папуасов Берега Маклая, еще прошлый год почти готовый к печати, я не замедлю прислать в скором времени¹⁰.

железом и разными орудиями, хотя они и познакомились с одеждою и даже огнестрельным оружием, хотя и носят серебряные и даже золотые украшения, но они остались и остаются номадами.

Недостаток пищи вследствие неимения плантаций и домашних животных* заставляет их скитаться по заливам за поиском морских животных, за ловлею рыб, бродить по лесам за добыванием некоторых плодов, листьев и корней. На вопрос при встрече: «Куда?» или «Откуда?» — я почти всегда получал от папуасов ответ: «Ищу» или «Искал, что поесть».

Папуасы Берега Маклая хотя живут совершенно изолированно от сношения с другими расами, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 г.) ни с одним металлом, строили и строят своими каменными топорами большие селения, с относительно очень удобными, часто большими хижинами, обрабатывают тщательно свои плантации, которые круглый год снабжают их пищей, имеют домашних животных — свиней, собак и кур. Вследствие оседлого образа жизни и союза многих деревень между собою войны сравнительно гораздо реже, чем между папуасами Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более образованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, и вряд ли можно ожидать, что столкновение в будущем папуасов с европейцами, если оно ограничится только торговыми сношениями, поведет к лучшим результатам¹¹.

На возвратном пути в Айву, 2 апреля, у о. Айдумы я узнал от папуасов, что во время моего отсутствия горные жители залива Битчару напали на жителей Айдумы, которые временно поселились около моей хижины, убили варварски жену и дочь радьи Айдумы, ранили несколько людей и женщин Айдумы; что вследствие того мои люди оставили хижину в Айве, перенесли вещи мои на макаassarский падуакан, пришедший недавно в Наматоте для торговли с папуасами.

Я немедленно поспешил в Наматоте и узнал еще следующее: мои соседи, береговые папуасы, жители Мавары и Наматоте, воспользовались нападением горных жителей, разграбили мои вещи, которых остатки были перевезены с помощью макаassarских матросов на падуакан. Между разграбленными вещами особенно чувствительна была для меня потеря нескольких метеорологических инструментов, аппаратов для анатомических и антропологических исследований; также моя аптека и мой запас хинного и красного вина не были пощажены. К потере дру-

* Только у горного населения Папуа-Ковиай я встретил собак, береговые жители не имеют даже и этого домашнего животного. Так как и в горах собак очень немного, то их не употребляют в пищу, как на Берегу Маклая.

гих вещей, забранных папуасами (белье и платье, консервы в жестянках и т. п.), я мог отнестись совершенно равнодушно, так как лишение их не изменяло моих занятий и планов.

Я хотел вернуться в Айву, но ни серамцы, ни мои амбоинские слуги не хотели следовать мне туда, боясь второго нападения папуасов.

Анакода (малайский шкипер) находился постоянно в ожидании нападения и грабежа, так что, как только я перенес мои вещи из падуака на урумбай, он поспешно оставил Берег Ковиай, направившись на о. Кей или Ару.

Моим людям очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил, так как мои люди все без исключения отказались жить в Айве, переселиться на о. Айдуму. Для этого я вернулся в Айву, снял атап* с крыши и стен моей хижины, сжег остатки ее и из перевезенных атап построил вторую хижину на о. Айдуме, в местности, называемой Умбурмета. Моя вторая хижина была меньше первой, и я жил в ней один, так как мои люди боялись проводить ночи на берегу и спали в урумбае, который находился на якоре недалеко от берега. Но мне не пришлось более жить спокойно. Обстоятельства с каждым днем усложнялись: горные и береговые папуасы действительно приходили еще раз в Айву; также узнал я, что жители Наматоте хотят напасть на мою новую резиденцию в Айдуме; каждый день являлись новости, что то те, то другие замышляют недоброе против меня, то здесь видели подозрительные прау, то там заметили свежие следы неизвестных людей, бродивших около моей хижины и даже проводивших ночь вблизи ее. То на одного, то на другого папуаса указывали мои союзники (?), жители Айдумы, как на неприятельских шпионов.

Приходилось быть настороже, носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому я узнал еще более подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамским людям нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них помощи в случае нападения. Явились фактические доказательства, что один из серамцев принял участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами, что когда горные папуасы приходили в Айву и когда мой амбоинский слуга Иосиф роздал порох и пули, чтобы прогнать их, серамцы стреляли холостыми зарядами. Эти факты легко объясняются обстоятельством, что $\frac{3}{4}$ моих серамских матросов были папуасы, некоторые, из них были даже вывезены в малом возрасте из этих местностей.

* Атап — пласты особенным образом связанных листьев ниповой или саговой пальмы; употребляется в Ост-Индском архипелаге для покрытия крыш и иногда для стен хижин.

Я поселился в Айве, имея в виду, что на материке Новой Гвинеи фауна богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на о. Айдуме доказало, что я не ошибся; хотя этот остров в одном месте не отстоит далее от Новой Гвинеи, чем на $1/2$ морской мили, фауна оказалась беднее. После грабежа моих вещей люди Наматоте и Мавары не осмеливались посещать мою хижину в Айдуме и только люди Айдумы, Каю-Меры, Камака оставались около моей новой резиденции, вследствие чего материал для антропологических наблюдений стал ограниченный. При натянутом положении дел нерационально было предпринимать больших экскурсий и даже далеко отдаляться от хижины; мои наблюдения поэтому сосредоточились преимущественно на ближайшем коралловом рифе, а свободное время и вечера я проводил между папуасами, которые, вытащив свои пироги на берег, образовали вновь вблизи моей хижины маленькое селение.

Что мне в Айдуме особенно надоедало, было постоянное беспокойство меня окружавших людей, серамцев и папуасов, и их страх относительно нападения, убийств, грабежа. Мои союзники (?), люди Айдумы, указывали на многих людей, которые, называя себя жителями Айдумы, приходили к моей хижине, как на людей Наматоте или Мавары и как на грабителей моих вещей в Айве, прося меня убить их. Раз два они даже насильно приводили ко мне нескольких папуасов, которые имели дерзость явиться в Умбурмету в одежде, украденной в моей хижине. Я приказал отпустить их, хотя я решил не оставить безнаказанно убийство людей, искавших убежище под моею кровлею, и грабеж моих вещей в Айве. Но мне казалось недостаточным застрелить нескольких простых папуасов, которые хитростью хотели проникнуть к моей хижине, даже если они были действительно шпионы неприятелей. Я хотел захватить по крайней мере одного, если не обоих предводителей грабежа. Я хотел сделать это сам, потому что я по опыту, а также из слов самих папуасов мог заключить, что в случае, если военное или другое большое судно должно было бы взять на себя наказание папуасов, все виновные скроются в горы. Относительно незначительное число моих людей, дружественные отношения папуасов с серамцами не позволяло им предполагать, что я осмелюсь предпринять что-нибудь серьезное против их вождей.

Не составляя никакого плана, я ожидал обстоятельств.

К концу апреля погода изменилась. Частые грозы, сильные дожди, усилившийся прибой указывали на перемену муссона. Приближалось время, когда урумбай мог и даже должен был вернуться в Серам, так как потом, при установившемся муссоне, ветер, прибой и волнение могли бы сделать опасным возвращение столь небольшого судна, как урумбай.

Я должен был также сдержать слово, данное серамцам: отпустить урумбай при перемене муссона.

Мои два амбоинских слуги отказались наотрез остаться одни со мною, если я отпущу урумбай, что я предложил им, обещая прибавку жалования.

Неожиданное обстоятельство определило мое решение.

Утром 25 апреля я узнал, что один из предводителей грабежа, капитан Мавары, скрывается в одной из пирог. Я сейчас же решился: не сказав ни слова моим людям, которым я не мог доверять, отправился я в сопровождении только одного человека к пироге, где капитан Мавары был прятан. Найдя его и приставив ему револьвер ко рту, приказал следовавшему мне человеку связать ему руки. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления.

Также изумлены были серамды и папуасы, которые были на берегу и видели все происшедшее. Никто не ожидал случившегося.

После этого ареста я не должен был ожидать вечера, когда другие папуасы узнают о плене одного из начальников. Я приказал немедленно, препроводив вождя Мавары на урумбай, перенести туда же мои вещи из хижины.

Папуасы были так поражены происшедшим, что беспрекословно повиновались моему приказанию помочь моим людям переносить вещи в урумбай.

Через 1¹/₂ часа после ареста капитана Мавары все было готово к отплытию и к полудню того же дня при благоприятном ветре урумбай находился уже далеко от Берега Папуа-Ковийай.

30 апреля я прибыл с моим пленником на о. Кильвару и ожидаю здесь прихода голландского военного судна, которое должно прийти сюда с амбоинским резидентом.

* * *

Я вывез из Новой Гвинеи довольно интересную зоологическую коллекцию, которую я собрал, имея в виду сравнительно-анатомические исследования. Я собирал преимущественно тех позвоночных, которых анатомическое строение еще не совершенно известно. На коралловых рифах губки с их многочисленными разновидностями особенно привлекли меня. Моя краниологическая коллекция обогатилась также 6 несомненно подлинными папуасскими черепами.

Подробное сообщение моих наблюдений и исследований я могу предпринять только по возвращению в Европу, отчасти вследствие многочисленных рисунков, которые должны быть сделаны под моим надзором, отчасти потому, что я хочу посвятить здесь мое время дальнейшим исследованиям, а не разработке уже добытого материала.

Эта вторая экскурсия в Новую Гвинею, доставившая мне новые научные результаты, увлекает меня еще решительнее на пути исследования этого интересного острова и его жителей, несмотря на трудности и разные непредвидимые осложнения обстоятельств. Я надеюсь, что эта вторая экскурсия не останется моим последним посещением Новой Гвинеи.

О. Кильвару,
13 мая* 1874.

* Мое нездоровье в Амбоине, а затем возвращение в Яву замедлили переписку и высылку этого сообщения до августа месяца.
Ти-Панас, на о. Яве, 20 августа 1874 г.¹²

ПРИЛОЖЕНИЯ

〈Фрагменты полевого дневника за 1872 г.〉

1 января/20 декабря 1871 г. Понедельник. Новый год встретил 12 выстрелами из двух револьверов и потом, выпив целый кокос за здоровье родных и друзей моих, лег спать^а. Ночью была сильная гроза и шел проливной^б дождь, который несколько раз шел и днем. Ветер также был силен, много обрубленных лиан¹ падало в лесу и около дома, и я понес очень чувствительную потерю. Одна сухая лиана сажени 4 длиной², висевшая над крышей, свалилась^в, пронзила крышу^г и разбила один из термометров моих, тот самый, которым я мерил обыкновенно температуру воды³. У меня остаются теперь только два: один Мах. и Мин. терм[ометр] на веранде и другой, закопанный на 1 м глубины в земле. Досадно, придется сократить метеорологические наблюдения^д. Думал, что 6 термометров для Новой Гвинеи достаточно — оказалось, что нет^е.

2 января/21 декабря. Вторник. Ночью свалилось большое подрубленное у корня дерево и легло поперек ручья, было много работы очистить последний от ветвей и листьев. Погода опять поправилась.

3 января/22 декабря. Среда. Туй^ж принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной^з пищи и постоянное желание В.⁴ съесть, через 3 месяца поста, кусок мяса были причиною, что я сейчас же взял^и у

^а Новый год ~ лег спать *перегеркнуто* карандашом.

^б Было: сильный.

^в Вписано карандашом: с большим шумом.

^г Вписано карандашом: веранды.

^д Досадно ~ наблюдения *загеркнуто* карандашом.

^е Вписано карандашом: Туз[емцев] не было.

^ж Вписано карандашом: возвра[щаясь] с планта[ции].

^з Было: мяса.

^и Вписано карандашом: подарок.

Ту^а маленькое, очень худое животное, которое оказалось и для меня интересным, представляя новую (для меня только, может быть)^б полосу разнovidность. Темно-бурые полосы сменялись светло-рыжими, грудь, брюхо и ноги были белы. Я отпрепарировал голову, чтобы завтра исследовать мозг. В. принялся чистить, скоблить и варить поросенка, которого он по всем правилам разделил на завтрак и обед. Смотря на В., приготовляющего и потом едящего (?) В., можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные; надо было видеть, с каким он удовольствием и даже жадностью обглодал все кости и съел кожу. Он даже сегодня менее чем обыкновенно говорил и даже не вздыхал о нашем житье-бытье. Да, кусок говядины — важная вещь. Мне не кажется удивительным^в, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселясь в местности, не представляющие таковой, стали кушать человеческое мясо, которое к тому же такое вкусное, как говорят.

Несколько дней, как я занимаюсь рассматриванием моей коллекции волос папуасов и нахожу много интересных фактов, но одно, и даже самое важное, обстоятельство ускользало от моих наблюдений, именно: распределение волос на голове папуасов, которое до сих пор считается особенною особенностью этой породы людей. Уже давно мне казалось положение, что волосы папуасов растут пучками или группами, мне казалось неверным^г. Но частый парик моих соседей не позволял мне ясно убедиться, как именно волосы распределе[ны]^г; на висках и на затылке, в верхней части шеи взрослых индивидуумов можно было видеть, что особенной группировки волос пучками не существует. Я придумывал способы, как бы обстричь одного из мальчиков достаточно коротко, чтобы можно бы видеть, как волосы растут^д. Но как ни придумывал, ничего подходящего не приходило в голову.

Качаясь в койке после сытного нашего сегодняшнего завтрака^е, я скоро^з заснул, что было сегодня особенно легко, свежий ветер качал мой гамак^ж. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня; нехотя открыл^ж я глаза, но сейчас же, увидев зовущих меня, вскочил: это был Коле из Бонгу и мальчик лет 9, очень коротко выстриженный, совершенно соответствующий моим желаниям^з. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и срисовал, что казалось мне особенно важным.

^а Вписано карандашом: за который дал табак и 2 бут[ылки].

^б (для ~ быть) затеркнуто карандашом.

^в Над удивительным написано карандашом: странным.

^г Возможно: распределя[ются].

^д Было: наконец.

^е Было: мою койку.

^ж Было нагато: поверн.

^з Далее было нагато: Его голова.

Я так углубился в изучение распределения волос, что не обратил внимания на принесенные кокосы и сахарный тростник. Моим папуасам стало даже страшно, что я так внимательно изучаю голову Сороя (имя мальчика), и <они> поспешили объявить мне, что хотят идти⁸. Я с удовольствием подарил им в 2 <раза> более, чем обыкновенно даю, и с сожалением отпустил обладателя интересной головы; я бы в 100^a раз дал бы ему более, если бы он позволил мне вырезать небольшой кусок кожи головы!...

Волосы растут не группами или пучками, а совершенно одинаково, как и у нас, на всем теле, т. е. грядками, т. е. волосы растут в большем числе в борозде, чем на маленьких полях нашей кожи; распределение волос на г[олове] пап[уасов] совершенно гомологично распр[еделению] волос на теле остальных рас^б. Это для многих, может быть, кажущееся очень незначительное наблюдение отняло у меня сон и привело в приятное расположение духа.

Пришедшие несколько человек из Горенду подали мне снова повод к наблюдениям. Лалу попросил <у> меня зеркало и, когда я ему его дал, стал выщипывать себе волосы из усов, которые росли слишком близко от губ, а также из бровей⁹. Особенно старательно выщипывал он седые волосы и просил Бонема посмотреть, много ли у него седых волос на голове, и с большим терпением выдерживал, когда я ему предложил услуги помочь ему и когда для обогащения моей коллекции я стал выщипывать по одному и по несколько волос, чтобы видеть корни волос¹⁰. Волосы папуасов очень тонки, тоньше даже европейских, и с очень маленьким корнем¹¹.

Бонем, заглянув также в зеркало, нашел, что его парик недостаточен велик (вследствие ветра и сухости воздуха волоса скручивались легче, что и было, вероятно причиной, что волоса Б. представляли меньший объем, чем обыкновенно, и притом они не были смазаны. Мои волосы на руках сегодня также очень выются), стал его расщипывать, и скоро он стал почти в 2 <раза> больше и очень эластичен¹².

Рассматривая ноги Бонема, я увидел совершенно белое пятно — *Narbengewebe*^в довольно глубокой ранки. Кстати, ноги п[апуасов] очень широки около пальцев — от 12—15 см при небольшом росте, пальцы ног кривы и косы, у многих нет ногтей (старые раны).

У Дигу лицо^г носит следы оспы. Л. объяснил мне, что болезнь Пришла от СВ¹³ и что многие умерли. Когда это случилось, я не сумел спросить.

^a Карандашом 100 затеркнуто и исправлено: 20.

^б На полях здесь набросок — попытка изобразить, как растут волосы.

^в Зарубцевавшаяся ткань (нем.).

^г Далее было нагато: в осп.

Между прочим, я узнал, что язык, даже Бонгу (10 минут¹⁴ от Горенду), имеет много других слов, как, например, камень ⟨в⟩ Г[оренду] — убу, Б[онгу] — гитан, Б[или] -Б[или] — пат!^а

У Лалу очень типический enface по узкости лба (11 1/2) и ширине лица между скулами (15 см)¹⁵. Мои наблюдения были прерваны их уходом.

Соображая мое сравнительно долгое пребывание здесь (3 1/3 месяца) и количество недостающих наблюдений^б, приходишь к результату, что факты научные очень мало-помалу собираются, по зернушку, и то зерна неравные. Но старая истина: чем дальше в лес — тем больше дров.

Beobachtet, forschet, sammelt,
Das Naturgeheimnis werde nachgestammelt^{в16}.

105 Д.¹⁷ 4 января. Четверг. Недели две как здесь появились (от 10 ⟨до⟩ 5 часов) довольно свежие ветры, которые были редкость в октябре и ноябре мес., вследствие чего сделалось гораздо свежее.

Выехали вечером удить рыбу; как я и ожидал, ничего не поймали; в разных местах у берега виднелись огни: папуасы Горенду и Бонгу также ловили рыбу. Я направил шлюбку к 3 ближайшим огонькам посмотреть процесс ловли. Подъехав довольно близко и не желая показать, что я подкрадываюсь к ним^г, я подал голос; на пирогах произошло смятение, огни сейчас же потухли и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Недоумевая, отчего папуасы так испугались, я был в нерешимости, что мне самому делать: приблизиться^д ли к берегу или вернуться домой. Но минуты через 2 на пирогах снова появились огни, и они отчалили от берега по направлению моего голоса. Они окружили мою шлюбку, и каждый подал мне по одной или по 2 рыбки, и потом продолжали ловлю¹⁸. На платформе лежало много соломы, из пучков которой делал впереди пироги стоящий папуас большие факелы и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой со своим многозубцем футов 8 или 9 длины, который он метал в рыбу. Почти каждый раз он ногой снимал со своего копыя 2 и 3 рыбки. Наконец 3-й папуас управлял шлюбкой, сидя в корме^{е19}.

Причина, что пироги бросились к берегу, услыша мой голос, было обстоятельство, что на пирогах были женщины, которых они так бережно скрывают от наших взоров.

^а В рукописи сокращения Г., Б., Б.-Б. надписаны над соответствующими словами.

^б Далее было нагато: я должен был.

^в Но старая ~ nachgestammelt зачеркнуто карандашом.

^г Было: к их пирогам.

^д Было: последовать за.

^е На полях рисунок «многозубца».

106 Д. 5 января. Пятница. Утром выехал довольно далеко в шлюбке, пришлось гресть, так как ветер с моря (NW) задувает только около 8 часов²⁰.

В тумане виднелись на горизонте высокий остров, вероятно^а о. Дампира, и немного правее (на NNO) два маленьких островка.

После обеда ходил в Горенду и застал папуасов за приготовлением^б ужина. Туй чистил, сидя на столе²¹, картофель, перед ним на костре стояли обложенные^в камнями два горшка, один большой (1 1/2 фут. в диаметре), другой поменьше, и оба были закрыты листьями, а сверху листьев, образуя крышку, лежала кокосовая скорлупа. В горшках варилась рыба и картофель. Каждая рыбка была завернута в свежие листья, картофель лежал незавернутый, все это варилось без воды^г — парилось²². Перед приходом в деревню я обыкновенно даю о себе знать свистком, не желая^е, чтобы папуасы думали, что я подкрадываюсь к их хижинам, они уже без того очень недоверчивы. Услышав мой свисток, 2—3 фигуры (женщины) скрылись в хижины²³, и скоро вокруг меня собралось все мужское население деревни. Я обошел несколько хижин, у многих были разложены костры, некоторые отдельно, другие несколько человек вместе приготовляли себе ужин. Странно, что папуасы почти не пьют никогда, я не видал у них воду и никогда не мог получить ее для питья.

Я не долго оставался в деревне: мой приход нарушил их спокойствие, и, обладая даже небольшим количеством наблюдательности, можно было заметить, что мой приход тяготит их. (Так дичиться после 3 1/3 мес. знакомства характеристично для этой расы.) Я ушел, не желая стеснять их.

107 Д. 6 января. Суббота. Пароксизм!

108 Д. 7 января. Воскресенье (7 1/2 часа вечера дождливого, холодного дня. Нахожусь при самом начале второго (в 24 часа) пароксизма²⁴, дрожь пробирает понемногу, голова начинает по временам кружиться все чаще и чаще)^ж.

Не папуасы, не тропический жар и не труднопроходимые леса стерегут берега Новой Гвинеи. Защищающий ее от чужих нашествий могучий союзник — это бледная, холодная, дрожащая, потом сожигающая лихорадка! Она сторожит прибывшего при первых лучах солнца и

^а Вероятно затеркнуто карандашом.

^б Было нагато: варен.

^в обложенные затеркнуто карандашом, вписано карандашом: подперт[ые].

^г Было нагато: в обои.

^д Было: или; без воды вписано.

^е Было: чтобы.

^ж Вписано карандашом: лицо пухнет.

при палящем зное полдня, она готова захватить неосторожного и при догорающем свете^а дня, черная тихая или бурная ночь, чудный месячный блеск не мешают ей напасть на человека. Она сторожит его везде изменнически, человек^б даже не чувствует ее холодных объятий... Но это^в только на время, скоро точно свинец вливается в его ноги, голова туманится. Холодная дрожь пробирает его, трясет^г его. Мозг начинает изменять ему, образы, то громадные и чудовищные, то печальные и тихие, сменяются перед его закрытыми очами. Холод, мороз переходят в жар, палящий, сухой, нескончаемый... Образы переходят в какую-то скачущую фантастическую пляску²⁵. Человек остатками чувств сознает, что он в руках врага, но только на секунду [...] Его мозг [...] ²⁶.

109 Д. 8 января. Понедельник.

110 Д. 9 января. Вторник.

111 Д. 10 января. Среда.

112 Д. 11 января. Четверг. 5 дней подряд надоедала мне лихорадка.

} Лихорадка

Вчера и сегодня чувствую себя лучше, но еще плохо хожу. Не стану подробно описывать мое состояние эти пять дней, скажу только, что голова несносно болела, и я при этом был так слаб, что, чтобы сделать 3 шага, я с постели своей осторожно опускался на пол и полз остальные 2 шага, поддерживая одною рукою страшно болящую голову. Чтобы, например, ложку лекарства поднести ко рту, я одною рукою поддержив[ивал] другую, и то обе недолго могли держать такую тяжесть.

Вчера не мог я еще ходить, сегодня медленно двигаюсь, и опухоль глаз и лба (от лихорадки) понемногу проходит. Но что увеличивало неприятность положения²⁷ — были частые посещения папуасов, заставлявшие меня вставать и показываться с книгою у дверей, показывая вид, что очень занят, и чтобы они скор[ее] бы убрались, бросать им табак. Я считаю нерациональным дать им узнать, что я болею, так как они одного меня боятся. С В. обходятся за панибрата, несмотря на то, что он с ними частенько грубо обращается.

Другой неприятный момент был тот, что В. постоянно ныл о том, что с нами будет, если я буду долго болеть²⁸.

Сегодня мне, однако же, лучше, и я уже на веранде мог заниматься²⁹.

113 Д. 12 января. Пятница.

114 Д. 13 января. Суббота. Около 12-ти пришло несколько человек из дер. Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из пришедших сказал мне, что он есть хочет. Я ему отдал тот самый кокос, который он

^а Было: освещении.

^б Было: он.

^в Было *нагато*: не прохо[дит].

^г Карандашом затеркнуто, вписано: пронизывает, начинает трясти.

мне принес в подарок. Отделив зеленую кору ореха сперва топором, потом костяным своим ножом, он попросил у меня блюдо (деревянное). Я ему принес фаянсовую глубокую тарелку; тогда, ударив, как обыкновенно, по ореху, он разломил его на 2 почти равные части и воду вылил в тарелку. К нему подсел другой папуас, и оба достали из своих мешков крепкую раковину^а и, взяв каждый по половинке кокоса^б, стали выскребать свежее мясо ореха и натертую массу опускать в кокосовую воду. Таким образом^в в короткое время^г вся тарелка наполнилась белой натертой кашею, которая, будучи разбавлена сладкою кокосовою водою, дала весьма вкусное блюдо. Начисто выскребленные куски скорлупы превратились в тарелки, а довольно большая выпнутая раковина — в ложку.

Все кушанье это было так опрятно приготовлено, и инструменты, при этом употребленные, так просты и целесообразны, что я должен был дать предпочтение этому^д способу еды кокосового ореха à la Ра-роца предо всеми другими, виденными мною. Один кокос хватил на достаточную закуску для четырех. Одному было бы трудно съесть весь орех зараз.

Папуасы после этой закуски попросили дать им барабан, который они же в начале знакомства подарили мне, и один из них, одною рукою держа барабан^е, другою ударял по краям натянутой шкуры ящерицы, при этом он очень ловко делал прыжки, сгибая колена и потом снова выпрямляясь. Затянутую им песню подхватили хором остальные и попарно последовали за первым, который со своим барабаном представлял главное лицо танца. Танец был еще тем своеобразен, что у всех за поясом по бокам (но за руками) были заткнуты большие зеленые ветки, что с зеленью за наручниками и цветами на голове представляли очень недурной эффект.

Наплясавшись, они отправились домой, приглашая сейчас же следовать за ними в шлюбке, обещая столько кокосов и сладкого картофеля, что пешком нам не снести. Я был в нерешимости, отправиться ли мне в Бонгу сегодня, так как собирался дождь, или завтра, когда пришедший Туй убедил меня ехать сейчас же, говоря, что меня все ожидают сегодня в Бонгу. Мы отправились.

Пошел дождь, и прибой у открытого берега Бонгу был силен³⁰. Шлюбке было бы трудно пристать, если бы (не) нашлось бы громад-

^а Вписано карандашом: Cardium.

^б Было: ореха.

^в Далее было нагато: они начисто выскребли.

^г Далее было: все орехи.

^д Было нагато: приготовил кокоса.

^е Было: ручку.

ного сухого дерева, которого ствол рос когда-то над самой водою. На берег^а сбежалась 1/2 мужского населения Бонгу, и уже несколько рук протягивалось над нами с ветвей дерева, под которое мы подъехали. Конец со шлюбки был подан и прикреплен к толстому суку, и несколько спин ожидали меня у борта для переноски на берег³¹, что я и исполнил. Десятки рук протянулись для пожимания ко мне, и я уже направился к деревне, когда, еще раз обернувшись посмотреть на шлюбку, нашел, что она ненадежно была привязана; так, не было сделано узла, а конец был прикреплен к шлюбке железными гаками, которые могли при волнении открыться, и тогда шлюбка рисковала бы разбиться у берега. Не дожидаясь, пока В. разденется, я опять вскочил на плечи одного рослого папуаса, который молча, против сильного прибоя, который почти нас заливал, направился к шлюбке. Привязав конец как следует, я во 2-й раз вернулся на берег, но этот раз папуасы перевезли меня на пироге, потому что прибой мог бы легко нас опрокинуть.

По весьма узкой тропинке, которая потом расширилась, пошли мы к деревне. Около меня пробежал один из молодых папуасов, чтобы известить, что шествие приближается. Я шел впереди, за мною гуськом человек 25 туземцев. Дождь продолжался, и мы при ливне вошли в деревню³². Шагов за 5 не было видно и слышно присутствия обитаемого места, и только у крутого поворота увидал я одну крышу. Пройдя шагов 5, я вошел^б на площадку, окруженную десятком хижин. В начале дневника я уже описывал хижины папуасов. Они почти совсем состоят из крыши, имеют очень низкие стены, небольшие двери. Не имея окон, они внутри темны, и единственная их мебель состоит из нар.

Но кроме этих частных хижин, принадлежащих отдельным личностям, в деревнях встречаются другие постройки для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных; они обыкновенно не имеют передней и задней стены, очень часто даже и боковых стен и состоят тогда из одной только высокой крыши, стоящей на столбах^в. Под этой крышею устроены нары для сидения, хранится посуда для общественных праздн[еств], оружие и т. п.

Таких общественных сборных мест было в Бонгу 5 или 6, каждая площадка почти имела таковое^г. Меня сперва заставили по порядку обойти все эти сараи. В каждой ожидала меня группа папуасов, и в каждой оставлял я полоски пестрого катуна для женщин, табак и гвозди для мужчин и шел далее, и скорее не шел, а следовал далее, потому

^а Было нагато: конец со ш[любки].

^б Было: был.

^в Вписано карандашом: и входящ[ей].

^г Далее было нагато: При пролив[ном].

что мне один папуас указывал путь, так как, не желая показать мне своих женщин, папуасы попрятали их в несколько хижин и боялись, чтобы я даже не проходил около них.

Деревня была очень значительна, хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами, и хижины расположены вокруг небольших площадей; одна из них была больше, в середине был устроен длинный очаг из камней, и мне сказали, что здесь жарят свиней и пляшут, когда приезжают гости. Наконец мне дали отдохнуть, и я уселся на нарах большого общественного сарая и, раздав^а все свои подарки, мог спокойно отвечать на все просьбы словом «арен!» (нет, не имею).

Сарай, в котором я сидел, окруженный 40 или более папуасами, представлял род коридора (так как передней и задней стены не имелось) шагов 8 ширины, шагов 14 длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на 1 фут не доходила до земли, поддерживалась в середине 3 толстыми столбами, и, кроме того, по сторонам были вбиты несколько столбов^б в 1 м вышины, и которые, поддерживая нары, несли на себе также тяжесть крыши. Крыша, выгнутая наружу, была капитально и красиво сделана, представляя изнутри частую аккуратную решетку^в. Можно^г положиться на нее, что устоит от любого ливня и что продержится много десятков лет. Над нарами были повешены разное оружие, плоды, посуда глиняная и деревянная стояла на полках; все солидно, довольно удобно и опрятно.

Отдохнув, я направился далее поискать, не найду ли что интересное; между тем один из папуасов и В. принимали обратные подарки туземцев для (меня): сладкий картофель, сушеную рыбу, кокосы, тростник, бананы. У одного большого сарая верхняя часть задней стены, состоящая из коры, была разрисована белою, черною и красною краскою. Шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных портретов рыб, солнца, кажется, людей и т. п.^а Под другим я, наконец, нашел несколько идолов, которые уже не раз искал по деревням. Самый большой из них (фут. 8) стоял среди сарая около нар, другой (фут. 5) — около входа, 3-й валялся, как очень древний, на земле. Я расположился рисовать и снял копии с трех, разговаривая с папуасами, которые расспрашивали, есть ли таковые «телум» (идолы) в России, как они называются etc., etc.

В длину сарая, но укрепленное довольно высоко, так что я не мог удобно рассмотреть его, висело целое бревно, состоящее^с из целого

^а Далее было нагато: не имея.

^б Было: кольев.

^в На полях — карандашный набросок хижины в разрезе, гернилами сделаны подписи³³.

^г Далее зачеркнуто: было.

^д На полях карандашом наброски рыбы, солнца, человека.

^с Было: изрубленное.

ряда человекоподобных фигур, но папуасы не захотели трогать его с места^а. Этот сарай был не иначе других и не представлял, кроме идиологов, ничего особенного, что бы подало бы право считать его храмом, как описанные здания в Дорре и Гумбольдт-бай. Я вынул свой нож, лакомый кусок для каждого, и обещал за маленький телум. Мне принесли обгорелый и сломанный. Я не взял его, ожидая, что получу больший.

Солнце^б, выглянувшее после дождя, показывало уже 5 часов, было 1/2 второго, когда я приехал в Бонгу. Я направился к шлюбке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «э-ме-ме!» В пирог пристал к шлюбке, вернулся к 6 часам домой. Когда вынуты были из шлюбки кокосы, картофель и т. п., В., ожидавший целый груз съестных припасов, был очень разочарован поездкою. Женщин не показывают^в и мало^г дают, да и то кокосы старые и рыба так жестка, как дерево, — ворчал он, принимаясь доваривать бобы к обеду, которые не доварились до 1/2 восьмого, когда я решил обедать. Так встретил я русский Н. Г. 1872 в Новой Гвинее!

115 Д. 14 января. Воскресенье. 7^а часов вечера. Ночью и утром был дождь; так как у В. снова лихорадка, то пришлось мне стряпать, а теперь я только что вычерпывал воду из шлюбки — набралось 32 полных ведра, немалая работа наполнить их и вылить за борт, притом входя и выходя из шлюбки, почти что приходится плыть. За этой и т. п. работой так устаешь, что очень ясно сознаешь, что для рода человека и его развития вполне необходимо деление труда или... *entsage allem und werde froh!*^с что тоже более чем справедливо.

116 Д. 15 января. Понедельник. — 117 Д. 16 января. Вторник. Сегодня ночью была сильная гроза, и ветер (S и SW порывами) очень силен, лес кругом выл и стонал от его напора, по временам слышался треск ломающихся деревьев, и я думал, что наша крыша слетит в море. Несмотря на бурю, спалось особенно хорошо, в такие ночи почти что нет комаров, как около 1 часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением. Что-то также посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, темь — ничего не видать, и предположив, что большая лиана над домом наконец свалилась, снова заснул. Утром шум сильного прибою разбудил меня, и, желая удостовериться, цела ли шлюбка, вышел^ж. Было 5 часов, начинало светать, и в полумраке я разглядел, что дорога

^а На полях теми же тернилами — набросок бревна.

^б Далее было нагато: уже показывавшееся сегодня утром.

^в Было: не видел.

^г Было: ничего.

^д 7 гитается предположительно.

^е Откажись от всего и возрадуйся (нем.).

^ж Далее было нагато: Начи.

перед моим крыльцом загорожена громадною черною массою выше роста человеческого; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самою хижиною. Когда здесь падает дерево, то оно не валится, а влечет за собою массу лиан и других паразитных растений. Пришлось топором прочистить себе коридор, чтобы пробраться через зелень.

Так как у В. лихорадка, пришлось отправиться^а за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного место от сломанных ветвей, чтобы свободно можно было ходить в дом и вниз к ручью. Затем — метеорологические наблюдения и дать лекарство В. Около 7.1/2 часов я принялся, наконец, за свою работу — мозг одной птицы, который представлял некоторые особенности. Около 9 1/2 часов я принужден был оставить занятия и отправиться рубить дрова к завтраку и обеду, потом, вымыв рис у ручья и сварив его, испекши картофелю (сладкого) в золе, расположился завтракать. Когда опять принялся за мозг, было уже 12 1/2 часов. Проработав до 2-х, я был прерван приходом папуасов, которые мешали мне до 3-х, когда было уже время снова приняться за хозяйство, вымыть посуду, вычистить ножи, наколоть дрова и сходить за водою. В 4, полураздевшись, вплавь (был прилив) отправился к шлюбке выкачать воду. От дождя ночью опять набралось 23.1/2 ведра.

К 5 часам вернувшись, сняв^б мокрое платье, отправился в 5 в кухонный шалаш приготовить обед: опять рис с кёри, картофель и чай. Провозился над этой скучной работой до 6 часов. Пообедал, и то не спокойно, да при этом беспрестанно приходилось делать то то, то другое (снимать сушившееся платье, готовить ночник^в, зарядить ружья и т. д.) и даже пить чай не обходится без работы. Так как сахару у меня уже месяцев около 3 уже нет и так как патока с чаем не приходится по вкусу, то я придумал пить чай с сахарным тростником. Вооружившись ножом и большою палкою тростника, я откалываю кору и высасываю сердцевину, причем запиваю чаем.

Теперь 7 3/4 час., кончаю писать дневник, прочту несколько страниц какого-нибудь из взятых с собою сочинений, в 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, посмотрю на высоту воды, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну.

Описал сегодняшний день как пример многих других на случай, когда, позабыв подробности, буду находить, что мало сделал (в научном отношении) в Новой Гвинее!!...

^а Было: сварить.

^б Было: переодевшись.

^в Было: лампу.

118 Д. 17 января. Среда. Вставши сегодня утром, мне вздумалось проверить мои отношения к соседям. 13 числа они нас приняли очень любезно^а, увидим, как они отнесутся к моему 2-му посещению. Пришел Туй и, видя, что я куда-то собираюсь, спросил, куда иду. Услыхав, что я направляюсь в Бонгу, он очень оживился и объявил, что пойдет со мною. Пошли. В., как больной, остался дома. Я отправился в Бонгу закончить кое-какие рисунки идолов и изображений на стенах одного из больших общественных сараев. Дорога вела через Горенду. Здесь присоединились к нам Бонем, Дюгу и другие. Тропинка шла^б лесом, и мы пришли, наконец, к [...]»^в

[...] был¹⁴ «тамо Бонгу». Довольный приобретениями, я приступил к главному обстоятельству, которое заставило меня прийти в Бонгу, — к закупке съестных припасов. Рыбы я достал много и свежее испеченной, ветку банан и, взвалив все на плечи фунтов 20, с 2 идолами в карманах и черепом в руке отправился домой. От тяжести и скорой ходьбы я вспотел и, когда еще более высокая вода обдавала ноги, я почувствовал сильный холод и дрожь. Придя в Горенду, я за табак нашел Дигу, который взялся нести бананы и пару кокос из этой последней деревни. Наконец, сильно усталый, добрался^г домой и едва успел переменить носки и съесть немного рису, как почувствовал приступ пароксизма, который сегодня был очень силен, и я был в таком состоянии, что В., рыдая, бросился к моей койке, думая, что я умираю.

Не помню я подобного пароксизма и такого продолжительного жара (почти 6 часов продолжавшегося). При этом я был удивлен интересным наблюдением. При переходе из Froststadium в Hitzestadium^д я почувствовал странный обман чувств осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова хватала^е почти до потолка, пальцы на руках стали так толсты и велики, как мои руки, и я ощущал всю тяжесть разрастающегося тела. Странно, что я при этом не спал, это не был бред, а положительное ощущение, продолжавшееся около 1 часа. Пароксизм был так силен, что я долго буду помнить его.

140 Д. 8 февраля. Четверг. Благодаря Chin. sulf., принятого в двух приемах по 0,5 g., поутру я чувствовал себя изрядно, пароксизма не было. Погода сегодняшнего дня была такая, которая на меня действует приятно: слегка пасмурно, тепло (29 °C) и совершеннейший штиль. Полная тишина, прерываемая только криком птиц и постоянной

^а Было: хор[ошо].

^б Было: вела через.

^в Здесь в рукописи пропуск — недостает нескольких листов.

^г Было: пришел.

^д Из состояния озноба в состояние жара (нем.).

^е Было: растет.

почти песнью цикад. Монотонность освещения сменялась по временам проглянувшим лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень подхватывала его и оживляла зеленые стены моего палатки, и далекие горы и серебряное море выдвигались, как чудные ландшафты между зелеными рамами. Потом опять все не тускло, а успокаивалось, глаз также отдыхал; одним словом, было спокойно, хорошо...

Также крикливые люди не мешали, никто не приходил. Я думаю, что человеку состояние большого^а покоя (трудно достижимое) может сделаться полным счастьем жизни... Что я говорю: «Я думаю». Это думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут его в противоположном... Я приближаюсь к полному отстранению, разрыву индийского туманного покрова «Майя»³⁵. Я так доволен в своем одиночестве, встреча с людьми для меня не тягость, но не далеко от этого, даже общество В. мне часто кажется для меня лишним. Я его поэтому отстранил от еды вместе, каждый кушает на своей половине. Мне кажется, что если не болезнь (раздражающая меня еще), я бы не прочь был бы от мысли остаться здесь...

Расхаживая между кустами, мое внимание было обращено на листья деревьев. Почти все были изъедены насекомыми и грибами, потом я никогда в умеренных странах не встречал такой неодинакости формы листа, некоторые особенно удивили меня. Потом еще отличие от нашей лесной растительности: здешние громадные стволы так обременены лианами и другими паразитами, что листва и ветви^б представляют по удалении лиан (что в окрестности и у дома я вижу каждый день) очень мизерный вид. Разумеется, те, которые растут свободно, представляют богатую листовую массу. Особенно велики здесь (в береговой полосе) деревья, растущие и раскинувшие свой свод над морем (деревья около Бонгу). Потом каждый день у меня перед глазами движение листьев положительно замечательное у одной *Liliasea*, поднимающей гордо свои листья после дождя (и каждый день утром) и опускающей в жаркие солнечные дни до земли. Всего не перечтешь, что человек может заметить, видеть и^в всего чаще плохо или совсем не понимать...

141 Д. 9 февраля. Пятница. Забрел утром довольно далеко на поляну, которая расстилается за поясом берегового леса и первыми холмами. Тропинка привела меня к забору, и я увидел знакомые головы жителей Горенду, работающих за оградой. Между другими были и женщины, которые, поглядев на меня, скрылись за группую сахарно-

^а Было: полного.

^б Далее было: плохо.

^в Далее было нагато: удивля.

го тростника. Они работали без их^а нагрудников и имели только узкий пояс, как мужчины. Плантация была недавнего происхождения, забор в вышину человека совсем нов, солидно сделан, калитка или ворота замаялись вырезкою в заборе, так что приходилось переступить через порог фута в 2 — предосторожность от свиней. Несколько переkreцивающих дорог разделяли большое огороженное место на участки. На этих участках возвышались^б очень аккуратно сделанных высоких (1 1/2 фут.) полукруглых клумб (фута 2 в диаметре), они были правильно расположены, и земля очень тщательно измелечена. В каждой клумбе были посажены различные овощи, сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне незнакомой. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, которыми клумбы были сделаны, но, кроме простых кольев, я ничего не видал, и мои вопросы касательно земледельческих орудий работающие не поняли. Несколько небольших костров дымилось у забора (папуасы носят огонь с собой). Так как ♀ были вблизи, то молодые туземцы попросили^в меня уйти. Сделав эскиз виденного и побуждаемый жаркими лучами уже высоко поднявшегося солнца, я вернулся лесом и Горенду домой.

Вечером узнал у Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить», никак не мог объяснить! Туй очень интересуется географией и повторял за мною имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте, но он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били. Не знаю, удастся ли мне захватить его сына со мною, он кивает всегда головой на мое предложение.

142 Д. 10 февраля. Суббота. Посвятил сегодняшний день на рисование черепа из Бонгу. Приблизительно верно и как следует нарисовать такой череп (причем изучаешь все его особенности) берет много времени. Чтобы дать другим понятие о нем, приходится нарисовать с 5 сторон: сбоку, спереди, сзади, сверху и снизу. Череп^г моего папуаса хрупок, надо было обходиться с ним очень деликатно. Об особенностях папуасского черепа скажу главное, когда приобрету и нарисую по крайней мере полдюжины или десять, пока помолчу.

Славный день, думается, сменится дождливой ночью.

143 Д. 11 февраля. Воскресенье. Напала страшная лень, ничего не хотелось делать — что в точности исполнил. Приходивший Туй просил сделать, т. е. вырубить из дерева, идол для Горенду, так как корвет увез их старый. Я отказался — работы много.

^а их гитается предположительно.

^б По-видимому, далее пропущено слово с указанием на число клумб.

^в попросили гитается предположительно. В СС, т. IV: торопили.

^г Далее было нагато: придал очень.

144 Д. 12 *⟨февраля⟩*. Понедельник. Сегодня был счастливый день для меня, достал 6 хорошо сохранившихся целых черепов папуасов. Вот каким образом: месяца уже 2, как я находился в очень натянутых, если не неприязненных, отношениях (с жителями) соседней деревни Гумбу, случилось это вследствие глупости одного из жителей этой деревни. Этот субъект был как-то раз месяца 2 тому назад у меня в то самое время, когда я собирался идти в Гумбу. Когда он хотел уходить, я ему сказал, чтобы он бы подождал, что я пойду с ним в его деревню. Это сообщение не только его очень озадачило, но даже почему-то испугало, он переменился в лице, голос стал как-то дрожащим, и он стал меня уверять, что людей в Гумбу никого теперь нет, что дорога дурная. Когда^а я ему сказал, что я все-таки пойду, он заговорил, что люди меня убьют, что он сам не пойдет в Гумбу, а в Горенду, и наконец, не зная, что сказать более, он, как сумасшедший, кинулся бежать, не обращая внимания на дорогу.

Я отправился один, но, не зная дороги, забрел далеко в сторону, и начавшийся дождь помешал мне в тот день быть в Гумбу. Затем прошла неделя, другая, ни один из жителей Гумбу, приходивших прежде часто ко мне, не показывался. Прошел месяц — они не приходили и, когда я встречал их в других деревнях, сторонились от меня и быстро исчезали. Они еще более прервали всякое сношение (тем), что завалили на некоторое расстояние тропинку, которая вела от меня в их деревню. Не нуждаясь в них, я не обращал на все это никакого внимания, потому что они сами себя наказывали, оставаясь без табака, гвоздей и тряпок, меня же избавляли от их часто докучливого присутствия.

В последнее мое посещение Бонгу Туй проговорился и тем изменил положение дел. Говоря, что в Бонгу и Горенду черепов нет, он заметил^б, что в Гумбу есть, и хотя потом убеждал меня, что и там нет, было уже поздно — я сам захотел удостовериться и объявил ему, что пойду в Гумбу. Этого было довольно, чтобы Туи явился бы сегодня, как только что встал, желая мне сопутствовать. Это мне было кстати, так как дорога была мне не хорошо известна, был, правда, в Гумбу только в шлюбке.

Отправились в 7-м часу. С лишком полчаса шли молча, огибая бухту. Много перекрещивающихся тропинок заставили бы меня сбиться с дороги. В некоторых местах тропинка была завалена толстыми стволами сваленных и поваленных ветром деревьев. Мы подошли, наконец, к довольно крутому спуску. Размытая дождем тропинка, ведущая вниз, показала, что вся эта терраса, на которой стоял лес, состояла из песку и булыжника средней величины. Скоро послышался^в прибой, и минут

^а Было: что.

^б Было: он сказал.

^в Далее было: равномерный.

через 5 вышли мы к песчаному морскому берегу, на который равномерно, с шумом и плеском, набегал один вал за другим, между тем как у моей хижины, когда я уходил в море, было почти спокойно. Здесь открылся широкий горизонт, горы и^а северо-западный берег^б совсем отодвинулись влево, и вдали на горизонте открытого моря показались силуэты островов Кар-Кар и Ваг-Ваг. Более не было видно островов, может быть, вследствие пасмурности.

Вид открытого моря производит на меня постоянно одно и то же впечатление: меня так и тянет куда-то вдаль, далеко, за море... Даже чудные берега Италии, Малой Азии, греческих островов не могли изменить этого чувства — мне хотелось далее и далее... Я совсем позабыл, где нахожусь. Туй, опередивший меня, был далеко, и голоса мальчиков из Гумбу, что-то собиравших на берегу, вернули мое «я» в окружающую обстановку. Мы шли песчаным берегом, покрытым кругляками. Он возвышается тремя правильными террасами над настоящим уровнем моря, и здесь ясно можно было видеть последнее поднятие берега. На верхней — стоял лес, на 2-й террасе — мелкий кустарник и трава, 3-я — только что покрывается невысокой травой и край ее в высокую воду еще орошается брызгами прибоя. Пройдя с 1/4 часа берегом через 2 небольших ручья, Туй и присоединившиеся^в к нам мальчики указали мне на небольшую тропинку в лес. Пройдя опять довольно широкий болотистый ручей, я увидел пальмы и, поднявшись на следующую террасу (соответствующую первой — более высокой, с которой я сошел из лесу к берегу), я был встречен населением Гумбу, которое^г прокричало мне свое «эме-ме».

Я приступил сейчас же к делу — сказал, что пришел рисовать их идолов. Меня привели в совсем темную хижину, где под крышей висели 2 бревна футов в 15 или 18 длины, представляя нескольких идолов, стоящих один на голове другого. Было так темно, что об рисовании и думать было нечего. Я объявил спутникам, что в хижине нет солнца, что рисовать не могу и чтобы мне показали бы других^д. От площадки, вокруг которой стояли хижины, мы прошли лесной тропинкой к следующей площадке и группе хижин, между которыми возвышалась высоко крыша старой буамрамры. Там я нашел довольно хорошо сохранившегося идола Пам-Пам и другого, подобного тому, которого видал в первой избе. Три идола стояли один на другом. Срисовав их, я вышел

^а Далее было: дальний.

^б Далее было: который совершенно замыкает залив.

^в Было: шедшие.

^г Далее было нагато: немно.

^д Далее было нагато: Пройдя.

к группе папуасов, которые расположились у дверей, роздал каждому табак и, пока ри[совал] окружающие хижины, объявил, что желаю иметь черепа «тамо (людей) Гумбу». Послышались голоса и между прочими и голос Туя, что более нет — корвет забрал всех. Я оставался при своем, что есть, и показал кусок табаку, 3 гвоздя и ленту^а катуна — то, что я желал дать за каждый. Появился скоро один, немного погодя 2 других, затем 3 еще. Я с большим удовольствием роздал каждому обещанное, да еще с прибавкою, несмотря на сотни муравьев, связал черепа и, прикрепив к^б палке, взвалил на плеча. Прощаясь с туземцами, я пригласил по-прежнему посещать «тал Маклай» (дом Маклай) и приносить кокосы, сахарный тростник, картофель и т. д. Вследствие^в интересной и давно желанной ноши я промочил себе ноги, неосторожно переходя ручей, и благодаря ей дорога назад, несмотря на жару, показалась мне короткою.

Черепки великолепны, разумеется, очень жаль, что к ним нет нижних челюстей, но пока я и этим доволен. Работы теперь мне на целых 6 или 7 дней перерисовать всех! Бумага писчая и для рисования с каждым днем убывает, и я боюсь, что не хватит на следующие месяцы! Плохо...

145 Д. 13 февраля. Вторник. Бился все утро над рисованием одного черепа; надеюсь, не над каждым придется сидеть так долго. Кончу эту работу, думаю отправиться в Колику и потом в Били-Били.

146 Д. 14 февраля. Среда. Сегодня несколько замечаний о пище: вот уже 5 месяцев, как я питаюсь почти исключительно растительною пищею, и мне ее действие на организм становится весьма чувствительно, оно состоит в значительной общей слабости сравнит[ельно] с сост[оянием] при моей прежней пище и потом в огромном количестве растительных матер[иалов], которые приходится проглотить в день, да и то не чувствовать себя вполне сытым. Для примера перечислю здесь, что мне пришлось съесть сегодня в день, когда мне не пришлось заниматься физическою работою и даже когда я почти вовсе не сходил с моей веранды, так как я утром рисовал черепа, перед обедом читал. Кроме большой тарелки с вареным рисом за завтраком и другой с бобами за обедом, я съел 1 кокос, штук 9 аусь (цвет^г тростника (2 ирзб)), 12 банан, около 3/4 таро и с чаем высосал сахарного тростника футов 4 длины и при всем этом количестве травы не чувствовал себя сытым, съел бы еще, если бы масса уже съеденного не была так велика. Приходится много зараз или часто есть, недостаток припасов заставляет

^а Было: кусок.

^б Далее было: свой.

^в Было: благодар[я].

^г цвет гитается предположительно.

думать о приобретении пищи, и все вместе меня очень стесняет и мешает мне. Был поэтому доволен, когда Туй принес мне испеченного таро, которого прежде я не видал, и объявил, что в Горенду и соседних деревнях этого «аян» много — прибавка и разнообразие нашего стола. Плохо, что у меня так мало приправ и нет ни жира, ни масла, кроме соли и кёри, и того и другого в малом количестве, теперь нет ничего.

147 Д. 15 февраля. Четверг. Только что я расположился рисовать 5-й череп, явились гости. Это были люди из дальней горной деревни и потому мне интересные объекты наблюдения. Я их хорошо принял, дал табак и красных тряпок, чему они очень радовались. Ни физиономиями, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих прибрежных соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица^а, некоторые отворачивались и потом осторожно заглядывали снова в зеркало, но под конец заморская штука им очень понравилась и они почти вырывали зеркало друг у друга. Я выменял у одного из гостей футляр для извести с оригинальными орнаментами за несколько железных безделок. Мы расстались друзьями.

По их уходе В. заметил, что из нашей кухни пропал нож, и подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Придется принять меры против повторения таких оказий. Сегодня, однако же, я не мог отправиться в деревню для обличения вора — пришлось заняться шлюбкою, которая стала сильно течь. Вытащил ее на берег, и мои опасения оказались справедливыми: во многих местах оказались проточины^б червей. Я решил (не имея с кем посоветоваться, так как В. ничего об этом не смыслит), очистив низ шлюбки, покрыть его тонким слоем смолы. Для этого надо было опрокинуть или поставить на бок шлюбку, что было для двух тяжелою работою, которую, однако же, одолели. Небольшие тали³⁶, подаренные мне П. П. Новосильским (спасибо ему!), очень помогли. Завтра часов в 5 примемся за чистку и смоление шлюбки; значит, в 4 1/2 придется встать, теперь 9 1/2 — пора, значит, спать, выйдет как раз часов около 7 сна.

148 Д. 16 февраля. Пятница. Встал в 4 1/2 часа, было еще темно; развел костер и приготовил чай. В. я не мог бы добудиться так рано. В 5 1/2 сошли мы к шлюбке, которая оказалась во многих местах сильно повреждена червями. Приготовив замазку и дав просохнуть шлюбке от ночного дождя, я приказал В. высмолить всю часть ниже ватерлинии. Я был занят^в около шлюбки, когда пришел впопыхах один из жителей

^а Было: физиономии.

^б Было: следы.

^в Далее было нагато: замазкою.

Горенду и объявил, что пришел по просьбе Туя, на которого обрушилось дерево, которое он рубил, и сильно ранило голову и что он теперь лежит и умирает. Я собрал все необходимое для перевязки и поспешил в деревню, где нашел ушибленного полулежащего на циновке и жующего тростник. Он был обрадован моим приходом и, видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, охотно снял ту, которая была на голове, из трав и листьев. Рана была немного выше виска и довольно длинная, с очень разорванными краями. Впопыхах я забыл захватить кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими, которые были со мною, я раздражал только рану. Мелкокурчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору.

Кроме пришедшего со мною молодого папуаса, одного старика и малого сына Туя, в целой деревне никого не было: мужчины были на работе в плантациях, женщины, как мне сказал Туй, ушли за аусь и сахарным тростником. Когда я рассказал Туя и старику о вчерашней поклаже и сообщил подозрение на одного из жителей Горенду, оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Получив кокос (без требования табака) за визит, я вернулся домой, но, позавтракав, опять возвратился в Горенду с ножницами, корпиею etc., etc. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество, между прочим находился и предполагаемый вор. Когда я кончил перевязку, я обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мой нож!»; он очень покойно, совершенно как бы ни в чем не бывало, вытащил требуемый нож и подал мне его. Это, однако же, случилось ⟨по⟩ требованию, как я узнал потом, других жителей Горенду. Я был очень доволен этим окончанием дела. Туя я объяснил, чтобы он лежал бы, не ходил бы по солнцу, что он при мне пробовал делать. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица, она^а выражалась в более холодном тоне (по выражению живописцев) цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток аусь и сахарного тростника, приготовленный для меня. Это был гонорарий за лечение, он не хотел взять табаку за это, который я, однако же, ему оставил.

Многие жители Горенду, указывая на деревья, стоящие у дома, и угрожая мне падением их на дом и на меня, предлагали пересе[литься] в Горенду, прибавляя, что крыша моя нехороша, что дождь протекает. В последнем они правы, я заметил сейчас, что луна просвечивает через мою крышу.

149 Д. 17 февраля. Суббота. Кончил рисование моих черепов, они все оказались *hypsisistenocephali* (по Wolcker'у), т. е. длинновысокоголо-

^а Далее было: я не берусь сказать, как.

вые. Был в Горенду перевязать рану Туя и во всей деревне не нашел никого, исключая 3—4 собак, все были на работе. Туй, должно быть, чувствовал себя лучше и также ушел. В 3 1/2 часа проливной дождь до 6 помешал повернуть шлюбку на другую сторону.

150 Д. 18 февраля. Воскресенье. В моей довольно однообразной жизни сегодняшний день представляет значительное разнообразие, могу даже сказать, что я ожидал этот день почти 5 месяцев. Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в худшем состоянии, чем третьего дня, рана сильногноилась и даже над и под глазами распространилась значительная опухоль. Побранив больного за его легкомысленное вчерашнее гуляние, я перевязал рану и сказал, что вернусь к нему вечером.

Я только что расположился обедать, как прибежал Налай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду, что для меня готова рыба, таро, аусь и сах[арный] тростник. Пообедав, однако же, дома, я отправился с Налаем и другим пап[уасом], также жителем Горенду, Лалу в деревню. Пройдя ручей, я услышал за мною восклица[ние] Лалу. Обернувшись и спросив, что такое, узнал, что Л. наступил на змею, которая очень «борле» и от укушения которой человек умирает. Я сейчас же вернулся к тому месту. Лалу, указав на змею, спокойно лежащую на тропинке, удалился шагов на 5, постоянно крича: «Борле, борле, ака, Маклай муен» (дурно, дурно, нехорошо, М. умрет). Чтобы овладеть животным, мне, к сожалению, пришлось раздавить голову. Позвав В., я отправил мою добычу домой и отправился скорым шагом (солнце садилось) в деревню.

По моему обыкновению, мой двукратный свисток предупредил жителей деревни о моем приближении. Я это делал постоянно, чтобы женщины имели бы время спрятаться, зная, что моим соседям не хочется показать мне их; я не желал стеснять их и не показать, что я подкрадываюсь, чтобы подсмотреть их образ жизни etc. Папуасам очень нравился мой образ действия, видя^а, что я поступаю с ними открыто и не желаю более видеть, чем они хотят мне показать. При моем свистке ♀♀ прятались в кусты и в хижины. Сегодня то же самое. Пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану и расположился около больного, около которого собралось уже большое общество соседей и также жителей Гумбу и Бонгу.

Туй заметил, что при моем кан-кан-кан (в нос) (название моего свистка) все нангли убежали, что это дурно, так как Маклай — тамобилен (человек хороший). При этом я услышал за мною женский голос, как будто опровергавший слова Туя, и увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась; это была жена Туя — старая, очень некра-

^а Было: зная.

сивая ♀ с отвислыми плоскими длинными грудями, с морщинистым телом, но, к счастью, одетая в род юбки из травы, которая от пояса опускалась до колен. Волосы ее висели плоскими масляными прядями или пучками вокруг головы и опускались также на лоб. Несмотря на ее безобразие, она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим очень понравилось. Затем из-за хижин появились ♀♀ разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, я каждой пожимал руку, и только молодые девушки хихикали и прятались. Почти каждая ♀ принесла мне по палке сахарного тростника и по пучку аусь. Все, кажется, были довольны новым знакомством или тем, что сбросили лишнее стеснение — прятать своих жен при моем приходе.

Мужчины образовали группу около лежащего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю и немного говорю). Женщины расположились около жены Туя, занимавшейся чисткою таро, и составили другую. Многие из молодых женщин, как, например, жена старшего сына Туя — Бонема, были недурны собою. Лицо и тело было довольно кругло, и небольшие стоящие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа. Как и там, девочки, кажется, и здесь очень рано развиваются, почти у детей груди уже начинали развиваться. Все девушки имели пояс из травы разной длины и различной густоты. Эта одежда мне кажется очень удобною (она была прежде общераспространена на островах Тихого океана).

Я обещал принести завтра подарки женщинам за сегодняшние приношения, которых образовалась такая грудя, что я не мог один снести ее домой и оставил часть до завтра. Я поспешил домой, потому что темнота уже наступала, и не успел я дойти до дому, как ливень захватил меня.

Я доволен^а сегодняшним днем, потому что он доказывает, что недоверие понемногу исчезает и мое поле наблюдения расширяется, но это достается мне ценою 5 месяцев^б далеко не легкой жизни! Хорошо также, что при моем знакомстве с Горенду присутствовали и люди из других деревень: они последуют этому благоразумному примеру (надеясь!). Но все это идет *immer sehr langsam voran!*^в

151 Д. 19 февраля. Понедельник. Пришел в Горенду, нашел рану Туя в худшем состоянии, чем предшествующие дни; он не лежал спокойно, даже не мог усидеть на одном месте и ходил много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер у его хижины потух. Налой был

^а Было: рад.

^б Возможно: месячной.

^в Вперед все же очень медленно (нем.).

послан за огнем, но, вернувшись минут через десять, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было, хижины все плотно заложены камышом, то Туй сказал сыну, чтобы он осмотрел все хижины, не найдет ли внутри хижин огня. Пришли несколько девочек и вместе с Налоем осмотрели все хижины.

Туй очень досадовал, что нет огня ни для таро, ни для него, желая очень курить, прибавил, что огонь принесут люди с поля. Пришедшие ♀♀ расположились около нас; они с большим любопытством осматривали меня, были очень ласковы и принесли мне орехов и банан и наперерыв угощали меня. У девочек волоса совсем обстрижены и у многих смазаны известью. Замужние носят их длиннее, и «гатесси» висят вокруг всей головы. У женщин и у девочек висит на шее большой мешок, больший, чем у мужчин, они его носят на груди или на спине, в последнем случае шнурок упирается в лоб и полный, иногда тяжелый мешок немало давит голову. Форма груди совершенно походит на форму груди женщин полинезийского племени^а. Нос пробуравлен, и кроме обыкновенного ушного отверстия, верхняя часть ушей также пробуравлена, и через оба отверстия проходит шнурок, которого средняя часть лежит на *pars parietalis*, оба конца с украшениями из раковин или зубов собаки или свиньи висят до плеч^б.

Уходя, я увидел привязанного под крышей большого жука, совершенно целого, ⟨он⟩ очень энергически старался освободиться от привязи. Налой объявил, что это его жук, что он его принес с поля, чтобы съесть, но что я могу взять его. Туй указал мне на паука и сказал, что жители Б[онгу], Г[оренду], Б.^в etc. едят также и «кобум», пауков. Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинок бабочек, жуков, пауков, и все это в живом виде.

Вернувшись домой, у меня разболелась так голова, что пролежал весь день и не мог сдерживать слова, данного ♀♀, принести им тряпок и табаку.

152 Д. 20 февраля. Вторник. Подходя по утру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин; последнее обстоятельство, т. е. застать женщин, не ушедших на работу, очень удивило меня, но, приблизившись к лежащему Т., я увидел, в чем дело: весь лоб, глаз, щека и верхняя часть шеи образовали сплошную подушку, и Т. мог еле-еле говорить, указывая на щеку и на язык, что не может говорить. Выдавлив с раны целую массу «pus»^г, я вернулся домой за припарками, думая тем очистить рану, не имея льду и ничего другого, годного в

^а На полях рисунок.

^б Было: почти до плеч.

^в В РПТ соответственно: Гумбу.

^г Гной, сукровица (лат.).

данном случае. Когда я вернулся, все общество было обрадовано моим возвращением; в принесенном котелке было приготовлено льняное семя и приложено к ране.

Я оставался в Горенду более 2 часов, прикладывая припарки, не надеясь на присутствующих ♀♀, и все время посетители около больного сменялись. Это были жители Бонгу и Горенду, и главное занятие женщин и девочек было искать в волосах мужчин вшей. В 5 часов в 3-й раз был в Горенду. Каждой замужней ♀♀, которых оказалось 8, я принес кусок красного катуна, 2 иглы, ниток и по куску табаку, и каждой незамужней, включая и девочек старше лет 8, которых было 6, по куску катуна. Общая раздача шла гораздо спокойнее, чем подобная же мужчинам. Женщины получали свое и уходили, не просили прибавки и только, улыбаясь и хихикая, выражали удовольствие; женщинам, однако ж, больше всего понравился табак, нитки и иглы произвели мало впечатления.

Жены Туя и Бонема готовили ужин для семьи, и меня снова удивило^а страшное количество, которое должно было быть съедено в этот вечер. Эта масса балласта, которою приходится напихивать живот этим травоядным животным, так велика, что их животы набиты, выступают против нормальных контуров, но им все еще мало, все еще едят. Интересно бы сравнить вместимость желудков^б американского^в индейца и папуаса. Это положительно не жадность, которая заставляет много есть в этих странах с недостаточною животною пищею, а потребность.

153 Д. 21 февраля. Среда. Чувствовал себя очень скверно, но опасение об ухудшении состояния Туя заставило меня отправиться в Горенду, но я едва-едва добрал до деревни. Припарки немного помогли, опухоль была меньше.

154 Д. 22 февраля. Четверг. Пролежал весь день — пароксизм.

155 Д. 23 февраля. Пятница. Туя застал сегодня одного — ♀♀ отпавились работать, резать аусь, вырывать таро и сахарный тростник. На долю ♀♀ приходится здесь порядочно работы, и более постоянной, чем мужчин. Они уходят с восходом и возвращаются с заходом солнца. Людям в диком состоянии больше потребность <в> ♀♀, чем в^г нашем цивилизованном мире. У диких ♀♀ более работают для ♂♂, у нас наоборот. С тем связано и желание наших ♀♀ нравиться и уборы баб^д, чтобы получить мужа, и большое количество неженатых ♂♂. Здесь, где

^а удив[ило] *гипотеза предположительно.*

^б Было *нагато*: живо.

^в Вписано: или.

^г Далее было: образован[ном].

^д и уборы баб *вписано.*

каждый берет себе жену, женщины менее обращают внимание на украшения. Остановясь около хижины одного туземца, я обратил внимание на его <...>^{a 87}.

〈Разрозненные заметки об островах Пасхи, Таити, Самоа, Ротума. 1871 г.〉

〈Остров Пасхи〉

Покойника на Rapa-Nui клали на морском берегу так, чтобы лицо было обращено бы к морю.

На Мангарева клали на Y-подставку и потом несли на высоте головы в пеще[ры].

Дома на о. Пасхи построены из ветвей торомира и покрыты листьями сахарного тростника. Длина 5—6 саж., высота от 1 м до 1 саж. Не было никакой утвари домашней, исключая калесасы для воды. У малых домов 1, у больших — 3 дв[ери]¹.

На одном женском идоле с о. Rapa-Nui, виденном мною на Мангареве, особенно хорошо были вырезаны внешние половые органы, которые как знак находятся на многих изображениях из камня с о. Пасхи². Что делает, как и многие другие подробности, несомненными близкие отношения строителей больших идолов и артистов, резавших своих идолов.

Женщины наход[ились] в Рапануи в большом пренебрежении. Когда мужчина ел, жена и дети оставались вне дома, и он им изредка бросал остатки своей пищи. На ♀ лежа[ли] все трудные работы.

Вокруг Пасхи нет коралловых рифов.

Дождевые дни по Борнье³.

Апрель, последняя 1/3 месяца	— 2 дня	Авг. весь месяц	— 13
Май, весь месяц	— 15	Сент. » »	— 11
Июнь » »	— 10	Окт. » »	— 5
Июль » »	— 15	Ноябрь, 1/2 месяца	— 4

^a Здесь рукопись обрывается.

Из камней вулкана Utuiti⁴ сделаны были идолы.

Деревянные таблицы с Рапануи⁵.

Таитский епископ показ[ал] мне 5, из которых одну подарил мне⁶.

1) Самый древний обломок, большой, грубо вырезанный. Уплощенный. 7 рядов гиероглифов. 23 см <длины>, 11 см ширины, 2 см толщины⁷.

2) Дерево темное, как будто отполированное (9 рядов гиероглифов), 36 см <длины>, 11 см ширины, 1 1/2 см толщины⁸.

3) Похожая на 2-ю, на одной стороне гиероглифы в 12, на другой — в 10 рядов. 41 см <длины>, 15 см <ширины>, 2 см <толщины>⁹.

4) Как кажется, обломок весла, по 8 рядов гиероглифов, 90 см длины, 11 1/2 см ширины, 1 1/2 см толщины.

№ 4. В ряду 105, на одной стороне 840, на обеих приблизительно 1680¹⁰.

№ 2. $45 \times 8 = 360$, т. е. с обеих сторон 720.

На разных таблицах разные знаки. Прочтя строку, надо перевернуть таблицу. Дерево таблиц различно, за недостатком они употребляли <...>^a

<Остров Таити>

I. О. Таити. Июля 21. Около 3 часов пополудни бросили мы якорь в гавани Папенти.

II. Таити. Июля 21 около 3 часов в Папенти.

Вечер у Брандер¹¹.

22. Нанял небольшой дом с садом¹².

23. Голодал воскресенье.

24. Поездка с В. камен <1 нрзб>.

25. Приезд к Stuart¹³.

26. Праздник в Папара. Упа-упа¹⁴.

27—8. Посещение старой Помаре и портреты¹⁵.

29. Возвращение в Папара. Вода!¹⁶

1 авг. Уход из Таити. <1 нрзб>.

III. Празд[ник] в Папара.

Красивые прически женщин.

Люди мало едят, мало шума.

У женщин преимущественно зеленые листья и белые цветы. Они вообще одеваются со вкусом. Широкие развевающиеся платья, венок на голове и цвет[ок] за ухом, распущенные волосы¹⁷.

Танец. Танцовщицы, певицы — в синем.

^a Здесь заметка обрывается.

Туриа, 15 лет. Папара, о. Таити.
27 июля 1871 г.

Тофа. Атимаано, о. Таити.
28 июля 1871 г.

Весь корпус извивался, певичы повторяли движения танцовщиц.

Танцовщиц 2—4—5, иногда присоединялись ♂. Телодвижения <1 нрзб> не контр[олировались], колени сгиб[ались] вперед, торакс^а <неск. нрзб> также подни[мались] в разные стороны, задница двигалась тоже, руки, начиная с плеч, принимали раз[личное] положение, кисти рук двигались, причем палец большой касался кисти.

30—20 женщин, 30—20 мужчин <2 нрзб> только высказывали. Хлопали в ладоши. Странно, когда трясли сладострастно и животом движения.

♀ со спокойствием, которое они принимали сейчас же после танца. Девочки менее 10 лет уже пляшут и исполняют все необходимые телодвижения.

Пение довольно монотонное.

Телодвижения руками: точно как хватающие и указывающие на известное место. Некрасивые космы очень мешают.

Певичы отставляли правую ногу, которая <неск. нрзб> на другой, согн[утой] стояли. Иногда начинали медленные телодвижения, которые <неск. нрзб> и делались все отчаяннее. Лицо принимало боль, участвующие в телодвижениях выражали приблизительно, что выражает

^а Грудь (грец. thorax).

Паофай, 35 лет, о. Таити

«Король» о. Бора-Бора

лицо при совокуплении, губы улыбались, суживались глаза, выдвигались и блестели.

Преобл[адающие] цвета — голубой, красный, белый, желтый, головы при пляске откиды[вались] немного назад, глаза бы[ли] опущены. Под платьем была рубашка, под ней — парео¹⁸. Колени далеко расставлены, каждый танец (подобно coitus'у) очень недолго продолжался. Доходил до ejaculation и потом прекращался. <...>^a При коитусе углы губ опускаются вниз, глаза полуоткрыты.

Постройка в виде сарая, в середине крыша поддерживается столбами, стены состоят из ряда окон. Это здание будет исполнять роль ратуши¹⁹.

Пляска и пение продолжались при лунном свете, и скоро пары уходили в сторону, действительно исполняя те цели, которым их танцы служили подобием²⁰.

2 рода Morai. Погребение и род <1 нрзб> храма²¹. Все разрушены. От большого около Папара находятся все ступени <неск. нрзб>. Он сам прост <1 нрзб> видел разрушения. Г-н Stuart употребляет обтесанные камни на постр[ойки] <1 нрзб> также немецким миссионером.

^a Здесь мы выпускаем фразу, связанную с интимным воспоминанием Миклухо-Маклая, навеянным зрелищем танца.

Полинезийцы, видя, что разные древние вещи их покупают европейцы, приготавливают их теперь нарочно.

В Таити находили тоже каменные идолы²².

Идолы с Рапа-Нуи. На головах идолов изобр[ажены] человеческие фиг[уры] с хвостами и человеческими ногами, руками и головами.

Все свинства были сделаны с согласия г. Брандера²³.

Положение пасквитян²⁴ у Брандера мерзкое. *⟨неск. нрзб⟩* *⟨...⟩*

На плантации Atimaono²⁵ наход[ятся] теперь с лишком около 1000 рабочих различных рас и племен, прибрежных и островов Тихого океана; большинство состоит из китайцев, но есть также между ними жители островов Полинезии и Меланезии. Между первыми люди с островов Кука, Паумоту и др., из Меланезии с островов Ново-Гёбридских. Последние имеют совершенно папуасский курчавый волос и темно-коричневый цвет кожи. *⟨...⟩*

Обычай тепи²⁶.

Во время царствования короля слова, составл[яющие] его имя, заменялись новыми, например: vai — rare (вода).

Po/mare* — Po (ночь) rui

Ночь — кашля

Mare (кашель) hota

(Эта ночь была ночь кашля!) Эти 2 слова выведены из теперешнего словаря, хотя произнести эти слова не наказывается смертной казнью. Этот обычай изменяет, но не очень и только в больш[ом] промеж[утке] времени, язык таитский²⁸.

Мое имя по-таит[ски] Никорао Микрухо-Макрай²⁹.

Много светлых волос. Разница между детскими черепами и черепами взрослых. Чохотка не от климата, а от небрежности к гигиене.

* Происшествие случилось с одним из предков Помаре, называвшимся Оту²⁷. Этот обычай, наз[ываемый] на Сандвичевых островах обычай тепи, называется здесь «обычай эпи».

〈Самоа〉

12 авг./31 июля в 11 час. стали на якорь³⁰.

Постройка хижин. Фундамент овальный, как на Таити *〈1 нрзб〉* покрыты местным камышом. *〈1 нрзб〉* Стены из циновок. Углубленное место назначено для костра. Сидят все, скрестив ноги. Часть дома отгорожена и *〈1 нрзб〉*³¹.

Тапы — украшения, на них преимущественно прямое изображение листьев³².

Средний рост около 170, объем груди 67 *〈см〉*.

Крытье из листьев сахарного тростника³³.

Вечер у г-на Вебера³⁴.

Вольная любовь. Совокупление дети начинают, как только могут рано, девочки и мальчики лет 9, 10, 11 женятся, ♀ часто 11, 12 лет, регулы, однако ж, не наступают ранее 13, 14 лет. У таких рано — О^а девок не рождается обыкновенно детей, другие браки бывают многодетнее. 6, 7 детей не редкость, среднее количество не менее 4 детей.

Татуиров[ание] остается в полной силе, хотя стоит диким дорогое. Они бреют волосы (не все) у половых органов. Это делали прежде стеклом, теперь бритвой. Первый волос бреют у половых органов ♀.

Существует еще обычай, который прежде был очень распространен, особенно у высших начальников. Собиралось общее собрание днем, садилось вокруг, в середине располагался жених. Невеста, одетая у пояса в легкую тапу, сбрасывала ее, расставляла ноги, и жених разрывал пальцем *нупеп*, кровь собиралась на циновке, которую тщательно сберегали. *〈Если〉* была уже ранее произведена *defloratio*, *〈это〉* срами-ло всю деревню невесты.

Миссионеры очень восстали против обычая этого, но он производится еще и теперь втихомолку.

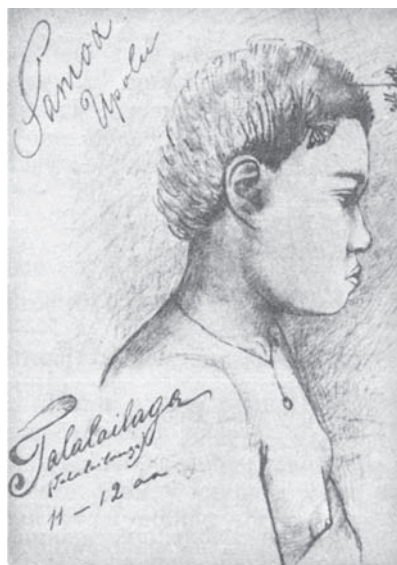
Целовали здесь прежде носы^б, что и теперь происходит, но европейский обычай целоваться губами распространяется все более и более, особенно умеют это уже ♂.

^а Т. е. дефлорированных.

^б Т. е. целовались носами.

Тоау, о. Уполу

Талалаиланга, 11—12 лет,
о. Уполу

Коммунизм в Самоа мешает очень трудно³⁵: люди с других островов, зная, что *⟨1 нрзб⟩* остаются у них, лучше *⟨1 нрзб⟩* хорошо работать.

Ни на одном из восточных островов Полинезии от Фиджи нет и следов горшечного искусства³⁶, что на Фиджи находят *⟨1 нрзб⟩* сосуды островитян *⟨1 нрзб⟩* купленные от европейцев.

Язык самоанский изменяется постоянно; легкость, с которой туземцы вводят слова из других языков Полинезии и даже из европейских языков.

Гробницы в Самоа террасообразно построены. Большая находится на *⟨1 нрзб⟩*³⁷.

Внутри острова были жители, как свидетельствуют остатки домов и *⟨1 нрзб⟩* растений. Это было около 150 лет тому назад. Население было $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ более, чем за сто лет. Теперь 30—35 тыс. на всех островах.

Священные камни (в которых нах[одится] аико³⁸) и деревья, особенно на мысах, выходящих в море. Аико всегда в представлениях череп.

Сетали, 28 лет, о. Уполу

Самоанка, 12—13 лет.
Август 1871 г.

Дети начинают ходить 1/2—1 год.

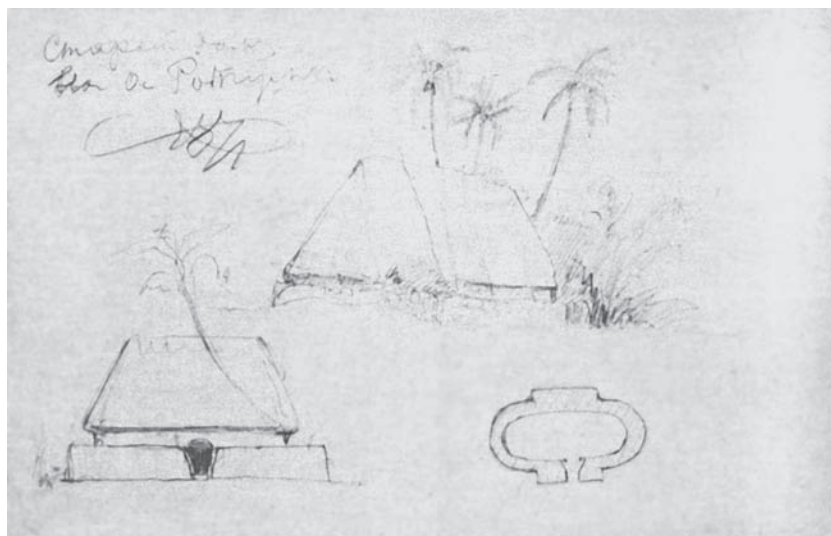
Маленькие дети боятся очень белых, их страшат также белым человеком.

Физиономии девочек около 9—10—12 лет мало отл[ичаются] от лиц ♂, но трудно сказать, имеют ли ♀ вид ♂ или наоборот.

Изменение краски лица.

Несмотря на темный красновато-коричневый цвет кожи, цвет лица изменяется: он делается темнее, когда люди чего стыдятся; они бледнеют при злобе, во время или перед боем их лица делаются значительно светлее *(1 нрзб)*.

Татуировка производится этим инструментом, концы гребня опускают в краску и, вонзая в тело, ударяют по головке гребня *⟨1 нрзб⟩* деревянной палочкой. Тело вымазывают маслом. Татуировка производит значительную боль, не делается сразу, а в продолжение почти целого года. Люди *⟨1 нрзб⟩* не имея ее, другие же считаются молодцами, не подвергаясь значительной физической боли.

Старый дом на о. Ротума

В языке Самоа нет разл[ичия] между «купить» и «продать», то и другое выражается словом *фаатау*.

*Пляска в Матауту*³⁹. Овальный пол был устлан циновками, на одной стороне сидели певцы, вокруг у стен располагались зрители, скрестив ноги.

Началось представление негромким хлопанием в ладоши, которое постепенно усиливалось до значительного шума. Это был призыв, минут через 5 началось пение и явились 2 танцовщицы. На головах был у них род диадемы из раковин в 2 ряда. Кроме того, в волосах были цветы, на шее висело ожерелье из пахучих трав с красными плодами, также нити, нанизанные, как бусы, (из) красных ягод. От пояса, ниспадая ниже колен, был надет на них род юбки из водорослей бурого цвета.

Описание танцев весьма трудно, можно только (дать) очень поверхностное понятие о них. Жесты ♀♀ были скорее пантомимы, чем пляска. Минут через 5 они скрылись и хор замолчал. После короткого антракта явились 2(-я) пара ♂ вместе с 1(-ой). Они были одинаково одеты, их юбка из бурой травы была очень толста у пояса, но понемногу делалась не так обильна у колен и потом расходилась раздувающимися тонкими листьями; юбка доходила у первых почти до пят, так что только были видны ноги. Грудь была почти закрыта ожерельями из травы, сухих разноцветных семян и бус. Пение монотонное, как и в

Мужчина с о. Ротума

Рианко, лет 28—29,
внук последнего короля Ротумы

1<-й> раз. Бабы ходят и скачут из угла в угол и почти не глядя на других. После 2 или 3 подобных отделений танцы <1 нрзб>.

После особенно оживленного вступления хора на сцену впрыгнули с двух сторон через головы сидящих и костер 2 красных <1 нрзб> здоровенных мужчины-начальника. На них был их обыкновенный наряд: ожерелье из пахучих трав и цветы на голове <1 нрзб> шапки волос особенно взбиты. Сцены было мало для их громких прыжков. Но скоро стало еще теснее. Явились сперва одна, потом другая танцовщица, мужчины сейчас же приступили к ♀, но эти показывали вид — не хотят с ними и знаться. Но как только ♂♂ отходят, ♀♀ приближаются к ним. При следующей перемене ♀♀ являются в <1 нрзб> юбках и доходящих только до колена, и снюхиваются.

При следующих, когда уже выбор пар уста[новлен], вместо травы ♀♀ одеты в тонкие тапа. Мужчины начинают яриться и теревить за одежду ♀♀, При следующих фигурах танца уже и ♂♂ <1 нрзб> концы, поднимая ее по временам.

Темп танца усиливается. Тапа заменяется листьями, и трава уже не закрывает стана, а обвивает слегка туловище ♀♀. ♂♂ все делают более неистовые движения, срывают клочки последнего покрова и стараются приблизиться, выбрасывая к огню.

Явившиеся ♀♀ при следующей фигуре, совершенно оголенные мужчины и продолжают танец голыми, причем ♂♂ становятся на коле-

ни у костра и, держа одной рукой стан ♀, горящей головней опаливают редкие волосы ♀ на Mons Veneris. Intermezzo хора туземного.

Танец делается все иступленнее, и хор ускоряет tempo, к ударам в ладоши присоединяется присвист.

Костер по временам вспыхивает и освещает начало и уже продолжение coitus'a⁴⁰.

⟨Ротума
16(28) августа 1871 г.⟩⁴¹

Отец семейства не ест с ♀♀, а отдельно, не на циновке, а на этой скамейке⁴².

2 типа: один общий ⟨*неск. нрзб*⟩ с плоским носом, другой с крючковатым, но переход[ным] от одного к другому, есть цвет довольно светлый. Волосы почти у всех курчавые, некоторые мелко завитые, не крашенные.

Встречаются красивые лица. Любимая поза — со скрещенными ногами или на корточках. На мой поклон многие отвечали поднятием бровей и взглядом на небо. Дети имеют общий полинезийский тип. Одеты в рубашки и парео. Миссионеры предполагают, что есть примесь китайцев ⟨*1 нрзб*⟩.

Колодцы, культ покойников.

Дома разбросаны без симметрии; нет улиц, кладбище находится ⟨*неск. нрзб*⟩.

У многих детей ниже 10 лет светлые волосы каштанового цвета, у других — черноватые, завитые в локоны, у третьих совершенно гладкие, также заметно разного цвета. Вообще можно сказать, что тип жителей не так однообразен, как на Таити и Самоа⁴³.

Миссионеры вывели старые танцы и песни. Но вероятно, что еще в деревнях в стороне от надзора миссионеров старые обычаи сохр[аняются]⁴⁴ ⟨*1 нрзб*⟩. Волосы они теперь носят довольно короткие и не красят их. У многих виден рыжеватый или русский оттенок волос.

Голоса островитян Ротумы очень звучны и приятны, к сожалению, слышал я только испорченные мотивы католических церковных песен.

Если посмотришь на хорошенькую девочку, она очень часто заглядывается, действительно ли на нее ты смотрел.

Цвет ново-гебрид[цев] не темнее здешних жителей.

Некоторые ♀ носят короткие волосы, другие — длинные, распущенные по плечам. Зубы большие, крепкие, немного кор[ичневые] от кавы. Татуировка на руках и даже на пальцах между ♀ тоже 2 типа.

Брови и ресницы большие и черные. Рот большой, но довольно красивый.

У очень многих еще молодых есть морщины.

Широкие листья служат зонтиком от дождя⁴⁵.

〈Календарь второго путешествия на Новую Гвинею 1 января—30 июля 1874 г.〉

1—2 января. Банда.	30 марта. Лакаия.
3 января—14 февраля. Амбоина.	31 — » — Каю-Мера.
14 февраля. 〈Отплытие〉 из Амбоины.	1 апреля. Каю-Мера. Драмай.
19—23 февраля. Гессир.	2 — » — Айдума, Мавара.
24 — » — Горам.	3 — » — Наматоте.
25 — » — Ватабелло, до утра 26-го.	4 — » — Наматоте.
27 — » — Ади. Новая Гвинея.	5 — » — Кайва — Наматоте.
28 — » — Наматоте.	6—10 — » — Наматоте.
1 марта. Айдума, Мавара.	11 — » — Наматоте — Айдума.
2 — » — Лобо.	12, 13 — » — Строили хижину.
3 — » — Архипелаг Мавара.	14 — » — Переселился. Вакера.
4 — » — Айва; начал строить хижину.	15 — » — Радья Айдума.
5—7 — » — Постройка хижины.	23 — » — Захват капитана Мавара и сно-
7 — » — Переселился (в хижину на	ва урумбай (N).
мысе Айва).	24 — » — Ади. Тумбу-Тумбу (O).
21 — » — Вечером Койра.	25, 26 — » — Кумава, вдали Теур.
22 — » — Ломира и Какака-Валлар.	27 — » — Вдали Кур, Каймар, прошли
23 — » — Озеро и назад в Варику и	вечером Теур, ночью Кисивуй.
Койра.	28 — » — Матабелло, Амар
24 — » — Айдума.	29 — » — Кильвару.
25 — » — Каю-Мера.	30 — » — Отправил Иосифа в Банду.
26 — » — Лакаия. Бавия.	До 〈23〉 мая. Кильвару.
27 — » — Гуру-Гуру.	〈24 мая〉—30 июля. Банда. Амбон.
28 — » — Айвона. Нападение ¹ .	Амбоина. Буру. Тернате. Менадо.
29 — » — Айвона, возвращение (из экс-	Горонтало. Макассар. Сурабая. Ба-
курсии в горы).	тавия.

〈Разные заметки. Май—ноябрь 1874 г.〉

В местности Сафар (1873 г.) анакода Макассара Манрулу, роздав людям Наматоте и Мавара 〈товары〉 и не дождавшись в продолжение нескольких месяцев уплаты масоем¹, принужден был бежать, потому что радья муда Наматоте и капитан Мавара собрали много людей и хотели напасть на его 2 прау.

При очной ставке капитан Мавара признал анакоду.

Самаранг. Здешние девушки иногда до 18—20 лет носят детский костюм: штаны и поверх довольно короткую рубашку. Я встречал многих с развитыми грудями, толстой ж〈...〉 и массивными ногами. Молодые люди здесь не считают подобный костюм возбуждательным.

Приблизительная смета (сделана в 1886 г.)

Платил (кажется) Давиду — 25 флоринов (долларов 10) в месяц.

» » Иосифу — 15 (6 долл.).

Людям Серам-Лаут — по 20 фл. (ок. 8 долл.) 3 месяца, за урумбай — 50 фл.²

Экскурсия из Кильвару в Папуа-Ковиай и обратно в 1874 г. обошлась мне, имея 19 людей с собою и урумбай, около 1000 фл. голландских, или 400 долларов, то есть, считая 3 месяца, 133 доллара в месяц (то есть при теперешнем курсе около 275 руб. в месяц). I. e.^a такого рода жизнь может стоить около 3500 руб. в год.³

До 23 мая оставался на о. Кильвару, откуда на пароходе «Бали» через Банду вернулся в Амбоину в начале месяца июня.

Серьезное нездоровье (сильные невралгии, заменившие пароксизмы лихорадки, к которым присоединилась, наконец, сильная *erysipelas exanthematicus*) заставило пролежать меня около месяца в постели.

После этой болезни я не мог продолжать путешествие на о. Хальмагери, где вследствие болотистой местности и эндемической лихорадки я легко бы мог иметь рецидив болезни.

Я решил на несколько месяцев вернуться на о. Яву, где нахожусь теперь. Мое нездоровье, во-первых, потом путешествие из Амбоины

^a I. e. — *id est, то есть (лат.)*

Варна и втуканъ изаго и
попомени⁽¹⁾ (18) михраде⁽¹⁾
проводитъ. Но то две мѣсяца
непрѣлѣтность карофер⁽¹⁾
былъ гасенъ посмѣи⁽¹⁾ на⁽¹⁾
иселъ гасѣнъ мѣсяцъ 1840⁽¹⁾
и показыва⁽¹⁾ въ вѣнцѣ
и двери и показыва⁽¹⁾ въ вѣнцѣ
изаго⁽¹⁾ и то⁽¹⁾ отъ сѣ⁽¹⁾
бы⁽¹⁾ и⁽¹⁾ гасѣнъ гасѣнъ мѣ⁽¹⁾
мѣсяцъ - и сѣ⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
мѣсяцъ гасѣнъ мѣсяцъ мѣсяцъ
то и сѣ⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
и⁽¹⁾ одна мѣсяцъ мѣсяцъ
въ Р. обходѣ⁽¹⁾ за пан⁽¹⁾
-бразъ, мѣсяцъ мѣсяцъ
отъ сѣ⁽¹⁾ гасѣнъ
гасѣнъ обходѣ⁽¹⁾.
Въ⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
былъ гасѣнъ въ Р. мѣсяцъ
и⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
сѣ⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
и⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
Самодѣ⁽¹⁾ мѣсяцъ
и⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
и⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ
и⁽¹⁾ мѣсяцъ мѣсяцъ

415D 12/28/19 Topmorus.

[illegible]

через Тернате, Менадо, Горонтало, Макассар, Сурабаю в Батавию замедлили переписку и высылку этого сообщения до конца августа.

Употребил с пользой время ожидания в Амбоине, радуется встрече с Моресби⁴.

Череп и головы друг[их] плем[ен]⁵.

Болезнь⁶.

Изменение планов⁷.

Возвращение через Менадо, Горонтало, Макассар, Сурабаю.

Снова в Батавии.

Поселился вновь у генерал-губернатора в Бюйтенцорге⁸.

Позднее время не позвол[яет] сделать путешествие по Яве⁹.

Решил отправиться в Малакку¹⁰.

Мои заметки, написанные на Берегу Маклая и зарытые *⟨1 нрзб⟩* в прошлом году, я решил продолжать печатать также с помощью голландского журнала¹¹.

КОММЕНТАРИИ

Плавание на корвете «Витязь» (ноябрь 1870 г.—сентябрь 1871 г.)

После одобрения Русским географическим обществом предложенного в 1869 г. Миклухо-Маклаем проекта долголетней экспедиции в районы Тихого океана (о программе и обсуждении проекта см. в т. 3 наст. изд.) вице-президент РГО Ф. П. Литке и секретарь РГО Ф. Р. Остен-Сакен стали хлопотать через морское ведомство о разрешении Миклухо-Маклаю воспользоваться плаванием одного из русских военных судов для того, чтобы попасть на острова Тихого океана. В итоге хлопот в июне 1870 г. управляющий морским министерством адмирал Н. К. Краббе сообщил Литке о полученном разрешении «принять» «естествоиспытателя Миклухо-Маклая <...> на корвет „Витязь“ для совершения путешествия к берегам Тихого океана, но без производства довольствия от морского ведомства, и ему позволено впоследствии вернуться на одном из судов, возвращающихся оттуда в Балтику» (см.: *Вальская Б. А.* Непубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // *Страны и народы Востока.* Л., 1972. Вып. 13. С. 17. См. также: Отчет РГО за 1870 г. СПб., 1871. С. 49).

Корвет «Витязь» (командир — капитан второго ранга Павел Николаевич Назимов) входил в число 42 судов так наз. практической эскадры. Данные о корвете: длина по ватерлинии 217 футов 6 дюймов (63,3 м), водоизмещение 2156 тонн, построен в Финляндии в 1862 г. Состав экипажа: офицеров — 16, гардемарин — 10, кондукторов — 5, нижних чинов — 305 (Кр. вест. 1872. № 29).

В связи с задержкой из-за ремонта и перевооружения корвет получил отдельный маршрут и ушел из Кронштадта 27 окт./8 ноября 1870 г. в 12 часов дня (Кр. вест. 1870, № 126). 14 ноября (далее все даты, кроме специально оговариваемых, — по новому стилю) «Витязь» пришел в Копенгаген. О пребывании здесь кое-что известно из воспоминаний П. Н. Назимова: «Во время стоянки корвета в Копенгагене господин Миклуха-Маклай имел время посетить многих датских ученых, которые, сочувствуя смелым его

предприятия, распространили в газетах о присутствии накопенгагенском рейде русского корвета „Витязь“, который имеет назначение отправиться к малоизвестным берегам Новой Гвинеи для доставления туда русского натуралиста Миклухи-Маклая, имеющего целью проникнуть внутрь этой неведомой страны» (Назимов, с. 74—75).

По договоренности с командиром «Витязя» Миклухо-Маклай прервал на время плавание и отправился в поездку по европейским городам. В КЗК—1870, № 1: «Eugora (Mai 1870 — Nov. 1870)» полностью зафиксированы маршрут и график этой поездки: Копенгаген (14—17 ноября), Гамбург (17—18), Берлин (19—24), Галле (25), Йена (26—27), Гота (28), Кёльн (29), Гаага (29—31 ноября — 1—2 декабря), Роттердам (2), Антверпен, Гент (3), Остенде (4), Лондон (5). Целями поездки были встречи с учеными и официальными лицами для консультаций, получения рекомендательных писем, занятия в музеях и библиотеках, приобретение необходимых для экспедиции вещей. К сожалению, о конкретных результатах полумесечной поездки известно мало. По словам П. Н. Назимова, Миклухо-Маклай при встрече с ним в Лондоне сообщил «о восторженном приеме, сделанном ему всеми учеными обществами, а в особенности голландским правительством (...) Наш посланник в Голландии Кноринг много содействовал Миклухе-Маклаю, взяв на себя труд рекомендовать его министру колоний. Министр снабдил Миклуху голландскими картами тех стран и письмом к батавскому губернатору, в котором просил оказывать ему всевозможное содействие (...) В бытность Миклухи в Гамбурге он был снабжен главой торгового дома Годафруа письмом, в котором поручалось всем агентам этого дома, находящимся на островах южного Тихого океана, содействовать Миклухе всеми имеющимися средствами, и в случае, если Миклуха воспользуется каким-либо кораблем, то не брать с него никакой платы за переезд или перевоз вещей. В Плимуте Миклуха-Маклай представил рекомендательное письмо директора гидрографического департамента морского министерства Семена Ильича Зеленаго, чрез посредство которого его снабдили от английского адмиралтейства безвозмездно шестью диплотами, устроенными с чашкой для доставления грунта дна моря, и к этим диплотам диплот-линем в 1000 сажень особенного приготовления» (С. 75—76).

Миклухо-Маклай вернулся на «Витязь» в Плимуте, откуда корвет ушел 18 декабря. С этого дня, собственно, начинается его путешествие.

От девятимесячного плавания Миклухо-Маклая на «Витязе» сохранилось сравнительно немного материалов и свидетельств. Помимо сообщений, подготовленных во время плавания для публикации в русской и зарубежной печати (см. далее в настоящем томе, а также в т. 3 и 4) и нескольких писем частным лицам и учреждениям (см. т. 5 наст. изд.), мы располагаем следующими рукописными источниками.

1. Тетрадь, сшитая из больших листов плотной голубоватой бумаги с водяным знаком английской фабрики (год выпуска — 1870); в нее влете-

ны 4 белых листа того же формата и вклеено несколько листов меньшего размера, а также местами вложены небольшие листы.

На обложке рисованное рукой путешественника заглавие:

«Императорскому Русскому Географическому
обществу в СПбурге
от Н. Н. Миклухо-Маклая
1870—1871»

На последней странице обложки — цветная виньетка, сделанная рукой Миклухо-Маклая (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 14. Далее: тетр. 1871). Тетр. 1871 явно предназначалась для сообщений РГО, связанных с научными наблюдениями по ходу плавания. С первых же страниц заметки приняли черновой характер. Тетр. 1871 содержит материалы следующих сообщений: «1-е сообщение. Об исследованиях температуры глубин океана» (л. 2—6; см. в т. 4 наст. изд.); 2-е сообщение — о пребывании в Южной Америке (л. 7—26, см. в настоящем томе); 3-е сообщение, посвященное островам Пасхи, Питкэрн, Мангарева (л. 27—38, см. в настоящем томе); л. 38 об.— 39 остались чистыми.

2. ЗК малого формата № 2, из типовой серии книжек в пестром картоне, включающая заметки по физической географии (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 58; см. т. 4 наст. изд.).

3. РПА: четыре листка с таблицами температуры воды в Атлантическом океане, декабрь 1870—1871 г. (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 59; см. т. 4 наст. изд.).

4. КЗК обычного типа: сшитая из маленьких листов тетрадка, 57 л. архивной пагинации. На л. 1 заглавие: «№ 2. Amerika (Februar—Mai 1871). Maclay».

На л. 57 об. содержание записей: Rio-de-Janeiro, Punta Arenas, Talcahuano, Concepcion, Valparaiso, Santiago (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 23. Далее: КЗК—1871, № 2).

5. РПА: сложенный вдвое большой лист с записями слов арауканцев и патагонцев, с надписью: «Punta Arenas 1871» (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 5. Далее: РПА—1871).

6. КЗК обычного типа: сшитая из маленьких листов тетрадка, 52 л. архивной пагинации. На л. 1 заглавие: «№ 3. Polynesia (Juni — August 1871)». На л. 52 содержание записок: Rapa-Nui, Pitkairn, Tahiti, Samoa et Botuma (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 72. Далее: КЗК—1871, № 3).

7. ЗК малого формата: в плотном кожаном переплете, с защелкивающейся крышкой, на внешней стороне ее вытеснено: Н. М. М., на внутренней: Maclay. На внутренней задней части переплета карманчик с подписью рукой владельца: «N. von Maclay, stud. philos. Heidelberg, 1864». На срезанной вполювину картонной прокладке: «№ 2(1871), № 5(1878)». На л. 2: «Зап. книга № 2. 1871 (май—сент.). О-ва Рапа-Нуи, Мангарева, Таити, Самоа, Ротума, Нов. Ирландия (пут. на «Витязе»)».

Часть ЗК, обозначенная как № 2 (1871), охватывает л. 3—11 об. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 24. Далее: ЗК—1871, № 2).

8. РПА: клочок бумаги с отрывочными дневниковыми записями с о. Таити (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 9. Далее: РПА — Таити).

9. КЗК обычного типа: 8 листов. На л. 1 заглавие: «№ 4. Melanesia (Sept. 1871—)». Записи относятся к Новой Ирландии (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 20. Далее: КЗК—1871, № 4).

10. Альбом малого формата в зеленом переплете, с рисунками и набросками тушью и карандашом. Часть рисунков относится к Южной Америке и к Океании (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 53/9. Далее: Альбом 1869—1871).

11. Альбом малого формата в малиновом переплете с надписью: «Sketches». На л. 12: «1870—1871. Madeira. Is. del Cap Verde. Rio de Janeiro. Magellanes, Chile. „Витязь“. Maclay». Большая часть рисунков относится к островам Атлантики и к Южной Америке (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 53/8. Далее: Альбом 1870—1871).

12. Разрозненные листы небольшого формата с рисунками и набросками тушью и карандашом (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 53/1-7, 10—12).

Сохранившиеся письменные материалы, по-видимому, почти исчерпывают основной фонд накопленных Миклухо-Маклаем за время плавания на «Витязе» ЗК, КЗК и черновиков готовившихся публикаций. Возможно, что существовала и утрачена КЗК с записями от декабря 1870 г.—февраля 1871 г. (высадки на островах Атлантического океана и пребывание в Рио-де-Жанейро). Вероятно, была еще одна ЗК с заметками по географии океана. Не полностью сохранились рисунки из разных мест и полученные путешественником фотографии. Полностью отсутствуют материалы, поступавшие к Миклухо-Маклаю во время плавания: письма к нему, а также деловые бумаги разного характера.

По-видимому, систематического дневника во время плавания Миклухо-Маклай не вел, лишь время от времени используя дневниковую форму для записей и заметок.

Относительная бедность и фрагментарность сохранившихся материалов и небольшое число подготовленных к печати текстов объясняются во многом нездоровьем Миклухо-Маклая в течение большей части плавания (ср.: Назимов. С. 76, 77).

При всем том подготовленные к печати статьи, как и полевые заметки, чрезвычайно богаты и разнообразны по содержанию, отражая основные интересы и направления научной работы путешественника, в первую очередь его внимание к проблемам антропологии, этнической истории, современного состояния обитателей Южной Америки и островов Океании. Миклухо-Маклай стремился вести комплексные исследования по выработанной программе, выдвинув на первый план изучение человека в окружающих его природных условиях и в конкретной социальной среде.

Сохранившиеся полевые материалы содержат отрывочные путевые записи и впечатления, наблюдения антропологического, этнографического и

социологического характера, заметки по физической географии, извлечения из печатных источников, названия книг, статей, журналов, сведения, полученные от различных информаторов, деловые и финансовые записи, имена людей, с которыми путешественник встречался или намеревался встретиться, и т. д. Записи делались на русском, немецком, английском, французском, испанском языках. Большинство записей сделано быстрым, неровным почерком, с массой сокращений и недописанных слов, карандаш в ряде мест полустерт. В ЗК и КЗК много рисунков и набросков.

Как показывает анализ, многие записи использованы Миклухо-Маклаем при подготовке к печати сообщений, но значительная часть их осталась необработанной и не получила отражения в позднейших публикациях. Наряду с заметками случайными, малозначащими, ЗК, КЗК, РПА, альбомы содержат ценный в научном и биографическом плане материал. К сожалению, далеко не все может быть прочитано и представлено в связном виде, а большую часть карандашных рисунков и набросков невозможно удовлетворительно воспроизвести в печати.

В настоящем томе некоторые из перечисленных источников впервые публикуются в извлечениях, а другие используются в примечаниях.

О плавании от Плимута до Рио-де-Жанейро и далее до Новой Гвинеи и о занятиях Миклухо-Маклая в это время некоторые сведения публиковались в 70—80-х годах XIX в. Извлечения из донесений П. Н. Назимова: Кр. вест. 1872. № 31—32; отсюда: Изв. РГО. 1872. Т. 8. № 2. С. 88—90. Частичная сводка их в кн.: Первое продолжение обзора заграничных плаваний судов русского военного флота. 1858—1877. СПб., 1878. Т. 1. Сведения о путешествии Миклухо-Маклая содержались в «Отчете РГО за 1871 г.» (СПб., 1872. С. 55—56). Значительный материал содержит записка П. Н. Назимова (изложение ее было опубликовано: А.-Авв. Первое путешествие Миклухо-Маклая в Новую Гвинею (по запискам контр-адмирала П. Н. Назимова) // Нов. и бирж. газ. 1886. № 160), специально посвященная Миклухо-Маклаю. Полный текст записки опубликован Б. П. Полевым (Сов. этнография. 1986. № 1). Много дополнительных данных, относящихся к плаванию «Витязя», содержат записки лейтенанта В. П. Перелешина, судового врача Ф. К. Кролевецкого, участника плаваний на «Витязе» и «Изумруде» А. Р. [Рончевского]. Все эти материалы используются нами в примечаниях.

Менее всего отражен в рукописных материалах Миклухо-Маклая путь от Плимута до Рио-де-Жанейро. Учитывая этот недостаток, мы приводим ниже некоторые свидетельства участников, проливающие свет на обстоятельства плавания и знакомящие нас с эпизодами жизни Миклухо-Маклая в это время.

Извлечения из донесений П. Н. Назимова:

«Остров Мадера, 19 декабря 1870 г. (Все даты в донесениях — по ст. ст. — *Ред.*)

17 декабря в 4 часа пополудни в темную со шквалами ночь попутным ветром на S, в шир. $37^{\circ}30' N$, долг. $18^{\circ}40' W$, корвет сошелся с трехмачтовым барком и успел только принять через борт на палубу корвета капитана барка, его помощника и 8 человек команды, как пробитый в носовой части барк начал тонуть. Сцепления с корветом снастями не было, и корвет от столкновения не пострадал. Когда разбитый барк пронесло мимо корвета, я (...) лег в дрейф, приготовив все гребные суда к спуску для спасения оставшихся на барке и все время жег фалшфееры для показания места корвета лицам, если таковые еще были на барке.

В темноте ночи и на большой зыби разбитый барк быстро скрылся, погрузившись на дно, а свежий NW ветер с зыбью заставил меня остановить спуск гребных судов, чтобы не утопить свою команду и не разбить гребные суда в темноте о плавающие обломки и рангоут.

По сборе и опросе спасенных оказалось, что погибло только двое (...) Я все-таки остался лежать в дрейфе до рассвета, чтоб по возможности осмотреть горизонт, нельзя ли чего спасти; сделал два галса, имея часовых по всем салингам; оказалось, что на горизонте ничего не было видно (...) Около 11 часов мы взяли курс на Мадеру как ближайший пункт, чтобы высадить спасенных».

Как показало расследование, катастрофа произошла из-за небрежности и несоблюдения правил ночного плавания на барке (Кр. вест. 1871. № 9).

В письме Миклухо-Маклая к матери с о. Мадейра, написанном в ночь под Новый год, глухо упоминаются причины, вынудившие «Витязь» прийти на Мадейру (см. в т. 5 наст. изд.).

«Витязь» пришел на Мадейру 31 декабря и на следующий день ушел к островам Зеленого мыса.

Из донесения П. Н. Назимова: «Порто-Гранде, 29 декабря 1870 г. Выйдя из Кронштадта 27 октября, ровно через два месяца, 27 декабря, в 11 часов утра, бросил якорь на рейде Порто-Грандо, о. С.-Винцент, в группе островов Зеленого мыса. Собственно плавание от Кронштадта было 35 суток, якорных стоянок в Копенгагене, Портсмуте, Плимуте, на о. Мадера в общей сложности 26 дней (...) Плавание Атлантическим океаном хотя не было сопровождаемо штормами, но имели до широты $44^{\circ} N$ неправильное волнение с огромною зыбью и толчеей от разных румбов и частые дожди во весь путь, так что до Порто-Грандо палуба не просыхала (...) Подойдя к группе островов Зеленого мыса, нашли их покрытыми густым непроницаемым туманом (...) В 8 часов утра, подойдя к южному мысу С.-Винцента вплотную, увидели его и тогда вошли в пролив, встретив широкую волну и сильный противный ветер со шквалами, так что расстояние в 7 миль мы прошли только в три часа времени. Мгла, покрывая берег, была так густа, что суда, стоящие на якоре, мы увидели, только войдя на рейд Порто-Грандо (...) Общее состояние здоровья команды на всем переходе от Кронштадта до С.-Винцента было, можно сказать, весьма удовлетворительно.

Команда корвета вообще бравая и по выходе из сырого климата начинает поправляться и принимает бодрый вид <...>

В Порто-Грандо намерен остаться две или три недели, во-первых, для получения европейской почты, а, во-вторых, для приведения корвета в должный вид по чистоте и окраске, которую до сих пор не мог произвести как следует по причине сырых погод в Англии, а также для тяги и осмотра всего такелажа к предстоящему долгому переходу в Бразилию. <...>

Ценность продовольствия команды превышает почти вдвое цену, положенную приказом 19 апреля 1870 г., именно положено в сутки на человека 25 коп., а составить порцию по этой цене решительно невозможно, всюду поставщики пользуются малейшими обстоятельствами для возвышения цены. <...>

В 10 часов утра пришел на рейд клипер «Изумруд». (Кр. вест. 1871. № 25).

Из воспоминаний П. Н. Назимова: «На переходе до островов Зеленого Мыса (т. е. 6 дек.—7 янв. — *Ped.*) Миклуха-Маклай большею частью страдал морской болезнью; по прибытии на о. Сан-Винцент в залив Порто-Грандо он просил устроить ему на берегу моря палатку для различных наблюдений и собирания морских животных, по преимуществу губок. <...> В один из первых дней нашего пребывания в Порто-Грандо, однажды гуляя с ним по берегу, мы остановились посмотреть подъем грузового бота, подводная часть которого была обита цинком и обросла морскими ракушками и животными; одно из движущихся животных обратило на себя мое внимание, и когда я его снял осторожно и показал Миклухе, то он нашел в нем совершенно новый вид губки, которую он сейчас же анализировал и препарировал; впоследствии в разговорах он часто мне напоминал, что все его поиски ограничились только этим отличным экземпляром губки. Остальное время он употреблял на снятие типов местных жителей помощью камеры люцита, таких экземпляров у него было много и, должно сказать, все весьма удачно выполнены. После короткого пребывания его на берегу в палатке, поставленной у самой воды, Миклуха захворал лихорадкой, но болезнь была остановлена вовремя; по случаю болезни он поселился в наемной квартире на берегу» (Назимов, с. 76).

Рисунки, сделанные в Порто-Грандо, сохранились лишь частично (см. т. 6 наст. изд.).

Сохранились два письма Миклухо-Маклая сестре из Порто-Грандо (см. в т. 5 наст. изд.).

Из донесения П. Н. Назимова: «17 января в 2 часа пополудни снялся с якоря под парусами с рейда Порто-Грандо. <...>

К утру 26 января заштило совсем и на весь день. В продолжение дня видели стада небольших птиц и много акул, из них поймали одну длиною 6 фута (*Carcharias glaucus*), которую наш ученый Маклай анализировал и препарировал ее мозги. <...>

8 февраля в 9 часов утра бросил якорь на рейде Рио-Жанейро. (...) 3 февраля в 10 часов утра в океане скончался матрос Данило Максимов от болезни чахотки. (...)

Общее состояние здоровья на корвете офицеров, гардемарин и команды хорошо» (Кр. вест. 1871. № 42).

⟨Южная Америка⟩

Печатается по: ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 14. Л. 7—12, 15—26 (Тетр. 1871); л. 13 и 14 представляют собой рисунки на отдельных листах, случайно оказавшиеся между л. 12 и 15.

Впервые: СС. Т. 1. С. 13—42, с рядом неточностей, не в полном виде и с большой стилистической правкой.

В рукописи текст сообщения имеет следующий заголовок и обращение к Ф. Р. Остен-Сакену:

«Второе сообщение имп. Русскому географическому обществу
Господину секретарю имп. Географического общества
барону Федор Романовичу Остен-Сакену

Милостивый государь».

Существующий текст «Второго сообщения» представляет собой неоконченный черновик, писавшийся Миклухо-Маклаем во время плавания «Витязя» от островов Самоа до Новой Гвинеи. «Первое сообщение», отосланное Миклухо-Маклаем из Пунта-Аренас, имеет океанографический характер (см. т. 4 наст. изд.). В Вальпараисо Миклухо-Маклай еще не брался за подготовку выписок из дневника, желая ближе ознакомиться с Чили (письмо Ф. Р. Остен-Сакену от 13 мая 1871 г.; заметим, что все упоминаемые в комментариях письма Н. Н. Миклухо-Маклая публикуются в т. 5 наст. издания). 19 августа с о. Уполу он пишет тому же адресату, что еще не обработал своих материалов и надеется сделать это во время предстоящего перехода. Источниками ему служили, как видно из этого письма, опять же дневник и записные книжки. Путевой дневник упоминается также в письме А. Петерманну от 28 мая. Утрата этого дневника крайне огорчительна, и она может быть лишь частично восполнена текстом «Второго сообщения» и записями в КЗК—1871, № 2. Неудовлетворительное состояние здоровья исследователя в это время (см.: Назимов. С. 78) может частично объяснить недоработанность текста.

Следует упомянуть еще об одной особенности рукописи. В Вальпараисо Миклухо-Маклай, по-видимому, всерьез увлекся местной девушкой четырнадцати с половиной лет (см. его письмо А. Мецкерскому от 23 мая 1871 г.). Монограммами ее имени буквально испещрена рукопись «Второго сообщения». На л. 9 об., 10 монограмм больше всего (не менее 14 и есть полная запись имени: «Emma Maria Margarita».

В рукописи (л. 6 об.) тексту сообщения предшествует оглавление (под заголовком «Второе сообщение»):

«Несколько антропологических заметок по поводу цветного населения в Рио-де-Жанейро. — Punta Arenas — колония в Магеллановом проливе. — Agua Fresca Bai. — Патагонцы. — Laguna de los Gansos Bravos. — Бухта Св. Николая. — Встреча с жителями Огненной Земли. — Несколько общих замечаний о Магеллановом проливе».

Из этого оглавления следует, что работа над черновым текстом также не была доведена до конца. К сожалению, о посещении бухты Св. Николая и о встречах с огнеземельцами сохранились лишь краткие заметки в записной книжке (см. прим. 45).

«Второе сообщение» представляет собой соединение собственно дневниковых записей о виденном, об экскурсиях, о различных встречах и т. д. с попытками обобщений и осмысления антропологических и социальных проблем, с которыми Миклухо-Маклай столкнулся в ходе экспедиции (в особенности положение негров в Бразилии, положение индейцев Южной Америки, этнические процессы здесь и др.). «Сообщение» наглядно свидетельствует о стремлении Миклухо-Маклая не замыкаться в кругу сугубо научных вопросов, о его живом интересе к жизни и положению угнетенных этнических групп и о гуманистических позициях ученого.

Черновой характер рукописи делает ее исключительно трудной для прочтения. Текст изобилует поправками, вычеркиваниями, вставками, не дописанными или неразборчивыми словами. Отдельные части текста (напр., на л. 9 об.—10) написаны карандашом и читаются с особым трудом. В настоящем издании нет возможности обосновывать все текстологические решения (текст подготовлен к печати Б. Н. Путиловым и А. Н. Анфертьевым, которому принадлежит чтение трудных и спорных мест). Подробное обоснование, содержащее практически все рукописные варианты, можно найти в машинописном экземпляре, переданном в АИЭ (Л). Остановимся ниже лишь на некоторых особенностях подачи текста, характерных для «Второго сообщения».

Варианты, предшествующие окончательному тексту, даются в постраничных сносках крайне выборочно. В том, что касается орфографии, везде сохраняется немецкое *Bai* при названиях бухт, тем более что Миклухо-Маклай ставил его в записной книжке и при испанском, и при английском названиях одной и той же бухты: *Freshwater-Bai* и *Agua Fresca Bai* (л. 6, 6 об.). В то же время рукописное *Otwai-Bai* исправляется на *Otway-Bai*. Знак перпендикуляра (л. 12) и обозначения фунтов (как меры веса и денежной единицы) заменены словами. Обозначения географических координат упорядочены. О двух важных исправлениях см. прим. 26 и 37.

Незавершенность «Второго сообщения» выражается, в частности, и в том, что в некоторых местах автором были оставлены пропуски, предназначенные для заполнения на основе КЗК—1871, № 2. Эти пропуски мы заполняли, используя угловые скобки.

Примечания 2—4, 11, 15, 17—27, 30, 34—38, 40—42, 45 (частично) написаны А. Н. Анфертьевым; 6, 7, 16 — Д. Д. Тумаркиным. Примечания 8 и 28 составлены по материалам А. Н. Анфертьева, 10 — А. Н. Анфертьева и И. М. Золотаревой, 5 — И. М. Золотаревой, М. Г. Котовской и Б. Н. Комиссаровым. Примечание 44 взято из СС (Я. Я. Рогинский). Остальные примечания сделаны Б. Н. Путиловым.

¹ См.: *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Изд. 2. Пер., вступ. ст. и прим. С. Л. Соболя. М., 1955. С. 542. В дальнейшем все ссылки — на это издание.

² *Statu quo* — «существующее положение» (лат.); в XIX в. употреблялось вместо более правильного *status quo*, в том числе в 1870—1880 гг. (*Бабигев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1982. С. 757, 761).

³ Здесь в рукописи кончается л. 7, с которым связаны немалые текстологические трудности. Окончательный текст складывается из кусков, чередующихся на самом листе и на приклеенной справа вертикальной полоске бумаги. Порядок чередования был обозначен автором специальными значками. Часть текста оказалась под приклеенной полосой, но прочитать ее удалось почти полностью. Хотя середина полосы оборвана, зачеркнутый на ней вариант легко восстанавливается по окончательному тексту и остаткам букв. В СС (Т. 1. С. 13—14) текст листа прочитан в основном неверно; кроме того, там добавлена в скобках после слов: *на «Витязе»* фраза, отсутствующая в авторском тексте: «который не назначен для исследования научных вопросов, а следует на соединение со своей эскадрой в Тихом океане».

⁴ Мы исправляем дату в порядке конъюнктуры. Все даты в этом тексте даны по старому стилю, что и естественно, так как оно предназначалось для публикации в официальном русском издании. «Витязь» находился в Рио-де-Жанейро с 8 по 25 февраля ст. ст. Запись впечатлений от Рио-де-Жанейро имеет итоговый характер и поэтому могла быть датирована первым днем плавания. Аналогичным образом запись, посвященная последним дням пребывания в Пунта-Аренас, датирована 10 апреля, т. е. днем выхода корвета в море. Если иметь в виду, что обычно корвет снимался с якоря рано, соответствующая дневниковая запись делалась, вероятно, уже после отплытия. См. прим. 20.

⁵ Индейское население юго-восточного побережья Бразилии было почти полностью уничтожено португальскими колонизаторами, а частично ассимилировано ими. Кроме того, в колониальной Бразилии существовали законы, запрещавшие проживание индейцев в городах; здесь обосновывались главным образом дети от браков португальцев с индейками, называвшиеся курибока, мамелука или кабокло.

⁶ Имеется в виду император Педру II, правивший в Бразилии в 1831—1889 гг. (коронован по достижении совершеннолетия в 1840 г.).

⁷ Автор ссылается на свое сообщение о путешествии на берег Красного моря, сделанное 23 сентября 1869 г. на заседании Отделения географии математической и физической РГО (см. отчет об этом сообщении в: Изв. РГО. 1869. Т. 5. № 6. С. 279—287. Текст отчета см. в т. 3 наст. изд.).

⁸ Сведения по истории рабства в Бразилии имеют довольно запутанный и неполный характер. Первые крупные партии африканских рабов появились в Бразилии в 1517 г. Общее число завезенных негров составило примерно 5 млн. человек, однако высокая смертность (в некоторые периоды она была в три раза выше, чем рождаемость) вела к сокращению их численности. В конце XVIII в. население

Бразилии насчитывало около 2,5 млн человек, в том числе рабов-негров — более 1,3 млн, белых — 0,7—1,0 млн, индейцев — 250—300 тыс. В первой половине XIX в. растущая иммиграция из Европы изменила этнодемографическую ситуацию в стране. Согласно заведомо неполным данным переписи 1872 г. в стране на 8 419 672 свободных людей обоего пола приходилось 1 500 806 рабов и рабынь. 4 сентября 1850 г. работорговля была запрещена законом, т. е. это произошло не за десять лет до захода «Витязя», как пишет Миклухо-Маклай, а раньше. Изумившая ученого высокая цена на рабов во многом объяснялась незаконностью и опасностью такого рода торговых сделок. Спустя полгода после отплытия «Витязя» из Рио-де-Жанейро, 28 сентября 1871 г., был принят закон Рио-Бранко или «*Ventre libre*» (букв. «О свободном животе»). Этот закон освободил всех государственных рабов; дети, родившиеся впредь от рабынь, признавались свободными, но должны были оставаться в услужении у хозяев своих матерей до 21 года. В мае 1888 г. рабство в Бразилии было полностью отменено.

⁹ Миклухо-Маклай имеет здесь в виду труд известного английского антрополога первой половины XIX в. Джеймса К. Причарда. См: *Prichard J. C. The Natural History of Man. L., 1855. Vol. 1. P. 77—79.*

¹⁰ Современная оценка наблюдений Миклухо-Маклая об изменении расового типа под влиянием как природных, так и социальных условий представляется делом нелегким. Занятия сравнительной анатомией (особенно губок) убедили его в важности изучения географической изменчивости животных (см., например, его письмо секретарю РГО от 27 сентября 1869 г.). В этом Миклухо-Маклай следовал передовым тенденциям современной ему науки. Подобно своему учителю Э. Геккелю он рассматривал расовую изменчивость человека с той же точки зрения, что и изменчивость других биологических видов. Неудивительно, что в комментируемом тексте мы встречаемся с понятиями адаптации («принаровления») и наследственности. Расовые изменения трактуются как результат воздействия, причем сравнительно быстрого, природной и социальной среды. Приводимые в тексте примеры индивидуальных изменений в выражении лица, манере держаться, развитии умственных способностей представляются бесспорными. Что же касается допущения возможности сравнительно быстрого осветления кожи (даже в пределах жизни одного поколения — в связи с перемещением из Африки в Бразилию), то в этом вопросе Миклухо-Маклай отдал дань широко распространенным в современной ему науке воззрениям, преувеличивавшим роль окружающей среды в изменении внешних расовых признаков. Эти воззрения не соответствуют открытым позднее законам наследственности. Следует также учитывать, что в провинциях Рио-де-Жанейро и Баия обитали преимущественно негры йоруба (в Бразилии их называли «наго»), эве (жеже) и фульбе, отличавшиеся не столь интенсивно-темным цветом кожи. В провинции Рио-де-Жанейро жило, кроме того, немало негров, имевших среди своих предков арабов. Дети, рожденные от браков таких негров, нередко были светлее своих родителей.

¹¹ Местонахождение фотографий в настоящее время неизвестно. Вероятно, они были отправлены вместе с «Витязем» и впоследствии хранились в Йокогаме. Как известно, часть материалов, находившихся там, так и не вернулась к Миклухо-Маклаю. Из числа южноамериканских материалов это относится, кроме указанных фотографий, к самому путевому дневнику (см. выше) и фотографиям арестантов тюрьмы в Талькауано (см.: Назимов. С. 77).

¹² Из донесения П. Н. Назимова от 24 марта (ст. ст.): «25 февраля, снявшись с якоря с рейда Рио-Жанейро, салютовал бразильскому адмиралу и нации, получив

немедленно полный ответ. (...) По выходе из Рио вскоре мы получили попутный ветер, который провел нас в шесть дней 1200 миль за параллель 30°30' (...) Только 2 марта в 8 часов утра я приблизился к Южной Америке, к мысу Vierge, по которому определился для входа в Магелланов пролив. Обогнув банку Sarmiento, (...) вошел ночью в пролив и стал на якорь.

22 марта прошел все узости и встал на якорь в Sandy Point.

Всего плавания от Рио до Sandy Point 26 дней.

При входе в первую узость нас обогнал английский почтовый пароход и сообщил сигналом о заключении мира в Европе. *⟨Имеется в виду окончание франко-прусской войны⟩* (...)

Быстрый переход от бразильских жаров в патагонский холод несколько повлиять на здоровье команды; матросы часто приходят в лазарет с небольшой простудой, но быстро проходящей. Вообще же здоровье и дух команды весьма удовлетворительны; стараюсь по возможности беречь их молодые силы. (...) 26-го снимусь с якоря» (Кр. вест. 1871. № 62).

¹³ Punta Arenas, город на восточном побережье п-ова Брансуик, самый южный город в мире, центр чилийской территории Магальянес. Район этот вошел в состав владений Чили в 40-е годы XIX в.

¹⁴ Punta Arenas по-испански означает «Песчаный мыс». Среди русских моряков того времени было принято называть порт по-английски: Sandy Point (так он называется и в донесении П. Н. Назимова). Согласно современным справочникам, основание его датируется 1849 г. (ср. прим. 15).

¹⁵ Географические долготы Пунта-Аренас и Порт-Фамин были, очевидно, общены Миклухо-Маклаю губернатором территории, причем по широко распространенному в XIX в. обыкновению за нулевой меридиан был принят меридиан столицы или метрополии, в данном случае Сантьяго. Отметим, что предлагаемая интерпретация численных выражений долгот явилась результатом обсуждения с Б. П. Полевым. К сожалению, в другом отношении Б. П. Полевой был временно введен в заблуждение составителями СС (Т. 1. С. 21), которые, неправильно прочитав рукопись Миклухо-Маклая, приписали ему мнение, будто Пунта-Аренас является английской колонией (*Полевой Б. П. Миклухо-Маклай в Чили // Лат. Америка. 1988. № 10. С. 134*).

¹⁶ Педро Сармьенто де Гамбоа (1532—1592) — испанский моряк, историк, инженер и астроном. В 1567—1569 гг. участвовал в плавании А. Менданы, в ходе которого были открыты Соломоновы острова. В 1579 г., командуя эскадрой, посланной в погоню за английским пиратом Ф. Дрейком, вошел в Магелланов пролив и довольно точно его описал. Назначенный по повелению испанского короля Филиппа II губернатором Магелланова пролива, Сармьенто основал здесь поселение, названное в честь этого монарха.

¹⁷ Port Famine — английское название испанской колонии Puerto Hambre («Порт Голода») в одноименной бухте. Ее основание, о котором говорит Миклухо-Маклай, было первой попыткой создать постоянное поселение в Магеллановом проливе. Эта попытка закончилась неудачно: из 300 колонистов 298 умерли голодной смертью, отчего бухта и порт, названный первоначально именем Филиппа II, получили новое, мрачное название. Ч. Дарвин описал стоянку «Бигля» в Порт-Фамин в июне 1834 г.; Ж. Дюмон-Дюрвиль — пребывание там корветов «Астролябия» и «Зеле» в декабре 1837 г. (*Дарвин Ч. Путешествие... С. 270—278; Dumont d'Urville J. Voyage au pôle sud et dans l'Océanie... pendant les années 1837, 1838, 1839,*

1840. Т. 1. Paris, 1841. Р. 93—116). Из обоих описаний может создаться впечатление, что порт был в эти годы необитаем. Однако замечание Миклухо-Маклая, что некоторые жители Пунта-Аренас, очевидно переселившиеся туда после оставления Порт-Фамин, помнят о встрече с Фитцроем (см. прим. 19), противоречит этому впечатлению.

¹⁸ В КЗК—1871, № 2 есть дополнительные сведения: «*Punta Arenas*. Перенес из Port Famine в 1845 г.) Juan Guillermo» (л. 4 об.); «Продукты — ячмень и картофель» (л. 4).

¹⁹ В КЗК—1871, № 2 (л. 4, продолжение на л. 3 об.) есть дополнительные сведения: «15 лет <назад> знали в колонии гораздо больше людей, теперь их менее, говорят: умерли. Причина — пьянство. Дети — два-три. Достигшие большой старости многие говорят о встр[ече] с Фитцроем как об деле, бывшем вчера. Белый волос почти не встречается».

Роберт Фитцрой (1805—1865) — английский моряк и метеоролог, капитан десятипушечного брига «Бигль», совершившего в 1831—1836 гг. кругосветное путешествие, в котором принимал участие Ч. Дарвин. О стоянке «Бигля» в Порт-Фамин см. прим. 17.

²⁰ К сожалению, мы ничего не знаем об «интересных экскурсиях», совершенных Миклухо-Маклаем за первую неделю (точнее — 9 дней: с 23 по 31 марта по ст. ст.) стоянки в Пунта-Аренас. О датировках ср. прим. 4.

²¹ Миклухо-Маклай принимал здесь и ниже за бук, который, как известно, в Южном полушарии не произрастает, характерный для этого региона род семейства буковых — нотофагус (*Nothofagus*, букв. «ложный бук»), И. П. Пузанов неточно назвал нотофагус «южным буком» (СС. Т. 1. С. 389. Прим. 10. С. 410). В нотофагусе видел бук и Ч. Дарвин в 1834 г. (Указ. соч. С. 273), и Ж. Дюмон-Дюрвилль в 1837 г. (Указ. соч. С. 97).

Трудно решить вопрос о том, какое растение Миклухо-Маклай далее принял за лавр (оба его вида растут только в Северном полушарии). Ч. Дарвин также констатировал наличие на о. Сан-Педро (один из о-вов Чилоэ) наличие «какого-то лавра, вроде *Sassafras*» (Указ. соч. С. 316). О нотофагусе и лавре см. также прим. 23.

²² Коронель (*Coronel*) и Лота (*Lota*) — населенные пункты в бухте Арауко, несколько южнее г. Консепсьон. В КЗК—1871. № 2 (л. 5) указано, что около Пунта-Аренас и в Консепсьоне разрабатываются залежи лигнита (битуминозное дерево — разновидность бурого угля). Все цены в КЗК даны в пиастрах (1 пиастр = 1 доллару) и франках (1 пиастр = 5 франкам). Все эти сведения были получены Миклухо-Маклаем уже по возвращении в колонию, как и выше- и нижеприводимые данные о добыче золота.

²³ В КЗК—1871, № 2 (л. 3) есть дополнительные сведения (на нем. яз.): «*Экскурсия на каменноугольную коть, в 5 милях от Санди-Пойнта*. Температура воды в реке на глубине 1 м 25 см была +5 °С. Мы проезжали через лес из *Fagus obliqua* и разновидности *Laugus*. *Fagus* используется как средство против лихорадки. <Следует рисунок геологического сечения у полотна железной дороги.> В заполненной водой выемке на глубине 2—2,5 фута при температуре +3,25 °С я обнаружил ледяную корку. <Следует рисунок, схематически изображающий долину реки.>»

²⁴ Патагонцы (или чонека) до европейской колонизации жили на просторах Аргентины и Огненной Земли (см. прим. 41 и 42). Впервые они были встречены экспедицией Ф. Магеллана в июне 1520 г. в бухте Сан-Хулиан. По словам спутника Магеллана Антонио Пигафетты, *патагонцами* («большеногими») их назвал сам ка-

питан. Попытки дать слову индейскую этимологию, по-видимому, несостоятельны (Serrano A. Los aborígenes argentinos: Síntesis etnográfica. Buenos Aires, 1947. P. 214—215). Изучая жизнь патагонцев в Пунта-Аренас, Миклухо-Маклай составил небольшой словарь числительных патагонского языка (ААН. Ф. 143. Оп 1. № 5. Л. 1).

1 chochi <chóchä>	7 oke
2 huami <jaukä>	8 uni caque
3 casch <kaásh>	9 jamen <?> casin
4 caque <kague>	10 caquen
5 sing <k'tän>	11 chochi caor
6 uni casch	20 huami caqui

Словарик озаглавлен «Patagono» и имеет дату «Punta Arenas, 1871». При его публикации мы слегка унифицировали транскрипцию, не затрагивая ее внутренней противоречивости (смешение элементов испанской и немецкой орфографии). В угловых скобках даны те же слова по словарю в книге: *Canals Frau S. Las poblaciones indígenas de la Argentina: Su origen — su pasado — su presente. Buenos Aires, 1953. P. 183* (согласно транскрипции Р. Леманна-Ниче). Обращает внимание расхождение в формах числительного «два», явно не случайное (ср. «двадцать»). Что касается формы числительного «пять», это может оказаться и заимствованием из испанского cinco.

В КЗК—1871, № 2 (л. 4) есть дополнительные сведения о патагонцах: «По мнению <...> Бенземана, видом патагонцы похожи на северных колошей, и он [нял] несколько слов из их разговора». *Клоши* — устаревшее русское название индейцев, принадлежащих к языковой семье на-дене (преимущественно тлинкитов) и живших на территории Русской Америки. Представление о близком родстве их с патагонцами и огнеземельцами чонека (или чон) как в лингвистическом, так и в соматическом отношениях не соответствует данным современной науки.

²⁵ См.: *Дарвин Ч. Путешествие... Гл. XIII* (особенно с. 322—325).

²⁶ Хотя Миклухо-Маклай называет этот гриб *Eccegia darwinii*, мы повсеместно исправляем *Eccegia* на *Cyttaria* (см.: *Дарвин Ч. Путешествие... С. 273—274*). См. также прим. 29 и 30.

²⁷ *Cumulo-strati* — слоисто-кучевые облака. Для правильного понимания всего пассажа важно определить, что автор имеет здесь в виду под Tierra del Fuego («Огненной землей»). Для этого нужно попытаться определить место, откуда он наблюдал закат. Как видно из текста, он ехал от Пунта-Аренас на юго-запад по побережью п-ова Брансуик. Расстояние до бухты Агуа-Фреска он определяет один раз в 25 миль (около 46,5 км, если считать, что речь идет о морских милях), а другой раз — в 50 верст (около 53,5 км). Судя по записи в КЗК—1871, № 2 (см. прим. 30), солнце вставало в эти дни около 6 часов утра и, следовательно, должно было заходить около 6 часов вечера. Таким образом, путь Миклухо-Маклая от места его привала на берегу Магелланова пролива до хижины Мариано Гонсалеса, куда он прибыл в 9 часов вечера, не мог занять более 3 часов. За это время путешественник едва ли мог пройти по берегу больше 15—18 км. Отсюда вытекает, что он удалялся от Пунта-Аренас приблизительно на 65 км, т. е. в момент привала находился напротив о. Доусон. Тогда он мог видеть закат действительно слева (в стороне о. Кларенс), а г. Сармьенто — справа. Иначе говоря, «Огненной землей» он называет здесь ту часть этого архипелага, к которой относятся острова Доусон, Кларенс, Санта-Инес.

²⁸ Интерес Миклухо-Маклая к геологическим переворотам легко объясняется бурным развитием эволюционного учения. Теория переворотов, заложенная Ж. А. Кювье, приобрела подлинно научный характер в «Основах геологии» Ч. Лейеля (1830—1833). Томы этой книги вдохновляли Ч. Дарвина во время его путешествия на «Бигле» и именно Ч. Лейелю был посвящен «Дневник изысканий», подведший научные итоги экспедиции. В свою очередь Миклухо-Маклай во время экскурсии по берегам Магелланова пролива как бы шел по стопам молодого Чарльза Дарвина. Недостаточность познаний в области геологии огорчала его тем более, что в Патагонии именно геологии Дарвин посвятил много усилий, и притом очень плодотворных.

²⁹ Имеется в виду: *Дарвин Ч. Путешествие...* С. 173—174.

³⁰ В КЗК—1871, № 2 есть ряд записей и рисунков, относящихся к экскурсии в бухту Агуа-Фреска (или Фрешуотер):

1. Л. 5 об.: «Прилив 7—9 (фут)» (в тексте «Сообщения» — 7—8).

2. Л. 6—6 об., 6^а; на нем. яз.: «*Экскурсия в бухту Фрешуотер в апреле 1871 г.* — *Пунта-Аренас.* 6 с половиной часов. После приятно проведенного вечера — частью на английском почтовом пароходе, частью (2 нрзб) и у пианино с красивой женщиной — я провел довольно беспокойную ночь. Я спал в комнате одного молодого чилийца, который предоставил ее в мое распоряжение. Я несколько раз просыпался. Смотрел всякий раз, сколько осталось времени. Луна была роскошна, но ночь холодна. Услышал потом (?) выстрел, обозначавший отплытие почтового судна; встал, наконец, в 6 часов; обошел безлюдную колонию. Полная Луна великолепно сияла на чистом, светлом серо-голубом небе в западной его части — напротив встающего солнца. Было еще свежо, не более +5 °С. Стало уже, однако, поздно... а губернатор еще не идет... Я, однако, напрасно беспокоился. После кофе с губернатором пришел мой проводник с лошадей. Путь шел вдоль берега по опушке леса, которая отстояла всего на 25—30 м от чащи. Моя лошадь оказалась (1 нрзб). Между Пунта-Аренас и бухтой Фрешуотер видно было много остатков кораблей и толстых стволов деревьев; среди корабельных обломков меня особенно поразили обломки корабля, потерпевшего крушение 4 года назад. Толстые бимсы были почти погребены в песке и гальке. Высоту скопившихся песка и гальки можно было в этом месте принять равной по меньшей мере полутора футам. (Следует эскиз занесенного песком килы корабля и дата; 1867). После почти четырехчасовой езды приехал я в бухту Агуа-Фреска. Встреченный страшным лаем множества больших собак, я доехал до барака, где собирался провести ночь. По берегу от бухты Фрешуотер до бухты Порт-Фемин хорошо видны слои гальки; это выглядит совершенно как (1 нрзб). Внизу лежат большие камни величиной с детскую голову; затем (?) — величиной с грецкий орех; затем (?) — величиной с обычный орех и с горошину; на двух следующих террасах повторяется то же самое в меньшем масштабе. Наверху находится полоса крупного песка (один — полтора шага (1 нрзб)). (Следует схематический разрез трех террас; высота верхней террасы от уреза воды определена в 2 метра.).»

3. Л. 6^а об. Рисунок с легендой: «*Agua Fresca Bai. III. 1871.*»

4. Л. 7. Рисунок с легендой (на нем. яз.): «Примитивный мост чилийских колонистов в Патагонии. Бухта Агуа-Фреска».

5. Л. 7 об.: «Собаки ссут здесь иначе, чем обыкновенно: они не поднимают задней ноги, а только вытягивают обе задние, как лошади и т. п. бестии. Огромное (1 нрзб) число громадных стволов лежит по берегу, некоторые — у самой воды; каждую весну с потоками их несет в море и в большом количестве. В лесу деревья падают не от бурь сломанн[ыми], но они валятся вследствие старости, а так-

же их сжигают у самого корня. Ветер же редко, даже самый сильный, проникает в эти трудобы леса. Отопление в бедных избах не что другое, как брасеро. Грибы, описанные Дарвином, едят не только индейцы, но и чилийцы». Брасеро (braserо) в переводе с испанского — «жаровня».

6. Л. 7^а—7^а об.; на нем. яз.: «Были здесь две девочки, для (?) своего (?) возраста очень (физически) развитые; старшей, которой еще не было 14 лет, не хватало только мужчины с как можно большего размера пенисом; у младшей, которой едва ли было 13 лет, была красивая пышная грудь. Громадное воздействие (1 нрзб), холодный климат с его необходимостью заботиться о своем существовании наложили на веселых испанцев и итальянцев сумрачный отпечаток. Люди, которых я видел, показались в сравнении с южными европейцами особенно тихими и меланхоличными. Здесь, как и повсюду, женский элемент переменялся менее. Причинами тому служат меньшее количество контактов и кроме специальности (2 нрзб), и свои в каждой из стран домашние занятия. Девушки много улыбались (?) и старались по возможности нам понравиться, — Ночью, однако, было уже холодно — около 4 °C в 11 часов. Днем было 8,5°. Рано утром в 6,5 часов было около 5°. Ночь была хорошо проведена в хижине синьора дона Мариано Гонсалеса». Ниже дана зарисовка гриба с легендой: «*Escceria darwinii*» (о названии гриба см. прим. 26).

³¹ В КЗК—1871, № 2 (л. 8) есть набросок головных уборов патагонцев.

³² Шпоры, описанные здесь, представлены в коллекции Миклухо-Маклая в МАЭ (№ 1225—1, 2).

³³ *Дарвин Ч.* Путешествие... С. 154: «Испанец уже чуть было не сел в лодку, но тут Лусьяно бросил в него шары и так сильно ударил ими молодого человека по ногам, что тот упал на землю и пролежал некоторое время без чувств. (...) Испанец рассказывал нам, что на ногах у него, там, где обвился ремень, остались большие рубцы, как будто его отстегали хлыстом». О *болах* см.: Там же. С. 92—93, 118, 122, 153. Об охоте с их помощью на диких коров на Фолклендских островах см.: С. 226, 232.

³⁴ Речь идет об одной из разновидностей так называемого американского страуса, вернее — нанду; скорее всего о характерном для степей Южной Патагонии дарвиновом нанду (*Rhea darwinii Gould* или *Rhea pennata*). Ср.: *Дарвин Ч.* Путешествие... С. 91, 138. По современной классификации нандуобразные образуют особый отряд в надотряде Бегающие птицы. Другие отряды этого надотряда: страусообразные, казуарообразные и кивиобразные.

³⁵ В КЗК—1871, № 2 (л. 23 об.) карандашный рисунок с легендой: «Булавка, брошка и серьга патагонки Соилы. Punta Arenas». Под рисунком текст: «Брошка состоит из одной или двух булавок с цепочкой, нанизанной бисером». Сбоку: «Дерева[нные] спички упот[ребляются] (?) как булавок[и]». Часть общего рисунка изображает строение цепочки; пометы: «Гол[убой]» и «Кр[асный]» указывают на цвет соответственно больших бусин и мелкого бисера (см. рис. на с. 50 наст. тома). Карандашная надпись «Soila» имеется также на л. 24.

³⁶ Название головной повязки читается приблизительно как *вунниса*. Обычное для перуанского, боливийского и аргентинского вариантов испанского языка название такой повязки — *винка* (*vincha*).

³⁷ Хотя Миклухо-Маклай называет это озеро «Laguna de los Mansos Bravos», мы повсеместно исправляем *Mansos* на *Gansos*. Впрочем, здесь кроется еще и семантическая неточность, связанная, видимо, с тем, что автор несколько подзабыл испанский язык, так как *ganso bravo* означает не «дикую утку», а «дикого гуся».

³⁸ В КЗК—1871, № 2 есть две зарисовки озера:

1. Рисунок пером и акварелью (л. 8 об.) с легендой: «Laguna de (los) Gansos Bravos, часа 3 1/2 езды от Punta Arenas». Другие надписи на рисунке (в основном на нем. яз.) малоразборчивы, за исключением обозначений *Barge* — «бар» и *Laguna* — «озеро» (исп.). См. с. 53 наст. тома.

2. Рисунок пером (л. 9) с легендами: «Rio Secco и впадение ее в Lagun'y de (los) Gansos Bravos» и «Устье Rio Secco». На л. 9 об. эскиз схемы устья р. Секко и бара. Текст: «Все реченки, даже самые маленькие, образуют бары. Их устья обращены почти все к *⟨не дотисано⟩*».

³⁹ См.: *Дарвин Ч. Путешествие...* С. 206—208.

⁴⁰ *Арриеро (arriero)* — «погонщик выючных животных» (исп.); не совсем ясно, в каком смысле употреблено это слово здесь

⁴¹ Сопоставление двух разнородных географических зон с резкой границей между ними содержится у Ч. Дарвина (см. указ. соч., с. 268—269). Употребляя современные термины, мы можем говорить о зоне засушливых степей-полупустынь, с одной стороны, и обильной осадками зоне, поросшей частично лесами из хвойных пород и нотофагуса (см. прим. 21). Первая из них охватывает юг Патагонии и северо-восток о. Огненная Земля, вторая — остальную часть Огненной Земли и юг Чили с прилегающими островами вплоть до о. Чилоэ на севере. Следуя Магеллановым проливом с востока, Ч. Дарвин отмечал, что граница зон начинается с м. Негро. «На восточном побережье к югу от пролива пересеченная, носящая характер парка местность объединяет (...) эти две страны, почти во всех отношениях противоположные одна другой. Такая перемена ландшафта на расстоянии каких-нибудь двадцати миль и в самом деле удивительна» (Указ. соч. С. 268). Граница ландшафтов определяет, как правильно отметил Миклухо-Маклай, и этническую границу. В эпоху, о которой идет речь, зона степей-полупустынь была населена южными патагонцами — *техуэльче* на материке и *она* на острове, причем в расовом, лингвистическом и культурном отношении они составляли единую группу (*Serrano A. Los aborígenes argentinos*. Р. 225; ср. выше прим. 24). Их основным занятием была сухопутная охота на гуанако. Острова и берега второй зоны населены приморскими собирателями и рыболовами *ямана* (яганы) и *алакалуфами* (халаквулуп), кочевывшими большую часть времени на своих лодках из бухты в бухту (см. прим. 42).

⁴² Правильно оценивая связь между особенностями ландшафта и хозяйственно-культурным типом населения, автор недооценивал тот факт, что сам п-ов Брансуик был исконной территорией алакалуфов (см. прим. 41). Другое дело, что чилийская колонизация постепенно вытесняла алакалуфов из этих мест. Замечание в СС (Т. 1. С. 389. Прим. 13) о том, будто он имеет здесь в виду патагонцев *она*, иногда переправлявшихся с о. Огненная Земля на материк, представляется в свете выше-сказанного недоразумением. «Жители Огненной земли», о которых пойдет речь в прим. 45, — это несомненно также алакалуфы. В 1834 г. Ч. Дарвин и его спутники встречались на мысе Грегори с патагонцами (первая ландшафтная зона из описанных в прим. 41), а в Порт-Фамин (вторая ландшафтная зона) они еще видели «виговамы» огнеземельцев, которые пытались на них напасть (*Дарвин Ч. Путешествие...* С. 269—272); ср. о «зверстве» жителей Огненной Земли в отношении европейцев в записке П. Н. Назимова (прим. 45). Следует заметить, что Миклухо-Маклай отлично понимал принадлежность *она* к патагонцам; об этом свидетельствует легенда на портрете патагонца Энрике: «из Terra del Fuego» (см. с. 56 наст. тома).

⁴³ Сохранилось 8 портретов патагонцев, сделанных Миклухо-Маклаем в Пунта-Аренас.

⁴⁴ Как правило, более высокорослые индивиды (в пределах любой расы) имеют относительно более длинные ноги, чем малорослые. Это значит, что различия в росте между людьми зависят больше от длины ног, чем от длины корпуса. Для некоторых групп индейцев, по-видимому, характерно сочетание высокого роста с относительно короткими ногами (например, бороро в Южной Америке и др.). В некотором проценте случаев такие пропорции тела встречаются и у европейцев и у других рас.

⁴⁵ Миклухо-Маклай не закончил, как указывалось выше, своих заметок о Южной Америке. Результаты его антропологических наблюдений над папагонцами частично сохранились в виде приклеенного к л. 26 рукописи обрывка бумаги (в настоящее время самостоятельной пагинации не имеет). В оригинале текст частично расположен в столбик, мы даем его в подборку: «Когда я хотел (?) мерить их, причем они должны были снять свои меховые одеяла, то я вст[рети]л (?) между мужчин гораздо менее охоты, чем между ♀. Некоторые (?) сн[имали] (?) св[ои] [*конец лицевой стороны оборван*]. 1) Рост (2 *нрзб*). 2) Мало отличаются ♀ от ♂. Плоск[ие] (лица). 3) Роль лица. 4) Отсутствие бород, бровей (выщипаны), усов. 5) (2 *нрзб*) (Цвет. 7) Женщ[ины] [*далее затеркнуто: громадные животы*], маленькие груди, причем соски совершенно смотрят в сторону».

О плавании «Витязя» от Пунта-Аренас до Вальпараисо мы имеем сведения из донесений П. Н. Назимова, его воспоминаний и записок в вахтенном журнале корабля: 10 апреля снялись с якоря в Sandy Point, 11-го стали на якорь в бухте Св. Николая. Здесь простояли три дня, «партия гардемарин под руководством старшего штурманского офицера капитана Бенземана произвела съемку и промер залива. С корвета производилась стрельба в цель» (Кр. вест. 1871. № 78). 14 апреля снялись с якоря и, придя утром в Swallow-bay, стали здесь на якорь.

По воспоминаниям П. Н. Назимова, «от Санди-Пой[н]та до Вальпарайзо Миклуха уже не страдал морскою болезнью и казался физически здоровым» (Назимов. С. 77). Еще в Пунта-Аренас «ему пришла мысль совершить путешествие пешком из Санди-Пой[н]та в залив Св. Николая в Магеллановом проливе», но губернатор отговаривал его, ссылаясь, в частности, на «зверство жителей Огненной земли в отношении к европейцам» (Там же. С. 76—77). Одним из доказательств «зверства жителей Огненной земли» (речь шла об огнеземельцах-алакалуфах; см. прим. 42) был следующий эпизод: «за несколько недель до нашего прихода жители Огненной земли умертвили четырех европейцев с английской шхуны, которую мы уже нашли стоящей на рейде Санди-Пой[н]т без команды» (Там же. С. 77).

От пребывания в заливе Св. Николая сохранились лишь рисунки Миклухо-Маклая и пояснения к ним. В альбомах 1869—1871 и 1870—1871 гг. — рисунки видов на залив и другие места Магелланова пролива. В КЗК—1871, № 2 (л. 21 об.) под заголовком: «На деревьях выреза[нные] надписи в бухте Св. Николая» приведены надписи: «J. H. Chapman, V. H. Sisson, F. M. Knight, Lieutenant Poop (*следует схематическое изображение шхуны*), Conception 1867». Перед последней надписью значится: «и мы на друг[их] (оставили надписи)». Посещение бухты Бутенвилль (к северовостоку от мыса Фроуард) отмечено там же карандашным наброском с легендой (л. 11): «*Bai Bougainville*. Действие, производимое приливом и отливом».

Несколько карандашных зарисовок относятся к быту огнеземельцев. В КЗК—1871, № 2 (л. 20): «Хижи[ны] жителей Огненной земли. Самая большая — в рост человека». Хижины в плане овальные, 3×4 аршина (т. е. примерно 2×3 м). У входа — «куча раковин». Показано также расположение четырех жилищ относительно друг друга и способ соединения кольев (?). В КЗК—1871, № 2 (л. 20 об. — к карандаш-

ному изображению лодки): «Длина 3 сажени, ширина 2 аршина, глубина 1 аршин. Из коры; сверху обшита (корой); внутри положена она поперек; внутри *скрепление*» (тип скрепления схематично показан здесь же: «кора, соломка»).

В Тетр. 1871 (л. 14) рисунок с легендой: «*Оконегник копы из кости жит[елей] Огненной Земли* (собственность г-на Лощинского). В музее в Santiago находится много экземпляров этих наконечников из той же местности, такой же формы и дру[гих]: (рисунок). Чили. Май 1871 (г.)».

Возможно, что ко времени плавания по Магелланову проливу относится и следующая запись, отражающая беспокойство Миклухо-Маклая за судьбу его путешествия (КЗК—1871, № 2. л. 18 об., часть карандашной записи покрыта денежными расчетами с офицерами «Витязя», выполненными чернилами, но прочтению поддается): «Вследствие новой, полученной в Плимуте инструкции морс[кого] мин[истра] „Витязь“, измен[ив] свой маршрут, идет вместо мыса Доброй Надежды вокруг мыса Горна и прямо в восточные порты Сибири. Таким образом, весь мой план путешествия до Новой Гвинеи остается проектом; все старания касательно доставления меня в Новую Гвинею останутся совсем напрасными, если не окажется какой-нибудь возможности, разумеется, в случае мира, изменить положение дел». О полученных Миклухо-Маклаем в Плимуте новостях, связанных с обострением международной обстановки вокруг черноморских проливов, см.: Назимов. С. 75. Опасения по поводу того, доставит ли его «Витязь» на Новую Гвинею согласно обещанию великого князя, исследователь выражал еще в Пунта-Аренас (письмо Ф. Р. Остен-Сакену от 26 марта 1871 г.). Вопрос решился положительно уже в Вальпараисо (см. письмо Ф. Р. Остен-Сакену от 25 мая 1871 г.).

С 27 апреля по 2 мая 1871 г. «Витязь» стоял в заливе Консепсьон. По воспоминаниям П. Назимова, Миклухо-Маклай занимался «снятием типов в заливе Консепсьон и порте Талькагуана, где он даже приобрел от начальника тюрьмы фотографические карточки всех содержимых в тюрьме арестантов, к ним список с соответствующими с картами номерами и описанием преступлений и месторождения арестанта. Руководствуясь этим, он объяснил нам, что можно делать наблюдение над сложением форм головы. Таких карт он получил около 200» (Назимов. С. 77). Сохранилось несколько портретов арауканцев, сделанных Миклухо-Маклаем в заливе Консепсьон. См. в КЗК—1871, № 2 (л. 14—17) наброски и отрывочные заметки, относящиеся к пребыванию здесь.

Стоянка в Вальпараисо продолжалась с 3 мая по 2 июня. По воспоминаниям П. Назимова, «Миклуха переехал с корвета на берег в Hotel, где и оставался все время, эдзив по временам в Сант-Яго, где он познакомился с ректором университета г-м Домейко. Это весьма ученый и полезный деятель в Чили обратил внимание на Миклуху и всеми средствами старался познакомить его со всевозможными музеями» (с. 77). Значительная часть КЗК—1871, № 2 заполнена выписками из книг, краткими заметками, набросками, относящимися к природе, географии, климату, истории и современному положению Чили, рисунками, сделанными во время экскурсий в глубь страны. Рисунки сохранились также в ЗК—1869—1871 и ЗК—1870—1871.

Подробнее о пребывании Миклухо-Маклая в Среднем Чили см.: *Полевой Б. П.* Миклухо-Маклай в Чили. С. 135—139.

В конце стоянки в Вальпараисо состояние Миклухо-Маклая вновь ухудшилось. «Он не высказывал никогда о своих болях, но выходя в море 21 мая 1871 г. <ст. ст.> на пути к о. Пасха болезнь сама высказалась» (Назимов. С. 77).

Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 18. Впервые: Изв. РГО. 1872. Т. 8. № 2. Отд. «Географические известия». С. 42—55. В СС. Т. 1. С. 45—68, с рядом стилистических поправок и с исправлениями написаний географических названий. Здесь же (а также в т. 5) частично воспроизведены рисунки Миклухо-Маклая, сделанные на этих островах.

Рукопись — две тетрадки, сшитые вместе из двойных нелинованных листов размером 20,5×26,5 (всего листов 8). Убористый почерк менялся по ходу письма. Рукопись несомненно беловая. Сверху было: «Господину секретарю имп. Русского географического общества в СПетербурге» (зачеркнуто при подготовке рукописи к набору). В верхнем левом углу карандашом: «В ред. Изв. Г. О. для напечатания» и чья-то подпись. Пагинация той же рукой, что и весь текст, с 1 по 13; последний лист чистый.

Беловая рукопись готовилась Миклухо-Маклаем во время перехода «Витязя» с о. Таити к Новой Гвинее, о чем свидетельствует немецкий вариант статьи (см. ниже) и письмо Ф. Р. Остен-Сакену от 19 августа 1871 г. (см. т. 5 наст. изд.). Рукопись была отослана Миклухо-Маклаем вместе с другими бумагами при уходе «Витязя» из залива Астралабия. О получении рукописи почтой из Иокогамы было доложено на заседании Совета РГО 22 января (ст. ст.) 1872 г. (см.: Изв. РГО. 1872. Т. 8. № 2. С. 24—25); об этом же сообщалось в «Отчете РГО за 1871 г.» (СПб. 1872. С. 56).

Черновой вариант очерка сохранился в составе Тетр.—1871. Он несет следы многократных поправок, дополнений, вычеркиваний, указаний на сноски, большая часть которых не была сделана. Черновик читается с большим трудом, в некоторых местах он не поддается восстановлению. Далее в примечаниях приводятся лишь те разночтения и дополнения из черновика, которые представляют интерес по существу.

К печатаемому очерку относятся также материалы в ЗК—1871, № 2 и в КЗК—1871, № 3. В первой — разрозненные заметки, заканчивающиеся пребыванием на Самоа, а также рисунки, фотографии и краткие выписки из книг. Во второй сосредоточена основная масса полевых материалов по островам Океании. Часть записей сделана по-немецки. К сожалению, прочитать полностью и абсолютно надежно КЗК не удалось, так как записи носят крайне беглый характер, содержат множество сокращений и недописанных слов и карандаш в ряде мест стерся. Отдельные места из ЗК—1871, № 2 и КЗК—1871, № 3 приводятся в наших примечаниях к основному тексту очерка. Некоторые фрагменты записей публикуются в приложениях к настоящему тому (см. «Разрозненные заметки об островах Пасхи, Таити, Самоа, Ротума»).

Одновременно с полным текстом очерка, обозначенного Миклухо-Маклаем как «3-е сообщение», он приготовил заметку на немецком языке, посвященную табличкам с о. Пасхи. Обозначены дата и место: «13 августа 1871 г. На борту „Витязя“. Рейд Апия, Уполу, Самоа». По-видимому, за-

метка была отправлена в Европу также с «Витязем». Опубликовано: *N. von Macloy. Ueber die «Kohau rogo rogo» oder die Holztafeln von Rapa-Nui. Briefliche Mittheilung an Herrn Prof. Dr. Bastian // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1872. Bd. 7. H. 1. S. 79—81.*

Как следует из подзаголовка, текст был извлечен из письма Миклухо-Маклая А. Бастиану. Оригинал письма пока не найден, поэтому неясно, в какой мере текст редактировался. В обратном русском переводе («О „кохау-рого-рого“ или деревянных таблицах с о. Рапа-Нуи»), напечатанном в СС (Т. 3. Ч. 1. С. 482—484), немецкий текст почти полностью совпадает с последними страницами раздела «Рапа-Нуи» в русском тексте очерка (со слов «Первый, открывший их» и до конца). Кроме того, использовано примечание, касающееся названия острова. При публикации в немецком журнале ряд иноязычных слов был неверно прочтен наборщиками, и эти ошибки остались неисправленными: Rohau вместо Kohau в тексте и в заглавии, Matakiraugi вместо Matakirangi, «Mitias» вместо «Witias» (отмечено А. Н. Анфертьевым).

Далее в примечаниях мы приводим несколько содержательных разночтений из немецкого текста.

Публикация заметки Миклухо-Маклая сопровождалась обширными комментариями А. Бастиана, касавшимися проблем происхождения, содержания и функций табличек и носившими характер научной полемики с соответствующими работами Г. Герланда и К. Майнике (*Bastian A. » Bemerkungen zu den Holztafeln von Rapa-Nui // Ibidem. S. 81—89*). Он отмечал важность фактов, сообщенных Миклухо-Маклаем, и его наблюдений.

Примечания 2, 10, 18, 46, 47, 69 подготовлены Н. А. Бутиновым; 8, 17, 26, 46 (част.), 57 (част.), 59 — Д. Д. Тумаркиным; 3, 45 — А. Н. Анфертьевым; 32 — И. К. Федоровой; 58 — взято из СС, т. 1. Остальные примечания сделаны Б. Н. Путиловым.

¹ В черновике сохранился первоначальный вариант общего заглавия очерка: «Сообщ. 3. О. *Rapa-Nui* или о. Пасхи. Выселение туземцев. Некоторые сведения о них. Древности на о. Рапа-Нуи и новые факты. О. *Путкаери*. Настоящее положение его жителей. О. *Мангарева*. Несколько слов о типе жителей островов Мангарева и Рапа-Нуи и кое-какие замечания об островитянах».

Далее в черновике сопроводительное письмо: «М. Г. Откладывая присылку сообщения о Чили до другого раза, напишу Вам сегодня кое-что о виденных мимоходом и посещенных самых восточных островах Тихого океана. Всякие верные известия о них имеют значение потому, что, во-первых, (...) находясь в стороне от больших морских дорог, известия эти очень редко доходят до Европы; вторых, сведения интересны потому, что и на небольших клочках земли происходят многие изменения, перевороты, которые тем более заслуживают внимания путешественник[ов], что туземное население этих местностей еще не дошло до сохранения письменных документов своей исторической жизни». Справа в рукописи здесь рукой автора: «В письмо Б. О. С.» (т. е. барону Остен-Сакену). Письмо с таким текстом неизвестно.

² Название «остров Пасхи» было дано голландским адмиралом Як. Рогтевеном, обнаружившим остров 7 апреля (в день Пасхи) 1722 г. Топоним Рапа-Нуи употребляется обитателями других островов Полинезии. Вопрос о местном названии острова не решен до сих пор. Название «Матакиранги» (точнее Мата-ки-те-ранги, где «мата» — глаз, «ранги» — небо) вряд ли является древним. В литературе встречается еще название «Те-пито-те-хенуа», где «пито» — пуп, центр, край, «хенуа» — земля, чрево, утроба, но и оно не местного происхождения. Возможно, что рапануйцы вообще не имели названия для острова в целом, а употребляли лишь названия отдельных его мест. К настоящему времени известно более 100 таких топонимов (см.: *Bartbel T. Easter Island Place Names // Journal de la Société des Océanistes. 1962. Т. 18. N 18*). О древней истории острова и проблемах его заселения см.: *Хейердал Т. Искусство острова Пасхи. М., 1982; Кренделев Ф. П., Кондратов А. В. Безмолвные стражи тайн (загадки острова Пасхи). Новосибирск, 1980.*

³ В немецком тексте: «Напечатанное на многих картах название «Вайху» также неправильно, так как оно относится лишь к небольшой бухте с поселением (в ней), но вовсе не обозначает острова в целом».

⁴ Из донесений П. Н. Назимова следует, что целью посещения о. Пасхи «Витязем» была необходимость передать почту от французского адмирала из Вальпараисо. Капитан не смог этого сделать, так как «лица, на имя коих были адресованы письма и посылки, оставили остров три недели тому назад». Далее Назимов говорит о запустении острова и делает следующее общее заключение: «Разведение плантаций хлопка на островах Полинезии европейцами вызвало опять плантаторов на приобретение невольников; жители всех островов подвергаются этой участи. Система ловли их и приемы те же, что и при негропромышленничестве; иногда употребляют как средство введение христианства. Вообще в средствах заманить жителей в рабство не стесняются и все под благовидными предложениями» (Кр. вест. 1872, № 3).

⁵ В КЗК-1871, № 3, л. 3: «К нам выехали 3 европейцев на шлюпках, гребли туземцы. Прибывшие европейцы были француз, англичанин и немец. Они агенты купеческого дома в Отаити Brander». У Кролевецкого: «У о. Пасхи корвет лег в дрейф, чтобы дать возможность подойти шлюпке, на которой, как оказалось, находился один француз, смотритель больших стад овец, недавно привезенных на о. Пасхи из Австралии и принадлежащих богатому негоцианту Брандеру (...) Гребцы на шлюпке были туземцы, с кожей темно-оливкового цвета, толстые, среднего роста, с черными гладкими волосами на голове; некоторые из них татуированы» (с. 185).

⁶ Французский католический миссионер Ипполит Руссель, о котором Далее в очерке неоднократно упоминается, жил на острове с марта 1866 г.

⁷ В черновике (л. 28) было: «должно в скором времени вернуться за ними».

⁸ Англичанин Джон Брандер (1814—1877) приехал на Таити в 1851 г. и стал крупнейшим местным судовладельцем, купцом и плантатором. Его обогащению способствовал брак с Титауа, дочерью английского купца А. Сэлмона и знатной таитянки, владевшей на острове крупными земельными массивами.

⁹ Из записок В. П. Перелешина яствует, что трое белых находились между собою в отношениях жестокой вражды: «Какое тяжелое впечатление произвел на меня этот горемычный триумвират! Уединенная, монотонная островская жизнь, среди всевозможных испытаний и лишений, под страхом нападения соседних островитян, повлияла весьма грустно на их характеры; франко-прусская война возбуждала полную ненависть между разношерстными выходцами, сделав их желчными и раздражительными» (Перелешин, с. 13).

¹⁰ Миклухо-Маклай допускает неточность: на о. Пасхи была и до сих пор существует только одна церковь, в поселке Хангароа (Ангароа).

¹¹ В черновике зачеркнуто карандашом (л. 28 об.): «Католический миссионер уступил только с согласия таитянского епископа, который был вынужден на этот шаг вследствие отсутствия французского адмирала, который в противном случае разобрал бы дело, и вряд ли миссионеру пришлось бы оставить остров. Оставшиеся на о. Мангарева жители Рапа-Нуи очень желают вернуться на старый остров. Миссионер считает это дело еще возможным».

¹² Миклухо-Маклай ничего не пишет о контактах моряков «Витязя» с жителями острова. По словам В. П. Перелешина, они «перед уходом... с туземцами поделились бельем, шапками, различными безделушками и расстались с ними дружелюбно, пожелав им всего лучшего» (Перелешин. С. 14).

¹³ В КЗК—1871, № 3, л. 3 об.: «Итак, через год останутся на о. Пасхи 2—3 европейца и несколько островитян, которых агент хочет задержать как рабочих на острове». Предположения эти не оправдались: на острове в подчинении Дютру-Борнье осталось 111 человек. В 1877 г. француз был убит. О дальнейшей судьбе населения острова см., например: *Хейердал Т.* Искусство... С. 37 и сл.; Мифы, предания и легенды острова Пасхи. Сост., предисл. и прим. И. К. Федоровой. М., 1978. С. 5—8.

¹⁴ Дж. Кук побывал на о. Пасхи в марте 1774 г. См.: *Cook J.* A Voyage towards the South Pole and round the World, performed in His Majesty's Ships Resolution and Adventure, in the Years 1772, 1773, 1774 and 1775. L., 1779. Vol. 1. P. 289. Весь рассказ об о. Пасхи см. на с. 277—296. Русское издание: Второе кругосветное плавание Джеймса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964. С. 295—312. У Миклухо-Маклая ошибка: Дж. Кук называет шестьсот-семьсот человек (Указ. соч. С. 305, 308).

¹⁵ Под командованием Ж. Ф. Лаперуза два французских фрегата посетили о. Пасхи в 1786 г. См.: *Voyage de La Pérouse autour du monde, publié conformément au décret du 22 avril 1791 et rédigé par M. L. A. Milet-Mureau.* Paris, 1797. T. 2. P. 85. Весь рассказ об о. Пасхи см. на с. 73—103.

¹⁶ Капитан Ф. У. Бичи подходил к о. Пасхи в ноябре 1825 г. См.: *Beechey F. W.* Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait, to co-operate with the Polar Expeditions, performed in His Majesty's Ship Blossom in the Years 1825, 26, 27, 28. L., 1831. Part 1. P. 37. Рассказ об о. Пасхи см. на с. 30—43.

¹⁷ Эжен Эйро был первым европейским поселенцем на острове; он жил здесь в качестве миссионера в 1864 г., а затем в 1866—1868 гг. Именно он, а не миссионер И. Руссель, как утверждает ниже Миклухо-Маклай, первым из европейцев обнаружил деревянные таблички с письменами. Эйро потребовал уничтожить эти таблички, а также деревянных «идолов» и другие атрибуты «языческой» религии. В результате большинство этих замечательных памятников рапануйской культуры было сожжено или спрятано в пещерах и иных тайниках.

¹⁸ До появления на о. Пасхи европейцев численность рапануйцев составляла, по одним оценкам, 3—4 тыс., по другим — 7—8 тыс. Занесенные колонизаторами эпидемии и пиратские набеги привели к катастрофическому падению численности коренного населения. К 1877 г. на острове осталось немногим более 100 жителей. В конце XIX в. депопуляция прекратилась, и население начало постепенно расти. В настоящее время на о. Пасхи живет около 2 тыс. человек, из них примерно половина — рапануйцы (в основном метисы), почти все остальные — чилийцы. С 1888 г. остров является колонией Чили.

¹⁹ В черновике (л. 29): «собаки, которые откармливались для этой цели».

²⁰ В черновике «заменить ~ редким блюдом» нет.

²¹ В черновике (л. 29): «уничтожен».

²² В черновике (л. 29): «13 или 14 помнят».

²³ Cook J. A Voyage... P. 289; Forster G. Voyage round the World in His Britannic Majesty's Sloop Resolution, commanded by Capt. James Cook, during the Years 1772, 3, 4 and 5. L., 1777. Vol. 1. P. 595—596. См. также: Форстер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986. Рассказу об о. Пасхи посвящена гл. XIV.

²⁴ Roggeveen J. Extract from the Official Log of the Voyage of Mynheer Jacob Roggeveen, in the Ships den Arend, Thienhove and De Africanische Galey, in 1721—1722, in so far as it relates to the Discovery of Easter Island. Cambridge, 1908.

²⁵ Русская экспедиция на корабле «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу побывала на о. Пасхи в марте 1816 г. См.: О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив (...) в 1815, 1816, 1817, 1818 годах. СПб., 1821. Ч. 1. С. 46—53.

²⁶ В апреле 1804 г. о Пасхи посетил корабль «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского. См.: Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. СПб., 1812. Ч. 1. С. 82—98. Ю. Ф. Лисянский участвовал в первой русской кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна, корабль которого «Надежда» к о. Пасхи не подходил.

²⁷ Французский адмирал Дюпти-Туар подходил к о. Пасхи в 1838 г. См.: Petit-Thouars A. du. Voyage autour du monde sur la frégate 'La Venus' pendant les années 1836—1839. Paris, 1841. Т. 2. P. 221—234.

²⁸ О посещениях о. Пасхи разными мореплавателями, начиная с 1722 г., и о сделанных ими наблюдениях см.: Хейердал Т. Искусство... С. 22 и сл.; см. также: Мифы, предания и легенды. С. 3—9; Кренделев Ф. П., Кондратов А. В. Безмолвные стражи тайн. С. 199—203.

²⁹ Предположение Миклухо-Маклая подтвердилось: позднейшие исследователи выявили на острове резные деревянные фигуры и другие изделия из дерева, подделки из камня, глины, китовой кости, тапы, наскальную живопись, узоры татуировок.

³⁰ Английский военный корабль «Топаз» был на о. Пасхи в 1868 г. О наблюдениях Дж. Л. Палмера см.: Хейердал Т. Искусство... С. 33—34 (там же перечень работ Палмера).

³¹ Обстоятельный отчет И. А. Ганы был опубликован через 30 лет: Gana I. L. Descripción Científica de la Isla de Pascua // Biblioteca Geogr. Hist. Chilena de L. I. Silva. Vol. 1. Santiago de Chile, 1903.

³² Ф. Кристман, также ссылаясь на Пальмера, пишет, что лаву для «шапок» *пукао*, венчавших каменные статуи *моаи*, можно найти только в одном месте острова — на холме Оту-ити (букв. «маленький холм»). См.: Кристман Ф. Новая Зеландия и остальные острова Южного океана. Кн. 2. Океания. СПб., 1875. С. 437. Согласно А. Метро, карьер, где добывали красный камень для «шапок», находился в маленьком кратере на склоне вулканического конуса Пунапау за Ханга Роа (Métraux A. Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940. P. 303). Известно, что имя Уту-ити носила маленькая бухта.

³³ Французский корвет «Flore» побывал на о. Пасхи в январе 1872 г. Согласно рапорту адмирала Т. Лапелена, «за неимением полной статуи в хорошей сохранности, которую легко можно было бы перевезти, мы должны были удовлетвориться тем, что отсекали голову от сброшенной статуи, которая лежала лицом вниз и ко-

торая была слишком тяжелой, чтобы погрузить ее целиком» (*Lapelin T. de. L'Île de Pâques (Rapa-Nui) // Revue Maritime et Coloniale. Paris, 1872. Т. 35. Р. 106*).

Поскольку Миклухо-Маклай побывал на о. Пасхи за полгода до «Flore», а очерк завершил в августе—сентябре 1871 г., он не мог знать о событиях, случившихся позднее. Остается предположить, что во время совместной стоянки «Витязя» и «Flore» в Вальпараисо (см. об этом: Кр. вест. 1871. № 78) Миклухо-Маклай узнал о планах, связанных с предстоящим посещением о. Пасхи французским корветом и намерением переправить одну из скульптур Рапа-Нуи во Францию. Судя по рапорту Т. Лапелена, можно допустить, что доставка статуи входила в его предварительные планы.

³⁴ В ЗК—1871, № 2, л. 6 есть 3 рисунка части фигуры: два в профиль (второй — крупнее), с указанием размеров разных частей, третий — en face. Подпись: «Часть большой фигуры с о. Рапа-Нуи, находящаяся в Музее Сантьяго».

³⁵ В ЗК—1871, № 2, л. 5 вклеены две маленькие фотографии с изображением головы первой фигуры (в 1/10) и второй фигурки полностью (в 1/3) с подписью: «Музей Сантьяго».

³⁶ В ЗК—1871, № 2, л. 3: «Деревянные идолы были отвезены во Францию при Луи-Филиппе, а в Вальпараисо находятся несколько в доме des Pères françaises. Несколько были посланы в Рим. Были также идолы, состоящие из веревок». Дом des Pères françaises (французских отцов) — здание французского миссионерского общества.

³⁷ Кроме названных выше рисунков и фотографий, других копий скульптур в материалах Миклухо-Маклая не сохранилось.

³⁸ Серьезное историко-этнографическое изучение о. Пасхи началось практически в XX в., т. е. уже после того, как самобытная культура рапануицев была почти полностью уничтожена. Проблемам заселения, этнической истории, материальной культуры, искусства, мифологии и фольклора посвящены труды комплексных экспедиций и отдельных исследователей. Библиографию см. в указанных сочинениях Ф. П. Кренделева и А. В. Кондратьева, И. К. Федоровой, Т. Хейердала. Дополнительно см.: *Бутин Н. А.* Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохау ронгоронго) // СЭ. 1982. № 6; *Федорова И. К.* Тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи) // СЭ. 1983. № 1.

³⁹ В ЗК—1871, № 2, л. 4: «Все вещи, находящиеся теперь в музее в Сантьяго, привезенные чилийским корветом „О'Тигинсом“ с о. Рапа-Нуи, по словам мисс Roussel, были взяты с маленького островка Мотонуй из пещеры, где прежде жертвовали людям». Итоги изучения различных видов скульптуры о. Пасхи и исторических взаимоотношений между ними обобщены у Т. Хейердала.

⁴⁰ В ЗК—1871, № 2, л. 4 есть оттиск с подписью: «Копия части таблицы с о. Рапа-Нуи (кохау-ронго-ронго), находящейся в музее Сантьяго. Контуры углублены (вдавлены) и представляются на копии белыми».

⁴¹ В черновике изложению рассказа Русселя соответствует следующий текст, который находится в другом месте (л. 31 об.): «Встретясь на о. Мангарева с г. Русселем, миссионером, который пробыв на о. Рапа-Нуи около 7 лет *(ошибка, должно быть: около 5 лет)*, я узнал многие интересные факты, касающиеся древностей острова. Таблицы, привезенные в Чили, были даны им при посещении острова корветом, и он мне сообщил следующие о них подробности. Эти таблицы действительно покрыты письменами, некогда употребляемыми на о. Рапа-Нуи. Это общее мнение туземцев, старики утверждают положительно, что их отцы и деды умели читать

написанное и что на этих досках вырезана история их острова. Указывали даже на одного из живущих стариков, что он умеет читать эти таблицы. Опрошенный г. Русселем, он уверял, однако ж, что не может понимать старого письма».

⁴² Правильно — Д'Асиери. В ЗК—1871, № 2, л. 3 об.: «Kohau rogo rogo = Кохау ронго-ронго = говорящее или понятное дерево. „Понимать“ на Рапа-Нуи и Мангареве — ронго, на Таити — роо, на Сандвичевых островах — роно, на островах Маркизских — оно». То же — в КЗК—1871, № 3, л. 22, с дополнением после «дерево»: «4 штуки (лучшие (...) для Франции)».

⁴³ В 1870 г. по просьбе епископа Т. Жоссана (Таити), который был одним из первых инициаторов собирания и изучения табличек, рапануец Меторо пытался прочесть тексты: он пропевал их речитативом, описывая таким образом изображения на табличках. Результаты опыта с Меторо оцениваются в науке по-разному (см., например: *Хейердал Т.* Искусство... С. 128—129; *Бутинов Н. А.* Остров Пасхи; *Федорова И. К.* Тексты острова Пасхи. С. 42—43).

В ЗК—1871, № 2, л. 3 об. есть позднейшая выписка из журнала «Nature» (1874. 5 марта. С. 351) с сообщением о том, что Т. Крофт нашел рапануйца, который якобы может читать таблички и обещал научить этому и его (о Крофте см: *Хейердал Т.* Искусство... С. 128).

⁴⁴ В черновике далее (л. 31 об.—32): «разной величины, но одного и того же дерева. Между другими один экземпляр обратил его особенное внимание. Это было небольшое весло, кругом покрытое аккуратно вырезанной надписью. Он сам имел в руках около 10, из которых 3 он дал Чилийской экспедиции и 7 отослал из Мангаревы католическому епископу в Таити.

Говоря об громадных идолах, которых еще сотни сохранились на Рапа-Нуи, г-н Руссель сказал мне, что на больших шапках, которые возвышались на головах идолов, находятся высеченные гиероглифы, совершенно подобные тем, которые находятся на таблицах *(то же — в ЗК—1871, № 2, л. 3)*. Если этот факт действительно оправдается, то он действительно очень важен.

Прибавлю при этом, что, насколько я могу судить по знакомству 4 или 5 дней, г-н Руссель показался мне человеком, заслуживающим совершенного доверия, особенно в таких индифферентных для него вещах, как разные туземные камни и доски, так мало относящиеся до его главного, т. е. религиозных убеждений. Я передаю в этом случае слышанное, но не виденное.

Обдумывая все виденное и слышанное об древностях Рапа-Нуи (*идолы и барельефы*), а также слышанные от г-на Русселя замечания, я невольно прихожу к убеждению, что исследование острова может принести много интересных и важных данных, больше, чем можно было до сих пор предполагать, и желаю полного успеха знающему человеку, который будет счастливее меня и не только увидит очертания холмистого Рапа-Нуи, но посетит остров с целью разрешить важные вопросы» («а также ~ предполагать» перечеркнуто, от слова «Рапа-Нуи» к «желаю» проведена стрелка).

⁴⁵ В немецком тексте более подробно: «Г-н Руссель утверждал, что все таблицы изготовлены из одного дерева, которое называется на Рапа-Нуи «торо-миро» и из которого сделаны также все деревянные идола».

⁴⁶ Всего до нашего времени сохранилось около 20 дощечек с письменами, из которых 10 хорошей сохранности. В данном случае речь идет о дощечке под названием Тахуа. Эту дощечку, а также дощечки Аруку Куренга, Кохау-о-те ранга (другие названия — Миро, Мамари), Апаи (другое название — Кеити) получил от рапануй-

цев Руссель, который в 1868 г., послал их на Таити епископу Жоссану. У епископа имелась также табличка Ка-ихиунга, полученная от миссионера Э. Эйро. В МАЭ хранятся две дощечки с письменами, привезенные Миклухо-Маклаем: Ленинградская большая и Ленинградская малая. Одну из них Миклухо-Маклай получил на Таити от Жоссана, другую — от кого-либо из рапануйцев, поселившихся на Мангареве или на Таити (см. еще об этом примечания к «Разрозненным заметкам» в наст. томе).

⁴⁷ Знаки на дощечках вырезались зубом акулы или острым куском обсидиана.

⁴⁸ В современной науке этот тип письма, известный первобытному обществу, принято называть рисуночным идеографическим письмом.

⁴⁹ Из донесения П. Н. Назимова: «От о. Пасхи взял курс на о. Питкэрн, тоже интересный по своему заселению командой, взбунтовавшейся на английском военном судне „Boonty“. Мы нашли уже третье поколение; черты европейца начинают пропадать под бронзовой кожей от смеси с жителями таитян.

Я оставался около острова в дрейфе целые сутки, чтобы дать возможность офицерам и гардемаринам по очереди посетить эту интересную семью острова, состоящую из 70 человек» (Кр. вест. 1872. № 3).

Холмистый вулканический остров Питкэрн расположен к юго-востоку от полинезийского архипелага Туамоту и островов Гамбье (Мангарева). Площадь острова 4,5 кв. км

⁵⁰ В альбоме Миклухо-Маклая (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 53/9. Л. 55) есть набросок вида острова с моря с подписью: «О. Питкаирн, 20 июня». В черновике (л. 32): «Мы лежали в дрейфе и то приближались, то отдалялись от него. Несколько парусов, показавшихся у острова, доказали нам, что остров обитаем, что по лоции нельзя было ожидать, потому что там было сказано, что жители острова были по их просьбе перевезены англичанами на о. Норфолк. Скоро приблизились туземные шлюпки, они были узки и длинные, не очень глубоки (16 ф. дл., 2 ф. шир. и 16 д. глуб.), они были выдолблены из одного ствола и вооружены одним парусом. В каждой из них сидело по человеку, который очень ловко управлялся своей лодочкою коротким веслом вместо руля и привязавши шкот к колену». В КЗК—1871, № 3, л. 9 — рисунок лодки под парусом и план лодки сверху с указанием размеров, соответствующих тем, что в тексте черновика, с одним добавлением: «1 1/2 дюйма толщины, из одного ствола».

⁵¹ В черновике далее (л. 32 об.): «и с некоторой гордостью объявили, что все они потомки возмутившихся на Боунти».

⁵² В 1790 г. на о. Питкэрн, в то время необитаемый, высадились девять английских матросов с мятежного корабля «Баунти» вместе с тринадцатью полинезийскими женщинами и шестью полинезийцами-мужчинами. В результате начавшихся столкновений мужчины-таитяне и часть англичан погибли, к 1800 г. в живых из мятежников остался Александр Смит (он же Джон Адамс), под руководством которого колония стала жить мирно. Постепенно установились отношения жителей Питкэрна с внешним миром, остров стал британским владением. В 1856 г. Дж. Х. Ноббс, фактически возглавлявший колонию, опасаясь перенаселенности острова (число жителей к тому времени достигло двухсот человек), договорился с британскими властями, и все жители Питкэрна были перевезены на о. Норфолк, бывшую колонию для ссыльных, расположенный между Австралией и Новой Зеландией. В 1858—1859 гг. часть увезенных вернулась на Питкэрн.

Первые обстоятельные описания поселения на о. Питкэрн принадлежат Дж. Барроу и Ф. Бичи (*Barrow, Sir John. The Eventful Story of the Mutiny and Pi-*

ratical Seizure of H. M. S. «Bounty». L., 1831; *Beechey P. W. Narrative...* P. 49—101). Наиболее значительные материалы об островитянах, их физическом типе, культуре, в которой переплетены европейские и полинезийские черты, собраны в 1934—1935 гг. американским антропологом Г. Шапиро (*Shapiro H. L. The Heritage of the Bounty. The Story of Pitcairn through 6 Generations.* L., 1936). Об истории колонии на о. Питкэрн, судьбе первых поселенцев и современном их положении см.: *Фальк-Рёйне А.* Слева по борту — рай. Путешествие по следам «Баунти». М., 1980.

⁵³ Имеется в виду: *Reise der oesterreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859 unter den Befehlen des Commodore B. von Wüllerstorff-Urbair. Beschreibender Theil.* Wien, 1862. B. 3. S. 225—244.

⁵⁴ Из записок В. П. Перелешина: «Толпа любопытных обоого пола встретила нас с радостными возгласами, чуть ли не в распростертые объятия. Они крепко жали нам руки и дружески трясли их, по-видимому, от чистого сердца. Видно было, что подобные посещения вписываются, как эпохи, в их летописи — так их оживило и порадовало наше неожиданное посещение (...). С первого же шага водворилась между нами некоторого рода интимность в отношениях (...). Своей обворожительной простотой они напоминали первобытный мир (...)

В простодушной и теплой беседе мы незаметно дошли до их стана. На ровной площадке, с артистическою небрежностью в группировке и с гармонией целого, раскидывалось селение; здания с виду походили на просторные сараи с тянущимися посреди нарами; конец здания представлял чистую отгороженную для хозяина светелку. Всюду приветствовала нас скромность и чистота» (Перелешин, с. 15).

⁵⁵ В КЗК—1871, № 3, л. 9 об. в описании жилища добавлено: «В домах есть окна, и форм[ой] поход[ят] на европейские дома». В ААН (Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 53/12) сохранился рисунок дома с подписью: «Pitkairn».

⁵⁶ В черновике далее (л. 33 об.): «особенно у взрослых».

⁵⁷ У Ф. К. Кролевецкого: «Жители острова брюнеты, с физиономией европейцев; цвет лица у них более загорелый, чем оливковый; рост хороший, сложение сухощавое; они потомки англичан, а матери их исключительно таитянки» (с. 187).

В КЗК—1871, № 3, л. 9 об.—10: «Жители уверяли, что они все потомки возмущившихся мятежников „Боунти“, что не было ни одного таитянского поселенца на острове и основателя семейства. Это интересно, потому что, если это правда, то мы здесь видим, как здесь одолевает туземная помесь европейскую кровь».

Питкэрнцы, согласно современным данным, — своеобразная этническая группа. В антропологическом отношении это англо-полинезийские метисы, причем европейские черты у них значительно сильнее, что связано со спорадическим притоком на остров новых жителей европейского происхождения.

⁵⁸ Речь идет о какой-то губке из рода *Halichondria*. Родовое название *Spuma* в науке не удержалось.

⁵⁹ Мангарева (Гамбье) — небольшая островная группа, лежащая у юго-восточной оконечности архипелага Туамоту. Группа состоит из четырех вулканических островов: Мангарева (главный остров), Тараваи, Ауkena и Акамара, окруженных коралловым рифом, на котором расположено несколько мелких островков. Через риф в лагуну ведут три прохода. Общая площадь суши — 30 кв. км, население (1988 г.) — около 1 тыс. человек. О самобытной культуре полинезийцев Мангарева см.: *Te Rangi Hiroa (P. Buck). Ethnology of Mangareva.* Honolulu, 1938.

⁶⁰ Из воспоминаний В. П. Перелешина: «Лоцман, приставший к нам, был весьма хрупкий и тщедушный старикашка, костюмированный европейцем, неистово

жующий табак и бегло тараторящий по-французски. Гребцы его, широкоплечие, коренастые канаки, покрытые распашными рубашками, попрыгали за ним на палубу и разместились по борту в позах, не лишенных натуральной грации этой ловкой и крепкой расы. Один из них быстро вскарабкался на утлегар и оттуда принялся выкрикивать звонким голосом направление банок, что репетировалось его соотечественниками, стоящими на борту. Фарватер шел извилисто; сама лагуна была усеяна коралловыми банками. Несмотря на шаткие познания приятеля, мы с возможной осторожностью миновали все препятствия и бросили якорь» (Перелешин, с. 17—18).

⁶¹ В КЗК—1871, № 3, л. 13: «Контурсы островов разнообразны и красивы заключающим их одним и тем же баром. Большинство островов голы, с незначительной растительностью». Бар (англ. bar) — здесь барьерный риф, окружающий остров.

⁶² Из донесения П. Н. Назимова: «От Питкерна я взял курс на группу Мангарева для передачи писем и посылок миссионерам. В лагуну вошел под парами, с лоцманом. (...) «Витязь» — первое русское судно, посетившее эту группу. Якорное место на глубине 28 сажен, грунт — мелкий, мягкий коралл. Стоянка очень спокойная, сообщение с берегом удобно на своих гребных судах. Команда свозилась на берег, жители охотно наделяли матросов апельсинами безвозмездно в большом количестве.

Миссионеры-католики (...) устроили на всех островах школы для детей. Офицеры «Витязя» старались оказать посильную помощь школам и сделали много полезных приношений, за что миссионеры принесли свою благодарность, выраженную в письме.

На Мангарева мы нашли до 150 человек дикарей с о. Пасхи, не пожелавших отправиться в рабство к господину Брандеру на Таити.

Жители этой группы и соседних островов занимаются ловлей жемчужных раковин. К сожалению сказать, весь жемчуг поступает к распространителям христианства, миссионерам, конечно, не даром, но и не по настоящей цене, а за самые дурные бумажные изделия и тряпки (...) Собственно миссионеры состоят под покровительством Франции, но группа Мангарева самостоятельна и не принадлежит никому из европейцев» (Кр. вест. 1872, № 3).

Мангарева была аннексирована Францией в 1881 г. и в настоящее время входит в состав Французской Полинезии.

У Кролевецкого: «Здесь бывает очень мало судов — два или три в год, исключительно для торговли жемчугом (...) Мы тоже занялись меновою торговлею; некоторые офицеры приобрели такие красивые жемчужины, что за одну из них, стоявшую несколько рубак, впоследствии предлагали в Петербурге 150 руб. серебром» (с. 188).

⁶³ В черновике здесь (л. 34 об.) указана новая дата: «Июля 9».

⁶⁴ В черновике далее (л. 34 об.): «Я поселился там с г-ном П., который был тоже не совсем здоров». П. — вероятно, лейтенант В. П. Перелешин.

⁶⁵ В черновике (л. 34 об.): «Так как я во все время пребывания в Мангареве вышел из моей квартиры только 2 раза, да и то прогулки мои ограничились посещением дома г-на Блан, отстоящего не более как на 5 минут от моего домика».

В очерке В. П. Перелешина описано посещение офицерами «Витязя» дворца «королевы» Мангаревы: «Мы прошли через каменную арку, отделяющую пристань от селения, и вступили в тенистую аллею хлебных деревьев и кокосовых пальм. Аллея эта привела нас в туземный дворец, где обитала молодая королева (...) Мы вошли в небольшую светленькую комнатку, более похожую на уютную келью смиренной отшельницы, нежели на роскошный покой королевы. В самом углу висело католи-

ческое распятие; вся меблировка кельи состояла из простых плетеных стульев и скамеек, покрытых шерстяными шальями. Молодая королева покоилась за небольшим столиком, покрытым белой пикейной салфеткой безукоризненной чистоты, в весьма скромном, но уютном кресле. Из всей ее смуглой внешности нельзя было не обратить особенного внимания на ее выразительные глаза, зубы, как перлы, и черные, как смоль, волосы, выходящие по плечам, одетым просторной ситцевой блузой. (...) Возле нее в синем камзоле с морскими пуговицами стоял один из вельмож ее двора, украшенный спокойной улыбкой и фуражкой с золотым околышком. При нашем внезапном появлении она приветливо привстала, пожала нам руки и сделала знак рукой, приглашающий к сиденью. Королева, не владея никаким другим языком, кроме родного, хранила глубокое молчание. Посидевши с долгую минуту в мертвой тишине, как перед дальней дорогой, мы вдруг поднялись и, снова напутствуемые пожатиями, смиренно удалились. Власть королевы забрана в руки миссионеров, а отсутствие всякой административной деятельности позволяет ей наслаждаться ленью» (Перелешин, с. 18—19).

⁶⁶ В КЗК—1871, № 3, л. 17 об. и 18 об. карандашные рисунки: скала с подписью: «Mt Duff, Mangareva, July 1871»; домá, часть залива на фоне гор. В Альбоме 1869—1871 рисунок: дома на берегу с подписью: «Mangareva, July 1871».

⁶⁷ В черновике далее (л. 35): «(более молодые были голы)».

⁶⁸ В черновике далее (л. 36): «по татуировке, которую имели разные вожди в Рапа-Нуи».

⁶⁹ Миклухо-Маклай различает здесь (чего, как правило, не делают другие исследователи) светского вождя («главный военный начальник») и духовного вождя («король») на о. Пасхи. Избирался, однако, не светский вождь (он силой захватывал власть над островом), а его главный жрец, тангата-ману. Обычай добывания первого яйца морской ласточки подробно описан в книге: Métraux A. Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940. P. 331—341.

Запись о ежегодном избрании «короля» сделана Миклухо-Маклаем в КЗК—1871, № 3, л. 5 об., 6 об.

⁷⁰ В КЗК—1871, № 3, л. 14—14 об. сохранилась запись 37 слов мангаревского языка, сгруппированных по тематическим гнездам: вода, земля, море, небо, солнце, месяц, звезды; мужчина, женщина, дитя, отец, мать, брат, сестра; глаза, лицо, нос, рот, подбородок, зуб, язык, волосы, рука, нога; дерево, кокосовая пальма; рыба, ящерица, черепаха; ступай сюда, прочь, дай, красив[ый], спасибо, скверн[ый], молчи, откуда. К сожалению, из-за характера почерка Миклухо-Маклая ряд мангаревских слов не поддается точному воспроизведению.

⁷¹ В черновике далее (л. 36): «но между ними есть довольно высокие особи, я смерил двоих, имевших 1 м и 87 см».

⁷² В КЗК—1871, № 3, л. 13—13 об.: «Цвет лица различный. Характеристичны очень широкие толстые ноги. У многих светлые волосы рыжеваты. У всех глаза карие переход[ят] в черные, другие — в желтый цвет».

⁷³ В КЗК—1871, № 3, л. 15 об. далее было: «Если они хотят сохранить детей более белыми (белый цвет очень ценится), то запрещают ходить много по солнцу».

⁷⁴ В черновике (л. 36 об.) вместо «Другая крайность ~ их жилища»: «И так как на Мангареве более светлый цвет волос очень ценится, то многие, желая сохранить свою кожу более светлую, стараются не выходить на солнце».

⁷⁵ В черновике (л. 37—37 об.) вместо окончательного текста под 11 июля (ошибочно — июня) перечеркнуто карандашом: «Так как я до тех пор не видал еще ни

одной туземной женщины, которые по случаю нашего прихода были отправлены на другую сторону острова, то я обратился к миссионеру, чтобы доставить мне возможность сделать портреты одной женщины с о. Рапа-Нуи и Мангаревы. Ко мне были приведены несколько, из которых я две как более характеристичных {...}

Молодая женщина с Рапа-Нуи не более 14 или 15 лет имела по сторонам лба серо-рыжеватые волосы, была довольно светла и очень пуглива, я ее никак не мог довести до того, чтобы она подняла бы голову; грудной ребенок ее не мог равнодушно видеть меня и страшно кричал, так что я должен был его удалить. Другая была близкая родственница настоящей мангаревской королевы, была еще светлее, была полная и имела очень апатичный вид.

Миссионер прислал мне также для портрета первого здешнего министра как настоящий мангаревский тип, но в нем уже настоящее выражение его соотечественников было заменено какой-то натянуто-тупою неподвижностью. Он явился ко мне в шапке с галунами, в очень приличном голубоватом сюртуке, в очень чистой накрахмаленной рубашке и цветном галстук и в хороших *(ирзб)* башмаках. Пока я не выходил из дома, то моя зоологическая добыча на Мангареве была очень незначительн[ой]. Помимо двух пауков, одного вида маленькой ящерицы, которых мне принес туземец вместе с одной Mantis, я ничего не собрал. Так как терраса дома выходила прямо в море, то ужение было очень удобно, попался чаще всего один вид *Sparus*, но между проч[ими] были пойманы небольшие акулы, и мозг этого *Sarcharias*'а послужил мне большим развлечением после изучения физиономий полинезийской разновидности человека».

Сохранились три мужских и два женских портрета, сделанных на Мангареве. Мужские все нарисованы с рапануйцев. Один женский (Ломпа, 15—16 лет), видимо, той самой женщины с Рапа-Нуи; второй — родственницы королевы Мангаревы.

В КЗК—1871, № 3, л. 13 об. два рисунка акулы (чернилами) в вертикальном положении, с подписью: «Словлены на Мангареве *Sarcharias* Sp. Вид был серый, брюхо — белое, концы плавника черные. Голова широкая и плоская. Средний мозг представлял некоторую ассиметрию».

⁷⁶ В КЗК—1871, № 3, л. 15: «Вещи, купленные в Мангареве.

1. Барабан (*rahu*), употребл[яемый] в лежачем положении на открытом месте. Покрит кожей, из древн[их] врем[ен] Мангаревы.

2. Атаракануко. Подставка для похорон (*слово загеркнуто*). Клади людей мертвых до того времени, как тело разрушится, между руками была положена палка.

3. Ое — весло из миру (розового дерева, как и две первые)».

Второй предмет сохранился в коллекции МАЭ (оп. 168. № 194) с пояснением: «Подставка, которая вкапывалась в землю и на ручки которой клялись тела людей, обреченных на съедение. О-в Мангарева». О судьбе двух других предметов ничего неизвестно.

⁷⁷ В черновике далее (л. 38) перечеркнуто карандашом: «В заключение я мог бы сказать слова два о миссии и о влиянии ее на население, но мне кажется, что я гораздо лучше сделаю, если отложу это сообщение на несколько лет, когда я при большом знакомстве с полинезийской жизнью буду вернее судить, чем после двух-или трехдневного знакомства».

Новая Гвинея (сентябрь 1871 г.—декабрь 1872 г.)

Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее
(от сент. 1871 г. по дек. 1872 г.)

Печатается по рукописи: АИЭ(Л). Ф. К-V. Оп. 1. № 293. С. 1—316.

Впервые: 1923. С. 83—323, с сокращениями и многочисленными поправками редактора.

Рукопись на больших линованных листах, частично сшитых, большей частью — разрозненных, писанная то на одной, то на обеих сторонах разными почерками. Всего почерков шесть: 1-й — с. 1—46; 2-й — с. 47—50, 57—70, 147—215; 3-й — с. 50—56; 4-й — с. 71—112; 5-й — с. 113—146; 6-й — с. 216—316.

Судя по внешнему виду, по почеркам и по характеру редакторской правки, рукопись принадлежит к единому корпусу вторичной копии с РПТ, сделанной по заказу Д. Н. Анучина (см. об этом с. 13—16 наст. тома). Часть РПТ, посвященная дневникам 1871—1872 гг. и служившая оригиналом для копирования, до нас не дошла. Копия содержит большую и разнообразную правку, в которой могут быть выделены три различных по времени и характеру слоя. Первый — редкие поправки светлыми чернилами, преимущественно на страницах, писанных 5-м почерком, явившиеся, скорее всего, результатом чьей-то считки с оригинала. Второй и третий принадлежат Д. Н. Анучину и носят типовой для всей копии новогвинейских дневников характер. Все поправки Анучина отражены в издании 1923 г.

Начало рукописи было набрано и отпечатано под наблюдением Д. Н. Анучина в составе так наз. пробных листов, предназначавшихся для членов Совета РГО (см. об этом: 1923. С. 15; экземпляр пробных листов сохранился в Архиве ГО). Возможно, что первые листы дневника 1871 г. набирались для издания 1923 г. по пробным листам (страницы копии 1—26, соответствующие публикации пробных листов, перечеркнуты карандашом), а остальная часть — по описываемой рукописи: с с. 27 она несет отчетливые следы типографской работы (отпечатки пальцев наборщиков, технические пометы на полях, обозначения концов гранок).

Поскольку сохранившаяся копия дает единственный полный текст дневников 1871—1872 гг., встает вопрос о степени соответствия ее тексту РПТ. Оценка копии осложняется указанием Д. Н. Анучина на специфическую редакторскую работу, проведенную им при подготовке этих дневников к печати. В письме секретарю РГО А. В. Григорьеву от 22 ноября 1899 г. он писал, в частности: «Первое пребывание М.-М. на Н. Гвинее мною сличено по нескольким спискам и составлен наиболее полный, хотя и в нем оказываются пропуски (собственные имена, некоторые названия животных, туземные слова и пр.)» (АГО. Ф. 1—1881. Оп. 1. Д. 25.

Л. 117). Спустя несколько лет (29 ноября 1903 г.) он писал о том же новому секретарю РГО А. А. Достоевскому (Там же. Л. 120 об.). А спустя два десятилетия Д. Н. Анучин утверждал, что «различные части» первого тома Миклухо-Маклаем «отдавались в переписку, некоторые по нескольку раз» (Анучин Д. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай... // 1923. С. 8).

Если понимать буквально эти сообщения, то можно заключить, что в распоряжении Д. Н. Анучина имелось несколько вариантов или фрагментов дневника, которые он свел в единый текст. Но, во-первых, в описании рукописей Миклухо-Маклая, составленном Н. Каульбарсом, не содержится никаких сведений о наличии таких вариантов: можно лишь предполагать, что среди доставленных в РГО бумаг путешественника находились полевой дневник 1871—1872 гг., соответствующая часть РПТ и записная книжка с несколькими заметками первого пребывания. Во-вторых, работа над сведением вариантов должна была отразиться в специальной рукописи: Д. Н. Анучин не позволял себе редактировать оригиналы рукописей Миклухо-Маклая (вносить в них свои дополнения, поправки, что-то вписывать, делать отсылки и т. д.). В этом смысле показательна его работа над текстом «Второго пребывания»: всю ее он проделал по копии, своей рукой переписал отрывки из записной книжки Миклухо-Маклая и указал в копии, куда их следует вставить, а также испещрил копию знаками различных отсылок.

Трудно допустить, что подобная работа с дневниками 1871—1872 гг. сначала была отражена в другой специальной рукописи, с которой затем была сделана известная нам копия; как показывает пример с рукописью «Второго пребывания», Д. Н. Анучин не очень заботился о чистоте подготовленных им рукописей: после правки текст дневников 1876—1877 гг. был испещрен различными пометами и исправлениями, однако он не стал перекопировать этот текст. К тому же, если бы имелась промежуточная рукопись, Д. Н. Анучин скорее всего уже в ней провел редакторскую правку, занявшую такое большое место в дошедшей до нас копии.

Однако смысл приведенных отрывков из писем Д. Н. Анучина можно понимать и по-другому: под четырьмя-пятью списками Д. Н. Анучин мог иметь в виду разрозненные тетрадки, в совокупности составлявшие текст части РПТ, относящейся к дневникам 1871—1872 гг.; Анучин отыскал их среди доставленных ему бумаг путешественника, установил связь между ними, объединил и таким образом составил полный текст.

О возможности существования белой авторизованной копии «Первого пребывания» см. в настоящем томе (с. 11—12).

Учитывая то существенное обстоятельство, что сохранившаяся копия Дневников 1871—1872 гг. по всем своим внешним характеристикам идентична копиям остальных частей РПТ, мы вправе рассматривать ее как вполне достоверную и видеть в ней подготовленный автором к печати текст дневников первого пребывания на Новой Гвинее. Этот текст должен быть полностью освобожден от стилистической и содержательной правки

2-го и 3-го слоя, за исключением тех случаев, когда Д. Н. Анучин восполнял пропущенные в оригинале места, исправлял ошибки переписчиков и мелкие фактические ошибки оригинала. Эти случаи учтены при подготовке текста к новому изданию: частично поправки Анучина принимаются нами полностью, частично — под вопросом, частично — отклоняются. Поправки первого слоя (результаты сличения с оригиналом) включаются в печатаемый текст.

Текст копии, принятый нами за основной, конечно же, подвергся самому внимательному критическому прочтению с целью дополнительного выявления возможных ошибок копиистов, а может быть, и переписчиков РПТ. Разумеется, в соответствии с общими принципами издания, ни о каких ошибках и их исправлении не могло быть и речи там, где мы имеем дело с особенностями стиля, языка, манеры изложения самого автора.

Датировать сколько-нибудь точно работу Н. Н. Миклухо-Маклая над подготовкой дневника 1871—1872 гг. к печати затруднительно ввиду противоречивых данных, которыми мы располагаем. Известно во всяком случае, что он начал ее в Сиднее в 1883 г. (см. прим. к «Фрагменту полевого дневника» в наст. томе), затем был длительный перерыв, и основная часть работы, видимо, была проделана в конце 1886 г.—начале 1887 г., т. е. в те месяцы, которые ученый провел в России (см. подробнее: *Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии.* М., 1981. Гл. 4).

Остается открытым вопрос о судьбе полевого дневника 1871—1872 гг. Распространенная в литературе о Миклухо-Маклае версия, согласно которой этот дневник был сожжен Маргаритой Миклухо-Маклай в первые дни после смерти мужа, не может быть принята безоговорочно. Имеются по крайней мере два свидетельства, позволяющие предположить, что на самом деле дневник уцелел и попал в РГО в составе других бумаг путешественника: это уже упоминавшийся отчет Н. Каульбарса (Изв. РГО. 1889. Т. 25. Вып. 4. С. 72—73) и письмо брата путешественника неизвестному лицу от 1898 г. В письме М. Н. Миклухо-Маклая, в частности, читаем: «...я желал бы в настоящее время посмотреть то, что я сдал в Геогр. общ. в 1888 г., а именно: 1) Дневник его пребывания в 1871/72 г. на Берегу Маклая; 2) его переработанный дневник для печати» (ААН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 11).

Письменные полевые материалы первого пребывания на Новой Гвинее сохранились крайне скудно: кроме разрозненных листов с рисунками и портретами, схематичных карт Берега Маклая к этому периоду относится часть заметок в ЗК—1871—1872 (АГО. Ф. 6 Оп. 1. № 12).

Примечания 12, 28, 29, 84, 95, 101, 120, 127, 135, 150 сделаны Н. А. Бутиновым; 1, 9, 25, 31, 33, 34, 41, 44, 52, 57, 59, 62, 65, 69, 74, 79, 82, 83, 86—88, 90, 92, 96, 98, 104, 108, 111, 112, 114, 117, 128, 144, 145, 147, 149, 152, 154—156 — Д. Д. Тумаркиным. При подготовке примечаний 32, 100, 102, 123, 124, 137—142, 158 использованы соответствующие примечания из СС (Т. 1). Остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ Миклухо-Маклай писал в 1881 г.: «Название «Берег Маклая» было употреблено мной еще в 1872 г. с целью дать более удобную ссылку в научном описании, чтобы не нужно было постоянно повторять географическое положение исследованной части побережья между мысом Круазиль и мысом короля Вильяма — полосы земли с береговой линией, превышающей 150 миль, простирающейся вглубь до высочайших хребтов и имеющей в ширину в среднем 50—60 миль; это описание было принято научным миром» («Проект развития Берега Маклая». См. т. 5 наст. изд.). Подробнее см.: *Тумаркин Д. Д.* К истории топонима Берег Маклая // СЭ. 1984. № 5.

² В рукописи даты в сентябре—декабре 1871 г. приводятся то одновременно по старому и новому стилю, то лишь по новому, то в редких случаях только по старому, причем во многих местах даты по другому стилю вписаны Д. Н. Анучиным. В настоящем издании эта непоследовательность не сохраняется, все даты приводятся по новому стилю.

³ Явная неточность, возникшая, возможно, при переписке рукописи. Правильно: на 316-й день.

⁴ Это примечание несомненно отсутствовало в ПД и было добавлено автором при подготовке РПТ; источником его послужила запись в ЗК—1871—1872 («Горы Берега Маклая». Т. 4 наст. изд.).

⁵ Залив был назван французским мореплавателем Дюмон-Дюрвилем по имени своего корабля «Astrolabe»; в 1827 г. во время кругосветного путешествия он впервые схематично описал этот залив, не высаживаясь, однако, на берег. Миклухо-Маклай и его спутники были первыми европейцами, установившими контакты с жителями этой части Новой Гвинеи.

⁶ Миклухо-Маклай постоянно будет употреблять слово «материк» применительно к Новой Гвинее, имея в виду отношение ее к прилегающим островкам. Аналогичное употребление слова (в связи с другими районами Океании) встречается у Дж. Кука.

⁷ Из воспоминаний П. Н. Назимова: «В 4 часа пополудни мы подошли к выдающемуся в море берегу и могли усмотреть, что это устье реки, закрытое несколькими островами; я остановил ход для более подробного осмотра местности с предложением, не желает ли он остановиться здесь, так как это место представляет много выгод (...) и лежит прямо на пути судов (...) а также устье реки показывает возможность хотя сколько-нибудь подняться вверх (...) На островах мы видели жилища, лодки жителей и огни в жилищах.

К наступившей ночи Маклай заявил, что он не желает и смотреть этой местности, а чтобы я доставил его в залив Астралабия, где он намерен искать себе место для поселения» (Назимов. С. 78).

⁸ Миклухо-Маклай, планируя путешествие в Новую Гвинею, рассчитывал нанять нескольких слуг в Австралии, куда, как первоначально предполагалось, должен был зайти «Витязь». В связи с изменением маршрута плавания корвета Миклухо-Маклай был вынужден искать слуг на о. Уполу (см. об этом прим. 30 к «Разрозненным заметкам», публикуемым в этом томе). Запись в вахтенном журнале «Витязя» от 10 авг. ст. ст. (л. 90): «Прибыли пассажиры: шведский подданный Карл Вильсон и уроженец о. Ниуе Бой».

⁹ Элефантиаз (от греч. *elephas* (*elephantos*) — слон), «слоновая болезнь» — заболевание, проявляющееся в прогрессирующем утолщении кожи и подкожной клетчатки вследствие хронического застоя лимфы. Поражает преимущественно нижние конечности. В тропиках вызывается инвазией круглых червей (филяриев),

переносчиками которых, как и плазмодиев малярии, являются комары. Псориаз (от греч. *psoriasis* — зуд, чесотка) — чешуйчатый лишай, хроническое рецидивирующее незаразное заболевание кожи человека. Высыпания бывают на любом месте кожного покрова, чаще на локтях, коленях, в области крестца и волосяного покрова головы. Иногда поражает также ногти.

¹⁰ Деревня, в которой впервые побывал Миклухо-Маклай, была, как выяснилось позднее, Горенду.

¹¹ Старший офицер — лейтенант Павел Павлович Новосильский, доктор — Франц Казимирович Кролевецкий.

¹² Речь идет, возможно, о мысе Бугарлом, близ которого расположена дер. Бонгу. Здесь Миклухо-Маклай жил в 1876—1877 гг.

¹³ Из донесения П. Н. Назимова: «Местность, избранная им для жилья, по общему нашему убеждению, неудобная; в случае крайности ему отрезаны все пути для отступления, и она имеет все данные для развития лихорадки. Переночевавший одну только ночь в доме Маклая инженер-механик прапорщик Богомолов получил лихорадку перемежающуюся 16 сентября и болен по сие время (донесение датировано 29 ноября 1871 г. — *Ред.*); слуга-швед остался там, уже пораженный лихорадкой, и сам г. Маклай уже ощущал припадки лихорадки. Через пять дней по уходе корвета лихорадка начала развиваться в команде корвета. Кроме этих губительных обстоятельств для г. Маклая, он не может из своего жилья усмотреть ни одного проходящего корабля, и, обратно, ни один корабль, проходя мимо, никогда не будет в состоянии рассмотреть местопребывание европейца и флаг, который я ему устроил на мачте» (Кр. вест. 1872, № 31).

¹⁴ В КЗК—1871, № 3, на страницах, заполненных записями с Таити, сохранились расчеты количества потребных (или приобретенных?) досок, стоек, брусков, с указанием размеров. Здесь же наброски вида будущего дома в двух ракурсах и в разрезе. Очевидно, Миклухо-Маклаю не удалось построить такой дом на Новой Гвинее и пришлось довольствоваться более скромным сооружением.

¹⁵ Из воспоминаний П. Н. Назимова: «Дом поставлен на сваи высотой фут пять, выходы сделаны с двух противоположных поперечных стен как для вентиляции, так и для возможности ретироваться без труда в случае нападения (...) Под домом вырыта обширная яма, вмещающая в себя большую часть его ящиков с различными материалами (...) В числе вещей, имеющихся с ним в доме и под домом в яме, можно указать следующие: несколько термометров Casella для больших глубин. Анероид-барометр Casella. Большое количество столярных и слесарных инструментов. Камера люцита. Хирургические инструменты. Ареометры Никольсона. Два двухствольных ружья. Одно одноствольное. Ружье-револьвер. Два кинжала. Два револьвера. Карманные золотые часы с золотой цепочкой. Шагомер. Прибор для измерения количества испаряемой воды. Ящик с аптекой, в которой находятся два флакона с сильным ядом, на флаконе изображена мертвая голова. Большое количество флаконов и банок со стеклянными пробками, для коллекций спирт в бутылках. Много разных товаров для подарков диикарам. Немного белья и одежды. Мебель вся складная, в числе которой находятся два складные кресла, подаренные Миклухе ее имп. выс. Еленой Павловной. Книг на разных языках очень много. Много других разнокалиберных предметов» (Назимов, С. 79—80).

¹⁶ О посещении деревень офицерами «Витязя» см. донесение П. Н. Назимова (Кр. вест. 1872, № 31) и особенно рассказ В. П. Перелешина (Перелешин. С. 45—48), который представляет собою первое напечатанное описание (до публикации

отчетов Миклухо-Маклая) деревень побережья залива Астролябия, построек, лодок, оружия, утвари, других предметов, а также содержит заметки о поведении папуасов, об их отношении к пришельцам и др. См. также подробное описание в очерке А. Р. (Кн. 6. С. 678—686). По-видимому, в некоторых общих экскурсиях участвовал и Миклухо-Маклай: ср. записи в дневнике 12 окт. 1871 г. и 30 авг. 1872 г. о дер. Богати.

¹⁷ О судьбе черепов, полученных офицерами «Витязя», см. заметку «Череп и нос туземцев Новой Гвинеи» (т. 3 наст. изд.).

¹⁸ Из воспоминаний А. Р.: «В находившейся неподалеку хижине, оставленной туземцами, Маклай устроил свою кухню. В ней, должно быть, жил прежде один из туземцев по имени Туй. В начале постройки дома он принимал деятельное участие в наших работах, но потом перестал являться. Когда его спросили о причине, то жестами он объяснил, что ему запретило общество, и притом прибавил, указывая при этом на корвет: «Когда корвет уйдет, то весь дом будет изрублен, сожжен, и Маклай выгнан вон!» (Кн. 6. С. 688).

¹⁹ Из воспоминаний А. Р.: «Маклай имел запас хорошей складной и легкой мебели, лучших метеорологических инструментов и т. д. Но как удовлетворительна была внешняя обстановка его быта, так скудны были запасы пищи. Так как Маклай отправлялся в свою экспедицию без всякого денежного пособия со стороны правительства или какого-либо общества, то по части продовольствия он должен был сам о себе заботиться. Ему многие советовали запастись необходимым на более продолжительный срок еще в Вальпарайзо. Но он эти советы всегда отвергал, говоря, что он будет есть то же, что дикари; но все, что казалось возможным в Вальпарайзо, вышло иначе в Астролябии, где он имел всего два пуда рису и баночку с надписью «Жир для пищи». Провизия по возможности была пополнена из офицерского хозяйства: так, рису прибавили до 6 пудов и дали к тому же несколько консервов, чаю, сахару» (Кн. 6. С. 688—689).

Из воспоминаний Назимова: «Так как Миклуха-Маклай, должно быть в забывчивости, не озаботился о запасе провизии для себя и слуг, то офицеры уделили от себя все, что могли, будучи сами в весьма стесненном состоянии относительно провизии, и я приказал ему выдать однодневную полную порцию всей команды, т. е. 300 порций всего, что полагается матросу. Миклуха-Маклай не пожелал принять безвозмездно и внес за провизию деньги» (Назимов. С. 80—81).

²⁰ Из воспоминаний А. Р.: «В (...) погребе, устроенном на некотором расстоянии от дома, зарыли около 5 пудов пороху, а вокруг поместили шесть торпед, которые можно было взорвать моментально одним движением руки и тем в случае нападения навести на нападающих панический страх. В каждой торпедке было помещено по две бутылки пороху: одна из них могла быть взорвана ударным составом, другая — посредством стопина (пороховой нитки), проведенного из дома через бамбуковую трубку» (Кн. 6. С. 688).

²¹ Владимир Платонович Перелешин — автор записок о путешествии на «Витязе», опубликованных в «Морском сборнике». Андрей Андреевич Верениус (Вирениус), с 1872 г. мичман, исполнял на корвете обязанности артиллерийского офицера.

²² Подробный отчет о посещении «Витязя» вел. кн. Константином Николаевичем незадолго до отплытия корвета был напечатан в «Кр. вест.» (1870 г. № 121). По словам корреспондента, при осмотре корабля «не была также забыта просторная и удобная каюта, отведенная на корвете нашему известному ученому путешественнику г-ну Миклухо-Маклай (...) Посетив каюту г-на Миклухо-Маклай, великий князь

долго и весьма милостиво разговаривал с ним преимущественно о морской части предстоявшего путешествия и интересовался его инструментами и приборами, которые он посоветовал ему укрепить по-морскому. Во время этого разговора г-н Миклухо-Маклай передал великому князю письмо от <...> великой княгини Елены Павловны, которая просила, чтобы офицеры корвета «Витязь» по прибытии к острову Новая Гвинея оказали некоторое содействие нашему ученому путешественнику».

²³ Из воспоминаний Назимова: «По обоюдному моему условию с Миклуха-Маклаем мы избрали место для зарытия небольшого ящика с более важными документами и запиской, в которой он должен объяснить, куда отправился, когда прибудет и не нуждается ли в чем. Это место находится против дома на противоположном песчаном мысе, который назван мыс Обсервации. Для легчайшего отыскания места условились положить на поверхность земли камень так, чтоб можно было обратить на него внимание» (Назимов. С. 80).

²⁴ Сохранилось несколько рисунков дома, сделанных с разных точек Миклухо-Маклаем. Наиболее известный — гравированный для печати и неоднократно воспроизводившийся. См. с. 88—89 наст. тома.

²⁵ Миклухо-Маклай не зря высказывает сожаление по поводу того, что не смог присмотреть за всеми работами. Через три месяца обитатели Горенду скажут ему: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо» (см. запись от 29 декабря 1871 г.). Спустя год после ухода «Витязя», когда ученый посетит деревню Мале, местные жители также пожалуются ему на русских моряков (см. запись от 25 октября 1872 г.).

²⁶ Запись в вахтенном Журнале «Витязя» от 15 сент. ст. ст. (л. 152): «Приняты письма от Миклухо-Маклая. 3 письма в Русское Императорское Географическое общество в Петербурге. Барону Остен-Сакену. 1 письмо в Берлин доктору Bastian и 1 письмо русскому консулу в Японии». Письмо вел. кн. Константину сохранилось: см. публикацию Б. П. Полевого в «Изв. ВГО» (1986. Вып. 1. С. 91—94).

²⁷ Из записок В. Перелешина: «Нарубив порядочное количество дров, мы распрошались с г. Миклухой-Маклаем, пожелав ему успеха в его предприятии и всякого благополучия; развели пары, дали ход. Маклай салютовал нам русским купеческим флагом, который развевался на длинном флашштоке, привязанном к высокому дереву, стоящему на самом мыске» (С. 49).

²⁸ Миклухо-Маклай с первых дней пребывания среди папуасов ввел в употребление слово «табу» (полинезийское по происхождению), принятое в науке для обозначения запретов у первобытных народов на различные действия, предметы, слова и т. д. Судя по записям разного времени, папуасы вскоре усвоили смысл этого слова по отношению к различным вещам и действиям Маклая. Аналогичный термин на языке бонгу путешественнику остался неизвестным, хотя с самими запретами у папуасов он сталкивался неоднократно.

²⁹ Речь идет о вершах. Позднее Миклухо-Маклаю стало известно название таких «корзин» — *пенир*.

³⁰ О высадке в заливе Астролябия, о первых встречах с папуасами русские читатели узнали из донесения капитана П. Н. Назимова (изложение: Кр. вест. 1872. № 28, 29; полный текст — № 31, 32; отсюда: Правит. вест. 1872. № 66, 70, 81; в извлечениях: Изв. РГО. 1872. Т. 8. Вып. 1. С. 88—90) и записок В. П. Перелешина (частично перепечатано: Кр. вест. 1872. № 37, а также: Сын Отеч. 1872. № 71). См. также: Отчет РГО за 1871 г. СПб., 1872. С. 56.

По воспоминаниям П. Назимова, он принял меры к тому, чтобы о высадке и местонахождении Миклухо-Маклая стало известно в прилегающих к Новой Гвинее

районах: «По приходе корвета на Марианские острова в порт St. Louse d'Apra на о. Гуам я обратился к губернатору испанской колонии полковнику Luis de Ibanes с письменной просьбой, в которой, объяснив о местопребывании Миклухи, просил сообщать всем командирам судов, заходящих в Арга, что если им придется проходить мимо берегов Новой Гвинеи, то чтобы заходили в показанную местность для справок о Маклае и в случае надобности для оказания ему посильной помощи, за что как правительство, так и общество будут им благодарны. В том же письме выражено, если получатся какие-либо сведения о Маклае, то прошу сообщать в Петербург в Русское Географическое общество на имя секретаря общества. Письмо это губернатор колонии принял весьма благосклонно и послал в Маниллу отпечатать во всех местных газетах на Филиппинских островах.

По приходе корвета в Нагасаки я писал в том же смысле нашему консулу в Сидней, прося сообщить командирам китобойных судов, идущим к берегам Новой Гвинеи. Также сообщено письмом командиру итальянского корвета «Vetter Pisani» графу Лавера, который предполагает идти к берегам Новой Гвинеи. В Манилле я встретился с германским натуралистом Adolf Meyer, путешествующим с этой же целью, как и Миклухо-Маклай (...) и имеющего тоже цель достигнуть Новой Гвинеи; я просил г-на Мейера сообщить всем, когда ему случится быть в близлежащих местностях в Гвинее, что в таком-то месте находится русский натуралист, и, если возможно, то посещать его и доставлять сведения в С.-Петербург в Русское географическое общество» (Назимов. С. 81).

³¹ *Барла* — платформа, на которой папуасы сидят, спят и едят; неоднократно упоминается Миклухо-Маклаем. Подробнее см. в «Этнол. заметках» (раздел «О селениях и жилищах») и в заметке «Деревни береговых папуасов» (т. 3 наст. изд.).

³² *Коко* (Chlamydodera) — птица из семейства райских птиц (Paradisaeidae). См. о ней также запись от 23 ноября 1871 г. Подробнее о птицах Берега Маклая см. в т. 4 наст. изд.

³³ Жевание бетеля — возбуждающее средство, широко распространенное в Юго-Восточной Азии, на Новой Гвинее и архипелагах северо-западной Меланезии. Процедура эта состоит в том, что, разжевав плод арековой пальмы, берут в рот отточенной костяной пластинкой немного извести из специальной бамбуковой коробки, затем жуют листья (реже — кусочки плодов) кустарника Piper betle. В результате полость рта, язык и десны окрашиваются в кроваво-красный цвет, а зубы чернеют. Мужчины постоянно носят все необходимое для жевания бетеля в своих сумках.

³⁴ Как убедились советские этнографы, посетившие в 1971 и 1977 гг. залив Астротрия на борту научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев», этот эпизод, ярко характеризующий Миклухо-Маклая, сохранился в памяти жителей дер. Бонгу. В 1977 г. бонгуанцы показали советским гостям пантомиму о первом появлении у них Маклая. В пантомиме был и этот эпизод. См.: *Тумаркин Д. Д.* Новая встреча с Океанией // СЭ. 1977. № 6. С. 80—81.

³⁵ Здесь и далее в рукописи нарушен порядок обозначения дат. Явно пропущены даты: 2, 3, 4, 5 октября. Они восстанавливаются нами в соответствии с содержанием дневниковых записей. Последующие записи в рукописи ошибочно датированы 12, 13, 14, 15, 16 октября; соответственно нами исправлены на 6, 7, 8, 9, 10. Тем самым восстанавливается последовательность дат. С 11 ноября даты в рукописи обозначены верно.

³⁶ Миклухо-Маклай имеет в виду музыкальный инструмент, название которого он впоследствии передавал словом «монки-ай» (или «мунки-ай»). Подробную

характеристику этого и других музыкальных инструментов Берега Маклая см. в «Этнол. заметках», раздел «Музыка и пение» (т. 3 наст. изд.).

³⁷ Сигнальный барабан *барум*. См. о нем в статье «Этнол. заметки» (раздел «О селениях и жилищах»).

³⁸ О платформах *барах* см. прим. 31.

³⁹ Одним из последствий этих размышлений было то, что Миклухо-Маклай прекратил посещать деревни, предпочитая встречаться с папуасами у себя дома. Следующее посещение деревни датируется 17 ноября.

⁴⁰ В дневнике, в письмах и в статьях для печати Миклухо-Маклай называл его также мысом Уединения, или, чаще, Отшельничества.

⁴¹ Кокосовая вода — кисловато-сладкая жидкость, образующаяся в полости незрелого кокосового ореха. По мере его созревания содержание жира в жидкости увеличивается, она превращается в эмульсию молочного цвета (кокосовое молоко), которая затем густеет и затвердевает. Это вещество в сушеном виде (копра) — ценное сырье для получения пищевого и технического масла.

⁴² Эвапориметр — прибор для наблюдений за испарением воды.

⁴³ О характере ежедневных метеорологических наблюдений Миклухо-Маклая наглядное представление дает сохранившийся «Метеорологический дневник» (см. о нем т. 4 наст. изд.).

⁴⁴ Кёри, правильнее *карри* (индийск.) — здесь острая приправа, широко распространенная в Южной Азии.

⁴⁵ Миклухо-Маклай несомненно имеет в виду карманную книжку типа КЗК. К сожалению, от первого пребывания на Новой Гвинее не сохранилось ни одной из них.

⁴⁶ Пение, которое описывает здесь Миклухо-Маклай, несомненно являлось хоровым сопровождением мужских ритуальных плясок *мун*. Описание муна см. в специальной заметке (т. 3 наст. изд.) и в «Лекциях» (там же). Ср. также современное описание: На Берегу Маклая. С. 246—250.

⁴⁷ Об излюбленной позе папуасов Миклухо-Маклай пишет в «Антроп. заметках» (см. т. 3 наст. изд.).

⁴⁸ Эта запись сохранилась в «Метеорологическом дневнике» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 21. Л. 6 об.).

⁴⁹ В Мессине (Сицилия) Миклухо-Маклай был с октября 1868 по март 1869 г. вместе с А. Дорном, занимаясь там сравнительно-анатомическими работами.

⁵⁰ Сохранился единственный портрет Туя без указания даты исполнения, публикуемый в наст. томе.

⁵¹ Нежелание папуасов давать волосы Миклухо-Маклаю объяснялось боязнью вредоносной магии: согласно распространенным среди многих народов мира представлениям, тот, кто получает какую-нибудь частицу человеческого тела, принадлежащие данному лицу предметы, остатки его еды и т. д., способен при помощи колдовских приемов нанести вред их бывшему владельцу и даже вызвать его смерть. Миклухо-Маклаю удалось преодолеть эти опасения, предлагая в обмен свои собственные волосы. Подробнее о магии у папуасов см. в «Этнол. заметках» и «Лекциях» (т. 3 наст. изд.).

⁵² *Буамфра* (правильно *бам гхамбера*) — крыша из листьев саговой пальмы. Такие крыши имели мужские дома (по-бонгуански *боджью*) — большие хижины, где могли находиться только взрослые мужчины и юноши, прошедшие обряд инициации; здесь хранились сакральные музыкальные инструменты и другие культовые предметы, которые запрещено было видеть женщинам и детям (см. подробнее: Ба-

силов В. Н. Мужские дома в Бонгу // СЭ. 1978. № 6). Миклухо-Маклай ошибочно принял термин, обозначающий такую крышу, за название самого мужского дома. В таком значении слово «буамрамра» проходит через все дневники и другие сочинения Миклухо-Маклая.

⁵³ *Таро* (*Colocasia esculenta*, местное название *бай*) — основная огородная культура у обитателей Берега Маклая. О роли таро в рационе папуасов, о его разведении и приготовлении из него пищи замечания рассыпаны по разным местам дневника. Специально см. в «Этнол. заметках» (разделы «Пища папуасов» и «Плантации и обработка почвы»).

⁵⁴ Миклухо-Маклай употребляет полинезийский термин *тапа* для обозначения местной материи, изготавливавшейся из луба хлебного дерева. Об изготовлении ее у папуасов см. в «Этнол. заметках» (раздел «Одежда и украшения»).

⁵⁵ Из названных здесь слов остались незафиксированными в заметках и словарях, сохранившихся от Миклухо-Маклая, «да», «хочу», «холодно».

⁵⁶ В другом месте (запись от 20 августа 1872 г.) он назван Аселем. Еще раньше, 4 ноября 1871 г., Миклухо-Маклай нарисовал его портрет, публикуемый в этом томе. Спустя 100 лет советские этнографы во время работы в Бонгу показали фотокопию портрета старейшему жителю деревни Танугу, и тот опознал и назвал имя изображенного на рисунке (Асоль). См. об этом: На Берегу Маклая. С. 175.

⁵⁷ *Дегарголь* (правильнее *дъегаргуль*) — местное название батата (*Promotea batatas* Lam., семейство выюнковых). В пищу употребляются его клубни, имеющие сладкий вкус.

⁵⁸ Этому описанию вполне соответствует сохранившийся рисунок дер. Горенду, сделанный в феврале 1872 г.

⁵⁹ Миклухо-Маклаю в то время казалось, что понятие «один» папуасы передают словом «наре», «день» — словом «бум». В дальнейшем он установил, что «один» — это «худи» (гуди), «день» — «малинг». Способ счета у папуасов Миклухо-Маклай описал в статье «Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее» (см. т. 3 наст. изд.).

⁶⁰ Фальшфейер — тонкостенная гильза, набитая медленно горящим составом; употребляется для фейерверков, освещения местности, для сигналов.

⁶¹ Миклухо-Маклай вспомнил здесь рассуждения о смерти немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788—1860): в гл. 49 («Путь спасения») его книги «Мир как воля и представление» есть такие слова: «Смерть каждого человека до известной степени представляет в наших глазах какой-то апофеоз и канонизацию, и оттого мы не без глубокого благоговения смотрим на труп хотя бы самого незначительного человека» (Шопенгауэр. Т. 2. С. 663. Ср.: Schopenhauer, 1859. В. 2. S. 729—730).

⁶² Имеется в виду немецкий профессор Карл Гегенбаур (1826—1903), лекции которого по сравнительной анатомии Миклухо-Маклай слушал в Йенском университете в 1865—1866 гг.

⁶³ В данном случае слово *оним* употреблено применительно к лекарству, но значение его в языке бонгу гораздо шире: оним — это и лечебное, и магическое, колдовское средство (а также действие), способное наслать беду или предохранить от нее. Об употреблении онимов и об отношении к ним см. специально в «Этнол. заметках» (раздел «О суевериях и связанных с ними обычаях») и в «Лекциях» (6-я лекция).

⁶⁴ Рисунок *шелоты* не сохранился, но экземпляр этого орудия находится в настоящее время в коллекции Миклухо-Маклая в МАЭ (см. в т. 6 наст. изд.).

⁶⁵ Позднее Миклухо-Маклай собрал более точную информацию по этому вопросу. «Материалом для корзин и циновок служат листья кокосовой, саговой и других

пальм, — писал он в одной из статей. — Паруса пирога представляют собою большие четырехугольные циновки из листьев пандануса» («Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» — т. 3 наст. изд.). В деревнях Бонгу, Горенду и Гумбу широко употреблялись и употребляются до сих пор циновки (*тагуи*), сплетенные из листьев кокосовой пальмы. Жители этих деревень умели также изготавливать упомянутые выше паруса (запись от 2 мая 1872 г.). Что же касается более тонких и изящных циновок из пандануса, то они, по-видимому, не столько выделялись на месте, сколько поступали в эти деревни в рамках многоступенчатых межобщинных обменов, посредниками в которых были жители о. Били-Били (Билбил).

⁶⁶ Сохранились рисунки Миклухо-Маклая с образчиками орнамента на оружии, изделиях из бамбука, досках и других предметах. См. «Следы искусства у папуасов...» (т. 3 наст. изд.), «Этнол. заметки» (раздел «Искусство. 1. Орнаменты...»). Фотографии орнаментированных предметов из коллекции Миклухо-Маклая см. в т. 6 наст. изд.

⁶⁷ Рисунок не сохранился. Известен другой портрет Бонема, без праздничного наряда и причеся, публикуемый в этом томе

⁶⁸ Значение этого и другого приветствий объяснено в «Этнол. заметках» (раздел «О приветствиях у папуасов»).

⁶⁹ В этой дневниковой записи наглядно проявились мировоззренческие позиции Миклухо-Маклая. Аргументы о наличии у папуасской расы таких «экзотических» черт, как «пучковолосость», использовались некоторыми антропологами и биологами, в том числе Э. Геккелем, для обоснования учения о неравноценности человеческих рас и отнесения папуасов к промежуточной стадии между антропоморфными обезьянами и европейцами. Хорошо понимая общественную опасность подобных теорий, Миклухо-Маклай пришел в «приятное расположение духа», когда убедился в ложности утверждений, будто у папуасов волосы на голове растут пучками.

⁷⁰ Сохранился портрет Дигу, сделанный летом 1872 г.

⁷¹ О языковой ситуации на Берегу Маклая см. в «Этнол. заметках» (раздел «Замечания об изучении языка и о диалектах...») и в статье «Папуасские диалекты Берега Маклая...». См. также: На Берегу Маклая. С. 204—226.

⁷² Из фрагмента полевого дневника (ПД), публикуемого в настоящем томе (запись от 3 января 1872 г.), явствует, что Миклухо-Маклай в этот день зарисовал Лалу. Сохранился воспроизводимый в томе портрет с подписью по-немецки: «Далу или Лалу из Бонгу». Вероятно, подпись сделана позднее по памяти: Лалу, о котором говорится в дневнике, был из Горенду.

⁷³ Рисунок *юра* сохранился на полях фрагмента ПД. Рисунок наконечника юра см. в «Этнол. заметках».

⁷⁴ Как установили советские этнографы, посетившие Бонгу в 1971 и 1977 гг., каждую группу домов, которая составляет обособленную часть деревни, населяет особый клан (по-бонгуански *вемуну*), имеющий свое название и свой мужской дом. Подробнее см.: На Берегу Маклая. С. 165—184; Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией. С. 77—78; Басилов Н. А. Мужские дома... С. 91—92. То обстоятельство, что Миклухо-Маклая принимали поочередно в каждом «сарая», можно истолковать в том смысле, что каждый вемуну считал нужным пригласить его к себе.

⁷⁵ Здесь и ниже Миклухо-Маклай неточно называет мужской дом словом «барла». О барле см. прим. 31, о мужском доме — прим. 52.

⁷⁶ Несколько набросков этих изображений сохранилось в ПД, л. 8 об.

⁷⁷ О *телумах* — деревянных, реже глиняных изображениях человеческих фигур — Миклухо-Маклай пишет в дневнике много раз. Он неоднократно рисовал

телумы, приобретал образцы их. Итоговые наблюдения, относящиеся к телумам, см. в «Этнол. заметках» (раздел «Искусство. 3. Скульптура из дерева»).

⁷⁸ Ср., например: *Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner*. Bremen, 1865. S. 107—114.

⁷⁹ *Ауэ* — готовый (о кушаньях). «Хорошо» — по-бонгуански *билен*.

⁸⁰ Сохранился и публикуется в наст. томе лишь рисунок мужского дома и хижины из дер. Гумбу, датируемый 12 февраля. Рисунки телумов, сделанные в этот день, не сохранились.

⁸¹ Сохранение черепов и специальное хранение нижних челюстей обусловлены особенностями обрядов почитания умерших у папуасов. См. об этом в «Антроп. заметках» и в статье «Череп и нос туземцев Новой Гвинеи» (т. 3 наст. изд.).

⁸² *Аусь* — тростниковое растение *Saccharum edule* из семейства Gramineae. Соцветия этого растения жители Берега Маклая едят в вареном или печеном виде.

⁸³ Велькер, Герман (1822—1897) — немецкий анатом и антрополог, предложивший новую методику антропологических исследований.

⁸⁴ Береговые жители, вероятно, умели добывать огонь при помощи трения, но в условиях Берега Маклая, при тесном общении и постоянных связях между деревнями, не было необходимости прибегать к этой трудоемкой операции: люди предпочитали поддерживать постоянный огонь либо доставать его от соседей. Обитатели горных деревень, жившие в большей изоляции, умели добывать огонь; эта процедура занимала не менее получаса. Но и они старались поддерживать постоянный огонь в своих деревнях (см. «Этнол. заметки», раздел «О селениях и жилищах»).

⁸⁵ Судя по сохранившемуся фрагменту ПД (записи от 22 и 23 февраля 1872 г.), запись, начинающаяся словами: «Сегодня, когда я был в Горенду», а также текст за 22 февраля должны быть помечены 23 февраля: 22-го Миклухо-Маклай из-за приступа лихорадки не выходил из дома.

⁸⁶ *Кеу* — опьяняющий напиток, приготовляемый из корней (реже — также из стеблей и листьев) перечного растения *Piper methysticum*. Употребление этого напитка (в Полинезии — *кава*) широко распространено на островах Океании. Подробное описание напитка кеу, способа его приготовления, употребления и действия на пьющих см. в статьях Миклухо-Маклая: «Этнол. заметки» (разделы «Пища папуасов», «Празднества и пиры папуасов»), «Об употреблении напитка кеу папуасами в Новой Гвинее», «Заметка о кеу Берега Маклая на Новой Гвинее», «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» (т. 3 наст. изд.).

⁸⁷ *Аян* — местное название ямса (*Dioscorea*), многолетнего растения, клубни которого, богатые крахмалом, идут в пищу в печеном виде.

⁸⁸ Слово «табу» в качестве обозначения ружья вошло в бонгуанский язык и другие языки района залива Астролябия и употребляется до наших дней.

⁸⁹ См. прим. 36.

⁹⁰ *Орлан* — плод дикорастущего дерева *Pangium edule*; из его перебродившей мякоти и ядра делали кислый соус, считавшийся большим деликатесом.

⁹¹ Очевидно, для хозяев праздника Маклай был, подобно гостям из других деревень, представителем дружественной, «своей» общины — «русс». Тем самым он, как «тамо-русс», был включен в праздничную процедуру дружественных межобщинных отношений.

⁹² *Гамба* — скорлупа кокосового ореха, используемая в качестве чашки и тарелки.

⁹³ Об операции *мулум*, являющейся составной частью обряда инициации, см. подробнее в «Антроп. заметках», «Этнол. заметках» (раздел «Повседневная жизнь папуасов»), статье «Еще о некот. этнолог. важных обычаях» (т. 3 наст. изд.).

⁹⁴ См. прим. 86.

⁹⁵ В Полинезии люди, обменявшиеся именами, считаются братьями. При этом они сохраняют в качестве основного свое прежнее имя. Об обмене именами у папуасов см. также в статье «Еще о некот. этнолог. важных обычаях» (т. 3 наст. изд.).

⁹⁶ О праздниках у папуасов Берега Маклая см. подробнее в «Этнол. заметках» (раздел «Празднества и пиры папуасов») и в «Лекциях» (5-я лекция). Подробно описав эти праздники, Миклухо-Маклай не вполне понял их функции и значение. Такие празднества были одним из проявлений тайного мужского культа, объединявшего всех инициированных мужчин деревни или нескольких родственных деревень (в данном случае — Бонгу, Горенду, Гумбу), и помимо пира включали различные религиозно-обрядовые действия.

⁹⁷ Возможно, что эти слова относятся к сохранившемуся рисунку телума «Лелия».

⁹⁸ Имеется в виду балансир (англ. outrigger) — длинное бревно, укрепленное двумя поперечными перекладинами параллельно борту лодки. Оно придает лодке остойчивость на воде. Лодки с балансиrom встречаются по всей Океании.

⁹⁹ Описание это полностью соответствует публикуемому в настоящем томе рисунку парусной лодки (*wang*) с о. Били-Били, сделанному позднее, 24 августа 1872 г.

¹⁰⁰ Речь идет о крупном крокодиле *Crocodilus porosus* Scheid, один экземпляр которого Миклухо-Маклай передал в Зоологический музей Академии наук в Петербурге.

¹⁰¹ Рисунки образчиков горшков см. в т. 3 наст. изд. В наши дни дер. Били-Били (Билбил) находится на побережье самой Новой Гвинеи (напротив островка того же названия) и по-прежнему жители ее (по традиции — только женщины) заняты изготовлением глиняных горшков. Советские этнографы наблюдали в 1971 г. процесс их изготовления, совпадающий с описанным Миклухо-Маклаем, и приобрели экземпляры, сделанные в наше время (см.: На Берегу Маклая. С. 258—268).

¹⁰² Вероятно, мелкий удав из родов *Liasis* или *Enygris*, экземпляры которых находились в спиртовых коллекциях Миклухо-Маклая, переданных им в Зоологический музей Академии наук.

¹⁰³ См. «Папуасские диалекты Берега Маклая» (т. 3 наст. изд.).

¹⁰⁴ У жителей Бонгу и окрестных деревень существовала своего рода иерархия прав на землю. Некоторые лесные и охотничьи угодья считались собственностью всей деревни, но большей частью земли владели кланы, которые выделяли огородные участки малым семьям. Семья пользовалась участком несколько лет, а затем оставляла его и с разрешения всех мужчин клана и с их помощью расчищала для себя новый участок. Плодовые деревья находились в личной собственности посадивших их остротвиня. Однако право свободно распоряжаться урожаем, снятым со «своего» огорода, со «своих» плодовых деревьев существенно ограничивалось многочисленными общинными, коллективистскими нормами и обычаями. Жилые хижины принадлежали малым семьям, а мужские дома — кланам («На Берегу Маклая». С. 94—96). О *буамрамре* см. прим. 52.

¹⁰⁵ Миологические исследования; миология — раздел анатомии, изучающей строение мышечной системы.

¹⁰⁶ Здесь впадает в море река Габенеу (Кабенау).

¹⁰⁷ Набросок не сохранился.

¹⁰⁸ О скелетах и черепах птиц в коллекции Миклухо-Маклая, хранящейся в Зоологическом музее АН СССР, см. в т. 4 наст. изд.

¹⁰⁹ Миклухо-Маклай имеет в виду здесь несомненно § 39 («О чувстве возвышенного») книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», в частности

слова: «Еще могучее становится впечатление, когда мы видим перед собою борьбу возмущенных сил природы — в больших размерах, когда (...) мы стоим у беспредельного моря, потрясаемого бурей (...) молнии сверкают из черных туч, и раскаты грома заглушают бурю и море. Тогда в невозмутимом зрителе этой картины двойственность сознания достигает высшей ясности» (Шопенгауэр. Т. 1. С. 211. Ср.: Schopenhauer, 1859. В. 1. S. 241—242).

¹¹⁰ В Гейдельбергском университете Миклухо-Маклай учился в 1864—1865 гг., в Йенском — в 1866—1868 гг. О пребывании в Шварцвальде и о планах путешествия по Швейцарии в 1864 г. см. письмо к матери от 12 сент. 1864 г. (т. 5 наст. изд.).

¹¹¹ *Маль* — здесь мужская набедренная повязка из луба.

¹¹² *Маб* — на языке бонгу название кускуса, мелкого сумчатого из семейства Phalangeridae; *дог* — название новогвинейского казуара (одного из видов семейства собственно казуаров отряда Casuariiformes).

¹¹³ Этому описанию соответствует публикуемый в настоящем томе рисунок, на котором изображена сер. Теньгум-Мана, с ошибочной датой: 7 апреля.

¹¹⁴ Камера-лунда (правильнее — люцида) — четырехугольная призма, отображающая внешние предметы подобно видоискателю современного фотоаппарата. Глядя в эту призму сверху, можно видеть изображение предмета, лист бумаги, лежащей под призмой, и движение карандаша наблюдателя. Миклухо-Маклай, по-видимому, часто пользовался этим прибором, облегчавшим срисовывание предметов и лиц.

¹¹⁵ По-видимому, эти слова относятся к рисунку мужского дома в Теньгум-Мана, публикуемому в настоящем томе.

¹¹⁶ Несомненно, имеются в виду портреты Алена и Дягусли, которые публикуются в этом томе.

¹¹⁷ Во времена Миклухо-Маклая у папуасов Берега Маклая и большинства других районов Новой Гвинеи не было ни наследственных, ни выборных вождей. Но из среды сообщинников стихийно выделялись «большие люди» (по-бонгуански — *тамо боро*), пользовавшиеся авторитетом благодаря своему воинскому искусству, успехам в хозяйственной деятельности или знанию магического ритуала. Важные решения обычно принимались сообща всеми взрослыми мужчинами деревни (см.: На Берегу Маклая. С. 284).

¹¹⁸ Правильнее — Кария: это имя есть на подписи рисунка головы телума, сделанного Миклухо-Маклаем накануне. Сама голова сохранилась в коллекции Миклухо-Маклая в МАЭ (см. т. 6 наст. изд.).

¹¹⁹ Об «идейном шрифте», т. е. рисуночном идеографическом письме, см. в «Этнол. заметках» (раздел «Искусство. 2. Начатки идеографического письма»).

¹²⁰ Местные жители вообще не умели солить мясо (к тому же и соли у них не было, подобие соли они добывали из древесных стволов, долгое время находившихся в морской воде). Этим отчасти объясняются подарки свиней от одной деревни другой, которые, по словам Миклухо-Маклая, были здесь общим правилом. Папуасы не заготавливали пищу впрок. Ежедневно они приносили с огородов столько таро, ямса и т. д., сколько им было необходимо на конец этого дня и начало следующего.

¹²¹ Миклухо-Маклаю осталось неизвестным, что музыкальные инструменты были атрибутами тайного мужского культа. О музыкальных инструментах и связанных с ними представлениях см. в «Этнол. заметках» (разделы «О суевериях...» и «Музыка и пение»). См. также: На Берегу Маклая. С. 227—238. Первое описание музыкальных инструментов, которые «почитаются священными», дал А. Р. (Кн. 6. С. 681).

¹²² См. статью «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее» (т. 3 наст. изд.).

¹²³ Речь, вероятно, идет о пятнистом кукусе (*Phalanger maculatus*). См. подробнее в т. 4 наст. изд.

¹²⁴ Вероятно, имеется в виду варан — *Varanus indicus* или *Varanus prasinus*.

¹²⁵ Подробности легенды о стране Анут Миклухо-Маклай сумел узнать в 1877 г. См.: «Далекая страна Анут на юго-востоке» (т. 3 наст. изд.).

¹²⁶ Название его на языке бонгу — *гамбор*. Описание его и рисунки см. в «Этнол. заметках» (раздел «Погребальные обряды»).

¹²⁷ Здесь ошибка: речь идет о якорях для лодок и верш. Экземпляр такого якоря сохранился в коллекции Миклухо-Маклая в МАЭ (см. т. 6 наст. изд.).

¹²⁸ *Тамо* — взрослые полноправные мужчины, *маласи* — очевидно, молодежь, т. е. юноши и неинициированные молодые мужчины (юноши по-бонгуански — *геллагу*). Переход в возрастную категорию тамо сопровождался обрядами инициации, во время которых группа иницируемых жила в уединенной лесной хижине, где впервые знакомилась с тайным мужским культом и проходила различные физические испытания. Важным элементом этих обрядов была церемония обрезания (*мудум*), которая раз в несколько лет проводится в Бонгу и соседних деревнях до сих пор, хотя все местные жители теперь считаются христианами. Папуас, прошедший обряды инициации, получал все права взрослого мужчины: мог участвовать в деревенских сходках и празднествах-пирах, играть сам и слушать игру на всех музыкальных инструментах, иметь полное вооружение, вступать в брак, есть свинину и т. д.

¹²⁹ Объяснение см. в «Этнол. заметках» (раздел «О суевериях...»).

¹³⁰ См. прим. 84.

¹³¹ А. В. Реньо (1810—1878) — французский физик и химик. Вероятно, имеется в виду сконструированный им гипсотермометр (прибор, употребляемый для определения точки кипения воды на различных высотах), который Миклухо-Маклай мог использовать для барометрического нивелирования.

¹³² О ритуальном употреблении масок см. в «Лекциях» (5-я лекция).

¹³³ Несомненно, это публикуемый в наст. томе портрет Боге. Об этом папуасе из дер. Энглам-Мана см. еще в «Этнол. заметках» (раздел «О суевериях...»).

¹³⁴ См. записи слов жителей горных деревень в таблицах диалектов папуасов Берега Маклая (т. 3 наст. изд.).

¹³⁵ Заключение Миклухо-Маклая о ненаселенности гор относится только к узкой прибрежной полосе горной системы Финиестер. Районы Нагорья в центральной части острова населены; по современным данным, здесь сосредоточено около 40 % всего населения острова. Многочисленные племена в Нагорье были обнаружены в 30-е годы XX в., с тех пор продолжается их этнографическое исследование.

¹³⁶ Подробнее об этом и о других случаях применения магии см. в «Этнол. заметках» (раздел «О суевериях...»).

¹³⁷ *Centropus* — наземные или шпорцевые кукушки, бегающие по земле подобно курам. См. подробнее в т. 4 наст. изд.

¹³⁸ Легуанов (иначе — игуан) на Новой Гвинее нет. Вероятно, речь идет о варане или крупной агаме.

¹³⁹ Птицы-носороги (*Bucerotinae*) характерны для тропиков Старого Света. Судя по описанию в дневнике, речь идет, возможно, о малайском складчатороге (*Rhytidoceros undulatus* Schaw), встречающемся и на Новой Гвинее.

¹⁴⁰ Здесь ошибка: малео (*Megacephalon maleo*) — птица из семейства большеногов, или сорных кур (*Megapodidae*), водится только на Сулавеси, где ее, возможно, и увидел Миклухо-Маклай. В данном случае речь может идти о каком-то ином виде сорных кур, широко распространенных на Новой Гвинее. См. подробнее в т. 4 наст. изд.

¹⁴¹ Кабан, которого убил Миклухо-Маклай, принадлежит к виду *Sus papuensis*, вероятно, происходящему от одичавших домашних свиней вида *Sus vittatus* завезенных человеком на Новую Гвинею. В коллекции Миклухо-Маклая имеется несколько черепов животного этого вида (см. т. 4 наст. изд.).

¹⁴² Описываемое здесь животное, по-видимому, принадлежит к семейству сумчатых барсуков (*Peramelidae*) и в конце XIX в. было известно зоологам как *Perameles cockerellii* Rams.

¹⁴³ Публикуемый в этом томе портрет Нахая, датируемый 20 июля, свидетельствует о том, что Миклухо-Маклаю удалось осуществить свое намерение.

¹⁴⁴ *Тиболь* — вид маленьких кенгуру, приспособленных к лазанию по деревьям. Этот вид Миклухо-Маклай впоследствии описал под названием *Macropus tibol* Mcl. См. об этом подробнее в его статье «Заметки по зоологии Берега Маклая на Новой Гвинее». Ч. II (т. 4 наст. изд.).

¹⁴⁵ *Каинда* — одна из местных разновидностей ямса.

¹⁴⁶ Об этой манере см. еще в «Антроп. заметках» (раздел «Походка»).

¹⁴⁷ Здесь расчищался участок под новый огород. Земледелие у обитателей Берега Маклая было (и остается до сих пор) подсечно-огневого типа. Лес и подлесок сжигали и золу смешивали с землей, которую взрыхляли, размечали и сыпали в круглые грядки. Участок окружали забором для защиты от диких зверей. Теперь при расчистке и обработке огородного участка наряду с традиционным деревянным колом (*удья*) применяют покупные железные орудия — топоры, лопаты, мотыги, но сама технология этих трудовых операций осталась в основном прежней (см.: На Берегу Маклая. С. 88—92).

¹⁴⁸ О представлениях и запретах, связанных с музыкальными инструментами, см. в «Этнол. заметках» (раздел «Музыка и пение»). В данном случае папуасы отнеслись к гармонии Ульсона так же, как и к своим сакральным инструментам.

¹⁴⁹ Имеется в виду статья «Антроп. заметки», в которой Миклухо-Маклай ссылается на работу К. Э. Бэра «О папуасах и альфурах», взятую им с собой на Новую Гвинею.

К. Э. Бэр (1792—1876) — известный русский естествоиспытатель, основатель эмбриологии. Плодотворно работал в области антропологии, разработав, в частности, методику измерения черепов. В связи с подготовкой Миклухо-Маклаем программы исследований в Океании предложил ему ряд вопросов по этнографии и антропологии (см. в т. 3 наст. изд.).

¹⁵⁰ Во многих районах Новой Гвинеи существовал (и кое-где сохраняется до сих пор) обычай вскармливать поросят грудью. Чаще всего это делалось в тех случаях, когда поросенок дикой свиньи был пойман маленьким. Случалось, что женщина привязывалась к вскормленному ею животному и носила его на спине в плетеном мешке (*жуи*), в котором обычно носят детей. Вскормленные таким образом поросята бегали за женщинами, как собаки. См. также в «Этнол. заметках» (разделы «Пища папуасов», «Одежда и украшения»),

¹⁵¹ 22-м августа датируется сохранившийся набросок дер. Били-Били. Возможно, к этому же дню (или к 24 авг.) относится портрет Каина, публикуемый в наст. томе. Образцы орнамента см. в статье «Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее» (т. 3 наст. изд.).

¹⁵² Тиара на современных картах — Сиар.

¹⁵³ 24-м августа датирован портрет Марама, публикуемый в наст. томе.

¹⁵⁴ Григер — правильное Грагед. На современных картах — Кранкет.

¹⁵⁵ У Миклухо-Маклая имелся русский национальный (коммерческий) флаг. См. прим. 27.

¹⁵⁶ Эти предосторожности объяснялись благоговейным отношением папуасов к своим ритуальным предметам, к которым принадлежали и музыкальные инструменты. Передавая *орлан-ай* чужеземцу, Коды нарушал обычай и, боясь вызвать недовольство своих односельчан, старался сделать это незаметно. См. прим. 121. Экземпляр орлан-ая сохранился в коллекции Миклухо-Маклая в МАЭ (см. в т. 6 наст. изд.).

¹⁵⁷ Миклухо-Маклай дал это название архипелагу, побывав там в августе: см. запись в дневнике от 25 авг. О мотивах, побудивших его к такому наименованию, см. в «Кратком сообщении».

¹⁵⁸ На Новой Гвинее женщина нередко кормит ребенка грудью до трех лет. Это вызвано тем, что традиционная пища местного населения довольно груба и мало питательна, и ребенку трудно, пока у него не окрепнут зубы и весь организм, обходиться без грудного молока. О продолжительном кормлении детей грудью у папуасов см. в «Антроп. заметках».

¹⁵⁹ См. «Словарь диалектов Берега Маклая» и «Числительные в диалектах Берега Маклая» (т. 3 наст. изд.).

¹⁶⁰ См. прим. 93.

¹⁶¹ «Как они это делают» — описано в «Этнол. заметках» (раздел «О суевериях...») и в «Лекциях» (6-я лекция).

¹⁶² Имеется в виду вел. кн. Константин Николаевич (1827—1892), главный начальник флота и морского ведомства (на правах министра) и председатель РГО.

¹⁶³ Р. — Константин Данилович Рончевский. В рукописи «Краткого сообщения» его имя названо полностью. Что переведенный с «Витязя» на «Изумруд» моряк был именно Рончевский, подтверждается тем, что только он один значится в списках и экипажа «Витязя» во время плавания 1870—1872 гг. (в списке 1873 г. его имя отсутствует), и экипажа «Изумруда» во время плавания 1872—1873 гг. (в списках 1870—1871 гг. его имя здесь не значится). Несомненно, что именно Рончевский — автор очерка «Поиски клипера „Изумруд“ за Н. Н. Миклухо-Маклаем», опубликованного под литерами А. Р., поскольку он пишет о себе как побывавшем на Новой Гвинее во время высадки Миклухо-Маклая. До сих пор авторство очерка ошибочно приписывалось Ал. Ал. Раковичу (Изв. РГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 60, 65, 73; СС. Т. 1. С. 381 и др.), который вообще ни в одном из двух плаваний не участвовал. Неточность в инициалах (А. Р.), возможно, сознательная. В русском флоте в то время не слишком приветствовались публикации о плаваниях военных судов, исходящие не от капитана, а от младшего офицера.

¹⁶⁴ В России слух о смерти Миклухо-Маклая получил распространение летом 1872 г.: «Кр. вест.», изложив посвященный Миклухо-Маклаю раздел Отчета РГО за 1871 г., сообщил следующее: «Эти заботы (имелось в виду намерение РГО предпринять меры для выяснения судьбы путешественника. — *Ped.*), к сожалению, теперь бесполезны, так как, по последним известиям, г. Миклуха-Маклай скончался в Новой Гвинее от злокачественной лихорадки». Далее шло нечто вроде некролога (Кр. вест. 1872. № 85. Перепечатано: Правит. вест. 1872. № 174, а также в ряде провинциальных газет).

Месяцем позже в газ. «Голос» появилось опровержение. Бывший секретарь РГО Ф. Р. Остен-Сакен писал: «Несколько недель назад почти все газеты наши по-

вторили известие о кончине естествоиспытателя Миклухи-Маклая, отправившегося на Новую Гвинею два года назад. По наведению тщательных справок оказалось, что слух этот получил начало в Одессе, но не был основан ни на каких достоверных данных». Далее приводились письма резидентов Тернате (Молакские острова) и Амбоины (Вост. Индонезия) и президента Батавского общества наук и искусств (последнее датировано 15 июля), которые сообщали, что никакими сведениями о Миклухо-Маклае не располагают. «Для родственников, для друзей и вообще для всех интересующихся участью нашего неустрашимого естествоиспытателя будет некоторым утешением узнать, что 3/15 июля положительного известия о смерти Миклухи нигде получено не было» (Голос. 1872. № 118; Кр. вест. 1872. № 102).

Решение об отправке военного судна на поиски Миклухо-Маклая было принято, видимо, сразу по получении в России слуха о его смерти. Сообщения об этом: Кр. вест. 1872. № 99; на общем собрании РГО 4 окт. (Изв. РГО. 1873. Т. 8. № 8; Отчет РГО за 1872 г. СПб., 1873. С. 33—34). О том, почему для поиска был выбран «Изумруд», пишет А. Р.: на «Витязе» в это время находился командующий Тихоокеанской эскадрой со штабом, а третий корабль, «Боярин», плавал у берегов Камчатки. «Изумруд» ушел из Владивостока 11/23 авг. и далее проследовал через Нагасаки, Шанхай, Гонконг, Манилу, Тернате на Новую Гвинею.

Между тем, опасаясь за судьбу путешественника, РГО обратилось в Королевское географическое общество в Лондоне и во французское морское министерство с просьбой «об оказании, в случае прохождения каких-либо английских или французских судов вблизи залива Астралабии, возможного содействия нашему сочлену Н. Н. Миклухо-Маклаю» и получило сочувственные ответы (Изв. РГО. 1872. Т. 8. № 2. С. 24—25; Отчет РГО за 1872 г. С. 52). Английский капитан Дж. Морсби, совершавший на корабле «Базилик» в 1872 г. плавание в Торресовом проливе, получил задание «провести разыскания, касающиеся судьбы или нынешнего положения г. Миклухо-Маклая, знаменитого русского путешественника на Новой Гвинее, который так много обследовал ее северные берега, поскольку вот уже некоторое время, как он исчез из виду, и боялись, что он погиб» (*Moresby John. Discoveries and Surveys in New Guinea and the D'Entrecasteaux Islands. L., 1876. P. 120, 168—169*). Дж. Морсби, однако, не удалось проникнуть в район пребывания Миклухо-Маклая. Об их позднейшей встрече см. «Разные заметки. Май—ноябрь 1874 г.», публикуемые в приложениях к наст. тому.

¹⁶⁵ Приводим свидетельства очевидцев встречи. Из записок А. Р.: «Наконец, один из офицеров заметил русский коммерческий флаг, развевающийся между ветвями громадных деревьев, и пришел в такое волнение от своего открытия, что едва мог сообщить об этом командиру.

Мы знали, что „Витязь“ оставил флаг Маклаю, а потому его присутствие ясно говорило, что кто-нибудь из оставшихся жив. Клипер прибавил ходу, и мы увидели дом; видели, как отвалили две пироги, идущие к нам навстречу. Пока еще трудно было разобрать, кто на них находился, но, постепенно сближаясь, мы различили какого-то европейца, который вскоре оказался ко всеобщей радости мнимо умершим Маклаем. Сцена встречи была самая торжественная; трудно передать ее впечатление. Разукрашенные оружием и головными уборами, гребцы чинно сидели на своих местах в пироге, а между ними на возвышении помещался худой и обросший Маклай в потрепанном и поношенном костюме, с соломенной шляпой. Клипер остановился и, выпуская с грохотом излишний пар, дослал по вантам команду, которая вместе со стоявшими на мостиках офицерами дружным и много-

кратным «ура» приветствовала нашего смелого исследователя Новой Гвинеи. Лица всех сияли счастьем и радостью; только папуасы, испуганные шумом машины, криком и маханьем шляп, составляли исключение, удивляясь этой новой картине. По выходе Маклая на клипер не было конца рукопожатиям, поздравлениям и разным вопросам. Вообще суматоха была немалая и разговор, как обыкновенно при встречах, вращался на пустяках и мелочах. Маклай сильно изменился за время 15-месячного отшельничества от сильных пароксизмов лихорадки, всякого рода лишений и трудных работ. Во фланелевой рубаше, гамашах (штгилеты — для экскурсий), с кинжалом и револьвером за поясом, с сумкой через плечо, наполненной разными лохмотьями для мены и покупки пищи, он был настоящим Робинзоном Крузе (...) Дикари относились к Маклаю с большим доверием и, постоянно почти произнося: „Маклай!“, спрашивали у него совета и разъяснений. Свободно и бегло говоря по-астролябски, Маклай немедленно отвечал на все их расспросы (...)

Дом снаружи остался в таком же виде, как и был. Только крыша местами пришла в разрушение, так что Маклай немало страдал от дождя. От множества собранных им коллекций и вещей внутри стало так тесно, что трудно было повернуться (...)

Вырубленное и очищенное место вокруг дома снова заросло молодыми побегами деревьев и кустарников на высоту человеческого роста» (Кн. 6, с. 690—691).

Следующие воспоминания подписаны Н-й (мичман Николай Римский-Корсаков?): «Через некоторое время мы увидели, как от берега отвалили два прау; по приближении к ним мы увидели самого г. Миклуху-Маклая, который сидел вместе с дикими. Тогда все обрадовались, застопорили машину и матросов послали по вантам кричать „ура!“ Г. Маклай махал фуражкой и понуждал всеми силами, как было видно, чтобы дикие пристали к борту, но те боялись; г. Маклай брался сам за весло, но ничего не помогало. Наконец, когда мы отдали якорь, тогда они только решились пристать к борту, высадили г. Маклая и сами сейчас же уехали. Видно было по лицу г. Маклая, как ему было приятно, когда все бросились поздравлять его и пожимать ему руки; не знаю, что он чувствовал, но, должно быть, очень много.

Видевший раньше г. Маклая и смотря на него теперь, я нашел, что он очень изменился, похудел и постарел! (Автор несомненно имеет в виду встречи с Миклухо-Маклаем во время плавания на «Витязе», когда «Изумруд» имел несколько общих с ним стоянок. — *Ред.*) Видно было, что эти 15 месяцев ему не даром достались; видно было, что он испытал и болезнь и голод (...) Позавтракав, я отправился с ним на берег посмотреть его житье-бытье и был удивлен. Надо было иметь много мужества, чтобы прожить в его хижине 15 месяцев; в крыше была огромная дыра, через которую свободно проходил дождь; это сделалось в последнее время вследствие того, что на нее упала ветка лианы и проломила крышу; он же чувствовал себя плохо и потому не починял (...) Слуту его Вильсона я застал в самом плачевном состоянии: он страдал лихорадкой. В скором времени его перевезли на клипер, и он у нас поправился почти совершенно» (Всемирный путешественник. 1873. Октябрь. С. 399—400).

Из донесения капитана М. Н. Кумани, посланного из Тернате 22 января/3 февр. 1873 г.: «Первое лицо, которое мы встретили, был г-н Миклуха-Маклай, приехавший на клипер на туземном проа; мы радостно приветствовали его и поздравляли с благополучным окончанием его трудного и рискованного предприятия (...) В последний раз я видел его в Рио-Жанейро в феврале 1871 г. С тех пор он мало изменился; на вопрос об его здоровье г. М.-Маклай сказал, что в последние 6 недель не имел ни одного пароксизма лихорадки и вообще чувствует себя хорошо. Я не заметил, чтобы он особенно обрадовался прибытию вверенного мне клипера;

по крайней мере в начале нашей беседы он объявил, что очень колеблется в разрешении вопроса: воспользоваться ли ему прибытием клипера для перемены места или остаться еще на неопределенное время в заливе Астролябия для продолжения своих исследований по части антропологии и проч. Только на другой день г. М.-Маклай объявил, что решился идти на клипере в один из портов о. Явы и что на приготовления к отъезду ему нужно три дня» (Кр. вест. 1873. № 49. Отсюда перепечатано рядом газет).

Неизвестный автор, ссылаясь на рассказ очевидца, описал, в частности, положение, в котором нашли Миклухо-Маклая моряки с «Изумруда». Рисуя внутренний вид домика в Гарагасси, он отмечает: «Кое-какие ветоши, полуистлевшие от постоянной сырости, происходившей от дождя, проникавшего сквозь крышу, составляли его постель; тут же стоял стол, который, а также и все свободное пространство домика, были загромождены и завалены всякою всячиною; тут были инструменты для наблюдений, разное оружие, банки с препарированными животными, но без спирта, который испарился и высох; чучела птиц, ящериц и змей; насекомые, черви, моллюски, скелеты, полусгнившие растения и остатки какой-то неопределенной пищи. Каждый из этих предметов, кроме инструментов и оружия, издавал свой запах, такой, которого посетители г. Маклая не могли перенести в продолжение нескольких минут; а наш добровольный мученик науки переносил его в продолжение 15 месяцев». Далее следовал рассказ о других сторонах быта Миклухо-Маклая, о его повседневных заботах, в том числе о необходимости из-за отсутствия спичек поддерживать постоянно огонь. Он «должен был устроить отдельную землянку, в которой постоянно горели вырубленные им толстые деревья», и ночью вставать (в том числе и будучи больным) идти смотреть за огнем (см.: *Б.-Б. Г. Миклухо-Маклай // Яхта. Листок для любителей морского дела. 1874. № 3. Стлб. 135—136*). Статья обнаружена Е. В. Говор.

Первые известия о нахождении Миклухо-Маклая появились в русской прессе в феврале 1873 г. «С особенным удовольствием спешим сообщить читателям о том, что клипер „Изумруд“ застал известного естествоиспытателя Миклухо-Маклая живым на о. Новой Гвинее» (СПб. вед. 1873. № 44. Это сообщение было перепечатано многими столичными и провинциальными газетами). На общем собрании РГО 7/19 марта секретарь общества официально сообщил, что «смелый путешественник наш (...) был найден клипером „Изумруд“ в заливе Астолябии живым и здоровым и (...) возвращается в Китай» (Изв. РГО. 1873. Т. 9. Отд. 1. С. 69).

¹⁶⁶ Согласно донесению П. Н. Назимова от 29 окт./10 ноября 1872 г. из Нагасаки, «через пять дней по выходе из залива, где оставили натуралиста г. Маклая, начала являться лихорадка, 25 человек явились один за другим с сильными припадками перемежающейся лихорадки. Через три недели болезнь немного ослабла и случаи заболевания стали реже. Из числа 25 человек несколько были опасно больны» (Кр. вест. 1872. № 32). Согласно позднему отчету доктора Кролевецкого, больных перемежающейся лихорадкой в конце сентября—октябре было всего 13, причем болезнь «не отличалась интенсивностью» и продолжалась в среднем 18 дней. Доктор видел причину заболевания в заготовке дров «в болотистой почве в лесах Новой Ирландии» (Кролевецкий. С. 219).

Участник плавания на «Изумруде» Н-й вспоминал, что, несмотря на принятые предосторожности, «по прошествии нескольких дней» число больных лихорадкой дошло до 78, а через три недели в Тернате их стало 84 (Всемирный путешественник. 1873. Октябрь. С. 401).

¹⁶⁷ Миклухо-Маклай не описывает, к сожалению, подробностей прощальной ночи. А. Р. обстоятельно рассказал о праздничном сборище, заключив: «Все это сначала мы приняли за рынок для мены произведений, но вскоре Маклай объяснил, что все деревни, лежащие около бухты, сообща устроили по случаю его отъезда пир с оригинальными танцами» (Кн. 6. С. 693). О том же пишет Н-й: «Папуасы так полюбили г. Маклая, что в честь его ухода устроили большой праздник в одной из деревень. Это было за два дня до нашего ухода. Г. Маклай, конечно, отправился, несмотря на свои больные ноги, которые были в ранах» (С. 401).

Во время работы этнографической экспедиции в дер. Бонгу в 1971 г. старики рассказывали, что при проходах Маклая исполнялся *аран* — плач типа похоронного (см. написанную Б. Н. Путиловым главу «Фольклор Океании» в кн.: Аксенов А. А., Белоусов И. М. Загадки Океании. М. 1975 С. 100).

¹⁶⁸ Н-й пишет об этом несколько иначе: «На другой день после этого праздника кто-то из офицеров, гуляя по берегу, увидел г. Маклая лежащим и не могущим двигаться; сейчас же было дано знать на клипер, за ним прислали людей с носилками и таким образом принесли на судно.

Это случилось с ним вследствие большой усталости, а главное он ходоубой (деревня эта расположена неблизко) растер ноги и не мог далее идти» (С. 401).

¹⁶⁹ Сохранился рисунок ствола дерева с мемориальной доской, сделанной Миклухо-Маклаем перед отъездом, с подписью: «М[ис] Отшельник[ества]. Sept. 1871—Dec. 1872» (ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 53. Л. 44—44 об.). Повторно рисунок был сделан в 1876 г. с подписью: «Гарагасси, у ручья Бела». Этот рисунок публикуется в наст. томе.

Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 25.

Впервые в сильно сокращенном виде и с редакционными поправками: «Известия от г. Миклухо-Маклая» // Изв. РГО. 1873. Т. 9. № 6. Отд. 2. С. 203—207. Полностью, с незначительной правкой Д. Н. Анучин включил сообщение в «Пробные листы» (с. 3—14). Впервые полностью в печати: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 272—278. Отсюда: СС. Т. 1. С. 315—326, с несколькими мелкими поправками.

Рукопись — 12 листов тонкой бумаги, исписанных убористо на одной стороне. Возможно, что текст был написан под диктовку автора кем-то из членов экипажа «Изумруда». Некоторые мелкие вставки и поправки сделаны явно рукой Миклухо-Маклая, что дает основания считать текст авторизованным. Сверху на первом листе над заглавием надписано: «Императорскому Русскому географическому обществу в СПбурге». Несколько вычеркиваний чернилами сделаны неизвестно кем. Вычеркивания синим и простым карандашом совпадают с сокращениями, допущенными при первой публикации, и несомненно принадлежат редакции «Изв. РГО».

Отчет был написан менее чем через полтора месяца после отплытия «Изумруда» с Берега Маклая. На другой день после окончания статьи

Миклухо-Маклай извещал Ф. Р. Остен-Сакена о намерении отослать ее с первой почтой (письмо от 4.II 1873), а в письме матери (от 5.II 1873) писал: «О 15 месяцах очень трудной жизни в Гвинее прочтете в письме моем Географическому обществу». В письме от 21.IX 1873 из Бейтензорга он запрашивал секретаря РГО, получено ли его сообщение о пребывании на Новой Гвинее, и напомнил о своей просьбе прислать ему несколько оттисков (все письма см. в т. 5 наст. изд.).

Миклухо-Маклай рассчитывал также опубликовать статью на немецком языке в журнале А. Петерманна. Он просил А. Мещерского взять «отпечаток» статьи в РГО с тем, чтобы сестра Ольга под наблюдением Мещерского сделала бы перевод (письмо из Гонконга, апрель 1873). Эту просьбу он повторил в письме к А. Мещерскому из Бейтензорга (30.VI 1873) и запрашивал его об исполнении (11.XII 1873). В письме А. Петерманну (25.X 1873) он высказывал надежду, что статью тот получил. Лишь теперь стало известно, что перевод был сделан. Он обнаружен Д. Д. Тумаркиным в архиве Петерманна, находящемся в г. Гота (ГДР), с пометой: «Получено 27.III 1874». Однако статья не была напечатана, и в журнале Петерманна были опубликованы лишь короткие сообщения о путешествии Миклухо-Маклая. Перевод статьи на немецкий скорее всего был сделан в Петербурге неизвестным лицом. В переводе сохранены слова и части фраз, вычеркнутые чернилами в русском оригинале. Это дает основание считать, что вычеркивания были сделаны кем-то уже в Петербурге, и соответствующие слова и части фраз восстанавливаются нами в примечаниях без специальных оговорок.

Редакция «Изв. РГО» отнеслась к первому отчету путешественника о пребывании на Новой Гвинее со странным пренебрежением. Публикация его была предварена заметкой, в которой значение статьи сводилось всего лишь к «нескольким интересным подробностям о пребывании (...) в обширном южно-азиатском архипелаге». Было опущено все начало (публикация открывалась словами: «Жители ~ оказались»), последние пять листов рукописи были сведены к пересказу в несколько абзацев, в тексте были сделаны сокращения, касавшиеся прежде всего тяжелых условий жизни путешественника и его мужественного поведения. Подробный рассказ о том, как постепенно устанавливались дружеские отношения с папуасами и как воспринимали папуасы личность Миклухо-Маклая, был сведен к нескольким малозначительным фразам.

Получив в октябре 1875 г. номер «Изв. РГО» со своей статьей, Миклухо-Маклай в резкой форме высказал возмущение по поводу произведенных сокращений. «Я (...) был неприятно (!) поражен (...) обстоятельством, что редакция *согла* полезным (?) и нужным (?) *урезать* мое сообщение о моем *первом пребывании в Новой Гвинее*.

Не знаю положительно, для чего ? или для кого? (...) Если я *это* делаю или *это* говорю, то это *единственно для науки*, т. е. для истины, которая не требует и не выносит *цензур*» (Ф. Р. Остен-Сакену, 8. XII 1875. Об этом

же: секретарю РГО, окт. 1875). Миклухо-Маклай решительно потребовал публикаций его сообщений без сокращений, и в дальнейшем «Изв. РГО» помещали его материалы полностью.

«Краткое сообщение», хотя и ставшее известным с большими сокращениями, было широко использовано в русской печати. Газета «Голос» дала изложение его с пространными цитатами (1873. № 218; отсюда с сокращениями: Кр. вест. 1873. № 93). В серии статей, появившихся в русских иллюстрированных журналах в 1875 г., пребывание Миклухо-Маклая среди папуасов подробно излагалось на основании того же отчета, с пространными цитатами, причем, возможно, с использованием мест, не попавших в «Изв. РГО» (см.: Живоп. обозр. 1875. № 44—45; Всем. илл. 1875. № 348; Нива. 1875. № 34). Отчет стал одним из основных источников для ранних биографов путешественника и популяризаторов его деятельности вплоть до 1882 г.

Общий план «Краткого сообщения», отдельные факты, приведенные в нем, и даже некоторые его формулировки нашли отражение в той части очерка А. Р. «Поиски клипера „Изумруд” за Н. Н. Миклухо-Маклаем», которая посвящена описанию жизни путешественника среди папуасов (Вест. Евр. Кн. 6. С. 694—700). В начале этой части А. Р. пишет: «Во время обратного плавания из Астролябии Н. Н. Миклухо-Маклай не раз принимался рассказывать о своем житье-бытье и о дикарях, их нравах, образе жизни и о своих отношениях к ним. Я постараюсь изложить все слышанное нами, насколько я помню» (С. 694). Видимо, Миклухо-Маклай уже тогда строил свои рассказы, придерживаясь определенного плана отбирая и систематизируя факты и тем самым как бы подготавливая основу будущего отчета. В очерке А. Р. есть места, которые, можно рассматривать как дополнения к соответствующим разделам «Краткого сообщения». Здесь встречаются подробности, которых мы вообще не находим в сохранившихся текстах Миклухо-Маклая. Кое в чем очерк А. Р. расходится с описаниями путешественника, и расхождения эти можно частью отнести за счет неточностей автора очерка, но частью объяснить тем, что в устных рассказах какие-то подробности излагались иначе, чем в текстах для печати.

«Краткое сообщение» содержит ряд моментов, существенно дополняющих текст дневника 1871—1872 гг., подготовленный к печати, и иногда по-своему освещает важные стороны пребывания Миклухо-Маклая на берегу залива Астролябия. Наиболее значимые случаи расхождений с дневником фиксируются нами в примечаниях.

«Краткое сообщение» явилось также основным источником первоначального ознакомления зарубежного читателя с итогами первой новогвинейской экспедиции Миклухо-Маклая. Несколько сокращенный и измененный вариант этого сообщения был опубликован в журнале Королевского естественнонаучного общества в Нидерландской Индии (Батавия): *Mijn verblijf aan de Oostkust van Nieuw-Guinea in de jaren 1871 en 1872 door N. de Maclay. Uittreksel uit een aan het Keizerlijk Russisch Aardrijkskundig Genootschap te St. Petersburg gezonden verslag // Natuurkundig Tijdschrift*

voor Nederlandsch-Indië. 1873. D 33 (=Ser. 7. D. 3). [Ged. 1]. Bl. 114—126 (*Н. де Маклай*. Мое пребывание на Восточном берегу Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах. Извлечение из отчета, посланного в императорское Русское географическое общество в С.-Петербурге). К авторскому тексту было дано примечание: «Извлечение переведено на нидерландский г-ном Вортхуейzenом по сделанному по-французски устному сообщению г-на де Маклая». Публикации был предпослан нидерландский перевод письма Миклухо-Маклая от 22 марта 1873 г. (см. в т. 5 наст. изд.).

Статья была представлена на собрании правления общества 16 августа 1873 г. в качестве пункта 5 повестки дня. В опубликованном протоколе собрания значится: «От господина де Маклая [*de MacLaij*] получена статья для журнала относительно его пребывания на Новой Гвинее, которая при последующем одобрении дирекции опубликована в этом [томе] журнала» (Там же. С. 446). Миклухо-Маклай, выбранный на этом же заседании членом-корреспондентом общества (пункт 8 повестки дня: Там же. С. 449), на нем не присутствовал. Выход статьи в начале годичной книжки журнала объясняется сдвигами в сроках выхода журнала в 1872 и 1873 гг.

В процессе устного изложения «Краткого сообщения» для публикации в Батавии Миклухо-Маклай сохранял порядок рассказа, некоторые места передавал с максимальной точностью, другие модифицировал, сокращая текст, но также добавляя и изменяя отдельные подробности. Нидерландский текст ценен также тем, что содержит некоторые дополнительные данные для понимания транскрипции Миклухо-Маклаем папуасских слов и топонимов (характерно, в частности, употребление циркумфлекса над рядом гласных как указания на их долготу).

В примечаниях мы приводим смысловые разночтения из текста для нидерландского журнала (далее: NT). Источниковедческий комм. к публикации в нидерландском журнале и перевод статьи принадлежат А. Н. Анфертьеву. Примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ В NT: «около одиннадцати часов».

² В NT: «в полчетвертого».

³ В NT: «Ранним утром 26 сентября».

⁴ В NT: «спрашивая при помощи жестов».

⁵ В NT это место несколько сглажено: «а когда ~ копьями» нет.

⁶ В NT речь идет об одном (первом) визите.

⁷ В NT: «(остров Сэвидж по Куку)».

⁸ Апирекции (правильно: апирексии) — промежутки между приступами перемежающейся лихорадки. В дневнике, приготовленном позднее к печати, Миклухо-Маклай ни разу с такой откровенностью не описывал приступов, явно сглаживая их тяжесть.

⁹ В дневнике, приготовленном к печати, — 13 декабря.

¹⁰ В NT нет.

¹¹ В NT еще: «Занимаясь мною в таком роде, они внимательно наблюдали за моей физиономией».

¹² В NT: «я же, поняв ~ засыпал» нет.

¹³ В NT: «это плохо кончится для жителей Бонгу и Колику-мана».

¹⁴ В NT: «я двинулся в путь с твердой решимостью, но не надеясь на достижение своей цели».

¹⁵ В NT: «несколько хорошо вооруженных людей из Бонгу».

¹⁶ Экскурсия в Колику-Мана подробно описана в дневнике под 27 февраля.

¹⁷ В NT последней фразы нет. В приготовленном для печати дневнике планы переезда в другое место не отражены, записи между 25 января и 7 февраля вообще отсутствуют.

¹⁸ В NT дополнительно: «постепенно оставили в покое свое оружие».

¹⁹ В NT «так что ~ о делах» нет.

²⁰ См. прим. 135 к дневнику 1871—1872 гг.

²¹ В NT еще: «и топор, чтобы самому прокладывать себе дорогу».

²² В NT «Взять Ульсона ~ прийти» нет. Вместо этого: «Прежде всего моя лихорадка возвращалась каждую неделю».

²³ В NT: «Они теперь настолько доверяли мне, что я мог беспрепятственно заниматься охотой и снабжать себя таким образом животной пищей».

²⁴ Согласно дневнику 1872 г. Миклухо-Маклай совершил экскурсию на архипелаг с о. Били-Били на туземной лодке в сопровождении двух папуасов (см. записи под 25 авг.).

²⁵ В подготовленном к печати дневнике об этом ничего не говорится. В NT «Нашлись ~ к ним» нет.

²⁶ В NT: «на которой ~ на картах» нет.

²⁷ В NT: «Этот архипелаг ~ Астролаб» нет.

²⁸ В NT здесь: «Лихорадка все еще продолжала меня мучить и очень мешала в моих занятиях; к лихорадке Ульсона присоединился хронический ревматизм, полученный им во время плаваний матросом на торговом судне».

²⁹ В NT: «особенно ~ костер» нет.

³⁰ В NT: «В сентябре».

³¹ В NT: «Как неутешительна ~ меня» нет.

³² В NT здесь: «Моя жизнь на Новой Гвинее в последние полгода получила тогда совершенно иной характер, чем в первое время».

³³ В NT далее: «на которых я мог положиться».

³⁴ В очерке А. Р.: «Туземцев поражала особенно белизна кожи Маклая, костюм и вещи. Поэтому они часто просили Маклая раздеться, тщательно рассматривали все части тела и очень удивлялись, находя у него то же, что и у себя» (Кн. 6. С. 697).

³⁵ Никто из исследователей, изучающих жизнь и деятельность Миклухо-Маклая, не сомневается в том, что папуасы считали русского ученого сверхъестественным существом. Но в последнее время в литературе подвергается сомнению трактовка папуасами Миклухо-Маклая как «человека с Луны»: по мнению Н. А. Бутинова и Н. М. Гиренко, путешественник принял слова «гаре тамо» («человек в оболочке» — название белых людей папуасами) за «гхагхам тамо» (в передаче самого Миклухо-Маклая «каарам тамо» — «человек с Луны») (см.: На Берегу Маклая. С. 208). Этому мнению, по-видимому, противоречат приводимые в дневнике 1871—1872 гг. факты соотнесения Миклухо-Маклая и вообще белых людей с Луной без употребления слова «каарам» (см., например, запись от 29 мая 1872 г.). Наименование Маклая «человеком с Луны» — за белизну его кожи и предполагаемые фантастические возможности — полностью укладывается в характерную для аборигенов Новой

Гвинеи систему представлений (отраженных в ряде фактов, зафиксированных различными исследователями), согласно которым их предки — белокожие обитатели неба и Луны (См.: Путилов Б. Н. Н. Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 27—42). Ссылка на лингвистическую ошибку вряд ли основательна: слово «гаре» и его значение были знакомы Миклухо-Маклаю.

³⁶ В NT: «выше своих старейших вождей».

³⁷ В NT: «Мое положение в октябре и ноябре 1872 г. становилось день ото дня все тяжелее».

³⁸ В NT: «белыми муравьями».

³⁹ В NT: «приходилось ~ обрушится» нет.

⁴⁰ В NT здесь «мой значительный запас хинина ($\frac{3}{4}$ медиц. фунта)».

⁴¹ В NT: «охотою ~ не заживали» нет.

⁴² О планах переселения в горы в дневнике, приготовленном к печати, ничего не говорится.

⁴³ В записи дневника под 18—19 декабря нет ни слова о переговорах по поводу постройки хижины в Бонгу.

⁴⁴ В NT далее: «издавая испуганные крики „биа, биа“».

⁴⁵ В NT здесь: «которое я вскоре признал за русский военный корабль. Это оказался клипер „Изумруд“, который я двумя годами ранее в последний раз увидел в Рио-де-Жанейро».

⁴⁶ См. прим. 163 к дневнику 1871—1872 гг.

⁴⁷ Вел. князь Константин Николаевич, будучи главным начальником флота и морского ведомства, носил звание генерал-адмирала.

⁴⁸ В NT: «Так как ~ на клипере» нет.

⁴⁹ В NT: «вкус их показался мне совершенно непривычным и неприятным».

⁵⁰ В NT: «Меня ~ насекомыми» нет.

⁵¹ R NT еще: «крепости которого едва хватало, чтобы нас выдержать».

⁵² В NT здесь: «он встал с постели, в которой лежал еще вчера».

⁵³ В NT здесь: «24 часа».

⁵⁴ Ср. в очерке А. Р.: «Теперь вокруг всей Новой Гвинеи на фрегате „Кумпан“ затевается большая экспедиция, в которой по приглашению будет участвовать и наш Маклай. Он, несмотря на свое еще не совсем окрепшее здоровье, ждет ее с большим нетерпением» (Кн. 5. С. 95). Экспедиция не состоялась, и Миклухо-Маклай должен был в 1873 г. менять свои планы.

⁵⁵ См. прим. 167 к дневнику 1871—1872 гг. В NT здесь: «Я сам ходил в две соседние деревни, сопровождаемый большой толпой папуасов с факелами. Там ради меня устраивали прощальные празднества и присутствовало много окрестных туземцев с подарками, предназначенными для меня». «При этом ~ корней» нет.

⁵⁶ В NT здесь: «раздавал, напротив, между ними все, без чего мог обойтись».

⁵⁷ В NT здесь примечание: «Папуасское приветствие».

⁵⁸ В NT здесь примечание: «Туземное название маленькой бухты около моего жилища».

Путешествие на Папуа-Ковиай (декабрь 1873 г.—июль 1874 г.)

Уже при отплытии на «Изумруде» из залива Астролябия Миклухо-Маклай высказывал намерение осуществить в самый короткий срок новое путешествие на Новую Гвинею. Первоначально он предполагал принять участие в экспедиции на голландском фрегате «Кумпан», куда его, видимо, приглашали (см. об этом: Изв. РГО. 1873. Т. IX. Отд. 1. С. 198, 211; Отд. «Мелкие известия». С. 244; Кр. вест. 1873. № 45, 93; Правит. вест. 1873. № 101; Голос. 1873. № 121, 218). Однако из-за военных действий на Северной Суматре экспедиция откладывалась, и Миклухо-Маклай решил снова отправиться один, на этот раз в район западного берега Новой Гвинеи, являвшегося колонией Нидерландов. Об этом новом плане он сообщал в письмах (публикуемых в т. 5 наст. изд.) секретарю РГО от 14 окт. и 21 нояб., А. Петерманну — от 25 окт. и А. А. Мецкерскому — от 20 нояб. и 11 дек. 1873 г. (изложение писем, а также сообщение о начавшемся новом путешествии и отклики на него в русской печати см.: Изв. РГО. 1874. Т. X. № 1. Отд. 1. С. 23; Отд. 2. С. 62—63; № 2. Отд. 2. С. 100; № 4. Отд. 1. С. 110; Отд. 2. С. 174—175; № 6. Отд. 2. С. 232—233; Кр. вест. 1874. № 84, 106; СПбург. вед. 1874. № 273; Вест. Евр. 1874. № 5. С. 95—96).

Согласно письмам, Миклухо-Маклай предполагал провести антропологические и этнографические исследования, которые позволили бы сравнить «жителей западного берега с туземцами берега северо-восточного». Точный маршрут нового путешествия, его длительность и вероятные пункты стационарной работы были ему неясны. Он намеревался «прожить в Новой Гвинее год, если здоровье не позволит — полгода», позднее же решил ограничиться «несколькими месяцами». Между тем тяжелая болезнь вынуждала его несколько раз откладывать отъезд с Явы; отправился в путешествие он с большим опозданием против намеченных сроков и вопреки самым серьезным предупреждениям врачей, которые считали, что ему не выдержать путешествия, и настойчиво требовали оставить тропики. В ходе плавания во время пребывания на Молуккских островах Миклухо-Маклай уточнял программу и маршрут экспедиции, который определился более или менее к концу февраля (см. письмо секретарю РГО из Гесира от 22 февр. 1874 г.).

Все путешествие, продолжавшееся 8 месяцев, можно разделить на три этапа: 1-й — с декабря по февраль (переезд на Молуккские острова, длительная остановка из-за болезни в Амбоине, подготовка к экспедиции на Новую Гвинею); 2-й — с середины февраля до конца апреля (пребывание на Папуа-Ковиай); 3-й — май—июль (возвращение, длительная задержка из-за болезни на Молуккских островах). Таким образом, осуществлению задуманной программы было отдано немногим больше двух месяцев. Однако надо иметь в виду, что на всем протяжении путешествия, во вре-

мя морских переходов, в пунктах высадки и ожидания, несмотря на тяжелейшие условия и болезнь, Миклухо-Маклай вел антропологические и этнографические наблюдения, собрав богатый сравнительный материал. Второе путешествие на Новую Гвинею сыграло также очень важную роль в ознакомлении Миклухо-Маклая с политической обстановкой в Нидерландской Индии, с положением аборигенного населения, в укреплении гуманистических, антиколониалистских позиций ученого и в выработке его планов борьбы за права папуасов.

Помимо опубликованных при жизни Миклухо-Маклая и подготовленных им к печати материалов (а также писем) в нашем распоряжении имеются следующие рукописные материалы, относящиеся к путешествию в Папуа-Ковий и использованные нами при подготовке дневников для настоящего тома:

1. Записная книжка среднего формата (17,5×21 см), плотный картонный переплет в темно-зеленом коленкоре, с откидывающейся крышкой. На корешке золотым тиснением: 1874. De Macloy. На внутренней стороне задней полосы переплета в правом верхнем углу в виньетке монограмма: Н. Г.; слева в виньетке: 1874.

Бумага плотная, с золотым обрезом. Пагинация архивная, сплошная, полистная, красным карандашом, с 1 по 97; между л. 86 и 87 — 17 чистых листов (не пронумерованы).

Л. 1-й — титульный. Сверху цветным карандашом эпитафия: «Blos die Wahrheit ist mein Streben! Schopenhauer» («Одна только истина — мое стремление! Шопенгауэр»). Точный источник цитаты не обнаружен. Аналогичные по смыслу высказывания см., например: Schopenhauer, 1859. В. 1. S. I—XVIII.

В виньетке красным и черным: 1874. Далее перечень промежуточных пунктов и мест, посещенных в ходе путешествия:

«Banda, Ambon, Seram-Laut-Inseln, Neu-Guinea

(Namatote, Aiduma, Lobo, Mavara, Aiva, Kamaka, Dramai, Kaju-Mera, Lakaija, Guru Guru, Kiruru-Bai, Timbona, Ilona, Namatote, Umburmeta (Aiduma), Kilvaru, Banda — Ambon, Ternate, Menado, Gorontalo».

Справа поперек листа: «Macloy».

На л. 1 об.: «Ganz er selbst sein darf Jeder nur so lange er allein ist: wer also nicht die Einsamkeit liebt, der liebt auch nicht die Freiheit; denn nur wann man allein ist, ist man frei. Schopenhauer» («Источник: Schopenhauer, 1862. В. 1. S. 446: «Всецело быть самим собою человек может лишь до тех пор, пока он один: кто, стало быть, не любит одиночества, тот не любит и свободы, ибо лишь в одиночестве бываем мы свободны». Шопенгауэр. Т. 3. Вып. XII. С. 375);

Л. 2-й — чистый. Листы 3—65 об. занимают полевые дневники; записи перемежаются рисунками (карандашом и чернилами). Остальные листы заполнены заметками по-русски, по-немецки и по-французски, относящи-

мися к путешествию. Среди них: первые варианты отчета об экспедиции (по-русски и по-немецки), словарь местных слов, календарь путешествия, денежные подсчеты, заметки по этнографии, выписки из иностранных книг. Много записей беглых, сокращенных, полустершихся, с трудом поддающихся прочтению (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 31. Далее: ЗК—1873—1874).

2. Карманная записная книжка обычного типа. При архивной обработке была объединена общим шифром и единой пагинацией с более ранней КЗК, относящейся к плаванью на «Изумруде», занимает здесь л. 12-21. На л. 12: «1873/4: Batavia — Buitenzorg. 1874: Ambon — Neu-Guinea». Записи чернилами и карандашом, начаты в Батавии в мае 1873 г., окончены в Амбоине в феврале 1874 г. Большинство записей беглые, отрывочные, сокращенные, трудночитаемые. Много записей по-немецки и по-французски. При всей фрагментарности КЗК является важным источником для изучения первого этапа путешествия и в ряде моментов дополняет ПД, а также содержит сведения по этнографии населения Молуккских островов и о. Явы (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 30. Далее: КЗК—1873—1874).

3. Карманная записная книжка обычного типа, два листка, архивная пагинация красным карандашом: 1, 4, из чего можно заключить, что были еще два листка, ныне утраченные.

На л. 1: «Mai 1874, o. Kilvaru, 30 April — 23 Mai, Ambon, Juni und Juli». Вокруг — виньетки. КЗК содержит две заметки и рисунок, возможно — воспроизведение орнамента (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 32. Далее: КЗК—1874, 1).

4. Карманная записная книжка обычного типа. Архивная пагинация (л. 1—17) объединила, по-видимому, несколько самостоятельных КЗК, относящихся к последнему этапу путешествия (возможно, четыре). Первая (л. 1—9) имеет заглавную надпись: «Менадо 14.VII 1874» и содержит заметки из Макассара, Сурабайи, Самаранга. Во второй (л. 10—14) находятся заметки из Кильвару и Амбоины. Третья (л. 15) содержит денежные расчеты и заметку о заливе Мак-Клор и о. Буру. Четвертая (л. 16—17) включает заметки, сделанные, видимо, в Самаранге. В большей части записи отрывочные, беглые, сокращенные, многие не поддаются прочтению; ряд записей по-немецки и по-французски (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 41. Далее: КЗК—1874, 2).

5. Разрозненные полевые заметки. Под одним шифром и в общей архивной пагинации собраны различные заметки на отдельных листках, клочках бумаги, полосках кальки: дневниковые наброски с 28 марта по 2 апр., беглые, отрывочные, с многочисленными сокращениями слов и фраз, содержащие дополнения к РПТ и ПД; схематичные контуры островов с ориентировкой на части света и названиями; запись, относящаяся к пребыванию в Амбоине и возвращению в Бейтензорг; текст телеграммы О. Беккари по-итальянски и несколько слов по-немецки (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 37. Далее: РПЛ—1874).

Описанные материалы частью публикуются в корпусе текстов томов настоящего издания, частью используются в комментариях.

⟨Бейтензорг — Амбоина, 1873 г.⟩

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 31 (ЗК—1873—1874). Л. 3—12. ПД. Впервые: СС. Т. 2. С. 13—16, с рядом неточностей и значительной стилистической правкой.

Рукопись довольно чистая, почерк разнообразен, в тексте много сокращенных и недописанных слов. Рисунков нет. На л. 10 об., заполненном позднее, — календарь всего путешествия (печатается нами в Приложениях). Л. 12 об.— 15 оставлены чистыми, по-видимому, Миклухо-Маклай предполагал восстановить здесь дневник с 22 января по 13 февраля. Сохранилось лишь заглавие карандашом вверху л. 12 об.: «Экскурсия в Вай». В дневнике при датировке записей Миклухо-Маклай указывал на полях справа месяц (один раз на все числа), а числа далее отмечал без месяца. В нашей публикации эта особенность не сохраняется.

Плавание из Батавии до Амбоины, попутные высадки и почти полуторамесячное пребывание в Амбоине по существу не отразились в материалах, подготовленных Миклухо-Маклаем для печати, и в его письмах, дошедших до нас. Видимо, ПД не предназначался для публикации. Он тем не менее представляет большой интерес, освещающий один из трудных эпизодов биографии путешественника; кроме того, он содержит научные наблюдения первых месяцев второго путешествия на Новую Гвинею.

Примечания 2, 4, 5, 10, 11, 13, 14, 16, 18—21, 24, 25 сделаны М. А. Членовым; 6, 22, 23, 26, 30 — Д. Д. Тумаркиным, 17 — А. Н. Анфетьевым. Остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ Начальные записи связаны с пребыванием Миклухо-Маклая в Бейтензорге с мая по декабрь 1873 г. Оставив клипер «Изумруд» в Батавии (ныне Джакарта), Миклухо-Маклай избрал местом жительства Бейтензорг (ныне Богор). Этот небольшой город, расположенный в горах в 2,5 часах езды по железной дороге от Батавии, известен своим хорошим климатом. Первоначально ученый снял небольшой домик, а затем переехал по приглашению генерал-губернатора Джемса Лаудона в его резиденцию (о. Дж. Лаудоне и об отношениях Миклухо-Маклая с ним см. в т. 5 и 6 наст. изд.). Здесь Миклухо-Маклай выбрал себе для жилья маленький павильон, находившийся в уединенном уголке парка. О его жизни в Бейтензорге см. письма с июля по ноябрь 1873 г. А. А. Мещерскому, матери, сестре, секретарю РГО (т. 5 наст. изд.). Жалобы на болезнь и крайнюю усталость перемежаются с сообщениями о том, что он «немного работает», с рассказами о времяпрепровождении в непривычных условиях комфорта и ежедневном общении с семьей Лаудона — его женой и дочерьми. В первой записи дневника и далее несколько раз у Миклухо-Маклая прорываются настроения, связанные с его отношениями с одной из дочерей Дж. Лаудона (см. еще в т. 2 наст. изд. Записи в дневнике путешествия по Малаккскому п-ову).

² Резиденты — представители голландских колониальных властей в Нидерландской Индии, стоявшие во главе административных округов на Яве и Мадуре, а также провинций-резидентств в так наз. Внешних владениях (т. е. за пределами Явы и Мадур).

³ Фольц (Volz), возможно, представитель фирмы Dummmler and C^o в Батавии, которая была главным кредитором Миклухо-Маклая в годы его путешествий (1873—1882).

⁴ Лип-лап — обычное в XIX в. пренебрежительное название европейско-индонезийских метисов, вытесненное позднее словом «индо».

⁵ Это утверждение безусловно ошибочно и основано не столько на научных исследованиях, сколько на стереотипных представлениях, бытовавших среди голландцев Индонезии. Большинство европейцев, которых в Нидерландской Индии в 1871 г. насчитывалось 35 841 человек, были временными жителями, мечтавшими о возвращении в Европу по окончании колониальной службы. Непривычные климатические условия и чуждое, зачастую недоброжелательно настроенное окружение породили убеждение, что «нормальный европеец» жить в Индонезии не может. Миклухо-Маклай, сам страдавший от климата и болезней, в какой-то степени воспринял этот стереотип, но как добросовестный ученый поставил его под сомнение.

⁶ Вопросы были, очевидно, предложены голландскому врачу К. А. ван ден Бюрху, интересовавшемуся этой проблематикой. См. о нем в прим. к статье «Один день в пути» в т. 2 наст. изд.

⁷ Миклухо-Маклай неточен, называя январь. Посещение им Тидоре и ответный визит султана на клипер «Изумруд» относятся к февралю 1873 г. В АГО (Ф. 6. Оп. 4. № 11) хранится письмо Тидорского султана, подтверждающее факт передачи в дар Миклухо-Маклаю мальчика по имени Джамури Ахмат. Письмо на гербовой бумаге, написанное на малайском языке арабским алфавитом, скреплено печатью. На отдельном листе — изложение письма на английском языке. О подробностях, связанных с передачей Ахмата, см. в газетных отчетах о выступлениях Миклухо-Маклая в Петербурге в 1882 г. (Новое вр. 1882. № 2373 и др.).

⁸ Краткая (перечеркнутая) запись об этом под заглавием «Суеверия относительно вулканов на Яве» — в КЗК—1873—1874 г. Л. 21 об.

⁹ Имеется в виду экскурсия, которую Миклухо-Маклай совершил во время стоянки «Изумруда» в Тернате. В КЗК (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 28) сохранилась краткая заметка «Экскурсия на пик Тернате», не поддающаяся полному и связному прочтению. Здесь говорится о «многих проводниках», которые должны были прорубать дорогу в зарослях тростника; имеются карандашный набросок кратера, отметки о температуре в разное время суток.

¹⁰ В КЗК—1873—1874, л. 17 — краткая запись об этом с пометой: «Сурабая, 20 дек. 1873 г., узнал от г-на Матцена».

У многих народов Индонезии в соответствии с требованиями племенной религии и обычного права практиковались различные формы обрезания (преимущественно в виде инцизии, т. е. надрезов на крайней плоти, а не удаления ее). К ним относится и обрезание девочек — клиторидектомия. Мусульманские народы Индонезии, в том числе и яванцы, о которых идет речь в тексте, практикуют так наз. циркумизию, т. е. удаление крайней плоти, что и описано здесь Миклухо-Маклаем.

¹¹ Правильная транскрипция слова, обозначающего описываемый обычай, — «джомбут». К этой теме Миклухо-Маклай вернулся позднее в специальной статье (см. в т. 3 наст. изд.).

¹² В КЗК—1874, 2, л. 15 есть еще заметка на тему отравления: «На о. Буру существует способ отравления при посредстве мух, которых напиваются ядом; они садятся на стакан сагуера и отравляют напиток и людей». О сагуэре см. прим. 63 ко «Второму путешествию...»

¹³ Правильнее — Симпанг, один из основных европейских кварталов Сурабаи, где находился дворец резидента Восточной Явы.

¹⁴ Упомянутый здесь обычай яванцев представляет своеобразную разновидность обрядов так наз. кувады, довольно широко распространенных у различных народов; смысл их — в символическом подчеркивании связей отца с новорожденным, что осуществляется через определенные действия и запреты. В данном случае муж беременной женщины символически воспроизводит акт рождения.

¹⁵ В КЗК—1873—1874, л. 16 об.—17 краткая запись: «Табу существовало и существует на Яве...», с пометой: «Сурабая, 20 дек. 1873 г. узнал от г-на Матцена». Дополнительно здесь же: «5. При родах *<1 нрзб>* рубашки мужа должны быть расстегнуты, ящики, двери, окна растворены, рожающая должна лежать по направлению течения реки. Все это требуют акушерки на Яве. 6. Акушерка садится на постель против ♀, упир[ается] ногами в ягодицы последней и ожидает *<1 нрзб>* часы, дни родов, которые если не идут быстро, заставляют акушерку бранить *<1 нрзб>*».

¹⁶ Одоардо Беккари (1843—1920) — известный итальянский натуралист и путешественник. В 1871—1872 гг. вместе с д'Альбертисом совершил путешествие на юго-западный берег Новой Гвинеи в район залива Тритон. Им не удалось осуществить высадку в заливе Утанате — там, где находились остатки построенного голландцами в 1828 г. форта Дю Бюс. Путешествие было прервано из-за болезни д'Альбертиса. Незадолго до встречи с Миклухо-Маклаем О. Беккари совершил поездку из Амбона на о-ва Кей и Ару, а 6 октября 1873 г. переехал жить в Макасар. Позднее, в 1875—1876 гг., Беккари удалось совершить два крупных путешествия в северную часть Западной Новой Гвинеи.

¹⁷ О. Беккари оставил об этой встрече следующую запись в своем дневнике: «23 декабря. Сегодня в Макасар прибыл с Явы русский путешественник Маклай, и я с ним встретился. Это симпатичный юноша, общение с которым, продолжавшееся всего несколько часов, породило нечто большее, нежели простое знакомство. Поскольку он очень утомлен и не чувствует себя расположенным к писанию, он поручил мне передать известия о нем в Европу через посредство (Итальянского) географического общества. Через несколько дней он отправится в Амбоину, где хочет готовиться к возвращению на Новую Гвинею. Желая прожить несколько месяцев среди папуасов какой-либо части Новой Гвинеи, намного удаленной от той, которую он уже посетил в минувшем году, он думал отправиться на *<реку>* Утанату, но я посоветовал ему поехать в более гористое место, потому что нашел его очень ослабевшим и на вид страдающим от лихорадок. Возможно, он поедет в бухту Тритон и будет заниматься почти исключительно антропологией. Он зафрахтует на Амбоине парусник, подобный тому, который нанимал я, и прикажет отвезти себя в избранную местность. Генерал-губернатор Нидерландских Индий твердо пообещал послать через несколько месяцев государственный пароход, чтобы его забрать.

Я дал ему рекомендательное письмо своему другу Краю, от которого он несомненно получит всю возможную помощь. Совершенно особый тон, в котором составлено рекомендательное письмо, чрезвычайно облегчит ему путешествие, но поистине досадно и вызывает огорчение видеть, что он пускается в путь со здоровьем, находящимся в столь серьезной опасности» (*Beccari O. Nuova Guinea, Selebes e Molucche: Diarii di viaggio/Ordinati dal figlio prof. dott. Nello Beccari. Firenze, 1924. P. 271 sg.*).

О. Беккари выполнил просьбу Миклухо-Маклая передать о нем вести в Европу, написав 26 декабря маркизу Дж. Дориа письмо, отрывок из которого был опу-

бликован Гв. Корой в его журнале: «Я был задержан в Макасаре гораздо долее того, чем хотел бы; тем не менее я не сожалею об этой задержке, так как вследствие этого получил возможность встретиться с г-ном Маклаем, прибывшим 23-го текущего месяца в этот порт с Явы. Вчера утром он уехал на Амбоину, откуда готовится снова отправиться на Новую Гвинею. Ввиду того, что его целью является пробыть несколько месяцев среди папуасов, живущих в какой-нибудь части Новой Гвинеи, намного удаленной от той, которую он посетил в прошлом году, он думает, что какая-нибудь местность близ бухты Тритон сможет удовлетворить его желаниям. Его исследования будут касаться не столько естественной истории и географии, сколько антропологии. Вначале у него было намерение отправиться на <реку> Утанату, но я посоветовал ему искать место более гористое по причине его здоровья <...> Я посоветовал ему также нанять некоторых слуг, которые служили у меня, поскольку знаю их по опыту как людей надежных. <...> Могу сказать тебе о г-не Маклае, что это юноша, общение с которым в течение нескольких часов породило нечто большее, нежели простое знакомство. Он бы несомненно принадлежал к нашему *кружку*, если бы жил среди нас. <...> Прошу тебя <...> как только ты получишь это мое письмо, сообщить в (Итальянское) географическое общество и г-ну Коре».

Гв. Кора заключил публикацию письма О. Беккари следующими словами: «Другие сообщения (о Миклухо-Маклае), но очень краткие, поступили в Географическое общество С.-Петербурга и дают те же сведения. Присутствие Беккари поблизости от Маклая даст нам теперь средство получать известия непосредственно от известного русского путешественника» (Cosmos. Di G. Cora. Torino, 1874, vol. 2. Fasc. 1. P. 4—5).

Английский перевод фрагмента из дневника О. Беккари см. в заметке: *Sentinelia C. L. Miklouho-Maclay Meets Sr Beccari* // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1981, vol. 2, N 2. P. 11—13.

О других встречах с О. Беккари см. в дневнике путешествия Миклухо-Маклая по Малаккскому п-ову в 1875 г. (в т. 2 наст. изд.) и в письмах. С О. Беккари встречался на о. Яве также русский путешественник А. И. Воейков (см.: Изв. РГО. 1875. Т. 12. Вып. 6. С. 221 и 507). В 1879 г. О. Беккари направил письмо А. А. Мецкерскому, в котором описал трагическое положение Миклухо-Маклая в связи с его огромным долгом и тяжелым состоянием здоровья. Письмо, опубликованное в русской прессе, получило широкий общественный отклик и имело своим результатом сбор средств в помощь путешественнику (см. об этом: *Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М., 1981. С. 85 и сл.).

¹⁸ Монсун — то же, что муссон: тропический устойчивый сезонный ветер, направление которого резко меняется на противоположное два раза в год. В области Папуа-Новой Гвинеи направление муссона меняется в конце апреля с северо-западного на юго-восточное; эта перемена и преградила путь О. Беккари на восток.

¹⁹ Луиджи Мариа д'Альбертис (1841—1901) — итальянский путешественник, естествоиспытатель и охотник. Сопратник Гарибальди. Вместе с О. Беккари совершил путешествие на Новую Гвинею. Снова вернулся на остров в 1874 г. и занимался исследованием островов Торресова пролива и побережья залива Папуа. Первый среди европейцев совершил плавание вверх по реке Флай. Автор книги «Alla Nuova Guinea» (Roma, 1879). Первая встреча Миклухо-Маклая с д'Альбертисом произошла в декабре 1874 г. в Сингапуре (см. дневник путешествия по Малаккскому п-ову, т. 2 наст. изд.).

²⁰ Гова (иногда также Гоа) — макасарское феодальное государство, включавшее западную часть южного полуострова Сулавеси, о. Салаяр, мелкие острова Макасар-

ского пролива, а также ряд областей на Малых Зондских островах Сумбава и Флорес. В конце XVII в. было подчинено голландцами и стало частью Нидерландской Индии. За султаном были сохранены номинальные права и территория на Южном Сулавеси. Формально просуществовало вплоть до завоевания Индонезией независимости в 1945 г. В 1874 г. властителем Гова был Караэнг Бонтономпо, проводивший политику дальнейшей исламизации. При нем страна приходила во все больший упадок.

²¹ Амок — форма нервного или психического расстройства, при котором человек приходил в неистовство, бежал, нападая на встречных; согласно старым обычаям, впавшего в состояние «амок» убивали.

²² Г. Н. — возможно, Наталья Александровна Герцен (1844—1936) — старшая дочь выдающегося русского революционера, писателя, философа и публициста А. И. Герцена. В 1870-х годах подолгу жила во Флоренции. Миклухо-Маклай познакомился с ней в конце 1860-х годов.

²³ Холерина — общее название острых желудочно-кишечных заболеваний, сходных по внешним проявлениям с холерой.

²⁴ Купанг — город в южной части о. Тимор, административный центр нидерландских владений в восточной части Малых Зондских островов.

²⁵ Дили (в XIX в. называлось также Дели) — административный центр португальских владений на Тиморе, в настоящее время главный город Восточного Тимора, оккупированного Индонезией. Часть жителей Восточного Тимора говорит на папуасских тиморо-алорских языках и по антропологическому облику сближается с австралоидами, к которым относятся аборигены Австралии и папуасы.

²⁶ Амбоина — старое название острова и города Амбон. Административный центр Молуккских островов.

²⁷ О Бату-Гадья см. во «Втором путешествии...», с. 277.

²⁸ См. о них в прим. 17.

²⁹ Имеется в виду путешествие О. Беккари с д'Альбертисом в район залива Тритон в 1871—1872 гг.

³⁰ Кнокель курс (голл.) — лихорадка денге, острое вирусное заболевание, протекающее с лихорадкой, болями во всем теле, воспалением суставов, часто с кореподобной сыпью. Распространена в странах с тропическим климатом. Основным переносчик инфекции — комар *Aedes aegypti*. Об этой болезни см. также в Отчете 1882 г. (т. 3 наст. изд.).

³¹ Здесь ПД обрывается, видимо, в связи с болезнью. В КЗК—1873—1874 есть заметки, относящиеся к дням, не зафиксированным в ПД. В частности, благодаря им становится известно, что 29—31 января Миклухо-Маклай совершил экскурсию по о. Амбон. Здесь на л. 12 указан маршрут: «29 Jan. Ambon, Halong, Passo, Suli, Toleho. 30 — Toleho — Wai. 31 — Wai — Passo — Ambon».

К сожалению, заметки не поддаются цельному прочтению. Под 29 января записаны наблюдения, сделанные в Халонге и относящиеся к домашней жизни (еда, ее приготовление, кормление детей) и семье мусульман). Там же запись: «Встреча с факелами, красиво освещенные кораллы. Встреча пляшущих в деревне, медленные движения, подражающие носильщикам, копьё, щит, палка с перьями, перья в чалме *<1 нрзб>*. Встреча пляшущих у берега папуасов, зелень у ног и рук, хорошо вымазанные углем парики. *<1 нрзб>* Пляшущие *<1 нрзб>* с копьями и щитами, на головах петух, как в Тидоре, с перьями. При *<1 нрзб>* не расставля[ют] ноги. Чекалеле. Париси. 2 щита *<1 нрзб>*».

Второе путешествие в Новую Гвинею
1874 г.

Печатается по рукописи: АИЭ(Л). К-V. Оп. 1. № 297.

Впервые: 1923. С. 426—480. См. также: 1940. Т. 1. С. 293—327; СС. Т. 2. С. 27—37, 40—92. Первая публикация — с копии РПТ, сделанной по поручению Д. И. Анучина (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 82). Текст первой и последующих публикаций изобилует необоснованной правкой оригинала (см. об этом в статье «Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и принципы его издания» в наст. томе).

Рукопись, по которой издается нами текст «Второго путешествия», несомненно является частью РПТ.

Основной текст рукописи выполнен двумя переписчиками. Сличение с сохранившимся ПД (ЗК—1873—1874, л. 15 об.—55 об.) позволяет установить, что Миклухо-Маклай диктовал текст РПТ, держа перед собой ПД, по ходу диктовки исключая из него отдельные места и внося дополнения.

Передиктованный текст подвергся затем значительной и разнообразной правке, которая производилась, судя по почеркам, двумя лицами. Один почерк принадлежит безусловно самому Миклухо-Маклаю: его рукой внесено несколько названий топонимов и сделаны дополнения к продиктованному тексту. Принадлежность второго остается под вопросом. Возможно, что он принадлежит тому же лицу, кто правил часть основного текста РПТ, относящуюся к другим путешествиям. Правка, сделанная им, носит в основном стилистический характер и касается упорядочения синтаксиса, отдельных выражений, слов (типа: вместо «плачевно» — «плаксивым тоном»; «циновку, которая образовывала крышу пироги» — «циновку, служившую крышей пироги», и т. д.). В иных случаях правка нивелировала своеобразие языка автора (вместо «Течение нас поддавало» — «Течение нас несло»), в нескольких случаях правка нарушала смысловую точность оригинала. С другой стороны, его же рукой внесено несколько поправок, уточнений и дополнений, явно подсказанных автором. По-видимому, Миклухо-Маклай не проверял текст после правки его редактора.

Делая фактические уточнения и дополнения при диктовке и правке, Миклухо-Маклай частично мог пользоваться заметками, не дошедшими до нас, частично же восстанавливал что-то по памяти. Следует иметь в виду, что дневник 1874 г. велся в крайне неблагоприятных условиях, поэтому в нем много записей беглых, конспективных, иногда требующих расшифровки. Значительно отличается текст РПТ от записей в ПД за 15, 19, 20, 22 февраля. В ПД отсутствуют: подробности набора людей для экспедиции, выбора прау, смета расходов (18 февр.); рассказ о том, как Миклухо-Маклаю пришлось силой заставить рулевого исполнять обязанности (26 февр.); подробное описание архипелага Мавара и сообщение о наименовании одного из открытых проливов (3 марта); о хине и о болезни Ахмата (21 марта); заключение о диалекте вуюусирау (21 марта); соображения о

преимущества бивуака с подвязываемой койкой (28 марта); о настроении серамдев (11 апр.); сравнение Умбурмету с Айвой (16 апр.); упоминание о том, как Миклухо-Маклай рассмешил своих людей (17 апр.); о поведении капитана Мавары во время плавания (23 апр.). История с захватом капитана Мавары изложена в РПТ по-иному и с другими подробностями, чем в ПД (см. прим. 100). С другой стороны, ряд записей в ПД Миклухо-Маклай в РПТ сократил либо вовсе исключил. В примечаниях мы приводим исключенные фрагменты, представляющие тот или иной интерес.

ПД прерывается записью от 29 марта (л. 44 об.), далее идут оставленные чистыми л. 45—48 об. (на л. 45 проставлена только дата: «2 апр.»), затем записи продолжаются на л. 49 с 6 апреля. Пустые листы явно предназначались для подробного рассказа о трагических событиях в Айве и о первых впечатлениях Миклухо-Маклая по возвращении туда из экскурсии. По-видимому, записи с 29 марта (окончание) по 2 апреля включительно Миклухо-Маклай вел на отдельных листах. Это обстоятельство отразилось и на его работе с РПТ. Диктовка до записи от 2 апреля шла без перерыва. Затем в РПТ было оставлено место и на л. 79 оказались никак не связанные с последней фразой за 2 апреля слова о радях Айдумы и Наматоте. Появление их объясняется просто: ими начинается запись на л. 49 ПД. Таким образом, диктуя текст РПТ, Миклухо-Маклай пропустил описание событий в Айве, так как, видимо, в этот момент у него под рукой не оказалось соответствующих полевых записей. Позднее он восполнил этот пропуск и продиктовал текст, но уже какому-то третьему переписчику и на листах другого оттенка (такой почерк и такая бумага в РПТ более не встречаются). Три листа вшиты между л. 78 и 79 РПТ и не имеют чернильной пагинации (пагинация печаткой: 00271—00273). Остается неясным, влетены ли они самим Миклухо-Маклаем или кем-то позже, в РГО или у Д. Анучина. Во всяком случае, эта вставка не согласована ни с завершающей фразой записи от 2 апреля, ни с начальной фразой записи 6 апреля.

В АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 37) сохранился клочок бумаги в виде узкой полоски листа с беглыми дневниковыми заметками, сделанными карандашом (в обзоре рукописных источников включается нами в состав РПЛ—1874 под № 1). По-видимому, заметки делались в течение дня для позднейшего использования в ПД. Датированы 27 марта—3 апреля, т. е. включают как раз те дни, которые не отражены в ПД. Текст с трудом поддается прочтению, некоторые слова разобрать не удалось. Ввиду фрагментарности и нечеткости источника мы ограничиваемся частичной их публикацией в примечаниях к соответствующим местам РПТ.

Характерной особенностью комментируемого текста является то, что Миклухо-Маклай дает описание путешествия в Папуа-Ковиай, не включая в него записей, относящихся к начальным месяцам (о путешествии до Амбоины и о пребывании здесь, т. е. о событиях с 15 декабря по 14 февраля, он ограничивается лишь несколькими пояснительными фразами в начале) и к обратному путешествию (также дается лишь несколько фраз в конце).

Между тем соответствующие ПД сохранились и представляют несомненный интерес, вследствие чего они включаются нами в издание на правах самостоятельных текстов. Обращаем внимание читателей на то, что текст «Второго путешествия» образует стилистические и смысловые «зазоры» с публикуемыми ПД, явившиеся результатом редакторской работы Миклухо-Маклая над этим текстом и исключения им дневников, относящихся к начальным и заключительным месяцам путешествия.

В тексте «Второго путешествия» осталось несколько пропусков; автор не устранил также разнобоя в написании географических названий, этнонимов и собственных имен, который был уже в ПД и при диктовке отчасти увеличился. Особенно заметен разнобой в оформлении имен и географических названий в косвенных падежах (типа: капитан Мавара — капитан Мавары; в последних случаях Миклухо-Маклай, возможно, колебался относительно того, является ли Мавара личным именем или остается названием острова, т. е. этнонимом). Весь этот разнобой мы не сочли возможным устранить, так как это вызвало бы неоправданную и большую правку.

Примечания 1, 3, 4, 6—10, 14, 17, 23 (част.), 27, 30, 32, 33, 38—40, 44, 46, 48, 50, 60—63, 65, 67 сделаны М. А. Членовым; 11, 23 (част.), 42, 56, 104 — Д. Д. Тумаркиным; 41, 73, 75, 79, 82 — взяты из СС (Т. 2); остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ Крюйсбот — из голл. Kruisboot («краюсбоот»), прогулочный катер.

² См. прим. 50.

³ Генрих Агатон Б. Бернштейн (1828—1865) — немецкий врач, путешественник и естествоиспытатель. В 1853 г. приехал на Яву в должности главного врача курорта Гадок. Занимался орнитологией. В 1860—1863 гг. по поручению колониальной администрации занимался исследованием Хальмахеры и окружающих островов. В 1864 г. отправился во главе экспедиции для исследования Новой Гвинеи и Южных Молукк, умер на о. Батанта у северо-западного побережья Новой Гвинеи.

⁴ Херманн фон Розенберг (1817—1888) — немецкий путешественник и естествоиспытатель. Более 30 лет жил в Индонезии, занимал различные должности в колониальном аппарате Нидерландской Индии. Дважды посещал Новую Гвинею: в 1858 г. Берег Папуа-Ковиай на пароходе «Этна» и в 1868—1870 гг. — северное побережье Западной Новой Гвинеи. В 1874 г. Розенберг вернулся в Европу, где оставался до конца жизни.

⁵ Об Ахмате см.: Бейтензорг — Амбоина. С. 280, а также отчет «Моя вторая экскурсия...» (С. 353).

⁶ Гесир — о. Гесер (или Гесир); вместе с окружающими островами Серам-Лаут, Гором (или Горонг) и восточной оконечностью о. Серам населен народом, который у Миклухо-Маклая и некоторых других авторов называется серамцами и который в современной этнографической литературе получил этноним «гесерцы», что представляет перевод их самоназвания «оранг гесер» («люди Гесера»). В описываемое время восточная оконечность Серама и острова между нею и архипелагом Кей входили в состав султаната Тидоре, феодального владения, подчиненного Нидерландской Индии. Здесь издавна существовал центр торговли с районами Ковиай и Онин на Новой Гвинее. Гесерцы как самостоятельный народ сложились имен-

но вокруг этого торгового центра, который привлекал выходцев из разных концов Малайского архипелага.

⁷ Миклухо-Маклай здесь и в других своих сочинениях передает звучание малайской фонемы *j* (дж), звонкой альвеолярной палатализированной аффрикаты, через сочетание «дь» вместо «дж». Такая транскрипция все же не совсем адекватно передает этот звук, уже хотя бы потому, что русский разъединительный мягкий знак по существу тождествен согласному «й», так что слово «радьа» можно переписать как «радьй». Этот согласный, однако, не звучит в малайском, как *j*. Поэтому русскую транскрипцию *j* как «дж» следует все же признать более удачной; соответственно «раджа», «гаджа», «джумбут» и т. д. будут более точно передавать звучание соответствующих слов.

⁸ На территории расселения гесерцев существовало несколько феодальных владений, возникших, очевидно, под влиянием северохальмахерских султанатов, владевших этой территорией и контролировавших торговлю с Новой Гвинеей. Крупнейшим было княжество Амар на о. Гором, во главе которого стоял раджа. Княжество Килмури на востоке Серама управлялось властителем с титулом «раджа муда», т. е. «младший раджа». Во главе тех или иных мелких островков или отдельных населенных пунктов стояли традиционные лидеры с титулами «майор», «капитан» (оба термина заимствованы из португальского языка), «пати» или «оранг-кая». Они могли быть или подчинены какому-то другому феодальному правителю или, как, например, майор Гесира и оранг-кая Квауса, считаться самостоятельными властителями. В XIX в. все эти должностные лица считались вассалами султана Тидоре, который в свою очередь был вассалом нидерландской короны.

⁹ *Прау* (мал. *perahu*) — общее название для любого вида местных судов.

¹⁰ Малайцами Миклухо-Маклай называет представителей всех береговых народов Малайского архипелага, так наз. торговых этносов (см. об этом: Членов М. А. Население Молуккских островов. М., 1976. Глава 3). Они противопоставлены у него «папуасам», к числу которых он относит не только все население Новой Гвинеи, но также и негритосов Юго-Восточной Азии и даже переходные монголоидно-австралоидные типы на Тиморе и Малых Зондских островах. В данном случае под малайцами имеются в виду гесерцы Восточного Серама и амбонцы.

¹¹ *Урумбай* — небольшое парусное судно с заостренными и высокими носом и кормой, без палубы, но с каютой в виде хижины посередине.

¹² В ПД (л. 16) запись от 19 февраля: «Написать резиденту о многих жалобах». Письма, упомянутые здесь, до нас не дошли.

¹³ В ПД (л. 17) карандашный рисунок урумбая с подписью: «Описание урумбая»; для обозначения разных его частей оставлено место.

¹⁴ Саго — продукт, получаемый в результате обработки сердцевины саговой пальмы, составлял один из основных видов питания в этом регионе. Саговую муку, добываемую из сердцевины, прессовали в тесто и хранили в форме колбасок, завернутых в пальмовые листья. Эти «колбаски» Миклухо-Маклай и называет здесь «кусками».

¹⁵ В ПД (л. 17 об.) здесь вклеен листок с рисунком тушью: на фоне гористого берега и нескольких домов — судно в заливе. Подпись: «Гесир 22. II 1874».

¹⁶ Список имен, отсутствующих в РПТ, сохранился в ПД (л. 16): «1. Радья Кильвару, 2. Радья Килу, 3. Майор Гесир, 4. Майор Кефинг, 5. Капитан Кильтай, 6. Оран-кая Кваус (по старшинству) дали мне следующих людей:

1. Тагар	}	Гесир	10. Мой	}	Кваус
2. Икат-Сера			11. Марину		
3. Муй Хамис			12. Аrobi	}	Кильтай
4. Кома			13. Карамута		
5. Малоху			14. Стенберг	}	Кефинг
6. Аrobi-Кильвару	}	Килу	15. Палембан		
7. Мой Бирит			16. Кохиама		
8. Тамба					
9. Каболь					

Ср. также аналогичный список — с некоторыми разночтениями — в письме Миклухо-Маклая генерал-губернатору (1874 г., без даты. См. в т. 5 наст. изд.). Также с разночтениями некоторые имена приводятся в ЗК—1873—1874 (см. ниже прим. 83). Перечень гесерцев повторен там же, л. 16.

¹⁷ Бугисы, или бугийцы, — народность на Южном Сулавеси.

¹⁸ В ПД (л. 17 об.) говорится о письмах в РГО и Мецкерскому. Письмо секретарю РГО из Гесера было напечатано: Изв. РГО. 1874. Т. X. № 6. Отд. II. С. 232—233 (оба письма см. в т. 5 наст. изд.).

¹⁹ В ПД (л. 18) дополнение: «Отправился в деревню, где был встречен оран-кая. Хижины на сваях, из толстых деревьев. Стены и крыши — атап, кажутся грязными. Они довольно большие и разделены на несколько комнат невысокими перегородками. Отправился по берегу в дер. Дулак, где есть хорошая речка. Папуасский характер физиономий преобладает. По случаю дождя остался несколько времени в хижине оран-кая. На многих деревьях поваленных были особенно сплетенные пальмовые листья, которые означали, что эти деревья должны быть неприкосновенны — саси-помали (название на Тиморе, Ару, Кей, Серанге и Серам-Лаут)».

Упоминаемый в этом отрывке *атап* (мал.) — пласт особым образом связанных листьев ниповой или саговой пальмы; употребляется для покрытия крыш и иногда при изготовлении стен хижины. Словом *помали* (правильнее *памали*, мал.) называли какой-либо знак, делавший предмет или место запретными, равно как и соответствующие предметы или места. Обычай «помали» был широко распространен на островах Малайского архипелага и на Новой Гвинее (здесь он был известен под своими названиями) .

²⁰ В ПД (л. 18 об.—19) приводится ряд слов языка ватубела (см. публикацию в т. 3 наст. изд.).

²¹ В ПД (л. 19): «Лестница, которая поверху была украшена резьбою».

²² Эпизод с рулевым в ПД отсутствует.

²³ Берег Папуа-Ковиай — устаревшее название части юго-западного побережья нынешнего Ириан Джая (западной части Новой Гвинеи) к востоку от п-ова Бомбераи (Папуа-Ониин). Ковиай до начала XX в. — название небольшой области с центром на о. Наматоте. Раджа Наматоте считался подданным султана Тидоре. Торговые связи Ковиай с островами Малайского архипелага и тем самым его вовлеченность в великие торговые пути, связывавшие Юго-Восточную Азию с Европой, прослеживаются по крайней мере с XVI в. Из Ковиай вывозили дикий мускатный орех, кору масои (*Massoia aromatica*) — дерева из семейства лавровых, трепангов, перламутр, жемчуг. Как и на Малайском архипелаге, торговые центры на Новой Гвинее располагались на маленьких островах, лежавших вблизи от побережья крупных островов. Вокруг таких торговых центров происходил процесс

консолидации выходцев из различных районов Малайского архипелага с местным населением в специфические «торговые этносы», часто с австронезийским, а не папуасским языком. В Ковиай центры торговли располагались на островках Ади, Наматоте, Айдума, Лакахиа. Вокруг них были расселены ковиайцы, говорящие на австронезийском языке, и папуасские племена вуоусирау и маираси. В настоящее время термин «Ковиай» вышел из употребления. Район этот называется теперь Каймана, по одноименному городку, ставшему в послевоенный период административным центром бывшего Берега Папуа-Ковиай.

²⁴ В ПД (л. 20 об.) карандашный набросок скал, с подписью: «Рисовал при лунном свете».

²⁵ В ПД (л. 21) за 28 февраля — карандашный рисунок контуров берега, с подписью: «Юго-восточный берег Triton's-bay», с подробными географическими обозначениями.

²⁶ В ПД (л. 21 об.): «несмотря на предостережения Сангиля, вооруженный записною книгою, зонтиком и небольшим револьвером».

²⁷ Торговые этносы имеют смешанное происхождение. В сложении населения Папуа-Ковиай участвовали местные жители, папуасы, и представители индонезийских народов, в первую очередь гесерцы, но также бугисы, амбонцы, кейцы, летийцы и др.

²⁸ В ПД (л. 23) дополнение: «Это была столица, покинутая царем Айдумы».

²⁹ В ПД (л. 21 об.) карандашный набросок, с подписями: «Пролив между Семеув и Мавара», «Semeuv» (над левым берегом), «Mavara» (над правым).

³⁰ В 1828 г., после того как голландская колониальная администрация объявила о присоединении части Новой Гвинеи (к западу от 141° в. д.) к Нидерландской Индии, была предпринята попытка реально там закрепиться. С этой целью в заливе Тритон был построен форт и оставлен небольшой гарнизон, просуществовавший до 1836 г. Большинство европейцев, участвовавших в этом предприятии, погибло от малярии и берибери, буквально косивших солдат гарнизона.

³¹ В ПД (л. 23 об.): «Подъехала пирога с радьей Айдума, этим прогнанным царем».

³² Хотя войны и разбойные морские экспедиции оказывали большое влияние на мобильность населения и на миграции, все же Миклухо-Маклай едва ли прав, усматривая в них чуть ли не единственную причину этих явлений. Специфический хозяйственно-культурный тип прибрежных рыболовов и возделывателей клубнеплодов, доминирующий в береговой зоне Западной Новой Гвинеи, не только в Ковиай, но и в более северных районах, предполагает сезонные миграции внутри ограниченной хозяйственной территории.

³³ Находка Миклухо-Маклая несомненно связана со следами «политики гербовых столбов», которую голландские колониальные власти начали проводить в 1848 г.: военные корабли, регулярно объезжая берега западной части Новой Гвинеи, устанавливали в гаванях и торговых центрах столбы с укрепленным на них нидерландским гербом. Эта работа продолжалась вплоть до основания первых постоянных административных центров в 1898 г.

³⁴ В ПД (л. 25 об.): «Трудно представить себе более убогое жилье. Небольшой навес служил, вероятно, спальнею свиты короля. Прогнанное величество снова начало свои lamentации».

³⁵ В ПД (л. 26) карандашный набросок, с подписью: «Вид пирамидальных грибов».

³⁶ Елена Павловна (1806—1873) — вел. кн., вдова вел. кн. Михаила Павловича, брата Николая I. Ее дворец в Ораниенбауме был культурным центром Петербурга.

Осенью 1870 г. П. П. Семенов привез Миклухо-Маклая в Ораниенбаум и представил Елене Павловне. Из письма П. П. Семенова: «В Ораниенбауме, т. е. при дворе вел. кн. Елены Павловны, очень интересуются Вашим будущим и Вашими прошедшими путешествиями, и Вашей жизнью, а поэтому желают с Вами познакомиться. Если Вы согласны на такое знакомство, то приезжайте за мною в воскресенье поутру на дачу со вторым поездом, даже с первым; мы поедем вместе в Ораниенбаум» (ААН, Ф. 143. Оп. 1, № 40). Елена Павловна проявила живой интерес к планам путешествий Миклухо-Маклая, оказала содействие его намерениям попасть на «Витязь» и передала рекомендательное письмо П. Н. Назимову.

³⁷ Миклухо-Маклай постоянно употреблял слово «материк» применительно к Новой Гвинее, имея в виду отношение «главного» острова к прилегавшим мелким островам. Такая традиция употребления этого слова в Океании идет еще от Дж. Кука.

³⁸ Алифуру, или альфуры (из амбонского диалекта малайского яз.) — жители внутренних районов крупных островов Молуккского архипелага (Серама, Хальмахеры, Талибау), сохранившие племенные верования. Это название употреблялось для обозначения небереговых жителей также за пределами Молуккских островов, в районах, входивших в сферу влияния северохальмахерских султанатов Тернате и Тидоре, в том числе на Северном Сулавеси и на Западной Новой Гвинее. В данном случае под алифуру имеются в виду папуасские племена вуоусирау и маираси, населявшие горные области над Ковиан.

³⁹ Имеется в виду: *Rojer G. Reis van Amboina naarde Z. W. en N. Kust van Nieuw Guinea gedaan in 1858 met Z. M. Stoomschip Etna*. Amsterdam, 1862. Экспедиция военного парохода «Этна» под командованием капитана Г. Ройера была послана властями Нидерландской Индии с целью найти место для основания административного центра в западной части Новой Гвинее. В марте—июле 1858 г. экспедиция посетила Берег Папуа-Ковиай, где достигла залива Лакахия, сев.-вост. Оконечности п-ова Чендравасих (Вогелкоп) и залива Гумбольдта. В ходе работы были собраны ценные сведения об этих районах.

⁴⁰ *Xongu* — слово из тернатского языка, обозначает «военный поход», «набег». В амбонском диалекте малайского языка это слово приобрело специфическое значение: «карательная военная экспедиция с целью уничтожения гвоздичных и мускатных деревьев». Нидерландская Объединенная Ост-Индская компания, захватив в XVII в. Молуккский архипелаг, в целях установления монополии на торговлю пряностями ограничила территорию их возделывания только Амбонскими островами, островами Банда и несколькими островками у побережья Хальмахеры (Тернате, Тидоре, Макиан и др.). Во всех остальных местах пряности систематически уничтожались в течение более 200 лет. В 1657 г. Объединенная Ост-Индская компания заключила с султаном Тидоре контракт, по которому, признавая права султана на Новую Гвинею, она возложила на него обязанность регулярного выкорчевывания на этом острове гвоздичных и мускатных деревьев. Экспедиции, снаряженные с этой целью, и получили название «хонги» (Миклухо-Маклай называет их также «хонгин»). Они носили откровенно разбойничий характер и сопровождалась грабежом местного населения, часто под предлогом борьбы с пиратством.

Официально хонги были отменены в 1824 г., но практически продолжались почти до конца XIX в. Их проводили не только тидорцы, но и тидорские наместники на Новой Гвинее, такие как раджа Наматоте и раджа Онина. Система хонги, длившаяся несколько столетий, конечно, стимулировала рост пиратства и разбоя

в подвластных Тидоре районах Новой Гвинеи и приводила к дестабилизации социальной структуры и экономики.

⁴¹ Здесь Миклухо-Маклай допустил ошибку, которую сам исправил в 1882 г. в своем докладе РГО (см. т. 3 наст. изд.). В этом докладе он отмечает, что вид кенгуру, изученный им в Айдуме, «приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста и из скачущего животного стал лозящим, почему живет большей частью на деревьях».

Саломон Мюллер (?—1864) — известный немецкий зоолог, один из пионеров научного изучения фауны Малайского архипелага и Новой Гвинеи. В 1828—1829 гг. совершил путешествие на юго-запад Новой Гвинеи и о. Тимор, в 1830-е годы работал на Суматре и Калимантане. По-видимому, Миклухо-Маклай имеет в виду: *Müller Salomon. Reizen en onderzoekingen in den Indischen Archipel in de jaaren 1828 en 1836. Deel 1. The Hague 1857.*

⁴² Галела — историческая область и селение на северном полуострове крупнейшего молуккского острова Хальмахера.

⁴³ Данный текст является пояснением к схеме ловушки. Схема приведена в ПД (л. 31) и публикуется в наст. томе (с. 312).

⁴⁴ Рассказ раджи Айдумы можно считать первым в истории науки сообщением (полученным непосредственно от аборигенов) о пигмеех Новой Гвинеи, в частности о пигмейском племени голиаф, открытом позднее как раз в этой местности. Сообщение, зафиксированное Миклухо-Маклаем, намного предшествует первому печатному известию о пигмеех на Новой Гвинее (см.: *Krieger M. Neu-Guinea. Berlin, 1899. S. 143*). Аналогичная запись, но полученная от раджи Наматоте, имеется в РПА—1874, 1, от 30 марта. Утверждение раджи, будто мертвых выкапывают и едят, конечно, не соответствует действительности.

⁴⁵ В ПД (л. 32): «но надо, приходится оставить его. Урок: не следует привязываться ни к чему и ни к кому! *Sonst «Mein Ruh ist hin!»* (иначе «пропал мой покой!» — нем.). Слова в кавычках — цитата из трагедии Гете «Фауст» (Ч. 1. «Комната Гретхен»). Далее в ПД: «Последние дни я очень не в духе по случаю болезни, и даже разные новые губки и кое-какие мысли не развлекают меня».

⁴⁶ Более правильная транскрипция слова — *каджанг*.

⁴⁷ Дата восстанавливается нами по смыслу текста.

⁴⁸ *Тифа* — небольшой односторонний барабан, распространенный в Восточной Индонезии и на западе Новой Гвинеи. Представляет собой полый усеченный конус, выдолбленный из твердой древесины, длиной 30—50 см. Широкий конец тифы обтянут козьей или оленьей кожей, закрепленной бамбуковыми растяжками на корпусе барабана. Узкий конец, заканчивающийся обычно небольшим растремом, остается открытым. При игре тифу держат под мышкой левой руки обтянутым концом вперед и бьют по нему обеими кистями рук.

⁴⁹ См. выше прим. 19.

⁵⁰ *Хуком* — не имя, а титул; в переводе с малайского, вернее с амбонского диалекта, означает «судья». В данном случае это не указывает на его судебские функции, а является почетным титулом, присвоенным племенному вождю. Такая титулатура бытовала и на самих Молуккских островах — ср. имя одного из слуг Миклухо-Маклая: Давид Хуком.

⁵¹ В ПД далее (л. 35): «Чтобы остановить подольше большинство моих спутников, у которых были папуасские, а не европейские ноги, я роздал немного табаку и предложил им покурить и ответить на несколько вопросов».

⁵² В ПД (л. 35 об.): «Приходилось перелезать, взбираться и спускаться по стволам поваленных деревьев, что папуасы очень любят».

⁵³ В ПД (л. 37 об.) — карандашный план хижины с обозначением ее частей.

⁵⁴ См. прим. 8.

⁵⁵ Озеру Камака-Валлар Миклухо-Маклай посвятил специальный раздел в статье «Моя вторая экскурсия...», опубликованной на немецком языке в 1876 г. (см. т. 3 наст. изд.), где в основном повторяется содержание дневниковых записей.

⁵⁶ Минагаси (вернее — минахаса) — народность, живущая в северной части о. Сулавеси.

⁵⁷ На о. Лусоне (Филиппины) Миклухо-Маклай побывал в марте 1873 г. во время плавания на «Изумруде» (см. его заметку в т. 3 наст. изд.).

⁵⁸ В ПД (л. 40 об.) сообщается, что Миклухо-Маклай, выполняя свое обещание, принес вечером папуасам бутылку араки. «Водка действовала на папуасов замечательно быстро; едва они выпивали рюмку, как голос изменялся и потом немного спустя движения становились неверными. Дождь и усиливавшееся опьянение дикарей заставили меня вернуться».

⁵⁹ В ПД (л. 38 об.) этому предшествует запись: «Приказав сняться, я был занят уборкою приобретений вчерашнего дня и был очень удивлен, когда, вышед через 1/2 часа, увидел, что урумбай окружен пирогами туземцев и Сангиль торгуется с папуасами, выменивая масой, черепаху, трепанг на саго (за который я заплатил) и на табак (который я ему дал). Я был очень рассержен и очень резко сказал ему, что если он хочет оставаться со мною, торговля его должна прекратиться — и сейчас же. Он очень растерялся, папуасы тоже струсили и поспешно отделились от урумбая на почтительное расстояние. Я потом досадовал, что был причиною этой сцены, капитан К.-Мера струсил также и побоялся приехать на урумбай, чтобы сопутствовать мне, и я таким образом не мог узнать названия многих местностей при дальнейшем плавании».

⁶⁰ В этом сообщении отразился процесс зарождения торгового центра и торгового этноса. На самом первом этапе на маленьком острове никто не живет постоянно. Сюда, как на нейтральную территорию, приезжают, как бы на ярмарку, местные папуасоязычные жители и торговцы из Серама, Сулавеси или близлежащих районов самой Новой Гвинеи. Со временем в таких местах, если торговля становилась оживленной, оседают люди, так или иначе с этой торговлей связанные, так возникает ядро торгового этноса. В Лакахии этот процесс не дошел до конца, хотя в начале XX в. на о. Лакахия уже было постоянное поселение; существует оно и сейчас, но уже не как торговый, а как административный центр.

⁶¹ Более правильная транскрипция малайского слова «мыс» — не «гандион», а «танджунг».

⁶² Д. Х. Колфф — голландский офицер, командовавший экспедициями в южную часть Молуккских островов и на Папуа-Ковийи в 1826 г. Опубликован отчет: *Kolff D. H. Reize door den weinig bekenden zuidelijken Molukschen Archipel en langs de onbekende Zuidwestkust van Nieuw-Guinea*. Amsterdam, 1828.

⁶³ *Сагуэр* — распространенное на Молуккских островах название браги, приготовляемой из сока плодов аренговой (или гомутовой) пальмы.

⁶⁴ О посещении водопада во время высадки в заливе Праслин никаких сведений в сохранившихся полевых материалах Миклухо-Маклая нет.

⁶⁵ По-видимому, имеется в виду описание экспедиции в журнале: *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, Vijfte deel 1862*. Рисунок

водопада Гуру-Гуру опубликован еще в кн.: *Rosenberg H. von. Der Malayische Archipel. Leipzig, 1878. S. 425.*

⁶⁶ В РПЛ—1874, 1: «3 пироги папуасов с саго, которое они меняли за платки».

⁶⁷ Крючковатая, так наз. ложносемитическая форма носа признается одним из характерных признаков папуасского расового типа. Ее нельзя объяснить только обычаем пробуравливания носовой перегородки.

⁶⁸ В ПД далее (л. 42 об.): «Я думаю, что здесь операция пробуравливания (обыкновенно) саговой заостренной палочкой) производится иным образом, чем на Берегу Маклая, потому что там она не оставляет таких следов».

⁶⁹ В ПД далее (л. 43): «Желая предпринять экскурсию, я направился к тому берегу бассейна, около которого горы или по крайней мере береговой кряж был ниже, чтобы, поднявшись, кинуть взгляд по ту сторону берегового хребта; но место это оказалось неудобным: скалы и мангровые болота; вдоль берега толкаясь, отправились мы искать другого и добрались до песчаного берега».

⁷⁰ В РПЛ—1874, 1: «Неудачная попытка пристать в Илона».

⁷¹ В РПЛ—1874, 1: «Тимбона. Хижина. Отправился в лес. Ночь».

⁷² В ПД (л. 43): ONO.

⁷³ Здесь у Миклухо-Маклая ошибка: *Megacerphalon maleo* водится только на Сулавеси. Речь идет о каком-то другом виде сорных кур (*Megarodiidae*).

⁷⁴ Текст ПД здесь обрывается на словах: «Серамцы сказали мне, что видели в трещине 3 черепа, которые я хотел взять с собою» (л. 44 об.).

⁷⁵ У обитателей Берега Папуа-Ковий, как и многих народов Малайского архипелага, существует обычай так наз. вторичного захоронения. Покойника хоронят в земле, а через год кости и череп эксгумируют и после совершения обряда перезахороняют в пещерах или скальных выступах. Видимо, именно такое захоронение нашли спутники Миклухо-Маклая.

⁷⁶ Возможно, что к этому разговору относится схематичный набросок на отдельном листе (АГО, Ф. 6. Оп. 1, № 37. Л. 12) с подписями: На N горы Majamutu, мыс Watwai, NS и S — Kambekjari, на S проч. (*и проч.*) на правой стороне Арора, на левой — Овуа».

⁷⁷ В черновом варианте отчета о путешествии (ЗК—1873—1874, л. 70 об.—72 об.) этот эпизод изложен подробно.

⁷⁸ В ЗК—1873—1874 (л. 72 об.): «На другой день утром те же 5 пирог виднелись у берега около Ваймата. Папуасы вернулись скорее нас другим путем».

⁷⁹ Это обстоятельство, видимо, и определяет тот факт, что именно в районе залива Кируру проходит восточная граница, до которой добирались индонезийские торговцы на Новой Гвинее. Соответственно здесь же кончается зона индонезийского политического и культурного влияния. У южного берега Западной Новой Гвинии вплоть до устья реки Дигул нет ни одного маленького острова, который мог бы служить удобным местом для организации торгового центра.

⁸⁰ Весь текст: «Мы действительно нашли место с черепами ~ решил вернуться в Айву» почти полностью совпадает с черновиком отчета о путешествии (ЗК—1873—1874, л. 70 об.—72 об.), различаясь лишь в некоторых подробностях. В окончательном тексте отчета «Моя вторая экскурсия...» многое отсутствует.

⁸¹ Текст далее: «Вот что я узнал ~ стреляли пулями и дробью» в РПТ записан 3-м почерком (см. выше). В РПЛ—1874, 1 соответственно: «2 апр. Гребли вдоль берега Айдумы до Вайкалы, где встретили папуасскую пирогу с известием о грабеже. Прогребли всю ночь в канале между Мавара и Семеувам. К рассвету — Мавара.

3 апр. Полдень в Наматоте».

⁸² У папуасов Берега Ковиай и у горных племен маираси и вуоусирау был распространен обычай охоты за головами, в основе которого лежит характерный для Юго-Восточной Азии культ черепа. Этот обычай, державший в страхе население деревень по всему Малайскому архипелагу, на своей поздней стадии, которую застал Миклухо-Маклай, стал вырождаться в обыкновенные убийства и грабежи, влекшие за собой нескончаемую цепь кровной мести. Насаживание головы убитой девочки на копье определенно указывает на то, что в данном случае совершалась месть, вызванная охотой за головами.

⁸³ В конце ЗК—1873—1874 (л. 88—88 об.) есть наброски, посвященные драме в Айве: «Оставались Иосиф, Ахмат, Тамба, Марину, Тагар, Стенберг, Палембанг. Иосиф *⟨нрзб⟩* Амбоины.

28 марта *⟨в⟩* 8 часов утра † жену и дочь радья Айдумы, 5 человек ранили (3 чел. убиты).

Не входили в дом, преследуя женщин.

Этот же день вечером. Иосиф, Палембанг, Тамба, Ахмат. Иосиф вернулся в тот же день.

Стенберг с Кефинга: Люди и радья Наматоте, капитан Мавара, 10 прау со своими людьми в тот же день разграбили вещи мои.

вещи для обмена	— около 75	} всего приблизительно на 300 фл.
вино и соки	— около 60	
белье, инструменты	— около 100	
2 коробки браслетов, саго, денденг, рыба	— 30	

В ящике Стенберга нашлись вещи Иосифа и мои.

Майор ничего не делал, не имел ни малейшей власти на людей, торговал и был мне совсем бесполезен.

Люди непослушны, крали и торговали».

⁸⁴ Дата восстанавливается нами по ПД (л. 49), в котором следующая запись предшествует тексту РПТ: «Утром отправился к анакода предложить ему для общей безопасности перемену стоянку и отправить в Вайкалу на о. Айдума; он согласился, видя, что я положительно не хочу остаться здесь. Серамцы с большим интересом следили за разговором».

⁸⁵ В РПТ под этой датой объединены записи ПД от 8, 9, 10 апреля (л. 49).

⁸⁶ В ПД (л. 49 об.): «ген.-губернатору и командиру судна, которое должно будет прийти за мною в Гесир. Душно, дымно, неудобно в урумбае!»

⁸⁷ В ПД далее (л. 49 об.): «Анакода думает вместо Кей испытать счастье в Лакаи. Проходя, видел на краю отвесных скал папуасов, след[ящих] за рыбой и с высоты бросающих копыя, сохраняя вполне равновесие; замечательная ловкость!»

⁸⁸ В ПД (л. 49 об.): «В Умбурмету вода оказывается плохой — болото, но многие другие удобства (вид на море, порядочная стоянка) решили выбор».

⁸⁹ В ПД «Когда выбирал ~ очень надоело» нет.

⁹⁰ Запись под 12 апреля в ПД (л. 50): «Начали строить хижину; много больных, из 16 только 4 здоровых. Хижина маленькая, только для меня: 3 м на 4 длины. Все это время недели 2 как днем очень жарко и мало ветра. Ночью гроза, но вдали; сильная качка».

⁹¹ В ПД (л. 50) перед этим запись от 14 апреля: «Ночью я был разбужен приходом двух пирог папуасов, пришлось все приготовить: ружья, револьверы; полагаться на людей теперь нельзя, но, кажется, как и я, все спали хорошо».

⁹² В ПД (л. 50) после этого: «Пол такой покатый, что только с осторожностью можно ходить по нему».

⁹³ В ПД (л. 50—51 об.) запись отсюда ведется под 16 апреля.

⁹⁴ В ПД (л. 50 об.) карандашная схема в два ряда, один под другим, с подписями: «г. Ламансиери», «Архип. Мавара», «г. Арора», «о. Семеув», «Айва», «Пролив вел. кн. Елены», «Семеув», «г. Камака», «Iris strait».

⁹⁵ В ПД (л. 51) запись об этом сделана в форме, совпадающей по времени с событием: «10 час. вечера. Сейчас пришла пирога» и т. д.

⁹⁶ В ПД (л. 51 об.): «Папуасы снова разбрелись. Думаю вернуться с урумбаем в Гесир, хотя волнение большое и весь день сегодня дует свежий W и WSW! Не хочется одолжаться голландскому правительству и избавиться от присылки парохода». Правильнее по смыслу: «и хорошо было бы избавиться от присылки парохода».

⁹⁷ Дата восстанавливается нами по ПД (л. 52).

⁹⁸ О масое см. прим. автора в статье «Моя вторая экскурсия...» с. 352 в наст. томе.

⁹⁹ В ПД (л. 52 об.): «Так как брат должен дать что-нибудь по уговору всем близким родным невесты, а брат новобрачной теперь в Корасе, то Тагар должен ждать до следующего муссона, чтобы взять жену в Серам».

¹⁰⁰ В ПД (л. 53—54) эпизод с захватом капитана Мавары изложен следующим образом: «После кофе я созвал моих серамских людей и сказал им, чтобы были бы готовы в каждое время сняться, решив вчера вернуться в Гесир, чтобы главным образом предупредить присылку парохода, который по случаю последних обстоятельств должен прийти, как я предполагаю, для следствия. Чтобы удостовериться, действительно ли капитан Мавара прячется в горамской прау, я приказал призвать анакodu и спросил его, прибыл ли Мавара с его матросами. Он отвечал, что нет, но что он со своим прау думает отправиться в Мавару. Я послал Иосифа на горамскую прау удостовериться под предлогом купить масла. Оказалось, что да. Я снова призвал анакodu и спросил, находится ли капитан Мавара на его прау; он, бледнея, отвечал утвердительно. Я объявил ему, что думаю захватить этого человека, грабившего вместе с другими мои вещи, и приказал ему оставаться на берегу, потому что на его прау хотели уже ставить парус, пока я арестую этого человека.

Оставив Давида стеречь хижину, я с несколькими более решительными серамцами и другими амбоинскими отправился на урумбай, так как горамская прау была в нескольких саженях расстояния. После повторенного приказания явиться на урумбай капитан Мавара вышел из каюты; издали была заметна бледность лица и нетвердость движений, особенно когда он сошел в пирогу, которую я послал за ним. Поддерживаясь дрожащими руками, он влез на борт урумбай и тяжело опустился на палубу, произнося дрожащим слабым голосом: «Слаамат, туан, слаамат!» Я спросил его, знает ли он, кто разграбил мои вещи; он отвечал, что «оран алифуру». — Взял ли он и радья муда Наматоте мои вещи? — Нет, он не брал их и не знает, кто их взял.

Все это было произнесено тихим, как бы задышающимся голосом, который при начале фразы каждой сильно дрожал. Этот крепкий человек как бы совсем лишился сил, он судорожно держался руками за палубу, хотя сидел на ней, как бы боясь упасть в пропасть. Я встал, вынул револьвер и, подойдя к капитану Мавара, приставил револьвер к лицу его и сказал стоящим вокруг меня людям урумбая очень громко, чтобы люди на горамской прау и люди на берегу слышали бы мои слова: «Этот человек с радьей Наматоте разграбили мои вещи в Айве, поэтому вяжите его, я его беру *(было: отвезу)* с собой, и г. резидент в Амбоине скажет, что с ним сделают!»

Капитан Мавара при виде револьвера закрыл глаза, совсем опустился, верхняя часть туловища *(далее было нагато: как бы еще более ушла за)* вздрагивала, и руками он делал как бы отталкивающие движения, но совершенно без силы; два человека схватили руки почти без сопротивления и стали вязать их за спиною. С замкнутыми глазами он повторял на мои слова: «Сая, туан, сая!» *(«я, господин, я» — мал.)*.

Видя, что он очень испуган, я ему сказал, что я его не убью и что со временем он вернется назад в Мавару.

Арестование произвело большое впечатление на всех, особенно на папуасов на берегу, и я был одинакового мнения с моими людьми, что не следует теперь терять время и, не отлагая до завтра, уйти в море.

Я вернулся на берег; радья Айдума, не зная, что с ним будет, сидел на берегу, как бы ожидающий приговора; другие папуасы тоже не знали, какой оборот примет для них это дело. Серамцы, которые не знали ничего о моем намерении, стояли тоже в недоумении. Я успокоил старого радью и папуасов Айдумы, сказав, что они мне ничего не сделали худого, поэтому им не следует бояться, я им ничего не сделаю ни теперь, ни впоследствии, когда вернусь наказать других людей Наматоте».

К этому эпизоду Миклухо-Маклай возвращался неоднократно в своих письмах, устных выступлениях и печатных отчетах (см.: «Моя вторая экскурсия...», с. 359; изложение рассказа во время выступления в Петербурге 5 окт. 1882 г.: Нов. и бирж. газ. 1882, № 264). 3 ноября 1874 г. Миклухо-Маклай послал из Бейтензорга баронессе Э. Ф. Раден рассказ о своем путешествии на Папуа-Ковиай, в котором центральное место заняли эпизоды драмы на Айве и захвата Мавары. Текст на франц. яз. (Sassi — Capitan Mavara Prisonnier de Monsieur M. de Maclay en 1874 // АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 36). Черновик (там же. № 37), по-видимому, написан под диктовку переписчиком. Копия с этого письма была переслана в Лондон и опубликована в английском переводе: Incidents of travel in Papua-Koviay (New Guinea). By N. Miklukho-Maklay // Proc. of the Royal Geographical Society, 1875. Vol. XIX. P. 517—521.

Тот же текст по-русски, в сильно отредактированном виде (так, что стиль Миклухо-Маклая был совершенно утрачен) напечатан в газ. «Новое время» (1898, 10/22 июня) в связи с 10-летием со дня смерти Миклухо-Маклая под заглавием: «Н. Миклухо-Маклай. Эпизод моего вторичного пребывания на Новой Гвинее (из рукописи)», с примечанием: «Рассказ этот еще не был напечатан и любезно доставлен нам в подлиннике».

¹⁰¹ В ПД (л. 55): «Когда я вернулся, череп был в моей каюте. Я подарил атап моей хижинны женщиной Айдумы для крыши старого дома. Все это произошло очень скоро, и к часам 11 я вернулся на урумбай; старый радья пожелал следовать мне в Серам, боясь быть убитым, на что я согласился».

¹⁰² В ПД (л. 55): «Ночью надо было мне часто выходить из каюты, т. к. были близко у берега и серамцы по обыкновению спали». Далее (л. 55—55 об.) запись, отсутствующая в РПТ: «24 (апреля). Обогнули южный берег Ади, на о. Тумбу-Тумбу; к нам подошли три пироги людей Теор *(остров в архипелаге Кей)*, которые находятся здесь для ловли черепах. Люди эти представляют смесь малайцев с папуасами, у некоторых курчавые, у других почти что папуасские волосы и физиономии. Пироги хорошо сделаны. SO нас хорошо подвигал до самого захода солнца, вечером шторм, ночью шквалы с дождем от N и затем маловетрие; хотя я часто вставал и говорил направление, урумбай подвигался то на N, то на S, то на W. Утром 25 апр. были немного на SW от Кумавы».

Днем слабый ветер от СЮ, около 2 часов виден был парус шхуны на С. Словил 3 больших рыбы. Штиль, качка».

На этом ПД «Новая Гвинея» заканчивается.

¹⁰³ См. далее публикацию ПД «Возвращение из Папуа-Ковиай».

¹⁰⁴ Вернувшись в июле 1874 г. на о. Ява, Миклухо-Маклай представил генерал-губернатору Нидерландской Ост-Индии Джеймсу Лаудону меморандум о бедственном положении обитателей Папуа-Ковиай. Особое внимание он обратил на морские разбои, организуемые султанами Тидоре и Тернате, и призвал принять меры для прекращения этих злодеяний. Миклухо-Маклай выразил готовность обосноваться в Папуа-Ковиай для защиты его жителей от набегов и для прекращения войн между местными племенами, но его предложение было отклонено. Он вновь поднял этот вопрос в 1876 г. в письме преемнику Лаудона. См. его меморандум «О политическом и социальном положении папуасов Берега Папуа-Ковиай на юго-западном побережье Новой Гвинее», письмо секретарю РГО от 10 ноября 1874 г. и письмо генерал-губернатору Нидерландской Индии от 6 февраля 1876 г. (т. 5 наст. изд.).

Возвращение из Папуа-Ковиай 24 апреля — 30 мая 1874 г.

Печатается по: ЗК—1873—1874. Л. 55 об.—65 об.

Впервые: СС. Т. 2. С. 93—102, с рядом сокращений и с многочисленными стилистическими поправками, заменой отдельных слов и т. д.

Текст — ПД, писался попеременно чернилами и карандашом, почерк беглый, с многочисленными сокращениями слов и недописанными словами. Некоторые места не поддаются полному и точному прочтению.

Миклухо-Маклай не включил эту часть ПД в состав РПТ, ограничившись в этой последней кратким обобщением записей, относившихся к заключительному этапу путешествия. Между тем она не только представляет интерес в биографическом плане, но и содержит немало научных наблюдений. Записи в ПД 2—11 мая, касающиеся отношений Миклухо-Маклая и папуаски Бунгараи, приводятся нами с небольшими сокращениями.

Примечания 1, 2, 6, 9—11, 15, 29, 30 сделаны М. А. Членовым; 7, 25, 26 — Д. Д. Тумаркиным, 16—24 — А. Н. Анфертьевым (им же подготовлены трудночитаемые записи от 13 и 14 мая); 5, 9 — взяты из СС (т. 2). Остальные примечания сделаны Б. Н. Путиловым.

¹ Матабелло — другое название островов Ватубела.

² Контролер, или более точно — контролер при внутренней администрации (*controleur bij het binnenlandse bestuur*) — должность чиновников колониальной администрации Нидерландской Индии, осуществлявших управление небольшими округами (*afdeeling*) в так наз. Внешних владениях. Острова у восточной оконечности Серама, о которых здесь идет речь, в описываемое время составляли часть резидентства Амбоина. Контролеры стояли только во главе двух округов резидентства: собственно о. Амбон и округа Сапаруа. Ни Серам, ни окрестные острова не входили в эти округа, а относились к округу Банда, управлявшемуся

чиновником, занимавшим должность ассистент-резидента. Видимо, название «контролер» употреблено в тексте по ошибке вместо «резидент»: далее говорится о том же самом судне, но с резидентом, а не с контролером на борту. Именно резиденту Миклухо-Маклай передал капитана Мавары.

³ В ПД (л. 56) сюда относятся схемы, выполненные карандашом: четыре ряда, один под другим, с подписями к островам и пометами дат их прохождения.

⁴ В ПД сюда относится, по-видимому, карандашный рисунок: постройки на берегу, деревья, лодка.

⁵ *Денденг* — особым образом консервированное (вяленое) мясо: режется тонкими ломтями, приправляется солью и пряностями, сушится на солнце, под конец жарится в кокосовом масле.

⁶ *Рума битгару* (правильнее *битгара*, мал.) — «дом для разговоров», т. е. общинный дом.

⁷ Имеется в виду джонка (нидерл. *jonk*) — деревянное парусное грузовое судно речного и прибрежного морского плавания, распространенное в Юго-Восточной Азии.

⁸ Имеется в виду следующее место в книге А. Р. Уоллеса (*Wallace A. R. The Malay Archipelago, the Land of the Orang-Utan and the Bird of Paradise. L., 1869. P. 287—288*): «Маленький остров Кильвару — не более чем песчаная отмель... Хотя он не более чем пятьдесят ярдов в ширину и приподнят над высшей точкой прилива не более чем на три — четыре фута, он имеет источники превосходной питьевой воды — странный феномен, который, по-видимому, предполагает наличие глубоко сидящих подземных каналов, соединяющих его с другими островами». Возможно, что Миклухо-Маклай пользовался немецким изданием этой книги *Wallace A. R. Malayische Archipel. Die Heimath des Orang-Utan und des Paradies-Vogels. Zweiter Band. Braunschweig, 1869. S. 104—105*.

⁹ Легенды о хвостатых племенах в Юго-Восточной Азии были широко распространены с XVI в. В основе этих рассказов чаще всего единичные аномалии, случаи рождения индивидов с небольшими мягкими (т. е. без скелетных элементов) хвостовидными придатками. Суангами на Молуккских островах называют лесных духов-оборотней.

¹⁰ *Прента*, правильное *перинта* — приказ, власть (мал.). Здесь имеется в виду, что Серам-Лаут находится под властью Кильвару.

¹¹ *Чикалеле*, правильное *чакалеле* — распространенный на Молуккских островах военный мужской танец. Исполнялся группами в 15—20 человек, одетых в наряд воинов. Танцующие были вооружены копьями и узкими молуккскими щитами *салавату*. Танец исполнялся под удары тифы и в сопровождении песен. Основное па — прыжки. Ранее чакалеле был военным танцем охотников за головами, впоследствии, по мере исчезновения этого обычая, он превратился в танец, исполнявшийся по торжественным случаям, в частности при встречах представителей власти. Миклухо-Маклаю несомненно не раз показывали чакалеле. Здесь он счел нужным специально подчеркнуть наличие в танце театрализованных моментов, отсутствующих в обычном чакалеле.

¹² В КЗК—1874, 1 несколько подробнее: «На холме о. Серам-Лаут под тенью больших *Ficus* находится гробница радий Кильвару, которая состоит из нескольких четырехугольных построек, наполненных землею. Место наз. Аяйлена. Вид на кругом лежащие острова очень красив». Здесь же — карандашный набросок с подписью: «Аяйлена».

¹³ См. подробнее с. 279—280.

¹⁴ Имеется в виду «Моя вторая экскурсия...», датированная 13 мая.

¹⁵ *Tuan besar* — большой господин (мал.). Имеется в виду, очевидно, амбонский резидент.

¹⁶ О хонги Себиара в 1873—1874 гг. см. в статье «Моя вторая экскурсия...» (т. 3 наст. изд.).

¹⁷ *Кора-кора* — разновидность местных судов. В тексте имеется в виду, что на каждом судне было по 40 человек.

¹⁸ Имеются в виду деревни на берегу Папуа-Оним, обложенные тидорской данью.

¹⁹ В ЗК—1873—1874 (л. 62) карандашный рисунок: торс юноши с четырьмя сосками. Подпись: «Лагуа, дер[евня] Денама (Серам)».

Описанное явление заинтересовало Миклухо-Маклая, и позднее он занес на оставшиеся пустыми страницы ЗК—1873—1874 (л. 85—86) выписки из посвященной этому вопросу статьи: *Leichenstern. Ueber das Vorkommen und die Bedeutung supernumerärer (accessarischer) Brüste und Brustwarzen* // Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin. Hrsg. v. R. Virchow. 1878. Bd. 73. H. 23. Здесь, между прочим, было сказано: «Дополнительные груди и соски наблюдались в различнейших странах и у различных народов (...) Обычно имевшее ранее вес утверждение, что полимастия чаще встречается у диких народностей — у коренных жителей Борнео, Малакки и Целебеса, Молуккских островов (...) и пр., чем у цивилизованных народов кавказской расы, до сих пор ничем не было доказано» (S. 237, Anm. 2).

²⁰ Упомянутые здесь Гесир, Кильвару, Серам-Лаут (и ниже — Кефинг) входят в группу островов Серам-Лаут. Кильтай и Кильвару — названия кампонгов на о. Кильвару. Остальные названия требуют уточнения. Текст, видимо, принадлежит к жанру устной генеалогии, характерному для населения Южных морей (см.: *Крюков М. В.* Океан и его аргонавты // *Беллуд П.* Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М., 1986. С. 7).

²¹ Речь идет, видимо, о численности жителей о. Кильвару. Менее чем полвека спустя общая численность населения островов Серам-Лаут оценивалась приблизительно в 6000 человек.

²² Дополнения, введенные нами в угловых скобках в текст, основаны на указаниях в источнике, сделанных Миклухо-Маклаем с помощью соединительных линий. После четырех имен следует неясное для нас замечание (относящееся либо ко всем им, либо к первому): «до Лисботан/ /Сер[ам] бес. (?)».

²³ Фраза в целом читается ненадежно. Судя по соединительной линии, *Там* (если слово прочитано верно) относится к Кефингу. Перед *режь* (прочтение ненадежно) зачеркнуто: *не*.

²⁴ Кто именно женился, из текста остается неясным.

²⁵ В специальном письме на имя ген.-губернатора Нидерландской Индии Миклухо-Маклай среди других преступлений, совершавшихся в колонии, обращал внимание и на судьбу детей, продаваемых в рабство (см. в т. 5 наст. изд.).

²⁶ Папуа-Нотан — район Ириан-Джая (западная часть Новой Гвинеи), именуемый ныне п-овом Чендравасих.

²⁷ О вине Стенберга см. «Второе путешествие»... С. 336.

²⁸ Расчеты по экспедиции см. еще в тексте «Разные заметки. Май—ноябрь 1874 г.», публикуемом в приложениях к наст. тому.

²⁹ Здесь речь идет скорее всего о контролере о. Амбон. Об этом свидетельствует упоминание дер. Хутумури (у Миклухо-Маклая — Утумура), расположенной на

южном, так наз. внешнем берегу южного полуострова Амбона Лентимор. Отсюда можно заключить, что «Бали» прошел из Гесера вдоль южного берега Серама до юго-восточной оконечности Амбона, а оттуда, без захода в порт Амбон, отправился прямо к Банде.

³⁰ Гунунг-Апи — вулканический остров в группе островов Банда.

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (февраль—май 1874 г.)

Печатается по автографу: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 33.

Впервые: СПб. вед. 1874. № 277, под заглавием: «Русский ученый в Новой Гвинее (Письмо г. Миклухо-Маклая г. секретарю Русского географического общества)», с редакционным примечанием: «Считаем долгом заявить нашу искреннюю признательность даровитому и неутомимому путешественнику, в деятельности которого русское общество принимает столь живое участие, и г. секретарю Географического общества за сообщение этого письма в нашу газету».

Статья была опубликована без поправок и купюр.

Следующая полная публикация: Изв. РГО. 1874. Т. 10. № 8. Отд. 2. С. 309—317, с несколькими неточностями. Отсюда — перепечатка: Природа. 1875. Кн. 2. С. 31—38.

Вариант статьи по-немецки: *Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea* (1874) // *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië*. 1876. D. 36. S. 148—179 (см. т. 3 наст. изд.).

Изд. 1923 г. (С. 418—425). По словам его редактора, «отчет составлен по сообщению (печатному) в «Известиях» Географического общества и по статье, помещенной в батавском журнале, которая несколько подробнее русской и в которой некоторые частности выделены в особые параграфы» (с. 17). Однако, кроме нескольких не очень значительных добавлений из немецкого варианта статьи, редактор издания 1923 г. произвел большие сокращения в тексте «Изв. РГО». Помимо мелких поправок и изъятий, были исключены значительные и важные куски: общая характеристика региона («Несколько слов ~ поведет к лучшим результатам»), подробности заключительного этапа путешествия («Что мне в Айдуме ~ я ожидал обстоятельств»; «Я должен был ~ мое решение»); сильно сокращены рассказ о захвате капитана Мавары и общее заключение статьи. Сохранилась рукопись (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 34), испещренная правкой в два слоя (в том числе многочисленными вычеркиваниями) и представляющая собой монтаж статьи из «Изв. РГО» и перевода немецкой статьи. В правленном виде текст совпадает с публикацией 1923 г.; нумерация синим карандашом (с 400 по 411) дает основание включить рукопись в состав общей наборной рукописи 1923 г.

Текст 1923 г. повторен в издании 1940 г. (С. 281—286).

В СС (Т. 2. С. 103—113) были сняты вставки из немецкого варианта (кроме одного небольшого отрывка — с. 103) и восстановлены опущенные места из «Изв. РГО». Текст был подвергнут стилистической правке. При подготовке к печати в СС сохранились опечатки журнальной публикации.

Рукопись (автограф) — на отдельных листах тонкой бумаги широкого формата, писана с одной стороны. В ней 15 листов (авторская пагинация — со второго листа: 1—14). Первый лист — титул; под заглавием и подписью автора — примечание: «NB Для напечатания в СПбургск. ведомостях, затем в Известиях Р. И. Геогр. общ.!» В правом верхнем углу знак: J1. Тот же знак — на следующем листе и также (в форме отсылки) на сопроводительном письме. На титульном листе — следы поправок и дополнений редакторов первых публикаций: приписано заглавие, под которым статья напечатана в «СПб. вед.», примечание редакции газеты, слово «Фельетон», вычеркнуты другие части заглавия автора; затем газетное заглавие зачеркнуто, видимо, редактором «Изв. РГО».

Судя по этим исправлениям, статья в газете и в журнале набиралась по рукописи-автографу.

Хотя статья была закончена в середине мая 1874 г., из-за нездоровья автора переписка ее и отсылка состоялись только в августе (сопроводительное письмо датировано 24.VIII, тем же числом датируется запись в журнале Совета РГО). Статья была получена в РГО 23 сентября (ст. ст.), о чем Миклухо-Маклая извещал в письме от 27 сентября секретарь общества И. И. Вильсон. Уже на заседании Совета 24 сентября было доложено о получении «от Н. Н. Миклухи-Маклая (...) описания его вторичного путешествия на Новую Гвинею» и «разрешено, согласно желанию г. Миклухи-Маклая, рукопись эту доставить в редакцию СПб. Ведомостей и затем напечатать в ближайшей книжке «Известий» (Изв. РГО. 1874. Т. 10. № 8. Отд. 1. С. 341—342). Об этом решении Вильсон также сообщал Миклухо-Маклаю в упомянутом письме. 2/14 октября в докладе И. И. Вильсона о деятельности общества в летнее время было подробно изложено содержание полученного сообщения. В докладе, в частности, говорилось: «Целью второго путешествия на Новую Гвинею наш энергичный и самоотверженный исследователь избрал юго-западный берег (...) В оживленном описании своего путешествия г. Маклай передает свои наблюдения над бытом и нравами туземцев, над природою страны, как прибрежной, так и внутренней (...) а также обстановку своего пребывания, свои отношения к туземцам и обстоятельства, оправдавшие дурную славу (...) местности, а именно враждебные отношения к нему со стороны некоторых племен и грабеж его вещей». Далее излагались некоторые общие наблюдения Миклухо-Маклая, в том числе сопоставление образа жизни папуасов Берега Ковий и Берега Маклая и тревога ученого относительно последствий вероятных контактов папуасов Берега Маклая с европейцами. (Изв. РГО. 1874. Т. 10. № 8. Отд. 1. С. 368—370). Краткий отчет об этой части доклада И. И. Вильсона был напечатан в «СПб. вед.» (№ 273).

В очерках и статьях популярного характера, появившихся в русских журналах в 1875 г. и посвященных путешествиям Миклухо-Маклая, было широко использовано сообщение об экспедиции в Папуа-Ковиай (см., например: *Анугин А. Н.* Н. Миклухо-Маклай и его исследование Новой Гвинеи // *Ремесленная газета*. 1875. № 38—40, 42; Иллюстр. нед. 1875. № 121; *Нива*. 1875. № 34; *Пчела*. Русская иллюстр. 1875. № 32; *Всемирная иллюстрация*. 1875. № 10; *Живоп. обозр.* 1875. № 44, 45).

В ЗК—1873—1874 сохранился первый вариант статьи с заглавием: «Г-ну секретарю императорского Русского географического общества в СПбурге. Сообщ. от 2 мая/21 апр. 1874 г. Моя 2-я экскурсия в Новую Гвинею. Папуа-Ковиай, или северная часть юго-западного берега Новой Гвинеи» (л. 68—74 об.). Из даты следует, что Миклухо-Маклай начал писать свой отчет через два дня после прибытия в Кильвару. В большей части текст ЗК—1873—1874 совпадает с присланным в РГО, но имеется ряд расхождений, как мелких, носящих характер стилистических и фактических поправок и уточнений, так и более существенных. В частности, в окончательную рукопись не попали подробности предотвращения Миклухо-Маклаем столкновения с папуасами деревень Ваймота, Вайк и др. Значимые расхождения приводятся нами в примечаниях к соответствующим местам основного текста.

Рукопись ЗК—1873—1874 обрывается абзацем: «Все это доказывает ~ лучшим результатам». По-видимому, Миклухо-Маклай на время прервал работу над статьей, а затем, вернувшись к ней спустя несколько дней, переписал с поправками и мелкими дополнениями всю готовую часть и дописал остальное прямо набело.

Немецкий вариант отчета был написан в ноябре 1875 г., во время короткого перерыва между путешествиями, и тогда же передан в журнал в Батавии.

Примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ См. письма секретарю РГО от 14 октября и 21 ноября 1873 г. (т. 5 наст. изд.): *Изв. РГО*. 1874. Т. 10. Отд. 1. С. 23; Отд. 2. С. 62—63, 100.

² Куава — южная, гористая часть п-ова Бомбаи.

³ В ЗК—1873—1874, л. 68, далее: «Это деление не политическое и также не основано на антропологической особенности расы. Каждая из этих стран распадается снова на многие независимые племена, которые носят название местности, которую обитают. Так, например, папуа-ковиай отличают людей Наматоте, людей Айдумы, Мавары, Каю-Меры и т. д.».

⁴ В ЗК—1873—1874, л. 69: «ваойсирой».

⁵ Заметка об озере Камака-Валлар была напечатана на нем. языке в качестве раздела статьи: *Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea...* // *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië*. 1876. D. 36. S. 161.

⁶ В ЗК—1873—1874, л. 70 об., далее: «и что во время моей экскурсии в горы Тимбонь несколько человек жило у другого берега, называемого Илоною». Затем это место перечеркнуто.

⁷ Далее в ЗК—1873—1874, л. 70 об.—72 об. «Это были жители не залива, а деревень Ваймота, Вайк *(в рукописи дальше пропуск)* и др. Неожданность появления пирога, многочисленность папуасов, их громкое пение, а главное — известная неблагонадежность жителей особенно этих берегов были причиною, что мои серамбцы были убеждены, что пироги приближаются с намерениями напасть на урумбай. Узнав это *(далее зачеркнуто: и предполагая возможность нападения)*, я приказал на всякий случай 6 человекам гресть, направляясь прямо к пирогам, остальным людям быть готовым к защите и вооружиться своими кремневыми ружьями и парангами, сам дал Давиду (амбоинскому слуге, хорошему охотнику) два двустольных ружья. Я расположился с ружьем-револьвером и ружьем системы Бомон на крыше каюты. Пироги были недалеко, и папуасы могли видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики папуасов смолкли, пироги остановились, ясно было, что папуасы совещались. Я приказал усиленно гресть прямо на группу пирога. Совещание папуасов кончилось тем, что 4 пирога быстро погребли в сторону и только одна, держась в почтительном расстоянии от урумбая, казалось, имела намерение начать переговоры. Когда я ее окликнул, один из папуасов на ломаном малайском языке *(сказал)*, что он начальник деревни *(далее оставлено место для названия деревни)* и что, узнав, что урумбай отправился в залив Тимбона, хотел видеть «туан пути» (белого господина). Я пригласил его на урумбай, на что он не решался, говоря в извинение, что на других пирогах есть начальники других деревень. Я сказал ему, чтобы другие пироги приблизились бы и чтобы все начальники пришли бы на урумбай. В приблизившихся пирогах находилось очень большое количество оружия — стрел и копий, что отчасти подтверждало предположен[ия] серамбцев или доказывало недоверие папуасов относительно урумбая.

Папуасы только тогда решились взойти на урумбай, когда я открыл по их просьбе занавес моей каюты и когда они удостоверились, что нет людей в засаде.

От них я поспешил узнать имена окружающих местностей, кое-что об населении, а также я записал ряд слов их диалекта. Но, несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя спокойно на урумбае, и, пока я записывал слова, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы незаметно перелезли в свои пироги, и велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он остался один.

Забывая даже данный ему табак, он соскочил в свою пирогу. Все они, не прознося ни слова, усиленно стали гресть от урумбая. Легкий шквал позволил мне поставить паруса и отделиться скоро от пирога.

Серамбцы не были несколько успокоены визитом папуасов».

⁸ О хонгиях см. прим. 40 к тексту «Второго путешествия...»

⁹ О номадах см. прим. 32 к тексту «Второго путешествия...»

¹⁰ Имеется в виду, вероятно, статья «Этнол. заметки». Она была опубликована на немецком языке в 1875—1876 гг. в журнале «*Natuurkundig Tijdschrift...*» (см. т. 3 наст. изд.). В переводе с немецкого опубликована в издании 1923 г.; отсюда — в СС (Т. 3. Ч. 1). Судьба русского текста неизвестна.

¹¹ Здесь рукопись ЗК—1873—1874 обрывается (л. 74). Общей характеристике региона, данной здесь и в окончательном тексте, первоначально должен был предшествовать рассказ о событиях в Айве: на л. 73 об. есть начало этого рассказа, затем зачеркнутое.

¹² Более подробное объяснение причин задержки с отсылкой рукописи первоначально в ЗК—1873—1874, л. 75 об. См. в наст. т. с. 379, 453.

Приложения

〈Фрагменты полевого дневника за 1872 г.〉

Печатается по рукописи: РО ГПБ, к. п. 1949, № 82.

Впервые: СС. Т. 4. С. 383—411, с рядом мелких неточностей. Первое описание рукописи: *Лихтенберг Ю. М.* Две вновь найденные рукописи Н. Н. Миклухо-Маклая // СЭ. 1951. № 2. Здесь, в частности, сообщается, что ГПБ приобрела рукопись в 1949 г. у лиц, в руки которых она попала случайно (с. 195).

Рукопись представляет собою тетрадь, сшитую из больших (32,5×20,5 см) двойных листов, плотных, голубовато-серого цвета, без линеек. Судя по водяным знакам, бумага принадлежит к той, которую Миклухо-Маклай приобретал в Лондоне перед путешествием.

Листы пронумерованы красным карандашом в верхнем правом углу. Пагинация начинается с цифры 2 и кончается цифрой 24. Шесть листов (11—16) отсутствуют. Первый лист оторван от всей тетради.

Листы заполнены почти без полей, справа записи часто съезжают вниз, сверху и снизу полей также нет. Почерк очень изменчив. Общий характер записей торопливый, многие слова не дописаны или сокращены. Записи, совпадающие с днями болезни, сделаны неровным почерком, размашисто, в другие дни Миклухо-Маклай старался писать убористо, явно экономя бумагу.

Рукопись хранит следы исправлений, которые Миклухо-Маклай вносил по ходу полевых записей, меняя течение фразы, зачеркивая или приписывая отдельные слова (см. постраничные примечания).

На листах 3, 4 об., 8 об., 23 об. на полях теми же чернилами сделаны рисунки (см. далее примечания); по-видимому, они делались одновременно с записями.

Сохранившийся фрагмент позволяет представить, какой вид имел ПД первого пребывания Миклухо-Маклая на Новой Гвинее. Скорее всего весь он состоял из аналогичных (разрозненных) сшитых тетрадок.

С сохранившейся тетрадкой связан важный этап в работе Миклухо-Маклая над подготовкой новогвинейских дневников к печати. Вернувшись в 1884 г. в Сидней, Миклухо-Маклай не обнаружил в своих бумагах тетрадок ПД за сентябрь—декабрь 1871 г. Тревожась за их судьбу, он в письме к брату Михаилу Николаевичу (с пометой «очень нужное, требующее безотлагательного ответа») попросил разыскать их среди оставленных в Петербурге и передать на хранение в специальную контору до его возвращения в Россию (письма от 23.IV, 30.IV и 10.VIII 1884. См. т. 5 наст. изд.). Не имея под руками первых тетрадок, Миклухо-Маклай вынужден был начать обработку ПД с тетрадки 1872 г.

Видимо, сначала он прочитывал записи, делая при этом карандашные пометы на предмет будущих сокращений, замен и дополнений. Эти

пометы были впоследствии учтены в тексте РПТ (см. наши постраничные примечания). Карандашные пометы обрываются на л. 8 — видимо, Миклухо-Маклай счел такой метод работы с рукописью нерациональным. В дальнейшем он обрабатывал текст прямо «с листа»: либо в процессе диктовки, либо переписывая часть текста сам.

Сопоставление сохранившейся тетрадки с подготовленным к печати текстом показывает характер работы Миклухо-Маклая. Выясняется прежде всего, что ПД был для него если не единственным, то безусловно главным и преобладающим источником, определявшим композицию, объем и границы текста РПТ. Редактируя полевые записи, Миклухо-Маклай много внимания уделял совершенствованию стиля. Но главное — он подверг ПД многочисленным сокращениям за счет фактов, с его точки зрения второстепенных и случайных, повторений, записей о болезнях, о трудностях жизни и т. д. Исключались также наблюдения, в точности и надежности которых Миклухо-Маклай не был уверен полностью. Некоторые записи он сильно перередактировал. В то же время в окончательном тексте есть добавления, внесенные частично по памяти и тем самым восполняющие либо исправляющие полевые записи, частично же имеющие характер обобщающих наблюдений.

В ходе редактирования ПД Миклухо-Маклай опускал большие куски (достаточно сказать об исключении из РПТ записей о лихорадке), но одновременно в какой-то степени расширял и углублял содержание дневника, придавая ему характер законченной книги о 15-месячном пребывании на берегу Новой Гвинеи.

В Сиднее Миклухо-Маклай обработал часть дневниковых записей (с 1 по 13 января) для публикации на английском языке. Сохранилась рукопись на английском языке (ксерокопия рукописи прислана нам из Сиднея внуком Н. Н. Миклухо-Маклая Робом Маклаем), состоящая из 22 отдельных листов (необычной длины), исписанных на одной стороне. В каждом листе основной текст заполняет его левую сторону, а правая оставлена для дополнений и поправок (и частично использована с этими целями). Такая манера характерна для тех рукописей Миклухо-Маклая, которые он считал первыми редакциями, требовавшими некоторой доработки и исправлений. Почерк основного текста принадлежит Маргарите Миклухо-Маклай, из чего можно заключить, что она писала под диктовку мужа. В рукописи несколько слоев правки. Первый слой, очень небольшой по объему, можно считать правкой Миклухо-Маклая и его жены, остальные (по крайней мере два) принадлежат позднейшим редакторам и не могут быть признаны авторизованными. Исправления в них касаются стиля, нередко они столь значительны, что полностью меняют характер фраз и целых периодов. Можно заметить, что исправлявшие текст не располагали никакими другими источниками и знаниями и в процессе правки допускали ошибки и искажения фактического порядка. Частично эта правка отразилась в журнальной публикации. См.: *Some Fragmentary Notes. By the Late Baron Mikloucho Maclay, Astrolabe Bay, North-East*

Coast, New Guinea // *Journal of the Royal Geographical Society of Australasia*. 1897. Vol. 5. N 5. P. 111—116. (Первоначально в рукописи, не имевшей заглавия, наверху первой страницы была только дата — 1872, соответственно оригиналу ПД.) Ф. Гриноп, обнаруживший рукопись в архиве Королевского Австралийского исторического общества (Сидней), опубликовал неполный текст ее в своей книге, сняв часть поздней правки. См.: *Greenop F. S. Who Travels Alone*. Sydney, 1944. P. 78—85 (без записи от 13 января). Журнальная публикация осталась ему, видимо, неизвестной. Текст из книги Ф. Гринопа был напечатан в обратном переводе в СС (Т. 1. С. 329—337) с неверным названием: «Черновик дневника».

Сопоставление английского текста с сохранившейся тетрадкой ПД позволяет уверенно говорить, что именно записи из этой тетрадки явились источником английского варианта. В отличие от более поздней обработки для РПТ этот вариант передает полевые записи почти без сокращений, причем сохраняются их неупорядоченность и беглость. В самом переводе заметен буквализм, что, видимо, и вызвало со стороны позднейших редакторов множество поправок. Миклухо-Маклай внес в английский текст некоторые дополнения и уточнения, в основном двух родов: одни были подсказаны желанием автора по возможности выйти за пределы двухнедельных записей и дать читателю более пространную информацию; другие, фактические, были внесены, возможно, по памяти. Поправки и дополнения, сделанные для английского варианта текста, не были использованы при подготовке РПТ, однако в ней учтены пометы, сделанные в фрагменте карандашом.

Нет необходимости приводить в нашем издании английский текст или давать его обратный перевод полностью. В нижеследующих примечаниях мы приводим в обратном переводе наиболее значимые расхождения и дополнения, отсутствующие как в фрагменте, так и в полном печатном русском тексте дневников 1872 г. (ссылки на рукопись английского текста обозначаются сокращенно: АТ).

Примечания 15, 36 написаны Д. Д. Тумаркиным, 35 — С. А. Маретиной. Остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ В АТ добавлено: «которые были порублены людьми с „Витязя“ в прошлом сентябре».

² В АТ добавлено: «и почти 2 дюйма в диаметре».

³ В АТ примечание к этим словам: «Этот термометр был сконструирован согласно инструкциям проф. Е. Шмидта из Иены; этот превосходный термометр был заключен в стеклянную трубку, которая давала возможность попадать воде вовнутрь, так что шарик термометра оставался на достигнутой температуре и не мог измениться при температуре воздуха».

⁴ В АТ так обозначается имя Ульсона — W.

⁵ В АТ: «При моем первом знакомстве с образчиками папуасской расы на Новой Ирландии в августе прошлого года я был склонен усомниться в правильности этого положения, принятого многими знаменитыми антропологами, но у меня не

было возможности сделать убедительное наблюдение из-за густо завитой копны волос моих соседей».

⁶ В АТ: «Я хорошо знал, что взрослые слишком много думают о своих волосах, чтобы мне попросить срезать частичку у самой кожи; но я надеялся, что смогу склонить одного из мальчиков».

⁷ В АТ дополнительно: «Я наполовину думал, как выполнить свое намерение, наполовину прислушивался к ветру между листвой высоких деревьев вокруг меня и к монотонному плеску волн на коралловом рифе».

⁸ В АТ: «Коле объяснил мне, что они спешат и что им еще предстоит долгий путь».

⁹ В АТ далее: «Он делал это с помощью двух раковин, пользуясь ими как пинцетом; края их были отшлифованы (если их оставить в естественном состоянии, края раковин не смыкались бы полностью и не могли бы употребляться тем же способом, что пинцет)».

¹⁰ В АТ далее: «А Лалу сидел тихо, на его лице не двигался ни один мускул».

¹¹ В АТ добавлено: «(что может объяснить терпение Лалу)».

¹² В АТ далее: «Он извлек из своей сумки хорошо сплетенный шнур, выбеленный известью и имевший на обоих концах по деревянной шпильке, туго обвязав его вокруг головы, воткнул шпильки в волосы сзади так, чтобы держались передние волосы».

¹³ В АТ: «с запада».

¹⁴ В АТ: «около мили».

¹⁵ В АТ далее: «Цвет его кожи соответствует № 2 таблицы Броса». Имеется в виду Брока Пьер-Поль (1824—1880) — известный французский врач и ученый, один из основоположников антропологии, основатель Парижского антропологического общества (1859 г.) и журнала «Revue d'Anthropologie» (1872 г.). Таблица цветов кожи опубликована им в кн.: *Broca P. Instructions générales pour les recherches anthropologiques*. P., 1865.

¹⁶ Источник цитаты — стихотворение В. Гёте 1823 г. «Marienbader Elegie» (указано Н. О. Гучинской). Цитата неточна (у Гёте: *Die Einzelheiten sammelt*). Смысловой перевод: «Наблюдайте, изучайте, собирайте (все подробности) — и пусть ваш лепет передаст тайну природы».

¹⁷ Таким образом Миклухо-Маклай обозначал в ПД очередной день с момента высадки на Новой Гвинее. Начало отсчета — 22 сентября, хотя впервые Миклухо-Маклай вступил на берег 20-го: либо в его отсчет вкралась ошибка, либо 22-му он придавал особое значение (в этот день начали строить для него хижину).

¹⁸ В АТ здесь: «...протянули мне два саргана. Я сообщил им, как только мог, что явился посмотреть, как они ловят рыбу; этим я удовлетворил их совершенно, и они продолжали прерванную работу».

¹⁹ В АТ: «На платформе каноэ были пучки плотной травы, связанные во многих местах так, что составляли факелы; на корме сидел мужчина, который управлял рулем и гроб; нос занимал мальчик, чье дело было держать факел у поверхности воды, и когда один факел сгорал, он зажигал новый. Главный человек стоял на платформе с юром (гарпун 8 или 9 футов длины, состоящий из длинного бамбукового древка с острями, сделанными из крепкого дерева, отточенными на толстом конце и скрепленными в форме (...)) *(в незнакомом английском тексте здесь слово torches — «факелы»)*. Бросая время от времени правой рукой гарпун в воду совсем рядом с каноэ, он мог обычно всегда поймать его тонкий конец, так как гарпун, достаточно длинный, был

сделан из легкого бамбука. Две или три рыбы почти каждый раз были посажены на острия; чтобы сбросить их с острия на дно каноэ, человек пользовался правой ногой (...) Я подумал, что эта последняя операция требовала огромной ловкости, потому что очень маленькое и легкое каноэ раскачивалось в беспокойной воде, и он должен был сохранять равновесие, стоя на одной ноге. Понаблюдав некоторое время за ними, я направился к дому».

²⁰ В АТ вместо этой фразы: «Я отправился в моей лодке обследовать дым на холмах — это единственный способ выяснить положение деревень на холмах, и утро — самое подходящее время для этого, когда все спокойно, туземцы готовят утреннюю еду и отсутствие ветра делает дым ясным. Я установил таким образом положение двух или трех деревень, которые я надеюсь посетить. От туземцев я не получаю никакой информации относительно их соседей, так как они не хотят, чтобы я знал еще людей, кроме них».

²¹ Очевидно, имеется в виду *барла* — помост, на котором папуасы ели и спали.

²² В АТ далее: «Вечерняя еда была готова, я увидел содержимое горшков, которое Туй распределил по трем табирам. Выложив таро и несколько свертков сваренных листьев в самый большой табир, он предложил его мне. Я отказался, но взял сверток, желая знать, что в нем. Я принес его домой и обнаружил, что в нем находилась рыба сарган, которая, будучи уже испечена вчера, была еще раз изжарена на листьях».

²³ В АТ вместо «Перед приходом ~ в хижины»: «Перед тем как войти в деревню, я давал знать о своем приближении звуком свистка; дважды я убедился, что таким образом я предупреждал общую тревогу в деревне и давал время женщинам и детям удалиться: это было более удобно, так как всякий раз, когда я являлся неожиданно, бедные встревоженные женщины кидались в буш и прятались, не считаясь ни с чем. Теперь, когда они слышат сигнал моего прихода, они знают, что Маклай не войдет, не дождавшись, пока они уйдут. Я обнаружил у входа в эту деревню старое бревно, где тем временем отдыхал. С тех пор как я принял этот новый способ входа в деревню, я нашел, что мужское население принимало меня более доброжелательно, не вооружалось».

²⁴ В АТ далее: «Дрожь становилась более частой каждые 5 мин. Несмотря на то, что я был очень тепло одет: в две фланелевые рубашки, две пары фланелевых брюк, одеяло на коленях и другое на плечах — я очень мерз и все больше с каждым часом, очень кружилась голова, и только крепко поддерживая голову левой рукой, я был способен писать».

Весь день вчера и до 6 вечера сегодня я не мог чего-либо делать и только лежал и терпеливо ждал — с ужасной головной болью — когда приступ кончится. Около 6 мне стало лучше, но сейчас, немногим более часа спустя, я снова чувствую симптомы свежего приступа. В течение последних 24 часов, испытываю три пароксизма лихорадки, я проглотил почти 4 гр. хинина (0,5 каждый раз)».

²⁵ В АТ далее: «Моя голова слишком тяжела и моя рука слишком дрожит, чтобы писать дальше. Сейчас только 8 часов, но я чувствую, что самое лучшее, что я могу сделать, — это вернуться снова в постель».

²⁶ В последних строках записи в ПД почерк становится все более неровным и размашистым. Слово «мозг» растянуто почти на всю строку, заканчиваясь волнистыми линиями и черточками. Запись несомненно обрывается из-за того, что перо выпадает из пальцев писавшего.

²⁷ В АТ вместо «и я при этом ~ неприятность положения»: «абсолютное отращивание к пище или, во всяком случае, к пище, которую я мог получить. Отсут-

ствие пищи (за исключением чая и холодного таро вместо хлеба) сделало меня очень слабым, и только помогая себе обеими руками, я мог выползти на веранду, чтобы сделать три ежедневных метеорологических наблюдения. Чтобы взять лекарства, я должен был поддерживать одной рукой другую, ведя ложку в безопасности ко рту, — так страшно тряслись мои руки. Вчера у меня очень кружилась голова, чтобы сидеть долго на стуле, и лицо было очень сильно вздуто. Сегодня я могу двигаться, и вздутие на лбу и около глаз частично исчезло. Много раз в течение этих дней».

²⁸ В АТ далее: «От него ни малейшей пользы, когда я болен. Я возражаю против того, чтобы за мной ухаживали, и предпочитаю быть оставленным в одиночестве, когда я нездоров, но Ульсон заходит слишком далеко: он ни разу не спросил меня в течение этих пяти дней лихорадки, хочу ли я есть, и я должен был приказывать ему вскипятить мне воды для чая».

²⁹ В АТ вместо этой фразы — запись от 12 января: «Сегодня я вполне здоров и мог заниматься на веранде анатомической работой».

³⁰ В АТ вместо этой фразы: «Туй, Ульсон и я вошли в лодку, начался дождь, и пристать к открытому берегу было опасно из-за сильного прилива».

³¹ В АТ далее: «Я выбрал одного, который выглядел самым сильным, но он нашел меня очень тяжелым и после в течение некоторого времени тер свое плечо».

³² В АТ далее: «К этому времени женщины и дети удалились, и это место выглядело почти необитаемым. Проходя буамрамры (дома-клубы), я не забывал оставлять горсть бус и полоски цветной материи, объясняя сопровождавшим меня, что это предназначено для женщин и детей окружающих хижин. Деревня состояла из нескольких групп хижин, выстроенных вокруг большого открытого пространства; каждая имела буамрамру, которую туземцы предлагали мне посетить (без сомнения, ради того, чтобы я оставил немного пустяков для их женщин). Я прошел 5 буамрамр и пришел к 6-й, где другая толпа мужчин встретила меня, снова выкрикивая «э-аба!» и «э-ме-ме» и трясая руки. Я был рад отдохнуть, сидя на чистой бамбуковой скамье — барле. Это была буамрамра, где они решили принять меня. Буамрамра была около 40 фут. длины и 16 фут. ширины и более 22 фут. в высоту, была открыта с обоих концов, имела вид большого сарая без стен, так как крыша достигала земли. Два прочных столба из крепкого дерева поддерживали крышу и четыре тяжелых столба в каждом углу с верхним концом в виде седла, на которых покоились горизонтальные балки. Эти 6 столбов и 3 длинные балки образовывали каркас постройки, все остальное состояло из длинных стеблей *Saccharum Konigii* и сплетенных кокосовых листьев, на обеих сторонах были укреплены барлы около 3 фут. высоты и 4 фут. ширины».

³³ Подпись к рисунку: «вертикальный разрез общественного сарая папуасов». Подписи к отдельным частям хижины: «привешенное оружие; нары; посуда; бананы, кокосы».

³⁴ Текст фрагмента возобновляется с середины записи от 7 февраля (ср. соответствующее место в основном дневнике, с. 149 наст. тома). Сопоставление с основным текстом позволяет думать, что утраченные листы фрагмента ПД содержали записи от 17, 25 января и 7 февраля. Видимо, в это время Миклухо-Маклай вел дневник крайне нерегулярно, хотя и подробно.

³⁵ *Майя* — термин философии веданта, вошедший и в общую доктрину брахманизма. Он означает представление о мировой иллюзии, отражающей нереальность, относительность окружающего мира в противоположность единственной первичной реальности — мировой душе, абсолюту — брахману (атману). Цель жизни —

выход из призрачного мира перерождений, созданного чарами майи, и слияние с единым божеством — брахманом. См. об этом: Философские тексты «Махабхараты». Вып. 1. Кн. 1. Бхагаватгита. Ашхабад, 1977. С. 324; *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 2. М., 1957. С. 410; *Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В.* Мудрецы и философы Древней Индии. М., 1975. С. 52. Миклухо-Маклай мог быть знаком с концепциями брахманизма по работам М. Мюллера (*Müller M.* History of Ancient Sanskrit Literature. L., 1859), Ф. Шлегеля (*Schlegel F.* Über die Sprache und Weisheit der Inder. Ein Beitrag zum Begründung der Alterthumskunde. Heidelberg, 1808) и др.

³⁶ Тали (от голл. talie) — ручные подвесные лебедки.

³⁷ В основном тексте дневника записи сравнительно с ПД сдвинуты: пропущена запись от 22 февраля — о пароксизме (она включена в запись от 21 февраля), запись от 23 февраля ошибочно помещена под 21-м. В основном тексте от 22 февраля следует продолжение фразы, оборванной в фрагменте ПД (см. с. 159 наст. т.).

〈Разрозненные заметки об островах Пасхи, Таити, Самоа, Ротума, 1871 г.〉

〈Остров Пасхи〉

Печатаются по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 72 (КЗК—1871, № 3, л. 2 об.—8).

Большая часть заметок в КЗК—1871, № 3, относящихся к о. Пасхи, была использована Миклухо-Маклаем при подготовке первой части очерка «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева» и потому в настоящую публикацию не включается. Не включены также те из неиспользованных заметок, которые являются простыми выписками из источников.

Примечания 13 (частично), 14 (частично), 18, 20 (частично), 35, 36, 39—41, 43, 44 выполнены Д. Д. Тумаркиным; 6—10, 22, 26—28, 38 — И. К. Федоровой. Остальные примечания сделаны Б. Н. Путиловым.

¹ В рукописи здесь (л. 5) рисунок дома с подписью: «Скелет из ветвей торомира».

² В рукописи здесь (л. 5) рисунок «знака» с указанием отдельных его частей.

³ О Дютру-Борнье см. в очерке «Острова Рапа-Нуи...»

⁴ См. прим. 32 к очерку «Острова Рапа-Нуи...»

⁵ Заметка дополняет описание табличек с письменами в очерке «Острова Рапа-Нуи...». Она написана уже после посещения о. Таити, но в КЗК—1871, № 3 находится среди рапануйских записей (л. 8—8 об.).

⁶ Подаренная Миклухо-Маклаю епископом Жоссаном дощечка далее не описывается. Ныне называемая ленинградской, она хранится в МАЭ (№ 402-13).

⁷ По-видимому, имеется в виду дощечка, фигурирующая у Бартеля под литерой D (см.: *Bartel Th.* Grundlagen zur Entriff erung der Osterinselschrift. Hamburg, 1958). В литературе известна также под названием «дощечка с выемкой».

⁸ Дощечка 2 представляет собою, видимо, экземпляр Кеити (по Бартелю — экземпляр E). Приводимые Миклухо-Маклаем размеры близки к принятым в науке (39×13 см). Знаки подсчитаны им приблизительно: на дощечке E на одной стороне 8,5 строк, на другой — 9.

⁹ Судя по количеству строк и знаков, это — дощечка Аруку Куренга (по Бартелю — экземпляр В).

¹⁰ Судя по количеству строк и знаков, это дощечка Тахуа (по Бартелю — экземпляр А).

〈Остров Таити〉

I. Печатается по: Тетр.—1871, л. 38. Короткая запись следует непосредственно за черновиком последней части очерка «Острова Рапа-Нуи...» По-видимому, она должна была служить продолжением его. Далее в Тетр.—1871 следуют чистые листы.

II. Печатается по: РПА — Таити. Впервые: СС. Т. 1. С. 70, не полностью и с несколькими поправками.

Записи ввиду фрагментарности и из-за стершегося карандаша прочтываются с большим трудом, и содержание их разъясняется лишь частично.

III. Печатается по: КЗК—1871, № 3, л. 22—29.

Наряду с публикуемыми здесь записями, в КЗК есть записи, не поддающиеся удовлетворительному прочтению, а также чисто деловые заметки, расчеты, относящиеся к приобретавшимся для Новой Гвинеи предметам. Кроме того, здесь же — рисунки и наброски видов, памятников и предметов.

¹¹ О Брандере см. в первой части очерка «Острова Рапа-Нуи...» и в прим. 8 к этому очерку. Судя по воспоминаниям В. П. Перелешина (С. 23—24), Миклухо-Маклай здесь имеет в виду прием, устроенный Брандером для русских и американских моряков, на котором присутствовали местная знать, губернатор и члены семьи Брандера. По словам Ф. К. Кролевецкого, «богатый негоциант Брандер (...) живет на о. Таити, и его гостеприимство знакомо всем нашим судам, посещавшим этот остров» (Кролевецкий. С. 185).

¹² Из воспоминаний П. Н. Назимова: «Здоровье Миклухи требовало спокойствия и берегового воздуха, а потому он немедленно нанял себе помещение на берегу; несмотря на это, будучи уже в волнении от приближения цели нашего плавания, выздоровление шло не только медленно, но даже не улучшалось, почему к физическим болям, видимо, прибавился моральный упадок духа. При всем желании поддержать молодого человека не было никакой возможности, он становился раздражителен...» (С. 77).

¹³ Из воспоминаний П. Назимова: «Здесь на Таити я познакомил Миклуху с г-м Стюартом, который, имея сношения с Сиднеем, взялся снабдить его товарами и деньгами по кредитиву, который имел Миклуха на Сидней». По первоначальному плану предполагалось, что «Витязь» на пути на Новую Гвинею зайдет в Сидней, где Миклухо-Маклай намеревался осуществить подготовку материальной части своей экспедиции. По словам П. Назимова, Миклухо-Маклай был вынужден приобрести у Стюарта товары (для подарков и обмена с аборигенами) «самого дурного достоинства» (С. 77).

Шотландский авантюрист Уильям Стюарт занимался на Таити не только торговыми операциями. В 1864 г. он организовал акционерную компанию, которая создала крупную хлопковую плантацию в Аtimaоно (округ Папара на южном по-

бережье о. Таити). На плантации работали китайцы и островитяне с различных архипелагов Океании, доставлявшиеся на Таити вербовщиками. См. подробнее: *Newbury C. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945. Honolulu, 1980. P. 168—172.*

¹⁴ В округ Папара, где в то время находилась таитянская королева Помаре IV, русские моряки были приглашены для участия в празднике по случаю завершения постройки административного здания. По словам Ф. Крелевецкого, «в довольно хорошем, европейской постройки доме, в котором нас принимала королева, она собственно не живет, а занимает построенный рядом с домом небольшой сарай, у которого только две стены, а остальное пространство открыто. Отсюда открывается вид на море» (Крелевский. С. 191—192). В воспоминаниях В. Перелешина содержится много подробностей поездки офицеров «Витязя» в Папару: праздничной обстановки, приема гостей, трапезы и красочного представления (С. 25—27). См. также выписку из донесения П. Назимова: Кр. вест. 1872, № 3. По-видимому, Миклухо-Маклай ездил в Папару в той же компании. *Una-una* — пляски таитян (описание их Миклухо-Маклаем см. в разделе III).

¹⁵ Как вспоминает В. Перелешин, праздник 26 июля затянулся, «возвращаться на корвет было поздно, и мы остались ночевать у родственника м-ра Брандера, в здании, нарочно выстроенном на случай приезжих гостей» (С. 27). На следующий день и состоялось посещение Миклухо-Маклаем королевы — «старой Помаре», лишенной французскими колониальными властями реальной власти. Королеве было в это время около 60 лет; по словам знавших королеву, она понимала французский язык, как парижанка, но отказывалась произнести хотя бы слово на нем (см.: *Hal-dane Ch. Tempest over Tahiti. L., 1963. P. 190*).

По-видимому, Миклухо-Маклай сделал несколько портретов островитян из окружения королевы, а может быть, рисовал и ее. Сохранились 4 портрета: 2 мужских и 2 женских, сделанных на Таити, в том числе портрет 15-летней девушки с венком на голове, подписанный: «Папара, 27 июля».

¹⁶ У Миклухо-Маклая, очевидно, ошибка: речь идет о возвращении в Папете. Возможно, что упоминание о воде связано с прогулкой нескольких человек с «Витязя» к водопаду. Из воспоминаний В. П. Перелешина: «Струя воды, клубясь с высоты 150 метров по отвесной скале в котловину, представляла великолепное зрелище» (С. 28).

¹⁷ Сохранился вложенный в Тетр.—1871 (л. 13) листок с карандашным рисунком, с подписью: «Костюм таитянки на празднике в Папаре».

¹⁸ *Парео*, правильное — *пареу* (таит.) — женская набедренная повязка.

¹⁹ Здесь имеется в виду то самое здание, завершение которого послужило основанием для праздника.

²⁰ Вот как описывает те же пляски в Папаре В. Перелешин: «После вкусного завтрака внезапно раздались дробные звуки барабана, на которые сбегался народ на помянутую уже площадку, где трепетали два живые венка, голубой и розовый, из каначек, в легких распахнутых блузах, с венками зелени и цветов в черных блестящих волосах. Но не долго эти животрепещущие веночки рисовались своей наивностью и скромностью; за дружным хоровым пением из-за пасторальной драпировки повеяло вдруг страстным чадом и зарябились и заискрились цинические рожки духа вакханалии и дикой пластики и взвилась на дыбы разнузданная природа, вмиг наэлектризованная как бы магическим пением. С художественной точки зрения все это, конечно, подергивалось очаровательным колоритом; самая разнузданность вы-

купалась грацией; змеиное судорожное извивание — каким-то детским наивным *laissez aller*» (С. 26—27). Подробное описание таитянских плясок, с характеристикой их содержания и бытовых функций, см.: *Oliver D. L. Ancient Tahitian Society*, vol. 1. *Ethnography*. Canberra, 1974.

²¹ *Morai* (в современном написании также: *marai*, *marae*) — места погребения умерших и одновременно святилища, места поклонения духам, жертвоприношений им. *Morai* описаны уже Дж. Куком. Согласно описаниям Д. Оливера, постоянные *marai* (были также и временные) представляли собой специальные участки земли, окруженные деревьями; внутри участков лежали каменные плиты с поставленными в головах их камнями, к задним стенкам которых были прикреплены резные доски; могли быть также в виде платформ на резных или полированных деревянных столбах. В специально отведенных местах хранились ритуальные предметы (*Oliver D. Ancient... P. 87—106*. См. также: *Haldane Ch. Tempest... P. 8—11*). Возможно, что Миклухо-Маклай видел остатки самого крупного на Таити *marai* — десятиступенчатую пирамиду *Mehaitea*. Ср. рис. на л. 27.

²² По мнению очевидцев, «идолы» таитян — изображения их богов представляли собой довольно бесформенные деревянные фигуры высотой от 30 до 120—130 см; фигуры покрывались тонкой обмоткой из волокна кокосового ореха, орнаментировались, украшались яркими перьями. Наиболее почитаемыми были изображения бога Таароа. Д. Оливер описывает *mo'o* — деревянные фигуры, изображавшие духов и предков, хранившиеся в специальных укрытиях в *marai* (*Oliver D. Ancient... P. 77*).

²³ Имеется в виду фактический захват о. Пасхи агентами Брандера и их самоуправство там (см. первую часть очерка «Острова Рапа-Нуи...»).

²⁴ Пасквитянами Миклухо-Маклай называет жителей о. Пасхи.

²⁵ О поездке на хлопковую плантацию в Аtimaono пишет в своих воспоминаниях В. П. Перелешин (С. 24—25). Участие Миклухо-Маклая в поездке подтверждается наличием женского портрета с подписью: «*Atimaono*».

²⁶ Вопрос об обычае *тепи* был предложен Миклухо-Маклаю в программе по этнографии и антропологии, присланной А. Бастианом (см. т. 3 наст. изд.). Обычай *ти* (или, с артиклем, *те ну*) — это обычай табуирования некоторых слогов имени верховного вождя или его наследника, согласно которому все подданные должны были избегать употребления слов, составлявших или напоминавших эти имена. Неточное написание («тепи») у Миклухо-Маклая и в вопроснике А. Бастиана восходит к неправильной записи этого термина в работе А. Шамиссо: *Chamisso A. Bemerkungen und Ansichten auf einer Entdeckungsreise unternommen in den Jahren 1814—1818*. Weimar, 1821. S. 46.

²⁷ Миклухо-Маклай имеет в виду Оту (или Ту) — родоначальника королевской династии Помаре, победившего в ожесточенной междоусобной борьбе в 1772—1773 гг. О встречах с Оту в 1773 и 1774 г. много пишет в своей книге Дж. Кук.

²⁸ Так, например, слово *маре* (кашель) забыто теперь на Таити в результате табу, наложенного верховным вождем Помаре (имя которого включает морфему *маре*) в связи с его болезнью, сопровождавшейся сильными приступами кашля. В значении «кашель» сохранилось в таитянском языке лишь слово *хота*.

²⁹ Это заключение Миклухо-Маклай сделал на основании чтения книги П. Фитцроя (*Fitzroy P. Narrative of the Surveying Voyage of His Majesty's Ships Adventure and Beagle, between the Years 1826 and 1836*. 3 vols. L., 1839), выписки из которой есть в ЗК—1871, № 2 (л. 7 об.). Здесь же записано: «Мое имя таитяне произносили Макрай, имя Кука обращено было в Тут».

(Самоа)

Печатается по: КЗК—1871, № 3, л. 34—46.

³⁰ «Витязь» бросил якорь в порту Апиа. Согласно воспоминаниям П. Н. Назимова, «с Таити я отправился с корветом по просьбе господина Миклухи-Маклая на группу Самоа, или Навигаторские острова, к о. Уполу, где находится агент гамбургского дома Годафруа, от которого Миклуха имел род предписания агентам этого дома содействовать ему во всем безвозмездно. (...) Агент дома Годафруа г-н Вебер отыскал ему двух слуг, один, швед, матрос, имя его Wilson (...) другой — дикарь по прозванию Бой, татуированный житель о. Ниу (Ниуэ. — *Ped.*), не понимающий никакого языка. (...) В 9 дней Миклуха, приобретя еще огромное количество разных запасов для мены с дикарями, перебрался на корвет, будучи еще совершенно болен и пораженный язвами злокачественного свойства» (С. 78). Миклухо-Маклай в письме Ф. Р. Остен-Сакену от 19 августа называет Г. Т. Вебера германским консулом. Здесь же, а также в письме к матери от того же числа он сообщает о результатах пребывания на о. Уполу и о дальнейших планах, не упоминая о своем нездоровье (см. т. 5 наст. изд.). О пребывании «Витязя» на Самоа см. еще у В. П. Перелешина (С. 29—36). «Витязь» ушел из Апии 22 августа.

³¹ В рукописи здесь (л. 34) набросок дома с указанием отдельных его частей. На л. 46 и 46 об. — два рисунка с подписями: под первым — «Дома в Самоа есть и каменные, а также на сваях *<неск. нрзб>*»; под вторым — «Основание фундаментов домов овальное, довольно высокое, ф. 3».

³² В рукописи здесь (л. 34 об.) — рисунки с образцами орнамента.

³³ Эта фраза является подписью к рисунку на л. 34 об.

³⁴ О Вебере см. выше прим. 30.

³⁵ Под «коммунизмом в Самоа» Миклухо-Маклай имеет в виду коллективную собственность на землю, обычаи совместного труда, взаимопомощи и распределения пищи в большесемейной общине (*аинга*). Колонизаторы осуждали эти обычаи, так как они мешали эксплуатации самоанцев. Опираясь на традиционную социальную систему, местные жители наотрез отказывались работать на плантациях, созданных европейскими и американскими колонизаторами, и плантаторам приходилось ввозить на Самоа законтрактованных рабочих с других островов Океании.

³⁶ Подобно большинству современных ему исследователей Миклухо-Маклай под Полинезией понимает всю Океанию, а под «восточными островами Полинезии» — собственно Полинезию. Представление о том, что полинезийцы в отличие от меланезийцев не знали гончарства, было опровергнуто лишь в 50—60-х годах XX в., когда археологи установили, что керамика была в прошлом известна обитателям ряда полинезийских архипелагов, в частности Тонга и Маркизских островов. Ко времени появления европейцев изготовление керамики в Полинезии по ряду причин прекратилось.

³⁷ Эта запись является подписью к рисунку на л. 38 об. На л. 39 есть еще один набросок гробницы на Самоа, а также рисунок лодки с гребцом (подпись к нему: «шлюбки на Самоа»).

³⁸ Правильно — *aitu* (aitu); в самоанском языке означает «дух, призрак».

³⁹ Матауту — деревня на юго-западном побережье о. Уполу. По сообщению В. П. Перелешина (с. 31), русские моряки были приглашены туда на праздник самоанским «королем» Мало-тоа-пео (правильно — Малиетоа), посетившим корвет «Витязь».

⁴⁰ Описание плясок в Матауту оставил и В. Перелешин: «Музыка была самая доморожденная. Какое-то глухое кланканье бамбуковой трости по цилиндрической циночке, вмещающей в себе шесть бамбуковых палочек мал-мала меньше, связанных между собою. Несколько пар, подернутые слегка поясками стыдливости, до того разошлись под звуки подобного там-тама, что спустили с себя, как бы нечаянно, и последние пояски и вошли в какой-то дикий пафос безобразия. Атлетическое телосложение, мужественность, ловкость и природная грация туземцев, как кажется, были бы весьма достаточными данными, чтобы удовлетворить вкус самого требовательного натуралиста. Черные блестящие глаза, безукоризненной белизны зубы служат им лучшей рекомендацией. Но что портит их, так это у многих страсть обстригать волосы, которыми природа их так щедро наделяет, и мазать головы известью с целью довести их до рыжеватости и поставить их дыбом. Впрочем, некоторые собирают их, еще по старой моде, в один пучок и схватывают их шнурком, что, по-моему, гораздо проще и натуральнее. Татуировка от пояса до колен ясно свидетельствует, что внешность у них далеко не на последнем плане и чувственность преобладает над разумом» (С. 31—32).

⟨Ротума⟩

Печатается по: КЗК—1871, № 3. С. 46—51.

⁴¹ «Витязь» пришел к о. Ротума 16 августа. Холмистый вулканический остров Ротума, окруженный несколькими мелкими островками, расположен к северу от архипелага Фиджи. Общая площадь суши — ок. 50 км. В 1988 г. насчитывалось ок. 8 тыс. ротуманцев, из которых более трети переселилось на Фиджи.

⁴² В рукописи здесь (л. 46 об.) набросана схема внутреннего расположения дома с подписями к отдельным элементам интерьера: «решетка от крыс», «костер».

⁴³ По мнению современных исследователей, антропологический тип и культура обитателей Ротумы — «результат скрещивающихся влияний со стороны Микронезии, Меланезии и Полинезии» (Пугков П. И. Формирование населения Меланезии. М., 1968. С. 195).

⁴⁴ Согласно подробному донесению П. Н. Назимова (Кр. вест. 1872, № 29) и сообщению В. П. Перелешина (С. 37—38), русские моряки наблюдали ожесточенное соперничество между протестантскими и католическими миссионерами, приведшее к вооруженной борьбе между последователями этих миссий. В 1881 г. остров был аннексирован Великобританией и присоединен к колонии Фиджи. В настоящее время Ротума входит в состав независимого государства Фиджи.

⁴⁵ На л. 50, 50 об., 51 — четыре рисунка с подписями. Общая подпись — «Приготовление кушаний растительных и животных». (1. Очаг): «земля», «листья», «кушанье», «разогретые камни», «угол ямы костра»; «распространен во всей Полинезии». (2). «Гробница очень древняя». (3). «Дом с двумя террасами». (4). «В хижинах крыша поддерживается только столбами (4, 6, 8), которые связаны с продольными кокосовыми веревками».

〈Календарь второго путешествия
на Новую Гвинею
1 января — 30 июля 1874 г.〉

Печатается по: ЗК—1873—1874. Л. 10 об. Впервые: СС. Т. 2. С. 114—115, с рядом поправок и неточно.

В ЗК «Календарь» перебивает ПД: на л. 10 заканчиваются записи 1873 г., на л. 11 начинаются записи 1874 г. Первоначально Миклухо-Маклай собирался начать их на л. 10 об. — здесь сохранилась дата «1874» и зачеркнуто «январь»; затем он оставил страницу свободной и позднее заполнил ее «Календарем». Запись сделана в два столбца, чернилами и карандашом; на полях поперек текста — названия месяцев.

В ЗК—1873—1874 (л. 96) есть еще набросок, относящийся к календарю путешествия:

«Предположение	Исполнение
Февраль	
10 или 12 — из Амбоины	14
25 — Гвинея	27
Май, апрель	Май — назад
Июнь — Амбоина	
Июль — Тернате	
Август — Бюйтенцорг».	

В нашей публикации унифицировано обозначение дат.

¹ Имеется в виду нападение на поселение в Айве, происшедшее в отсутствие Миклухо-Маклая.

〈Разные заметки.
Май — ноябрь 1874 г.〉

«В местности Сафар...» Печатается впервые по: КЗК—1874, 1. Л. 2.

«Самаранг». Печатается впервые по: КЗК—1874, 2. Л. 8.

«Приблизительная смета...» Печатается по: ЗК—1873—1874. Л. 66.

«До 23 мая оставался...» Печатается по: ЗК—1873—1874. Л. 75 об. Впервые: СС. Т. 2. С. 103, как заключительная заметка к «Возвращению из Папуа-Ковий».

Текст карандашом, прочитывается с трудом. Несомненно представляет собой один из черновых вариантов сопроводительного письма к отчету «Моя вторая экскурсия...», публикуемому в наст. томе.

«Употребил с пользой...» Печатается впервые по: РПЛ—1874. Заметка относится скорее всего к середине ноября 1874 г.

¹ О *масое* см. прим. автора в статье «Моя вторая экскурсия...», с. 354.

² См. еще расчеты по экспедиции в наст. томе, с. 351.

³ Ср. расчеты по экспедиции в КЗК—1874, 2. Л. 15: «Людам — 6, Бунгарая — 15, Ар. К. — 2, радье Кильвару — 217, птицы — 15. Давид с 1 февр. получил за 3 мес. 75 fl. до мая, потом 5 fl. Иосиф с 10 февр. получил за 3 мес. 45 fl., потом 6 fl. Папуасы 21—75».

⁴ Дж. Морсби (см. о нем прим. 164 к дневникам 1872 г.) пришел в Амбоину на своем корабле «Basilisk» 2 июня 1874 г. По его собственным словам, здоровье русского путешественника, находившегося в это время в военном госпитале, «было в плачевном состоянии», и, оставляя Амбоину, английские моряки «не рассчитывали, что он останется в живых» (*Moresby John. Discoveries and Surveys in New Guinea and the D'Entrecasteaux Islands. L., 1876. P. 293*).

⁵ Как явствует из дневника Морсби, Миклухо-Маклай описал ему характер захоронения умерших у папуасов и в свою очередь узнал от него некоторые подробности обращения с умершими в районе восточной оконечности Новой Гвинеи. «Наблюдения Маклая большей частью подтверждают наши и доказывают, что папуасы ведут спокойный образ жизни: мужчины охотятся, ловят рыбу, делают лодки и оружие, женщины возделывают землю, носят тяжести и делают домашнюю работу. Он не говорил о войнах или сражениях, и единственная бескровная стычка, виденная нами, должна была показать, что они ценят свои жизни» (*Moresby John. Discoveries... P. 292—293*).

Дж. Морсби подарил Миклухо-Маклаю карту с обозначением пути плавания «Basilisk» вдоль берегов Новой Гвинеи (см.: Изв. РГО, 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 218). Еще заметка, относящаяся к беседе с Морсби, — в КЗК—1874 (л. 12 об.): «Amboina. July. „Basilisk“, Capt. Moresby. Они видели у восточного мыса 3 светлых прямоугольных туземцев в прау. Более и в других местах не видали».

⁶ О болезни в Амбоине говорится более подробно, хотя и очень сдержанно, в письмах Ф. Остен-Сакену и матери от 5 окт. 1874 г. (т. 5 наст. изд.). См. также «Чтение Н. Н. Миклухо-Маклая...» 1882 г. (т. 2 наст. изд.).

⁷ О перемене планов см. заметку «До 23 мая оставался...» на той же странице.

⁸ О возвращении Миклухо-Маклая в Батавию из второго путешествия на Новую Гвинею в русской печати были краткие сообщения: Моск. вед. 1874, № 274 (со ссылкой на них: Кр. вест. № 116); СПб. вед. № 273 и 274; Изв. РГО. 1874. Т. X. № 4. Отд. 2. С. 174—175 (отсюда — Кр. вест. № 106); № 8. С. 397.

⁹ О планах Миклухо-Маклая «продолжать свои научные антропологические и этнографические исследования на о. Яве и в его окрестностях» см.: Моск. вед. 1874. № 274 (то же: Кр. вест. № 116).

¹⁰ О решении осуществить путешествие по Малаккскому полуострову см. письма Ф. Остен-Сакену и матери от 5 окт. 1874 г. (т. 5 наст. изд.).

¹¹ Имеются в виду: *Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Macclay-Küste in Neu-Guinea // Natuurkundig Tijdschrift... 1875—1876*. О работе над статьей в это время см. письмо в РГО от 22 ноября 1874 г. (т. 5 наст. изд.).

Список сокращений

Архивы. Научные учреждения

АГО — Архив Географического общества СССР
АИЭ (Л) — Архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР
ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЦГАВМФ — Центральный Государственный архив военно-морского флота
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства
ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде

Типы рукописей Н. Н. Миклухо-Маклая

ЗК — записная книжка	РПЛ — разрозненные полевые листки
КЗК — карманная записная книжка	РПТ — рукопись первого тома
ПД — полевой дневник	Тетр. — тетрадь

Издания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая

1923 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. / Со вступит. статьей Д. Н. Анучина. М., 1923. 616 с. + Карта путешествий Миклухи-Маклая
1940, 1941 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1—2 / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940—1941. Т. 1: 364 с. + XVIII с. таблиц; Т. 2: 300 с. + XI с. таблиц
СС. Т. — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Дневники путешествий 1870—1872. М.; Л., 1950. 416 с.; Т. II. Дневники путешествий (1873—1887). М.; Л., 1950. 819 с.; Т. III. Часть 1.

Статьи по антропологии и этнографии. 1951. 559 с.; Т. III. Часть 2. Статьи по зоологии, географии и метеорологии. 1952. 468 с.; Т. IV. Переписка и другие материалы. 1953. 595 с.; Т. V. Рисунки и этнографические коллекции. 1954. 464 с.

Отдельные произведения Н. Н. Миклухо-Маклая

- Антроп. заметки — Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее
 Деревни берег, папуасов — Деревни береговых папуасов в заливе Астролябии
 Краткое сообщение — Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинее в 1871 и 1872 гг.
 Лекции — Конспекты лекций в Географическом обществе о путешествиях в Океании
 Папуас. диал. Берега Маклая — Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее
 Следы иск. у папуасов — Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее
 Этнол. заметки — Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее

Различные печатные и рукописные источники

- А. Р. — А. Р. Поиски клипера «Изумруд» за Н. Н. Миклухо-Маклаем // Вест. Евр. 1874. Кн. 5. С. 86—112; Кн. 6. С. 673—704
 Бирж. вед. — Биржевые ведомости (газета). Петербург
 Вахт. журн. «Витязя» — Вахтенный журнал корвета «Витязь». ЦГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 10028³. Л. 123
 Вест. Евр. — Вестник Европы (журнал). Петербург
 Всем. илл. — Всемирная иллюстрация (журнал). Петербург
 Голос — Голос (газета). Петербург
 Живоп. обзор. — Живописное обозрение (журнал). Петербург
 Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества (журнал). Петербург
 Изв. ГГО — Известия Государственного географического общества (журнал). Ленинград
 Изв. РГО — Известия имп. Русского географического общества (журнал). Петербург
 Иллюстр. нед. — Иллюстрированная неделя (журнал). Петербург
 Кр. вест. — Кронштадтский вестник (газета). Петербург

- Кролевецкий — *Кролевецкий Ф. К.* Медицинский корабельный журнал корвета «Витязь» в кампании 1870—1874 гг. // Медицинское прибавление к «Морскому сборнику». СПб., 1878. Т. 17.
- Моск. вед. — Московские ведомости (газета)
- На Берегу Маклая — На Берегу Маклая: этнографические очерки. М., 1975.
- Назимов — *Назимов П. Н.* Записка о пребывании натуралиста Миклухи-Маклая на корвете «Витязь» и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астролябия // В ст.: *Полевой Б. П.* Находка полного текста записки П. Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае. СЭ. 1986. № 1. С. 74—81.
- Нов. вр. — Новое время (газета). Петербург
- Нов. и бирж. газ. — Новости и биржевая газета. Петербург
- Перелешин — *Перелешин В.* Путевые впечатления во время плавания на корвете «Витязь» // Морской сборник. 1872. № 3.
- Правит. вест. — Правительственный вестник (газета). Петербург
- СПб. вед. — Санкт-Петербургские ведомости (газета)
- Сын Отеч. — Сын Отечества (газета). Петербург
- Шопенгауэр — *Шопенгауэр Артур.* Полное собрание сочинений. В пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М., 1900—1901. Т. 1—3.
- Cosmos — Cosmos. Comunicazioni sui progressi piu recenti e notevoli della geografia e della scienze affini di Guido Cora. Torino.
- Petermann's Mittheilungen — Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie / Von Dr. A. Petermann. Gotha.
- Schopenhauer, 1859 — *Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vortellung. Leipzig, 1859. B. 1—2.
- Schopenhauer, 1862 — *Schopenhauer A.* Parerga und Paralipomena. Berlin, 1862. B. 1—2.

Содержание

<i>Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. «По следам Миклухо-Маклая»: российские научные экспедиции на берег Маклая в ХХI в.</i>	I
<i>А. В. Тютюрский, Е. В. Говор, К. Баллард. Изучение наследия Н. Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992—2017 гг.</i>	XVII
Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и принципы его издания.	5
Основные даты жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая	23
Плавание на корвете «Витязь» (ноябрь 1870 г.—сентябрь 1871 г.)	
⟨Южная Америка⟩.	29
Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева	59
Новая Гвинея (сентябрь 1871 г.—декабрь 1872 г.)	
Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее	77
Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах	268
Путешествие на Папуа-Ковиай (декабрь 1873 г.—июль 1874 г.)	
⟨Бейтензорг — Амбоина⟩	278
Второе путешествие в Новую Гвинею	288
Возвращение из Папуа-Ковиай	342
Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею	352
Приложения	
⟨Фрагменты полевого дневника за 1872 г.⟩.	361
⟨Разрозненные заметки об островах Пасхи, Таити, Самоа, Ротума. 1871 г.⟩	384
⟨Календарь второго путешествия на Новую Гвинею⟩	395
⟨Разные заметки. Май—ноябрь 1874 г.⟩	396
Комментарии	
Плавание на корвете «Витязь»	399
Новая Гвинея	430
Путешествие на Папуа-Ковиай	456
Приложения	484
Список сокращений	498

Научное издание

Николай Николаевич
Миклухо-Маклай

Собрание сочинений в 6 томах
Второе издание

Исправленное и дополненное

Том 1

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Печатается по изданию: *Миклухо-Маклай Н. Н.*
Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 1. — М.: Наука, 1990. — 472 с.
ISBN 5-02-009930-9

Подписано к печати 15.12.2020 г. Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура KisC BT.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,5. Уч.-изд. л. 37,3.
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1649

Отпечатано по заказу ООГО «Российский фонд культуры»

Адрес для корреспонденции: 199178, Россия, Санкт-Петербург,
Малый пр-т Васильевского острова, д. 58, лит. А, пом. 17-Н
info@mikluho-maclay.ru
Тел. +7(911)908-89-44
www.mikluho-maclay.ru

Отпечатано в типографии «Премнум-Пресс»
193374, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Оптиков, д. 4

ISBN 978-5-4211-0260-1

9 785421 102601